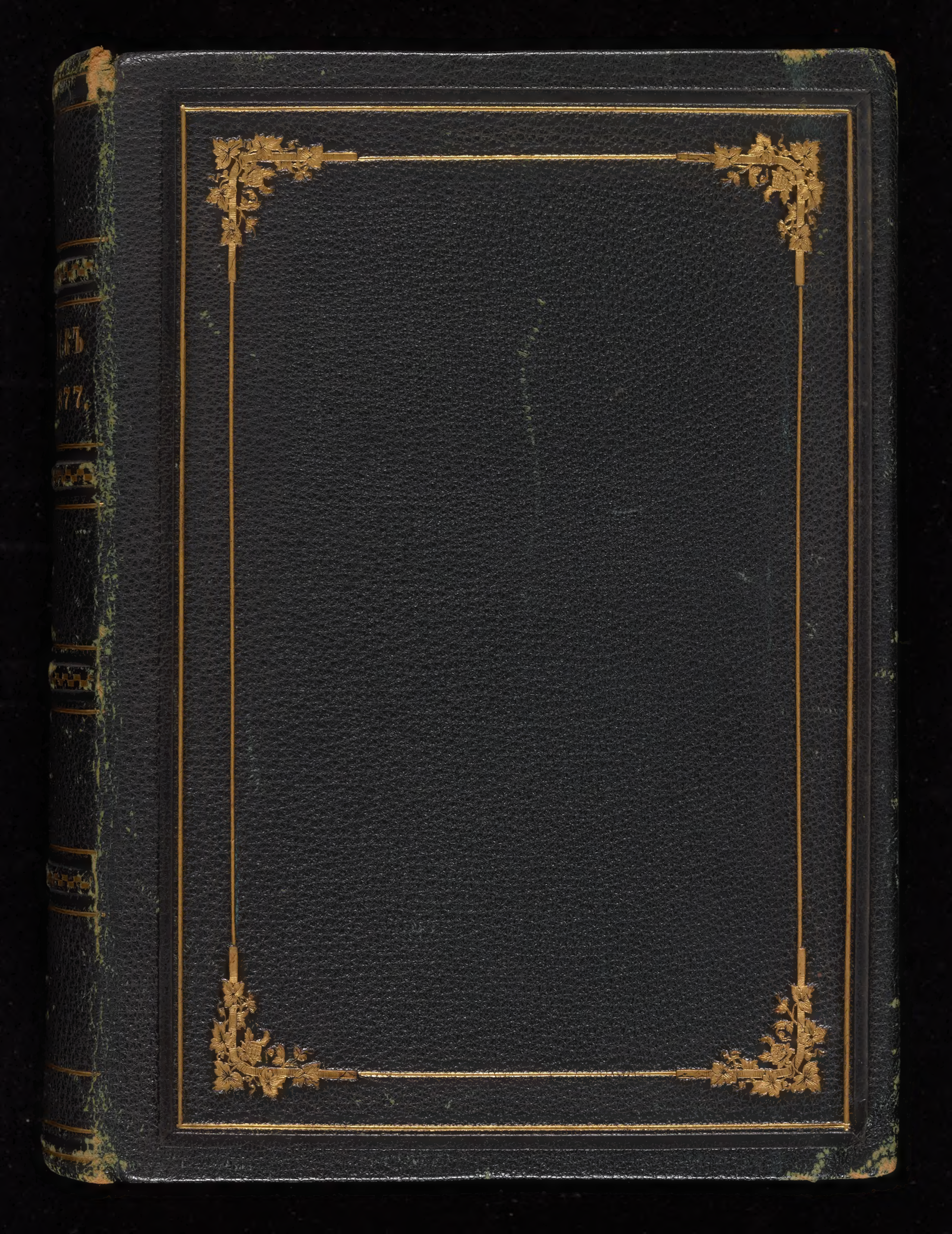


Париж,
5/18 августа 1931 г.
Нина.

(widow of Gen. Spiridovich)

ПАВЛОВСКЪ

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ И ОПИСАНІЕ

1777—1877.

Составлено по порученію Его Императорскаго Высочества

ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1877.

Преобразованіе обширныхъ пустырей въ красивый городокъ Павловскъ, а непроходимыхъ лѣсныхъ чащъ въ сады и паркъ, подобныхъ которымъ немного въ Россіи—дѣло многолѣтнихъ, неутомимыхъ трудовъ Основательницы Павловска—Великой Княгини, впослѣдствіи Императрицы, Маріи Ѳеодоровны. Если Петергофъ донынѣ живо напоминаетъ Петра Великаго, Царское Село—Екатерину II, то съ Павловскомъ неразрывны воспоминанія о Маріи Ѳеодоровнѣ.

Дворецъ отстроенъ по ея начертаніямъ и почти подъ личнымъ ея надзоромъ; при устройствѣ сада и возведеніи въ немъ «увеселительныхъ зданій», Великая Княгиня руководилась воспоминаніями дѣтства: въ Павловскѣ она желала возсоздать паркъ Этюпа, помѣстья ея родителей, близъ города Монбельяра, до 1792 г. принадлежавшаго

герцогамъ Виртембергскимъ,—а также воспоминаніями о путешествіи по Европѣ, 1781—1782 гг., во время котораго Версальскій паркъ, Тріанонъ, Фонтенебло, сельскій бытъ Германіи и Швейцаріи, наконецъ художественные памятники Италіи все это произвело на супругу Великаго Князя Павла Петровича самыя пріятныя впечатлѣнія. Украшая, въ память видѣннаго, Павловскій паркъ—разнообразными зданіями, Великая Княгиня заботилась при этомъ, чтобы каждый «увеселительный» домикъ, здѣсь сооруженный, представлялъ, до извѣстной степени, сочетаніе пріятнаго съ полезнымъ. Такъ напр. при швейцарскомъ домикѣ, Старое Шале, были разбиты небольшой фруктовый садъ и огородъ: здѣсь Августѣйшіе дѣти Императрицы Маріи Ѳеодоровны знакомились съ различными садовыми работами.

Устроивъ изящный дворецъ, обставя его всѣмъ, что было отрадно ея сердцу,—Великая Княгиня не упустила изъ виду тѣхъ учрежденій, безъ которыхъ ей были немыслимы удовольствія: одновременно съ построеніемъ дворца, воздвигнута ею церковь, устроены школа для дѣтей, больница, богадѣльня; кажется, если бы въ удѣлъ Великой Княгинѣ досталось одно только скромное Шале,

то и тогда одну изъ трехъ его комнатокъ она предоставила бы пріюту скорби или нищеты.

Столѣтній періодъ существованія Павловска не представляетъ его бытописателю особеннаго обилія матеріаловъ; но между ними вполнѣ интересны, для исторіи этого города, относящіяся до перваго его двадцатилѣтія, — собственноручныя письма и замѣтки Маріи Ѳеодоровны. Онѣ писаны къ первому, по времени, директору Павловска К. И. Кюхельбекеру и, поднесенныя его дочерью Ю. К. Глинкою Великому Князю Михаилу Павловичу, хранились въ запечатанномъ пакетѣ, безъ надписи, въ дворцовой библіотекѣ. Въ 1875 году пакетъ этотъ вскрытъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и въ немъ оказались документы, драгоцѣнные для исторіи Павловска и жизнеописанія Августѣйшей его Основательницы. Въ найденныхъ письмахъ особенно любопытны свѣдѣнія, касающіяся, во всѣхъ подробностяхъ, времени основанія — такъ сказать — младенчества этого города.

Въ 1782 — 1796 годахъ Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна

*

жили какъ бы въ отдѣльномъ мірѣ, зависимомъ отъ большаго Двора но, въ тоже время, во многомъ довольно замѣтно отличавшемся отъ него складомъ жизни и обычаями.

Гатчина—собственность Цесаревича; Павловскъ вполнѣ художественное произведеніе его супруги. Гатчина—городокъ строгой дисциплины и воинскихъ упражненій; Павловскъ—пріютъ для отдыха Великаго Князя въ семьѣ, среди сельской природы. Здѣсь Великая Княгиня полная хозяйка. Всѣ ея старанія клонятся къ созданію изъ Павловска лѣтней резиденціи—если не по роскоши, то по изяществу и по художественной обстановкѣ—могущей соперничать съ другими резиденціями. Въ лицѣ перваго директора Великая Княгиня находитъ честнаго и старательнаго исполнителя своихъ предначертаній, но встрѣчаетъ множество препятствій въ способахъ къ ихъ осуществленію. Денежныя средства ограничены; при всей расчетливости Августѣйшей Строительницы, неизбѣжны займы; необходимые матеріалы и ихъ доставка требуютъ значительныхъ расходовъ; постройки идутъ съ перерывами; архитекторы-иностранцы, Камеронъ и Гуаренги, относятся къ этому дѣлу чуть не съ пренебреженіемъ: въ особенности

избалованные заказами при большомъ Дворѣ, исполняя тамъ монументальныя постройки, при которыхъ имъ предоставляются громадныя средства—эти художники, въ Павловскѣ, не всегда исполнительны, нерѣдко своенравны и часто отговариваются другими работами. Изъ вельможъ—два, три лица сочувственно относятся къ постепенно созидаемому Павловску: И. И. Бецкій снабжаетъ строительными матеріалами; гр. П. А. Румянцевъ и И. Г. Чернышевъ доставляютъ деревья для сада. Выражаясь сравненіями, скажемъ, что первые годы существованія Павловска были сопряжены—подобно дѣтству человѣка—со многими тягостями и невзгодами. При всемъ томъ, благодаря энергіи Великой Княгини Маріи Θеодоровны, Павловскъ возросталъ.

Въ царствованіе Императора Павла I-го, 1796—1801 гг., Павловскъ украсился—новыми сооруженіями, дворцовыми постройками и садовыми зданіями; паркъ его расширенъ и значительно улучшенъ. Высочайшимъ указомъ, 12-го ноября 1796 г., селеніе «Павловское» переименовано въ городъ «Павловскъ».

Первые мѣсяцы вдовства проведены были Императрицею Маріею Θеодоровною въ Павловскѣ и

съ этого времени начинается новая эпоха, 1801—1828 гг., во всѣхъ отношеніяхъ для него достопамятная. Здѣсь Александръ I-й, по возвращеніи изъ Парижа въ 1814 году, былъ съ торжествомъ встрѣченъ своею Родительницею. Въ этотъ же двадцати-восьмилѣтній періодъ гостями Императрицы, между многими достопамятными, историческими дѣятелями на поприщахъ государственной и военной службы, являлись подвижники науки и искусствъ въ Россіи; такъ, въ Павловскѣ нерѣдко бывали: Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Карамзинъ, Крыловъ, Батюшковъ, Жуковскій; они не разъ встрѣчали вдохновенье, гуляя въ тѣнистыхъ аллеяхъ Павловскаго парка и нерѣдко вносили свои впечатлѣнія на страницы альбомовъ Розоваго Павильона. Здѣсь И. А. Крыловъ написалъ свой прелестный, неувядаемый «Василекъ»; Жуковскій поэтически описалъ «Славянку»; Карамзинъ читалъ блестящія страницы «Исторіи Государства Россійскаго».

Живя въ Павловскѣ Императрица не оставляла дѣлъ благотворенія: ею основано здѣсь первое Училище Глухонѣмыхъ; въ память возвращенія Александра I изъ Парижа учрежденъ инвалидный домъ «Монмартръ»; ею же созданы въ Павловскѣ,

нѣкоторыя другія учебныя и благотворительныя заведенія и учрежденія.

Послѣ кончины Маріи Ѳеодоровны, при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, Павловскъ превратился въ полу-военный городокъ. Вскорѣ желѣзная дорога сблизила его съ Петербургомъ; въ лѣтнюю пору населеніе Павловска, изъ году въ годъ, стало быстро увеличиваться дачниками; воксалъ сталъ привлекать изъ столицы тысячи посѣтителей и гуляющихъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Августѣйшій Владѣтель Павловска съ 1849-го года, отнесся къ созданію незабвенной Основательницы этого города съ глубочайшимъ сочувствіемъ. Въ предѣлахъ Павловска возникъ рядъ новыхъ, вполнѣ достойныхъ памяти Государыни Маріи Ѳеодоровны, учрежденій, посвященныхъ: наукѣ—Обсерваторія, художествамъ — Музей и Картинная Галлерея, искусству—Театръ; въ то же время, украшаясь съ каждымъ годомъ новыми дачами, Павловскъ не измѣнился ни въ паркѣ, ни въ дворцовыхъ и садовыхъ зданіяхъ, свято сохранивъ тотъ видъ, въ какомъ онъ былъ полъ вѣка тому назадъ. Тѣже

«увеселительные домики», каковы: Молочня, Шале, Ферма, Розовый и Елисаветинъ Павильоны, и другіе—украшаютъ Павловскій паркъ, при чемъ, древнѣйшіе изъ нихъ—Крикъ и Старое Шале—ежегодно видятъ въ своихъ стѣнахъ Государя Императора, Государыню Императрицу и особъ Императорской Фамиліи—при посѣщеніи ими Павловска, въ которомъ проведены многіе дни дѣтства и юности нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Историческое описаніе Павловска, составленное по волѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича и изданное Его Высочествомъ въ столѣтнюю годовщину основанія Павловска, есть приношеніе вѣчно достойной памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Павелъ

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПАВЛОВСКА.

.... «un chez-soi, une colonnade, un temple à Pawlovskoé me font plus de plaisir que toutes les beautés d'Italie..

«L'Italie, bien loin de me dégoûter de Pawlovskoé, me le fait chérir encore d'avantage»....

Gr. Duchesse Marie Feodorovna. 1782

1777—1796

Прошелъ лишь съ небольшимъ годъ послѣ Нарвскаго разгрома 1700 г., а воины Петра Великаго уже стали одерживать верхъ надъ храбрымъ непріятелемъ. Такъ, въ исходѣ іюля 1702 г., отрядъ изъ 2,100 человѣкъ пѣхоты и конницы, подъ предводительствомъ стольника Петра Апраксина, вступилъ въ Ингрію. «По твоему указу»—писалъ Апраксинъ Петру Великому отъ 10-го августа—«рѣкою Невою до Тосны и самой Ижорской земли я прошелъ, все раззорилъ и развоевалъ отъ рубежа до рѣки Лавы верстъ на 100; стою на Тоснѣ за 30 верстъ до Канецъ. Тутъ сдѣланъ

Рисунокъ: дворецъ въ Павловскомъ въ 1780 г.

былъ передовымъ отрядомъ Кроніорта, чтобы не пустить насъ за Тосну, городокъ съ тремя пушками. Мы взяли городокъ, разбили до 400 человѣкъ и гнали ихъ верстъ 15 до самой рѣки Ижоры; также взяли и славную мызу Ижорскую. Кроніортъ со всѣмъ войскомъ стоитъ въ мызѣ Дудоровщинѣ [Дудергофъ], верстахъ въ 35-ти отъ насъ; мы пойдемъ на него съ Божіей помощью».

Петръ Великій пожелалъ успѣха Апраксину, но, недовольный раззореніемъ края, который признавалъ русскою областью, замѣтилъ военачальнику: «.... А что по дорогѣ раззорено, то не зѣло пріятно намъ: словесно вамъ говорено и въ наказѣ сказано, чтобы не трогать; а раззорять или брать лучше города, нежели деревни».

13-го августа 1702 г. Апраксинъ встрѣтился съ Кроніортомъ на берегахъ Ижоры; завязалась битва; непріятельская конница, потерявъ до 500 человѣкъ, разбросавъ обозныя телѣги, отступила въ Дудоровщину. Отъ 24-го августа Апраксинъ увѣдомилъ Государя, что «Кроніортъ, разбитый на Ижорѣ, бѣжалъ въ Сарскую мызу, гдѣ постоявъ дня три удалился къ Канцамъ. Прочія войска укрѣпились въ Дудоровщинѣ». Затѣмъ, оправдываясь предъ Петромъ въ раззореніи мызъ и деревень Ижорскаго края, Апраксинъ писалъ: «...я жегъ ихъ по берегамъ Невы, чтобы утѣснить непріятеля въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ. Впрочемъ, теперь запретилъ жечь отъ Сарской мызы къ Канцамъ и къ Дудоровой главной мызѣ».

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Ижорскомъ краѣ не изгладились слѣды опустошеній: на пепелищахъ богатыхъ мызъ и селеній возникли убогія финскія и довольно жалкія русскія деревушки и только мыза Сарская [по фин-

ски Saari-mojs, т. е. «Возвышенная мыза»], подарокъ Петра I, въ 1708 г., его супругѣ Екатеринѣ, обѣщала въ недалекомъ будущемъ, послѣ двадцатилѣтняго запустѣнія, превратиться въ прелестный городокъ — впослѣдствіи Царское Село. Императрица Елисавета Петровна соорудила въ немъ дворецъ—одно изъ изящнѣйшихъ произведеній графа Растрелли; повелѣла развести сады съ тѣнистыми аллеями и зеркальными прудами... но, обращая вниманіе на Царское Село, не приложила заботъ о его окрестностяхъ. Изъ селеній, сосѣднихъ Царскому — одна только Славянка [въ семи верстахъ] — принадлежавшая гр. Михаилу Ларіоновичу Воронцову, имѣла видъ барской усадьбы. Далѣе, верстъ на пятьдесятъ въ окружности, на юго-востокъ отъ Царскаго Села, тянулись лѣсныя чащи, овраги, болота и обширныя поляны; нѣсколько убогихъ деревушекъ, кой-гдѣ разбросанныхъ, придавали нѣкоторую жизнь унылому краю. Эти лѣса, обиловавшіе дичью и звѣрями, изрѣдка привлекали въ свои чащи вельможъ, любителей охоты, въ числѣ ихъ и В. К. Петра Θеодоровича, наслѣдовавшаго Императрицѣ; но и въ его кратковременное царствованіе не было принято никакихъ мѣръ къ оживленію пустыннаго, глухаго края, сопредѣльнаго Царскому Селу. Только со второй половины царствованія Екатерины II началось нѣкоторое оживленіе унылыхъ окрестностей Царскаго.

Первымъ шагомъ къ тому было основаніе, въ двухъ верстахъ отъ Царскаго, довольно большаго селенія, въ 1780 г. наименованнаго уѣзднымъ городомъ Софія. Отъ него весьма неудобная дорога, чрезъ сосновый боръ, вела въ Θедоровскій посадъ. Послѣ пяти верстъ протяженія, дорога раздѣлялась на двѣ вѣтви; боковая

сворачивала влѣво на Ямъ-Ижору. На этомъ пятиверстномъ пространствѣ, кромѣ лѣса и болотъ, было разбросано нѣсколько деревень, подвѣдомственныхъ Царскосельскому Дворцовому Правленію. Въ числѣ ихъ были, вправо отъ Софіи: Кузнецы или Рысь-Кабачокъ и Линна на берегу Славянки, близъ остатковъ шведскихъ укрѣпленій или «городка» Кроніорта. Существуетъ преданіе, что въ окрестностяхъ этихъ деревень В. К. Павелъ Петровичъ въ юности своей неоднократно забавлялся охотою; что, какъ тогда, такъ и послѣ, ему особенно нравились уединенные лѣса на берегахъ Славянки и что въ одномъ изъ нихъ, по повелѣнію Императрицы, былъ выстроенъ небольшой охотничій домъ, названный **Крикъ**, а въ другомъ—таковой же, по имени **Кракъ**. Близкое сосѣдство этой мѣстности съ Царскимъ Селомъ побудило Императрицу обратить на нее вниманіе и она пожелала превратить берега Славянки въ изящную дачу, а обширные лѣса—въ сады и паркъ. Въ подобныхъ случаяхъ Ея Величество имѣла обыкновеніе дарить участки земель вельможамъ. На этотъ разъ подарокъ Императрицы былъ назначенъ ближайшей къ ней особѣ.

«ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА».

Въ 1777 году Императрица Екатерина II, по случаю рожденія первенца-внука Александра, 12-го декабря 1777 года *,—подарила его Родителямъ, Цесаревичу Павлу Петровичу и Великой Княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ, 362 десятины земли, въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села, на юго-востокъ, съ двумя деревеньками—Линна и Кузнецы. Удѣлъ этотъ въ послѣдствіи времени былъ увеличенъ, такъ что къ 1794 году онъ заключалъ уже въ себѣ 879 десятинъ.

Все это обширное пространство, нынѣ занимаемое городомъ Павловскомъ, его садами и паркомъ,—представляло почти сплошную лѣсную чащу, пересѣкаемую извилистою Славянкою, которая при весеннихъ разливахъ образовывала обширныя заводи, а мѣстами и непроходимыя топи. На мѣстѣ нынѣшней крѣпости возвышались остатки укрѣпленія и окоповъ, возведенныхъ Кроніортомъ. Неподалеку

* Storch: Beschreibung des Gartens zu Pawlowsk. S. Petersburg, 1802 г. SS. 58—60. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ даръ своей Родительницы вскорѣ предоставилъ въ полную собственность Великой Княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ, что видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: 15-го января 1788 г., составивъ духовное завѣщаніе и въ немъ перечисливъ свои недвижимыя имѣнія и прочее имущество и распредѣливъ ихъ между членами своего семейства, Цесаревичъ вовсе не упомянулъ о с. Павловскомъ, конечно потому, что оно уже ранѣе 1788 г. было имъ «предоставлено въ собственность» его супругѣ. См. также Полн. Собр. Законовъ т. XXIV № 17540.

отъ нихъ находилась деревушка Линна, далѣе Кузнецы или Рысь-Кабачокъ. Населеніе обѣихъ деревень состояло изъ ста семнадцати душъ обоего пола.

Первыми зданіями, которыя существовали въ лѣсахъ с. Павловскаго, еще до основанія резиденціи, были охотничьи домики Крикъ и Кракъ, изъ коихъ первый донынѣ стоитъ въ паркѣ, близъ Славянки, а второй находится въ пожизненномъ владѣніи вдовы инженеръ-полковника Швабе. Хотя и существуетъ преданіе будто прозвище «Крикъ» дано было охотничьему домику вслѣдствіе крика, слышаннаго на этомъ мѣстѣ В. К. Павломъ Петровичемъ, но вѣрнѣе полагать, что Крикъ и Кракъ— имена почти нарицательныя, которыя въ старину давались въ Германіи садовымъ зданіямъ и охотничьимъ павильонамъ. Такъ, у герцога Карла Леопольда Мекленбургскаго [1678—1747], мужа Царевны Екатерины Іоанновны и родителя Анны Леопольдовны, былъ близъ Ростока охотничій домикъ «Кракъ». Подобными же именами назывались садовыя зданія и у другихъ германскихъ владѣльцевъ, въ числѣ ихъ также у герцога Виртембергскаго, родителя Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны.

И такъ, домикъ Крикъ—донынѣ сохраняемый совершенно въ первобытномъ видѣ—былъ началомъ нынѣшняго Павловска; въ теченіе первыхъ лѣтъ его существованія, Крикъ былъ главнымъ пунктомъ всей мѣстности и назывался «домикомъ Ихъ Высочествъ».

Распоряженія или, по крайней мѣрѣ, предположенія о сооруженіи въ Павловскомъ прочихъ построекъ относятся къ году, когда сдѣланъ былъ Екатериною подарокъ ея сыну и его супругѣ, т. е. къ 1777 году, который, по волѣ Великаго Князя Павла Петровича, и признанъ

годомъ основанія с. Павловскаго, что увѣковѣчено надписью на обелискѣ на берегу Славянки.

Великая Княгиня, приступивъ къ созданію с. Павловскаго, избрала для постройки увеселительнаго домика Паульлустъ—Павлова утѣха—мѣсто близь нынѣ занимаемаго Большимъ дворцомъ. Другая дача строилась на мѣстѣ старыхъ шведскихъ укрѣпленій, названномъ Маріенталь: Маріина долина. Строителемъ обоихъ зданій былъ Камеронъ, знаменитый зодчій Екатерининскаго вѣка.

Маріенталь, также Паульлустъ и каменный мостъ у дворца, отстроены одновременно въ 1778—1779 г. Первый изъ дворцовъ былъ двухъэтажный, въ голландскомъ вкусѣ, съ фасадомъ, увѣнчаннымъ небольшимъ куполомъ. Шведскіе валы, подровненные, увеличенные новыми насыпями, одѣтые дерномъ, служили подножіемъ и оградою Маріенталю; передъ нимъ разбитъ былъ цвѣточный садикъ очень скромныхъ размѣровъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ клумбъ. Подъемный мостъ чрезъ рукавъ Славянки придавалъ дачѣ Великой Княгини отчасти воинственный характеръ.

Первобытный Паульлустъ былъ маленькій, деревянный домикъ и на куполѣ его, поддерживаемомъ колоннами, былъ открытый бельведеръ подъ желѣзнымъ зонтикомъ *; ни цвѣточнаго, ни англійскаго садика еще не было и слѣдовъ. На вершинѣ холма, недалеко отъ нынѣшней каменной лѣстницы, въ видѣ садоваго украшенія, возвышалась искусственная Руина, состоявшая изъ полукруглой стѣны, будто бы обрушившейся. Извилистая тропинка, проторенная по обрывистому склону холма, вела отъ

* См. рисунокъ на стр. 7-й.

Руины къ Храму дружбы—круглому бѣлому зданію, которое начали строить въ 1780 году. Въ томъ же году выстроено Шале. Дворцовая прислуга помѣщалась въ двухъ деревянныхъ флигеляхъ по бокамъ главнаго дворцоваго зданія.

Отъ дороги дворцовый лѣсъ [его еще нельзя было назвать паркомъ] отдѣлялся канавою и небольшимъ валомъ; самая дорога изъ Царскаго Села въ Павловское представляла вполнѣ удобное сообщеніе только зимою.

Между тѣмъ работы въ будущемъ паркѣ производились непрерывно. 8-го апрѣля 1779 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе:

«Деревню Линна, Кузнецы или Рысь-Кабачокъ отъ оброку уволить, а, вмѣсто того, ходить деревень этихъ крестьянамъ на работу въ домики Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Великаго Князя и Государыни Великой Княгини».

Марія Ѳеодоровна, питая особенную склонность къ сельскому хозяйству, неоднократно выражала желаніе устроить при новой своей загородной резиденціи—молочню. Ея желаніе было исполнено, и 15-го ноября 1779 г., по повелѣнію Императрицы, изъ Царскаго Села въ деревню Кузнецы приведено было 6 голландскихъ коровъ и 4 киргизскія овцы, затѣмъ еще нѣсколько штукъ крупнаго и мелкаго скота, въ общей сложности 22 штуки. Такъ положено основаніе Молочнаго домика или мызы при деревнѣ Кузнецы. Первою его надзирательницею была виртембергская уроженка Катерина Ивановна Пейсте.

Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ Великій Князь и его супруга какъ бы только по имени были владѣтелями

МАРІЕНТАЛЬ.

(1778)

Павловскаго; каждое ихъ распоряженіе должно было поступать на утвержденіе Императрицы; превышеніе суммы, ассигнованной на устройство Павловскаго, было сопряжено съ немалыми затрудненіями; а между тѣмъ, желанія Владѣтелей, при всей скромности, превышали ихъ средства. Отстроивъ на собственный счетъ Паульлустъ и Маріенталь, Екатерина II предоставила Владѣтелямъ Павловскаго, при дальнѣйшихъ постройкахъ, обходиться ихъ собственными средствами. Полагая, что суммы, ассигнованныя для двора Цесаревича, съ избыткомъ покрываютъ всѣ расходы, Государыня довольно сухо относилась къ просьбамъ Великаго Князя и его супруги о субсидіяхъ. Въ библіотекѣ дворца въ Павловскѣ, между письмами, сохранился любопытный документъ, свидѣтельствующій объ отношеніяхъ Императрицы къ денежнымъ недостаткамъ Великаго Князя. Именно, во время построекъ въ Павловскомъ, Цесаревичъ и его супруга рѣшились обратиться къ содѣйствію Императрицы съ слѣдующимъ полу-формальнымъ прошеніемъ:

«Мы нижеподписавшіеся прибѣгаемъ къ милостямъ нашей любезной и доброй Матушки, съ мольбою снисходительно принять наше откровенное признаніе въ крайней денежной нуждѣ, въ которой находимся, причиненной, правда, содержаніемъ нашихъ загородныхъ домовъ и необходимостью окончить начатыя работы. Мы дѣлаемъ признаніе въ нашей нуждѣ Той, которой извѣстны всѣ наши чувства, въ особенности наше уваженіе и довѣріе.

«Возлагая совершенное упованіе на милости Ваши, мы съ покорностью примемъ и отказъ, довольные тѣмъ, что

въ отношеніи Васъ поступили съ довѣріемъ. Остаемся съ почтеніемъ и покорностью».

Императрица отвѣчала: «Любезныя дѣти. Вы, конечно, можете судить о томъ, что мнѣ непріятно видѣть васъ въ нуждѣ; должно полагать, что васъ постоянно обкрадываютъ и поэтому вы въ нуждѣ, хотя у васъ и нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Прощайте; обнимаю васъ».

Неизвѣстно, сопровождалось ли это замѣчаніе отказомъ, или Императрица, не смотря на него, оказала свое содѣйствіе Цесаревичу; какъ бы то ни было, но какъ Онъ, такъ и его супруга, вынуждены были нерѣдко прибѣгать къ займамъ. Доказательствомъ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствъ Цесаревича служитъ свидѣтельство Гарновскаго, въ его запискахъ. Приближенный князя Потемкина говоритъ, что въ 1788 г., когда г-жа Бенкендорфъ—весьма уважаемая Наслѣдникомъ и его супругою—родила младенца, Ихъ Высочества, желая изъявить свое вниманіе, дали г-жѣ Бенкендорфъ, вмѣсто денегъ, которыхъ у нихъ не нашлось, вексель въ десять тысячъ руб., «кои въ три мѣсяца заплатить обѣщались *».

Переѣзды Великаго Князя съ семействомъ въ лѣтнія резиденціи возбуждали иногда неудовольствіе Екатерины II, укорявшей своего сына въ излишней расточительности. Самымъ радушнымъ заимодавцемъ Великаго Князя былъ сверстникъ и другъ его дѣтства, кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ; извѣстно, что онъ однажды заложилъ одно изъ своихъ имѣній и получен-

* Анна Юліана Бенкендорфъ, рожд. Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, изъ Виртемберга, подруга дѣтства Великой Княгини Маріи Өеодоровны.

ныя деньги отдалъ Цесаревичу; одинъ изъ жителей Гатчины также ссужалъ Великаго Князя; не безъ затрудненій открытъ былъ Цесаревичу кредитъ придворнымъ банкиромъ Сутерландомъ.

Между тѣмъ замѣчаніе Императрицы о томъ, что Великаго Князя «обкрадываютъ», было неосновательно: Цесаревичъ и его супруга требовали строгой отчетности отъ своихъ управляющихъ и сами свѣряли счеты; къ тому же, управленіе Павловскомъ ввѣрено было человѣку, который съ обширными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ хозяйства соединялъ самую строгую расчетливость и неподкупную честность,—то былъ саксонскій уроженецъ Карлъ Ивановичъ Кюхельбекеръ [род. 1748 г., † 1809 г.]. Обязанности, на него возложенныя, были многосторонни. Великій Князь поручилъ его вѣдѣнію денежныя суммы, управленіе Каменнымъ островомъ [составлявшимъ собственность Цесаревича], наемъ рабочихъ, договоры съ подрядчиками и проч. и проч. Великая Княгиня ввѣрила ему созидаемое Павловское. Помощниками перваго директора, Кюхельбекера, были въ 1780 г. садовникъ Визлеръ, смотритель плотинъ Кузьма Петровичъ, дорожный мастеръ Микулинъ и смотритель за строеніями Пильниковъ.

Изъ плана Павловскаго, снятаго въ 1780 г. К. Б. Брюно, видимъ, что эта загородная резиденція украсилась новыми сооруженіями въ саду, который у Большаго дворца принялъ изящный видъ на довольно значительное пространство. Насупротивъ садоваго вала, по большой дорогѣ отстроена была оранжерея; на берегу Славянки, противъ дворца, воздвиглась Китайская бесѣдка; наконецъ, домикъ Пустынника [эрмитажъ] и Шале

II

[швейцарскій домикъ], въ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга, украсили дворцовый паркъ, въ которомъ прорублено было нѣсколько просѣкъ. Объ эрмитажѣ необходимо поговорить нѣсколько подробнѣе, такъ какъ этотъ домикъ былъ сооруженъ по особенному желанію Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны.

Всѣмъ сердцемъ привязанная къ супругу и своему семейству, Великая Княгиня постоянно сохраняла воспоминанія о своихъ кровныхъ родныхъ и о дняхъ отрочества, проведенныхъ въ г. Монбельярѣ, а также въ Этюпѣ, лѣтней резиденціи ея родителя, герцога Виртембергскаго. Тамошній паркъ, замѣчательный по изяществу, обращалъ на себя вниманіе знатоковъ садоводства даже послѣ роскошнаго Версаля, Тріанона и другихъ знаменитыхъ садовъ. Въ числѣ многихъ его украшеній были «домикъ пустынника» и «швейцарская хижина»; въ первомъ изъ нихъ, незадолго до сватовства Цесаревича Павла Петровича, дядя В. К. Маріи Ѳеодоровны, бывшей тогда принцессы Софіи Доротеи, переодѣтый пустынникомъ, шутливо предсказывалъ ей и ея подругѣ Генріеттѣ Луизѣ Вальднеръ, впослѣдствіи баронессѣ Оберкирхъ, самую прозаическую, смѣшную будущность. Припоминая невинную шутку своего дяди, сравнивая его забавное пророчество о будущемъ съ своимъ настоящимъ, Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна украсила паркъ въ Павловскомъ точнымъ подобіемъ хижинки Этюпскаго пустынника.

По мѣрѣ возрастанія Павловскаго, онъ по немногу началъ заселяться постоянными жителями. Къ 1-му января 1780 г. этотъ кадръ постоянныхъ обывателей состоялъ изъ 54-хъ человѣкъ обоего пола придворныхъ служителей съ ихъ семействами.

Въ октябрѣ 1780 г. приступлено было къ построенію Колоннады, нынѣ извѣстной подъ названіемъ «Храма Аполлона»; работы возобновились въ маѣ слѣдующаго 1781 г.

Садовые «увеселительные домики» были впрочемъ, до нѣкоторой степени, роскошью, такъ такъ главный домикъ Паульлустъ, отстроенный столь недавно, требовалъ уже перестройки. Кромѣ того, въ Павловскомъ еще не было церкви. По совѣщаніи съ архитекторами Камерономъ и Гуаренги, вполнѣ полагаясь на усердіе и разумную распорядительность Кюхельбекера, — Великій Князь и его супруга рѣшились приступить къ постройкамъ, требовавшимъ, при самой строгой экономіи, значительныхъ расходовъ. Самымъ очевиднымъ знакомъ ихъ совершеннаго довѣрія къ первому директору Павловскаго могло служить то обстоятельство, что осенью 1781 г. Великій Князь и его супруга отправились въ ихъ заграничное путешествіе, во все продолженіе котораго Кюхельбекеръ, непосредственно, велъ съ ними переписку и преимущественно съ Августѣйшею Владѣтельницею Павловскаго *.

Великая Княгиня не только съ удовольствіемъ принимала всѣ сообщенія Павловскаго директора о ходѣ работъ по постройкамъ и саду, но вмѣняла ему въ обязанность увѣдомлять ее о бытѣ Павловскихъ жителей, состояніи ихъ здоровья, даже обо всѣхъ хозяйственныхъ мелочахъ....

* Наиболѣе интересныя письма изъ этого драгоцѣннаго собранія напечатаны, съ подлинниковъ, въ приложеніяхъ къ этой книгѣ. См. приложенія.

— «Да, добрый мой Кюхельбекеръ», писала она въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ-за границы, «свой домашній уголокъ, Колоннада, Храмъ въ Павловскомъ, доставляютъ мнѣ удовольствія болѣе, нежели всѣ красоты Италіи».

Съ конторою большаго Двора Кюхельбекеръ рѣдко и неохотно сносился, не смотря на настоятельную надобность въ болѣе частыхъ сношеніяхъ. Камеронъ, Гуаренги, живописецъ Скотти обходились съ нимъ не особенно предупредительно, иногда даже высокомѣрно; вообще нѣкоторые изъ художниковъ довольно небрежно относились къ постройкамъ и работамъ по Павловскому. Великая Княгиня, въ письмахъ своихъ къ Кюхельбекеру, сѣтуя иногда на мѣшкотность, на неисполненіе иностранцами-художниками ихъ обѣщаній, никогда не позволяла себѣ ни выговоровъ, ни упрековъ; напротивъ того, Владѣтельница Павловскаго сама же старалась подсказать имъ слово оправданія, а въ случаѣ болѣзни кого либо изъ художниковъ, или ихъ дѣтей, — навѣдывалась о здоровьи, препоручала больныхъ своимъ докторамъ. Съ тѣмъ же радушіемъ и заботливостью Великая Княгиня относилась и къ послѣднему работнику, плотнику или ледоколу. Изъ скромныхъ лѣтописей первобытнаго Павловска можно составить цѣлыя страницы, которыя послужатъ драгоцѣннымъ пополненіемъ будущей біографіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Осенью 1782 г. Императрица Екатерина II повелѣла проложить шоссе отъ Царскаго Села до Павловскаго и Кюхельбекеръ, увѣдомляя объ этомъ Великаго Князя, испрашивалъ, не будетъ ли повелѣній съ его стороны на счетъ предполагаемаго шоссе? Цесаревичъ заявилъ, что

онъ желаетъ, чтобы по обѣимъ сторонамъ шоссированной дороги проложены были два пути для крестьянскихъ телѣгъ. Проложеніе шоссе, подъ надзоромъ маіора Баздеева, началось въ 1783 году, по возвращеніи Ихъ Высочествъ изъ за-границы.

Въ началѣ 1782 г., въ Павловскомъ, заселенномъ сотнею обоего пола жителей, проявились первые признаки, такъ сказать, гражданственнаго быта. «Въ Павловскомъ сыграно нѣсколько свадебъ»—писалъ Кюхельбекеръ Великой Княгинѣ отъ 9-го февраля—«и масляница прошла мирно. Въ обоихъ мѣстахъ, въ Павловскомъ и на Каменномъ островѣ, было много больныхъ, какъ и повсюду, но смертныхъ случаевъ не было». Въ томъ предположеніи, что Павловское, по мѣрѣ заселенія, будетъ посѣщаемо пріѣзжими, Великій Князь предложилъ Кюхельбекеру «буде явится желающій устроить въ Павловскомъ трактиръ или гостинницу—построить ему домъ на мѣстѣ, назначенномъ для новыхъ построекъ, но не иначе какъ зданіе каменное». Въ слѣдующихъ письмахъ Великій Князь назначалъ содержателю гостинницы «для облегченія и поддержки его заведенія» 200 рублей постояннаго ежегоднаго пособія. Охотника однакоже не нашлось, хотя Кюхельбекеръ для устройства гостинницы предлагалъ мѣсто старой мызы, «которая будетъ безполезна, такъ какъ строится новая».

Средства Кюхельбекера относительно денегъ, строительныхъ матеріаловъ и рабочихъ были весьма ограничены. Великій Князь и его супруга не могли удѣлять крупныхъ суммъ изъ ассигнованной на ихъ путешествіе, въ виду заграничныхъ заказовъ для Павловскаго. «Произошло замедленіе также и въ выдачѣ пенсій въ Петербургѣ», писалъ

Цесаревичъ Кюхельбекеру, «остерегитесь... Вообще вижу переполохъ [между слугами]. Они боятся, чтобы послѣдовавшая перемѣна не отразилась и на нихъ, но теперь она не своевременна. Справедливость прежде всего, и она-то связываетъ меня съ этими людьми, ибо я имъ долженъ». Замѣтимъ къ этому, что предшественникъ Кюхельбекера, Дюфуръ, завѣдывавшій выдачею жалованья прислугѣ, запутался въ счетахъ и былъ человѣкъ не совсѣмъ безукоризненной исправности: многіе долги Великаго Князя оставались неуплаченными; Цесаревичъ поручилъ Кюхельбекеру удовлетворять кредиторовъ, не упуская изъ виду старшинства ихъ. Уплата старыхъ долговъ вовлекала въ новые: Сутерландъ открылъ кредитъ Цесаревичу, оказавшій весьма существенную поддержку для построекъ въ Павловскомъ, а графъ И. Г. Чернышевъ принялъ на себя доставку изъ Колпина полутора милліона кирпичей и необходимаго строеваго лѣса.

Увлекаемый усердіемъ, директоръ Павловскаго просилъ начальствующихъ лицъ при Ладожскомъ каналѣ о пропускѣ строеваго лѣса для Павловскаго, помимо прочихъ лѣсныхъ гонокъ, не въ очередь. Извѣщенный объ этомъ, Цесаревичъ писалъ къ нему изъ Вѣны, отъ 11-го декабря 1781 г.: «Что касается до вашихъ распоряженій, все, какъ мнѣ кажется, очень хорошо, кромѣ пропуска не въ очередь, помимо другихъ, матеріаловъ, намъ назначенныхъ. Кромѣ того, что это, по моему, несправедливо, оно возбудитъ ропотъ въ другихъ. Не обижайтесь на мое замѣчаніе. Оба мы должны быть въ добрыхъ отношеніяхъ [къ большому Двору] и тѣмъ болѣе выиграемъ».

Переписка Кюхельбекера 1781—1789 гг. даетъ возможность прослѣдить, шагъ за шагомъ, весь ходъ ра-

ботъ, исполненныхъ въ Павловскомъ въ этотъ періодъ времени.

Планъ церкви при больницѣ былъ составленъ извѣстнымъ архитекторомъ Гуаренги; согласно ему, Великій Князь, чрезъ совѣтника Рейферштейна, заказалъ въ Римѣ образа живописцу Кадесу; стѣнная живопись en clair-obscur была исполнена русскимъ художникомъ Даниловымъ; колокола, доставленные въ Павловское, были подобраны подъ гармоническую гамму однимъ знатокомъ музыки, знакомымъ Кюхельбекера. 12-го октября 1781 г. всѣ каменныя работы по церкви были окончены. При всемъ томъ, она была освящена и богослуженіе въ ней началось только съ 1784 г.

Въ теченіе 1782—1784 гг. домикъ Паульлустъ преобразился въ каменный дворецъ. Планы, какъ наружныхъ фасадовъ зданія, такъ и внутренняго расположенія комнатъ, неоднократно пересылались въ 1782 г. за границу, въ мѣста пребыванія Великаго Князя и его супруги, на ихъ просмотръ и одобреніе. Помимо замедленія работъ, неизбѣжнаго вслѣдствіе этихъ пересылокъ, измѣненія въ планахъ были непріятны Камерону: его артистическое самолюбіе раздражалось при мысли, что его планы разсматриваются и обсуждаются Владѣтелями Павловскаго при совѣщаніи съ иностранными архитекторами. Подозрѣнія Камерона были впрочемъ неосновательны: Великій Князь и его супруга соображались при измѣненіяхъ въ планахъ только съ ихъ собственнымъ вкусомъ. Такимъ образомъ, планы главнаго фасада дворца, оконъ третьяго этажа, трехъ среднихъ оконъ и главнаго подъѣзда были измѣнены согласно желанію Великой Княгини.

Распредѣленіе покоевъ въ новомъ зданіи, по первоначальному проекту Маріи Ѳеодоровны, ею впрочемъ потомъ измѣненному, было слѣдующее:

Считая отъ большой залы собраній или гостиной на право, восьмиугольная боковая комната; позади ея библіотека Великой Княгини. За нею слѣдовала гардеробная, которую Ея Высочество преобразила въ будуаръ; затѣмъ спальня, сзади которой, въ углу, были уборная и два кабинета.

Съ другой стороны за восьмиугольной комнатой Его Высочества —библіотека. Потомъ гардеробная, превращенная въ малый кабинетъ; тамъ спальня, превращенная въ большой кабинетъ. Въ углу уборная, а рядомъ камердинерская, между которою и кабинетомъ Ея Высочества находилась лакейская. По срединѣ всѣхъ покоевъ «итальянскій залъ».

25-го мая 1782 г., подлѣ домика Паульлустъ, происходила закладка новаго дворца. Кюхельбекеръ писалъ слѣдующее:

«25-го мая 1782 года былъ положенъ первый камень въ основаніе дома Вашего Высочества при усердныхъ и теплыхъ молитвахъ о здравіи Вашихъ Высочествъ, о Вашемъ благополучномъ возвращеніи и о томъ, чтобы это новое зданіе долго и долго служило вамъ мѣстомъ пріятныхъ досуговъ и удовольствія. Я не смѣлъ никого приглашать кромѣ г. Камерона, пріѣхавшаго сюда съ нѣсколькими англичанами, и случайно находились здѣсь полковникъ Штрандманъ и поручикъ Улановъ, тотъ самый, который рисуетъ здѣшніе виды. Каменьщики привезли священника изъ Славянки на свой счетъ, который я, однако, принялъ на себя, равно какъ и угощеніе, состоявшее изъ водки,

пива и калачей. Съ этого времени прилежно трудятся надъ кладкою фундаментовъ. На другой день, 26-го мая, въ пять часовъ по полудни, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи прибыли съ ихъ свитою. Ихъ Высочества вышли изъ экипажей у дома Вашего Императорскаго Высочества; кушали чай, землянику; гуляли и изъявили желаніе потрудиться надъ постройкою дома возлюбленной ихъ Маменьки, что и исполнили, и пожаловали 100 рублей каменьщикамъ, а также и гвардейскимъ солдатамъ, по рублю на человѣка. Послѣ того Ихъ Высочества потребовали, чтобы ихъ провели къ дому Е. И. В. Великаго Князя, гдѣ стоятъ пушки. Ихъ провели туда и изъ магазина выкатили два орудія. Ихъ Высочествамъ угодно было, чтобы изъ пушекъ выпалили. Когда имъ доложили, что по уставу слѣдуетъ, чтобы Ихъ Высочества отбыли въ обратный путь и что тогда будутъ палить, они изволили удалиться, и когда я увидѣлъ, что спустились съ горы и поднялись на другую, я приказалъ палить. Ихъ Высочества остановились, чтобы видѣть какъ производится пальба изъ пушекъ; потомъ поѣхали по направленію къ Царскому Селу. Весьма желаю, что-бы Ихъ Высочества на столько позабавились, чтобы благоволили въ скоромъ времени опять побывать въ Павловскомъ».

Слѣдующій дневникъ хода построекъ, выбранный изъ писемъ Кюхельбекера, даетъ возможность судить о ихъ успѣхахъ въ 1782 г.

22 іюня. «Камеронъ, у котораго я нѣсколько разъ спрашивалъ чертежи размѣровъ комнатъ, хочетъ изобразить въ разрѣзѣ всѣ покои для опредѣленія размѣровъ,

ради вѣрности которыхъ ему безотлагательно нужно распредѣлить всю внутреннюю декорировку, какъ-то: плинты, толщу паркетовъ и стропилъ, на которые они настланы, ибо не совсѣмъ точные размѣры могутъ произвести важныя затрудненія. При всѣхъ этихъ предосторожностяхъ, слѣдуетъ однако опасаться еще того, что размѣры предполагаемаго зданія, послѣ окончательной постройки, будутъ рознить на пол-дюйма во всѣхъ покояхъ. Тороплю его сколь возможно . . .».

8 іюля .« . . . . я получилъ инструкцію какъ изготовляется стюкъ или скорѣе, какъ мнѣ думается, искусственный бѣлый мраморъ, опытъ надъ которымъ, полагаю, можно будетъ произвести въ нѣкоторыхъ покояхъ новаго дома. Постройка его, до сихъ поръ, подвигается безъ всякой помѣхи, безъ затрудненій. Я увѣренъ, что ни одной минуты не потеряю напрасно. Однако, при мысли о томъ, что еще остается дѣлать, соображая число мѣсяца—вижу, что работать слѣдуетъ безустанно, дабы окончить то, что̀ должно быть окончено. Погреба отстроены и стѣны, особенно внутреннія, подвигаются впередъ; флигеля еще того болѣе, но относительно ихъ никогда не было и сомнѣній».

24 іюля. «Теперь работаютъ въ подвальномъ этажѣ дома и для успѣшнѣйшаго хода работъ полагаю еще увеличить число рабочихъ».

28 августа. «Постройка дома быстро подвигается и погода, послѣднее время, выяснѣла, что̀ даетъ мнѣ надежду разрѣшить предположенную задачу. Мы уже поднялись выше оконъ нижняго этажа. Не безъ труда обходится

снабженіе потребными матеріалами, особенно известью. Запасы, сдѣланные зимою, то есть все, что было возможно достать въ здѣшнихъ окрестностяхъ—истощены; пришлось изыскивать иные источники, а за дурною дорогою подвозъ сталъ затруднительнѣе. Однако мнѣ посчастливилось получать известь безъ перерыва работъ».

14 сентября. «На этой недѣлѣ начали выводить бельэтажъ большаго дома и теперь будетъ замѣтнѣе насколько зданіе выростаетъ въ вышину, покуда не достигнетъ пространства выше оконъ, гдѣ опять гуще купы деревьевъ. Желаю благопріятной осени, это необходимо для успѣшнаго хода работъ».

29 сентября. «Высота новаго дома Вашего Высочества равняется высотѣ карниза Вашего стáраго дома, а въ иныхъ мѣстахъ и превосходитъ. Покуда работаютъ надъ пробоинами оконъ и дверей; зданіе видимо растетъ. Зимній, весьма значительный запасъ кирпичей истощится весь къ концу осени и если она поблагопріятствуетъ, какъ обѣщаетъ, то я приму мѣры, чтобы не нуждаться въ кирпичѣ».

Хотя постройки, о которыхъ съ такимъ самодовольствіемъ сообщалъ Кюхельбекеръ Великой Княгинѣ, шли, по его мнѣнію, успѣшно, однако же Камеронъ былъ ими недоволенъ и, на другой же день, 30-го сентября 1782 г., подалъ «въ контору Великаго Князя въ новомъ Павловскомъ» протестъ, который помѣщается здѣсь въ переводѣ того времени:

«Нѣсколько времени назадъ приказано было мнѣ отъ Ея Высочества планъ срисовать для строенія дому Вели-

кой Княгини въ новомъ Павловскомъ, который планъ былъ и апробованъ, и оный домъ приказано было строить безъ промедленія времени; по апробаціи онаго плана, я со всякимъ стараніемъ разсуждалъ какъ-бы оную работу и самой наилучшее и въ самой надлежности произвести по честности онаго дому и чтобы никакія обмишурки не бывали; я въ скорости и далъ рисунокъ полы и балки укладывать такимъ способомъ, чтобы можно все строеніе по настоящему вмѣстѣ скрѣпить. По какому приказу, то мнѣ неизвѣстно, однако все не по моему дѣлано; вмѣсто того долгія балки положены черезъ окошки и арки такимъ образомъ, что оныя слѣдственно принуждены опускаться, а черезъ это стѣны всего строенія ослабѣваютъ и сдѣлаются ненадежны. Чтобы надо мной никакого сомнѣнія не было, объ этомъ дѣлѣ, отъ иностранныхъ архитекторовъ, которые въ этомъ дѣлѣ искусны и которые могутъ послѣ этого усмотрѣть, я поэтому объявляю, для своего оправданія и для чести своего отечества, что вышепомянутая работа не по моему разсужденію и повелѣнію исполнена и противъ оной симъ протестую подписаніемъ своей рукою. Charles Cameron».

Протестъ былъ очевидно направленъ противъ измѣненій въ планахъ, сдѣланныхъ Владѣтелями «Новаго Павловскаго». Не пересылая этого протеста за границу, Кюхельбекеръ убѣдилъ Камерона продолжать постройки согласно желаніямъ Великой Княгини и о положеніи работъ по главному зданію писалъ Ея Высочеству слѣдующее:

24 октября. «21-го числа сего мѣсяца каменныя работы по дому Вашего Высочества достигли до вершины оконъ бель-этажа и тогда былъ поднятъ вопросъ замк-

нуть-ли ихъ арками, или на сей 1782-й годъ прекратить работы? По совѣщаніи съ Камерономъ, въ виду поздней осенней поры, ненастья и, вслѣдствіе этого—невозможности исполнить работу исправно—было рѣшено послѣднее. Я уступилъ этому рѣшенію, не смотря на огорченіе вслѣдствіе того, что вижу, съ нѣкотораго времени, необходимость отказаться отъ мысли вывести зданіе подъ карнизъ: это дѣло невозможное. Вашему Императорскому Высочеству предоставляется рѣшить: можно-ли было сдѣлать что либо болѣе того, что сдѣлано? Теперь зданіе возвышается на пять саженей отъ земли; фундаментъ глубокъ и широкъ для такой громады; погреба на сводахъ; сводовъ и арокъ много во всемъ строеніи; стѣны очень толсты и количество до двухъ милліоновъ кирпичей, употребленныхъ на главное зданіе, можетъ дать понятіе о всемъ строеніи. Флигеля окончены и въ непродолжительномъ времени будутъ покрыты».

Какъ ни старался Кюхельбекеръ смягчить предъ Владѣтельницею Павловскаго причины медленности постройки, причины отнюдь впрочемъ отъ него не зависѣвшія, тѣмъ не менѣе Марія Ѳеодоровна видѣла это и съ невольнымъ огорченіемъ, но съ обычною Ея Высочеству деликатностью, писала къ нему, 25-го октября 1782 г.

«Мой добрый Кюхельбекеръ, вы меня мало по малу подготовляете къ тому, чтобы потомъ сказать, что мнѣ невозможно будетъ найти мой домъ подъ крышей. Не такое ли ваше намѣреніе, мой добрый Кюхельбекеръ? Я васъ угадала; я даже вамъ скажу, что объ этомъ очень сожалѣю, но я увѣрена, что вы въ томъ не виноваты. Сообщите мнѣ, ради Бога, зачѣмъ Камеронъ сдѣлалъ низъ на сводахъ? Это только удвоиваетъ расходы и

имѣетъ ту непріятность, что никогда не сохнетъ; притомъ на эти толстыя стѣны тратится много кирпича; если же прочность того требуетъ, то дѣло другое. Наконецъ, я вамъ повторяю, что я увѣрена, что вы, мой добрый Кюхельбекеръ, все сдѣлали какъ можно лучше. Что же касается Камерона, то я отлагаю мое сужденіе о немъ, пока вы меня не извѣстите о сущности дѣла. Поговоримъ о садѣ, который будетъ моимъ утѣшеніемъ, потому что я очень огорчена тѣмъ, что начала постройку дома, который сыгралъ со мною коварную шутку. Готовъ ли Птичникъ? Льщу себя надеждою, что онъ красивъ; вѣдь вы мнѣ это обѣщали, мой добрый Кюхельбекеръ. Что дѣлаетъ Молочня? Будетъ ли она подъ крышей? Что я найду новенькаго въ моемъ саду? Будетъ ли онъ насаженъ рѣдкими цвѣтами? Будетъ ли окончена Колоннада? Готовъ ли цвѣтникъ предъ птичникомъ? Очищенъ ли мой лѣсъ? Словомъ, найду ли я много новенькаго? Признаюсь вамъ, это будетъ для меня истиннымъ праздникомъ, когда я опять увижу мой дорогой Павловскъ. Конечно, я хотя одинъ разъ, да пріѣду туда зимой, чтобы взглянуть на него и тогда уже васъ поблагодарю лично за всѣ ваши труды и заботы, которые мнѣ не безъизвѣстны и которые умѣю цѣнить....»

ДОМИКЪ ПУСТЫННИКА.

Покупки художественныхъ произведеній, для украшенія строившагося дворца и садовыхъ зданій, производились за границею самимъ Великимъ Княземъ и его супругою. Въ Римѣ Ея Высочествомъ куплено было нѣсколько мраморныхъ каминовъ и много колоннъ. Мебель, обои и занавѣси были заказаны въ Ліонѣ. Всѣхъ заказовъ мебельщикамъ, рѣзчикамъ и позолотчикамъ сдѣлано было во Франціи на 13,000 рублей. Было куплено нѣсколько мраморныхъ издѣлій и Кюхельбекеромъ въ Петербургѣ. Мраморы эти назначались частію для дворца, частію для садовыхъ зданій. У одного изъ вельможъ поручено было купить мраморные пилястры, расписанные арабесками, для украшенія или «Вольера» или «Молочнаго домика», между тѣмъ Камеронъ объявилъ Кюхельбекеру, что мраморы эти уже проданы кому-то; тѣмъ же придворнымъ была получена изъ-за-границы мраморная статуя «Флоры», которую онъ обѣщалъ доставить въ Павловское по зимнему пути, что̀ и исполнилъ; за то, какъ оказалось, продалъ графу Строганову тѣ мраморы, которые предназначались для резиденціи Ихъ Высочествъ. Графомъ Строгановымъ мраморы были уступлены Ихъ Высочествамъ за 1,200 рублей.

Гидравлическія сооруженія въ 1781—1782 гг. были незначительны, впрочемъ, работы по водопроводу продолжались непрерывно; была подновлена плотина у дворцо-

ваго моста, поврежденная весенними водами; часть Славянки въ саду у Камеронова моста была расчищена; приняты были мѣры противъ разрушительныхъ разливовъ рѣки, наконецъ, въ саду было вырыто нѣсколько прудовъ.

Границы сада были значительно расширены со стороны Шале и Липицкихъ воротъ, равно у стараго охотничьяго домика, у Храма и Молочни. Расчищено мѣсто, на которомъ находилось Розовое поле. Число рабочихъ въ саду весною 1782 г. простиралось до ста человѣкъ, о чемъ Кюхельбекеръ съ удовольствіемъ заявилъ въ письмѣ своемъ къ Великой Княгинѣ. Подсадка деревьевъ и снабженіе сада растеніями производились исправно и вѣдомости объ этомъ не лишены интереса.

Великая Княгиня страстно любила садоводство и съ дѣтства практически его изучала. Изъ Вѣны она прислала садовнику Визлеру цѣлый грузъ цвѣточныхъ сѣмянъ. «Онъ долженъ», писалъ Николаи, секретарь Великой Княгини, «посовѣтоваться съ книгою Линнея объ уходѣ за каждымъ растеніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ съ помѣткою Jaķ—совершенно новые виды, доставленные Ея Высочеству Жакеномъ *; Визлеръ обязанъ отдать отчетъ объ успѣшномъ развитіи растеній, особенно же прислать Великой Княгинѣ точный каталогъ обо всемъ, что̀ есть на лицо, чтобы удобнѣе видѣть чего еще не достаетъ».

Голландскія цвѣточныя луковицы присылались изъ-за-

---

* Николай Іосифъ Жакенъ [Jacquin, 1727—1817]—знаменитый Лейденскій ботаникъ и химикъ, авторъ многихъ ученыхъ сочиненій, обогатившій науку ботаники важными открытіями и изслѣдованіями.

границы неоднократно. Фруктовыя деревья, хотя и по дешевой цѣнѣ, закупались Кюхельбекеромъ, говоря относительно, на значительныя суммы. Для садика у Шале присланы были вишневыя деревья. «Если они хороши», писала Великая Княгиня Кюхельбекеру, «я желаю, чтобы были посажены вокругъ Шале—тамъ, гдѣ другія; если плохи—то у новаго Молочнаго домика; отъ доброты вашей ожидаю, что онъ будетъ отстроенъ, ибо вы такой могучій и богатый баринъ».

Знаменитые Палласъ и Лаксманъ снабдили сады Павловскаго многими хорошими растеніями; между прочимъ—рододендрами, бывшими тогда рѣдкостью.

20-го марта 1782 г. прибылъ въ Павловское цѣлый обозъ съ фруктовыми деревьями отъ гр. П. А. Румянцева [до 200 штукъ]; доставлялись деревья и изъ Любека, черезъ Виллебранда. Кромѣ того, вкладчиками для теплицъ, оранжерей и садовъ Павловскаго были: князь Голицынъ, взявшій на себя ежегодную доставку растеній на сумму 200 руб.; Плещеевъ и адмиралъ Сухотинъ, доставившіе сѣмена разныхъ растеній; отъ послѣдняго получены были жолуди, лавровыя и кипарисовыя сѣмена. Оранжерея была до того переполнена цвѣтами, что въ постройкѣ новой явилась безотлагательная надобность. Однимъ словомъ, садъ, по чистотѣ содержанія, богатству растительности и обилію цвѣтовъ, уже въ 1782 г. былъ довольно замѣчателенъ. Ананасныя и персиковыя теплицы доставляли фрукты Великимъ Князьямъ Александру и Константину; не мало удовольствія доставлялъ имъ Кюхельбекеръ, поднося Ихъ Высочествамъ, посѣщавшимъ Павловское, вишневыя, апельсинныя деревца или цвѣтущіе кусты розановъ и проч.

III

Садовыя зданія и украшенія, сооруженныя и воздвигнутыя въ теченіе 1781 и 1782 годовъ, были немаловажны.

Въ октябрѣ 1782 г. воздвигнутъ «обелискъ» въ память основанія Павловскаго и поставлены были желѣзныя Линновскія ворота при въѣздѣ въ садъ. Особенно прилежно работали надъ отстройкою Колоннады и Храма дружбы. Первая была почти окончена къ осени 1782 г.; 28-го сентября литейщикъ Гордѣевъ доставилъ для ея украшенія бронзовую статую Аполлона Бельведерскаго, нынѣ находящуюся среди круга Сильвіи *. Въ томъ же году оконченъ Храмъ дружбы.

«Храмъ совершенно оконченъ», писалъ Кюхельбекеръ 24-го октября 1782 г., «двери навѣшены. Съ крайнимъ удовольствіемъ я замѣтилъ, что въ Храмѣ, при закрытыхъ дверяхъ, свѣту верхняго окна достаточно, чтобы читать въ пятомъ часу вечера, нынѣ, когда день значительно убылъ. Вольеръ почти оконченъ: стюковый фризъ и живопись, помостъ и каймы для зеркалъ—готовы».

По поводу постройки Молочнаго домика Великая Княгиня вела съ Кюхельбекеромъ оживленную переписку. Въ письмѣ изъ Рима, отъ 3-го марта 1782 г., Николаи писалъ Кюхельбекеру: «При семъ приложенъ планъ «Молочни» его свѣтлости герцога Виртембергскаго на трехъ листкахъ. Ея Императорское Высочество желаетъ имѣть нѣчто въ этомъ родѣ. Ея Высочество полагаетъ, что самое удобное мѣсто для этой постройки—въ верхней части сада, въ самомъ отдаленномъ углу на окраинѣ, дабы прямо изъ

* По переноскѣ въ Сильвію бронзовой статуи, въ Храмъ была поставлена гипсовая, потомъ чугунная.

ПАМЯТНИКЪ ОСНОВАНІЯ ПАВЛОВСКА

(1777).

стойла коровы могли ходить въ лѣсъ. Необходимо также, чтобы эта хижина была хорошо скрыта, на столько, чтобы о ней не догадывались до той минуты, покуда не подойдутъ къ ней. Великая Княгиня ожидаетъ многаго отъ вашихъ заботъ въ теченіе нынѣшняго лѣта. Ожидаетъ какого нибудь пріятнаго сюрприза къ возвращенію. Чѣмъ болѣе будетъ у васъ оконченнаго, тѣмъ благосклоннѣе къ вамъ будутъ. Здѣсь такая прекрасная погода, всѣ здѣсь уже въ такомъ движеніи, что Ея Высочество увѣрена будто и Павловское не менѣе оживлено».

Въ письмѣ отъ 14-го апрѣля 1782 г. Великая Княгиня сама напоминала Кюхельбекеру о «Молочнѣ» и, между прочимъ, выразилась такимъ образомъ о своей резиденціи: «Увѣряю васъ, что Италія не только не отвратила меня отъ Павловскаго, но заставляетъ еще болѣе его цѣнить». Отъ 21-го апрѣля Ея Высочество писала изъ Турина: «Особенно препоручаю вамъ, любезный Кюхельбекеръ, Молочню, которая мнѣ весьма близка къ сердцу, ибо мой садъ чрезвычайно интересуетъ меня и я думаю, что это украшеніе ничѣмъ ему не повредитъ».

Директоръ Павловскаго съ обычнымъ усердіемъ принялся за это дѣло: сообщилъ планъ Камерону, который обѣщалъ исполнить постройку, за исключеніемъ внутренней отдѣлки. Работы начались въ исходѣ мая мѣсяца. Кюхельбекеру принадлежала мысль выложить булыжникомъ наружныя стѣны молочнаго домика, что̀ и удостоилось одобренія Великой Княгини. Осенью 1782 г. Молочню, или, какъ ее называли, «новую мызу», уже крыли соломенною кровлею.

Наконецъ, кромѣ новыхъ оранжерей, были отстроены

и отдѣланы комнаты такъ называемаго оранжерейнаго флигеля.

Павловскій садъ, въ первые же годы своего устройства, обращалъ на себя вниманіе Двора и вельможъ, посѣщавшихъ резиденцію Цесаревича. Кюхельбекеръ не безъ самодовольствія доводилъ до свѣдѣнія Великой Княгини о посѣтителяхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ донесеній:

«30 апрѣля 1782 г. Императрица изволила прибыть въ Павловское въ шестомъ часу вечера, имѣя въ своей свитѣ г. оберъ-камергера [Шувалова], гофмаршала князя Барятинскаго, графа Строганова, камергера Нелединскаго, генерала Ланскаго и Турчанинова, нѣсколькихъ дамъ и еще другихъ кавалеровъ. Е. В. изволила быть еще въ домѣ В. И. В., когда я пришелъ туда; Государыня же вышла изъ дому со стороны сада, по дорожкѣ, ведущей къ Руинѣ. Отъ Руины Императрица шествовала на право къ Храму, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорожки еще не отдѣланы. Я сказалъ Курдюкову, чтобы онъ передалъ кому нибудь изъ кавалеровъ свиты Е. В., что къ Храму ведетъ другая, удобнѣйшая дорога; видя однако, что Е. В. продолжаетъ шествовать по прежней, я попросилъ г. Нелединскаго указать лучшую дорогу; но Е. В. угодно было продолжать путь по избранной Ею. Государыня изволила быть въ Храмѣ; оттуда направилась по дорогѣ къ Каскаду. Дорогою къ этому мѣсту Е. В. изволили спрашивать о водѣ, но на Ея вопросы долженъ былъ отвѣчать я, такъ какъ никто не могъ дать Государынѣ удовлетворительнаго отчета. Е. В. на минуту остановились у Каскада, оттуда прошли къ Шале, по временамъ, черезъ другихъ лицъ, задавая мнѣ вопросы. Е. В. на минуту изволили присѣсть у Шале и, приказавъ подозвать меня, спросили о Колоннадѣ, кото-

рая имъ видна была, потомъ шествовали по дорожкѣ со стороны границы сада. Оттуда, перейдя къ колоннѣ, и близь мѣста, гдѣ будутъ въѣздныя ворота, продолжали путь и, приказавъ подать экипажи, возвратились на ту-же дорогу и вышли въ томъ мѣстѣ, гдѣ входныя ворота. Я почту себя крайне счастливымъ, если Государыня осталась довольна тѣмъ, что̀ видѣла въ Павловскомъ, и если Ваше Высочество не желаете, чтобы было что нибудь лучшее въ посѣщенiи Государыни, которое было совершенно неожиданно».

О поѣздкѣ своей въ Павловское Императрица Екатерина писала Великому Князю и его супругѣ слѣдующее:

«Царское Село, 2 мая 1782 года. Третьяго дня я прокатилась въ Павловское, гдѣ нашла по обѣимъ сторонамъ дороги много снѣгу. Подъѣхавши къ калиткѣ сада, я вышла изъ кареты и взошла на гору по тропинкѣ. Подошедши къ дому [Паульлустъ], я вошла и нашла комнаты и мебель очень чистыми и весьма хорошо содержимыми. На дворѣ выкапываютъ фундаменты новаго дома и флигеля съ лѣвой стороны. Изъ дома мы отправились къ Руинѣ, по дорогѣ, идущей вдоль горы, а отсюда, по дорогѣ, только что проведенной и сдѣланной нами удобною, сошли съ горы очень близко Храма, строимаго Камерономъ. Эта постройка почти окончена и внѣшнiй видъ ея очень красивъ; внутренность была заставлена лѣсами, которые придавали ей весьма мрачный видъ. Вода въ рѣкѣ очень низка, потому что опасенiя, по случаю таянiя снѣговъ, мѣшали закрыть шлюзы. Оттуда мы, черезъ мостъ, проходя мимо Каскада не спущеннаго, отправились въ Шале, которое нашли чистымъ и хорошо содержимымъ. Тамъ я сѣла и нашла видъ оттуда очень прiятнымъ; за-

мѣтьте, что лужайки еще не зелены и что нѣтъ еще ни листочка. Отъ Шале мы пошли по дорогѣ, проходящей по опушкѣ лѣса, и осматривали Колоннаду, которую уже начали работать. Оттуда прошли къ колоннѣ, на которую поставятъ Флору. Эта послѣдняя—единственная вещь, которую я позволила себѣ критиковать, потому что нашла у нея подозрительное сходство съ Мадонной, на большой дорогѣ. Но эта ошибка, конечно, не ошибка, потому что и послѣднія, безъ сомнѣнія, весьма достопочтенны. У новыхъ воротъ, которыя ставятъ при выходѣ съ лужайки на большую дорогу, мы прошли межъ матеріаловъ и сѣли въ кареты, побродивъ порядочныхъ два часа, полазивши по всѣмъ покатостямъ, крутымъ и не крутымъ, и уставши до смерти; мы сказали: жалко, что нѣтъ Хозяевъ, они бы заставили насъ побольше побѣгать и показали бы намъ вещи въ болѣе пріятномъ видѣ, а теперь, какъ ихъ нѣтъ, все глядитъ такъ печально и пусто, что у меня сердце сжалось. Возвращайтесь же скорѣе, хотя бы для того, чтобы снять съ Павловскаго этотъ грустный видъ. Дѣти ваши здоровы и бѣгаютъ такъ быстро, что никто не можетъ слѣдовать за ними. Прощайте, милыя дѣти! Обнимаю васъ».

3-го іюня 1782 г. Кюхельбекеръ писалъ Великой Княгинѣ:

«Вчера, 2-го сего іюня, въ часъ, графъ и графиня Мнишекъ прибыли сюда, съ намѣреніемъ посвятить весь день обозрѣнію Павловскаго. Зная, что это бывшіе хозяева, принимавшіе Ваше Высочество въ Вишневицахъ, я постарался принять ихъ какъ нельзя лучше у себя въ домѣ, въ саду и въ домѣ В. И. В. Они очень хорошо знакомы съ Павловскомъ по многимъ рисункамъ и сами называли

мнѣ предметы, которые имъ желательно было видѣть, какъ-то: Храмъ, Колоннаду, Шале, Каскадъ, Розовое поле, Руину и проч. Будучи предувѣдомленъ съ понедѣльника, я все привелъ въ порядокъ: дороги были расчищены, Шале совершенно прибрано, вода въ рѣкѣ и въ Каскадѣ была пущена . . . .».

25-го августа графъ Чернышевъ и гофмаршалъ князь Барятинскій были въ Павловскомъ. «Графа поразили Храмъ и Вольеръ, видѣнные имъ еще въ прежнемъ видѣ».

Въ ясные лѣтніе и осенніе дни посѣтителями Павловскаго были Великіе Князья Александръ и Константинъ. Они много рѣзвились на привольи въ уединенныхъ садахъ и рощахъ Павловскаго. Кюхельбекеръ каждый разъ увѣдомлялъ Великую Княгиню объ этихъ посѣщеніяхъ: «19-го іюня, въ пять часовъ по полудни, Ихъ Высочества Великіе Князья изволили здѣсь прогуливаться. Бо̀льшую часть времени провели они около Шале, гдѣ работали своими лопаточками и граблями. Заказали себѣ здѣсь эти орудія побольше: прошлогоднія стали уже слишкомъ малы. Ихъ Высочества кушали здѣсь молоко, вишни, и взяли съ собою сливъ и букеты цвѣтовъ».

28 августа. «Сегодня Ихъ Высочества Великіе Князья завтракали здѣсь въ Шале, всюду гуляли и опять осматривали покои Вашего Высочества въ старомъ домѣ».

20-го ноября 1782 г. Августѣйшіе Владѣльцы Павловскаго возвратились изъ своего заграничнаго путешествія въ Россію и, по прежнему, остановились въ своемъ дворцѣ на Каменномъ острову *.

* Необходимо замѣтить, что до своей женитьбы, 29-го сент. 1773 г., В. К. Павелъ Петровичъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, но послѣ перваго

1783-й годъ былъ посвященъ на внутреннюю отдѣлку, меблировку и убранство дворцовыхъ покоевъ и садовыхъ зданій. Изъ Петербурга доставлялись цѣлые транспорты фарфоровой посуды, мраморныхъ и алебастровыхъ бюстовъ и статуй. Фарфоровая посуда: кувшины, чаши, блюда, чайный и столовый сервизы, доставленные 31-го января, назначены были въ Молочный домикъ и въ Шале.—25-го мая, въ числѣ 81 штуки, привезены были итальянскіе мраморы, именно, какъ значится въ описи: разныхъ мраморовъ столовыя доски, статуетки бронзовыя, двѣ статуи мальчиковъ бѣлаго мрамора, мраморная тумба, доска столовая мозаической работы, статуя «Венера Медицейская», «Купидонъ съ крылышками и лукомъ», шесть бюстовъ, статуя «Вакханка съ козломъ» бѣлаго мрамора, «Клеопатра», тумба бѣлаго мрамора для постановки въ саду и др.

28-го мая привезены изъ Голландіи зеркала, а также фарфоровая посуда и знаменитыя издѣлія Севрской мануфактуры, подаренныя Людовикомъ XVI Великому Князю и его супругѣ: туалетный приборъ изъ 31 штуки, бѣлый фарфоровый портретъ его величества короля, фарфоровыя голубыя вазы, статуя Цереры чернаго мрамора, и проч. художественныя вещи.

31-го мая прибылъ въ Павловское новый транспортъ со статуями мраморными и алебастровыми: статуя, «наклонившая» портреты бѣлой глазури Неаполитанскихъ короля

—

брака—часть зимы нерѣдко проводилъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ.

и королевы, изъ Неаполя, алебастровыя статуи «Силенъ», «Меркурій», мраморная ваза съ гирляндою и крышкою [на ней орелъ], нѣсколько мраморовъ изъ Виртемберга, паникадило хрустальное и проч.

По мѣрѣ заселенія дворцоваго пригорода явилась надобность въ водоснабженіи какъ для оранжерей, такъ и для обывателей; водопроводъ еще не былъ окончeнъ. Вода Славянки не годилась для питья. Вслѣдствіе этого въ Павловскомъ вырыто было нѣсколько колодцевъ. Еще въ предъидущемъ году у оранжерей, при рытьѣ фундаментовъ, напали на нѣсколько ключей, для которыхъ былъ устроенъ особый водоемъ.

Меблировка дворца и садовыхъ зданій производилась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ самой Великой Княгини и по ея указаніямъ.

Въ сентябрѣ 1783 г. построенъ «въ англійскомъ саду у качелей» деревянный театръ, крытый желѣзомъ. Наружная архитектура соотвѣтствовала стилю бесѣдокъ и павильоновъ, именно: обшивка наружныхъ стѣнъ была плетеная изъ зеленыхъ дранокъ [трельяжъ]. Точно въ томъ же стилѣ былъ построенъ и сквозной павильонъ у «деревянной» лѣстницы, которая вела къ берегу Славянки, и донынѣ называемый Трельяжемъ. Изобиліе плетеныхъ построекъ въ саду въ Павловскѣ, встрѣчающихся весьма часто, свидѣтельствуетъ, что подобнаго рода садовыя сооруженія были въ большой модѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

Къ 1-му января 1784 г. населеніе с. Павловскаго состояло

изъ 688-ми душъ обоего пола придворныхъ служителей, солдатъ, мастеровыхъ и крестьянъ.

6-го сентября 1784 г. совершено освященіе больничной церкви во имя Св. Равноапостольной Маріи Магдалины. Снабженная всѣмъ необходимымъ для богослуженія, церковь постепенно украшалась и пополнялась въ послѣдующіе годы. При церковномъ зданіи былъ выстроенъ каменный флигель для помѣщенія богадѣльни, въ томъ же году учрежденной Великою Княгинею на 10 человѣкъ мужскаго и 10 душъ женскаго пола. До 1809 г. зданіе это, называвшееся «богадѣльнею», «церковнымъ инвалидомъ», или просто больницею, было одноэтажное.

Другимъ учрежденіемъ Основательницы Павловскаго была школа для дѣтей, для помѣщенія которой близь церкви отстроенъ одноэтажный флигель. Постройка школы обошлась только въ «130 рублевъ», такъ какъ на нее употреблены матеріалы отъ старыхъ разобранныхъ дворцовыхъ зданій. Съ апрѣля 1784 г. школа была уже открыта и Великой Княгинѣ представлена «дѣтская вѣдомость» объ ученикахъ и ученицахъ [по 15-ти человѣкъ обоего пола]. То были дѣти служителей и матросовъ, между ними дѣти Кузьмы Петровича и сынъ его крѣпостнаго человѣка.

Этотъ мирный бытъ Павловскихъ жителей былъ нарушенъ весною 1784 г появленіемъ бродягъ въ окрестностяхъ. Великій Князь, обыкновенно почти не входившій въ распоряженія по Павловскому, на этотъ разъ немедлен-

но приказалъ Кюхельбекеру принять мѣры къ охраненію Павловскаго отъ подозрительныхъ людей.—«Я получилъ нѣсколько вѣстей», писалъ Великій Князь 9-го мая, изъ Царскаго Села, «что у васъ въ окрестностяхъ появились бродяги. Прикажите людямъ вашимъ производить разъѣзды отъ Линны до столба, а отсюда вдоль по Ридингу, и обыщите лѣсъ. Употребите на это вашихъ инвалидовъ, но посылайте ихъ по двое. Начните завтра же съ утра и продолжайте по временамъ во все продолженіе дня. Будьте особенно на-сторожѣ между десятью и одиннадцатью часами».

На слѣдующій день, 10-го мая, послѣдовало новое строжайшее распоряженіе:

«Если вамъ попадутся люди безъ видовъ, отошлите ихъ въ Софіевскъ. Если они на столько многочисленны, что вы съ вашими силами не въ состояніи справиться съ ними, увѣдомьте Земскій Судъ».

Лѣто 1784 г. Цесаревичъ и его супруга провели въ Павловскомъ; сюда же переведена была съ Каменнаго острова и команда, сформированная въ 1783 г. изъ тридцати человѣкъ отъ флотскихъ баталіоновъ. Въ 1784 году команда эта была увеличена до 80 человѣкъ. Владѣтель Павловскаго назвалъ свой отрядъ ротою, обмундировалъ на свой счетъ по прусскому образцу и сталъ обучать строю, придерживаясь прусскаго устава. Въ слѣдующемъ году было освящено для этой команды имѣвшееся въ Павловскомъ знамя.

29-го іюня 1784 г., по случаю тезоименитства Великаго Князя, были иллюминація и фейерверкъ въ Павлов-

скомъ; тоже и 22-го іюля, въ день тезоименитства Великой Княгини. «Разные припасы» были привезены изъ Гатчины; фейерверки устраивалъ П. И. Мелисино. Во время распоряженій для перваго празднества, Цесаревичъ писалъ Кюхельбекеру:—«Прошу васъ сказать Мелисино, чтобы въ фейерверкѣ не дѣлать ни аллегорій, ни надписей и не выставлять также моего вензеля».

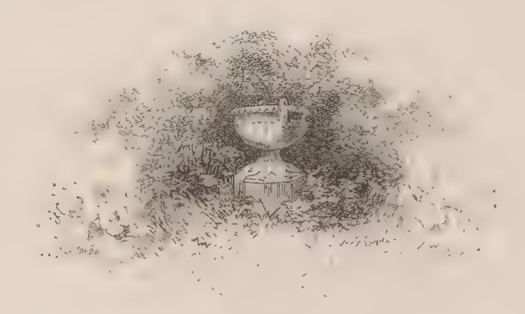
Особенно блестящая [по тому времени] иллюминація была въ Павловскомъ 29-го іюля 1784 г. по случаю дня рожденія Великой Княжны Александры Павловны, какъ видно изъ современнаго описанія: «расположены были огни—9,600 штукъ, противъ главнаго дому на площади, по лѣстницѣ внизъ до аглицкой дорожки; отъ лѣстницы по дорожкѣ до «Храма дружбы»; отъ Храма чрезъ «Коренной» мостъ и около пруда дорожкою къ Шале; отъ Шале по горѣ чрезъ каменный и косой мостики до лѣстницы главнаго дома. Около пруда съ островомъ стояли плошки; на судахъ—шкалики; на Храмѣ дружбы шкалики и плошки; на Руинѣ—плошки; на Колоннадѣ, къ церкви у алтаря—шкалики и плошки, также на обелискѣ, на Царскосельскихъ и на Липицкихъ воротахъ».

Число посѣтителей с. Павловскаго лѣтомъ и осенью было, говоря относительно, довольно велико. Предупреждая директора о пріѣздѣ гостей, Великая Княгиня обыкновенно поручала ему распорядиться ихъ пріемомъ, помѣщеніемъ въ дворцовыхъ комнатахъ или въ оранжерейномъ флигелѣ, причемъ входила сама въ мельчайшія подробности.

Въ письмахъ изъ Гатчины и Петербурга Марія Өеодоровна постоянно освѣдомлялась о здоровьи инвалидовъ, рабочихъ, о томъ: ходятъ ли дѣти въ школу, исправно ли посѣщается церковь?

Ободряя, при тѣхъ или другихъ неудачахъ въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ по созидаемому с. Павловскому, Великая Княгиня писала: «не унывайте, мой добрый Кюхельбекеръ, вы увидите, что все пойдетъ хорошо; берегите только свое здоровье, равно какъ и здоровье рабочихъ, это главное».

Кромѣ Камерона, въ окончательной художественной отдѣлкѣ дворца принимали участіе: Бренна, Скотти, Руффини, Ламени, Віаллье, русскіе художники Даниловъ. Козловъ и нѣсколько учениковъ академіи художествъ, присланныхъ Бецкимъ. Русскіе художники были скромные, послушные, исправные—чего нельзя сказать объ иностранныхъ мастерахъ: деликатность Великой Княгини и терпѣніе Кюхельбекера были безсильны для обузданія заносчивыхъ итальянцевъ и черезъ чуръ самолюбивыхъ французовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Великая Княгиня предпочла бы имъ художниковъ русскихъ, но таковыхъ было мало.



Въ теченіе 1785—1787 гг. художественныя работы, окончательная отдѣлка и меблировка дворцовыхъ покоевъ и садовыхъ зданій, оранжерейныхъ комнатъ, работы по саду и парку—шли довольно успѣшно.

Соперницею Павловскаго явилась Гатчина, въ 1784 году пожалованная Императрицею въ собственность Великому Князю *. Дворецъ, оранжереи и сады Гатчины, поставленные прежнимъ владѣльцемъ на высокую степень изящества, возбуждали въ Созидательницѣ Павловскаго чувства артистическаго соревнованія, которыя она желала внушить Кюхельбекеру и художникамъ, занимавшимся отдѣлкою дворца. «Прибылъ-ли къ вамъ Скотти?»—писала Великая Княгиня весною 1785 г. — «Передайте ему, что я надѣюсь, что онъ не будетъ пренебрегать моими работами и къ живописи у меня приложитъ тѣ же старанія, какъ и въ Гатчинѣ, которая, какъ говорятъ, прелестна». «Гатчина соперница весьма опасная», писала Великая Княгиня въ

* Мыза Гатчина пожалована Екатериною II-ю въ 1762 г. Григорію Григорьевичу Орлову, по кончинѣ котораго это имѣніе было куплено обратно въ казну и въ 1784 году подарено В. К. Павлу Петровичу. Здѣсь, на мѣстѣ ветхой мызы, близь Бѣлаго или Большаго озера, возведенъ былъ Орловымъ, по плану архитектора Ринальди, великолѣпный барскій домъ съ башнями, который двумя полукруглыми флигелями соединенъ былъ со службами, въ видѣ четвероугольниковъ, построенныхъ на оконечностяхъ. Обширное пространство близь дома обращено было въ паркъ.

другомъ письмѣ, 14-го сентября 1785 г., «и необходимо приложить всю вашу дѣятельность и все усердіе, чтобы Павловское могло выдержать сравненіе». Колера для окраски стѣнъ и лѣпныхъ украшеній дворцовыхъ комнатъ выбирались самою Владѣтельницею: то были любимые цвѣта ея супруга и она настоятельно требовала, чтобы это желаніе было непремѣнно исполнено, хотя бы вопреки возраженіямъ Бренна, Скотти и др. Помимо неисправности художниковъ, неисполнительности въ обѣщаніяхъ, множество обстоятельствъ препятствовало окончить отдѣлку дворца къ Свѣтлому празднику 1785 г. [20-го апрѣля], какъ того желала Великая Княгиня. Въ числѣ этихъ препятствій была болѣзнь сына Скотти, которая надолго отвлекла отца отъ его занятій. Горе, постигшее художника, еще недавно досаждавшаго Великой Княгинѣ своею мѣшкотностью, возбудило въ ней живѣйшее къ нему участіе. Великая Княгиня Марія Θеодоровна прислала къ больному лейбъ-хирурга Дрейера, ежедневно освѣдомлялась о состояніи здоровья молодаго Скотти и забыла свои недавнія нетерпѣливыя желанія.

Къ лѣту работы были окончены къ совершенному удовольствію Великой Княгини. Лѣтомъ 1786 г. во дворцѣ отдѣлывались покои для помѣщенія дочерей Великой Княгини, стѣны оклеивались бумажными обоями, которые, замѣтимъ, были тогда новизною, и только что начинали входить въ употребленіе. Наконецъ, кромѣ изящной мебели, зеркалъ, картинъ, статуй, бронзъ, фарфора, и т. п., которыми постепенно пополнялись и украшались дворцовыя комнаты,—значительно увеличилась библіотека Великой Княгини.

Марія Θеодоровна была весьма расчетлива не только при значительныхъ затратахъ по дворцу, но даже и въ мелочахъ хозяйственныхъ. Каждая смѣта художественныхъ и обойныхъ работъ, каждый счетъ подрядчиковъ подвергался внимательному просмотру Владѣтельницы Павловскаго. Приводимъ нѣсколько писемъ въ цѣломъ видѣ и въ отрывкахъ, какъ доказательства разумной бережливости супруги Наслѣдника престола, въ томъ ея возрастѣ, въ которомъ расчетливость составляетъ рѣдкое явленіе и именно въ ту эпоху, когда расточительность и роскошь составляли одну изъ основныхъ стихій нашего придворнаго быта.

...«Уговорились ли вы на счетъ бѣлой тафты? Такъ какъ съ меня спрашивали рубль шестьдесятъ коп., я не хотѣла взять, думая, что съ меня запрашиваютъ? Поручаю это вамъ. Мнѣ показывали тафту въ рубль пятнадцать копѣекъ, но она очень плоха.

...«Прошу васъ, мой добрый Кюхельбекеръ, дать мнѣ отвѣтъ на счетъ ситцу. Вы не должны опасаться заплатить за него, потому что я въ ту же минуту отдамъ вамъ деньги»...

14 апрѣля 1785 г. «Такъ какъ я вижу, что теперь вы очень нуждаетесь въ деньгахъ, посылаю вамъ пятьсотъ рублей, взятые мною въ займы. Наградите тѣхъ, которые особенно хорошо работали при ледоколѣ, въ особенности же увѣдомьте меня не заболѣлъ ли кто на этой работѣ?

«Запишите на смѣтѣ въ 16,000 р., ассигнованныхъ на конюшни, во сколько обойдутся кирпичи, нами уже сосчитанные, и матеріалы, уже имѣющіеся у насъ?

«Вы были правы, добрый мой Кюхельбекеръ, говоря, что смѣта о постройкѣ конюшень перепугаетъ насъ. Есть

чего перепугаться, ибо эта смѣта дѣйствительно аптекарскій счетъ. Я о ней говорила со многими лицами и всѣ испуганы и удивлены столько же, какъ и я. Поэтому прошу васъ приказать другимъ ее пересмотрѣть и сами пересмотрите. Пильниковъ добрый малый, но онъ считаетъ по манерѣ тѣхъ первоклассныхъ архитекторовъ, которые—чуть дѣло идетъ о дворцѣ—насчитываютъ вдвое и втрое.

«Сдѣлаю вамъ нѣсколько замѣтокъ:

«Стѣны сараевъ могутъ быть, какъ мнѣ кажется, сложены въ полтора кирпича, ибо такъ какъ въ нихъ никто не живетъ, то все равно—будутъ ли или нѣтъ промерзать стѣны.

«Тоже говорю и обо всѣхъ стѣнахъ, которыми обнесены сараи.

«Такъ какъ во всемъ зданіи сараевъ и конюшень нѣтъ ни одной печки, ни одного камина, а слѣдовательно, и опасности отъ огня,—то желѣзныя кровли вполнѣ безполезны и могутъ быть замѣнены черепицами, такъ какъ тѣ дешевле.

«Повторяю вамъ, мой добрый Кюхельбекеръ, что счетъ всѣмъ кажется непомѣрнымъ, и такъ или иначе, но въ него непремѣнно вкралась ошибка.

«Посылаю вамъ 150 р., изъ которыхъ 100 руб. дадите Курдюкову, а 10 кирасиру, у котораго я крестила ребенка. Остальные 40 возьмите въ кассу. Все-таки хоть что нибудь».

15-го мая 1785 г. «Посылаю вамъ 40 р., которые вы употребите какъ знаете лучше. Особенно поручаю вамъ расплатиться съ землекопами, на сколько это человѣчески возможно. Пришлите мнѣ мѣрки печей, ко-

IV

торыя въ нижнемъ и въ третьемъ этажахъ, чтобы я могла заказать заслонки здѣсь, гдѣ ихъ дѣлаютъ хорошо, а такъ какъ мастеръ здѣсь состоитъ на службѣ, то за нихъ не надобно платить денегъ.

«Что это за счетъ г. Дмитріева въ 165 р. за фонари и канделябры, которые—я очень хорошо помню—были, по моему приказанію, куплены моимъ камердинеромъ Сидоровымъ и деньги за нихъ тотчасъ же уплачены?»

24-го сентября 1786 г. «.... маіоръ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что каждый кустъ можжевельника обойдется намъ въ восемь копѣекъ, онъ же платитъ только по три копѣйки; поэтому мнѣ пришло на мысль сказать вамъ, чтобы вы прислали сюда лошадей въ воскресенье, пораньше утромъ. Тогда они навезутъ нѣсколько возовъ этихъ кустарниковъ, мы заплатимъ только по три копѣйки и, въ то же время, лошади не будутъ отвлечены отъ работъ на понедѣльникъ».

Паркъ и садъ, будучи предметами постоянныхъ попеченій Великой Княгини, требовали непрерывныхъ трудовъ. Фруктовыя деревья доставлялись изъ Москвы, дубы изъ Финляндіи, липы изъ Любека; цвѣточныя сѣмена и оранжерейныя растенія вообще—изъ чужихъ краевъ. О сбереженіи липъ и прочихъ деревьевъ отъ зимней стужи, Великая Княгиня заботилась сама, будучи вполнѣ знакома съ пріемами садоводства. Она сообщала Кюхельбекеру и Визлеру подробныя свѣдѣнія о сбереженіи деревъ, ихъ поливкѣ, окуриваніи и т. п., почерпнутыя ею изъ сочиненій новѣйшихъ ботаниковъ, или основанныя на опытахъ. Подсадка новыхъ деревьевъ иногда доставляла Великой Княгинѣ удовольствіе сдѣлать сюрпризъ ея супругу, особенно если деревья эти были любимые имъ клены

Она сама, Великій Князь и ихъ Августѣйшія дѣти собственноручно сажали деревья близь дворца и этимъ, въ 1785 году, положено основаніе «Семейной рощѣ»; она и розовый кустъ, присланный Великой Княгинѣ изъ Монбельяра, были предметами особой заботливости Маріи Ѳеодоровны.

Въ оранжереяхъ и теплицахъ не было недостатка ни въ цвѣтахъ, ни въ фруктахъ. Букеты и плоды были, такъ сказать, данью, которою обложила Павловское его Владѣтельница; во время болѣзни, или въ грустныя минуты, она писала Кюхельбекеру о присылкѣ цвѣтовъ, говоря, что они утѣшаютъ и развлекаютъ. Кромѣ цвѣтовъ, которыми въ лѣтнее время засаживались клумбы дворцоваго сада, онъ съ каждымъ годомъ украшался статуями, вазами и т. п.

Къ осени 1786 г. въ саду, кромѣ домика Пустынника, Молочнаго домика, Шале, Вольера, Китайской бесѣдки, Руины, Колоннады и Храма дружбы находились: вазы гранитная и мраморная, Ванная и Шарбоньеръ [хижина угольщика]. Изящныя чугунныя ворота служили въѣздами въ садъ со стороны Царскосельской и Липицкой дорогъ. Должно замѣтить, что до 1785 г. ворота и рѣшетки балконовъ были украшены вензелевымъ изображеніемъ имени Великой Княгини; 12-го мая этого года Кюхельбекеромъ получено было слѣдующее повелѣніе:

«Прошу васъ, добрый мой Кюхельбекеръ, присоединить вензель моего мужа къ моему вензелю на Липицкихъ воротахъ: онъ такъ любитъ Павловское, что я желаю, чтобы онъ смотрѣлъ на него какъ на свою собственность».

Вскрытія Славянки и весенніе разливы этой рѣчки были важнымъ событіемъ для жителей вообще, а для

*

директора Павловскаго—въ особенности. Имъ нанимались ледоколы для прорубки ледяныхъ глыбъ и цѣлая команда землекоповъ для удержанія разлива въ предѣлахъ безопасности для сада. Великая Княгиня каждую весну, чрезъ нарочныхъ, справлялась о силѣ разлива, о высотѣ воды и о томъ—не сильно ли размыты берега. Этимъ опасеніямъ были отчасти уважительныя причины: напомнимъ читателю, что въ сентябрѣ 1777 г. Петербургъ постигло сильное наводненіе, о которомъ Великая Княгиня сохранила грустное воспоминаніе. Разливы Славянки, сравнительно съ разливами Невы, конечно, были ничтожны, но и первобытное Павловское было не велико, а рѣчка Славянка, нынѣ измельчавшая, причиняла, въ описываемое время, своими наводненіями вредъ немаловажный. Такъ, весною 1785 г., въ возвышенности, на которой стоитъ дворецъ, образовалась разсѣлина. Это событіе сильно обезпокоило Владѣтельницу с. Павловскаго.

— «Ваше письмо», писала она Кюхельбекеру, «ужасно меня перепугало,—не поврежденьями, произведенными водою, на которыя я смотрю какъ на бездѣлицу, но вы говорите, что въ горѣ образовалась разсѣлина? Это самая дурная новость, ибо она заставляетъ меня опасаться за прочность дома, а это не шутка. Удивляюсь, что вы мнѣ такъ легко объ этомъ говорите, а всего прежде слѣдовало бы осмотрѣть и изслѣдовать то, что причиняетъ мнѣ невѣроятное безпокойство, и потому спѣшу послать вамъ нарочнаго, чтобы вы дали мнѣ болѣе точныя свѣдѣнія. Ради Бога, разсмотрите въ чемъ дѣло? Эта новость до того поразила меня, что я успокоюсь только по полученіи вашего отвѣта, но требую, чтобы отвѣчали правду и по совѣсти. Прощайте, мой добрый Кюхельбекеръ.

«Удивляюсь, что Шаумбургъ не доложилъ мнѣ о здоровьи Скотти. Новость о разсѣлинѣ горы меня чрезвычайно поразила. Если трещина эта идетъ вверхъ по горѣ—домъ рухнетъ. Не понимаю, добрый мой Кюхельбекеръ, какъ вы къ этому легко относитесь и какъ вы тотчасъ же не осмотрѣли мѣста?»

Опасенія оказались напрасны; но разливы Славянки причиняли Великой Княгинѣ еще и другія безпокойства: она заботилась о здоровьи рабочихъ при колкѣ льда. Нарочные изъ Петербурга пріѣзжали въ с. Павловское въ теченіе нѣсколькихъ дней единственно за тѣмъ, чтобы узнать не заболѣлъ ли кто изъ рабочихъ, не простудился ли кто нибудь изъ нихъ? Въ большинствѣ случаевъ работники оказывались здоровыми—но, въ предупрежденіе простуды, Марія Ѳеодоровна присылала денегъ на теплое питье, на водку, на новую обувь и т. д.

Весною 1785 г. начата была постройка дома директора близъ церкви и дома г-жи Бенкендорфъ. Осенью директоръ Павловскаго представилъ Великой Княгинѣ списокъ лицъ, изъявившихъ желаніе строиться въ ея резиденціи; отвѣтъ, 15-го сентября, былъ слѣдующій: «.... что касается до списка лицъ, желающихъ у меня строиться, хотя я этому очень рада, однако же соизволеніе мое дамъ не иначе, какъ по доставленіи каждымъ желающимъ дозволенія, подписаннаго Софійскимъ городничимъ. Это положительно необходимо во избѣжаніе всякихъ, могущихъ быть, непріятностей. Когда они представятъ дозволеніе, тогда я имъ назначу мѣста согласно плану, одобренному моимъ мужемъ».

Церковь, школа и больница—украшеніе первой и благосостояніе двухъ остальныхъ учрежденій—были предме-

тами особыхъ заботъ Владѣтельницы с. Павловскаго. Изъ плана 1786 г. видимъ, что въ первые девять лѣтъ своего существованія Павловское значительно разрослось. На этотъ планъ нанесены слѣдующія зданія: Дворецъ, Охотничій домъ, Швейцарскій домикъ, Храмъ дружбы, Молочня, близь нея—скотный дворъ, Хижина угольщика [Шарбоньеръ], Эрмитажъ [домикъ Пустынника], Колоннада, Вольеръ, конюшня, школа, церковь, домъ священника, пять каменныхъ оранжерей, предполагаемое предмѣстье, магазинъ, кирасирскія казармы, лазаретъ, солдатскія казармы, деревня Линна. Населеніе, значительно умножившееся, увеличивалось отъ весны и до зимы приходомъ матросскихъ командъ, занимавшихся работами въ саду и въ паркѣ.

Весною 1786 г. между рабочими появилось много больныхъ. По распоряженію Великой Княгини, въ Павловское былъ присланъ въ качествѣ мѣстнаго врача докторъ Ритмейстеръ. Вотъ выдержки изъ писемъ Владѣтельницы с. Павловскаго къ Кюхельбекеру, выражающихъ заботы ея о заболѣвшихъ рабочихъ.

«. . . . Что подѣлываютъ наши больные? Ради Бога остерегитесь, чтобы чего не приключилось теперь, при вскрытіи рѣки: несравненно лучше потерпѣть какія-нибудь поврежденія, нежели допустить несчастный случай съ кѣмъ бы то ни было».

21 марта 1786. «. . . . Возвращаюсь къ другому вопросу, который весьма сокрушаетъ меня: говорю о множествѣ больныхъ и частыхъ смертныхъ случаяхъ, о которыхъ вы меня увѣдомляете. Что касается до множества больныхъ, то и здѣшніе госпитали также наполнены ими, но что безконечно огорчаетъ меня—это видѣть, что не про-

ходитъ недѣли, чтобы у васъ кто нибудь не умеръ. Особенно поразила меня смерть втораго штукатура, умершаго отъ цынги, тогда какъ эта болѣзнь обыкновенно не смертельна, и даже лекарь не довелъ до нашего свѣдѣнія, что больной опасенъ. Желаю, чтобы вы мнѣ прислали подробный списокъ больныхъ и чтобы Ритмейстеръ отмѣтилъ на немъ кто именно изъ нихъ боленъ серьезно. Хорошо сдѣлаете если посовѣтуете ему, буде у него есть тяжко-больные, совѣщаться съ Ромбергомъ, который его опытнѣе, и тогда каждый разъ писать къ Крузе *, испрашивая его совѣта. Отвѣчайте мнѣ на это и прошу васъ еще, добрый мой Кюхельбекеръ, приказать разъ на всегда, если появится опасно больной, чтобы вамъ о немъ тотчасъ же сообщали. Если вы въ городѣ, то прикажите Ритмейстеру присылать къ вамъ нарочнаго, а къ Крузе—донесеніе. Эти покойники очень меня огорчаютъ. Ради Бога, не жалѣйте ни денегъ, ни расходовъ, ни заботъ, чтобы предупреждать болѣзни, и убѣдите Ритмейстера удвоить усилія къ спасенію этихъ бѣдняковъ. Зачѣмъ вы отослали въ Петербургъ трехъ больныхъ каменьщиковъ? Отвѣчайте на этотъ вопросъ».

Принимая участіе въ положеніи жителей Павловскаго, Великая Княгиня приложила самое радушное стараніе о томъ, чтобы докторъ Ритмейстеръ и жена его, акушерка, снискали довѣріе жителей и пользовались практикою. «Досадно», писала по сему предмету Великая Княгиня, «что еще никто не пользовался услугами Ритмейстерши,

* Карлъ Ѳедоровичъ Крузе [Carl Friedrich Kruse], лейбъ-медикъ Императрицы съ 1770 года.

но пусть это придетъ само собою и склонить къ тому нельзя никого иначе, какъ убѣжденіями и ласкою; но я желала бы, чтобы жена моего священника подала другимъ добрый примѣръ».

Великій Князь съ супругою посѣщали Павловское не только лѣтомъ, когда проводили здѣсь по нѣскольку недѣль, но иногда, на нѣсколько часовъ, позднею осенью и даже зимою. Праздники лѣтомъ, какъ и въ предъидущіе года, не отличались ни роскошью, ни затѣйливостью, нося отпечатокъ семейнаго характера. Во время ихъ, въ дворцовомъ залѣ иногда давались представленія—нѣмецкія оперетки и небольшія комедіи.

Въ іюлѣ 1786 г. въ с. Павловскомъ былъ праздникъ, о простотѣ обстановки котораго даютъ понятіе отрывки изъ слѣдующихъ писемъ Великой Княгини.

Петергофъ, 2-го іюля. «По полученіи сего письма вы немедленно отправитесь въ Царское Село [съ Віаллье и Николаи] и уговоритесь, чтобы попросить часть зеленыхъ фонарей у Бецкаго, другую у Стрекалова, третью у графа Чернышева, но вычтите изъ этого числа фонари, которые у насъ есть. Постарайтесь это устроить до моего пріѣзда, чтобы я затѣмъ знала о результатѣ вашего совѣщанія и могла сказать, что̀ еще надобно будетъ дѣлать».

Гатчина, 6-го іюля. «Настоятельно необходимо переговорить съ вами о тысячѣ вещей для праздника, особенно объ убранствѣ итальянской залы, такъ какъ мнѣ кажется, вы не хорошо меня поняли. И такъ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, пріѣзжайте сегодня изъ Павловскаго...

Я очень довольна всѣмъ, о чемъ вы меня увѣдомляете: слышу отовсюду чудеса обо всемъ этомъ».

Гатчина, 8-го іюля. «Продолжайте приготовленія для театра, потомъ мы будемъ дѣлать репетиціи и до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ совершенства. Необходимо во что бы то ни стало поставить въ оркестръ клавикорды: взять ихъ изъ Шарбоньера. Прощайте, въ субботу пріѣдемъ къ вамъ. Пришлите ящикъ съ перьями, которыя оказались лишними.

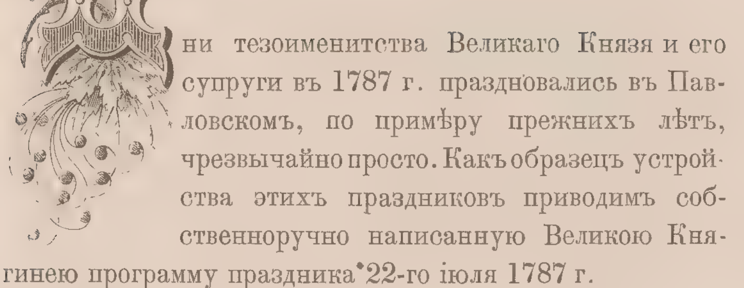
«Я приказала привезти изъ города цвѣточныя гирлянды, которыми какъ-то разъ былъ убранъ большой залъ на Каменномъ островѣ еще до насъ, и думаю, что эти же самыя гирлянды могутъ послужить для украшенія театральной залы. Можно ихъ приподнять красивыми бантами изъ цвѣтной бумаги. Я думаю, что намъ удастся украсить эти залы, почти ничего на нихъ не потративъ. Мы это уладимъ, какъ только ваша колика позволитъ вамъ выйти. Затѣмъ, мой добрый Кюхельбекеръ, надобно будетъ безотлагательно натянуть парусину на большую маркизу у кабинета, а то къ намъ на подъѣздъ валятся камни, пыль и щепки; но вмѣсто того, чтобы маркиза была оборками, надо сдѣлать ее прямую, иначе она будетъ застить, что повредитъ этому кабинету, который и безъ того немножко теменъ».

Домашній спектакль былъ вновь устроенъ въ сентябрѣ того же 1786 г., сюрпризомъ для В. К. Павла Петровича.

Радушіе и привѣтливость Великой Княгини придавали особенную прелесть не только праздникамъ въ ея резиденціи, но и посѣщеніямъ Павловскаго въ обыкновенные

дни. Гостямъ отводились покои въ верхнемъ этажѣ дворца или въ оранжерейномъ флигелѣ, при чемъ Великая Княгиня всегда заботилась сама объ удобствахъ помѣщенія гостей. Какъ именитые посѣтители, такъ и горожане, имѣвшіе возможность побывать въ Павловскомъ, пользовались гостепріимствомъ Высокой Владѣтельницы. Только однажды, впервые со времени существованія Павловскаго, она выразила его директору свое неудовольствіе. Вотъ это замѣчаніе:

— «Прошу васъ, г. Кюхельбекеръ, никому не дозволять входить въ мое Шале. Я съ удивленіемъ узнала, что тамъ былъ человѣкъ [кн. Г. А.] Потемкина. Такъ какъ я вамъ этого не запрещала, то и не могу за то дѣлать выговоровъ, но весьма васъ прошу, чтобы впредь этого не случалось».



ни тезоименитства Великаго Князя и его супруги въ 1787 г. праздновались въ Павловскомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, чрезвычайно просто. Какъ образецъ устройства этихъ праздниковъ приводимъ собственноручно написанную Великою Княгинею програму праздника*22-го іюля 1787 г.

1) «Фейерверкъ будетъ спущенъ за колонною; у колонны будутъ двѣ палатки для зрителей.

2) «Въ то время, какъ Дворъ будетъ смотрѣть на фейерверкъ—поспѣшить зажиганіемъ шкаликовъ, дабы, возвращаясь во дворецъ, Дворъ шествовалъ по иллюминованной аллеѣ,

3) «Главная аллея ко дворцу будетъ иллюминована сводами изъ одноцвѣтныхъ бѣлыхъ огней. Въ каждомъ сводѣ двѣ гирлянды, между которыми навѣсить цвѣтные фонари. Гирлянды будутъ также обвѣшаны разноцвѣтными шкаликами. Примѣчаніе. Для этой аллеи подставки и своды, уже бывшіе въ употребленіи въ Павловскомъ, могутъ послужить еще, если ихъ перевернуть, какъ значится на планѣ. Гирлянды и фонари будутъ доставлены изъ Гатчины.

4) «Площадка дворцоваго двора будетъ иллюминована, какъ значится на планѣ; именно, здѣсь будетъ разставлено шесть—изъ числа большихъ—пирамидъ, уже бывшихъ въ употребленіи, но совершенно покрытыхъ шкаликами бѣлаго огня; а малыя [пирамиды] въ промежут-

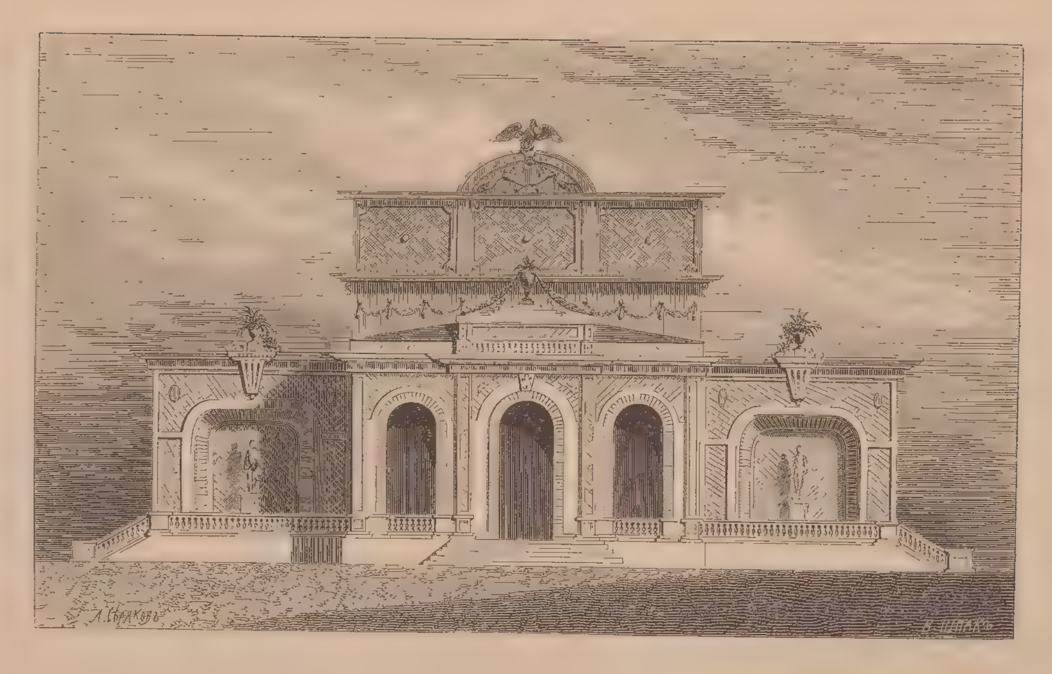
кахъ, какъ бы замыкая окружность площадки, будутъ окаймлены только однимъ рядомъ шкаликовъ, но разныхъ цвѣтовъ съ нитью шкаликовъ внизу бѣлыхъ и очень тѣсно разставленныхъ.

«Примѣчаніе. Можно будетъ достать въ Гатчинѣ всѣ малыя пирамиды изъ разноцвѣтныхъ огней и къ нимъ шкалики.

5) «Когда прибудутъ во дворецъ, отъ балкона фасада, выходящаго въ садъ,—Дворъ увидитъ все озеро слѣдующимъ образомъ иллюминованное, а именно:

«По берегу, на другой сторонѣ озера, насупротивъ дворца, будетъ постановленъ храмъ, уже бывшій въ употребленіи, на которомъ изобразятся другіе девизы; другой транспарантъ на фронтонѣ, соотвѣтствующій празднику, согласно приказаніямъ, которыя по этому случаю будутъ даны Его Императорскимъ Высочествомъ. Вся архитектура этого храма должна быть дважды иллюминована, вдвое противъ прежняго, то есть рисунокъ архитектуры долженъ быть совершенно обведенъ огненными линіями посредствомъ тѣсно и правильно размѣщенныхъ шкаликовъ.

6) «По обѣимъ сторонамъ храма будутъ поставлены вертящіяся пирамиды изъ разноцвѣтныхъ огней. Отъ этихъ пирамидъ къ другимъ, замыкающимъ фасадъ, эта часть озера будетъ окаймлена перекрещивающимися полукругами двухъ цвѣтовъ, какъ показано на рисункѣ: онъ набросанъ на планѣ. Двѣ пирамиды, дальнѣйшія отъ храма, будутъ окаймлены двойнымъ рядомъ цвѣтныхъ шкаликовъ, а середина бѣлыми шкаликами. Остальныя части береговъ озера будутъ иллюминованы просто рядомъ шкаликовъ, разставленныхъ по землѣ.



ТЕАТРЪ.

(1783).

7) «На озерѣ будетъ хорошенькая лодка съ навѣсомъ изъ дранокъ, вся покрытая разноцвѣтною иллюминаціею; въ ней помѣстятся музыканты. Эта лодка будетъ тихо плавать взадъ и впередъ предъ храмомъ, чтобы придать красивый видъ отъ дворца; это непремѣнно произведетъ отличный эффектъ, вслѣдствіе отраженія каждаго предмета въ водѣ, которая, удваивая иллюминацію, придастъ блескъ и живописность рисунку.

8) «Всѣ садовыя дороги будутъ по обѣимъ сторонамъ окаймлены глиняными плошками, какъ означено красными точками на планѣ».

Кромѣ иллюминаціи, въ тотъ же вечеръ, 22-го іюля 1787 г., былъ спектакль на полевомъ театрѣ [sic]. Иллюминаціями и фейерверками на праздникахъ въ Павловскомъ завѣдывалъ Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ.

Не безъ ироніи повѣствуетъ объ этихъ скромныхъ праздникахъ одинъ изъ приближенныхъ кн. Потемкина, полковникъ Михаилъ Гарновскій:

—«На бывшемъ 29-го іюня въ Павловскомъ маскарадѣ было великое множество разнаго званія людей. Весь Павловскій садъ былъ подъ вечеръ иллюминованъ, а въ 11-мъ часу по полудни сожженъ, не совсѣмъ удачно, небольшой фейерверкъ. Во время иллюминаціи видны были въ огняхъ разные, нарочно для сего праздника сооруженные предметы, изъ коихъ главнѣйшимъ почесть можно было тотъ, на которомъ стояла надпись: «Храмъ супружеской любви»; но что касается до прочихъ, то они не только не имѣли ни малѣйшаго къ первому отношенія, но и не были устроены съ такимъ вкусомъ, чтобъ можно было почесть распоряжавшагося онымъ г-на Плещеева [Сер-

гѣя Ивановича] за великаго въ семъ дѣлѣ знатока. И такъ, прейду я лучше историческое оныя иллюминаціи описаніе молчаніемъ.

«Въ сіе время»—продолжаетъ Гарновскій—«содержала при дворцѣ Павловскомъ караулъ рота гренадеръ изъ баталіона морскаго. Одежда и прочій приборъ сихъ солдатъ суть точь въ точь такіе, какъ будто-бы оныя нарочно изъ Пруссіи выписаны были. Рядовые употребляютъ стариннаго прусскаго фасона гренадерскіе колпаки, красные галстухи, прусскаго покроя кафтаны, камзолы, штаны и черные штиблеты. Унтеръ-офицеры одѣты такъ же, употребляютъ только вмѣсто ружей предлинные эспантоны, выкрашенные изъ-синя-бѣлесоватою краскою, съ коими попеременно, по два изъ нихъ, примѣрно гвардейскимъ уборнымъ, содержатъ караулъ во внутреннихъ комнатахъ. Офицеры—въ цѣломъ баталіонѣ и есть только одинъ русскій—носятъ мундиры самаго темнѣйшаго цвѣта зеленаго сукна, штаны съ узенькимъ, въ палецъ толщины, позументомъ, черные штиблеты и также употребляютъ эспантоны. Выписанный изъ прусской службы офицеръ, служащій теперь въ здѣшней капитаномъ, командуетъ не только симъ баталіономъ, штабъ-офицеровъ не имѣющимъ, но и ворочаетъ Наслѣдниковымъ кирасирскимъ полкомъ и занимаетъ, какъ по всему видно, первое мѣсто по военнымъ дѣламъ, когда, напротивъ сего, г. Вадковскій первенствуетъ по комнатнымъ. Сначала существовала въ вышеписанномъ убранствѣ только одна рота; баталіонъ-же воспріялъ свое начало, какъ сказываютъ, въ бытность Ея Величества въ Кіевѣ и въ то самое время, когда здѣсь нѣкоторые льстили себя надеждою, что нынѣшній покрой мундировъ и нарядъ нашихъ солдатъ

отмѣнится, и будетъ все по старому, а сіе потому, будтобы не терпящіе нынѣшней солдатской одежды успѣли доказать Ея Величеству что старый мундиръ солдатъ виднѣе и ческа волосъ имъ приличнѣе... Предубѣжденіе въ пользу старыхъ мундировъ дѣйствуетъ такъ сильно, что многіе о возстановленіи оныхъ не отчаиваются, особливо любители войскъ прусскихъ».

Имѣя собственный гарнизонъ, Павловское имѣло и свою крѣпость: въ нее преобразились остатки шведскихъ укрѣпленій, среди которыхъ, въ видѣ цитадели, возвышался Маріенталь. На валахъ крѣпости было разставлено 14 маленькихъ орудій, или, вѣрнѣе сказать, большихъ моделей отъ одного до четверти фунтоваго калибра; кстати замѣтимъ, что, кромѣ этихъ пушекъ, при дворцахъ В. К. Павла Петровича въ Павловскѣ, а также въ Гатчинѣ и на Каменномъ острову, находилось всего 41 орудіе, различныхъ временъ и разнообразнаго устройства, въ томъ числѣ пушки русскія и иностранныя, мѣдныя и чугунныя, на полевыхъ, крѣпостныхъ и морскихъ лафетахъ. Въ 1787 г. къ орудіямъ Маріенталя было присоединено шесть трехъ-фунтовыхъ мѣдныхъ пушекъ.

1787 годъ достопамятенъ въ жизни Цесаревича Павла Петровича. Близость объявленія войны возбудила въ немъ давнишнее, страстное его желаніе послужить отечеству на полѣ битвы. Принимая это за вспышку восторженнаго характера своего сына, Императрица Екатерина II отнеслась къ нему, какъ извѣстно, со всей холодностью благоразумія; выше заслугъ, которыя могли ожидать Цесаревича на полѣ чести, она ставила его сыновнюю покорность Ея волѣ. Не смотря на то, Великій

Князь не терялъ надежды достигнуть своей цѣли и съ первыхъ же чиселъ января 1788 года, когда еще питалъ надежду получить дозволеніе отправиться въ южную армію, дѣйствовавшую противу турокъ,—занялся распоряженіями относительно своихъ собственныхъ семейныхъ и государственныхъ дѣлъ, на случай внезапной кончины. Эти документы, недавно лишь открытые, весьма любопытны, во первыхъ, по ихъ историческому значенію, а во вторыхъ, какъ доказательства безпредѣльной привязанности Цесаревича Павла Петровича къ его супругѣ, отдававшаго должную справедливость высокимъ ея добродѣтелямъ. Духовное завѣщаніе Великаго Князя и письма къ супругѣ, писанныя 4-го января 1788-го года,—заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя для характеристики Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вотъ небольшія выдержки изъ завѣщанія:

— «Въ правотѣ души твоей и совѣтахъ,—писалъ Павелъ Петровичъ,—находилъ я всегда прямую отраду и пользу; и такъ, погрѣшилъ-бы я предъ отечествомъ и предъ собою, еслибы не препоручилъ особенно тебѣ исполненіе всего того, что въ отсутствіе мое, на таковой случай, за нужное поставляю.

«Богу угодно было на свѣтъ меня произвесть для того состоянія, котораго хотя и не достигъ, но не менѣе во всю жизнь свою тщился сдѣлаться достойнымъ. Промыслъ Его соединилъ меня съ тобою, любезная супруга, въ такое время для насъ обоихъ, которое никакое человѣческое проницаніе предназначить не могло, и тѣмъ самымъ показалъ на насъ обоихъ безпосредственнымъ образомъ волю Свою и запечатлѣлъ ее, исполнивъ нашъ союзъ любви и согласія, и давъ намъ залогъ оной—дѣтей любезныхъ намъ. Таковой Его особливой милости мы ничѣмъ не заслужили, а относить ее должно къ попеченію Его объ отечествѣ. О, великія обязательства возложены на насъ! Обѣихъ ихъ тебѣ, о дражайшая супруга, исполнять, а мнѣ тебѣ, при послѣднемъ моемъ часѣ, совѣтами по-

могать. Но прежде нежели приступлю къ сему важному вспомоществованію, долженъ тебѣ отворить сердце свое. Тебѣ самой извѣстно, сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа предъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты мнѣ была первою отрадою и подавала лучшіе совѣты. Симъ признаніемъ долженъ предъ всѣмъ свѣтомъ о твоемъ благоразуміи. Привязанность къ дѣтямъ—залогомъ привязанности и любви ко мнѣ была. Однимъ словомъ, не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать, равномѣрно и за терпѣніе твое, съ которымъ сносила состояніе свое, ради меня и по человѣчеству случающіяся въ жизни нашей скуки и прискорбія, о которыхъ прошу у тебя прощенія и за все сіе обязанъ тебѣ слѣдующими совѣтами. Будь тверда въ законѣ, который ты воспріяла, и старайся о соблюденіи непорочности его въ государствѣ. Не безпокой совѣсти ни чьей. Государство почитаетъ тебя своею, ты сіе заслуживаешь, и ты его почитай отечествомъ. Люби его и споспѣшествуй благу его. Я преподаю тебѣ средства къ тому. Ты прочти мои бумаги и въ нихъ найдешь то, чего я отъ тебя желаю и отъ дѣтей своихъ и по тому исполняй. Здѣсь предстоитъ награжденіе добродѣтелей твоихъ наибольшее; слава, которую ты пріобрѣтешь, дѣлая то для отечества, что тебѣ остается и на которое намѣреніе ты съ таковою рѣшимостью и охотою поступила. Благоразуміе твое тебя наставитъ на путь правый и Богъ благословитъ твои добрыя намѣренія. Старайся о благѣ прямомъ всѣхъ и каждаго. Дѣтей воспитай въ страхѣ Божіемъ, какъ началѣ премудрости, въ добронравіи, какъ основаніи всѣхъ добродѣтелей. Старайся о ученіи ихъ наукамъ, потребнымъ къ ихъ званію, какъ о томъ, что, преподавая знанія, открываешь разсудокъ. Не пренебрегай и тѣлесныхъ выгодъ, ибо отъ нихъ здоровье къ понесенію трудовъ и наружность благообразная, плѣняющая глаза. Все сіе клони къ поспѣшествованію бодрости и твердости духа, который есть напряженъ къ добру всѣми качествами души. Укрѣпи ихъ въ намѣреніи моемъ о наслѣдствѣ и законѣ онаго и въ приведеніи въ порядокъ протчихъ частей, но старайся имъ внушить, что человѣкъ всякой долженъ подчинять себя разсудку, а особливо такой, которой Богомъ призванъ под-

v

чинять страсти другихъ и управлять людьми и цѣлымъ государствомъ и народомъ. Такимъ только себя подчиненіемъ можетъ удержать другихъ во ономъ, а особливо своихъ собственныхъ потомковъ, подавая имъ примѣръ, а свою же совѣсть успокоить. Отличай тѣхъ, кто намъ вѣрны были и привязаны. Тебѣ ихъ имена извѣстны, равномѣрно какъ и подвиги. Будь милостива и снисходительна и слѣдуй въ семъ своей душѣ благодѣтельной. Награди всѣхъ тѣхъ, кто у насъ служили. Воспитавшихъ и тебя и меня особливо награди. Вмѣстѣ съ симъ получишь ты волю мою о дѣтяхъ и протчія распоряженія. Ты все сіе разбери и въ свое время сдѣлай, а между тѣмъ укрѣпляйся терпѣніемъ и добродѣтельми. Богъ да благословитъ всю жизнь твою. Прости, другъ мой, помни меня, но не плачь о мнѣ; повинуйся волѣ Того, который къ лучшему все направляетъ. Пріими мою благодарность. Твой всегда вѣрный мужъ и другъ Павелъ».

Поѣздка въ южную армію, какъ извѣстно, не состоялась. Императрица, въ виду нездоровья Великой Княгини, бывшей въ то время беременною, не отпустила Цесаревича на театръ военныхъ дѣйствій; но 10-го мая 1788 г. родилась Великая Княжна Екатерина Павловна, и вотъ, въ концѣ іюня, состоялось Высочайшее разрѣшеніе Цесаревичу ѣхать на войну, на этотъ разъ уже не противъ турокъ, а въ Финляндію, противу шведовъ.

Непріязненныя дѣйствія шведовъ начались 21-го іюня 1788 года, а 1-го іюля Великій Князь отправился въ армію. Немалаго труда стоило ему склонить Екатерину II на исполненіе его завѣтнаго желанія. Отдавая себя на жертву случайностямъ войны, В. К. Павелъ Петровичъ желалъ, чтобы въ ней принялъ участіе его морской баталіонъ—о чемъ одинъ изъ современниковъ, полковникъ Гарновскій, въ запискахъ своихъ говоритъ слѣдующее:

—«Баталіонъ морской, находившійся въ Павловскомъ, велѣно отдать во флотъ; просили, чтобы оный употреб-

ленъ былъ въ дѣло на сухомъ пути и чтобъ позволено было представить его Государынѣ въ Царскомъ Селѣ, но отказано. Какая досада! Стараніемъ графа Мамонова велѣно однако же людей сего баталіона такъ употребить, чтобъ его опять, со временемъ, собрать можно было».

За то кирасирскому Его Высочества полку, съ 1787 г. состоявшему въ Павловскомъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Великаго Князя, дозволено было, въ день выступленія изъ Павловскаго въ походъ, предстать предъ Ея Величество. 25-го іюня 1788 г. этотъ полкъ, имѣя во главѣ Наслѣдника Цесаревича, прошелъ чрезъ Царское Село. «Ея Величество съ Великою Княгинею,—какъ отмѣтилъ въ своихъ замѣткахъ Г. И. Кушелевъ,—съ маленькими Великими Князьями и со всѣми придворными дамами и кавалерами смотрѣть изволила съ параднаго балкона; а послѣ всѣ, какъ штабъ, такъ и оберъ-офицеры, жалованы къ рукѣ, и первые приглашены къ обѣденному столу». На полкъ тогда же пожаловано 1,000 руб. При проводахъ полка и его вождя, В. К. Марія Өеодоровна,—какъ замѣчено въ дневникѣ Храповицкаго,—«прослезилась и примѣтное смущеніе сокрывала Ея Императорское Величество».

30-го іюня Императрица посѣтила Петропавловскій соборъ въ Петербургѣ, обѣдала въ Зимнемъ дворцѣ и прощаясь съ Цесаревичемъ плакала. Переночевавъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ, Великій Князь 1-го іюля на разсвѣтѣ отправился въ Выборгъ.

Извѣстно, что графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, командовавшій нашими войсками въ Финляндіи, употребилъ всѣ средства, чтобы удержать порывы мужества Великаго Князя въ предѣлахъ

*

личной его безопасности. Тѣмъ не менѣе, безпокойство Великой Княгини о нѣжно любимомъ супругѣ отвлекло ее отъ хозяйственныхъ заботъ о Павловскомъ. Благополучное возвращеніе Павла Петровича [18-го сентября 1788 г.] дало ей возможность снова обратиться къ ея любимой дѣятельности по всѣмъ отраслямъ хозяйства и на поприщѣ благотворительности.

«Посылаю вамъ пятьдесятъ рублей»,—писала Великая Княгиня Кюхельбекеру, 27-го февраля 1789 г.,—«которые должны служить основнымъ капиталомъ на содержаніе шестерыхъ раненыхъ въ морскомъ сраженіи, имѣющихъ прибыть къ вамъ сегодня. Вы припомните все, что было вамъ приказано о ихъ содержаніи и помѣщеніи. Отдайте мнѣ отчетъ о всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ по этому предмету и вмѣстѣ съ тѣмъ поговорите о работахъ. Какова оттепель отъ солнца? убавляется ли толщина [льда] и велѣли-ли вы его колоть? Что подѣлываютъ больные? Прекратилась ли оспа?»

Но оспа не только не прекращалась,—а усиливалась. Въ виду этого бѣдствія, посвятивъ себя заботамъ о больныхъ, Великая Княгиня до времени отложила распоряженія хозяйственныя, удѣляя имъ изрѣдка минуту, другую, въ видѣ слова приписки къ приказаніямъ директору Павловскаго.

«Завтра г. Голлидей [врачъ] пріѣдетъ въ Павловское. Вы соберете всѣхъ находящихся тамъ дѣтей, у которыхъ не было оспы, чтобы онъ ихъ освидѣтельствовалъ и рѣшилъ—нужно ли имъ привить оспу, и тогда, подчиняясь его распоряженіямъ, уговорите родителей на это согласиться, заставивъ ихъ принять во вниманіе, что у насъ двое дѣтей, у которыхъ не было оспы и что, такимъ

образомъ, если эпидемія продолжится въ Павловскомъ, дѣти наши подвергнутся истинной опасности. Завтра увѣдомьте меня чѣмъ рѣшитъ Голлидей и пришлите мнѣ списокъ тѣхъ, кого онъ выберетъ, съ означеніемъ ихъ лѣтъ. Прощайте. Что подѣлываютъ въ Павловскомъ? дала ли себя знать сегодняшняя оттепель? Добрый вечеръ. Марія.

«Дѣти, которымъ надобно будетъ привить оспу, будутъ отправлены въ городъ къ г. Голлидею и туда, куда онъ прикажетъ».

27 марта 1789 г. «Прошу васъ, добрый мой Кюхельбекеръ, увѣдомить меня: таетъ-ли у васъ по немножку и каковы надежды на вскрытіе рѣки?

«Число больныхъ кажется мнѣ очень велико и прошу васъ сказать мнѣ, въ виду новыхъ жильцовъ съ Каменнаго острова, не отъ тѣсныхъ ли квартиръ эти болѣзни? Предложите Ритмейстеру совѣтоваться съ Крузе [лейбъ-медикомъ] въ трудныхъ случаяхъ, особенно теперь, когда у него трое опасно больныхъ».

3 апрѣля 1789 г. «Я очень довольна всѣми вашими распоряженіями, желала бы только, чтобы вы не слушали просьбъ родителей, отдавшихъ своихъ дѣтей для прививки оспы. не назначенныхъ Голлидеемъ, но надѣющихся еще, что они будутъ присланы обратно безъ прививки. Скажите Кузьмѣ Петровичу, чтобы онъ, Бога ради, заботился о своихъ дѣтяхъ. Желала бы видѣть ихъ въ добрыхъ рукахъ и не будетъ ли хорошо, если ихъ отправить въ надежное помѣщеніе? Мнѣ пришло на мысль, что, можетъ быть, Голлидей доставитъ мнѣ удовольствіе и возьметъ на свое попеченіе этихъ двухъ дѣтей, если его объ этомъ попросить. Я напишу ему еще сегодня вече-

ромъ и сообщу вамъ отвѣтъ его завтра утромъ, ибо боюсь, что если перевести ихъ къ его родственницѣ, то ихъ тамъ слишкомъ тепло будутъ держать и дѣти отъ того пострадаютъ. Скажите большое спасибо всѣмъ мужичкамъ, особенно тому, который подалъ примѣръ, и всѣмъ прочимъ родителямъ. Что же касается до вдовы Сельдюковой, послѣ ея ужаснаго предложенія извести своего ребенка и отречься отъ обязанностей, лежащихъ на матери,—вы скажите ей только, что я беру дитя на свое попеченіе; вы его довѣрите кому сочтете умѣстнымъ, подъ непосредственномъ надзоромъ Ритмейстера и его жены; относительно матери—какъ только ея здоровье дозволитъ, она должна выѣхать изъ Павловскаго и я не хочу болѣе видѣть ее въ спискахъ пенсіонерокъ; однако выждите девять дней послѣ родовъ и тогда объявите ей ея участь, но, во имя Бога, заботьтесь о дитятѣ. Письмо это доставитъ вамъ курьеръ, котораго вы оставите на эту ночь, а завтра отдадите мнѣ отчетъ—сколько принято дѣтей и всѣ ли довольны. Марія».

4 апрѣля 1789 г. «Посылаю вамъ копію съ отвѣта Голлидея. Переведите ее Кузьмѣ Петровичу и если онъ согласенъ отдать ему своихъ дѣтей, то можетъ самъ отвезти ихъ къ Голлидею. Растолкуйте этому простяку, что ему только добра хотятъ, но если будетъ упрямиться въ своемъ рѣшеніи—то дѣлать нечего. Какъ здоровье новорожденнаго ребенка? Каковъ тотъ, у котораго оспа?»

Лѣтомъ 1789 г. Павловское, этотъ пріютъ «молодаго Двора», посѣтилъ Римскій императоръ Іосифъ II, путешествовавшій подъ именемъ графа Фалькенштейна. По поводу пріема рѣдкаго гостя Великая Княгиня, вечеромъ 19-го августа 1789 г., писала Кюхель-

бекеру: — «Графъ Фалькенштейнъ прибудетъ завтра утромъ въ девять часовъ вмѣстѣ съ нами на мою дачу. Сдѣлайте всѣ распоряженія, прикажите отъ подъѣзда снять подмостки, которыми онъ нынѣ загороженъ; постарайтесь прикрыть деревьями гору противъ дома. Рабочіе могутъ оставаться въ саду. Завтракъ подать въ круглой залѣ верхняго этажа; кофе долженъ быть на столѣ, чай съ самоваромъ—на другомъ столѣ, окруженномъ чашками,—все чистенько. Планы имѣйте въ карманѣ; удвойте заботы, чтобы въ саду отнюдь не было людей съ прошеніями. Добрый вечеръ, мой добрый сударь, удвойте усердіе ваше, чтобы завтра ни въ чемъ не было промаха и чтобы все было въ порядкѣ. Марія».

Ранѣе Іосифа II, еще въ 1780-мъ году, Павловское посѣтилъ принцъ, впослѣдствіи король Прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ. Въ память его посѣщенія, близь дворца поставлена была гранитная ваза.

Говоря объ исключительныхъ событіяхъ въ скромной лѣтописи Павловскаго въ описываемое время, должно замѣтить, что рѣдкіе праздники, бывшіе въ немъ въ 1784—1790 годахъ, устраивались Великою Княгинею преимущественно сюрпризомъ для ея супруга, съ соблюденіемъ строжайшей экономіи, и были постоянно запечатлѣны семейнымъ характеромъ. Ихъ скромная обстановка вызывала невольную улыбку на лицахъ Екатерининскихъ магнатовъ, задававшихъ гомерическія пиршества, или празднества, напоминавшія арабскія сказки; но самая эта скромность придавала особенность праздникамъ въ с. Павловскомъ. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ нихъ, въ исходѣ 1780-хъ годовъ, носили на себѣ отпечатокъ воззрѣній

Цесаревича на политическія событія и не чужды были сатирическихъ намековъ, напримѣръ, на ужасы французской революціи. Такъ, въ августѣ 1789 года, въ интермедіи, разыгранной въ Павловскомъ, хоромъ спѣта была слѣдующая «кантата»:

Какая фурія изъ ада
Зажгла свѣтильникъ блѣдный свой,
И—гдѣ наукъ цвѣла отрада,
Заразъ низвергла дымъ густой!
Неужли адъ, прервавши узы,
Главою пагубной Медузы
Окаменилъ весь Галловъ умъ,
Къ законамъ оглушивъ вниманье
Чрезъ буйно—«вольность»—восклицанье
Пустилъ обманчивый свой шумъ!
Solo. Вольность [3] обманчивый есть шумъ!
Вольность—обманчивый есть шумъ
И дымъ пустой!

Въ 1795 году, 19-го августа, въ маленькомъ садикѣ Великой Княгини разыграна была на французскомъ языкѣ антологическая интермедія: «Прощаніе нимфъ Павловскаго» [Les adieux des Nymphes de Pavlovsky], сочиненная, повидимому, Лафермьеромъ *. Дѣйствующими лицами, говорившими Цесаревичу привѣтствія въ стихахъ и въ прозѣ, были: богъ Панъ, богъ Каскада и Фавнъ; танцы исполнялись «нимфами—жительницами Павлов-

---

* Роли Пана, Фавна, бога Каскада и нимфъ, были разыграны Великими Князьями Александромъ, Константиномъ, Великою Княгинею Елисаветою Алексѣевною и Великими Княжнами: Александрою, Еленою, Маріею и Екатериною.

скаго». Въ прощальной рѣчи Пана замѣчательно заключительное четверостишіе, въ которомъ упоминаются, въ шутливой формѣ, имена нѣкоторыхъ изъ садовыхъ зданій.

— «Когда Ваше Высочество изволите возвратиться къ намъ», говоритъ Панъ, «мы простимъ вамъ ваше удаленіе отъ насъ... Наши нимфы, богъ Панъ, пѣвцы сихъ мѣстъ и счастливые жители окрестностей, бароны: Шнипъ, Шнапъ, Шнуръ, Бибъ, Бальмъ, Крикъ и Кракъ— увидя васъ, не обращаясь вспять, скажутъ вамъ: «вы наслаждались величіемъ, возвратитесь-же къ намъ для обрѣтенія счастія» *. За симъ говоритъ свою рѣчь богъ Каскада; его перебиваетъ Фавнъ и послѣ непродолжительнаго спора убѣгаетъ на площадку такъ называвшихся «Елисейскихъ полей» [Champs Elysées], украшенную группами живыхъ, но недвижныхъ нимфъ и статуями: «Генриха IV и Сюлли». Нимфы оживаютъ при звукахъ флейты Пана и танцуютъ небольшой балетъ.

Дворцовый пригородъ, или Павловская слободка, съ 1789 г. началъ застроиваться домиками, на участкахъ, розданныхъ Великимъ Княземъ и Великою Княгинею приближеннымъ имъ особамъ и нѣкоторымъ придвор-

* .... notre amitié fidèle
Saura vous pardonner d'avoir vécu loin d'elle;
Nos Nymphes, le dieu Pan, les chantres de ces lieux
De tous nos environs les habitants heureux:
Les barons Schnip, Schnap, Schnur, Bibs, Balm, Cric et Crac,
Tous en vous revoyant sans vous tourner casaque,
Vous diront: «Vous avez joui de la grandeur,
Revenez près de nous retrouver le bonheur!»

нымъ служителямъ *. Въ одной изъ записокъ къ Кюхельбекеру, Великая Княгиня назвала свое село «будущимъ городомъ» [citta futura]. Очевидно, что уже въ то время Павловскому готовилось превращенiе изъ села или слободки въ городокъ.

Полицiи тогда еще, разумѣется, въ слободкѣ не было, но должность ея, т. е. забота о безопасности жителей, была возложена на команду инвалидовъ, учрежденную еще въ 1782 г. и, послѣ того, почти ежегодно измѣнявшуюся въ своемъ составѣ. Первоначально было двѣ команды, каждая въ 30 человѣкъ, взятыхъ изъ флотскихъ баталiоновъ. Въ 1784 г. каждая изъ этихъ командъ была увеличена до 80 человѣкъ; въ 1785 г. эти команды, какъ мы видѣли выше, получили названiе ротъ; въ слѣдующемъ 1786, въ трехъ ротахъ состояло 360 человѣкъ и имъ дано было знамя.

---

* Съ 1794 г. раздача земельныхъ участковъ въ с. Павловскомъ особенно учащается и Августѣйшiе Владѣльцы его, на каждый таковой подарокъ, жаловали, за собственноручнымъ подписанiемъ, особую грамоту или данную. Далѣе, въ приложенiяхъ, помѣщенъ образецъ этихъ грамотъ. Первыя, по времени, лица, получившiя таковыя данныя, были, между прочими: дѣйств. камергеръ графъ Юрiй Мих. Вiельгорскiй, кам.-юнк. кн. Мих. Голицынъ, камергеръ л.-г. Семеновскаго полка офицеръ Өедоръ Вадковскiй, ген.-маiоръ Ив. Баллей, подполк. Зальцманъ, дѣйств. камергеръ гр. Петръ Андр. Шуваловъ, фрейлина двора Великой Княгини Наталья Веригина, кол. ассесоръ Дмитрiй Бортнянскiй, архитект. Винченцо Бренна, капит. при адмир., въ должности архитектора, Креберъ, балетмейстеръ Карлъ Пикъ, камеръ-фрау Екатерина Верре, шт.-лекарь Ритмейстеръ, камердинеры Великаго Князя: Бертонъ, Бендерскiй, Дюпонъ и Иванъ Кутайсовъ и нѣкоторыя другiя лица.

Въ томъ же 1785 г. въ отрядѣ войскъ Цесаревича Павла Петровича составлена была, по его повелѣнію, артиллерійская команда изъ унтеръ-офицера и восьми рядовыхъ, взятыхъ изъ морской артиллеріи для храненія пороха въ Павловскомъ, для приготовленія зарядовъ и патроновъ и для производства двухъ выстрѣловъ: перваго, когда должно было идти за кушаньемъ для Его Высочества, и другаго, когда садились за столъ, по учрежденному порядку,—изъ орудій, находившихся при дворцѣ Великаго Князя въ с. Павловскомъ *.

Въ 1792 году пѣхота Цесаревича—этотъ подвижной гарнизонъ Павловскаго и Гатчины—состоялъ изъ шести ротъ: пяти гренадерскихъ и одной флигель-роты, каждая въ 140 человѣкъ, въ томъ же году раздѣленныхъ на три баталіона; кавалерія по прежнему состояла изъ одного кирасирскаго Наслѣдника полка, въ которомъ по штату положе-

* Для производства пальбы изъ орудій въ Павловскомъ не оказывалось умѣлыхъ артиллеристовъ; вслѣдствіе этого съ плохими канонирами происходили несчастія, напримѣръ, одному оторвало руку. Необходимо было озаботиться ихъ обученіемъ. Великій Князь обратился къ генералу Мелисино, прося его прислать свѣдущаго артиллерійскаго офицера. Мелисино поспѣшилъ исполнить желаніе Наслѣдника и вотъ однажды, въ сентябрѣ 1792 г., въ одной изъ такъ называемыхъ почтовыхъ придворныхъ колясокъ или повозокъ, въ которыхъ обыкновенно перевозятся для Двора разныя вещи, бѣлье и проч., привезенъ въ Павловское молодой офицеръ. Онъ пріѣхалъ сидя спереди этого экипажа, подъ неподвижнымъ кузовомъ, между кучеромъ и ѣздовымъ. Приступивъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, офицеръ обратилъ на себя вниманіе Великаго Князя Павла Петровича, который, всегда быстро отличая въ человѣкѣ умъ и знанія, весьма скоро почтилъ офицера своимъ расположеніемъ. Этотъ способный, свѣдущій и расторопный артиллеристъ былъ столь знаменитый впослѣдствіи Аракчеевъ.

но было до 1,100 нижнихъ чиновъ, но обыкновенно было гораздо менѣе. Великій Князь раздѣлилъ этотъ полкъ на нѣсколько полковъ разныхъ родовъ кавалеріи, двухъэскадроннаго состава: тутъ были и драгуны, и гусары, и жандармы, и каждый полкъ имѣлъ въ строю отъ 110 до 170 рядовыхъ.

Въ сентябрѣ 1789 г. Кюхельбекеръ сдалъ управленіе Павловскомъ графу Карлу Петровичу Меллину—который былъ директоромъ съ сентября 1789 по 1792 г.

Помимо слабости здоровья Кюхельбекера, побудительными причинами его просьбы объ увольненіи были неудовольствія съ нѣкоторыми изъ служащихъ, вслѣдствіе ихъ частаго вмѣшательства не въ свое дѣло. Благосклонность Великой Княгини къ первому директору Павловскаго не охладѣвала; онъ самъ, а впослѣдствіи его семейство, было взыскано милостями Маріи Ѳеодоровны.

Въ маѣ 1790 г. открыта «нѣмецкая школа».

Народное училище при церкви находилось въ вѣдѣніи одного учителя. Здѣсь преподавались: букварь. правила для учащихся, катехизисъ, письмо, чтеніе рукописи, изустное писаніе [диктовка], рисованіе, выговариваніе [декламація], писаніе чиселъ: церковныхъ, гражданскихъ, римскихъ, таблицы о познаніи буквъ, о складахъ и чтеніи. Число учениковъ и ученицъ, отъ 5 до 16 лѣтъ, къ декабрю 1791 г. было 35.

Ежемѣсячно директоръ с. Павловскаго представлялъ Великой Княгинѣ рисунки и тетради чистописанія учениковъ и ученицъ. Кромѣ того, о тѣхъ и о другихъ составлялись подробныя вѣдомости, съ означеніемъ въ особыхъ графахъ: именъ дѣтей, званія родителей, возраста уче-

никовъ, времени поступленія въ школу, ихъ познаній, способностей, поведенія и исправности посѣщенія классовъ. При аттестаціяхъ поведенія, наставникъ употреблялъ выраженія, характеризовавшія и самыя черты нрава своихъ питомцевъ: «рѣзовъ, тихъ, вѣжливъ, смуренъ [угрюмъ], ґрубъ» и т. п. Ежегодно, въ декабрѣ, производились экзамены, въ присутствіи директора Павловскаго и другихъ начальственныхъ лицъ и постороннихъ посѣтителей. Ученики и ученицы говорили благодарственныя рѣчи; особенно прилежные, по повелѣнію Великой Княгини, награждались подарками: золотыми кольцами, карандашами въ золотой и серебряной оправѣ, а также и деньгами—отъ двухъ до пяти рублей.

Хотя педагогическіе пріемы былаго времени вовсе не отличались мягкостью, однако же учителю было внушено обходиться съ учениками по возможности кротко и человѣчно; исправительныя мѣры предоставлены были самимъ родителямъ; строгимъ наказаніямъ дѣтей не подвергали.

Директоромъ училищъ с. Павловскаго въ 1792 г. былъ, знаменитый заслугами своими на педагогическомъ поприщѣ, Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево.

Новыхъ построекъ въ Павловскомъ въ 1789—1795 гг. произведено почти не было, но садъ и паркъ продолжали улучшаться—и въ одинъ августъ мѣсяцъ 1792 г. посажено было въ немъ до 4,000 деревъ.

Въ началѣ 1790 г., близь Крика, на небольшомъ мыскѣ у пруда, называвшагося «Александринымъ», разведенъ небольшой цвѣточный садикъ, за которымъ имѣла

самый старательный уходъ и заботливое попеченіе Великая Княжна Александра Павловна.

Въ сентябрѣ 1793 г. совершено бракосочетаніе В. К. Александра Павловича съ Вел. Княжною Елисаветою Алексѣевною. Лѣтомъ 1794 г. семейство Наслѣдника Цесаревича вмѣстѣ съ новобрачными посѣтило Павловское. Не было ни торжествъ, ни пиршествъ—но время провождалось весело и пріятно въ тѣсномъ семейномъ кругу. Душою этого избраннаго общества была сама В. К. Марія Ѳеодоровна; ея изобрѣтательность на забавы и развлеченія была неистощима и аренами ея были преимущественно садъ и паркъ. Кавалькады и прогулки пѣшкомъ, завтраки въ Молочномъ домикѣ, вечерній чай въ Шале, музыкальные семейные вечера въ Крикѣ—составляли програму лѣтнихъ дней пребыванія Великокняжеской фамиліи въ Павловскомъ. Каждый день затѣвалась новая прогулка и нерѣдко лотерея указывала мѣста, куда должно было направляться общество или его отдѣльныя группы, производилась игра «въ прогулки»; объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся до сего времени въ бюро Императора Павла [бюро это нынѣ находится въ кабинетѣ Августѣйшаго Владѣльца г. Павловска] собраніе билетиковъ съ надписанными на нихъ названіями мѣстностей. Приводимъ для образца нѣкоторые изъ этихъ билетиковъ:

— «На кругъ во звѣринецъ, оттуда, куда угодно, назадъ.

— «Въ охотничью бутку по пограничному просѣку и назадъ 10 верстъ.

— «На бугорокъ къ Красной Долинѣ 3 версты, оттуда, куда угодно, назадъ.

— «По новой Аглицкой дорогѣ и через Звѣзду назадъ семь верстъ.

— «На Красную бесѣдку, оттуда, куда угодно, по просѣкамъ назадъ.

— «По низу вокругъ озера къ старой охотничьей буткѣ, оттуда, куда угодно, назадъ» и проч.

Въ числѣ билетиковъ бывали и такіе, на которыхъ задавались прогулки болѣе отдаленныя, напримѣръ: въ деревню Мондолово и обратно, 14 верстъ; чрезъ Московскую дорогу въ деревню Новую, 15 верстъ; по Славянкѣ рѣкѣ въ Московскую Славянку и обратно по другой сторонѣ рѣки, 20 верстъ, и проч.

Эти прогулки даютъ понятіе какъ объ обширности дворцоваго парка, такъ и объ относительно хорошемъ содержаніи его уже въ началѣ 1790-хъ годовъ. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что еще лѣтъ за десять до того времени окрестность состояла изъ лѣсной глуши и болотистыхъ пустырей.

Жители с. Павловскаго были подчинены нѣкоторымъ условіямъ, облеченнымъ въ постоянную законную силу или бывшими временными распоряженіями, для соблюденія порядка и благочинія. Къ числу таковыхъ принадлежатъ объявленія жителямъ о распоряженіяхъ дворцовой конторы, каковы, напримѣръ, слѣдующія:

«Всѣмъ здѣшней дачи жителямъ подтверждается, чтобы по парадному передъ церковью мѣсту, огороженному перилами, ходить и дорогу прокладывать никто не отваживался и тѣмъ бы не портили виду этого лугу; поелику проложенныя тѣмъ лугомъ дороги и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ видѣть противны быть могутъ. Марта 28 дня 1794 г.».

«Всѣмъ здѣшнимъ жителямъ наистрожайше подтверждается, чтобы о всѣхъ къ нимъ въ домы пріѣзжающихъ и приходящихъ, о

состояніи коихъ они знать не могутъ, въ ту же минуту, какъ кто пріѣхалъ или пришелъ, давали знать здѣшнимъ директору и конторѣ. Буде-жъ мимо ихъ о таковыхъ вновь прибывшихъ извѣщено будетъ, а жителями сего подтвержденія не сохранено, въ такомъ случаѣ подвержены будутъ жители Высочайшему гнѣву. Іюля 26 дня 1794 г.».

Какъ внимательно и съ какою заботою относились Владѣльцы с. Павловскаго къ нуждамъ и безопасности его обывателей, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: лѣтомъ 1794 г. В. К. Павелъ Петровичъ повелѣлъ принять строгія мѣры для наблюденія за собаками, такъ какъ было нѣсколько случаевъ укушенія людей и скота бѣшеными животными. Мѣры эти заключались: въ истребленіи бродячихъ собакъ; въ снабженіи собакъ дворовыхъ особыми значками, за которые домохозяева обязаны были платить въ пользу бѣдныхъ дважды въ годъ по 50 коп., мясники и егеря—по 25 коп. Крестьянамъ-землепашцамъ дозволено было держать безплатно одну дворовую собаку на каждые четыре двора; пастухи обязаны были къ ошейникамъ своихъ собакъ привязывать палки и проч.

Не менѣе строго наблюдалось за корчемствомъ, т. е. тайною продажей водки. Въ Павловскомъ до 1820 г. былъ только одинъ питейный домъ; вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ обывателей запасались горячими напитками, привозимыми тайно изъ другихъ мѣстъ, а нѣкоторые занимались и ихъ продажею. Эта контрабанда розыскивалась и отбиралась у виновныхъ.

На сколько Великая Княгиня Марія Θеодоровна была милосердна къ истинной нищетѣ и нуждамъ страждущихъ, на столько супругъ ея, Цесаревичъ, былъ строгъ въ отношеніи бродягъ и тунеядцевъ. Преемнику гр. Мел-

лина—директору Павловскаго Роткирху—вмѣнено было въ обязанность употреблять всѣ отъ него зависѣвшія мѣры къ пресѣченію нищенства; эти мѣры не отличались особенной гуманностью: такъ, напримѣръ, весною 1795 года, по приказанію Роткирха, нищій-инвалидъ Жиловъ былъ посаженъ на цѣпь—«чтобы по міру не ходилъ».

Тому же директору, въ маѣ 1795 года, повелѣно было Великимъ Княземъ доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ въ с. Павловское *.

* Къ 1795 г. относится составленное и собственноручно написанное Великою Княгинею Маріею Θеодоровною описаніе дворца въ с. Павловскомъ. Это описаніе, помимо разсѣянныхъ въ немъ чертъ для характеристики достопамятной Дѣятельницы въ новѣйшей русской исторіи, интересно уже потому, что всецѣло воскрешаетъ обстановку Царственнаго жилища второй половины XVIII вѣка; иначе сказать, даетъ матеріалъ положительно необходимый для историческаго живописца, романиста, наконецъ, для описателя быта русскаго общества той эпохи. Документъ этотъ сохранился въ дворцовой библіотекѣ въ Павловскѣ и помѣщенъ въ приложеніяхъ къ этой книгѣ.

Въ концѣ 1780-хъ годовъ, на пограничной окраинѣ с. Павловскаго, по волѣ Екатерины II, выстроена дача и при ней разбитъ весьма красивый садъ. Дача эта предназначена была Императрицею для ея любимаго внука Великаго Князя Александра Павловича и была названа Александровою.

Вскорѣ подаренная воспитателю Великаго Князя, генералъ-аншефу графу Николаю Ивановичу Салтыкову, дача эта на планѣ Павловскаго, 1789 г., именуется «Салтыковскою мызою». Въ позднѣйшіе годы, переходя отъ владѣльца къ владѣльцу, она куплена Его Императорскимъ Высочествомъ Константиномъ Николаевичемъ, но до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ одного изъ послѣднихъ ея обладателей, именно — «Анненковой дачи».

Рисунокъ изображаетъ «Храмъ Розы безъ шиповъ» въ 1793 г.

Въ началѣ 1790-хъ гг. «Александрова» дача была предметомъ восторженныхъ похвалъ посѣтителей и тогда же воспѣта въ особой поэмѣ, посвященной Екатеринѣ II. Эта поэма—библіографическая рѣдкость, хотя съ 1793-го по 1810 г. выдержала три изданія; не смотря на высокопарность пiитическаго слога, эти вирши даютъ возможность ознакомиться съ дачей «Александровой», отъ которой на прежнемъ ея мѣстѣ остались почти изгладившiеся слѣды, нисколько не напоминающiе ея прежняго великолѣпія. Эта дача, по мысли В. К. Александра Павловича, должна была служить какъ бы живою иллюстрацiею къ нравоучительной сказочкѣ его державной Бабки о «царевичѣ Хлорѣ», которая, въ свою очередь, вдохновила Державина написать «Фелицу».

Авторъ поэмы «Александрова» говоритъ въ предисловіи, обращенномъ къ Екатеринѣ II, что Великій Князь:

«Яко начальникъ россійскаго юношества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего матерняго о всеобщемъ воспитаніи попеченія, возчувствовавъ особливо высокость и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ тобою притчей, называемой «Царевичъ Хлоръ», восхотѣлъ представить оную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой природѣ онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго отъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріятность, соединенную съ наставленіемъ».

Въ стихахъ, даже и для своего времени весьма дубоватыхъ, авторъ поэмы «Александрова» описываетъ садъ и дачу. Изъ этого описанія видно, что домъ В. К. Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу и близь него въ долинѣ былъ шатеръ съ золотымъ верхомъ. Къ дому вела прямая, недлинная аллея, обсажен-

*

ная цвѣтами; она неожиданно обрывалась за поворотомъ и дорога вела на поле и въ лѣсъ.

И отрокъ—съ самаго ея начала,
Когда разсудку мысль его внимала,
Научится быть осторожнымъ здѣсь.

Дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображеніями богатствъ; за павильономъ—нива, на ней хижина, а напротивъ ея каменная глыба съ надписью «храни златые камни»—символъ «незыблемой основы благосостоянія Россіи при Екатеринѣ II»—ея Наказа. Нива прилегала къ храму Цереры. За этимъ храмомъ—водный ключъ, посвященный имени Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны; близь него пещера нимфы Эгеріи, мудрой наставницы римскаго царя Нумы-Помпилія. Отсюда длинная аллея мимо каскада вела къ высокому крутому холму, на которомъ находился «храмъ Розы безъ шиповъ». Печальные остатки этого храма, въ видѣ заброшенной каменной бесѣдки, стоятъ и понынѣ. Круглый куполъ поддерживается, по прежнему, семью колоннами; но по срединѣ храма возвышался алтарь и на немъ стоялъ сосудъ съ поставленною въ него розою безъ шиповъ,—алтаря этого теперь нѣтъ. Плафонъ былъ расписанъ фресками, изображающими Петра Великаго, съ высоты небесъ смотрящаго на «блаженствующую Россію», которая, будучи окружена символами богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ съ изображеніемъ Фелицы—т. е. Екатерины II. Здѣсь же орелъ «ломаетъ когтями рога луны», трофеи, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ; едва замѣтные остатки этихъ фресковъ

виднѣются и до сихъ поръ. У подножія храма было обширное озеро, которое образовывало извилистые протоки и заливы; на озерѣ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго лѣса возвышались храмъ Флоры и Помоны.

Этотъ садъ, съ которымъ такъ тѣсно были связаны воспоминанія дѣтства и отрочества Александра I и заката дней Екатерины II—въ первые годы его царствованія еще сохранялъ прежній видъ; потомъ началъ постепенно приходить въ запустѣніе: штукатурка храмовъ и облицовка ихъ пообсыпались; воды изсякли; аллеи заросли травою; холмы обвалились и до нашего времени сохранился только, какъ мы уже сказали, храмъ «Розы безъ шиповъ», съ полинялыми, едва замѣтными фресками; озеро, разстилавшееся у подножія холма—нынѣ глубокая котловина, заросшая кустарникомъ.

Непостижимо, почему на «Александрову дачу» не было обращено вниманія въ тѣ дни, когда Александръ I былъ въ апогеѣ славы и величія, почему въ его же царствованіе заглохли мѣста, бывшія свидѣтелями его дѣтскихъ игръ и отроческихъ занятій науками, когда въ тѣнистыхъ аллеяхъ Александровой дачи онъ бесѣдовалъ съ своимъ наставникомъ Лагарпомъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что Павловскъ и Александрова дача—неразлучны съ воспоминаніями объ Императорѣ Александрѣ I. Павловское основано въ 1777 году, т. е. въ годъ рожденія Александра I; на Александровой дачѣ онъ росъ и воспитывался; въ Александровскомъ дворцѣ въ Павловскѣ жилъ лѣтомъ 1790—1800 гг.; въ Розовомъ павильонѣ былъ встрѣченъ своею Родительни-

цею по возвращеніи изъ Парижа; въ Большомъ дворцѣ привѣтствовалъ будущую супругу своего брата и преемника.

1796-й годъ, обильный важными событіями, былъ тяжелымъ, роковымъ годомъ въ Царскомъ семействѣ. Начался онъ, повидимому, подъ благопріятными предзнаменованіями. 15-го февраля отпраздновано было бракосочетаніе В. К. Константина Павловича съ В. К. Анною Ѳеодоровною, рожденною принцессою Юліаною-Генріэттою-Ульрикою Саксенъ-Кобургскою. Бракъ этотъ однако оказался несчастнымъ и 20-го марта 1820 г. онъ былъ расторгнутъ.

Весною 1796 г. между нашимъ и шведскимъ Дворами велись, какъ казалось, весьма успѣшные переговоры къ заключенію брачнаго союза между королемъ Густавомъ IV Адольфомъ и Великою Княжною Александрою Павловною. Съ весны начались при Дворѣ приготовленія къ встрѣчѣ державнаго жениха. Предстоявшая радость увеличилась новою: 25-го іюня семейство Цесаревича Павла Петровича умножилось рожденіемъ сына Николая—будущаго Императора.

3-го августа король Шведскій, сопровождаемый своимъ дядею, регентомъ королевства, герцогомъ Карломъ Зюдерманландскимъ, прибылъ въ Петербургъ. Празднества смѣнялись празднествами; Дворъ и вся знать на перерывъ чествовали высокаго гостя и тогда-то явленіе—странное, хотя само по себѣ весьма естественное—распространило въ народѣ и даже въ высшихъ классахъ общества суевѣрное предчувствіе. 21-го августа, въ бытность Императрицы и всего Двора на балу у графа Самойлова, въ ту самую минуту, когда Ея Величество садилась

въ карету—яркая падающая звѣзда пронеслась по небосклону и померкла надъ куполомъ Петропавловскаго крѣпостнаго собора. Этотъ метеоръ, даже на Императрицу, чуждую предразсудковъ, произвелъ грустное впечатлѣніе.

Въ теченіе августа 1796 г. король Шведскій бывалъ въ с. Павловскомъ неоднократно, съ удовольствіемъ проводя время въ кругу семьи Великаго Князя. Въ назначенный день, въ самую минуту обрученія, 11-го сентября 1796 г., Густавъ IV возобновилъ уже рѣшенный и улаженный было вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей супруги и за тѣмъ—отказался приступить къ обряду. Это оскорбленіе громовымъ ударомъ поразило все Царское семейство и смертельно отозвалось на здоровьи Императрицы. Дальнѣйшія событія слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться. Вся переписка по дѣлу бракосочетанія, въ высшей степени интересная, хранится въ дворцовой библіотекѣ въ Павловскѣ и изданная, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, сдѣлалась достояніемъ исторіи.

Осенью 1796 г. Великій Князь съ супругою и со всѣмъ семействомъ отбылъ изъ с. Павловскаго въ Гатчину.

5-го ноября Цесаревичъ обѣдалъ на Гатчинской мельницѣ, въ пяти верстахъ отъ дворца его. Предъ обѣдомъ, когда собрались дежурные и прочія лица, общество Гатчинское составлявшія, Великій Князь и Великая Княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву, гр. Віельгорскому и камергеру Бибикову случившееся съ ними тою ночью. Наслѣдникъ чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбужаемъ повтореніемъ того-же самаго сновидѣ-

нія; наконецъ, примѣтивъ, что Великая Княгиня не спала, сообщилъ ей о своемъ сновидѣніи и узналъ, къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ нѣсколько разъ была разбужена.

По окончаніи обѣда, когда Наслѣдникъ со свитою возвращался въ Гатчино, а именно въ началѣ третьяго часа, прискакалъ къ нему на встрѣчу одинъ изъ его гусаровъ, съ донесеніемъ, что пріѣхалъ въ Гатчино шталмейстеръ графъ Николай Зубовъ съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ.

Извѣстіе, привезенное Зубовымъ, было дѣйствительно чрезвычайно важное: въ этотъ день, 5-го ноября, рано утромъ, Императрица Екатерина поражена была параличнымъ ударомъ въ голову и жизнь ея находилась въ безнадежномъ положеніи.

Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера Великій Князь Павелъ Петровичъ съ супругою въѣхали въ Петербургъ, а на другой день, 6-го ноября, въ ихъ присутствіи, въ первую четверть одиннадцатаго часа по полудни, Великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и, на ряду съ прочими, предстала предъ судъ Всевышняго.

1796—1801

Восшествіе свое на престолъ Императоръ Павелъ ознаменовалъ милостями ко всѣмъ дотолѣ ему приближеннымъ. 10-го ноября 1796 г. вступили въ Петербургъ шесть Гатчинскихъ баталіоновъ. Каждый баталіонъ состоялъ изъ трехъ ротъ, по 62 рядовыхъ комплектныхъ и 3 сверхкомплектныхъ. Появленіе этихъ войскъ въ столицѣ возбудило много толковъ.

«Войска эти», такъ разсказываетъ одинъ изъ современниковъ, гр. Комаровскій, «одѣты были совершенно по прусски: въ короткихъ мундирахъ съ лацканами, въ черныхъ штиблетахъ; на гренадерахъ были шапки какъ нынѣ у Павловскаго полка, а на мушкатерахъ маленькія трехъ-угольныя шляпы, безъ петлицы, а только съ одною

Рисунокъ: Горбатыи мостикъ чрезъ рукавъ Славянки.

пуговкою. Офицеры всѣ одѣты были въ поношенныхъ мундирахъ, а такъ какъ цвѣтъ ихъ былъ темнозеленый, и, вѣроятно, перекрашенные изъ разноцвѣтныхъ суконъ, то всѣ они полиняли и представляли видъ пѣгій. Императоръ Павелъ, Наслѣдникомъ, былъ генералъ-адмираломъ и президентомъ Адмиралтейской Коллегіи; во флотѣ были баталіоны, которые назывались морскими; они употреблялись на корабляхъ для десантовъ. Изъ этихъ-то войскъ составлены были въ Гатчинѣ баталіоны. Офицеры поступали въ морскіе баталіоны изъ кадетъ морскаго корпуса, оказавшихся неспособными къ морской службѣ: они-то и поступали въ Гатчинскіе баталіоны.

«Едва войска пришли къ заставѣ, какъ присланъ съ донесеніемъ о томъ поручикъ Ратьковъ; Императоръ самъ надѣлъ на него орденъ св. Анны втораго класса и назначилъ его адъютантомъ къ Наслѣднику; приказавъ войскамъ идти, сѣлъ на лошадь, и поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Когда войска эти выстроились въ одну линію на дворцовой площади, Императоръ имъ сказалъ:

—«Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную вашу мнѣ службу. Въ награду за оную, вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры—чинъ въ чинъ».

Всѣхъ баталіоновъ было шесть, изъ нихъ назначены: Императора и Аракчеева—въ Преображенскій, Наслѣдника и Недоброва — въ Семеновскій, Великаго Князя Константина Павловича и Малютина — въ Измайловскій полки; рота егерей—въ гвардейскій Егерскій баталіонъ. Прежде, при каждомъ гвардейскомъ полку была егерская команда; изъ этихъ командъ, при Импера-

торѣ Павлѣ, составленъ былъ баталіонъ. Кавалерія поступила въ конную гвардію.

Такова была счастливая судьба небольшой группы войскъ, учрежденныхъ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и до его вступленія на престолъ составлявшихъ гарнизоны любимыхъ его резиденцій Гатчины и Павловскаго. Не менѣе благосклонности явилъ новый Государь къ селу Павловскому. Въ первую же недѣлю царствованія Императора Павла, указомъ, даннымъ 12-го ноября 1796 г., повелѣно:

«Село Павловское, которое предоставлено отъ Насъ въ собственность Ея Императорскому Величеству любезной супругѣ Нашей, переименовываемъ Мы городомъ, съ тѣмъ, чтобъ управленіе его происходило на томъ самомъ основаніи, какое до сего тамъ, по волѣ Нашей, учреждено было, и считаться ему городомъ безпосредственнымъ, съ своимъ теперешнимъ околодкомъ».

23-го числа того-же ноября мѣсяца Императоръ явилъ городу Павловску новую милость, повелѣвъ, чтобы «города Гатчино и Павловскъ относились, по случающимся дѣламъ, непосредственно въ Сенатъ».

23-го февраля 1797 г. Высочайше повелѣно отпустить изъ государственнаго казначейства потребную сумму [6,756 руб.] на содержаніе въ Павловскѣ военнаго госпиталя.

3-го іюня Государь утвердилъ положеніе объ учрежденіи въ Павловскѣ Городоваго Правленія, а для купечества, цеховыхъ и мѣщанъ—Ратуши.

На основаніи этого положенія назначенъ главноупра-

вляющій г. Павловскомъ, а Городовое Правленіе раздѣлено на камерную и счетную экспедиціи. Городъ раздѣленъ на двѣ части: дворецъ и все состоящее по правой сторонѣ по теченію рѣки Славянки отнесено къ первой части, лѣвая сторона Славянки—ко второй. Надъ городомъ назначенъ полиціймейстеръ, а надъ частями—подвѣдомые ему коммисары.

19-го апрѣля 1798 года Маріентальскую крѣпость, въ г. Павловскѣ, повелѣно считать съ прочими, въ штатѣ состоящими крѣпостями, причемъ содержаніе ея отнесено на общую фортификаціонную сумму и самая крѣпость Маріенталь поступила въ вѣдѣніе командующаго С.-Петербургскою и другими крѣпостями инженернаго генерала.

Крѣпость Маріенталь окончательно была отстроена согласно всѣмъ требованіямъ фортификаціи того времени. У главныхъ воротъ, названныхъ «Никольскими», вдѣлана была, до нынѣ сохранившаяся, чугунная доска съ надписью, что крѣпость воздвигнута на остаткахъ укрѣпленій шведскаго генерала Кроніорта, возведенныхъ здѣсь въ 1702 году. Въ маѣ 1798 года на башенкѣ надъ Никольскими воротами поставлены боевые часы; въ то же время, съ Ижорскихъ заводовъ доставлены снаряды къ подъемнымъ мостамъ крѣпости, какъ-то: цѣпи, колеса и т. п. Кромѣ гарнизона въ Маріенталѣ, или въ фортѣ Бипъ, находилась особая артиллерійская команда.

Въ теченіе 1797 года, почти не проходило дня, не ознаменованнаго въ Павловскѣ какими-либо капитальными работами по дворцу, по саду и по городу. Павловскъ возрасталъ, приходилъ въ цвѣтущее состояніе, въ ущербъ

Царскому Селу, которое столь славилось своимъ великолѣпіемъ въ царствованіе Екатерины II. Императоръ видимо задался мыслію создать изъ Павловска такую лѣтнюю резиденцію, которая не уступала бы ни Петергофу, ни Царскому Селу. Кромѣ новыхъ построекъ домовъ обывательскихъ, городъ застраивался казармами, изъ которыхъ два флигеля казармъ «большаго вида» перенесены были изъ Софіи. Высочайшимъ указомъ 19-го августа 1797 г. эти казармы пожалованы въ полное распоряженіе Императрицы Маріи Θеодоровны. Лѣтомъ отстраивался обширный военный госпиталь; въ сентябрѣ весь городъ обнесенъ валомъ и при въѣздахъ въ Павловскъ поставлены гауптвахты. Хотя военный элементъ сдѣлался владычествующимъ въ населеніи Павловска, однако-же и число обывателей возрастало. Въ теченіе весны и лѣта 1797 года въ Городовое Правленіе поступило до 140 просьбъ отъ крестьянъ Олонецкой, Новгородской и Ярославской губерній о припискѣ ихъ въ купцы 3-й гильдіи, также въ мѣщане и цеховые «портняжнаго и черевичнаго дѣла». Отказу не было, а желавшимъ строиться отводились въ чертѣ города земельные участки, объ отводѣ которыхъ также поступало отъ лицъ разныхъ сословій довольно много прошеній.

Изъ распоряженій этого времени, относившихся до благоустройства въ городѣ и до разныхъ учрежденій въ Павловскѣ, нѣкоторыя нельзя обойти вниманіемъ.

1-го мая 1797 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе не стрѣлять въ городѣ и его окрестностяхъ.

6-го августа—Высочайшее повелѣніе о соблюденіи обывателями, особенно изъ простонародья, строжайшаго благочинія на улицахъ и во дворцовомъ саду. При этомъ

выражено было, «чтобы во время Высочайшаго присутствія въ городѣ не было ни отъ кого произносимо: свистовъ, криковъ и не дѣльныхъ разговоровъ». Это было строжайше подтверждено обывателямъ и повелѣно Городовому Правленію за этимъ наблюдать; отъ всѣхъ грамотныхъ мастеровыхъ отобрана была въ чтеніи этого повелѣнія подписка.

Въ томъ же августѣ мѣсяцѣ произведенъ былъ д. с. с. Львовымъ опытъ постройки землянаго зданія, стоимостью въ 16 р. асс. Это дало Императору мысль учредить въ январѣ 1798 г. въ Павловскѣ «Государственное училище землянаго строенія», подъ дирекціею самого изобрѣтателя, Львова.

Въ сентябрѣ 1797 года учреждена въ Павловскѣ «Практическая школа земледѣлія». Для занятій учащихся отведенъ участокъ удобной и неудобной земли въ 73 дес., между деревнею Тярлево и дачею протопресвитера о. Самборскаго. Въ октябрѣ мѣсяцѣ этотъ участокъ расчищался отъ пней и камней, причемъ послѣдніе взрывались порохомъ.

Въ исходѣ 1797 г., въ церкви св. Маріи Магдалины воздвигнутъ, на лѣво отъ входа, гранитный монументъ въ память воспитателя Императора Павла, графа Никиты Ивановича Панина [род. 1718, † 1783 г.].

Въ январѣ 1798 г., учреждена прибавочная больница при Маріинскомъ госпиталѣ. Лѣтомъ производились усиленныя постройки, перевозка изъ Софіи и установка на мѣста казармъ, постройка флигелей для квартированія офицеровъ, и проч.

Бытъ сельскихъ обывателей деревень, приписанныхъ къ Павловску и находившихся въ вѣдѣніи его управляющаго, съ воцареніемъ Павла I, значительно измѣнился.

Въ 1797 г., земли бывшихъ деревень: Линна и Рысь-Кабачокъ [Кузнецы] отошли въ собственность города. Для переселенія крестьянъ начаты были на казенный счетъ и, къ веснѣ 1799 г., окончены постройки двухъ деревень: Новой Вѣси и Глазова.

Высочайшимъ указомъ, 5-го іюня 1797 г., Ѳедоровскій посадъ приписанъ въ вѣдомство г. Павловска, а соотвѣтственное его населенію число душъ обращено въ ямщики изъ другихъ селеній казеннаго вѣдомства. Число душъ Ѳедоровскаго посада состояло изъ 256 мужскаго и 276 женскаго пола.

10-го іюля того-же года деревни Тярлево и Липицы приписаны въ вѣдомство г. Павловска. Пространство, ими занимаемое, составляло, въ общей сложности, 284 десятины, при населеніи изъ 51 души мужскаго и 58 женскаго пола.

Въ теченіе 1797—1799 гг. крестьяне отбывали барщину, занимаясь садовыми и землекопными работами въ паркѣ, выставляя ежедневно опредѣленное число рабочихъ пѣшихъ и конныхъ, но 23-го января 1799 г. генералъ-провіантмейстеръ Обольяниновъ объявилъ повелѣніе Императрицы, что крестьяне деревень: Линна, Новая, Глазово, Тярлево, Липицы и Ѳедоровскаго посада, вмѣсто поставки рабочихъ натурою, могутъ быть обложены платежомъ оброка; при этомъ повелѣно было отобрать отъ крестьянъ свѣдѣнія: желаютъ-ли они перейти на оброкъ и буде пожелаютъ, то пусть вы-

VII

разятъ свое согласіе мірскимъ приговоромъ. Таковой состоялся 5-го февраля и, въ силу его, крестьяне обязались съ 1-го февраля 1799 года платить оброкъ по 7 руб. 50 к. асс. съ души. Утвердивъ приговоръ, Императрица повелѣла: впредь садовыя работы въ Павловскѣ производить чрезъ подрядчиковъ, вызываемыхъ на торги посредствомъ «публикъ», т. е. объявленій.

Поздняя зимняя пора не дозволила, въ 1796 году, приступить къ новымъ пристройкамъ къ Большому дворцу; но работы, проектированныя зимою перваго года по воцареніи Павла, закипѣли съ самой ранней весны 1797 года. Постройками заняты были тысячи рукъ цѣлыхъ артелей каменьщиковъ и штукатуровъ; въ саду, кромѣ крестьянъ Славянской мызы, всѣхъ окрестныхъ деревень и Ѳедоровскаго посада, работали солдаты, по найму [за 20 и 40 коп. поденной платы]. Архитекторомъ былъ Бренна; матеріалы подвозились непрерывно и теперь—не такъ какъ въ царствованіе Императрицы Екатерины—строители ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Съ марта мѣсяца 1797 года началась пристройка къ главному зданію дворца боковыхъ полуциркульныхъ флигелей въ два этажа и начата была отдѣлка дворцовой церкви *. Въ слѣдующихъ 1798—1799 гг., въ Большомъ дворцѣ весьма изящно отдѣлывались комнаты Императора и Императрицы; въ маѣ мѣсяцѣ на башенкѣ лѣваго флигеля установлены боевые часы. Живопись фресокъ въ дворцовыхъ покояхъ

* Существуетъ преданіе, что перестройка дворцовыхъ флигелей началась во время сильныхъ заморозковъ, вслѣдствіе чего известь растворяли на спирту. Разсказываютъ, что нѣкоторые рабочіе не упустили случая попользоваться этимъ рѣдкимъ при постройкахъ матеріаломъ.

исполнялъ впервые декораторъ Императорскихъ театровъ Гонзаго, имя котораго впослѣдствіи стало неразлучно съ прелестнѣйшими мѣстностями парка и художественными произведеніями, донынѣ украшающими дворцы и нѣкоторыя изъ садовыхъ «увеселительныхъ» зданій Павловска. Въ 1800 году зданіе Большаго дворца состояло изъ главнаго дома, четырехъ флигелей: двухъ старыхъ, двухъ новыхъ и церковнаго флигеля—что все вмѣстѣ составило то цѣльное, вполнѣ художественное зданіе «Главнаго дворца», которое навсегда пребудетъ главнѣйшею достопримѣчательностью Павловска.

Постройка деревяннаго дворца Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей [впослѣдствіи дворца Александровскаго] относится къ двухлѣтнему періоду 1797—1798 годовъ; но самою, можно сказать, интересною работою, по отношенію къ Павловску, за описываемое время, по строительной части, было перенесеніе изъ Царскаго Села въ Павловскъ нынѣшняго «Константиновскаго» дворца.

Удачная переноска казарменныхъ флигелей изъ Софіи подала Императору мысль—сдѣлать то же самое и со дворцомъ. Высочайшее повелѣніе о переноскѣ дворца послѣдовало 19-го августа 1797 года, и вскорѣ начались работы предварительныя, одновременно въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскомъ паркѣ: тамъ приступлено было къ выноскѣ изъ комнатъ мебели, картинъ, всѣхъ внутреннихъ украшеній, потомъ къ разборкѣ строенія, по бревну, по доскѣ; здѣсь расчищалось и нивеллировалось мѣсто, предназначенное для постановки дворца.

Деревянное зданіе дворца [27 саж. длины, 10 саж. 2 арш. ширины] находилось въ Царскомъ Селѣ «подлѣ
*

спуска» *; въ немъ заключалось 22 комнаты въ нижнемъ этажѣ и 8 комнатъ съ большимъ коридоромъ на антресоляхъ. Потолки въ нѣкоторыхъ комнатахъ были обиты холстомъ и украшены живописью; стѣны, обтянутыя холстомъ, были оклеены обоями; полы были простые, крашеные, но въ парадныхъ покояхъ—дубовые, штучные; здѣсь же, стѣны, вмѣсто обоевъ, обтянуты были штофомъ и вмѣсто изразцовыхъ печей находились мраморные камины; меблировка была весьма простая; красное дерево, бѣлый штофъ и сафьянъ—въ комнатахъ парадныхъ; крашенное дерево—въ остальныхъ.

Первоначально предположено было, изъ матеріаловъ разобраннаго дворца, отстроить въ Павловскѣ другой, по новому плану, для жительства родительницы Маріи Θеодоровны, вдовствовавшей герцогини Виртембергъ-Штутгартской, имѣвшей намѣреніе переселиться въ Россію.

Въ февралѣ 1798 г. дворецъ былъ разобранъ; переноску его принялъ на себя подрядчикъ, Софійскій купецъ Василій Давыдовъ. Мѣшкотныя его распоряженія возбудили неудовольствіе Императора, а потому Давыдовъ былъ отъ подряда отстраненъ и переноска дворца окончена другими подрядчиками. Перевозка бревенъ, стропилъ, досокъ, дверей, рамъ, половъ и проч. производилась чрезъ дворцовый Царскосельскій садъ и продолжалась до лѣта 1798 года; только къ 1-му января 1799 года дворецъ былъ окончательно собранъ, установленъ и обдѣланъ. Зданіе это именовалось «дворцомъ вдовствующей герцогини

* Въ Англинскомъ саду. См. Краткую лѣтопись о Селѣ Царскомъ, «Отеч. Записки», 1827 г. ч. XXXI, стр. 318.

Виртембергъ-Штутгартской»; ея же именемъ названъ садъ, разбитый при этомъ дворцѣ ранней весною 1798 г. Въ немъ насажено было до 3,500 деревьевъ и цвѣточныхъ кустовъ; англійскія дорожки извивались на пространствѣ 1,500 квадр. сажень. Къ крайнему прискорбію Императрицы, вмѣсто желанной гостьи, въ Россію прибыла вѣсть о ея кончинѣ *. Тогда дворецъ пожалованъ былъ во владѣніе Великому Князю Константину Павловичу и его супругѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ и съ 1802 года именовался дворцомъ «Константиновскимъ».

Сады и паркъ въ царствованіе Павла I составляли «хозяйство» его супруги. Среди парка, на обширномъ плацъ-парадѣ [отъ тройной липовой аллеи до Константиновскаго дворца], Государь производилъ ученья войскамъ, дѣлалъ вахтъ-парады и небольшіе маневры.

Въ 1797 году, крестьяне окрестныхъ деревень, также вольнонаемные солдаты и матросы, усердно работали въ саду, прорубая просѣки, прокладывая аллеи, сажая деревья, копая пруды; многія спѣшныя работы исполнялись артелями отъ подрядчиковъ. Въ 1798 году цвѣты для оранжерей, сѣмена, корни и луковицы рѣдкихъ растеній доставлялись изъ чужихъ краевъ, преимущественно изъ Голландіи и Англіи. Деревья для подсадки подвозились цѣлыми тысячами; плодовыя деревья доставлялись изъ Новгородской, Тверской, преимущественно же изъ Московской губерній, славившейся тогда садами вельможъ, любителей и знатоковъ садоводства.

* Герцогиня Фридерика-Софія-Доротея, родительница Императрицы Маріи Ѳеодоровны, род. 1729 г., скончалась 9 марта 1798 года.

Весной и лѣтомъ 1798 г. въ Павловскомъ паркѣ вырыты были новые пруды, а именно позади Шале, въ новомъ саду у дворца Константина Павловича; всѣ старые пруды были углублены, расчищены; плотины отдѣланы и отстроено два каменныхъ моста. Садовыя «увеселительныя» зданія: Старое Шале, Пиль-Башня и другія ремонтировались; такъ, между прочимъ, живописцемъ Кламмеромъ возобновлены въ 1799 г. фрески въ Пиль-Башнѣ; внутреннія стѣны Молочнаго домика облицовывались кафелями, бѣлыми изразцами. Для украшенія парка перевезены изъ Царскаго Села, 3-го мая 1798 года, шестнадцать мѣдныхъ статуй, которыя и были поставлены на площадкѣ въ Сильвіи. Вмѣстѣ со статуями привезены солнечные часы, донынѣ находящіеся у Вольера. Вновь возведены зданія Музыкальнаго [круглаго] зала, Новаго Шале, а въ Красной долинѣ въ 1800 г. сооруженъ павильонъ или «храмъ» Елисаветы, названный такъ въ честь Великой Княгини, впослѣдствіи Императрицы, Елисаветы Алексѣевны. Хижина Угольщика [Шарбоньеръ] была снесена съ занимаемаго ею мѣста неподалеку отъ Вольера, и замѣнена новою, около Музыкальнаго зала, гдѣ находилась до 1811 г., когда ее разобрали.

ПИТЬ БАШНЯ.

(1755).

Не любя Царскаго Села, Императоръ Павелъ проводилъ лѣтнее время въ Павловскѣ и Петергофѣ, а осень—въ Гатчинѣ *. Статсъ-секретари и президенты коллегій ежедневно пріѣзжали съ докладами въ эти резиденціи. Въ Павловскѣ Императоръ чаще всего принималъ ихъ въ саду на терассѣ, на которой выстроенъ Камерономъ изящный павильонъ «Трехъ Грацій». Еще до его сооруженія на этомъ мѣстѣ стояла зеленая, плетеная изъ дранокъ, бесѣдка; стояло кресло и передъ нимъ небольшой столъ, на которомъ Императоръ писалъ рѣшенія на доклады и здѣсь принималъ—Обольянинова, гр. Н. И. Салтыкова,

* Приводимъ свѣдѣнія о времени пребыванія Императора въ любимомъ его Павловскѣ: въ 1797 году Павелъ Петровичъ прибылъ сюда изъ Петербурга 1 марта. 10 марта, въ восьмомъ часу утра, Государь съ своею фамиліею выѣхалъ въ Москву, для коронованія.—Вновь прибылъ сюда 1-го іюня изъ Гатчины; 1-го іюля отбылъ въ Петергофъ, а затѣмъ въ Кронштадтъ — на морскіе маневры.

1798 года, марта 16, Императоръ прибылъ въ Павловскъ во главѣ войска; до Пулковой горы Государь ѣхалъ верхомъ, а далѣе въ коляскѣ съ В.В. К.К. Александромъ и Константиномъ.—5 мая выѣздъ въ путешествіе чрезъ Москву въ Казань. [Это путешествіе описано въ особой рукописи, отличный экземпляръ которой съ планами городовъ и чертежами маневровъ войскъ, хранится въ дворцовой библіотекѣ въ Павловскѣ].—8 іюня Государь возвратился изъ путешествія прямо въ Павловскъ, гдѣ и пробылъ до 1 іюля; въ этотъ день Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ.—Съ 6 по 18-ое августа Императоръ вновь пробылъ въ Павловскѣ.

Аракчеева, Безбородко, кн. Куракиныхъ, Ростопчина, гр. Н. П. Панина, гр. Васильева, Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго и прочихъ государственныхъ и военныхъ дѣятелей его времени.

Другимъ нововведеніемъ въ обычаяхъ большаго Двора было перенесеніе Императорской короны во дворцы, въ которыхъ Государь имѣлъ свое мѣстопребываніе. Въ Павловскѣ корона возлагалась въ тронномъ залѣ на раззолоченное высокое подножіе съ бархатною подушкою, подъ хрустальнымъ футляромъ, запиравшемся на замокъ *. При коронѣ ставился часовой отъ дворцоваго караула.

— «Забавы наши въ Павловскѣ», разсказываетъ объ этомъ времени извѣстный впослѣдствіи адмиралъ А. С. Шишковъ,—«были единообразны и скучны. Послѣ обѣда, обыкновенно степенными и мѣрными шагами, ходили мы прогуливаться по саду. Послѣ прогулокъ, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на беседу, весьма утомительную. Тамъ Государь съ Великими Князьями и Княжнами садились рядомъ и провожали время въ сухихъ разговорахъ; а мы сидѣли вокругъ комнаты, на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать съ нихъ не смѣли. Достопримѣчательнаго тутъ было только то, что, на простиравшемся по полу шлейфѣ платья Императрицы, лежала всегда дворная, простая собака, которая нигдѣ иначе не ло-

* Этотъ раззолоченный поставецъ съ подушкой находится нынѣ въ парадныхъ сѣняхъ бель-этажа дворца; хрустальный футляръ хранится въ одной изъ дворцовыхъ комнатъ.

жилась и которую Императрица никогда не сгоняла. Чудная собака сія,—продолжаетъ Шишковъ,—достойна того, чтобъ о ней упомянуть. Она, увидя однажды Государя, идущаго по двору, неизвѣстно откуда взялась, подбѣжала къ нему и маханіемъ хвоста изъявляла ему свою радость. Онъ ее погладилъ. Она, какъ будто бы получа чрезъ то позволеніе, пошла за нимъ на лѣстницу, въ комнаты и въ самый кабинетъ его. Онъ далъ ей волю и не отгонялъ отъ себя. Съ тѣхъ поръ она отъ него не отставала и, въ короткое время, изъ робкой и боязливой такъ сдѣлалась смѣла и спѣсива, что никто, кромѣ его, дотронуться до нее не могъ; на всякаго она огрызалась и кусала. Одинъ разъ случилось, что она, во время вахтъ-парада, бѣгая за нимъ, не въ пору залаяла, такъ что онъ, разсердясь на нее, закричалъ намъ: «Возьмите ее отъ меня прочь!» Мы всѣ кинулись на нее. Она, повидимому, устрашась гнѣвнаго вида его, вмѣсто того, чтобъ по прежнему ворчать и кусаться, повалилась на спину и, смиреннымъ маханіемъ лапокъ, словно какъ бы просила о пощадѣ. Она любила спектакли и ни одного изъ нихъ не пропускала; сидѣла въ партерѣ на заднихъ ногахъ и смотрѣла на игру актеровъ, какъ будто бы понимая ихъ рѣчи и дѣйствія. Въ день смерти Императора, никуда прежде изъ дворца не отлучаясь, она вдругъ пропала, и никто не знаетъ куда дѣвалась».

Другой современникъ описываемой эпохи въ жизни Павловска, Н. А. Саблуковъ, представляетъ бытъ Двора Императора Павла совершенно въ другомъ свѣтѣ.

— «Ихъ Величества пребывали въ Павловскѣ преимущественно весною и раннимъ лѣтомъ, ибо во время сильныхъ іюльскихъ жаровъ предпочитался Петер-

гофъ, на Финскомъ заливѣ, какъ мѣсто болѣе свѣжее. Павловскъ, личная собственность Императрицы Маріи, былъ разукрашенъ весьма изящно, и всякой клочекъ земли въ немъ, мало-мальски къ тому способный, былъ ярко запечатлѣнъ ея вкусомъ, ея наклонностями, ея воспоминаніями о заграничныхъ путешествіяхъ. Тутъ былъ Розовый павильонъ, подобный Тріанонскому, были Шале, подобные видѣннымъ ею въ Швейцаріи; мельница [Пиль-Башня] и нѣсколько скотныхъ дворовъ въ подражаніе тирольскимъ и также въ воспоминаніе о садахъ и террасахъ Италіи. Театръ и длинные проспекты были заимствованы изъ Фонтенебло и въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны искусственныя развалины.

«Каждый вечеръ происходили сельскіе праздники, поѣздки, закуски, театральныя представленія, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты; а Императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки, своею привѣтливостью и изяществомъ, придавали этимъ увеселеніямъ характеръ восхитительный. Самъ Императоръ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ».

Еще болѣе привлекательности имѣли собранія семейныя, въ которыхъ, кромѣ Царской Фамиліи, принимали участіе лица, пользовавшіяся особенной благосклонностью Императора и его супруги. Такъ 29-е іюня 1797 года, день тезоименитства Императора, торжественно праздновался въ Павловскѣ. Кромѣ блестящей иллюминаціи и фейерверка, торжество сопровождалось сельскимъ праздникомъ, на которомъ распѣвалась, между прочими, пѣсня, сочиненная, по всей вѣроятности, Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ. Списокъ пѣсни сохранился въ дворцовой библіотекѣ.

Улица, улица моя,
Трава-мурава зелененькая!
Ахъ, жги—и проч. }*(къ каждому двустишію).*
Охъ, сады-ль наши, сады,
Вы сады-ли преузорочные!
Сторона-ль ты намъ, сторонушка,
Ты сторонушка счастливая!
Сторона, какъ мать родимая,
О, возлюбленное Павловско!
Во тебѣ-ли, вожделѣнный рай,
Мы бѣдамъ своимъ находимъ край!
Подъ твоимъ-ли краснымъ солнышкомъ,
Подъ твоимъ-ли свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Тучи грозны усмирилися,
Грусть съ кручиною забылися!
Отогрѣлись въ насъ сердечушки,
Осушились горьки слёзушки!
Пробудились наши чувства, загорѣлась въ насъ душа,
Возвратилася надежда, намъ отрадою дыша!
Нашъ надёжа Государь, милъ сердешной Бѣлый-Царь
Насъ скрываетъ въ свою пазушку:
«Отирайте, мои дѣтушки,
«Вы съ очей горьчайши слёзушки;
«Подбирайтесь, мои милушки,
«Подъ мои-ли теплы крылушки! *»

---

* По поводу восторженныхъ восхваленій, какими привѣтствовано было начало царствованія Императора Павла, можно указать на модель памятника, кѣмъ-то изъ иноземцевъ поднесенную Его Величеству и нынѣ находящуюся во дворцѣ въ Павловскѣ, между мелочами, украшающими одинъ изъ столовъ въ Золотой гостиной: это модель изъ серебра, 8-ми дюймовъ высоты, представляетъ на пьедесталѣ колонку, увѣнчанную тремя щитками, подъ короною. Рисунокъ модели см. на 118-й стр., въ виньеткѣ, въ концѣ

Къ 1798 г. относится слѣдующій эпизодъ въ семейной жизни Августѣйшихъ обитателей Павловска.

«Императоръ Павелъ, въ 1798 г., предпринялъ по Россіи путешествіе, которое удалило его отъ семейства на нѣсколько мѣсяцевъ.

«Въ день своего возвращенія въ Павловскъ, 8-го іюня 1798 г., Государь,—такъ разсказываетъ А. Шторхъ, —направляется гулять въ свою любимую Сильвію, и, по близости Крика, вдругъ раздается въ лѣсу хоръ поющихъ голосовъ. Какой-то мужчина, будто-бы хозяинъ дома, приглашаетъ Государя удостоить его домъ своимъ посѣщеніемъ. Императоръ недоумѣваетъ; но вотъ его окружаютъ хористы и влекутъ въ домикъ. Здѣсь бросается ему въ объятія его супруга и въ ту же минуту раздаются звуки музыки и слова пѣсни: Où peut-on être mieux qu'au sein de sa famille? [Гдѣ же лучше, какъ не въ нѣдрахъ семьи?]. Тронутый Государь вглядывается въ оркестръ: въ скрипачѣ онъ узнаетъ старшаго сына; въ пѣвицѣ—его супругу; дочери—кто за арфой, кто за фортепіано...».

Осенью того же 1798-го года происходили большіе маневры въ Гатчинѣ *, въ которыхъ принимали участіе и войска, расположенныя на постоянныхъ квартирахъ въ Павловскѣ. Въ тотъ же годъ, равно какъ изрѣдка и въ послѣдующіе, Государь посѣщалъ Звѣринецъ, занимаясь,

этой главы. На одномъ изъ щитовъ вензель Императора, на другомъ Императрицы, а на третьемъ— стихи:

Beglücktes Land, wo Paul regiert! der huldreich ist den Friede ziert.

* Описаніе ихъ сохраняется въ библіотекѣ дворца въ Павловскѣ: рукопись въ 4-ю долю, съ раскрашенными планами и чертежами; описаніе составлено Григоріемъ Кушелевымъ.

8-го іюня 1798 г.

охотою на тетеревовъ. Мѣсто его охотъ донынѣ называется «царскимъ токомъ».

Извѣстно, что Императоръ Павелъ Петровичъ почти съ первыхъ дней своего царствованія принялъ подъ свое покровительство Мальтійскій орденъ. Павловскъ былъ мѣстомъ нѣсколькихъ событій, имѣвшихъ немаловажное значеніе въ исторіи ордена за кратковременное царствованіе этого Государя. Такъ, 4-го марта 1797 г., въ Павловскѣ дана была Государемъ аудіенція мальтійскому посланнику гр. Литта; здѣсь, 25-го апрѣля 1798 г., тотъ же Литта былъ принятъ въ качествѣ посла.

24-е іюня 1798 года—день св. Іоанна Крестителя и праздникъ Мальтійскаго ордена—ознаменованъ былъ торжествами. Парадный кортежъ направился въ церковь. Весь Дворъ, наличные члены и кавалеры Мальтійскаго ордена, также прибывшіе наканунѣ въ Павловскъ принцы Фердинандъ и Александръ Виртембергъ-Штутгартскіе, составили великолѣпный кортежъ. Императоръ—протекторъ ордена—ѣхалъ въ парадной каретѣ, подъ короною.

Въ исходѣ перваго часа, по окончаніи обѣдни, кортежъ возвратился во дворецъ и здѣсь, въ тронной залѣ, всѣ присутствовавшіе принесли Государю поздравленіе. При этомъ Императоръ взошелъ на тронъ, а когда мальтійскіе кавалеры стали по обѣимъ сторонамъ, то оберъ-церемоніймейстеромъ введены были кандидаты Мальтійскаго ордена, для возложенія на нихъ крестовъ этого ордена. Обѣдъ былъ въ круглой залѣ. Въ теченіе обѣда провозглашены были тосты: Наслѣдникомъ—за здоровье Государя Императора; Императоромъ—за здоровье Императрицы и затѣмъ особый тостъ за здоровье Великаго

Князя Николая Павловича, въ честь его рожденія 25-го іюня; слѣдующій тостъ, также провозглашенный Императоромъ, былъ за здоровье гросмейстера Мальтійскаго ордена Гомпеша и за здоровье всего Мальтійскаго ордена.

Одновременно съ пиромъ въ круглой залѣ—былъ маршальскій столъ «на колоннадѣ». Во время обѣда въ круглой залѣ, на хорахъ, играла вокальная и инструментальная музыка и пѣлъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ.

Великодушный покровитель Мальтійскаго ордена, Императоръ Павелъ, 16-го октября 1798 года, избранъ былъ рыцарями въ гроссмейстеры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и 29-го ноября того же года торжественно посвященъ въ этотъ санъ *. Мальтійскій крестъ былъ включенъ въ число орденовъ Россійской имперіи подъ именемъ «державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго» и былъ жалуемъ, по усмотрѣнію Императора, лицамъ обоего пола. Такъ, орденъ этотъ возложенъ Государемъ на его супругу, на Великихъ Князей и Княженъ; имъ же былъ пожалованъ Суворовъ, когда, по возвращеніи изъ своего села Кончанскаго, представлялся Императору, 18-го февраля 1799 г. Раздѣленный на степени, бѣлый восьмиугольный мальтійскій крестъ былъ отличительнымъ знакомъ особеннаго благоволенія Императора. Включенный въ государственный гербъ, онъ лишь на нѣкоторое время украсилъ грудь двуглаваго россійскаго орла, но навсегда остался въ гербѣ Павловска. Покровительство ордену, принадлежавшему къ католическому вѣроисповѣ-

---

* St.-Petersburg während der vier ersten Jahre der glorreichen Regierung S. K. M. Paul des Ersten, von Heinrich Reimers. Рукопись автора хранится въ библіотекѣ дворца въ Павловскѣ.

данію, было не безъ благодѣтельныхъ послѣдствій для католическаго духовенства: іезуиты, по поводу смѣшенія разныхъ національностей подъ хоругвію Мальтійскаго ордена, мечтали видѣть соединеніе церквей; кавалеры ордена, иностранцы, были осыпаемы монаршими щедротами и почестями. Кромѣ собственнаго дворца—нынѣ Пажескій корпусъ, Мальтійскій орденъ имѣлъ свои особыя капеллы, кладбище, пріораты и т. п. на Каменномъ островѣ, въ Гатчинѣ и въ др. мѣстахъ.

Въ капеллѣ крѣпости Бипъ былъ воздвигнутъ переносный алтарь, освященный 18-го мая 1796 года въ Могилевскомъ каѳедральномъ соборѣ архіепископомъ Бѣлорусскимъ Станиславомъ Сестренцевичемъ.

Вечеромъ 23-го іюня 1799 года въ Павловскѣ происходило первое торжество «сожженія костровъ» по уставу ордена рыцарей св. Іоанна Іерусалимскаго; это производилось въ память того, что въ прежнее время, на островѣ Мальтѣ, въ канунъ Иванова дня, сжигали простыни больныхъ въ госпиталяхъ и потомъ замѣняли ихъ новыми.

По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, сожженіе костровъ въ Павловскѣ сопровождалось большою церемоніею. Костры были увѣшаны цвѣтами, кругомъ были разставлены палатки для Государыни, членовъ Царской фамиліи и для всего Двора. Но болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія объ этомъ торжествѣ находимъ въ слѣдующемъ письмѣ его участника, князя Мих. Пав. Долгорукаго:

— «16-го іюня 1799 г. я былъ отряженъ съ половиною эскадрона, для привоза регалій, которыя заключаются въ гроссмейстерской коронѣ, въ знамени, въ кинжалѣ вѣры и въ печати. И такъ, я привожу всѣ эти вещи изъ Петербурга съ великимъ торжествомъ; для каждой изъ нихъ была

отдѣльная карета, а для знамени — коляска; въ каждой каретѣ было по три персоны. Корону везли графъ Шереметевъ, князь Барятинской и князь Трубецкой; знамя — графъ Головкинъ, Олсуфьевъ и еще значительное число лицъ, назначенныхъ для держанія этихъ предметовъ. Мы ѣхали съ большимъ торжествомъ до Павловска, гдѣ насъ приняли. Всѣмъ бывшимъ тамъ кавалерамъ и командорамъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго приказано было сдѣлать намъ встрѣчу въ парадныхъ одеждахъ и прибыть во дворецъ, куда все это было отвезено. Надо сознаться, что я совершилъ этотъ путь по чрезмѣрной жарѣ, что̀ всѣмъ придворнымъ господамъ было крайне не по-нутру.

«Наканунѣ празднества, именно 23-го іюня, въ шесть часовъ вечера, всѣ войска были въ парадѣ на площади, передъ дворцомъ. Мы же были въ самомъ дворцѣ, равно какъ эскадронъ конной гвардіи, который былъ размѣщенъ по покоямъ на пути слѣдованія Его Императорскаго Величества. Ровно къ шести часамъ всѣ находившіеся въ Петербургѣ кавалеры и командоры прибыли туда и прошествовали по два въ рядъ; они всѣ были въ супервестахъ. Въ замкѣ шелъ гроссмейстеръ [Императоръ Павелъ], за которымъ шли съ одной стороны его оруженосецъ — графъ Кутайсовъ, а съ другой — князь Владиміръ Долгоруковъ съ палашомъ на̀-голо. Все шествіе три раза обошло девять костровъ, устроенныхъ на плацу, окруженномъ войсками; потомъ Его Императорское Величество, Великій Князь и одинъ изъ сановниковъ орденскаго капитула зажгли костры, и когда они загорѣлись, то всѣ возвратились въ томъ же порядкѣ. Что касается до Императрицы, то она, со всею Императорскою фамиліею, была

по близости, въ палаткѣ, чтобы видѣть эту церемонію. На другой день, въ день праздника, утромъ послѣ парада, была обѣдня, какая бываетъ обыкновенно въ праздничные дни. Какъ накануне, мы были разставлены въ покояхъ, черезъ которые проходили въ церковь».

Къ разсказу очевидца присоединяемъ офиціальныя свѣдѣнія о празднествѣ сожженія костровъ кавалерами ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

— «Къ шести часамъ вечера 23-го іюня 1799 года въ Павловскомъ дворцѣ собрались, по заблаговременной повѣсткѣ, чины Совѣта, Двора, командоры и кавалеры ордена и ожидали выхода Императорской фамиліи въ тронной комнатѣ. Прочія лица, имѣвшія пріѣздъ ко Двору, но не принадлежавшія къ ордену, стояли въ кавалерской и новой большой залахъ. Въ половинѣ 7-го часа, Императоръ, съ особами своего дома, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, имѣя впереди себя орденскихъ командоровъ и кавалеровъ по два въ рядъ, а позади—прочихъ собравшихся членовъ и дамъ, и, чрезъ всѣ парадныя комнаты, при звукахъ трубъ и литавръ, слѣдовалъ въ новую большую залу. Здѣсь Государь и Императрица Марія Ѳеодоровна заняли мѣста на тронѣ и великій сенекалъ орденскаго двора, Нарышкинъ, поднесъ Императору на золотомъ блюдѣ факелъ *. Въ то же время и такіе же факелы были вручены пажами членамъ Священнаго Совѣта. Послѣ этого перваго дѣйствія обряда, Императоръ, со всѣми чинами Священнаго Совѣта и двора великаго маги-

---

* Сенекалъ [Sénéchal, Senescallus]—одинъ изъ высшихъ чиновъ двора великаго магистра Мальтійскаго ордена, въ родѣ оберъ-гофмаршала. Въ этой должности былъ Александръ Львовичъ

VIII

стра и со всѣми присутствовавшими членами ордена, шествовалъ къ приготовленнымъ на площади, за желѣзными воротами, девяти кострамъ. Процессію открывалъ церемоніймейстеръ Іерусалимскаго ордена, за которымъ слѣдовали, по два въ рядъ, начиная съ младшихъ чиновъ: конвентуальные капелланы [Chapellans conventuels], почетные кавалеры, родовые командоры, кавалеры по праву [россійскаго пріорства съ правой, а католическаго съ лѣвой стороны], командоры по праву, духовные и свѣтскіе кавалеры Большаго креста, члены Священнаго Совѣта и оберъ-церемоніймейстеръ ордена, среброхранитель, четыре священника, четыре секретаря, капитанъ гвардіи—шефъ Кавалергардскаго корпуса князь Долгоруковъ, оберъ-егермейстеръ, унтеръ-шталмейстеръ, унтеръ-гофмаршалъ, оберъ-камергеръ, вицеканцлеръ ордена, гофмаршалъ, казначей, оберъ-шталмейстеръ и, позади всѣхъ, старшій изъ чиновъ двора великаго магистра—великій сенекалъ. Императоръ шелъ непосредственно за сенекаломъ, въ красномъ орденскомъ мундирѣ и въ большомъ супервестѣ, имѣя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя: по правую сторону—одного изъ офицеровъ Кавалергардскаго корпуса, а по лѣвую—перваго своего орденскаго оруженосца, графа Кутайсова. Императрица и Великія Княжны Александра, Елена и Марія Павловны въ сопровожденіи статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинъ и фрейлинъ, ѣхали за процессіею на линейкахъ. По прибытіи на площадь, вся процессія обошла три раза вокругъ костровъ, и тогда стоявшіе око-

Нарышкинъ, который въ то же время былъ оберъ-гофмейстеромъ, съ 1798-го года, Императорскаго Двора, род. 1760 г. † 1826 г.

ло ихъ камергеры двора великаго магистра зажгли бывшіе у нихъ факелы. Великій сенекалъ, принявъ изъ рукъ Императора факелъ, зажегъ его у перваго съ правой стороны камергера и вручилъ обратно Государю *. Послѣ этого камергеры подошли для зажженія факеловъ къ членамъ Совѣта и тогда уже Императоръ зажегъ первый костеръ, чему послѣдовали, съ остальными кострами, члены Совѣта, отъ которыхъ, по старшинству чиновъ и званій, принимали факелы и зажигали костры прочіе члены ордена. Императрица, Великія Княжны и ихъ свита смотрѣли на церемонію изъ нарочно устроенной великолѣпной палатки. По зажженіи костровъ всѣми участвовавшими въ этомъ обрядѣ лицами, послѣдовало возвращеніе во дворецъ, прежнимъ порядкомъ».

Въ этотъ вечеръ кавалергарды содержали караулъ въ круглой залѣ Павловскаго дворца, а часть ихъ находилась при подобной же церемоніи, происходившей въ Петербургѣ, на пространствѣ между зданіемъ орденскаго дворца—нынѣ Пажескій корпусъ, и желѣзною оградою, отдѣляющею его отъ Большой Садовой улицы.

На другой день, 24-го іюня, въ праздникъ рождества св. Іоанна Предтечи и, вмѣстѣ, въ праздникъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, весь Кавалергардскій корпусъ

* Церемонія происходила на большомъ плацу, который простирался отъ конца липовыхъ аллей до пруда, что у нынѣшняго Константиновскаго дворца. Плацъ этотъ былъ за желѣзными воротами, отдѣлявшими его отъ аллей. Въ библіотекѣ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго сохранился интересный рисунокъ, на большомъ листѣ, изображающій всю эту церемонію: Императоръ въ коронѣ, въ мантіи ордена, вся свита также въ мантіяхъ; Государь беретъ факелъ отъ колѣнопреклоненнаго предъ нимъ сенекала.

съ штандартомъ былъ расставленъ внутри Павловскаго дворца отъ кавалерской до картинной залы. Въ половинѣ 12-го часа происходило торжественное шествіе Императорской фамиліи въ дворцовую церковь, со всѣми лицами, принадлежавшими къ ордену. Послѣ литургіи отправлено было молебствіе, сопровождавшееся 101 пушечнымъ выстрѣломъ, а въ 3 часа всѣ участвовавшіе въ выходѣ имѣли во дворцѣ обѣденный столъ, во время котораго противъ Императорскихъ особъ стояло знамя ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ слѣдующемъ 1800 г. торжество сожженія происходило въ Петербургѣ, при многочисленномъ стеченіи зрителей, во дворѣ дворца державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, но безъ участія Императора.

Возвращаясь къ запискамъ Саблукова, находимъ въ нихъ еще нѣсколько чертъ къ описанію быта въ Павловскѣ за кратковременное царствованіе Августѣйшаго Основателя этого городка.

— «Въ Павловскѣ была такъ называемая цитадель или фортъ по имени Бипъ, куда офицеровъ, при случаѣ, сажали подъ арестъ.

«Два полковника, изъ донскихъ казаковъ, извѣстные своими подвигами въ предъидущую войну, были арестованы и посланы въ Бипъ за смѣлые отвѣты. Капитана флота Чичагова также было повелѣно посадить подъ арестъ въ цитадель за рѣзкій отвѣтъ, почти граничившій съ дерзостью. Онъ воспротивился этому приказанію, ссылаясь на привиллегіи, связанныя съ Георгіевскимъ крестомъ. Импе-

раторъ, раздраженный выше всякой мѣры, приказалъ сорвать съ него крестъ, а Уваровъ, дежурный флигель-адъютантъ, не колеблясь, исполнилъ это приказаніе. Чичаговъ, взорванный этимъ оскорбленіемъ, сбросилъ съ себя мундиръ и отправился въ фортъ въ одномъ жилетѣ. Его продержали подъ арестомъ лишь нѣсколько дней».

Въ Царскомъ семействѣ 1799-й годъ былъ ознаменованъ многими важными событіями, имѣвшими отчасти отношеніе къ его резиденціи—Павловску. Государь отбылъ сюда изъ Зимняго дворца 28-го апрѣля; Наслѣдникъ помѣстился въ своемъ домѣ; гости, принцы Мекленбургскіе—наслѣдный принцъ Фридрихъ и братъ его принцъ Карлъ—помѣщены были въ Маріенталѣ. 5-го мая происходило торжество обрученія Великой Княжны Елены Павловны съ принцемъ Фридрихомъ [бракосочетаніе совершено 12-го октября въ Гатчинѣ]. Тогда же, лѣтомъ 1799 г., гостемъ Павловска былъ эрцгерцогъ австрійскій Іосифъ, палатинъ венгерскій, женихъ Великой Княжны Александры Павловны. Дворъ въ 1799 году провелъ три мѣсяца въ Павловскѣ; 27-го іюля Государь переѣхалъ въ Петергофъ, но уже 5-го августа вновь возвратился со своею фамиліею въ дорогой его сердцу Павловскъ и здѣсь прожилъ до 20-го числа того же мѣсяца. Во все это время празднества и всевозможныя увеселенія были довольно часты; между прочимъ, сыграно было нѣсколько свадебъ лицъ ближнихъ ко Двору: такъ, 12-го іюля, вѣнчался состоявшій при Великой Княжнѣ Александрѣ Павловнѣ кн. Сергій Михайловичъ Голицынъ съ фрейлиною Евд. Ив. Измайловой; 20-го іюля—ген.-адъютантъ Сергій Алексѣевичъ Кожинъ съ фрейлиною княжною Екат. Мих. Волконской.

Зимою, въ январѣ 1800 года, а затѣмъ въ мартѣ и въ началѣ мая, Императрица Марія Θеодоровна нѣсколько разъ одна ѣздила въ Павловскъ, чтобы только взглянуть на него и на производившіяся въ немъ работы; при этомъ обыкновенно въ тотъ же день возвращалась въ Петербургъ; такъ было 17-го янв., 10-го марта, 4-го мая. Весною Дворъ переѣхалъ въ Павловскъ 14-го мая и пробылъ въ немъ до 20-го іюня, когда переѣхалъ въ Петергофъ: то было послѣднее пребываніе Двора въ Павловскѣ въ царствованіе Августѣйшаго его Основателя.

Рисунокъ изображаетъ серебряную модель памятника въ честь Императора Павла Петровича. См. о ней выше, стр. 107, примѣчаніе.

1801—1828

После кончины Императора Павла I, ранней весной 1801 г., Марія Θеодоровна изъ Петербурга переселилась въ Павловскъ. Государыня желала оплакивать утрату супруга и дочери [Великой Княгини Александры Павловны] именно тамъ, гдѣ было такъ много о нихъ воспоминаній.

— «Къ веснѣ того же 1801 года»,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ Н. А. Саблуковъ, — «вскорѣ послѣ Пасхи, вдовствующая Императрица выразила намѣреніе удалиться въ свою лѣтнюю резиденцію, въ Павловскъ, для того, чтобы пользоваться бо́льшимъ покоемъ и уеди-

---

Рисунокъ: Памятникъ Палатинѣ Венгерской, Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, род. въ Павловскѣ 29 іюля 1783 г. † 4-го марта 1801 г.

ненiемъ. Ея желанiе поспѣшили исполнить и Императоръ спросилъ свою Родительницу, какой караулъ она желаетъ имѣть? Отвѣтъ ея былъ:

— Только отъ Конногвардейскаго полка.

«Какую долю полка желаете вы имѣть при себѣ?»

— Только эскадронъ Саблукова, отвѣчала она.

«Я тотчасъ былъ откомандированъ на эту службу и эскадронъ мой былъ снабженъ, по приказанiю самого Государя, новыми патронташами и чепраками, украшенными Андреевскою звѣздою. Звѣзда эта имѣетъ девизомъ надпись: «за вѣру и вѣрность». Это почетное награжденiе и справедливое свидѣтельство въ безукоризненности нашего поведенiя было дано сперва моему эскадрону, а затѣмъ распространено на весь Конногвардейскiй полкъ. Кавалергардскiй полкъ былъ жестоко огорченъ тѣмъ, что столь видное отличiе было дано одному нашему полку. Генералъ Уваровъ горько на это жаловался и Императоръ, въ видахъ примиренiя, велѣлъ дать ту же звѣзду всѣмъ кирасирамъ, а также штабу армiи.

«Я продолжалъ исполнять эту утомительную должность пока Ея Величество и весь Дворъ не поѣхали въ Москву на коронацiю Императора Александра. Ночь за ночью я, какъ сторожъ, обходилъ цвѣтники и царскiе сады около дворца. Въ нихъ были разбросаны разные памятники, воздвигнутые въ воспоминанiе о событiяхъ супружеской жизни покойнаго Императора, и бѣдная Императрица, одѣтая въ глубокiй трауръ и двигаясь унылымъ шагомъ, имѣла обыкновенiе посвящать свои безсонныя ночи посѣщенiю этихъ пунктовъ. Какъ привидѣнiе бродила она, при свѣтѣ луны, между мраморными [sic] памятниками, въ тѣни плакучихъ ивъ и вѣчно

зеленыхъ кустовъ. Легко было видѣть по ея движеніямъ, до какой степени разстроены ея нервы, ибо малѣйшій шумъ пугалъ ее и обращалъ ее въ бѣгство. Поэтому мой караулъ, въ первыя недѣли пребыванія Императрицы въ Павловскѣ, сдѣлался для меня священною обязанностью, и я исполнялъ ее съ удовольствіемъ *.

«Въ характерѣ Императрицы не было ничего легкаго. Она не искала смягченій своему горю въ попыткахъ удалить о немъ воспоминаніе. Напротивъ того, она искала утѣшенія въ томъ, что выпивала горькую чашу до дна. Самая кровать, на которой Павелъ испустилъ послѣднее дыханіе, съ одѣяломъ и подушками, была привезена въ Павловскъ и помѣщена за ширмами въ комнату рядомъ со спальнею Ея Величества и, пока Государыня была жива, она не переставала посѣщать ежедневно эту комнату. Мнѣ недавно сказали [Саблуковъ писалъ въ исходѣ 1847 года], что эту кровать, послѣ ея смерти, перевезли въ Гатчину и помѣстили въ маленькую комнату, въ которой я такъ часто слышалъ молитвы Императора Павла...».

Императрица Марія Ѳеодоровна, оставляя Михайловскій замокъ и переселяясь въ Павловскъ, повелѣла перевезти сюда бо̀льшую часть мебели, бронзъ, мраморовъ, картинъ, зеркалъ и прочихъ вещей, украшавшихъ ея собственные и супруга ея покои. Изъ кабинета покойнаго Государя помѣщены были въ Павловскомъ дворцѣ

* Во время этихъ прогулокъ Императрица однажды потеряла кольцо, быть можетъ, обручальное, во всякомъ случаѣ для нея дорогое, такъ какъ объ отысканіи его были сдѣланы въ сентябрѣ 1801 г. распоряженія; кольца однако не нашли. Архивъ Павловскаго Город. Правл., дѣло 1801 г. № 156.

письменные столы, бюро, часы и двѣ, особенно любимыя покойнымъ Государемъ, картины: «архангелъ Гавріилъ» и «Богоматерь» кисти Гвидо-Рени. Обѣ эти картины донынѣ принадлежатъ къ числу главнѣйшихъ украшеній картинной галлереи дворца въ Павловскѣ.

То же свойство души Императрицы Маріи Θеодоровны, о которомъ упоминаетъ ея современникъ—т. е. способность утѣшать себя въ горѣ, исчерпывая чашу его до дна, внушило Государынѣ мысль сохранить навсегда воспоминаніе о печальныхъ дняхъ, проведенныхъ ею въ Павловскѣ, весною и лѣтомъ 1801 года. Съ этой цѣлію она повелѣла живописцу Кюгелькену написать ея портретъ въ траурномъ одѣяніи, томъ самомъ, въ которое она была облечена въ тяжкое и скорбное полугодіе, и съ медальономъ своего супруга на груди. Одинъ изъ этихъ портретовъ, овальный, въ золотой рамкѣ, донынѣ хранится въ собраніи портретовъ Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича въ Мраморномъ дворцѣ; портретъ писанъ на слоновой кости; на оборотной его сторонѣ сдѣланъ планъ Павловска — мѣста-свидѣтеля скорби и слезъ Императрицы *.

Помѣщаемъ здѣсь, въ переводѣ съ французскаго, выраженія этой скорби изъ письма Маріи Θеодоровны къ Сергѣю Ивановичу Плещееву—отъ 26-го марта 1801 г.

«Сердце мое увяло, душа моя отягощена, но я не ропщу на опредѣленіе Промысла; я лобызаю руку, меня поражающую. Оплакиваю мужа моего, дитя мое, но чув-

---

* Съ этого портрета—Клауберомъ [J. S. Klauber] исполнена въ 1805 г. превосходная гравюра; геліографическій снимокъ съ нея воспроизведенъ для этого изданія и помѣщенъ выше.

ствую всю обширность моихъ обязанностей: онѣ огромны, но Небо подастъ мнѣ силы, чтобы ихъ исполнить. Я здорова, но слаба, неузнаваема. Скорбь въ сердцѣ моемъ; она такого рода, что время не уничтожитъ ее. Добрый сынъ поступаетъ относительно меня какъ ангелъ; содѣлывая благо подданныхъ своихъ, онъ можетъ облегчить глубокую мою горесть и онъ это сдѣлаетъ, я въ томъ увѣрена; онъ доблестенъ, добръ, чувствителенъ, благочестивъ; всѣ благословенія мои почіютъ на этомъ дорогомъ существѣ. — ...Молитесь за меня Богу; безъ него я бы не вынесла невыразимой моей скорби!»

Непоколебимая вѣра въ Провидѣніе и сознаніе священныхъ своихъ обязанностей — дали Императрицѣ силу и возможность перенести свое горе. Время не уничтожило ея скорби; оно только схоронило ее въ глубинѣ сердца Маріи Θеодоровны, какъ святыню. Велики, по собственнымъ ея словамъ, были ея обязанности — и свято она ихъ выполнила. Въ годъ кончины Павла I двумъ младшимъ его сыновьямъ было четыре и два года; изъ трехъ дочерей, младшей было шесть лѣтъ, старшія же были отроковицами: воспитаніе ихъ было первою обязанностью вдовствующей Императрицы. Второю—были заботы о неимущихъ и страждущихъ, о сирыхъ и убогихъ, въ которыхъ Государыня всегда видѣла также дѣтей своихъ, требующихъ и заслуживающихъ постоянныхъ попеченій. Марія Θеодоровна не только не отклонилась отъ этой обязанности, но съ усиленною энергіею исполняла ее, находя въ этой дѣятельности свою утѣху и отраду.

Собственный Дворъ Государыни, во время пребыванія въ Павловскѣ, въ первые годы ея вдовства, былъ немногочисленъ. Его составляли: егермейстеръ графъ Го-

ловкинъ, шталмейстеръ Мухановъ, камеръ-юнкеры графы Віельгорскій, Соллогубъ и нѣкоторые другіе; секретари Императрицы: Вилламовъ, Вольфъ, впослѣдствіи Новосильцевъ; лейбъ-медикъ Рюль. Статсъ-дамы: графиня Ливенъ [воспитательница Великихъ Княженъ], Архарова и Плещеева; камеръ-фрейлины: Нелидова, графиня Головкина; фрейлины: Арсеньева, Дивова, Кочетова, княжна Туркестанова, принцесса Биронъ, Квашнина-Самарина и нѣкоторыя другія. Въ 1810—1820 гг., къ составу Двора Императрицы въ Павловскѣ причислялись графъ Ламсдорфъ—воспитатель младшихъ сыновей Императрицы, и состоявшіе при Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ «кавалеры»: генералъ-лейтенантъ Ахвердовъ, бывшій профессоръ Дерптскаго университета Николай Григорьевичъ Глинка [† 1818], генералъ-маіоры: Алединскій, Арсеньевъ и Саврасовъ, полковникъ Ушаковъ, статскій совѣтникъ Вульфъ и нѣкоторые преподаватели наукъ. Представителемъ литературнаго міра, въ кругу особъ, приближенныхъ къ Государынѣ, былъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій; чрезъ его посредство многіе изъ корифеевъ литературы Александровской эпохи удостоены были вниманія Маріи Θеодоровны; Нелединскій-Мелецкій былъ первымъ руководителемъ Жуковскаго въ чуждой для поэта придворной сферѣ.

Кромѣ многочисленной прислуги, при большомъ дворцѣ состоялъ значительный штатъ мастеровъ по всѣмъ частямъ внутренняго убранства, какъ-то: обойной, мебельной, бронзовыхъ украшеній и т. д. Каждый мастеръ, завѣдывавшій своею частію, именуясь «придворнымъ», держалъ учениковъ, а по выслугѣ лѣтъ пользовался пенсіею.

Хотя бюджетъ Павловска крайне былъ обремененъ содержаніемъ этой массы зачастую безполезнаго народа, тѣмъ не менѣе Императрица не сокращала штата своихъ служителей и мастеровъ всевозможныхъ профессій; это дѣлалось частью по обычаямъ того времени окружать себя большимъ Дворомъ, частью потому, что этотъ Дворъ получалъ полное обезпеченіе своего существованія, а лишить его этого обезпеченія—Императрица никогда бы не рѣшилась. Какъ бы то ни было, но при множествѣ «мастеровъ» техниковъ [въ томъ числѣ и «трубочистныхъ дѣлъ мастера», именовавшагося при Императорѣ Павлѣ—«штабъ-трубочистомъ»] можно было повидимому надѣяться на сбереженіе дворца отъ всякаго рода несчастныхъ случайностей: однакоже — Большой дворецъ, 10-го января 1803 г., сдѣлался добычею пламени. Объ этомъ событіи въ архивѣ Павловскаго Городоваго Правленія находимъ слѣдующую выписку изъ настольнаго реестра, января 12-го, 1803 г.:

«Сего генваря 10-го числа, по полудни въ седьмомъ часу, въ главномъ Ея Величества домѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ кабинетѣ, отъ затлѣнія въ потолкѣ балокъ, загорѣлось; въ то же самое время со стороны Правленія, посредствомъ здѣшняго полиціймейстера и стоящихъ здѣсь въ городѣ лейбъ-гусарскаго полка двухъ эскадроновъ гусаръ, также инвалидной команды, казенныхъ плотниковъ и многихъ обывателей города, а равно Ѳедоровскихъ крестьянъ, хотя и приняты были къ потушенію всевозможныя мѣры, но при всемъ томъ, огонь, по маломъ времени, такъ усилился, что средній корпусъ дворца, во внутренности во всѣхъ этажахъ, выгорѣлъ, кромѣ того, что при всякомъ бдительномъ попеченіи сохра-

нены многія вещи и мебели, которыя и поставлены, для безопаснѣйшаго охраненія оныхъ, во флигеляхъ того дворца. И о всемъ вышеписанномъ тогда же съ нарочнымъ донесено было гофмаршалу Степану Сергѣевичу Ланскому, по прибытіи котораго, обще съ его свѣтлостію принцемъ Виртембергскимъ, на другой день, то есть сего генваря 11-го числа, пополудни въ 4 часа, когда пожаръ еще продолжался, дѣлано къ пресѣченію онаго самими ими распоряженіе».

Какъ приняла Августѣйшая Владѣтельница Павловска вѣсть о постигшемъ ее несчастіи, видно изъ письма Ея Величества къ графу С. Р. Воронцову, въ Лондонъ. Вотъ отрывокъ изъ этого интереснаго документа, въ подлинникѣ, на французскомъ языкѣ, сохранившагося въ фамильномъ архивѣ князя Воронцова.

С.-Петербургъ, января 19-го дня, 1803 г.

«Хотя мой милый Павловскъ лишился своей красоты, такъ какъ прекрасный мой домъ обратился въ пепелъ восемь дней тому назадъ, однако же льщусь надеждою, что вы пріѣдете погоревать съ бѣдной погорѣлицей. Это происшествіе случилось въ прошедшую субботу. Балка вблизи трубы была причиною пожара, который былъ такъ силенъ, что отъ главнаго корпуса остались рѣшительно однѣ стѣны; флигеля и много изъ мебели спасены; но я лишилась прекрасныхъ статуй, разбитыхъ въ дребезги, и картинъ Робера, Верне, сильно пострадавшихъ, и много изъ мебели. Моя библіотека и собраніе эстамповъ тоже чрезвычайно потерпѣли. Много хлопотъ, графъ, много непріятностей; но, впрочемъ, подобнаго рода горе

переносить легко, если его сравнить съ сердечными, мною испытанными страданіями. И потому-то, клянусь вамъ, что хотя я и огорчена этою потерею, которая не можетъ не быть мнѣ чувствительна, я однако же перенесла вѣсть о ней съ тѣмъ спокойствіемъ, которое, по моему мнѣнію, есть плодъ несчастій истинныхъ: когда измѣряешь горе этою мѣрою, то ни одно не подойдетъ къ ней. Между всѣми этими непріятностями, одна, признаюсь, особенно меня тронула: опасеніе чтобы пожаръ не распространился заставило срубить мои великолѣпные тополи, которые я садила, холила; ростомъ они были выше кровли. Но утѣшаюсь, графъ, тою мыслію, что стараніями вашими буду вознаграждена за мою потерю и, въ этой увѣренности, обращаюсь къ вамъ, прося прислать мнѣ, съ первымъ же отплывающимъ кораблемъ, полъ-дюжину или дюжину самыхъ высокихъ тополей, какихъ только возможно будетъ добыть. Можетъ быть и лордъ Сентъ-Эленсъ, любя Павловскъ, озаботится и самъ исполненіемъ этого порученія. Если попросить капитана корабля положить ихъ на палубѣ и хорошенько укутать, то перевезти не трудно и можно было-бы достать очень большія дерева. Этимъ облегчили бы мои сожалѣнія, ибо признаюсь, что тополи были однимъ изъ лучшихъ украшеній Павловска. Видите ли, графъ, что я съ довѣріемъ пользуюсь вашимъ предложеніемъ услугъ; это порученіе близко моему сердцу, и, признаюсь, доставите мнѣ огромное удовольствіе, исполнивъ его. Мои малютки поручили мнѣ передать вамъ ихъ поклонъ, графъ; присоединяю къ нимъ и мой моей милой малюткѣ, вмѣстѣ съ увѣреніями въ отмѣнныхъ чувствахъ уваженія и дружбы, съ которыми есмь весьма вамъ благосклонная Марія».

IX

Вѣсть о пожарѣ Павловскаго дворца быстро разнеслась по Петербургу. Евгеній Болховитиновъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, бывшій тогда въ столицѣ, писалъ по этому поводу къ одному изъ своихъ друзей:

«Третьяго дня дворецъ въ городѣ Павловскѣ весь выгорѣлъ. Императрицѣ тысячъ двѣсти изъяну».—Эта цифра была угадана довольно вѣрно. Хотя, сличая инвентарные дворцовые реестры 1797—1803 гг. съ реестрами послѣдующихъ годовъ, находимъ, что изъ мебелей, картинъ, фарфору, бронзъ, мраморовъ и т. п. многое спасено, тѣмъ не менѣе стоимость возобновленія выгорѣвшихъ частей зданія, съ 13-го іюля 1803 по 3-е февраля 1805 г., простиралась до 177,000 руб.

Впрочемъ, Большой дворецъ, до послѣдняго года жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, независимо отъ ремонтныхъ работъ, былъ постоянно дополняемъ наружными и внутренними украшеніями, а частью и пристройками. Художественныя работы по Большому дворцу особенно были усилены съ 1815 г. Любя и хорошо понимая живопись, обладая значительнымъ собраніемъ картинъ, произведеній великихъ мастеровъ, Императрица желала, чтобы лѣпныя работы и фрески въ дворцовыхъ комнатахъ вполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ изящнаго вкуса. Между художественными произведеніями славнѣйшихъ мастеровъ всѣхъ школъ, Императрица снисходительно удѣляла мѣсто рисункамъ, подносимымъ ей ея Августѣйшими дѣтьми и воспитанницами институтовъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна, въ сопровожденіи своего Двора, переѣзжала ежегодно въ первой половинѣ мая на лѣто въ Павловскъ, куда, по желанію Ея Величе-

ства, переселялись на это время и семейства принадлежавшихъ ко Двору лицъ, пользовавшіяся тамъ соотвѣтственнымъ каждому помѣщеніемъ въ домахъ придворнаго вѣдомства, за исключеніемъ немногихъ, имѣвшихъ въ Павловскѣ собственныя свои дачи.

До кончины Маріи Ѳеодоровны, лѣтнее населеніе Павловска, сверхъ чиновниковъ дворцоваго правленія и небольшаго числа постоянныхъ жителей, преимущественно низшаго званія, и не считая офицеровъ квартировавшихъ тамъ, сначала лейбъ-гвардіи егерскаго, а потомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полковъ, составляли до 35-ти семействъ лицъ, почти исключительно принадлежавшихъ ко Двору Ея Величества.

Достойно замѣчанія, что Императрица всегда желала увеличенія населенія Павловска, хотя бы на лѣтніе только мѣсяцы, и, по повелѣнію Ея Величества, Павловское Городовое Правленіе ежегодно, весною, печатало рядъ объявленій въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», съ приглашеніемъ публики нанимать въ Павловскѣ дачи; но не смотря однако на приглашенія, петербургская публика, по неудобству сообщенія, отдаленію Павловска и, наконецъ, просто по непривычкѣ еще жить на дачахъ, такъ какъ болѣе достаточный классъ ея обитателей охотнѣе разъѣзжался лѣтомъ по помѣстьямъ — посѣщала Павловскъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и «многіе—какъ выражались объявленія—порозніе дома обывателей Павловска» оставались по прежнему безъ обитателей. За то въ воскресные и праздничные дни стеченіе пріѣзжихъ изъ Петербурга бывало довольно значительно. Императрица всегда съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчала въ садахъ толпы

*

гуляющихъ и нерѣдко удостаивала бесѣдами лицъ, прибывшихъ въ Павловскъ насладиться прогулками. Вниманіе Императрицы къ посѣтителямъ простиралось до того, что, по ея повелѣнію, въ нѣкоторыхъ садовыхъ домикахъ и на Фермѣ гуляющимъ предлагаемъ былъ, безплатно, отъ 12-ти до 2-хъ часовъ дня, завтракъ, состоявшій изъ свѣжаго ржанаго хлѣба, масла, простокваши, творогу, сливокъ и молока. Въ то же время посѣтителямъ дворцоваго сада вмѣнялось въ непремѣнную обязанность не только не рвать цвѣтовъ, но отнюдь не ходить по травѣ. Нарушеніе послѣдняго условія всегда серьезно огорчало радушную, привѣтливую Хозяйку Павловска. Однажды, во время прогулки Маріи Өеодоровны, одна изъ крестьянокъ, нанятыхъ для метенія дорожекъ, желая посторониться предъ Государынею, ступила на траву.—«Милая, что ты дѣлаешь?», воскликнула Императрица—«не топчи травы: это все равно будто ты мнѣ наступила на ногу!»—Рѣзвымъ дѣтямъ, бѣгавшимъ по травѣ, Марія Өеодоровна говаривала часто: «не надобно мять травку, ей больно!»

Хотя тотчасъ по прибытіи Ея Величества на лѣтнее житье въ Павловскъ пустынныя его улицы нѣсколько оживлялись появленіемъ на нихъ придворныхъ ѣздовыхъ, снующихъ взадъ и впередъ камеръ-лакеевъ, лакеевъ и скороходовъ, или проѣздомъ придворныхъ экипажей, но жизнь въ полномъ разгарѣ начинала кипѣть тамъ обыкновенно только съ наступленіемъ теплыхъ іюньскихъ дней. Тогда, почти ежедневно, можно было видѣть, въ томъ или другомъ мѣстѣ, суетливыя приготовленія придворной прислуги къ прогулкамъ Императрицы и ея Двора, къ завтракамъ, обѣдамъ, или вечернимъ собра-

ніямъ, назначавшимся попеременно, во дворцѣ, въ которомъ либо изъ садовыхъ павильоновъ, въ Вольерѣ или на Фермѣ, куда потомъ отправлялись цѣлые фургоны съ разною посудою и всякаго рода припасами для угощенія, а затѣмъ къ урочному часу на линейкахъ ѣхали гости.

По воскресеньямъ, обыкновенно пріѣзжали къ обѣду во дворецъ гости изъ Петербурга, приглашенные Императрицею, или пользовавшіеся свободнымъ во всякое время пріѣздомъ ко Двору Ея Величества.

Кромѣ того, къ столу Императрицы были приглашаемы всѣ проживавшіе въ Павловскѣ обоего пола особы ея Двора. Въ воскресные дни и по праздникамъ на площадкѣ, передъ дворцомъ, игралъ по вечерамъ хоръ военной музыки и длинныя, широкія аллеи наполнялись гуляющими, среди которыхъ появлялась сама Государыня съ своими гостями, въ особенности когда вечерній чай бывалъ назначаемъ въ Вольерѣ, гдѣ изрѣдка устраивались и танцы, которые однакожъ бо̀льшею частію бывали въ нижней дворцовой залѣ.

На такіе танцовальные вечера обыкновенно приглашались офицеры квартировавшаго въ Павловскѣ полка, которые оживляли ихъ своею веселостью, поощряемою вниманіемъ и радушіемъ Государыни и господствовавшею въ этихъ собраніяхъ непринужденностью. Толпы любопытныхъ стекались ко дворцу посмотрѣть на увеселенія Двора и тѣснились у оконъ и дверей на большомъ крыльцѣ передъ залою. Императрица при этомъ заботилась о томъ, чтобы публика могла лучше видѣть все, что̀ тамъ происходило, приказывала растворять окна и двери залы, а дѣтей вводила даже въ самую залу, устанавливала у дверей впереди прочихъ зрителей,

и лично угощала конфектами или фруктами. Такое милостивое обращеніе Государыни съ посѣтителями Павловска, къ какому бы званію они ни принадлежали, не могло ихъ не привлекать, и поэтому число пріѣзжихъ въ Павловскъ изъ Петербурга, въ воскресные и другіе праздничные дни, увеличивалось съ каждымъ годомъ, не смотря на то, что поѣздка въ Павловскъ обходилась, въ то время, не дешево и требовала въ одинъ конецъ около трехъ часовъ времени. «Привѣтливость, вниманіе и удовольствіе Императрицы при видѣ огромнаго числа посѣтителей любимаго ея лѣтняго жилища»,—говоритъ одинъ изъ ея современниковъ,—«вознаграждали за все».

Должно замѣтить при этомъ, что Марія Θеодоровна всегда умѣла соединять требованія нѣсколько чопорнаго этикета съ непринужденностью какъ своихъ гостей, такъ и постороннихъ посѣтителей Павловска. Императрица заботилась о внѣшней обстановкѣ, соотвѣтствующей царственному жилищу: лично ей прислуживали всегда камеръ-пажи; при парадномъ экипажѣ находились гусары въ ярко вышитыхъ золотомъ мундирахъ; въ одеждѣ дворцовыхъ служителей строго соблюдалась форма минувшаго столѣтія. Пышность эта еще отчетливѣе выставляла простоту ея обхожденія, имѣвшаго въ себѣ нѣчто обаятельное: немногими словами Марія Θеодоровна ободряла гостя, незнакомаго съ требованіями придворнаго этикета и онъ, не чувствуя ни малѣйшаго стѣсненія, подчинялся этимъ требованіямъ. Въ подтвержденіе приводимъ свидѣтельство извѣстнаго впослѣдствіи митрополита Евгенія Болховитинова, приглашеннаго на обѣдъ въ Павловскъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ.

«31-го мая 1803 г. досталось мнѣ съ митрополитомъ быть въ Павловскѣ и съ Государынями и прочею Высочайшею фамиліею обѣдать. За столомъ было человѣкъ около ста, а мы съ митрополитомъ сидѣли противъ самихъ Государынь.

«Признаюсь, сперва показалось дико, а послѣ, осмѣлясь, я говорилъ за столомъ столь же громко и смѣло, какъ и другіе; а особливо сидѣвшій возлѣ меня графъ Николай Петровичъ Румянцевъ много придавалъ мнѣ духу фамильярностью своею. Онъ меня, тутъ же за столомъ, рекомендовалъ Государынямъ какъ пріятеля своего и ученаго человѣка, а я краснѣлъ отъ его рекомендацій и при томъ отъ рекомендацій митрополичьихъ. Онъ передъ столомъ поднесъ всей Фамиліи по экземпляру церковнаго церемоніала и, указавъ на меня, донесъ, что я говорилъ проповѣдь. Румянцевъ тутъ примолвилъ, что я же сочинялъ и грузинскую исторію и проч. Я отъ стыда всего упомнить не могу. Государыня вдовствующая спрашивала меня, бывалъ-ли я прежде въ Павловскѣ, обходилъ-ли я весь его и нравится-ли онъ мнѣ? На все то я кое-какъ отвѣчалъ».

Лѣто 1803 года было проведено въ Павловскѣ весело и разнообразно. Императоръ Александръ часто посѣщалъ свою Родительницу; изъ иностранныхъ принцевъ былъ въ Павловскѣ супругъ покойной Великой Княгини Александры Павловны — эрцгерцогъ Австрійскій Іосифъ, палатинъ Венгерскій.

Въ томъ же году, въ маѣ мѣсяцѣ, Павловскій садъ былъ свидѣтелемъ новаго, рѣдкаго въ Россіи зрѣлища: аэронавтическаго опыта французскаго воздухоплавателя Гарнерена [Garnerin]. Онъ дѣлалъ опытъ

по желанію Маріи Θеодоровны. Къ маленькому воздушному шару Гарнеренъ привязалъ кошку съ парашютомъ, а къ привязи фитиль, который черезъ нѣсколько минутъ, догорѣвъ, пережегъ привязь и освободилъ кошку: она въ совершенномъ здоровьи спустилась на землю и была представлена Императрицамъ.

Развлеченія Двора вдовствующей Государыни, лѣтомъ 1803 года, предшествовали новому, печальному событію въ ея семейномъ быту: въ исходѣ сентября получено извѣстіе о кончинѣ Великой Княгини Елены Павловны, супруги великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, послѣдовавшей 12-го сентября 1803 года *. Мысль почтить память усопшей монументомъ въ дворцовомъ саду тогда же явилась опечаленной матери.

Спустя три мѣсяца горе, постигшее Царское семейство, смѣнилось радостью: 1-го января 1804 года въ Петербургѣ праздновали обрученіе Великой Княжны Маріи Павловны съ Карломъ Фридрихомъ, великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ; бракосочетаніе происходило 22-го іюля того же года **. Весною и въ началѣ лѣта обрученные пребывали въ Павловскѣ, воспоминаніе о которомъ Великая Герцогиня сохранила навсегда на далекой чужбинѣ.

Въ 1806 г., Императрица осуществила свою мысль о сооруженіи монумента въ память Великой Княгини Еле-

Родилась 13-го декабря 1784 г.

** Герцогиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна родилась 4-го февраля 1786 г., скончалась 11 [23-го] іюня 1859.

ны Павловны, наслѣдной принцессы Мекленбургъ-Шверинской, скончавшейся, какъ выше сказано, въ 1803 г. Памятникъ поставленъ на небольшомъ полуостровкѣ близь дворца и былъ первымъ изъ произведеній знаменитаго ваятеля Мартоса, украсившихъ Павловскій паркъ *. Въ скоромъ времени, именно въ 1810 г., были совершенно окончены еще два монумента: «Родителямъ» и «Супругу» т. е. «Императору Павлу».

Первый изъ этихъ памятниковъ поставленъ еще въ 1786 г., но тогда онъ состоялъ изъ открытаго павильона весьма скромныхъ размѣровъ, на стѣнѣ котораго утверждена была скрижаль чернаго мрамора съ надписью на ней: «Принцессѣ Фридерикѣ», имени сестры Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны. На мѣстѣ этого павильона Мартосъ соорудилъ великолѣпный мавзолей, который, не смотря на рѣзкій отпечатокъ тогдашняго классицизма, донынѣ замѣчателенъ по изяществу выполненія, какъ мраморной фигуры, такъ и барельефа, украшающихъ гробницу или пьедесталъ съ могильною урною **.

Памятникъ Супругу—сооруженіе, въ ряду садовыхъ зданій Павловска, значительнѣйшее, если только

---

* Барельефъ для памятника сдѣланъ «въ 1806 г. въ Ишлѣ» И. П. Мартосомъ, какъ значится въ вырѣзанной на барельефѣ надписи.

** Этотъ монументъ посвященъ памяти родителей Маріи Ѳеодоровны и сестрамъ: *Фридерикѣ*, † 15 ноября 1783 г.,—*Елисаветѣ*—первой супругѣ Австрійскаго императора Франца, скончавшейся 7 февраля 1790 г., брату *Карлу*, † 11 августа 1791 г. въ Яссахъ; эта вторая скрижаль вдѣлана была въ стѣну уже по сооруженіи памятника.

принять во вниманіе преодолѣніе всѣхъ трудностей, съ которыми была сопряжена, въ то время, доставка въ Павловскъ мраморныхъ статуи, барельефа, строительныхъ матеріаловъ, въ особенности же четырехъ гранитныхъ монолитовъ, поддерживающихъ фронтонъ.

Мысль почтить монументомъ память покойнаго своего супруга возникла въ душѣ Государыни Маріи Ѳеодоровны въ первый же годъ ея вдовства, но до 1805 г. не была приведена въ исполненіе. Лѣтомъ 1805 г. Императрица ассигновала сумму, необходимую для постройки памятника, и поручила С. С. Ланскому заняться предварительными распоряженіями къ началу работъ— но 15-го августа 1805 г. повелѣла отложить работы до «удобнѣйшаго времени». Главнымъ препятствіемъ была несчастная наша война съ Наполеономъ, ознаменованная разгромомъ союзныхъ армій подъ Аустерлицемъ. Ровно черезъ годъ [въ августѣ 1806 г.] вызывались чрезъ газеты подрядчики на постройку въ Павловскѣ «каменнаго зданія», но какого именно — это было обойдено молчаніемъ. 19-го сентября 1806 г. каменныхъ дѣлъ мастеръ Карлъ Висконти заключилъ съ дворцовымъ правленіемъ контрактъ на четыре года, принявъ при этомъ отъ казны заготовленные матеріалы и кирпичный заводъ, находившійся близъ Ижоры. Кромѣ возведенія зданія «Храма», такъ назывался монументъ въ офиціальныхъ бумагахъ, Висконти обязывался выровнять на мѣстѣ сооруженія 4,000 квадр. сажень съ обнесеніемъ ихъ рвомъ и валомъ, посадкою деревьевъ и планировкою дорожекъ. Постройки производились подъ наблюденіемъ архитектора Томона. Сооруженіе памятника окончено въ іюнѣ 1808 г., но окончательная его

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ.

отдѣлка и открытіе послѣдовали въ 1810 г. Постройка монумента обошлась свыше 60,000 р. асс.

Къ этимъ же 1805—1810 гг. относится одна изъ важнѣйшихъ работъ, произведенныхъ въ Павловскомъ паркѣ; то было «удѣланіе» Константиновскаго плаца, того самаго параднаго мѣста или «площади колонны» [Place de la colonne], который представлялъ въ царствованіе Императора Павла I пустынную площадь, разстилавшуюся отъ тройной липовой аллеи до Константиновскаго дворца. Это мѣсто [пространствомъ до 360 сажень длины и около 300 сажень ширины], удобное для воинскихъ упражненій, рѣзко противорѣчило окружавшимъ его цвѣтникамъ, тѣнистымъ рощамъ и красивымъ садовымъ зданіямъ.

18-го мая 1805 г. Императрица Марія Θеодоровна апробовала докладъ о преобразованіи этого обширнаго, мѣстами болотистаго, мѣстами заросшаго пустыря въ паркъ. Работы по этой части взяли на себя съ торговъ Колпинскіе колонисты; болѣе 57,000 деревьевъ, отъ 3 до 6 аршинъ высоты, были привезены съ разныхъ, нерѣдко довольно дальныхъ, лѣсовъ и разсажены по плацу, поднятому и тщательно удобренному. На «парадномъ же мѣстѣ» вырытъ прудъ въ 630 куб. саж. Прудъ Константиновскій углубленъ выемкою въ 333 куб. саж.; засѣяно овсомъ и травою—19 десятинъ; дорожекъ для экипажей проложено на пространствѣ 915 квадр. саж.; пѣшеходныхъ—526 квадр. сажень.

Обращаемся къ быту обитателей Павловска.—Лѣтомъ Великая Герцогиня Саксенъ-Веймарская посѣтила Павловскъ. Дни и вечера проходили въ мирныхъ сельскихъ увеселеніяхъ, запечатлѣнныхъ чисто семейнымъ характеромъ. Любимымъ мѣстомъ для прогулокъ и собраній

была Ферма, выстроенная въ 1802 г. на томъ жемѣстѣ, гдѣ она находится и понынѣ.

Участниками въ удовольствіяхъ Августѣйшей семьи были дѣти лѣтнихъ обитателей Павловска, для которыхъ Марія Ѳеодоровна устраивала при Дворѣ завтраки съ танцами (déjeûners dansants) или вечеринки, на которыхъ этотъ маленькій людъ веселился отъ души, нимало не стѣсняясь присутствіемъ Императрицы, которая сама поощряла его къ тому. «Послѣ этого»,—разсказываетъ Вилламовъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—«неудивительно было видѣть дѣтей, собиравшихся въ саду всюду, гдѣ можно было встрѣтить Государыню, пѣшкомъ или въ экипажѣ, и я живо помню, какъ въ одно воскресенье, узнавъ, что Императрица будетъ завтракать въ Вольерѣ, насъ, однихъ мальчиковъ отъ 7-ми до 12-ти-лѣтняго возраста, собралось около 20 человѣкъ въ аллеѣ, которая вела тогда отъ театра [нынѣ не существующаго], и въ которой мы выстроились во фронтъ, занявшій, по присоединеніи къ намъ нѣкотораго числа дѣвочекъ, болѣе половины ея протяженія. Императрица, подъѣхавъ, послѣ прогулки по саду, къ театру, вышла изъ экипажа и со всѣми сопутствовавшими ей пошла пѣшкомъ къ Вольеру, но, увидѣвъ насъ, остановилась и, указывая съ улыбкою свитѣ своей на нашъ фронтъ, вскричала: «Oh! regardez, quel charmant petit monde nous attend ici!» Съ этими словами она подошла къ намъ; тѣхъ, кого не знала лично, распросила о фамиліи, о родителяхъ, гдѣ живутъ, гдѣ учатся и т. п., а по прибытіи къ Вольеру выслала нѣсколько тарелокъ съ конфектами, которыя приказала раздѣлить между нами».

18-го апрѣля 1809 года въ Петербургѣ отпраздновано

бракосочетаніе Великой Княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Петромъ Фридрихомъ Георгомъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ. Лѣто 1809 года, до отъѣзда въ чужіе краи, новобрачные провели въ Павловскѣ. Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ листковъ альбома на Фермѣ, относящихся къ этому времени *.

— «Я прибыла въ мой любезный Павловскъ 18-го мая,—писала Государыня въ томъ же 1809 г.;—«и хотя нѣсколько разъ была у дверей Фермы, но только сегодня, въ субботу, удосужилась на минуту войти въ зало. Благословляю Бога за то, что нахожусь здѣсь; благословляю Его за счастіе милой моей Кати, которую привезла сюда замужнею, довольною и счастливою; поручаю мою добрую Марію Провидѣнію; да благоволитъ Всевышній возвратить ее въ мои объятья; она разсталась со мною въ пятницу 7-го сего мая, въ Касковѣ, чтобы возвратиться въ Веймаръ».

Въ слѣдующемъ 1810 году Марія Θеодоровна прибыла въ Павловскъ въ среду 18-го мая и, черезъ нѣсколько дней, посѣтивъ Ферму, оставила въ альбомѣ замѣтку:

—«Снова вижу мою милую Ферму 24-го сего мая 1810 года, во вторникъ, съ тѣмъ же чувствомъ удовольствія, которое ощущаю каждый разъ бывая здѣсь. Я переѣхала въ Павловскъ въ среду 18-го мая; ненастная погода помѣшала мнѣ побывать ранѣе на моей Фермѣ. Благословляю Бога за мое сюда возвращеніе, особенно же за доброе здоровье

* Собственноручныя замѣтки Императрицы Маріи Θеодоровны на Фермѣ въ Павловскѣ [1809—1828 гг.] писаны на французскомъ языкѣ, см. приложенія.

моихъ милыхъ и возлюбленныхъ дѣтей, присутствующихъ и отсутствующихъ».

Дни текли мирной, обычной чередой: въ ясную погоду—прогулки, въ дождливое время—чтеніе вслухъ, кѣмъ-либо изъ приближенныхъ Императрицы, въ числѣ которыхъ, какъ въ 1810 г., такъ и въ послѣдующіе годы, всегда появлялись представители науки, литературы, художествъ и искусствъ.

Въ 1811 году, къ пріѣзду Маріи Ѳеодоровны въ Павловскъ [25-го мая] гр. Петръ Гавриловичъ Головкинъ устроилъ, донынѣ сохранившійся, Воздушный театръ, на которомъ былъ данъ дѣтскій спектакль. Вотъ что говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ:

— «Кулисы замѣнены были трельяжами, обвитыми густою зеленью, а въ глубинѣ сцены, оканчивавшейся полукружіемъ изъ такого же трельяжа, поставленъ былъ бюстъ Императрицы на пьедесталѣ, окруженномъ множествомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ. Болѣе 30-ти дѣтей обоего пола, отъ 7-ми до 14-ти лѣтняго возраста, изъ семействъ, принадлежавшихъ ко Двору, были назначены дѣйствующими лицами на этой сценѣ; изъ Петербурга

Рисунокъ: внутренній видъ Воздушнаго театра въ Павловскомъ паркѣ.

былъ выписанъ танцмейстеръ, для составленія програм-мы маленькаго балета и обученія дѣтей, предназначенныхъ въ немъ участвовать. На другой день, по прибытіи Государыни въ Павловскъ, часу во второмъ по-полудни, Ея Величество была пріятно изумлена приглашеніемъ на утренній спектакль, который начался маленькою французскою піесою, написанною на этотъ случай и разыгранною нѣкоторыми изъ старшихъ дѣтей, а кончился балетомъ, въ которомъ, послѣ разнохарактерныхъ танцевъ, приняли участіе всѣ остальныя дѣти, сгруппировавшіяся, въ заключеніе всего, съ вѣнками и гирляндами, передъ бюстомъ Императрицы и составившія, такимъ образомъ, прелестную живую картину. Ея Величество была въ восхищеніи, и, до слезъ тронутая такою встрѣчею въ любимомъ ею Павловскѣ, благодарила, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, графа Головкина за доставленное ей удовольствіе; ласкала и благодарила всѣхъ дѣтей, участвовавшихъ въ спектаклѣ, и, во время завтрака, который приготовленъ былъ въ большой турецкой палаткѣ, неподалеку отъ амфитеатра *, лично угощала ихъ то тѣмъ, то другимъ, обходя вокругъ стола, за которымъ сидѣли дѣти».

О томъ, какъ проведены были Императрицею Маріею Ѳеодоровною лѣто и осень 1812 года, приводимъ два

* Палатка эта, впослѣдствіи по ветхости разобранная, замѣнена обширною бесѣдкою, устроенною на ея мѣстѣ по рисунку знаменитаго архитектора Росси, которая сохранилась донынѣ подъ именемъ Турецкой. Она находится за Воздушнымъ театромъ и состоитъ изъ обширнаго трельяжа, обставленнаго кругомъ чугунными вазами.

свидѣтельства: одно—воспоминаніе А. Г. Вилламова, другое—драгоцѣннѣйшее—отрывки изъ собственноручнаго дневника Императрицы на Фермѣ.

— «Наступило лѣто 1812 года и вторженіе Наполеона съ шестисотъ тысячною арміею въ Россію прекратило всѣ увеселенія въ Павловскѣ; быстрое его движеніе, по направленію къ Москвѣ, и успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ вызвали крайне тревожныя ожиданія извѣстій изъ арміи нашей, изъ которыхъ единственными отрадными бывали тогда донесенія о подвигахъ героя 1812 года, графа Витгенштейна, пріобрѣвшихъ ему славное наименованіе «защитника Петрова града». Тогда другаго рода заботы представились Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Приближеніе непріятеля къ Москвѣ обратило всѣ помыслы Ея Величества на спасеніе тамошнихъ воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній, состоявшихъ подъ Высокимъ Ея покровительствомъ, отъ неистовства враговъ, въ случаѣ вступленія ихъ въ столицу.

—«По полученіи извѣстія о занятіи непріятелемъ Смоленска и движеніи къ Москвѣ, Императрица тотчасъ распорядилась принятіемъ самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ отправленію означенныхъ заведеній въ Казань и управленію въ Москвѣ тѣми, перемѣщеніе коихъ, во время общаго изъ столицы бѣгства жителей, представляло неодолимыя препятствія, какъ то: грудныхъ отдѣленій Воспитательнаго дома и всѣхъ питомцевъ и питомицъ онаго до 14-ти лѣтняго возраста, а равно и больницъ, наполненныхъ нашими ранеными, изъ коихъ до 10,000 человѣкъ, частію по слабости, частію по недостатку средствъ, невозможно было вывезти оттуда, при чемъ Ея Величество, подобно всѣмъ русскимъ, не переставала

x

утѣшать себя надеждою, что Богъ не попуститъ врага овладѣть первопрестольною нашею столицей. Но, когда, послѣ Бородинской битвы, рѣшено было принести въ жертву Москву, то благовременныя мѣры Императрицы къ удаленію оттуда покровительствуемыхъ ею заведеній и охраненію оставшихся тамъ малолѣтнихъ сиротъ, престарѣлыхъ вдовъ и раненыхъ воиновъ, въ случаѣ занятія столицы французами, оправдались въ полной мѣрѣ, ибо, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, послѣднія изъ заведеній, назначенныхъ къ отправленію въ Казань, едва успѣли выѣхать изъ Москвы дней за десять до вступленія туда непріятельскихъ войскъ.

—«Изъ Павловска Ея Величество возвратилась въ Петербургъ въ половинѣ іюня 1812 года; Государыня поселилась въ Таврическомъ дворцѣ и только на самое короткое время, изрѣдка, въ лѣто 1812 г., посѣщала Павловскъ. Но какъ всѣ предварительныя распоряженія Государыни, касательно упомянутыхъ заведеній, послѣдовали еще во время пребыванія Ея Величества въ Павловскѣ, то должно упомянуть здѣсь о тѣхъ неутомимыхъ трудахъ, которымъ Императрица, какъ тамъ, такъ и въ столицѣ, посвящала дни и ночи въ заботливости объ охраненіи и обезпеченіи дорогихъ сердцу ея учрежденій, въ тяжкую годину бѣдствій Россіи. Дѣятельность Ея Величества въ это время была, по истинѣ, изумительна. Нельзя себѣ представить того числа Высочайшихъ рескриптовъ, повелѣній, инструкцій и писемъ, которыя каждый день были отправляемы, отъ ея имени, къ начальствовавшимъ лицамъ въ Москвѣ, Казани и въ самыхъ заведеніяхъ, состоявшихъ подъ ея покровительствомъ, равно какъ подобнымъ же лицамъ въ Петер-

бургѣ, гдѣ, сверхъ того, учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Ея Величества, особый Совѣтъ для обсужденія и принятія мѣръ по петербургскимъ заведеніямъ *, на случай приближенія непріятеля къ нашей сѣверной столицѣ. Совѣтъ предположилъ перевезти ихъ въ Финляндію. Нельзя было, по истинѣ, не удивляться, какъ доставало силъ, здоровья и времени у Ея Величества, при постоянныхъ занятіяхъ разсмотрѣніемъ и разрѣшеніемъ поступавшихъ безпрерывно отъ всѣхъ заведеній донесеній и представленій по разнымъ предметамъ, посѣщать почти ежедневно здѣшнія—для ободренія и успокоенія воспитывавшихся въ нихъ дѣтей и призрѣнныхъ лицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботиться о доставленіи возможныхъ пособій пострадавшимъ отъ нашествія непріятеля губерніямъ, покинувшимъ Москву и раззоренным жителямъ оной, равно какъ нашимъ раненымъ воинамъ, и о снабженіи арміи для послѣднихъ: корпіей, бинтами и компрессами, заготовленіемъ которыхъ занимался весь женскій составъ Двора Императрицы, которая сама нерѣдко прини-

* Учебныя и богоугодныя заведенія, въ 1812 году находившіяся подъ покровительствомъ Маріи Ѳеодоровны и ею основанныя, были, въ Петербургѣ: 1) Повивальное училище при Воспитательномъ домѣ [основ. 1797 г.]; 2) училище ордена св. Екатерины [1798 г.]; 3) Маріинскій институтъ [1800 г.]; 4) Повивальный институтъ [1800 г.]; 5) Маріинская больница [1803 г.]; 6) Вдовій домъ [1803 г.]; 7) Училище глухо-нѣмыхъ [1806 г.]; 8) Дѣвичье училище военно-сиротскаго дома, впослѣдствіи Павловскій институтъ [1807 г.]. Въ Москвѣ было шесть учебныхъ и богоугодныхъ заведеній, Императрицею основанныхъ съ 1797 по 1812 годъ; изъ нихъ одинъ Московскій Воспитательный домъ вмѣщалъ въ себѣ населеніе цѣлаго уѣзднаго города. Таково мѣрило трудовъ и заботъ Маріи Ѳеодоровны въ 1812 г.

*

мала участіе въ этой работѣ и распоряжалась отправленіемъ изготовленныхъ вещей по назначенію *. Въ то же время, по ея повелѣнію, открыто было, при Маріинской больницѣ для бѣдныхъ, особое отдѣленіе на 50 кроватей для раненыхъ офицеровъ, на содержаніе котораго Государыня пожаловала въ пособіе, изъ собственныхъ суммъ, 3,000 руб. Однимъ словомъ, всѣ помышленія, всѣ заботы Императрицы, во второй половинѣ 1812 года, почти исключительно были обращены на принятіе самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ облегченію, по возможности, участи пострадавшихъ отъ событій того времени, и къ доставленію имъ вспомоществованій, въ которыхъ они наиболѣе нуждались въ бѣдственномъ своемъ положеніи. Но въ особенности выразилась попечительность Государыни при распоряженіяхъ о перемѣщеніи въ Казань состоявшихъ подъ покровительствомъ ея московскихъ заведеній и объ охраненіи и обезпеченіи малолѣтнихъ дѣтей, престарѣлыхъ вдовъ, больныхъ и раненыхъ воиновъ, которыхъ одна необходимость, по затруднительности перемѣщенія ихъ, побудила оставить въ Москвѣ во время занятія ея непріятелемъ. Всѣ рескрипты, повелѣнія и инструкціи Государыни по этому поводу, на имя предсѣдательствовавшаго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ Лунина, почетныхъ опекуновъ: Нелединскаго-Мелецкаго и Баранова, начальницъ заведеній и главнаго надзирателя Воспитательнаго дома Тутолмина, на которыхъ возложено было исполненіе предначертаній Ея Величества,

* Ту же заботливость о раненыхъ прилагала Марія Θеодоровна впослѣдствіи во время Турецкой кампаніи 1828 года.

относительно перемѣщенія однихъ заведеній въ Казань и управленія другихъ въ Москвѣ—носятъ на себѣ отпечатокъ той теплой любви къ дѣтямъ и сострадательности къ страждущему человѣчеству, которыя проявлялись во всѣхъ дѣяніяхъ Маріи Ѳеодоровны на поприщѣ благотворительности. Не было опущено въ нихъ ни одного ничтожнаго въ сущности обстоятельства, на которое не обратила бы вниманіе Ея Величество, если оно хотя малѣйше касалось спокойствія и охраненія дѣтей и призрѣнныхъ лицъ не только отъ какого-либо бѣдствія, но даже отъ неизбѣжныхъ почти неудобствъ, которымъ могли они подвергнуться при тогдашнихъ событіяхъ. Такъ, напримѣръ, Императрица выразила свое неудовольствіе въ рескриптѣ почетному опекуну Нелединскому-Мелецкому, распоряжавшемуся отправленіемъ воспитанницъ Екатерининскаго и Александровскаго училищъ въ Казань, за то, что Совѣтъ училищъ допустилъ часть дѣвицъ отправить, по недостатку другихъ экипажей, на телѣгахъ, находя это не только утомительнымъ, но даже неприличнымъ для благородныхъ дѣвицъ и не вѣря, чтобы въ Москвѣ, еще не вовсе покинутой жителями, невозможно было устранить такого неудобства».

Приводимъ отрывки изъ собственноручныхъ замѣтокъ Маріи Ѳеодоровны, на листкахъ альбома Фермы.

—«Прибывъ въ Павловскъ во вторникъ, 4-го іюня 1812 года, я посѣтила мою милую Ферму въ субботу 8-го. Находясь опять на этомъ миломъ мѣстѣ, столь мною любимомъ, не могу предаться ни удовольствію, ни отрадному чувству спокойствія, съ которыми всегда вступаю сюда,

ибо мое сердце и разумъ мой заняты тяжкими теперешними обстоятельствами и томительнымъ ожиданіемъ событій грядущихъ. Боже, бодрствуй надъ любезнымъ моимъ Александромъ, осѣни его покровомъ своимъ и благослови всѣ его намѣренія; возврати его въ мои объятья счастливаго счастіемъ нашего Отечества! Поручаю благому Провидѣнію и милаго моего Константина и добрую мою Марію; буди Всевышній покровителемъ нашимъ!»

—«Оставляю мой милый Павловскъ и мою хорошенькую Ферму 16-го сего іюня 1812 г., въ воскресенье, получивъ вчера утромъ извѣстіе о началѣ непріязненныхъ дѣйствій французами; такъ какъ сынъ мой желаетъ, чтобы я переселилась въ городъ, я уѣзжаю сегодня послѣ обѣда въ Таврическій дворецъ, уѣзжаю съ сердцемъ стѣсненнымъ тоскою и волнуемымъ живѣйшимъ безпокойствомъ, но исполненнымъ упованія на Всевышняго, который будетъ покровителемъ моихъ милыхъ, возлюбленныхъ дѣтей и допуститъ восторжествовать нашему правому дѣлу. Боже великій! бодрствуй надъ нимъ и руководи событіями! Всевышній! Да будетъ воля Твоя!»

—«Посѣтила милую мою Ферму на одну минуту, 5-го сего іюля 1812 г., въ пятницу послѣ обѣда, но безъ того чувства удовольствія и безмятежности, которое меня всегда сопровождаетъ сюда. Наша борьба длится уже двадцать три дня; да покровительствуетъ намъ Богъ, да бодрствуетъ Онъ надъ моими сыновьями и да ниспошлетъ имъ счастіе и успѣхъ,—такова надежда моя и полное упованіе на благость Божію».

—«Посѣтила милую мою Ферму въ пятницу, 9-го сего августа, и плакала одна, будучи озабочена событіями войны; но моя надежда, мое упованіе на Бога, довѣренность, внушаемая мужествомъ нашихъ прекрасныхъ и доблестныхъ войскъ, даютъ мнѣ возможность предвѣщать славное окончаніе этой ужасной борьбы».

Всѣ извѣстія съ театра войны Императрица получала изъ первыхъ рукъ, въ письмахъ и донесеніяхъ. Изъ нихъ, въ теченіе всей отечественной войны и въ послѣдующіе годы, составилось въ дворцовой библіотекѣ въ Павловскѣ богатое и весьма полное собраніе.

Изъ литературныхъ произведеній этой великой эпохи особенное вниманіе Маріи Ѳеодоровны обратили на себя: басни Крылова «Волкъ на псарнѣ», «Ворона и Курица», читанныя, съ неподражаемымъ юморомъ, самимъ авторомъ, и произведеніе Жуковскаго: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ». Авторъ «Свѣтланы», переводчикъ «Леноры», недавній идилликъ, сдѣлался теперь пѣвцомъ, одушевлявшимъ защитниковъ отечества своими пламенными строфами. Съ этого времени удостоенный благосклонности Императрицы, Жуковскій въ 1815 г. сдѣланъ чтецомъ Ея Величества, а съ 1826 г. ему дарованъ прекрасный жребій — быть наставникомъ внука Маріи Ѳеодоровны, Великаго Князя, нынѣ царствующаго Государя Императора, Александра Николаевича.

—«Послѣ горестныхъ извѣстій»—говоритъ А. Вилламовъ въ своихъ воспоминаніяхъ—«о занятіи Французами Москвы, о пожарѣ столицы, разграбленіи и оскверненіи тамъ непріятелемъ храмовъ Божіихъ и прочихъ его неистов-

ствахъ, побѣдные клики изъ-подъ Тарутина внезапно прояснили лица петербургскихъ жителей, а вскорѣ потомъ радостныя вѣсти, слѣдовавшія одна за другою: о выступленіи Наполеона изъ Москвы, о безпрестанныхъ сраженіяхъ и почти совершенномъ истребленіи всѣхъ его армій,—обратили встрѣчу наступавшаго 1813 года въ Петербургѣ въ истинное торжество.

—«Безпрестанные благодарственные молебны, по случаю одержанныхъ надъ непріятелемъ побѣдъ, и доставленіе, изъ нашей арміи, пріобрѣтенныхъ при томъ трофеевъ съ тысячами плѣнныхъ,—наполняли церкви и улицы несмѣтными толпами ликовавшаго народа, среди котораго гремѣло имя Смоленскаго героя. Ликованія Петербурга продолжались во всю остальную часть зимы; но радость Императрицы, по полученіи извѣстія объ освобожденіи Москвы, выразилась свойственными сердцу ея благотвореніями пострадавшимъ отъ непріятеля и наиболѣе нуждавшимся жителямъ столицы и Смоленска, которымъ тотчасъ-же было пожаловано Ея Величествомъ въ пособіе 20,000 руб. Сверхъ того, повелѣно было Императрицею немедленно открыть въ Москвѣ временное отдѣленіе ссудной казны, для раздачи денегъ въ займы подъ ручные залоги, впредь до возвращенія этого учрежденія изъ Казани; отсрочить на 8 лѣтъ платежи сохраннымъ казнамъ въ обѣихъ столицахъ долговъ по займамъ, совершеннымъ подъ залогъ имѣній, въ губерніяхъ, потерпѣвшихъ въ продолженіе войны отъ разныхъ причинъ, и домовъ въ Москвѣ, сгорѣвшихъ во время пожара, и не взыскивать съ заемщиковъ московскихъ сохранной и ссудной казны процентовъ за тотъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго

эти учрежденія были закрыты, по случаю перемѣщенія ихъ въ Казань».

Туча Наполеоновскаго нашествія на Россію унеслась на западъ; тамъ еще грохотали громы войны, но надъ Россіею выяснѣло и водворилась желанная тишина послѣ жестокой бури.

Въ началѣ мая 1813 года Марія Ѳеодоровна прибыла въ Павловскъ, гдѣ все по прежнему дышало безмятежностью и миромъ. Посѣтивъ Ферму, Марія Ѳеодоровна живо припомнила минувшій годъ, и на листкѣ бумаги набросала впечатлѣнія настоящей минуты:

—«Переселилась въ мой милый Павловскъ въ пятницу, 9-го мая; побывала на моей хорошенькой Фермѣ, въ воскресенье 11-го мая 1813 года, послѣ многихъ тревогъ, многихъ страданій, но съ сердцемъ, преисполненнымъ благодарности и признательности Всевышнему, который спасъ любезное наше отечество и избралъ моего сына, моего милаго Александра—быть освободителемъ человѣчества. Боже всемогущій, не оставь его благословеніемъ Твоимъ и осѣни его Твоимъ покровомъ. Хотя я, конечно, исполнена довѣрія къ Промыслу, свершившему чудеса для насъ, и надежды—однако сознаюсь, что сердце мое весьма смущено и встревожено этою кровавой и жестокой борьбою, въ которую вступилъ мой Александръ. Боже великій, храни его, равно какъ и любезнаго моего Константина и возврати его въ мои объятія, дабы я увидѣла Императора счастливымъ тѣмъ счастіемъ, которое онъ даруетъ Европѣ».

Вѣсти о побѣдахъ союзныхъ армій, подававшія надежду на близкій миръ, придавали много одушевленія собраніямъ Императрицы въ Павловскѣ.

Августѣйшая его Хозяйка съ особымъ удовольствіемъ и высокимъ радушіемъ принимала въ среду гостей лучшихъ, талантливѣйшихъ людей своего времени. Между прочимъ, къ 1813 году относится первое письмо Государыни къ исторіографу Россіи—Н. М. Карамзину. Въ этомъ году Императрица приглашала его, чрезъ И. И. Дмитріева, въ Павловскъ. Карамзинъ благодарилъ Ея Величество, и въ отвѣтъ на свое письмо, получилъ слѣдующій собственноручный рескриптъ Императрицы Маріи Θеодоровны:

«Павловскъ, 15-го августа 1813 г.

«Николай Михайловичъ! Я имѣла удовольствіе получить письмо ваше и признаю себя обязанною Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ *, за поданный имъ мнѣ случай вступить въ сношеніе съ однимъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ писателей, давно мнѣ извѣстнымъ не только по изящному въ семъ званіи дарованію, но и по другимъ, уваженія достойнымъ качествамъ. Я всегда желала и теперь искренно радуюсь надеждѣ лично съ вами познакомиться, и я подтверждаю симъ данное вамъ увѣреніе, что, на все время пребыванія моего въ Павловскѣ, комнаты здѣсь, въ замкѣ Бипѣ, для пріема вашего готовы, и, состоя въ вашемъ распоряженіи, ожидаютъ только пріѣзда своего знаменитаго жильца. Пріимите между тѣмъ письменное изъявленіе того уваженія и доброжелательства, съ каковыми я пребываю вамъ благосклонною Марія».

* И. И. Дмитріевъ—министръ юстиціи въ 1810—1814 гг., талантливый писатель, † 1837 г.

Раннею весною 1811 г. является въ паркѣ «Воздушный театръ» и къ этому же году относится построенiе прославившагося чрезъ три года—Розоваго павильона. Въ iюнѣ 1811 г. Императрица Марiя Ѳеодоровна прiобрѣла покупкою отъ кн. Михаила Петровича Голицына дачу его, на окраинѣ дворцоваго парка. Зданiе это было разобрано, а на его мѣстѣ приступлено къ постройкѣ павильона, окруженнаго клумбами розовыхъ кустовъ, отъ которыхъ дано ему имя «Розоваго» [Pavillon des roses]. Къ веснѣ 1812 г. павильонъ былъ отстроенъ, но вслѣдствiе тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ оставался не меблированнымъ—до 1813 г. Въ меблировкѣ и въ убранствѣ Розоваго павильона приняли дѣятельное участiе особы Царской фамилiи и многiя статсъ-дамы

Рисунокъ изображаетъ «Розовый павильонъ».

и фрейлины Двора вдовствующей Императрицы: она благосклонно соизволила на ихъ желаніе—украсить павильонъ разною утварью, мебелью и, главнымъ образомъ—ихъ рукодѣльями, коврами, подушками, столиками съ шитьемъ и т. п., въ стилѣ, соотвѣтствующемъ прозвищу «Розоваго» павильона. Такимъ образомъ,въ теченіе лѣта и осени 1813 г. доставлены были: кресла, стулья, столы—съ вышитыми на нихъ розовыми вѣнками и букетами; ковры, скамейки, корзинки, лампы. Отъ герцогини Виртембергской и ея дочери принцессы Маріи присланы были: ваза желтаго дерева съ узорчатымъ бордюромъ, вышитымъ по канвѣ, и корзинка прорѣзная красная сафьянная съ вышивкою на днѣ; отъ принцессы Биронъ: кресла желтаго дерева съ вышитою подушкою, на которой были изображены орелъ и розовыя гирлянды; отъ княжны Щербатовой—столъ овальный краснаго дерева съ бронзою, украшенный живописью и вышивкою по канвѣ подъ стекломъ; отъ генеральши Шевичъ: шандалъ-тройникъ желтаго дерева, съ вышивкою подъ стекломъ и проч.

Въ 1813 г. Розовый павильонъ состоялъ изъ небольшаго четырехъ-угольнаго зданія съ плоскимъ куполомъ, въ четырехъ полукруглыхъ окнахъ котораго устроены были «Эоловы арфы». Боковыя комнаты, наружныя галлереи и пространный танцовальный залъ были пристроены, какъ увидимъ далѣе, въ теченіе семнадцати дней, къ празднеству 27-го іюля 1814 г., по случаю возвращенія Императора Александра I-го изъ Парижа.

Розовый павильонъ сталъ любимымъ мѣстомъ Императрицы. По воскресеньямъ тамъ назначались собранія и танцовальные вечера, которые бывали прежде въ

нижней залѣ дворца. Какъ и въ прежніе годы, чтеніе вслухъ произведеній отечественныхъ и иностранныхъ авторовъ было однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій Августѣйшей Владѣтельницы Павловска. Въ числѣ постоянныхъ гостей и нерѣдко чтецомъ былъ Нелединскій-Мелецкій, гостившій все лѣто 1813 года въ Павловскѣ съ своимъ семействомъ; С. И. Плещеевъ, И. И. Дмитріевъ и нѣкоторыя другія лица составляли кружокъ собесѣдниковъ Августѣйшей Хозяйки Павловска. Не смотря на частыя извѣстія, получаемыя изъ арміи, при Дворѣ всѣ неутѣшно грустили и безпокоились объ участи близкихъ сердцу.

Обычное занятіе, щипаніе корпіи, прерывалось рѣдко какими либо невинными забавами, игрою въ лото или прогулками. Къ этому же времени относится появленіе въ Павловскѣ извѣстнаго въ свое время писателя и издателя «Русскаго Вѣстника» Сергѣя Николаевича Глинки. Въ 1813 г. или весною слѣдующаго 1814-го года онъ посѣтилъ Павловскъ и описалъ замѣчательнѣйшія его мѣстности и образъ жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея Двора въ этомъ городкѣ:

— «Ходилъ я въ такъ называемый Розовый павильонъ; это—одно изъ любимѣйшихъ мѣстъ Обладательницы сей страны. Песчаная дорожка, извивающаяся между пространныхъ зеленыхъ равнинъ и прекрасныхъ рощицъ, ведетъ къ прелестному садовому домику, окруженному множествомъ розовыхъ кустовъ. Я думалъ, что тамъ встрѣтятъ меня гордые привратники, облитые золотомъ, и не вдругъ захотятъ удовлетворить любопытству безвѣстнаго странника; я полагалъ, что въ домикѣ семъ найду все, что рос-

кошь и моды имѣютъ пышнаго и блестящаго. Но нигдѣ такъ пріятно не обманывался я въ предположеніяхъ моихъ, какъ здѣсь, и никогда не былъ такъ доволенъ обманомъ своимъ, какъ теперь. Прихожу—и, вмѣсто гордыхъ стражей, нахожу двухъ добрыхъ, израненныхъ солдатъ, которые съ удовольствіемъ отворяютъ мнѣ двери и съ привѣтливою заботливостью спѣшатъ показать все любопытное. Вхожу—и, вмѣсто блесковъ роскоши и вычуръ моды, нахожу украшеніе, несравненно ихъ превосходнѣйшее: нахожу очаровательный вкусъ и благородную простоту. Государыня отдѣлала домикъ сей по вкусу и сердцу своему, и въ пріятные лѣтніе вечера наслаждается тутъ бесѣдою избранныхъ людей и утѣшается красотами природы при ясной въ небесахъ лунѣ, подъ шумомъ падающихъ водъ, благоуханіи цвѣтущихъ розъ. Тутъ нѣтъ, какъ я сказалъ, предметовъ роскоши, но есть вещи драгоцѣнныя; тутъ увидитъ любопытный прекрасныя картины, поднесенныя русскими художниками Покровительницѣ ихъ; увидитъ чудесные опыты вышиванія шелками: это дань сердечной признательности воспитанницъ института Смольнаго монастыря *. Здѣсь, въ Розовомъ павильонѣ, все на своемъ мѣстѣ: вездѣ порядокъ и чистота; тутъ есть небольшая русская библіотека; поставлено фортепіано и каждый день кладутся новѣйшіе журналы и вѣдомости, на особомъ столѣ, для приходящихъ. Но что̀ пишутъ въ

* Въ самыхъ дворцахъ Императрицы разорительная пышность мѣста не имѣетъ: всѣ уборы, мебели—прекрасны, просты, но не новомодны.
Примѣч. Глинки.

этихъ альбомахъ? что̀ хранится въ этихъ прекрасныхъ ящикахъ? Открываю и вижу много знакомыхъ и незнакомыхъ почерковъ; вижу прозу и стихи: Государыня позволяетъ каждому, кто бъ онъ ни былъ, изливать тутъ чувства и мысли свои на бумагу....

—«А сколько, напримѣръ, здѣсь, въ Павловскѣ, раненыхъ солдатъ—двѣ тысячи! Этого не довольно; Государыня беретъ еще третью тысячу на особенное свое попеченіе; они всѣ сыты, одѣты, обласканы и получаютъ хорошее жалованье. Вотъ еще примѣръ для богачей! Пусть всякій также возьметъ по нѣскольку инвалидовъ; они будутъ стражами его лѣсовъ, садовъ, надзирателями полей, сельскихъ работъ и проч., а онъ постарается успокоить защитниковъ своего спокойствія, вѣрныхъ слугъ его отечества: и тогда уже, не такъ какъ теперь, необходимы будутъ намъ инвалидные домы, которыми, по справедливости, восхищались мы въ чужихъ земляхъ. Надобно видѣть,—продолжаетъ Глинка,—какъ эти ветераны стараются угодить своей Государынѣ; съ какимъ усердіемъ стерегутъ ввѣренное имъ; съ какимъ веселымъ лицомъ и съ какимъ простосердечнымъ восторгомъ говорятъ о милостяхъ и щедротахъ ея. Всѣ эти инвалиды называютъ Государыню—Матушкою. Они говорятъ: «сегодня Матушка гуляла тамъ-то; а завтра сюда придетъ». Они всѣ какъ сговорились иначе не называть ее, какъ Матушкою. Пусть безпристрастіе положитъ на вѣсы свои съ одной стороны всѣ громкіе титулы царей, раболѣпіемъ и лестію изобрѣтенные; а съ другой—это простое выраженіе честныхъ сердецъ: послѣднее перевѣситъ.

—«Я видѣлъ,—продолжаетъ Глинка,—прекрасный па-

мятникъ, воздвигнутый въ Бозѣ почившему Императору Павлу I вѣнценосною супругою его. Изваяніе чудесное! Жена, облеченная въ порфиру, въ неутѣшной скорби, преклоня вѣнчанное чело свое на урну, горькими слезами обливаетъ ее. Скорбь ея безпредѣльна и сѣтованіе чрезмѣрно: кажется, что, съ прахомъ усопшаго, она все свое счастіе и часть самой себя предала тутъ землѣ. Глубокая скорбь тѣснымъ союзомъ сочетала плачущую съ прахомъ оплакиваемаго! Утро, улыбающееся въ небесахъ, застаетъ ее въ горести; златое солнце не осушаетъ слезъ, и дочь молчаливой ночи—свѣтлая луна, находитъ ее все въ той же тоскѣ. Я видѣлъ здѣсь, какъ плачетъ мраморъ: слезы точно льются!.... Мнѣ казалось, что я слышалъ и стоны, такъ много влилъ художникъ въ надгробное изваяніе.

— «Я прошелъ за Розовый павильонъ,—продолжаетъ тотъ же писатель, — и увидѣлъ прекрасную деревню съ церковью, господскимъ домомъ и сельскимъ трактиромъ. Я видѣлъ высокія крестьянскія избы; видѣлъ свѣтлицы съ теремами и расписанными окнами; видѣлъ между ними плетни и заборы, за которыми зеленѣютъ гряды и садики. Въ разныхъ мѣстахъ показываются кучи соломы, скирды сѣна и проч. и проч. Только людей что-то не видно было; можетъ быть, думалъ я, они на работѣ.... Увѣренный въ существенности того, чтó мнѣ представлялось, шелъ я далѣе и далѣе впередъ. Но вдругъ въ глазахъ моихъ начало дѣлаться какое-то странное измѣненіе: казалось, что какая-то невидимая завѣса спускалась на всѣ предметы и поглощала ихъ отъ взора. Чѣмъ ближе я подходилъ, тѣмъ болѣе исчезало очарованіе; все, что

видно было выдавшимся впередъ, поспѣшно отдвигалось назадъ; выпуклости исчезали, цвѣты блѣднѣли, тѣни рѣдѣли, оттѣнки сглаживались.... еще нѣсколько шаговъ—и я увидѣлъ натянутый холстъ, на которомъ Гонзаго нарисовалъ деревню; десять разъ подходилъ я къ самой декораціи и не находилъ ничего; десять разъ отступалъ нѣсколько саженъ назадъ и видѣлъ опять все!... Наконецъ, я разсорился съ своими глазами, голова моя закружилась и я спѣшилъ уйдти изъ этой области очарованія и волшебствъ!

—«Гостепріимство, вытѣсняемое новымъ образомъ жизни изъ свѣтскихъ обществъ, процвѣтаетъ здѣсь въ полномъ блескѣ своемъ. Добрая Государыня является здѣсь повсюду ласковою, радушною хозяйкою. Сдѣлали шагъ въ садъ—и вы у ней въ гостяхъ! Въ разныхъ бесѣдкахъ и домикахъ всякій день приготовляются разные завтраки; всякій, кто бы онъ ни былъ, можетъ прійти пить самыя густыя сливки и ѣсть лучшее масло и вкусный сыръ. Щедрая рука невидимо угощаетъ. По окончаніи работъ, крестьяне и крестьянки сходятся у дворца; здѣсь гремитъ полковая музыка; въ одномъ углу слышенъ веселый гамъ играющихъ въ сельскія игры; въ другой сторонѣ поютъ пѣсни. Такъ бываетъ здѣсь всякій день. Обладательница сихъ мѣстъ любитъ, чтобъ веселились окружающіе ее. И какъ не веселиться имъ! Здѣсь никто не обиженъ, никто не утѣсненъ. Сады здѣшніе имѣютъ то преимущество предъ прочими, что въ нихъ пріятность соединена съ пользою. Зная, что труды награждаются щедро, рабочіе люди стекаются сюда даже изъ Бѣлоруссіи; весело поработавъ въ садахъ, они радостно несутъ, къ помощи семействъ своихъ, вырученное

ими. И сосѣдніе крестьяне охотно идутъ работать Царицѣ. Они трудятся только въ урочные часы, весь вечеръ—ихъ; тутъ отдыхаютъ, забавляются, поютъ.

—«Посмотримъ издали,—продолжаетъ тотъ же посѣтитель,—какъ проводитъ Государыня день свой въ Павловскѣ. Шесть часовъ утра уже застаютъ Государыню возставшею отъ сна. Въ семь часовъ, иногда верхомъ, рѣдко когда въ коляскѣ, а часто пѣшкомъ, предпринимаетъ она прогулку по садамъ. Тутъ ничто не скроется отъ взора и внимательности ея: она все посѣтитъ, все осмотритъ, и все исправляется, цвѣтетъ и оживаетъ воззрѣніемъ ея. Въ этихъ прогулкахъ дочь [Великая Княгиня Анна Павловна] всегда сопровождаетъ матерь свою. Возвращаются домой и застаютъ у крыльца палатъ людей, которые пришли подать челобитныя свои.

—«Каждый день бываетъ служеніе въ придворной церкви; каждый праздникъ Императрица сама бываетъ въ ней. При каждой обѣднѣ особою молитвою; съ колѣнопреклоненіемъ, молятъ, да осѣнитъ Господь благословеніемъ своимъ всѣ пути и предначинанія отсутствующаго Императора.

—«Бьетъ два часа; всѣ приглашенные къ столу Ея Величества собираются въ общую залу. Я имѣлъ счастіе нѣсколько разъ обѣдать за симъ столомъ. Непринужденное удовольствіе живитъ и краситъ вполнѣ интересные разговоры *. По окончаніи стола, всякій идетъ къ себѣ. Въ во-

* Не излишнимъ, думаю, будетъ замѣчаніе, что Государыня, предпочитая всѣ сытныя лакомымъ блюдамъ, съ особеннымъ удовольствіемъ употребляетъ русское кушанье и черный рѣшотный хлѣбъ. Примѣч. Глинки.

семь опять собираются, по приглашенію, во дворецъ. Тутъ назначается гулянье въ садахъ и ужинъ въ Розовомъ павильонѣ, или поѣздка въ сельскій замокъ Государыни, на Ферму. Въ дурную погоду остаются во дворцѣ, забавляются разными играми, занимаются чтеніемъ, и скука—всегдашняя жительница чертоговъ—не смѣетъ сюда заглянуть. Есть часы, въ которые работаютъ для бѣдныхъ.

—«Вчера Государыня изволила читать приказъ, отданный губернаторомъ столицы для бывшихъ тутъ иностранцевъ; начали переводить его на французскій языкъ и не могли найти слова приличнаго къ выраженію «блюститель», ибо французское: gardien—не имѣетъ ни той важности, ни того благородства, которое заключаетъ въ себѣ русское слово «блюститель».

—«Видите-ли,—сказала Государыня,—что превозносимый всѣми французскій языкъ не можетъ сравняться въ богатствѣ, силѣ и красотѣ съ русскимъ!»

—«Въ десять часовъ вечера ужинъ, и собраніе кончается въ одиннадцать часовъ. Въ большомъ свѣтѣ еще очень рано и очень шумно: здѣсь уже поздно и покойно. Такъ проходитъ день,—заключаетъ Глинка, — въ сей обители мира и тишины».

Лѣтомъ 1813 г. Марія Ѳеодоровна, живя въ Павловскѣ, съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушала произведенія Жуковскаго и его «Пѣвца», въ которомъ нѣкоторыя строфы теперь оказались пророческими. Еще весною 1813 года Императрицею выражено было желаніе имѣть списокъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» собственной руки поэта. Жуковскій, жившій тогда въ деревнѣ, поспѣшилъ исполнить это желаніе и, вмѣстѣ

со спискомъ *, представилъ Императрицѣ посвященіе въ стихахъ, въ которыхъ описалъ ея многостороннюю дѣятельность на поприщѣ благотворительности. Въ заключительныхъ строфахъ, оправданныхъ послѣдующими событіями, поэтъ какъ-бы отвѣчалъ Царицѣ на ея смиренныя молитвы въ стѣнахъ Фермы:

Такъ, къ небесамъ дойдутъ Твои молитвы:
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду битвы,
Защитникъ царствъ, любовь царей, Твой Сынъ,
Съ вѣнчанными побѣдою полками.
О, славный день! о, радостный возвратъ!
Уже я зрю священный Петроградъ,
Встрѣчающій спасителя громами;
Грядетъ! грядетъ, предшествуемъ орлами,
Плѣняющій величествомъ, красой,
И близь Него нашъ старецъ, вождь судьбины,
И имъ во слѣдъ вождей блестящій строй,
И грозныя Славянскія дружины.
И Ты спѣшишь съ Супругою младой,
Въ кругу дѣтей, во срѣтенье желанныхъ...
Блаженный часъ! въ виду героевъ бранныхъ,
Прославленной склоняется главой
Владыка-Сынъ предъ Матерью-Царицей,
Да славу ихъ любовь благословитъ—
И вкупѣ съ Нимъ спасенный міръ лежитъ
Передъ Твоей священною десницей.

* Списокъ этотъ съ собственноручнымъ обращеніемъ автора къ Императрицѣ хранится въ библіотекѣ дворца въ Павловскѣ.

— «Прощаюсь съ милою моею Фермою 17-го сего сентября 1813 года, въ среду»,—писала Государыня, оставляя Павловскъ,—«и препоручаю Всевышнему любезнаго моего Императора. Боже великій, охраняй драгоцѣнные дни его, сподоби его счастливо окончить эту кровавую борьбу и возврати его въ материнскія мои объятія, счастливаго счастьемъ, которое онъ даруетъ человѣчеству; препоручаю Богу всѣхъ дорогихъ дѣтей моихъ и молю Его, чтобы всѣ мы соединились здѣсь въ будущемъ году».

Борьба Наполеона съ европейской коалиціей день-ото-дня принимала исполинскіе размѣры: трехъ суточный Лейпцигскій бой былъ предвѣстникомъ того долгаго ряда битвъ въ 1813 г. и съ января до марта 1814 года, который привелъ союзниковъ къ стѣнамъ Парижа. Вѣсть о вступленіи Императора Александра въ столицу Франціи была получена Маріею Θеодоровною въ С.-Петербургѣ 8-го апрѣля. Два мѣсяца спустя по вступленіи Александра I въ Парижъ, былъ подписанъ, 18-го мая 1814 г., миръ—незабвенный въ отечественныхъ лѣтописяхъ.

За три дня предъ симъ, въ пятницу, 15-го мая, Марія Θеодоровна заѣзжала на Павловскую Ферму; въ Павловскъ же она переселилась въ тотъ достопамятный годъ 21-го мая, какъ свидѣтельствуютъ слѣдующія, собственной руки Ея Величества, замѣтки:

—«Переѣхала въ мой милый Павловскъ 21-го мая, въ четвергъ вечеромъ, 1814 г., а Ферму посѣтила въ воскресенье 24-го утромъ, вмѣстѣ съ моей дорогой Анютой, съ сердцемъ исполненнымъ благодарности ко Всевышнему за неисчислимыя благодѣянія, намъ дарован-

ныя сохраненіемъ нашего возлюбленнаго Императора и содѣяніемъ его освободителемъ Европы; слава его достигла своего апогея, ибо основами ей служатъ всѣ духовныя добродѣтели. Миръ дарованъ міру; похититель власти изгнанъ изъ предѣловъ Франціи, которая, призывая законнаго своего государя, даетъ надежду на водвореніе религіи и нравственности. Если Богъ возвратитъ любезнаго моего Александра, Константина, младшихъ моихъ сыновей и соединитъ насъ всѣхъ, тогда у меня не будетъ иныхъ молитвъ, кромѣ возносимыхъ о сохраненіи ихъ и о счастьи государства».

9-го іюня прибывшій изъ-за границы Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ привезъ въ Павловскъ радостное извѣстіе о заключеніи Парижскаго мира, 18-го мая 1814 г.

Загремѣли пушки, зазвонили колокола; въ церквахъ запѣли благодарственные молебны и Петербургъ зажегъ увеселительные огни. 17-го іюня, въ среду, Императрица дала Великому Князю великолѣпный праздникъ въ Павловскѣ. Онъ начался въ 6 часовъ пополудни, полдникомъ въ Вольерѣ; потомъ пошли въ театръ. У входа въ театръ все общество остановлено было вышедшимъ оттуда «режиссеромъ», который, вызвавъ «машиниста», сталъ при всѣхъ выговаривать ему, что онъ ничего не приготовилъ къ принятію именитыхъ посѣтителей. «Машинистъ» отговаривался тѣмъ, что всѣ кулисы, машины и колесы заржавѣли со времени послѣдняго спектакля въ этомъ театрѣ, а потому и нельзя въ немъ ничего устроить. Появившійся «Меркурій» успокоилъ ихъ, и объявилъ гостямъ, что имъ не нуженъ театръ для увеселенія, такъ

какъ оно вездѣ будетъ имъ сопутствовать въ этомъ паркѣ. Послѣ этой интермедіи все общество пошло далѣе и не подалеку отъ театра увидѣло сцену, устроенную среди зелени, на открытомъ воздухѣ. То былъ «Воздушный театръ»; здѣсь была представлена оперетка кн. Шаховскаго «Казакъ-стихотворецъ», музыка Кавоса, и дивертисментъ, состоявшій изъ танцевъ съ лавровыми гирляндами, окончившійся явленіемъ Славы, державшей въ одной рукѣ Россійскаго орла, а въ другой вензель Великаго Князя. «Онъ былъ не въ духѣ,—замѣчаетъ одна изъ участницъ праздника,—и хмурилъ брови, когда ему пѣли хвалебныя пѣсни».

Изъ хоровъ въ честь Великаго Князя, на этомъ праздникѣ, пѣли, между прочими, на голосъ: «Громъ побѣды раздавайся», слѣдующій польскій, сочиненный Нелединскимъ-Мелецкимъ:

Отъ побѣды лавръ пріявый,
Вождь крылатыхъ брани тучъ;
Александра свѣтлой славы
Отдѣлившійся къ намъ лучъ.
Гость драгой, всевожделѣнный,
Мужественный Константинъ!

Отрасль царска, сынъ героевъ,
Ты породой ужъ герой!
Но среди кровавыхъ боевъ
Самъ стяжалъ вѣнецъ ты свой.
Павла кровь, Екатерины,
Кровь Петра ты оправдалъ, и т. д.

Въ продолженіе дивертисмента, при перемѣнѣ декорацій, явился составленный изъ гирляндъ вензель имени

Цесаревича Константина Павловича. Его же имя увѣнчано было во время танцевъ лаврами, а при подножіи вензеля пять танцовщицъ составили изъ щитовъ, увѣнчанныхъ также лаврами, слово: «Слава».

Изъ Воздушнаго театра Императрица Марія Ѳеодоровна и все общество пошли къ Розовому павильону. Предъ нимъ на лугу представлены были разныя группы изъ Амуровъ и Зефировъ. Одни изъ нихъ усыпали лугъ розами, другіе качались на розовыхъ гирляндахъ, иные составляли изъ себя, какъ сказано въ современномъ описаніи, веселыя картины. Дивертисментъ сочиненъ былъ Огюстомъ. Балъ данъ былъ въ Розовомъ павильонѣ.

Этотъ праздникъ былъ, такъ сказать, прологомъ торжества 27-го іюля, благодаря которому скромный Павловскъ занялъ страницу въ отечественной исторіи. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о заключеніи мира, Великій Князь сообщилъ Маріи Ѳеодоровнѣ о скоромъ возвращеніи Императора, и Государыня занялась приготовленіями къ празднику, который намѣревалась ему дать.

—«22-го іюля будетъ праздникъ въ Петергофѣ, а 26-го здѣсь»,—писалъ Нелединскій къ своей дочери изъ Павловска. «Около семи часовъ въ линейкахъ изъ дворца поѣдутъ въ Розовый павильонъ, къ которому пристроили залу въ восемь квадратныхъ сажень, то есть величиною съ самый павильонъ. На дорогѣ, ведущей туда, будутъ двое воротъ изъ зелени съ надписью, на однихъ изъ нихъ, стиховъ изъ оды дѣвицы Буниной: «Тебя, грядущаго къ намъ съ бою, врата побѣдны не вмѣстятъ». При приближеніи Императора будутъ пѣть мои куплеты, музыка Бортнянскаго. На слѣдующихъ воротахъ, увѣшанныхъ лавровыми вѣнками, пропоютъ четверостишіе кн. П. А.

Вяземскаго, музыка тоже Бортнянскаго. Потомъ войдутъ въ Розовый павильонъ, по четыремъ сторонамъ котораго будутъ четыре возраста, показывающіеся одинъ за другимъ. Тутъ исполнены будутъ сцены, состоящія изъ пѣнія и танцевъ. Музыка Кавоса и Антонолини, декораціи Гонзаго, костюмы Руско. Проза и стихи этихъ сценъ сочинены К. Н. Батюшковымъ, который, къ счастью для меня, прибылъ сюда нарочно по этому случаю. Досадно, что не могу ихъ вамъ прислать. Единственный экземпляръ находится въ рукахъ актеровъ».

Къ Розовому павильону была пристроена обширная зала, убранная сплошь изящно и съ большимъ вкусомъ вѣнками и гирляндами изъ искусственныхъ розъ и зелени, изготовленныхъ воспитанницами институтовъ. Видъ этой залы, при освѣщеніи во время бала тысячами огней, которыми были унизаны весь карнизъ вокругъ потолка, фронтоны надъ дверьми и пять громадныхъ люстръ, украшенныхъ также зеленью и розами,—былъ въ полномъ смыслѣ очарователенъ. Противъ передняго и двухъ боковыхъ фасовъ павильона, небольшія лужайки въ саду были обращены въ театральныя сцены, на которыхъ служили кулисами искусно расположенные кусты зелени и цвѣтовъ, а противъ задняго фасада, на широкой полянѣ, стояла декорація, изображавшая, въ натуральную величину, усадьбу съ господскимъ домомъ въ глубинѣ и крестьянскими избами по сторонамъ. Эта декорація была написана знаменитымъ художникомъ, декораторомъ Императорскихъ театровъ, Гонзаго и составляла, какъ извѣстно изъ разсказовъ современниковъ, дѣйствительное чудо декоративной живописи, которому удивлялись не только русскіе, но и всѣ ино-

странцы, посѣщавшіе впослѣдствіи Павловскъ, гдѣ она оставалась нѣсколько лѣтъ на прежнемъ мѣстѣ, пока время и ненастная погода не уничтожили этого замѣчательнаго произведенія даровитаго художника.

Части строительная и декоративная отдѣлывались быстро и успѣшно; гораздо болѣе труда стоило Ю. А. Нелединскому-Мелецкому составить програму празднества. Не теряя времени на сочиненіе замысловатаго дивертисмента, Нелединскій-Мелецкій взялъ за основу представленія празднество, бывшее въ Павловскѣ въ 1797 г., по случаю возвращенія Императора Павла Петровича изъ путешествія по Россіи. Эту программу, по просьбѣ Нелединскаго, К. Н. Батюшковъ подновилъ нѣсколькими куплетами; Г. Р. Державинъ и П. А. Корсаковъ присоединили хоры, къ которымъ Бортнянскій и Антонолини сочинили музыку. Кромѣ упомянутыхъ поэтовъ, участвовали въ празднествѣ своими произведеніями Н. М. Карамзинъ и М. Е. Лобановъ. Четверостишіе кн. П. А. Вяземскаго къ портрету Александра I:

«Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель»....

съ небольшими измѣненіями было превращено въ торжественный хоръ. Вотъ что, по этому случаю, писалъ къ поэту Нелединскій-Мелецкій, 22-го іюня 1814 г.:

—«Будучи причиною превращенія вашей надписи въ музыкальный хоръ, одолжаюсь извѣстить васъ, что г. Бортнянскій, примѣняясь къ словамъ, выразилъ оныя очень хорошо. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна руководствовала ему въ томъ своими наставленіями и, будучи очень довольна, присвоила этотъ хоръ себѣ, запретивъ его выпускать въ свѣтъ прежде нежели

онъ будетъ услышанъ Государемъ, и не индѣ, какъ въ Павловскѣ, въ день праздника, который данъ будетъ по прибытіи Его Величества.

—«Бортнянскій сначала жаловался на краткость піесы и приставалъ, чтобъ я наддѣлалъ еще четыре стиха, но я изъ самолюбія отказался. Наконецъ онъ приступилъ къ работѣ: передѣлалъ вступленіе, гдѣ, по его словамъ, для музыки, надобна экскламація. У него поютъ:

О, твердый мужъ во бранѣхъ,
И кроткій побѣдитель!
Какой тебѣ вѣнецъ!
Какой тебѣ олтарь!
Вселенная—и проч.

«Слово «кроткій» выражено прекрасно!

Россія, имъ гордись!

слово «гордись» сопровождается трубнымъ звукомъ весьма выразительнымъ.

—«Вы пишите, что любите первый свой стихъ. Для замѣчанія вашего скажу, что мы здѣсь не любимъ напоминать о «бѣдствіяхъ», и когда эти стихи до насъ дошли, то, при свиданіи нашемъ съ Ив. Ив. Дмитріевымъ, мы, вмѣсто «бѣдствій», читали:

«Мужъ твердый въ опытахъ».....

—«Посылаю вамъ хоръ, написанный мною для праздника, даннаго въ Павловскѣ Великому Князю Константину Павловичу, въ прошедшую среду, іюня 17-го, на музыку: «Славься симъ Екатерина».

Подготовка литературнаго и поэтическаго отдѣла празднества вызвала вообще дѣятельную переписку между распорядителями.

—«Получила и сейчасъ прочла планъ двухъ сценъ,—писала 9-го іюля Императрица Нелединскому *,—и нахожу ихъ прекрасными, но желаю однакоже непремѣнно нѣкоторыхъ передѣлокъ, чтобы онѣ понравились Императору; нѣкоторыя мѣста я зачеркнула и замѣнила одно слово другимъ, именно: утѣшеніе; выключаю стихи къ портрету и самый портретъ и поручила Вилламову сдѣлать замѣтки о томъ, чего я желаю для бюста; необходимо щадить деликатность Императора, ибо иначе онъ будетъ въ дурномъ расположеніи духа и весь праздникъ будетъ испорченъ; вотъ, мой добрый другъ, что я хотѣла замѣтить. Не могу судить объ эффектѣ второй сцены, не зная какъ она будетъ связана съ третьею. Поручаю все вашему покровительству, мой добрый Нелединскій, и прошу вѣрить всей моей дружбѣ—Марія».

—«10-го іюля 1814 г. Добрый мой Нелединскій, сегодня утромъ графъ Головкинъ передалъ мнѣ отъ К. Т. [князя Тюфякина, директора театровъ] піесу, сочиненную г. Корсаковымъ. Такъ какъ я получила два акта, присланные вами вчера, и совершенно ихъ одобрила, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, то и держусь за нихъ по справедливости и, признаюсь откровенно, по чувству предпочтенія, ибо они мнѣ гораздо болѣе нравятся и я съ нетерпѣніемъ ожидаю послѣднихъ; но такъ какъ и г. Корсаковъ потрудился съ своей стороны, то я поручила поблагодарить его сколь возможно вѣжливѣе и приказала написать К. Т. [кн. Тюфякину], что нарочито напишу къ вамъ и прошу его уговориться съ вами, чтобы вставить въ

* Письма Императрицы Маріи Θеодоровны помѣщаются здѣсь въ переводѣ съ французскаго.

піесу нѣкоторые стихи Корсакова; это вы мнѣ устроите съ вашей великой и любезной снисходительностью. Можно продолжить актъ, въ которомъ участвуютъ дѣти, вставивъ въ него куплеты Корсакова, которые кажутся мнѣ хорошенькими; но прочіе акты гораздо болѣе относятся лично къ Императору и, вмѣсто иллюзіи, что онъ присутствуетъ на праздникѣ,они нагонятъ на него сущую тоску, и потому не могу допустить ихъ. Посылаю вамъ копію съ того, что я приказала написать К. Т. [кн. Тюфякину], и прошу васъ, сдѣлайте милость, переговорите въ этомъ смыслѣ и условьтесь съ нимъ. Выраженіе Государя о приготовленіяхъ къ празднеству требуетъ съ моей стороны еще болѣе деликатности, чтобы избавить его отъ всякаго смущенія. Мысль живописца—хороша. Старикъ, видѣвшій Петра Великаго, можетъ быть допущенъ. Наконецъ, какъ разумная пчелка, мой добрый Нелединскій, вы отыщите лучшій медъ въ этой другой піесѣ, чтобы немножко порадовать Корсакова, который, разумѣется, получитъ отъ меня подарокъ; но, пожалуйста, чтобы оба послѣдніе акта прошли сквозь ваше горнило, какъ два первые, и чтобы я поскорѣе ихъ получила. Прощайте, добрый мой Нелединскій, будьте здоровы и пріѣзжайте сколь возможно скорѣе.—Марія».

—«Мнѣ пришла мысль, мой добрый другъ, о которой я говорила Т. [Тюфякину],—именно: въ ту минуту, когда должно будетъ открыть бюстъ Императора, всѣ юноши, внезапнымъ движеніемъ, останавливаются и говорятъ или поютъ... [не разобрано]; потомъ, какъ бы въ изъявленіе большаго уваженія, умѣряютъ этотъ восторгъ, не открываютъ тѣхъ чертъ, видъ которыхъ вызвалъ бы слишкомъ

сильное увлеченіе. Подумайте, мой добрый другъ, не пригодится-ли эта мысль?»

Въ Павловскѣ шли непрерывныя приготовленія ко встрѣчѣ Императора; изъ Петербурга пріѣхало множество лицъ разныхъ сословій. Всѣмъ было извѣстно, что Александръ I прибудетъ изъ Гатчины въ Царское Село, а оттуда въ Павловскъ. . . . Желаннаго гостя ожидали со дня на день; наконецъ, 12-го іюля Императоръ прибылъ въ Царское Село. По дорогѣ отъ Павловска до Царскаго Села были разставлены конные казаки для поданія сигнала о выѣздѣ Императора изъ Царскосельскаго дворца. Императрица Марія Ѳеодоровна, въ сильномъ волненіи, ходила по своему садику; нѣсколько разъ входила въ павильонъ трехъ грацій, устремляя взоры вдаль по дорогѣ. Все населеніе Павловска и тысячи прибывшихъ туда, нарочно по этому случаю, жителей Петербурга, окружили площадку предъ воротами дворца со стороны Царскосельской дороги и столпились по всему протяженію послѣдней до въѣзда въ Павловскъ и даже гораздо далѣе.

Издали показался скакавшій во всю прыть вѣстовой казакъ. Императрица Марія Ѳеодоровна, сопровождаемая Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами, съ Великою Княжною Анною Павловною, вышла изъ нижнихъ покоевъ дворца на площадку, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ отдаленные, но потомъ постепенно приближавшіеся и возраставшіе клики возвѣстили приближеніе Государя. Вотъ онъ, въ открытой коляскѣ, подъѣхалъ ко дворцу. Проворно выйдя изъ экипажа, Александръ бросился цѣловать руки Родительницы, но

Ея Величество, не допустивъ до этого, приняла Государя въ объятія и залилась слезами радости.

—«Въ эту торжественную минуту»,—говоритъ очевидецъ,—«мгновенно смолкли не только восторженные клики народа, собравшагося около дворца, но даже всякій говоръ между присутствовавшими при этой трогательной сценѣ; всѣ въ благоговѣйномъ молчаніи устремили на нее взоры свои, и глубокая тишина царствовала на дворцовой площадкѣ во все время, пока продолжалось изліяніе первыхъ чувствъ радости Царственной семьи при этомъ свиданіи. Но когда Императоръ, взявъ подъ руку Августѣйшую Родительницу и привѣтливо кланяясь тѣснившемуся со всѣхъ сторонъ народу, вошелъ во дворецъ, воздухъ огласился долго неумолкавшими восторженными криками ура!»

Приводимъ разсказъ о послѣдующихъ дняхъ изъ воспоминаній А. Г. Хомутовой.

— «Праздникъ въ Павловскѣ назначенъ былъ 26-го іюля. Мы пріѣхали туда наканунѣ и пошли ко дворцу, гдѣ разыгрывали вечернюю зорю; потомъ ужинали у графа Головкина, который былъ заваленъ дѣлами и хлопотами; его безпрестанно звали къ Императрицѣ. Принужденный оставлять насъ всякую минуту, онъ поручилъ графу Моденъ насъ занимать и угощать. Провожая насъ домой, онъ съ отчаяніемъ показалъ намъ тучи, потемняющія горизонтъ, и, въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ шелъ проливной дождь. Когда онъ переcталъ, мы пошли въ Розовый павильонъ, гдѣ были приготовленія и репетиція вечерняго спектакля и ужасныя хлопоты съ музыкой и декораціями.

—«Небо было покрыто тучами. Головкинъ и Нелединскій были въ отчаяніи; всѣ говорили, что праздникъ придется отложить. Въ эту минуту подъѣхала, въ маленькой колясочкѣ, Императрица. Она не хотѣла и слушать этихъ господъ, чтобъ отложить праздникъ; отдала свои приказанія и уѣхала, оставивъ ихъ ужасно не въ духѣ; они спорили, ссорились и, чтобъ помирить ихъ, дождь пошелъ съ новой силой. Не смотря на него, Императрица опять пріѣхала въ Розовый павильонъ, велѣла позвать господъ распорядителей и спросила ихъ: думаютъ ли они, что праздникъ не возможенъ? Нелединскій отвѣчалъ за всѣхъ и представилъ всѣ причины, мѣшавшія ему. Императрица удалилась въ амбразуру окна и, посовѣтовавшись съ Головкинымъ, приказала ему объявить, что праздникъ отложенъ на слѣдующій день, 27-е іюля, а на сегодняшній вечеръ приглашаетъ всѣхъ танцовать во дворецъ. Этотъ импровизованный балъ въ «греческой залѣ» продолжался недолго и былъ скученъ, потому что Императоръ не приходилъ. На другой день утро было пасмурно, но день разгулялся....».

—«Государь прибылъ въ Павловскій дворецъ къ обѣду, послѣ котораго, часа два спустя, Марія Θеодоровна пригласила его посмотрѣть вновь отдѣланный, во время отсутствія Его Величества, Розовый павильонъ. На пути туда у первыхъ воротъ,—съ надписью двустишія А. П. Буниной:

«Тебя, грядущаго къ намъ съ бою,
Врата побѣдны не вмѣстятъ!»

Государь, по выходѣ изъ экипажа, подъ руку съ Маріею Θеодоровною, былъ встрѣченъ пѣвцами и пѣвицами въ

русскихъ костюмахъ, исполнившими гимнъ Нелединскаго *:

Гряди, гряди, Благословенный!
Оливой вѣнчанный Герой!
Побѣдой, славой утружденный,
Вкуси пріятный здѣсь покой!

Въ объятьяхъ Матери нѣжнѣйшей,
Забудь труды и шумну брань;
Отрадѣ вдайся всѣхъ живѣйшей:
Ея любви пріемля дань!

Она въ разлукѣ утѣшала
Духъ скорбный славою Твоей;
Смущенной мыслью пребывала
Съ Тобой средь вражескихъ мечей и т. д.

—«У вторыхъ воротъ, ведущихъ въ самый садъ павильона, другой хоръ привѣтствовалъ Его Величество нѣсколько измѣненнымъ четверостишіемъ князя П. А. Вяземскаго:

«О твердый въ бранѣхъ мужъ и кроткій побѣдитель!
Какой вѣнецъ Тебѣ! Какой Тебѣ олтарь!
Вселенная! пади предъ нимъ: Онъ твой спаситель!
Россія! имъ гордись: Онъ сынъ твой, Онъ твой Царь!»

—«Затѣмъ, противъ четырехъ фасовъ Розоваго павильона, первыми артистами русской оперной труппы, Злобымъ, Самойловымъ, Семеновою меньшою, Прево и Спиридоновою, съ воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища, была представлена, въ четырехъ сценахъ, интермедія. Въ первой сценѣ: дѣти играли, плясали, бросали цвѣты и радовались скорому возвраще-

* Первые четыре стиха принадлежатъ Н. М. Карамзину.

нію своихъ отцовъ и Императора Александра; во второй — юноши занимались различными работами, которыя хотѣли поднести Царю-побѣдителю; въ третьей — жены воиновъ благословляли примирителя Европы и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что скоро увидятъ мужей своихъ послѣ великихъ подвиговъ; въ четвертой — отцы и матери возсылали молитвы за Монарха и за своихъ дѣтей-воиновъ и благодарили Бога за то, что онъ привелъ ихъ видѣть эти славные дни. Въ этой послѣдней сценѣ, возвращеніе воиновъ изъ-за границы представлено было настоящими отрядами гвардейскихъ полковъ съ музыкою и пѣснями, проходившихъ сквозь село, изображенное декораціею Гонзаго.... Въ заключеніе Самойловъ выступилъ впередъ и пропѣлъ кантату Державина, переложенную на музыку капельмейстеромъ Антонолини:

Ты возвратился, благодатный,
Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ!
Твой возсіялъ намъ зракъ прекрасный,
Монархъ, отечества отецъ!
Внемли-жъ усердья клики звучны:
О сколько мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Ты мужества явилъ примѣры,
Россію твердой спасъ душой;
Защитникъ былъ святыя вѣры
И, доблестьми прямый герой,
Явилъ дѣла великодушны.
О, сколько мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Ты возвратился, Царь нашъ милый,
И счастье наше возвратилъ;
Прогнавъ отъ насъ тѣ дни унылы
И страхъ, который насъ томилъ,
Что были мы съ тобой разлучны.
О, сколько-жъ мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Троекратное ура, заканчивавшее каждую строфу, повторялось многими тысячами голосовъ и не умолкало по окончаніи спектакля до самаго начала бала въ павильонѣ. Балъ открылся польскимъ: въ первой парѣ шествовалъ Императоръ съ Августѣйшею Родительницею. Во время польскаго пѣли хоръ, сочиненный Нелединскимъ:

Твердь небесну потрясайте
Клики радостныхъ сердецъ!
Долы, горы, повторяйте:
Съ нами, съ нами нашъ Отецъ,
Нашъ Монархъ Благословенный
Нашъ безсмертный Александръ!

Отъ бреговъ Москвы до Тага,
Звукъ гремитъ его побѣдъ.
Общаго виновникъ блага,
Онъ Европу спасъ отъ бѣдъ.
Вѣры, доблести исполненъ,
Всѣхъ героевъ онъ затмитъ!

Сынъ крамолы, другъ измѣны,
Имъ сраженъ, со трона палъ.
Родъ, піющій воды Сены,
Онъ прощеньемъ наказалъ.
Твердъ, могущественъ, кротокъ,
Онъ монархамъ образецъ!
*

Александръ! О, ангелъ мира!
Щедрый даръ благихъ небесъ!
Щитъ царей — твоя порфира,
Мечъ — орудіе чудесъ!
Ты возставилъ падши троны,
Ты Европу воскресилъ!

Возвеличилъ насъ, прославилъ
Днесь и въ будущихъ вѣкахъ.
Памятникъ себѣ поставилъ
Вѣрныхъ Россіянъ въ сердцахъ.
Дышетъ Россъ къ Тебѣ любовью:
Ею счастливъ, — ею живъ!

Балъ, въ половинѣ, былъ прерванъ сигналомъ къ фейерверку, состоявшему изъ нѣсколькихъ перемѣнъ и закончившемуся вензелемъ Императора, горѣвшимъ въ золотомъ храмѣ. Фейерверкъ былъ великолѣпенъ. Въ то же время весь садъ освѣтился разноцвѣтными бенгальскими огнями. Послѣ фейерверка танцы возобновились. Государь пригласилъ на экоссезъ графиню Пушкину, а на одну изъ кадрилей любимую фрейлину своей супруги, Софію Александровну Саблукову [въ замужствѣ княгиня Мадатова, † 1875 г.].

—«Красота женщинъ, ихъ свѣжіе парижскіе костюмы, точно волшебствомъ перенесли меня опять въ мой Парижъ»,—восклицаетъ одинъ французъ, бывшій очевидцемъ праздника въ Розовомъ павильонѣ. «Между красавицами, которыми я любовался на этомъ балѣ, одна особенно привлекла мое вниманіе: то была Марія Антоновна Нарышкина, бывшая тогда во всемъ блескѣ красоты и славы. Она была одѣта очень просто, но казалась лучше всѣхъ. Въ ея правильномъ греческомъ лицѣ красота

чертъ соединялась съ прелестію выраженія: оно сіяло привѣтливостію».

Праздникъ заключенъ былъ ужиномъ: для Царской фамиліи, высшихъ чиновъ Двора — въ Павильонѣ Мира близь Розоваго [Pavillon de la Paix], построенномъ на мѣстѣ дачи князя Багратіона, павшаго подъ Бородинымъ, а для прочихъ генераловъ, штабъ - и оберъ - офицеровъ гвардіи—въ саду, близь павильона, въ обширной палаткѣ съ огненною надписью: «побѣдителямъ». Въ концѣ ужина Императоръ, въ сопровожденіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, членовъ Царской семьи и первыхъ лицъ Двора обошелъ столы и пилъ за здоровье ратныхъ товарищей, отвѣчавшихъ на его тостъ громогласнымъ ура! Во время ужина хоромъ пропѣты были куплеты Мих. Лобанова, въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ того принадлежавшіе къ числу любимѣйшихъ народно-солдатскихъ пѣсень:

Ѣздилъ Русскій Бѣлый Царь,
Православный Государь,
Изъ своей земли далеко
Злобу поражать! и проч.

Послѣ ужина и по отбытіи Царской фамиліи во дворецъ, толпы народа разсѣялись по иллюминованнымъ аллеямъ парка, гдѣ гулянье продолжалось до самаго утра.

Въ этомъ праздникѣ принимали участіе всѣ лучшіе пѣвцы Императорскихъ театровъ. Много лѣтъ спустя вспоминая объ немъ, одинъ изъ очевидцевъ писалъ: «я какъ теперь еще слышу теноръ Самойлова и басъ Злова: такое сильное впечатлѣніе произвели они на меня».

Въ сентябрѣ того же 1814-го г. Императоръ Александръ отправился на конгрессъ въ Вѣну. Марія Θеодоровна выѣхала изъ Павловска 14-го числа, оставивъ на одномъ изъ летучихъ листковъ альбома на Фермѣ слѣдующую замѣтку:

— «Приходила проститься съ моею милою Фермою въ понедѣльникъ, 14-го сего сентября 1814 г., за нѣсколько минутъ до отъѣзда изъ моего любезнаго Павловска, съ большимъ сожалѣніемъ, но съ сердцемъ исполненнымъ благодарности Всевышнему за все счастіе, которымъ я насладилась въ нынѣшнемъ году, извѣдавъ блаженство свиданія съ моимъ сыномъ, моимъ милымъ, моимъ возлюбленнымъ Александромъ, 12-го іюля, и видя его на вершинѣ славы послѣ дарованія мира Вселенной. Да сподобитъ меня Провидѣніе возвратиться опять въ мой милый Павловскъ со всѣми добрыми моими дѣтьми и да осѣнитъ насъ всѣхъ святымъ своимъ благословеніемъ».

Царственная семья отпраздновала въ Павловскѣ, при всеобщемъ сочувствіи, возвращеніе Императора Александра I изъ Парижа и, послѣ празднества 27-го іюля 1814 года, Павловскъ для петербургскихъ жителей пріобрѣлъ особенную привлекательность. Въ особенности по воскресеньямъ, Розовый павильонъ привлекалъ къ себѣ многихъ. Желающіе могли вписывать свои имена, замѣтки и впечатлѣнія въ альбомы, разложенные на столахъ. Съ 1813-го по 1828-й годъ таковыхъ альбомовъ смѣнилось не мало: исписанные замѣнялись новыми. Государыня любила перечитывать ихъ летучіе листки, принимая иногда во вниманіе заявленія, касав-

---

Рисунокъ: Павильонъ Великой Княгини Анны Павловны на островѣ княгини Шарлоты Карловны Ливенъ [† 1828 г.]

шіяся до новыхъ украшеній любимаго ея павильона. Такъ, однимъ изъ посѣтителей написано было въ альбомѣ, что для полноты меблировки Розоваго павильона не достаетъ фортепіано. Марія Ѳеодоровна, прочитавъ эту замѣтку, собственноручно подписала подъ нею: «желаніе ваше сегодня же будетъ исполнено» — и приказала поставить въ павильонѣ донынѣ находящееся тамъ фортепіано,—замѣчательное, между прочимъ, тѣмъ, что оно сдѣлано въ Англіи въ 1774 году, т. е. за три года до основанія Павловска. Посѣтители могли писать, рисовать, заниматься музыкою, но строго было воспрещено прикасаться къ цвѣточнымъ куртинамъ. Розы съ цвѣтниковъ предназначались Императрицею на букеты особамъ Августѣйшей фамиліи и нѣкоторымъ близкимъ ей лицамъ. Къ числу таковыхъ принадлежали: Н. М. Карамзинъ, въ 1817—1825 гг. лѣтніе мѣсяцы и осень жившій въ Царскомъ Селѣ и часто посѣщавшій Павловскъ, В. А. Жуковскій [съ 1815], А. И. Тургеневъ, И. А. Крыловъ, А. Н. Оленинъ, Н. И. Гнѣдичъ и другіе.

Весною 1815 года, политическій горизонтъ Европы снова покрылся тучами: бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и его высадка на берега Франціи возобновили европейскую войну, хотя и въ тѣснѣйшихъ, противу прежней, предѣлахъ. На этотъ разъ материнское сердце Маріи Ѳеодоровны скорбѣло за всѣхъ ея сыновей: Николай и Михаилъ Павловичи, тогда еще юноши, съ ея согласія, уѣхали въ дѣйствующую армію. Судьба Наполеона была окончательно рѣшена, до ихъ прибытія, на поляхъ Ватерлоо. Однако же, до этой благополучной развязки, сердце Маріи Ѳеодоровны было тревожимо грустными думами и заботами о дѣтяхъ, и вотъ что она писа-

ла на Фермѣ, въ маѣ 1815 года, вскорѣ по переселеніи своемъ въ Павловскъ:

— «Снова посѣтила мою милую Ферму въ среду, 26-го мая 1815 г., переселясь въ Павловскъ въ воскресенье, 16-го; но дурная погода мѣшала мнѣ побывать ранѣе на Фермѣ. Нахожусь въ сихъ мѣстахъ при иныхъ условіяхъ [подъ другими предзнаменованіями], совершенно отличныхъ отъ прошлогоднихъ, когда все преисполнено было счастья, увеличиваемаго ожиданіемъ счастливѣйшимъ: опять увидѣть моего любезнаго Александра, Константина, Николая и Михаила. Миръ и спокойствіе были возвращены Вселенной; нынѣ-же мы переживаемъ канунъ новой брани; я разлучена со всѣми моими четырьмя сыновьями, которые всѣ подвергнутся опасности, если война разразится. Боже великій, утверди мое мужество, укрѣпи мою покорность волѣ Твоей! велика жертва моя, освяти ее Твоимъ милосердіемъ; пріими подъ свой покровъ нашего возлюбленнаго Императора, осѣни его несокрушимымъ щитомъ Твоимъ; содѣлай его вторично освободителемъ Европы; возврати его въ мои объятія, равно какъ и другихъ троихъ сыновей; даруй мнѣ снова увидѣть ихъ всѣхъ счастливыми тѣмъ, что они исполнили долгъ свой. Удостой, Боже великій, возвратить мнѣ Николая и Михаила купно съ Императоромъ—непорочными и добродѣтельными, съ тѣми же самыми правилами, съ которыми я проводила ихъ, и я вседневно буду благословлять Тебя».

Трогательная заботливость Императрицы, въ особенности о ея младшихъ сыновьяхъ, выразилась въ перепискѣ Маріи Ѳеодоровны съ ген.-лейт. П. П. Коновницынымъ, которому повелѣно было состоять при Великихъ Князьяхъ. Напутствовавъ его, 6-го апрѣля 1815 г., пожела-

ніями счастливаго пути и изъявленіями, въ собственноручномъ письмѣ, своего «благорасположенія и искренней довѣренности», Марія Θеодоровна нѣсколько разъ писала Коновницыну лѣтомъ того же года изъ Павловска; вотъ выдержки изъ этихъ писемъ:

—«.... Для сохраненія драгоцѣнныхъ качествъ души, которыя я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ Великихъ Князьяхъ, вниманіе ваше, конечно, обращено будетъ на занятіе ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ, всевозможное удаленіе такихъ, коихъ примѣры и рѣчи несогласны съ сими правилами, и огражденіе ихъ отъ хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями снискивать себѣ покровительство....».

Получивъ извѣстіе, что Наполеонъ вновь низложенъ, Императрица, въ виду возможности вступленія союзныхъ армій въ Парижъ и въѣзда туда Великихъ Князей,—писала ихъ сопутнику: «Обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому вашему о ихъ благѣ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и пpеврата [sic] нужнѣе нежели гдѣ либо, и отъ котораго я ожидаю успокоенія материнскаго сердца. Я, конечно, ни мало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно донынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смо-

трѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находить его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ Великіе Князья, по неопытности своей, воспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но будучи теперь старѣе, должно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ, и которые нерѣдко вливаютъ, непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ, ядъ въ юныя сердца. Весьма бы желательно было, если бы, въ случаѣ продолжительнаго пребыванія Императора въ Парижѣ, можно было Великимъ Князьямъ воспользоваться тѣмъ временемъ для любопытнаго и полезнаго путешествія по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ окружности; но если сего устроить невозможно, или краткость времени не дозволитъ, то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ всемѣрно стараться, чтобы они заняты были полезными упражненіями и ученіемъ, къ чему такой городъ, каковъ Парижъ, представляетъ много способовъ...».

— «Петръ Петровичъ! Пріѣхавшій сегодня курьеръ привезъ мнѣ два письма отъ васъ, 10-го и 17-го августа, и я съ удовольствіемъ усмотрѣла предстоящій отъѣздъ любезнѣйшихъ сыновей моихъ Великихъ Князей изъ Парижа, гдѣ время ихъ пребыванія, будучи большею частію занято предметами, до военной службы касающимися, слишкомъ мало позволяло имъ помышлять объ усовершенствованіи познаній. Всякій молодой человѣкъ имѣетъ необходимую нужду отдѣлять нѣкоторое время для собранія своихъ мыслей и пріумноженія своихъ свѣдѣній, и

утвержденія въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ и правилахъ, ибо, по сохраняемому мною всегда въ памяти замѣчанію, тотъ, кто впередъ не подвигается въ ученіи, отступаетъ назадъ. Михаилъ Павловичъ, при семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, имѣетъ въ особенности крайнюю нужду заниматься полезными предметами и болѣе утвердиться въ пройденныхъ наукахъ, и я буду благодарить Бога отъ глубины сердца и въ семъ важномъ отношеній, когда увижу Великихъ Князей обратно здѣсь, продолжающихъ недоконченное, особливо младшаго, воспитаніе....».

Государыня пробыла въ Павловскѣ до 14-го сентября и оставила его въ надеждѣ скораго свиданія съ Императоромъ и его братьями.

— «Уѣзжаю изъ моего милаго Павловска сегодня, во вторникъ, 14-го сентября 1815 года; уѣзжаю», — писала Марія Ѳеодоровна на Фермѣ,—«благословляя Всевышняго за отклоненіе отъ насъ опасной брани, угрожавшей намъ нынѣшнею весною; благословляю Его за то, что Онъ разсѣялъ мой страхъ въ виду опасностей войны, угрожавшихъ Императору и прочимъ сыновьямъ моимъ; благословляю Его за новыя благодѣянія, дарованныя Его милосердіемъ правому дѣлу и за надежду скоро увидѣться съ моимъ любезнымъ Александромъ и прочими моими сыновьями. Благоволи Всевышній ускорить эту минуту, счастливый предметъ всѣхъ моихъ желаній, моихъ молитвъ, и возвратить ихъ всѣхъ вмѣстѣ сюда на будущее лѣто. Боже великій, не лиши насъ всѣхъ святаго благословенія Твоего».

Къ 1815-му году относится сооруженіе послѣдняго изъ «печальныхъ» украшеній Павловскаго парка,—то былъ воздвигнутый весною этого года памятникъ Великой

Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, палатинѣ Венгерской [† 1801 г.]. Статуи покойной и ангела смерти, изваянныя Мартосомъ, безспорно принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ знаменитаго скульптора. Выборъ мѣста для памятника—дѣтскій садикъ покойной—вполнѣ согласовался съ простою, трогательною идеею художника *.

Съ увеличеніемъ числа украшеній Павловскаго парка художественными памятниками, и самый паркъ продолжалъ, такъ сказать, развиваться и совершенствоваться: въ немъ вытягивались новыя, мастерски раскинутыя дорожки, прорубались просѣки для открытія новыхъ видовъ, устраивались пункты, съ которыхъ эти виды являлись въ наилучшемъ свѣтѣ... Все это дѣлалось по указаніямъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, но опытною рукою даровитаго художника, Гонзаго: вся декоративная часть садовъ и парка въ Павловскѣ была предоставлена ему. Посредствомъ рубки, подсадки, группировки деревьевъ, подбора ихъ сортовъ при посадкахъ, Гонзаго превращалъ самыя глухія мѣста въ тѣ живые, прелестные пейзажи, которыми донынѣ славится Павловскій паркъ. Печать таланта, и таланта крупнаго, лежитъ на всей планировкѣ и вообще въ устройствѣ этого громаднаго парка **.

Царственная семья почти вся соединилась, лѣтомъ

* Рисунокъ памятника см. выше, на стр. 121-й.

** Достойно замѣчанія, что Гонзаго, обходя паркъ съ однимъ изъ учениковъ своихъ, Степаномъ Кувшинниковымъ, обыкновенно приказывалъ ему брать съ собою бѣлую и черную краски. Первою изъ нихъ отмѣчались деревья, подлежавшія сохраненію, второю—обрекались на срубъ для проведенія новой дорожки или открытія новаго вида.

1816 года, вокругъ Маріи Өеодоровны въ Павловскѣ. Кромѣ новобрачной четы, Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ, впослѣдствіи королемъ Нидерландскимъ *, прибыла герцогиня Саксенъ-Веймарская—Марія Павловна, и съ половины мая по 19-е сентября дни пролетали въ непрерывномъ весельи. Благодаря Бога за всѣ его милости, Марія Өеодоровна, въ дневникѣ своемъ на Фермѣ, называла себя «счастливѣйшею изъ матерей». Императоръ Александръ I часто посѣщалъ тогда Павловскъ.

—«Обѣды, балы, гулянья,—разсказываетъ очевидецъ,—и всякаго рода увеселенія ежедневно смѣняли одно другое, и Императрица являлась при этомъ тою же предупредительною, радушною и внимательною Хозяйкою, какою привыкли ее видѣть всѣ посѣтители ея жилища».

Героиней праздниковъ была Великая Княгиня Анна Павловна, младшая дочь Маріи Өеодоровны.

Въ честь новобрачныхъ устраивались безпрерывные праздники; изъ нихъ самый замѣчательный былъ данъ во вторникъ 6-го іюня 1816 г. Въ этотъ день были устроены спектакль, балетъ, народный праздникъ въ саду, роскошная иллюминація и балъ. Балы, впрочемъ, повторялись и въ послѣдующіе дни. Вся балетная труппа и во главѣ ея

* Въ 1816 году 12-го января вдовствовавшая Герцогиня Ольденбургская, Екатерина Павловна, сочеталась бракомъ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ [король съ 30 окт. 1816 г.] Вильгельмомъ I, а 9-го февраля совершено бракосочетаніе младшей дочери Маріи Өеодоровны, Великой Княжны Анны Павловны, съ Вильгельмомъ, принцемъ Оранскимъ [съ 1840 г. король Нидерландскій, † 1849 г.]. Въ честь и во имя Анны Павловны на островѣ княгини Ливенъ поставлена, весною 1816 г., бесѣдка или, какъ она была названа: «Храмъ любви». Рисунокъ этого храма помѣщенъ выше на 183-й страницѣ.

знаменитый старикъ балетмейстеръ Дидло, первая танцовщица Дидло, первые танцовщики Дидло-сынъ и Огюстъ, 37 танцовщиковъ и танцовщицъ, 122 воспитанника и воспитанницъ театральной школы съ ихъ воспитательницами, дядьками, няньками, надзирателями—все это привезено было въ Павловскъ 4-го и 5-го іюня. Воспитанниковъ и воспитанницъ повелѣно было помѣстить въ театрѣ [нынѣ на мѣстѣ разобраннаго зданія театра стоитъ сѣтка съ мачтой] «какъ прежде случалось».—Кромѣ балетной труппы и школы театральной, въ Павловскъ привезены были 45 музыкантовъ, 28 пѣвчихъ, 16 актеровъ-солистовъ; изъ окрестныхъ деревень сельскіе старосты, при спискахъ, прислали 125 женщинъ, дѣвушекъ и парней для устройства хороводовъ и вообще для участія въ народномъ праздникѣ; вокругъ театра, также у Розоваго павильона, развѣшаны были по деревьямъ декораціи, рисованныя Гонзаго, а на лугахъ разбиты цѣлые лагери палатокъ для военныхъ отрядовъ и прочихъ участниковъ въ праздникѣ.

Онъ удался какъ нельзя лучше. Изъ Петербурга и окрестностей явились многія тысячи зрителей и наводнили Павловскій паркъ. Весь вечеръ и всю ночь шло ликованіе и всеобщее веселье. Вотъ нѣсколько подробностей объ этомъ праздникѣ, сообщаемыхъ почтеннымъ артистомъ Петербургской драматической труппы, П. А. Каратыгинымъ, въ его интересныхъ воспоминаніяхъ:

—«Императрица Марія Θеодоровна, Августѣйшая Хозяйка Павловска, была главною распорядительницею этого великолѣпнаго праздника. Балетмейстеры Дидло и Огюстъ сочиняли разнохарактерные танцы, пляски и устраивали группы. Драматическая, оперная и балетная

труппы, хористы, воспитанники и воспитанницы были отправлены въ Павловскъ. Тогда, разумѣется, желѣзныхъ дорогъ нигдѣ еще не было, и мы цѣлымъ караваномъ отправились туда въ казенныхъ каретахъ, линейкахъ и фургонахъ. По пріѣздѣ въ Павловскъ, школу помѣстили въ театрѣ; тамъ мы обѣдали, ужинали и ночевали. На сценѣ размѣстились воспитанницы, а воспитанники легли въ повалку въ зрительной залѣ, кто въ ложахъ, кто въ креслахъ или на скамейкахъ. Передняя занавѣсь раздѣляла насъ, во время ночи. Это было довольно патріархально. По утру повели насъ на репетицію. Мѣстомъ дѣйствія каруселя былъ извѣстный «Розовый павильонъ». Тутъ былъ представленъ праздникъ въ станѣ союзныхъ войскъ. Военные разныхъ націй группировались на огромномъ пространствѣ; передъ павильономъ, вдали, виднѣлись лагерныя палатки, знамена и разноцвѣтные флаги... а послѣдняя декорація, рисованная знаменитымъ живописцемъ Гонзаго, представляла дома, швейцарскія хижины и горы. У всѣхъ военныхъ были перевязи на правой рукѣ; тутъ наши костюмированные артисты были перемѣшаны съ побѣдоносною гвардіей, не задолго до этого воротившейся изъ славнаго похода.

—«Праздникъ начался въ 8 часовъ, до заката солнца, которое освѣщало великолѣпную эту картину. Надъ балкономъ Розоваго павильона былъ сдѣланъ красивый шатеръ, подъ которымъ помѣщался Императоръ съ Царственной своей семьей, принцъ Оранскій, иностранные гости, посланники и весь Дворъ. Въ дивертисментѣ участвовали пѣвицы Сандунова и Семенова, онѣ обѣ пѣли русскія пѣсни; первая мастерски ихъ исполняла, вторая блистала въ то время своей необыкновенной красо-

той и граціей. Знаменитый нашъ пѣвецъ Вас. Мих. Самойловъ пѣлъ куплеты, сочиненные на этотъ торжественный случай. Къ сожалѣнію, объ этомъ замѣчательномъ праздникѣ я не могу дать теперь подробнаго отчета, хотя лично въ немъ и участвовалъ: мѣсто, назначенное нашему кадрилю, было довольно отдаленно отъ главнаго мѣста дѣйствія; къ тому же, я самъ былъ очарованъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, не видавши ничего подобнаго до того времени.

— «Когда смерклось, по всему саду зажгли иллюминаціи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены были транспаранты съ вензелями Императора и принца Оранскаго. Въ той сторонѣ, гдѣ помѣщался лагерь, запылали костры; военные оркестры и полковые пѣсенники разставлены были по аллеямъ. Императоръ съ высоконареченными женихомъ и невѣстой и со всею Царскою фамиліей катались въ линейкахъ по всему саду. Шумный, веселый праздникъ не прерывался до восхода солнца. Тихая, теплая ночь довершила очарованіе этого оригинальнаго и торжественнаго праздника».

Изъ увеселеній Императорской фамиліи и Высочайшаго Двора въ это время привлекала въ особенности много любопытныхъ игра въ запуски или въ барры [jeu de barres], происходившая на большомъ лугу у Стараго Шале. По правиламъ этой игры, всѣ участвовавшіе въ ней раздѣлены были на двѣ партіи, изъ которыхъ одною предводительствовалъ Государь, а другою—принцъ Оранскій. Въ каждой партіи, для отличія одной отъ другой, кавалеры и дамы украшены были бантами изъ лентъ національныхъ цвѣтовъ, зеленаго и оранжеваго, а верховнымъ судьею дѣйствій обѣихъ избрана была Императрица Марія Θеодоров-

XIII

на. Когда игра кончилась взятіемъ въ плѣнъ русскою партіею предводителя противной, Государь подвелъ плѣнника къ Ея Величеству и Императрица осудила его находиться вѣчно во власти Великой Княгини Анны Павловны, поручивъ послѣдней строго наблюдать, чтобы переданный ей плѣнникъ не бѣжалъ. «Всѣ дорожки, окружающія лугъ, на которомъ происходила игра, и свободная часть самаго луга, были заняты толпами зрителей этого невиданнаго дотолѣ увеселенія Царственной семьи, а плѣненіе принца Оранскаго,—такъ разсказываетъ одинъ изъ зрителей,—возбудило въ нихъ восторгъ, выраженія котораго сопровождали возвращеніе Царской фамиліи и всего Двора во дворецъ».

Настала осень и дорогіе гости Императрицы разъѣхались въ чужіе краи, увозя съ собою своихъ супругъ, дочерей Маріи Ѳеодоровны. Государыня сама переселилась изъ Павловска въ Петербургъ 19-го сентября, возблагодаривъ Бога — въ дневникѣ Фермы—за счастливо проведенные лѣтніе дни, и напутствовавъ благословеніями уѣхавшихъ дѣтей своихъ и, въ ихъ числѣ, Великаго Князя Николая Павловича, отбывшаго въ Пруссію. Въ близкомъ будущемъ Провидѣніе готовило приращеніе Царской семьи, даруя въ лицѣ принцессы Шарлотты Прусской, во святомъ мѵропомазаніи Александры Ѳеодоровны, любящую дочь Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Говоря о 1816-мъ годѣ, въ лѣтописи Павловска нельзя не упомянуть о томъ, что въ числѣ гостей Августѣйшей Хозяйки, между другими людьми государственными, учеными, писателями и художниками, является Н. М. Карамзинъ. Еще въ 1813 году, проживая въ Москвѣ, исторіографъ Россіи получилъ отъ вдовствующей

Императрицы милостивое приглашеніе посѣтить Павловскъ. Приглашенія эти были повторены 4-го и 24-го августа 1814 г. въ собственноручныхъ рескриптахъ Императрицы и притомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ; но Карамзинъ, занятый своимъ обширнымъ трудомъ, долго не могъ ими воспользоваться.

«.....Еще прошло лѣто, и все еще Розовый Павильонъ извѣстенъ вамъ только по имени, и все еще я письменно только съ вами бесѣдую,—писала Марія Өеодоровна къ Карамзину 21-го сентября 1815 г. Хотя и примѣчаютъ обыкновенно, что чѣмъ долѣе ожидаешь какого добра, тѣмъ оно милѣе при достиженіи его, но повѣрьте, что отлагательство умножаетъ одно только мое нетерпѣніе, а не можетъ увеличить ни любопытства моего слышать чтеніе вашей Исторіи, ни удовольствія, котораго я отъ онаго ожидаю, и съ которымъ васъ самихъ пріиму. Я весьма радуюсь, однако, успѣшному ходу вашихъ трудовъ: ибо надѣюсь, что вы тѣмъ скорѣе пріиметесь за наше достопамятнѣйшее время, превосходящее всѣ прошедшія чудесными происшествіями, и, можетъ быть, вы увидите здѣсь противоположность вашему замѣчанію: «малое подѣйствуетъ на великое», и Розовый павильонъ, въ которомъ я праздновала возвращеніе Императора съ побѣдителями, возымѣетъ, можетъ быть, пріятное вліяніе на Исторіографа ихъ славныхъ подвиговъ. На всякой случай пріѣзжайте къ намъ поскорѣе, а, между тѣмъ, побѣждайте почаще вашу скромность, пишите не опасаясь наводить скуку, которую, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не находилъ въ вашихъ сочиненіяхъ и бесѣдахъ: изъ чего, кажется, основательно заключить можно, что она чуж-

*

дается вашего присутствія. Особливо-же будьте всегда увѣрены въ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми я пребываю вамъ благосклонною Марія».

2-го февраля 1816 г. Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ: «4-го февраля былъ я у Императрицы Маріи,—писалъ онъ своему другу И. И. Дмитріеву: неудивился ея милостивому пріему, но до крайности удивился ея молодости и свѣжести: это прекрасная женщина въ 40 лѣтъ; говоритъ любезно, складно и съ рѣдкою легкостью. Разговоръ нашъ продолжался минутъ 20, или еще менѣе, а мы коснулись и до нравственности, и до самыхъ отвлеченныхъ идей, не забывъ, разумѣется, исторіи»... «Удивительная женщина! восклицаетъ исторіографъ въ письмѣ отъ 7-го марта того же 1816 г.: можетъ быть, потомство отдастъ ей справедливость громогласнѣе, нежели мы, вѣтренные, невнимательные современники......».

24-го мая 1816 г. Карамзинъ съ семьей поселился въ Царскомъ Селѣ и въ тотъ же день получилъ отъ Августѣйшей Хозяйки Павловска приглашеніе бывать ея гостемъ сколь возможно чаще. Нерѣдко на вечернихъ собраніяхъ у Императрицы—во дворцѣ или въ Розовомъ Павильонѣ—Карамзинъ читалъ отрывки изъ «Исторіи Государства Россійскаго».

1816-й годъ достопамятенъ въ исторіи Павловска еще тѣмъ, что въ теченіе его—Павловскъ или, вѣрнѣе сказать, его рѣка Славянка съ окрестностями и съ художественными памятниками, берега ее украшающими, были впервые описаны прелестными стихами Василія Андреевича Жуковскаго:—

Славянка тихая, сколь токъ пріятенъ твой,
Когда, въ осенній день, въ твои глядятся воды
Холмы, одѣтые послѣднею красой
Полуотцвѣтшія природы.

Спѣшу къ твоимъ брегамъ. . . . сводъ неба тихъ и чистъ;
При свѣтѣ солнечномъ прохлада повѣваетъ;
Послѣдній запахъ свой осыпавшійся листъ
Съ осенней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею излучистой тропой;
Что шагъ—то новая въ глазахъ моихъ картина,
То вдругъ, сквозь чащу древъ, мелькаетъ предо мной,
Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина;

То вдругъ изчезло все . . . . окрестъ сгустился лѣсъ;
Все дико вкругъ меня, и сумракъ, и молчанье;
Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, дневное сіянье

Рисунокъ: Каскадъ у Славянки, близь Стараго Шале.

Верхи поблеклые и корни золотитъ;
Лишь, сорванъ вѣтерка минутнымъ дуновеньемъ,
На сумракѣ листокъ трепещущій блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ . . . .

И вдругъ пустынный Храмъ въ дичи передо мной;
Заглохшая тропа, кругомъ кусты сѣдые;
Между багряныхъ липъ чернѣетъ дубъ густой
И дремлютъ ели гробовыя.

Воспоминанье здѣсь унылое живетъ;
Здѣсь, къ урнѣ преклонясь задумчивой главою,
Оно бесѣдуетъ о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Съ неизмѣняющей мечтою.

Все къ размышленью здѣсь влечетъ невольно насъ;
Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно-минувшаго внимаетъ.

Сей Храмъ, сей темный сводъ, сей тихій мавзолей,
Сей факелъ гаснущій и долу обращенный,
Все здѣсь свидѣтель намъ, сколь благо нашихъ дней,
Сколь всѣ величія мгновенны.

И нечувствительно съ превратности мечтой
Дружится здѣсь мечта безсмертія и славы;
Сей витязь, на руку склонившійся главой;
Сей громоносецъ двоеглавый,

Подъ шуйцей твердою сѣдящій на щитѣ;
Сія печальная семья кругомъ Царицы;
Сіи небесные друзья на высотѣ,
Младые спутники денницы . . . .

О! сколь они, въ виду сей урны гробовой,
Для унывающей души краснорѣчивы:
Тоскуя-ль полетитъ она за край земной,—
Тамъ всѣ утраченные живы;

Къ землѣ-ль наклонитъ взоръ—великій рядъ чудесъ:
Борьба за честь; народъ, покрытый блескомъ славнымъ;
И міръ, воскреснувшій по манію небесъ,
Спокойный подъ щитомъ державнымъ.

Но вкругъ меня опять свѣтлѣетъ частый лѣсъ;
Опять рѣка вдали мелькаетъ сквозь долины,
То въ свѣтѣ, то въ тѣни, то въ ней лазурь небесъ,
То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной:
Тамъ мыза, блескомъ дня подъ рощей озаренна;
Спокойное село надъ ясною рѣкой,
Гумно и нива обнаженна.

Все здѣсь оживлено: съ овиновъ дымъ сѣдой,
Клубяся, по браздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ цѣповъ;
Тамъ пѣсня пастуха и шумъ отъ стадъ бѣгущихъ;
Тамъ медленно, скрыпя, тащится рядъ возовъ,
Тяжелый грузъ споповъ везущихъ.

Но солнце катится беззнойное съ небесъ;
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ;
Завѣсой огненной подернутъ дальній лѣсъ;
Востокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ долъ къ рѣкѣ: брегъ теменъ надо мной,
И на воды легли деревъ кудрявыхъ тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный зарей;
Въ волнахъ блестятъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей;
То холмъ муравчатый, увѣнчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими вѣтвями,

Сѣнистую главу купаетъ въ ихъ струяхъ;
Здѣсь Храмъ между березъ и яворовъ мелькаетъ;
Тамъ лебедь, притаясь у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ.

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка;
Сколь здѣсь ея бреговъ плѣнительна картина;
Въ лазоревый кристалъ сліясь вкругъ челнока,
Яснѣетъ водъ ея равнина.

Но гаснетъ день . . . въ тѣни склонился лѣсъ къ водамъ;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревомъ восточный брегъ облитъ,
И пышный домъ Царей на скатѣ озлащенномъ,
Какъ исполинъ, глядясь въ зерцало водъ, блеститъ
Въ величіи уединенномъ.

По вечеръ на него покровъ накинулъ свой,
И рощи и брега, смѣшавшись, поблѣднѣли;
Послѣдни облака, блиставшія зарёй,
Съ небесъ, потухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина;
Все спитъ . . . . лишь изрѣдка въ далекой тьмѣ промчится
Невнятный гласъ . . . . или колыхнется волна . . . .
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на брегу одинъ . . . . окрестность вся молчитъ . . .
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ;
Какъ-бы эѳирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ-бы невидимое дышитъ;

Какъ-бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою.

И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ;
И, мнится, на меня вперилъ онъ темны очи;
Безъ образа лицо, и зракъ туманный слитъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи.

Смотрю . . . и, мнится, все, что было жертвой лѣтъ,
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ.

Но гдѣ онъ? . . Скрылось все . . . лишь только въ тишинѣ
Какъ-бы знакомое мнѣ слышится призванье,
Какъ будто Геній путь указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье.

О! кто ты, тайный вождь? Душа тебѣ во слѣдъ!
Скажи: безсмертный-ли предѣловъ сихъ хранитель,
Иль гость минутный ихъ? Скажи: земной-ли свѣтъ,
Иль небеса твоя обитель?......

И Ангелъ отъ земли въ сіяньи предо мной
Взлетаетъ; на лицѣ величіе смиренья;
Взоръ къ небу устремленъ; надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ;
Младая Жизнь въ слезахъ простерта предъ тобою....
Но гдѣ я?... Все вокругъ молчитъ... призракъ изчезъ,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей:
Какъ будто міръ земной въ ничто преобратился,
Какъ будто та страна знакомѣй стала ей,
Куда сей чистый ангелъ скрылся.

Къ приведенной выше элегіи «Славянка», В. А. Жуковскій написалъ въ 1816 г. слѣдующее объясненіе:

«Славянка—рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются нѣкоторые виды ея береговъ и, въ особенности, два памятника, произведенія знаменитаго Мартоса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ Государынею вдовствующею Императрицею въ честь покойнаго Императора Павла. Въ уединенномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на ней медальонъ съ изображеніемъ Павла; предъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ царской; на пьедесталѣ изображено въ барельефѣ семейство Императорское: Государь Александръ представленъ сидящимъ; голова его склонилась на правую руку, а лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ двуглавый орелъ; въ облакахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса, другая летитъ съ небесъ на встрѣчу первой. Спустясь къ рѣкѣ Славянкѣ, сливающейся передъ самымъ дворцомъ въ небольшое озеро, находишь молодую березовую рощу: эта роща и называется семейственною, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое нибудь радостное происшествіе въ Высокомъ семействѣ Царскомъ. Посреди рощи стоитъ уединенная урна Судьбы. Далѣе, на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревъ, воздвигнутъ прекрасный памятникъ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ и безвременный конецъ ея: вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное; она готова покинуть міръ сей; она еще не улетѣла, но душа ея смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры и руки ея, подъятые

къ небесамъ, какъ будто говорятъ: «да будетъ воля Твоя». Жизнь, въ видѣ Генія, простирается у ея ногъ и хочетъ удержать летящую; но она ее не замѣчаетъ: она повинуется одному Небу—и уже надъ головой ея сіяетъ звѣзда новой жизни» *.

«Славянка» Жуковскаго чрезвычайно понравилась Маріи Ѳеодоровнѣ, понравилась она и многочисленнымъ почитателямъ таланта поэта; молодежь въ учебныхъ заведеніяхъ заучивала ее наизусть, какъ образецъ стиха, доведеннаго до совершенства. Между тѣмъ, благосклонность Владѣтельницы Павловска къ поэту простиралась до предупредительности и до заботы объ отклоненіи отъ него малѣйшей непріятности. Въ доказательство приводимъ слѣдующій, малоизвѣстный фактъ. Въ февралѣ 1817-го года у вдовствующей Императрицы былъ «комнатный» спектакль: играли придворные артисты комедію кн. Шаховскаго «Липецкія воды». По повелѣнію Маріи Ѳеодоровны, изъ этой піесы исключены были всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ осмѣивались баллады Жуковскаго. Это измѣненіе, кстати замѣтимъ, было непріятно маститому Александру Семеновичу Шишкову, противнику новой, романтической школы; однимъ изъ ея представителей, какъ извѣстно, былъ Василій Андреевичъ Жуковскій.

---

* Описавъ превосходными стихами паркъ и памятники Павловска, Жуковскій почти тогда же и нарисовалъ виды Павловска; нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи награвированы [aqua tinta] Кларою и изданы въ 4-ю д., Спб., 1824 г.

Въ воспоминаніяхъ бывшаго камеръ-пажа Двора Маріи Өеодоровны * находится нѣсколько подробностей о жизни Императрицы въ Павловскѣ въ 1817 году.

— «Павловскъ былъ постояннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Императрицы, но каждую недѣлю она пріѣзжала въ Петербургъ: посѣщала женскія заведенія, которыя находились подъ ея начальствомъ, обѣдала въ Таврическомъ дворцѣ и послѣ обѣда возвращалась въ Павловскъ.—Въ любимомъ своемъ Павловскѣ, Марія Өеодоровна отдыхала отъ придворнаго этикета и блеска Двора. Здѣсь окружила она себя всѣмъ, что могло напоминать ей о прошедшемъ. Кабинетъ Императора Павла свято сохранялся въ томъ видѣ, какъ былъ при немъ, и камеръ-фурьеръ его Сергѣй Ильичъ Крыловъ продолжалъ носить мальтійскій мундиръ вмѣсто придворнаго.—Во внутреннихъ комнатахъ Императрицы хранились рисунки, записки и работы Августѣйшихъ ея дѣтей. Въ саду были воздвигнуты памятники: Родителямъ Императрицы и усопшимъ Великимъ Княгинямъ: Еленѣ Павловнѣ Мекленбургской и Александрѣ Павловнѣ, палатинѣ Венгерской. Часто приходила она къ этимъ памятникамъ и, удалясь отъ сопровождавшихъ ее дежурныхъ фрейлины и камеръпажа, на минуту останавливалась и съ тихой молитвой

* Петръ Михайловичъ Дараганъ, † 23-го декабря 1875 г.

преклоняла голову. Ея сердце и въ настоящемъ счастіи не чуждалось воспоминаній прежнихъ горькихъ утратъ.

—«Но и здѣсь, въ Павловскѣ, Марія Θеодоровна не оставляла трудовъ на пользу основанныхъ или пересозданныхъ ею воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній. Въ 6 часовъ утра она уже сидѣла въ своемъ кабинетѣ, занимаясь дѣлами, читая донесенія, просьбы о помощи, иногда даже переписку нѣкоторыхъ воспитанницъ, которыми она интересовалась по особеннымъ ихъ семейнымъ обстоятельствамъ.—Въ первомъ часу гуляла въ саду, или каталась въ коляскѣ по парку. Въ два часа былъ обѣдъ. Послѣ обѣда снова занималась дѣлами и читала. Въ семь часовъ собиралось небольшое общество придворныхъ и гостей, приглашенныхъ изъ Петербурга, и бесѣда продолжалась до 10-ти часовъ. Тогда подавали небольшой ужинъ. Ужинали на отдѣльныхъ столикахъ, группами. Въ 11 ч. Императрица удалялась во внутренніе покои.

— «Марія Θеодоровна любила служеніе камеръ-пажей; она къ нему привыкла. Отправлялся-ли Дворъ въ Москву, выѣзжала-ли Императрица на недѣлю въ Петергофъ, или на одинъ день въ Ораніенбаумъ, или на нѣсколько часовъ на маневры—всюду слѣдовали за нею камеръ-пажи.

— «Каждый день за обѣдомъ, семейнымъ или съ гостями, камеръ-пажи служили у стола Царской фамиліи. Особенное вниманіе и снаровка необходимы были при услуженіи Маріи Θеодоровнѣ. Камеръ-пажъ долженъ былъ ловко и въ мѣру придвинуть стулъ, на который она садилась; потомъ, съ правой стороны подать золотую тарелку, на которую Императрица клала свои перчатки и вѣеръ. Не поворачивая головы, она протягивала назадъ черезъ плечо руку съ тремя соединенными пальцами, въ

которые надобно было вложить булавку; этою булавкою Императрица прикалывала себѣ къ груди салфетку. Передъ особами Императорской фамиліи, за которыми служили камеръ-пажи, стояли всегда золотыя тарелки, которыя не мѣнялись въ продолженіе всего обѣда. Каждый разъ, когда подносилось новое блюдо, камеръ-пажъ долженъ былъ ловко и безъ стука поставить на эту тарелку фарфоровую, которую съ оставленнымъ на ней приборомъ онъ принималъ, и на золотой тарелкѣ подносилъ чистый приборъ, въ замѣнъ принятаго. По окончаніи обѣда, такимъ-же образомъ подносились на золотой тарелкѣ перчатки, вѣеръ и прочее, переданное при началѣ обѣда. Тогда были въ модѣ длинныя лайковыя перчатки, и камеръ-пажи съ особеннымъ стараніемъ разглаживали и укладывали ихъ передъ тѣмъ какъ подносили.

— «Императрица была особенно милостива къ своимъ камеръ-пажамъ. При выпускѣ въ офицеры они получали отъ нея золотые часы въ награду. Она интересовалась ихъ семейнымъ положеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Выходя изъ кабинета, она любила заставать камеръ-пажа за книгой или тетрадью; часто спрашивала, а иногда и сама смотрѣла, что читается, прибавляя:

«C'est bien, c'est très bien. Etudiez toujours, lisez, mais pas de bêtises, pas de romans!»

«Увидѣвъ у камеръ-пажа Философова тетрадь: Economie politique, Государыня послала его къ А. Шторху, находившемуся тогда при ней, чтобы тотъ просмотрѣлъ тетрадь и доложилъ ей, хорошо-ли въ корпусѣ преподаютъ политическую экономію?—Камеръ-пажъ Шепелевъ долго не могъ выдержать выпускнаго экзамена; это знала Императрица. Передъ послѣднимъ экзаменомъ, она спраши-

ваетъ, надѣется-ли онъ въ нынѣшнемъ году выдержать экзаменъ? Шепелевъ отвѣчаетъ, что надѣется, только боится математики. Императрица приказываетъ ему каждое дежурство привозить съ собою аспидную доску, добавляя, что сама будетъ просматривать его математическія задачи, и Шепелевъ каждый разъ на дежурство во дворецъ отправлялся съ аспидной доской и курсомъ Войцеховскаго.

—«Въ 1817 году Марія Θеодоровна сохраняла еще слѣды прежней красоты. Тонкія, нѣжныя черты лица, правильный носъ и привѣтливая улыбка являли въ ней мать Александра. Она была, также какъ и онъ, немного близорука, хотя рѣдко употребляла лорнетку. Довольно полная, она любила и привыкла крѣпко шнуроваться, отчего движенія ея и походка были не совсѣмъ развязны. Токъ со страусовымъ перомъ на головѣ, короткое платье декольте съ высокой короткой таліей и съ буфчатыми рукавчиками; на голой шеѣ ожерелье, у лѣваго плеча, на черномъ бантѣ, бѣлый мальтійскій крестикъ; бѣлыя длинныя лайковыя перчатки выше локтя и башмаки съ высокими каблуками—составляли ежедневное одѣяніе Императрицы, исключая торжественныхъ случаевъ.

—«Она говорила скоро и не совсѣмъ внятно, немного картавя. Надобно было имѣть большое вниманіе и привычку, чтобы понимать каждое слово; но она никогда не сердилась, если камеръ-пажъ не сразу понималъ ея приказаніе».

22-го іюня 1817 года происходилъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ Шарлотты, принцессы Прусской, нареченной невѣсты Великаго Князя Николая Павловича; 24-го іюня она была муропомазана съ именованіемъ Але-

ксандрою Θеодоровною, а 25-го, въ день рожденія Великаго Князя, обручена съ нимъ; 1-го іюля совершено было бракосочетаніе и вскорѣ послѣ того Царская фамилія оставила Петербургъ: Императоръ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною переѣхали въ Царское Село; Великій Князь Константинъ Павловичъ возвратился въ Варшаву; Императрица Марія Θеодоровна, сопровождаемая высоконовобрачными, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ [нынѣ Императоръ Германскій], братомъ Великой Княгини Александры Θеодоровны, возвратилась въ Павловскъ.

—«Въ Павловскомъ дворцѣ,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ покойный Дараганъ,—помѣщеніе было довольно тѣсно и неудобно. Императрица жила въ нижнемъ этажѣ, но каждый день должна была подниматься въ верхній, гдѣ была столовая и церковь. Молодая Княжеская чета жила, лѣтомъ 1817 г., въ лѣвомъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца полукруглою открытою галлереею, чрезъ которую и приходилось проходить по нѣскольку разъ въ день *. Внизу этого флигеля помѣщалась гауптвахта офицерскаго гусарскаго караула, и неизбѣжный шумъ отъ караула проникалъ и въ комнаты верхняго этажа. Въ осенніе, темные вечера верхній этажъ дворца, какъ необитаемый, былъ освѣщаемъ разставленными чрезъ комнату сальными свѣчами, въ жестяныхъ, длинныхъ, наполненныхъ водою подсвѣчникахъ. Такой подсвѣчникъ стоялъ обыкновенно и на полу маленькаго балкона дворца при выходѣ въ галлерею. Здѣсь я, бывало, ожидалъ Великую Княгиню, и когда

* Эта галлерея та самая, чтó соединяетъ осенніе покои Великой

XIV

отворялась дверь во флигелѣ и показывался Великій Князь съ Великою Княгинею, я бралъ подсвѣчникъ и несъ его съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы не расплескать находящуюся въ немъ воду, шелъ впередъ, чтобы хотя немного освѣтить дорогу. Эта продѣлка забавляла веселую Великую Княгиню и она каждый разъ говорила: «Merci, merci, page, благодарствуй!» На балконѣ я ставилъ свѣчу на прежнее мѣсто на полъ и, принявъ отъ камердинера Великой Княгини работу или другія вещи, которыя она хотѣла имѣть съ собою, слѣдовалъ за нею. Другія комнаты также были въ полумракѣ, освѣщалась одна лѣстница.

— «Принцъ Вильгельмъ Прусскій вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ помѣщался въ Константиновскомъ дворцѣ. Красивый, статный и веселый юноша, онъ, лицомъ и нравомъ, походилъ на Великую Княгиню, которая любила его болѣе другихъ братьевъ, и часто, говоря о немъ, называла «mein Liebling».

— «Великій Князь Николай Павловичъ, вполнѣ счастливый, былъ тогда беззаботно, юношески веселъ, одушевляя своею веселостью весь Царственный семейный кругъ. Однажды, въ лѣтній день, Императрица, Великій Князь съ супругою и камеръ-фрейлина Е. И. Нелидова вышли на террасу Павловскаго сада. Великій Князь шутилъ съ Нелидовой: тогда это была сухощавая, маленькая старушка, весьма умная, добрая и

Княгини Александры Іосифовны съ парадными сѣнями бель-этажа. Въ 1831 г. открытая галлерея передѣлана въ закрытую, теплую.

веселая *. Вдругъ Великій Князь взялъ ее на руки, какъ ребенка, отнесъ въ караульную будку, оставилъ Нелидову въ ней, приказавъ строгимъ голосомъ стоявшему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова умоляетъ о прощеніи, Императрица и Великая Княгиня смѣются, а Великій Князь бросается снова къ будкѣ, выноситъ Нелидову и, опустивъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, становится на колѣни и цѣлуетъ ея руки.»

— Императрица Марія Өеодоровна старалась всячески разнообразить Павловскіе вечера. При хорошей погодѣ ѣздили пить чай или ужинать въ Розовый, Елисаветинскій павильонъ, или Ферму. Иногда, для забавы общества, приглашались пріѣзжіе фокусники съ учеными обезьянами, собаками, лошадками. Въ дурную погоду собирались въ нижней залѣ дворца съ выходомъ въ садъ. Тамъ иногда было литературное чтеніе; читали Жуковскій, Уваровъ, Плещеевъ. Н. М. Карамзинъ съ семействомъ бывалъ частымъ и всегда пріятнымъ гостемъ. Дамы занимались рукодѣльемъ, Великій Князь Николай Павловичъ обыкновенно рисовалъ въ одномъ изъ альбомовъ Императрицы. [Альбомъ сохраняется въ библіотекѣ дворца въ, Павловскѣ]. Часто играли въ фанты или такъ назы-

* Екатерина Ивановна Нелидова, пользовавшаяся расположеніемъ Императора Павла I и его супруги, родилась 12-го декабря 1756 года, скончалась 2-го января 1837 г. За безпредѣльную и истинно безкорыстную преданность Павлу I-му и его супругѣ, Е. И. Нелидова пользовалась глубокимъ уваженіемъ Императора Николая Павловича. Дача ея въ Павловскѣ [нынѣ принадлежащая г-жѣ Самарской-Быховецъ], близь Большаго дворца, сохранила свою первобытную архитектуру, какъ явствуетъ изъ сличенія вида этого зданія съ рисункомъ В. А. Жуковскаго, изд. въ 1824 г.

ваемыя шарады въ лицахъ, charades en action. Шарады придумывалъ обыкновенно Великій Князь и самъ-же исполнялъ ихъ. Такъ, однажды, для представленія выбрано было слово «tapage»—шумъ, крикъ, сумятица, стукотня; при исполненіи цѣлаго разгадочнаго слова, Великій Князь поднялъ такой шумъ, что Императрица и Великая Княгиня, закрывъ уши, поспѣшили отвѣтить: assez de tapage, assez!.. Другая шарада вызвала общій смѣхъ и одобреніе. Это было слово corpulence—тучность. При первомъ слогѣ cor Великій Князь весьма искусно подражалъ звуку рожка; потомъ, для выраженія слога: pu, pue, воняетъ—онъ прошелся по комнатѣ зажимая носъ и дѣлая гримасы; затѣмъ, взявъ билліардный кій, держалъ его какъ копье—lance. Для разгадки шарады, онъ-же обвязался подушками и съ трудомъ, какъ бы отъ тучности, передвигалъ ноги. Шарады всегда исполнялись безъ всякихъ приготовленій, безъ всякихъ пособій. Можно было пользоваться только тѣмъ, что находилось въ смежной билліардной комнатѣ.

Въ сентябрѣ 1817 года вдовствующая Императрица, Государь со всею Августѣйшею фамиліею и Дворъ отправились въ Москву *. Здѣсь, 12-го октября, происходило заложеніе храма Спасителя, и затѣмъ, до дня отбытія Императора въ Варшаву, 22-го февраля 1818 года, слѣдовалъ

---

* Достойно замѣчанія, что, во время пребыванія Маріи Θеодоровны въ Москвѣ, ей пересылались иногда изъ Павловска овощи и плоды изъ тамошнихъ теплицъ. Замѣчательно еще и то, что за плоды и овощи изъ Павловска Государыня всегда платила въ доходъ Павловскаго хозяйства деньги, сообразно стоимости продуктовъ по времени года.

долгій рядъ баловъ и празднествъ. Съ наступленіемъ Великаго поста все утихло.

Въ среду Святой недѣли, въ 11 часовъ пополуночи, 17-го апрѣля 1818 года, пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ Москвы о благополучномъ разрѣшеніи Великой Княгини сыномъ—Александромъ.

Въ воскресенье, 5-го мая, Августѣйшій младенецъ былъ окрещенъ въ Чудовомъ монастырѣ; воспріемниками были заочно Императоръ Александръ Павловичъ и король Прусскій, воспріемницею—Императрица Марія Ѳеодоровна. Послѣ этого торжества опять начались въ Москвѣ пышныя празднества, придворныя и воинскія торжества, въ честь прибывшаго 4-го іюня Фридриха-Вильгельма, короля Прусскаго. Дворъ оставался въ Москвѣ до 16-го іюня, но новорожденный Великій Князь 9-го числа былъ отправленъ въ Павловскъ, въ сопровожденіи адъютанта Великаго Князя Николая Павловича штабсъ-капитана В. Ѳ. Адлерберга и состоявшихъ при новорожденномъ дамъ и доктора Крейтона *.

5-го сентября 1818 года въ Павловскѣ былъ семейный праздникъ по случаю дня тезоименитства Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Главнымъ распорядителемъ былъ Великій Князь Николай Павловичъ; въ залѣ верхняго этажа была устроена небольшая сцена. Выбраны сюжеты для живыхъ картинъ; приглашены лица, которыя должны были въ нихъ участвовать; привезены

* Далѣе, въ обзорѣ города Павловска, за время 1801—1828 гг., стр. 262—263, помѣщенъ адресъ, которымъ жители Павловска привѣтствовали рожденіе Великаго Князя, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича.

изъ Петербурга театральные костюмы, и Великій Князь, какъ директоръ этой небольшой импровизированной труппы, началъ дѣлать репетиціи. Представленіе въ лицахъ рыцарскаго «романса о Сидѣ» оканчивалось дуэтомъ Родрига и Химены. Партію Родрига пѣлъ графъ Соллогубъ, Химены—княгиня Долгорукова; ея наперсницу представляла фрейлина Великой Княгини графиня Шувалова; роль оруженосца игралъ камеръ-пажъ Дараганъ. При открытіи картины, Химена пѣла куплетъ и, взявъ шарфъ изъ рукъ наперсницы, надѣвала его на Родрига, преклонившаго предъ ней колѣно. Потомъ онъ, поднявшись, пѣлъ, обращаясь къ оруженосцу:

Donnez, donnez et mon casque et ma lance,
Je veux prouver, que Rodrigue a du coeur.

Картина заключалась дуэтомъ Родрига и Химены, въ которомъ они клялись въ вѣчной любви. Представленіе вполнѣ удалось и Императрица Елисавета Алексѣевна была весьма довольна, милостиво и любезно благодаря всѣхъ участвовавшихъ.

Семейное счастіе Владѣтельницы Павловска скоро омрачено было тяжкимъ горемъ. Въ половинѣ января 1819-го года изъ Штутгарта получено извѣстіе о внезапной кончинѣ Королевы Виртембергской Екатерины Павловны, послѣдовавшей 28-го декабря 1818 г.

Эта вѣсть сопровождалась однимъ обстоятельствомъ, которое еще усугубило скорбь Маріи Ѳеодоровны. Вслѣдъ за страшною новостію, ею получено было собственноручное письмо, писанное покойною за нѣсколько дней до смерти и замедлившее въ дорогѣ. Государыня нѣкоторое время сомнѣвалась въ истинѣ роковаго горя, утѣшаясь мечтой, что вѣсть ложная, что Королева Вир-

темберґская жива и здорова.... Вскорѣ сомнѣнія разсѣялись въ виду печальной истины *.

Весну и лѣто 1819 года Марія Θеодоровна провела за границею. На слѣдующій 1820 годъ жизнь ея потекла обычною чредою съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями. Здѣсь приводимъ разсказъ одного изъ лицъ, часто бывавшихъ при Дворѣ въ Павловскѣ и сохранившаго въ своей памяти многія подробности объ образѣ жизни Императрицы въ этомъ городѣ, въ двадцатыхъ годахъ.

— «Марія Θеодоровна вставала въ восемь часовъ утра и, по совѣту докторовъ, для моціона, занималась верховою ѣздою. Къ дворцовому крыльцу подводили небольшую, осѣдланную по мужски, лошадку, на которой Марія Θеодоровна ѣздила по аллеямъ парка. На Государынѣ при этомъ былъ обыкновенно надѣтъ мужской костюмъ: фіолетовый бархатный шитый золотомъ кафтанъ ниже колѣнъ; бѣлые триковые панталоны и шитые золотомъ полусапожки; на головѣ шапочка, въ родѣ тока, съ перомъ. Сопровождаемая престарѣлымъ гофмаршаломъ графомъ Альбедилемъ, а впослѣдствіи княземъ Гагаринымъ, она ѣздила около часу времени. Публики тогда ни въ садъ, ни въ паркъ не пускали. Дежурный камеръ-пажъ, идя впереди, вертѣлъ при проѣздѣ Государыни чугунныя вертушки на пѣшеходныхъ дорожкахъ, по которымъ Марія Θеодоровна любила проѣзжать верхомъ. Непремѣнными принадлежностями камеръ-пажа были, вручаемые ему камердинеромъ Императрицы: бумажникъ съ ассигнаціями, два кошелька съ серебряною и золотою монетою и пач-

* Жуковскій, въ стихотвореніи своемъ на внезапную кончину Королевы Виртембергской, описалъ подробности этого событія.

ка большихъ булавокъ, на случай какой либо поправки въ костюмѣ Государыни. Назначеніе-же денегъ было такого рода: увидя какого-нибудь инвалида, имѣющаго знакъ отличія военнаго ордена или медаль, Марія Θеодоровна останавливала свою лошадку и зачастую вступала со сторожемъ въ разговоръ, при чемъ подробно распрашивала: въ какому году, за какой подвигъ ветеранъ получилъ знакъ отличія? Разспросы часто оканчивались повелѣніемъ дать ветерану денегъ.

—«Ѣдутъ далѣе; тоже повторяется и съ военными часовыми, которымъ камеръ-пажъ кладетъ ассигнаціи или червонцы за галстукъ. Встрѣчается крестьянка съ Θедоровскаго. Послѣ нѣсколькихъ милостивыхъ разспросовъ о ея житьѣ-бытьѣ, о нуждахъ, Государыня приказываетъ камеръ-пажу выдать крестьянкѣ нѣсколько денегъ и т. д.

—«По возвращеніи во дворецъ, Государыня переодѣвалась, кушала кофе и, затѣмъ, до часу по-полудни занималась дѣлами, принимая доклады Г. И. Вилламова, Н. П. Новосильцева, пріѣзжавшаго изъ Петербурга А. Н. Оленина и друг. Во время занятій Маріи Θеодоровны, дежурный камеръ-пажъ могъ докладывать ей только о пріѣздѣ Государя Императора. Тогда Марія Θеодоровна, прекращая занятія, выходила къ нему на встрѣчу. Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи обыкновенно дожидались окончанія докладовъ статсъ - секретарей; это-же самое правило распространялось, разумѣется, и на всѣхъ прочихъ особъ Царской фамиліи и Двора, посѣщавшихъ Императрицу въ Павловскѣ. Пріемъ начинался во второмъ часу и бывалъ преимущественно по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, начинавшейся въ одиннадцать часовъ. Являлись посланники иностранныхъ державъ, выс-

шіе чины Двора, пріѣзжали представители знатныхъ польскихъ фамилій, такъ какъ поляки вообще чрезвычайно чтили память Императора Павла I. Внимательность Государыни къ своимъ гостямъ была вполнѣ достойна ея ума и сердца; прибавимъ къ этому удивительную находчивость Императрицы и ея умѣнье съ каждымъ гостемъ заводить разговоръ, соотвѣтственный не только умственному его уровню, но и особенно для него пріятный. Покойный графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ, упоминая объ этомъ превосходномъ ея свойствѣ, говаривалъ:

—«Въ разговорѣ съ нею человѣкъ умный становился какъ-бы еще умнѣе, а ограниченный—невольно дѣлался умникомъ».

—«Обѣдъ неизмѣнно происходилъ въ четыре часа. Обѣдали обыкновенно въ залѣ нижняго этажа, что̀ нынѣ пріемная Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Приглашенныхъ къ столу бывало постоянно человѣкъ до тридцати. За столомъ всегда шла оживленная бесѣда. Императрица потчивала гостей съ радушіемъ русской хлѣбосольной хозяйки. Изъ писателей: Жуковскій, Карамзинъ, Гнѣдичъ, Оленинъ, также И. И. Дмитріевъ [когда пріѣзжалъ изъ Москвы], А. И. Тургеневъ, И. А. Крыловъ—бывали посѣтителями обѣдовъ у Императрицы. И. А. Крыловъ, аппетитъ котораго чуть-ли не равнялся его таланту, кушалъ всегда вдоволь, не стѣсняясь окружающею его обстановкою. Извѣстно, какъ однажды А. Н. Оленинъ, сидя за столомъ во дворцѣ рядомъ съ И. А. Крыловымъ, шепнулъ ему:

—«Да уймись, Иванъ Андреевичъ, будь немножко повоздержнѣе: дай-же ты Государынѣ возможность хоть чѣмъ нибудь тебя попотчивать...».

— «А ну, какъ не попотчуетъ?» простодушно и шопотомъ отвѣчалъ Крыловъ.

Въ Павловскѣ-же нашъ разсѣянный баснописецъ насмѣшилъ Государыню, сѣвъ за столъ въ форменномъ вицмундирѣ, позабывъ снять съ пуговицъ бумажки, въ которыя онѣ были завернуты.

Однажды въ ночь, наканунѣ обѣда, долженствовавшаго быть нѣсколько торжественнымъ по случаю одного изъ праздниковъ въ Августѣйшей семьѣ, Крыловъ былъ укушенъ мухою; на лицѣ сдѣлалась опухоль и онъ не могъ явиться во дворецъ. Утромъ Крыловъ послалъ В. П. Ушаковой, фрейлинѣ Императрицы, словесное извѣщеніе о причинѣ своего отсутствія, на случай если-бы Императрица обратила на это вниманіе; вмѣстѣ съ тѣмъ Крыловъ препроводилъ г-жѣ Ушаковой шуточное открытое посланіе:

Варвара Павловна!

Обласканный не по заслугамъ,
И вамъ и вашимъ всѣмъ подругамъ
Крыловъ изъ кельи шлетъ поклонъ,
Гдѣ, мухою укушенъ, онъ
Сидитъ раздутъ какъ купидонъ—
Но не пафосскій и не критскій,
А иль татарскій, иль калмыцкій!
Что-жъ дѣлать? . . . надобно терпѣть!...
Но чтобъ у боли сбавить силы,
Нельзя-ль меня вамъ пожалѣть? . . .
Вы такъ добры, любезны, милы,—
Нельзя-ль уговорить подругъ,
Чтобъ вспомнить бѣднаго Крылова,
Когда дессертъ пойдетъ вокругъ?....
Повѣрьте, онъ изъ вашихъ рукъ,
Лекарствомъ будетъ для больнаго.

За обѣдомъ отсутствіе Крылова было замѣчено Императрицей, и когда ей объяснена была его причина и прочитано посланіе—Государыня много смѣялась и тотчасъ-же отправила Крылову фруктовъ и конфектъ.

Частыми гостями въ Павловскѣ въ эти годы бывали: графъ Н. С. Мордвиновъ, А. С. Шишковъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, Плещеевъ, графъ А. И. Морковъ, А. Ѳ. Ланжеронъ, графъ М. А. Милорадовичъ, А. Н. Оленинъ и вообще многіе дѣятели Александровскаго времени.

—«Послѣ обѣда Государыня, вмѣстѣ съ гостями, ѣздила кататься по саду и по парку. Все общество размѣщалось въ шарабанахъ и въ линейкахъ. Вечеръ начинался съ 8-ми часовъ; онъ проходилъ въ чтеніи, танцахъ, или въ театральныхъ представленіяхъ. Собирались обыкновенно въ большой гостиной нижняго этажа. Чтецами обыкновенно были то Плещеевъ, то В. А. Жуковскій. По отзывамъ слушателей, Плещеевъ обладалъ прекраснымъ талантомъ чтеца и въ то-же время отличался совершеннымъ отсутствіемъ сценическаго дарованія. По крайней мѣрѣ на домашнихъ спектакляхъ во дворцѣ онъ никогда не выходилъ изъ ряда посредственности. Кромѣ чтеній, бывали концерты въ Кругломъ залѣ, salon de musique, даваемые заѣзжими виртуозами, которымъ аккомпанировалъ оркестръ придворной бальной музыки, подъ управленіемъ капельмейстера Рогоменскаго; бывали спектакли артистовъ въ деревянномъ театрѣ,—между прочими, здѣсь однажды играла знаменитая дѣвица Марсъ,—бывали спектакли любителей на Воздушномъ театрѣ, въ которыхъ отличался графъ Александръ Соллогубъ. Въ августѣ 1823 года былъ домашній спектакль во дворцѣ. Разыгры-

вали въ лицахъ Демьянову уху И. А. Крылова. Самъ баснописецъ изображалъ «Фоку»; радушнаго «Демьяна»—князь Өедоръ Голицынъ. Княжна Хилкова представляла безмолвную, какъ рыба, хозяйку, сварившую «на славу» уху, которою запотчивалъ бѣднаго сосѣда неумолимый своимъ радушіемъ хозяинъ».

Императрицѣ всегда было особенно пріятно, если ея Павловскъ вдохновлялъ поэтовъ или художниковъ, и она сама нерѣдко подавала имъ мысль къ созданію образцовыхъ произведеній, темою для которыхъ служили сады Павловска. Отсюда источникъ множества пейзажей, изображающихъ его виды и донынѣ хранящихся во дворцѣ. Что-же касается до произведеній поэзіи — они принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ созданіямъ Жуковскаго: поэтъ, живымъ словомъ, писалъ пейзажи, достойные кисти Рюисдаля. Такъ, въ августѣ 1822 года, лунный вечеръ, которымъ наслаждалась Марія Өеодоровна въ садахъ Павловска, окруженная близкими ей лицами, вдохновилъ бывшаго въ числѣ ихъ Жуковскаго и онъ написалъ свой неподражаемый: «подробный отчетъ о лунѣ», въ которомъ, представивъ Императрицѣ подробный перечень всѣхъ своихъ стихотвореній, въ которыхъ упоминается о лунѣ,—такъ описалъ лунную ночь въ Павловскѣ:

. . . . . все пересчитать
Мнѣ трудно съ Музою лѣнивой;
Къ тому-жъ ей долгъ велитъ правдивой
Вамъ, Государыня, сказать,
Что сколько разъ она со мною,
Скитаясь въ сумракѣ ночей,
Ни замѣчала за луною,
Но все до сей поры мы съ ней

Луны такой не подглядѣли,
Какою на небѣ ночномъ,
Въ концѣ прошедшія недѣли,
Надъ чистымъ Павловскимъ прудомъ.
На Колоннадѣ любовались;
Давно, давно не наслаждались
Мы тихимъ вечеромъ такимъ;
Казалось все преображеннымъ:
По небесамъ уединеннымъ,
Полупотухшимъ и пустымъ,
Ни облачка не пролетало;
Ни колыханія въ листахъ;
Ни легкой струйки на водахъ;
Все нѣжилось, все померкало;
Лишь ярко звѣздочка одна,
Лампадою гостепріимной
На краѣ неба зажжена,
Мелькала намъ сквозь западъ дымной,
И свѣтлымъ лебедемъ луна
По блѣдной синевѣ востока
Плыла, тиха и одинока;
Подъ усыпительнымъ лучемъ
Все предавалось усыпленью,—
Лишь изрѣдка пустымъ путёмъ,
Своей сопутствуемый тѣнью,
Шелъ запоздалый пѣшеходъ,—
Да сонной пташки содраганье,
Да легкій шумъ плеснувшихъ водъ
Смущали вечера молчанье.
Въ зерцало ровнаго пруда
Глядѣлось мирное свѣтило,
И въ лонѣ чистыхъ водъ тогда
Другое небо видно было
Съ такой-же ясною луной,
Съ такой-же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящій

Крыломъ неслышнымъ вѣтерокъ
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивалъ потокъ:
Луна звѣздами разсыпалась,
И смутною во глубинѣ
Тогда краса небесъ являлась,
Толь мирная на вышинѣ . . . . . .

Вниманіе Императрицы къ И. А. Крылову пробудило въ душѣ баснописца чувства искренней признательности, выразившіяся даромъ скромнымъ, но драгоцѣннымъ въ сокровищницѣ роднаго слова. Зимою 1822 года съ Крыловымъ случился ударъ паралича: въ этомъ несчастномъ положеніи онъ дотащился до дома Олениныхъ, гдѣ ему оказана была своевременная помощь и самая родственная заботливость, благодаря которымъ онъ выздоровѣлъ, оставаясь до весны въ добромъ семействѣ А. Н. Оленина. Весною 1823 года до свѣдѣнія Маріи Ѳеодоровны доведено было о болѣзни Крылова: она поручила А. Н. Оленину перевезти его въ Павловскъ, сказавъ:

— «Подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣй поправится».

Баснописецъ дѣйствительно совершенно поправился живя въ Павловскѣ, и съ обновленными силами написалъ, 15-го іюня 1823 года, въ одномъ изъ альбомовъ Розоваго павильона свой неувядаемый «Василекъ» *. Уподобивъ Марію Ѳеодоровну солнцу, Крыловъ въ слѣдующихъ строкахъ выражалъ къ ней благодарность Россіи:

* Къ величайшему сожалѣнію, драгоцѣнный автографъ Крылова не сохранился въ листкахъ альбомовъ, переданныхъ изъ Розоваго павильона на храненіе въ библіотеку дворца въ Павловскѣ. Вѣроятно, Марія Ѳеодоровна подарила его кому либо изъ Августѣйшихъ своихъ дѣтей.

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ-ль, кедру-ли—благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,—
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

Марія Ѳеодоровна не умѣла сердиться, тѣмъ сильнѣе было раскаяніе тѣхъ, которые невольнымъ проступкомъ возбуждали ея неудовольствіе: Государыня не говорила съ провинившимися, но это молчаніе было для нихъ гораздо тягостнѣе всякаго выговора. Изъ воспоминаній одного изъ камеръ-пажей Маріи Ѳеодоровны приводимъ случай, дополняющій описаніе ея нрава нѣсколькими новыми чертами.

— «Камеръ-пажи, въ числѣ восьми человѣкъ, смѣнялись понедѣльно каждую субботу. Какъ-то лѣтомъ 1823 г., въ одну изъ субботъ, когда въ Павловскъ прибылъ изъ Петербурга новый комплектъ смѣны, а старый еще не уѣхалъ, камеръ-пажамъ вздумалось, въ угоду нѣкоторымъ дачницамъ, сжечь, на полянкѣ передъ крѣпостью, фейерверкъ, привезенный ими изъ города. Императрица уже почивала, ночь была тихая, темная и фейерверкъ удался на славу. На другой день Императоръ, пріѣхавъ къ своей Родительницѣ изъ Царскаго Села, сказалъ ей, что онъ вчера любовался изъ оконъ своего дворца на прекрасный фейерверкъ, сожженный въ Павловскѣ, вѣроятно, по случаю какого нибудь праздника. Государыня, которой ничего не было извѣстно, призвала Е. К. Фридерици и спросила его, что̀ было ночью? Тотъ отвѣчалъ, что прибылъ на мѣсто фейерверка, когда онъ уже былъ сожженъ шалунами. По отъѣздѣ Государя,

Императрица, призвавъ камеръ-пажей во дворецъ, сказала имъ серьёзнымъ тономъ:

—«Господа, мнѣ очень прискорбно, что вы позволили себѣ устроить фейерверкъ, не только не спросивъ на то позволенія у меня, Хозяйки Павловска, но даже не предупредивши добраго Ермолая Карловича [Фридерици]. Таковой поступокъ съ вашей стороны, господа, показываетъ неблагодарность ко мнѣ за то вниманіе и заботливость, которыя вамъ здѣсь оказываютъ».

«Камеръ-пажи расплакались. Цѣлую недѣлю Государыня была нѣсколько холодна съ ними, потомъ все опять вошло въ обычный порядокъ, и сама Марія Ѳеодоровна бывало всегда отстаивала и хвалила пажей, когда Великій Князь Михаилъ Павловичъ полу-шутя говорилъ, что изъ нихъ выходятъ плохіе офицеры:

—«Замолчи, Michel,—перебивала Государыня,—перестань; ты меня обижаешь! . . . Перестань бранить моихъ дѣтей».

Въ началѣ 1824 г. семейный кругъ вдовствующей Императрицы увеличился еще одною невѣсткою: то была принцесса Фредерика-Шарлотта-Маріянна Виртембергская, при мѵропомазаніи, 1-го янв. 1824 г., нареченная Великою Княжною Еленою Павловною, и 7-го февраля сочетавшаяся бракомъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Весну и лѣто новобрачные провели въ Павловскѣ, въ Константиновскомъ дворцѣ, вновь отдѣланномъ и меблированномъ. Великій Князь Николай Павловичъ съ супругою и семействомъ занималъ дворецъ Александровскій. Весело провела въ Павловскѣ Августѣйшая Фамилія лѣто 1824 года и въ сентябрѣ переселилась въ

Петербургъ, который черезъ два мѣсяца былъ постигнутъ страшнымъ наводненіемъ 7-го ноября. Буря, свирѣпствовавшая наканунѣ этого роковаго дня, произвела не мало опустошеній и въ Павловскомъ паркѣ: повредила нѣсколько садовыхъ зданій и повалила много лѣсу. Въ виду бѣдствія, постигшаго столицу, Марія Ѳеодоровна всѣ свои заботы посвятила многимъ сотнямъ семействъ, пострадавшимъ или осиротѣвшимъ отъ наводненія. Это бѣдствіе призвало Государыню къ новому ряду подвиговъ благотворительности. Кромѣ многихъ тысячъ рублей, данныхъ ею на вспоможеніе несчастнымъ, она помѣщала вдовъ и сиротъ въ подвѣдомственныя ей заведенія, снабжала цѣлыя семьи провизіей, дровами, бѣльемъ, одеждою *.

Весну и часть лѣта 1825 г. въ Павловскѣ гостила Великая Герцогиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна съ своею дочерью, принцессою Августою. Въ память дорогой гостьи, именемъ ея была названа аллея, особенно любимая Маріею Павловною. Кромѣ того, въ альбомѣ Фермы сохранились слѣдующіе листки, на которыхъ Великая Герцогиня и дочь ея выразили свои чувства къ Маріи Ѳеодоровнѣ [на французскомъ языкѣ]:

— «Я истинно счастлива опять находясь въ этихъ мѣстахъ, близъ васъ, милая Маменька, и видя Ферму, на которой провела столько пріятныхъ минутъ сего 26-го мая 1825 года. Марія».

---

* Въ числѣ гравюръ, находящихся въ Большомъ дворцѣ въ Павловскѣ, находится одна, изображающая семейства пострадавшихъ отъ наводненія, помѣщенныя въ залѣ С.-Петербургской биржи, гдѣ они составляютъ группу у подножія бюста Императора Александра Павловича.

XV

— «Воспоминаніе о прелестной Павловской Фермѣ, конечно, неизгладимо запечатлѣется въ моемъ сердцѣ, точно такъ же, какъ и о столь пріятныхъ минутахъ, мною здѣсь проведенныхъ. Я такъ много испытала ихъ въ бытность мою въ Россіи, что могу назвать ихъ счастливѣйшею порою моей жизни. Осыпанная милостями дорогой моей Бабушки и всего семейства, почти избалованная ласками другихъ особъ, я была-бы неблагодарною, если бы не выразила этого здѣсь. Единственное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы опять увидѣть мѣста, столь любезныя моей памяти. Павловскъ, 29-го мая».

На оборотѣ этого же листка рукою Маріи Ѳеодоровны: «отъ моей милой внучки Августы Веймарской».

— «Ощущаю сладостную отраду начертывая эти строки,—писала два мѣсяца спустя принцесса Августа, нынѣ Императрица Германская, въ той же скромной Фермѣ,— и думаю, что дѣлаю это въ счастливѣйшія минуты моей жизни, осыпанная милостями Бабушки и знаками нѣжности всѣхъ моихъ родныхъ; иначе какъ съ умиленіемъ я не въ состояніи вспоминать объ этомъ времени, оно не изгладится изъ моей памяти и всегда будетъ дорого моему сердцу. Уѣзжаю изъ Россіи съ истиннымъ сожалѣніемъ и глубокимъ чувствомъ благодарности за все, что для меня дѣлали. Писано на Фермѣ 29-го іюля, наканунѣ моего отъѣзда».

13-го іюня 1825 г. Императоръ Александръ Павловичъ возвратился въ Царское Село изъ своего путешествія въ Царство Польское. На слѣдующій день онъ посѣтилъ въ Павловскѣ свою Родительницу, а затѣмъ

занялся маневрами подъ Краснымъ Селомъ. О послѣдующихъ дняхъ вотъ что говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ лейбъ-хирургъ Тарасовъ:

—«По окончаніи маневровъ гвардейскаго корпуса подъ Краснымъ Селомъ, въ началѣ августа, разнесся при Дворѣ слухъ, что здоровье Императрицы Елисаветы Алексѣевны, замѣтно ослабѣвающее, требуетъ путешествія и продолжительнаго пребыванія въ благопріятномъ климатѣ южнаго края. Слухъ этотъ наконецъ не составлялъ уже секрета при Дворѣ, но довольно долго не былъ разрѣшенъ вопросъ: отправится ли Императрица за границу, въ чужіе края, или въ южную часть Россіи, и въ какое именно мѣсто? Господа лейбъ-медики назначали для пребыванія Ея Величества южный берегъ Крыма, на берегу Чернаго моря. Императоръ медлилъ и долго не рѣшался изъявить свое соизволеніе на такое назначеніе. Наконецъ, Его Величество самъ назначилъ мѣстомъ пребыванія Императрицы—Таганрогъ, на берегу Азовскаго моря, и первому изъ лейбъ-медиковъ, баронету Вилліе, предварительно объявилъ о томъ, который, по соображеніи обстоятельствъ и условій, нашелъ этотъ выборъ мѣста благопріятнымъ для возстановленія здоровья Императрицы. Между тѣмъ прочіе лейбъ-медики, Штоффрегенъ и Рюль, а особенно вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, были противнаго мнѣнія и предпочитали Таганрогу—Крымъ.

—«На такое рѣшеніе Императора, поддерживаемое Вилліе, противная сторона представляла много возраженій, изъ коихъ нѣкоторыя казались основательными, и, повидимому, заслуживали уваженія. И дѣйствительно, уединенное и степное положеніе Таганрога, удаленное отъ

*

сообщенія съ столицами, незначительное населеніе его, состоящее преимущественно изъ грековъ, а особенно перенесеніе торговаго порта изъ Таганрога въ Керчь— отнимали у него самыя важныя преимущества. Между тѣмъ извѣстно, что въ Крыму, на южномъ берегу, климатъ и природа равняются, по географическому положенію, средней Италіи; дачи или мызы нѣкоторыхъ вельможъ устроены великолѣпно, со всѣми удобствами для жизни; зима бываетъ едва чувствительна и растительность роскошна и великолѣпна. Всѣ эти данныя довольно долго колебали вопросъ о мѣстопребываніи Императрицы. Наконецъ, сама Императрица Елисавета Алексѣевна приняла на себя положить конецъ всѣмъ преніямъ и объявила Императору, что рѣшается предпринять путешествіе не иначе какъ въ Таганрогъ, который она, по внутреннему убѣжденію, предпочитаетъ Крыму. Такимъ образомъ прекратились всѣ споры и дано повелѣніе готовить все къ путешествію въ Таганрогъ. Государь приказалъ приготовить все нужное для путешествія двумъ свитамъ: одной—для него, а другой—для его супруги, и первая должна предшествовать второй».

Императоръ выѣхалъ изъ Царскаго Села по Бѣлорусскому тракту, 22-го августа. Наканунѣ онъ посѣтилъ Марію Ѳеодоровну въ Павловскѣ. Послѣ обѣда, прогуливаясь по саду, былъ въ Розовомъ павильонѣ, въ которомъ, одиннадцать лѣтъ предъ тѣмъ, съ такимъ торжествомъ праздновали возвращеніе его изъ Парижа. Воспоминаніе о минувшемъ не могло не воскреснуть въ памяти Государя; но, на этотъ разъ, приближеніе осени, замѣтное по желтѣющимъ листьямъ деревъ и по опустошеннымъ розовымъ клумбамъ, набрасывало на все окружающее

покровъ тихой грусти; впрочемъ, Розовый павильонъ смотрѣлъ изящно, такъ какъ лѣтомъ того же 1825 г. онъ былъ особенно роскошно убранъ цвѣтами и гирлянды изъ розъ были подновлены.

Марія Ѳеодоровна выѣхала изъ Павловска въ половинѣ сентября и тогда, уже въ Зимнемъ дворцѣ, для нея наступили тяжелые, печальные дни осени, изъ которыхъ вскорѣ почти каждый день былъ смущаемъ тревожными вѣстями изъ Таганрога о состояніи здоровья Императора. Кромѣ официіальныхъ бюллетеней, Марія Ѳеодоровна получала письма о ходѣ болѣзни отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Въ письмѣ, полученномъ 25-го ноября, она писала Маріи Ѳеодоровнѣ:

— «Il y a du mieux sensible, mais il est très faible».

Утромъ 27-го ноября 1825 г., во время молебна о здравіи Императора Александра, въ церкви Зимняго дворца—богослуженіе, по знаку вошедшаго въ храмъ Великаго Князя Николая Павловича, было прекращено. Духовникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, о. Криницкій, поднесъ къ ея устамъ распятіе, покрытое чернымъ крепомъ.... Императрица поняла все.... и пала на колѣни предъ алтаремъ, заливаясь слезами....

корбь, постигшая Императрицу Марію Ѳеодоровну, тяжко отразилась на ея здоровьи. До того времени бодрая, полная энергіи, не смотря на преклонныя лѣта, Императрица теперь, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, видимо ослабѣла, сохраняя однако прежнюю ясность ума и благодушіе. Воспоминаніе о первенцѣ-сынѣ не покидало Государыню въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ ея жизни; собственные покои Императрицы въ Петербургѣ и въ Павловскѣ украсились многими портретами, бюстами, медальонами покойнаго Императора. Въ Павловскѣ хранились, какъ святыня, вещи, ему принадлежавшія: подвѣнечный его кафтанъ серебрянаго глазета; его туалетный приборъ, коллекція медалей его царствованія; золотой самородокъ, найденный имъ на Златоустовскомъ золотомъ пріискѣ, 23-го сентября 1824 г., и проч. вещи, его напоминавшія. На письменномъ столѣ Маріи Ѳеодоровны, въ ея кабинетѣ, тогда же поставленъ и стоитъ до сихъ поръ небольшой саркофагъ съ медальономъ покойнаго, означеніемъ роковаго числа: «19-го ноября 1825 года» и съ надписью «Нашъ Ангелъ въ небесахъ» . . . До самой своей кончины Марія Ѳеодоровна была озабочена мыслію, чтобы основаніемъ благотворительнаго «Александровскаго» заведенія въ Павловскѣ увѣковѣчить въ этомъ мѣстѣ память покойнаго Государя. Эта благая мысль Императрицы была, въ 1835 г., осуще-

ствлена ея наслѣдникомъ, во владѣніи Павловскомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Слѣдующія письма къ директору Павловска относятся ко времени пребыванія Маріи Ѳеодоровны въ Москвѣ. Письма эти любопытны, какъ свидѣтельство любви къ Павловску, съ которою она продолжала о немъ заботиться:

«Москва, 17-го мая 1826 г.».

— «Что подѣлываетъ мой милый Павловскъ? Не забываютъ ли меня тамъ? Что вы подѣлываете хорошаго, добрый, исполнительный человѣкъ! Скажите или, вѣрнѣе, напишите, что у васъ дѣлается? Цвѣтутъ ли сирени? Красивъ ли маленькій садикъ? Что—розы? Поютъ ли соловьи? Много ли въ Павловскѣ посѣтителей? Кто тамъ живетъ, кѣмъ наняты дачи? Какъ гуляютъ мои дѣти? Какія растенія вы привили? Купили ли деревьевъ и кустарниковъ на биржѣ? Боюсь, что мѣсто для оранжереи не хорошо выбрано, мой добрый Федерици *. Подумайте обо мнѣ. Визлеръ [садовникъ] скажетъ послѣ, что солнца мало и оранжерея не хороша. Вы бы посовѣтовались со старикомъ Боде, на Елагиномъ острову: онъ такой искусный и опытный садовникъ. Издержки велики, а Богъ вѣсть, буду ли я еще жива въ будущемъ году. На одну или на двѣ оранжереи назначила я деньги, мой добрый Федерици? Теперь такое раннее время года, что вы еще успѣли бы мнѣ написать. Кланяйтесь отъ моего имени всему Павловску... Прощайте, мой добрый Федерици, будьте здоровы и пишите мнѣ побольше о Павловскѣ. Планъ будетъ вамъ возвращенъ по почтѣ...».

---

* Такъ, во всѣхъ своихъ письмахъ, Императрица писала фамилію директора Павловска Ермолая Карловича Фридерици.

«Москва, 5-го іюня 1826 г.».

—«Здравствуйте, мой добрый Федерици, какъ ваше здоровье и какъ поживаютъ всѣ ваши? Розы здѣсь необыкновенно хороши и въ большомъ изобиліи. Я вамъ купила ихъ 200 горшковъ, но ни для какого другаго садовника, кромѣ Пустынскаго. Онъ будетъ ухаживать за ними такъ, какъ здѣсь ухаживаютъ за розами, и если съумѣетъ это сдѣлать, то въ будущемъ году выведетъ 200 новыхъ, которыя будутъ цвѣсти. Вальдгеймъ говорилъ, что здѣшній способъ ухода за ними совсѣмъ иной, чѣмъ у насъ. Если вы не хотите прислать Пустынскаго, то выберите кого нибудь другаго, на котораго можно было бы положиться. Путевыя издержки займите изъ моей кассы: я возвращу. Прощайте. Жара и засуха ужасныя; но Москва и окрестности божественны, великолѣпны! Будьте здоровы, старый дружище! Богъ знаетъ, еще увижусь ли я съ вами въ іюнѣ. Жду разъясненій на счетъ путешествія Императора: отъ нихъ будетъ зависѣть, что̀ мнѣ дѣлать. Мой поклонъ всѣмъ моимъ вѣрнымъ Павловскимъ..».

«Москва, 22-го іюня 1826 г.».

—«Отсылаю къ вамъ младшаго садоваго мастера Пустынскаго, который, вполнѣ изучивъ здѣшній способъ ухода за розами, введетъ его и у насъ. Я отъ души обрадовалась его пріѣзду, имѣя возможность увидѣть хоть кого нибудь изъ Павловскихъ и поразспросить очевидца. Надѣюсь, что его поѣздка будетъ не безъ пользы для нашихъ розовыхъ питомниковъ. Легко можете себѣ представить, какъ мнѣ жаль, что нынѣшнимъ лѣтомъ я вовсе не могу быть въ Павловскѣ. Вслѣдствіе этого прошу васъ

тѣмъ усерднѣе и обстоятельнѣе сообщать мнѣ обо всемъ, что тамъ подѣлывается...

— «Дѣйствительно я была очень рада видѣть Пустынскаго и подробно его обо всемъ разспросила. Онъ мнѣ сказалъ, да я это и отъ другихъ слышу, что Павловскъ еще никогда не былъ такъ хорошъ! Этимъ я обязана вашей заботливости, мой добрый Федерици. Везли ли черезъ Липицы тѣло покойной Императрицы [Елисаветы Алексѣевны]? Требовали ли туда нашихъ, какъ это было при слѣдованіи шествія съ тѣломъ покойнаго Императора? Напишите мнѣ объ этомъ, мой добрый Федерици. Прощайте, будьте здоровы и увѣрены въ моей признательности. Марія».

Послѣ коронаціи, 22-го августа 1826 г., и всѣхъ празднествъ, ее сопровождавшихъ, Марія Ѳеодоровна возвратилась въ Петербургъ въ половинѣ сентября и не оставила Павловскъ своимъ посѣщеніемъ.

Въ слѣдующемъ 1827-мъ году Марія Ѳеодоровна имѣла возможность безпрепятственно посвятить лѣтніе свои досуги любезному Павловску, существованію котораго въ 1827 г. исполнилось полвѣка. Императрица съ чувствомъ справедливаго самодовольствія могла любоваться своимъ созданіемъ.

Въ теченіе пятидесяти лѣтъ два предшествовавшія поколѣнія смѣнялись уже третьимъ. Въ Царственномъ семействѣ возрастали внукъ и три внучки вдовствующей Императрицы. Отрокъ, Великій Князь Александръ Николаевичъ, любимецъ Августѣйшей Бабки, былъ ея частымъ спутникомъ въ прогулкахъ по садамъ Павловска. Въ памяти мѣстныхъ жителей сохранился Царственный

Отрокъ, въ формѣ офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, работавшій въ садикѣ близь Шале, посѣщавшій генерала Е. К. Фридерици, прилежно занимавшійся саперными работами въ садикѣ Александровскаго дворца [остатки этихъ работъ сохраняются и понынѣ *], стрѣльбою въ цѣль—близь дачи Юрьевича и весьма усердно занимавшійся науками подъ руководствомъ Василія Андреевича Жуковскаго.

9-го сентября 1827 г. Марія Ѳеодоровна была обрадована рожденіемъ втораго внука, Великаго Князя Константина Николаевича.

Турецкая кампанія 1828 г. отозвалась отчасти на бытѣ Павловска: весною послѣдовало Высочайшее повелѣніе о выступленіи въ походъ полковъ лейбъ-гвардіи. Въ числѣ ихъ долженъ былъ выступить и эскадронъ лейбъ-гусаръ, расположенный въ Павловскѣ.

Марія Ѳеодоровна и вся Августѣйшая семья простились съ выступавшими гвардейцами на плацу въ Софіи, подъ Царскимъ Селомъ. Въ многочисленныхъ толпахъ народа находились матери, сестры, жены и дочери выступавшихъ въ походъ. Слыша ихъ рыданія и жалобные возгласы, Марія Ѳеодоровна утѣшала ихъ:

— «Не плачьте, дѣти, не плачьте!.. Богъ милостивъ... Воротятся!»

Но въ то же время у самой Государыни слезы струились, а голосъ пресѣкался отъ рыданій. Какъ мать, она благословляла уходившихъ въ походъ; какъ добрая, заботливая хозяйка, она заблаговременно распорядилась, чтобы

* Въ саду, близь Сѣтки и гимнастическихъ упражненій—противъ дома управляющаго городомъ Павловскомъ.

въ Гатчинѣ, гдѣ былъ назначенъ первый привалъ, былъ приготовленъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ обѣденный столъ: хлѣбомъ-солью напутствовала воиновъ Императрица Марія Θеодоровна.

Въ этотъ печальный годъ Государыня переѣхала въ Павловскъ въ началѣ мая. При всемъ стараніи развлечься хозяйственными заботами: покупкою цвѣтовъ, растеній, отстройкою оранжерей, исправленіемъ садовыхъ зданій — Марія Θеодоровна находилась подъ гнетомъ грустныхъ мыслей. Война разгоралась. Императоръ Николай Павловичъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ отправились въ дѣйствующую армію. Императрица продолжила пребываніе свое въ Павловскѣ долѣе обыкновеннаго срока, и, по возвращеніи въ Петербургъ, еще нѣсколько разъ посѣтила Павловскъ. Въ послѣдній разъ она была здѣсь въ половинѣ сентября 1828 г., когда ея здоровье уже сильно ослабѣло. Мысль о вѣчной разлукѣ съ любимцемъ-Павловскомъ еще не приходила его Августѣйшей Основательницѣ. Напротивъ, Государыня и въ это, послѣднее, пребываніе свое здѣсь, являла особенную заботливость о зданіяхъ, садахъ и паркѣ въ Павловскѣ. Множество поправокъ, перестроекъ и даже нѣсколько новыхъ сооруженій предположены были Ея Величествомъ на 1829-й годъ. Между прочимъ, однимъ изъ послѣднихъ ея распоряженій, 10-го сентября 1828 г., было утвержденіе доклада о исправленіи домика Крака, находящагося у крѣпости, на берегу Славянки, и о постройкѣ новыхъ теплицъ въ саду.

24-го октября 1828 г., въ два часа по полуночи, Императрица Марія Θеодоровна скончалась, къ тяжкой скорби Державной семьи, и къ великой горести многихъ тысячъ семействъ, ею облагодѣтельствованныхъ... Эта горесть

прекрасно выражена Жуковскимъ въ его стихотвореніи: «У гроба Императрицы Маріи Θеодоровны».

Положительно извѣстно, что покойная Государыня, съ первыхъ лѣтъ супружества, вела дневникъ о событіяхъ собственной жизни и Двора. Передъ кончиною она выразила желаніе, чтобы дневникъ этотъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тетрадей, былъ уничтоженъ. Желаніе свое Марія Θеодоровна объяснила тѣмъ, что чтеніе этого дневника, въ которомъ она съ совершенною откровенностью отзывалась о нѣкоторыхъ лицахъ, занимавшихъ важныя правительственныя или придворныя должности,— могло повліять на мнѣніе о нихъ Императора Николая Павловича. Государь исполнилъ завѣтъ своей Родительницы,—и Записки Маріи Θеодоровны были сожжены. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывшій вмѣстѣ съ Императоромъ исполнителемъ ея воли, говорилъ:

— «Когда я сожигалъ эти бумаги, мнѣ казалось, что я вторично хоронилъ безцѣнную мою Матушку».

При невозвратной потерѣ, которую понесла отечественная исторія съ истребленіемъ Записокъ Маріи Θеодоровны, нѣкоторое значеніе получаютъ Замѣтки, собственноручно написанныя ею въ стѣнахъ Фермы. Разрозненные листки этихъ Замѣтокъ—тщательно собраны, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, въ красивый альбомъ съ портретомъ Императрицы Маріи Θеодоровны. Замѣтки напечатаны вполнѣ, на французскомъ языкѣ, въ приложеніяхъ къ этой книгѣ.

Сохранился также другой историческій памятникъ Императрицы Маріи Θеодоровны—обширное завѣщаніе: въ немъ вполнѣ отражается высоко-нравственная ея личность. Ежегодно, 24-го октября, Императоръ Николай Павловичъ читалъ въ кругу Августѣйшаго семейства этотъ священный завѣтъ своей Родительницы.

Въ предъидущихъ главахъ представя очеркъ жизни Императрицы Маріи Θеодоровны и Двора Ея Величества въ Павловскѣ, должно остановиться на обзорѣ распоряженій Государыни какъ по отношенію къ городу Павловску, такъ и къ состоявшему въ вѣдѣніи его Правленія сельскому населенію.

Полное затишье замѣтно было въ городской администраціи Павловска въ первое время по восшествіи на престолъ Александра I-го: директоръ города не утруждалъ вдовствовавшей Императрицы ни докладами, ни проектами, хотя Государыня въ 1801 году, прибывъ въ Павловскъ въ апрѣлѣ, оставалась въ немъ до самаго отъѣзда своего въ Москву, на коронацію Императора Александра, въ сентябрѣ. Въ пятимѣсячный пе-

Рисунокъ: Развалины близь Елисаветинскаго павильона.

ріодъ пребыванія Императрицы въ Павловскѣ, Государыня, до времени, отрѣшилась отъ всякихъ заботъ о своей резиденціи: умъ и сердце ея были слишкомъ угнетены скорбію, чтобы предаться обычной дѣятельности.

Съ 1802 г. Павловскъ вновь сталъ предметомъ особаго вниманія Императрицы. При этомъ онъ быстро утратилъ тотъ воинственный характеръ, какимъ отличался въ кратковременное царствованіе Императора Павла, и существованіе въ немъ настоящей крѣпости скоро было признано несовременнымъ, вслѣдствіе чего, 15-го іюня 1811 г., Высочайше повелѣно: «Маріенталь исключить изъ числа крѣпостей, содержимыхъ отъ инженернаго вѣдомства, оставя въ немъ только проложенный мимо казармъ въ садъ водопроводный каналъ, который и содержать въ исправности». Зданіе крѣпости впослѣдствіи обращено въ помѣщеніе нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій.

Въ томъ же 1811 г. Павловскъ лишенъ былъ одного изъ учрежденій временъ Императора Павла, которое оказалось совершенно безполезнымъ. По небольшому числу купцовъ и мѣщанъ, жительствующихъ въ городѣ Павловскѣ, было Высочайше повелѣно: учрежденную въ ономъ Ратушу уничтожить, а дѣла о купцахъ и мѣщанахъ этого города предоставить въ вѣдомство Царскосельской Градской Ратуши. Мѣщане города Павловска не понесли отъ того никакой тягости. 1817 г. декабря 31-го дня на всеподданнѣйшемъ докладѣ управляющаго Царскимъ Селомъ о выгонной землѣ и доходахъ, предлагавшаго часть расхода на содержаніе Царскосельской Ратуши отнести на Гатчинскихъ и Павловскихъ мѣщанъ, рукою графа Аракчеева написано: «Его Императорскому Величе-

ству угодно, дабы сборы отъ мѣщанъ городовъ Гатчины и Павловска не были возвышаемы болѣе ими нынѣ платимыхъ».

Въ 1819 г. Императрицею утвержденъ докладъ объ учрежденіи въ Павловскѣ торговыхъ съѣздовъ или базарныхъ дней и ярмарокъ.

Тогда же приступлено къ постройкѣ лавокъ, а въ слѣдующемъ 1820 г. купцомъ города Павловска Крашенинниковымъ и двумя иногородными мѣщанами выстроены двадцать двѣ новыя лавки къ ярмаркѣ и для гостинодворцевъ, подъ отдачу въ наемъ на Правленской площади. Такимъ образомъ было положено основаніе гостинному двору.

Любопытно, что еще въ 1807 и въ 1810 годахъ. Государыня дозволила петербургскому мѣщанину Михаилу Вульфу открыть лавочку съ суровскими и косметическими товарами въ галлереѣ «главнаго дома», т. е. Большаго дворца, на маленькомъ дворикѣ. Въ 1817 г. то же дозволеніе было дано кашинскому купцу Якову Водову.

Въ 1820 году вновь произведены раздачи участковъ земли желавшимъ строиться. Глухая мѣстность Звѣринца съ ея дремучимъ лѣсомъ требовала расчистки и приведенія ея въ видъ, болѣе соотвѣтствующій городскому благоустройству. Съ этой цѣлію, въ 1823 г., было вырублено изъ Звѣринца, при его расчисткѣ, разнаго рода деревъ болѣе чѣмъ на 5,000 куб. саженей.

Въ 1826 г. городъ украсился чугунными воротами, воздвигнутыми по повелѣнію Императора Николая Павловича, желавшаго сдѣлать тѣмъ пріятный сюрпризъ своей Родительницѣ ко дню ея рожденія—14-го октября.—Глу-

боко тронутая таковою внимательностью, Императрица повелѣла Павловскому Городовому Правленію:

— «Въ память сыновней любви, побудившей Императора, любезнѣйшаго моего сына, сдѣлать мнѣ удовольствіе сооруженіемъ у въѣзда въ Павловскъ чугунныхъ воротъ, которыя, бывъ изготовлены и подарены мнѣ въ день моего тезоименитства, поставлены на мѣсто ко дню моего рожденія, повелѣваю сіи ворота называть по имени Его Императорскаго Величества — Николаевскими воротами. [Подписано] «Марія».

Копіи съ этого повелѣнія были разосланы Городовымъ Правленіемъ служащимъ по вѣдомству Павловска чиновникамъ и мастерамъ, для объявленія подвѣдомственнымъ служителямъ, а также прочимъ жителямъ Павловска.

До 1820 г. Павловское Городовое Правленіе получало ежегодно на расходы: изъ казны Императрицы 80,000 руб. и изъ доходовъ съ Краснаго Села—40,000 руб.

Съ 1820 г. Павловску ежегодно отпускалось 140,000 р.

Эта сумма, отпускавшаяся на расходы по Павловску, ежегодно возрастала, и въ 1828 г. дошла до 300,000 руб. ассигн. При этомъ, собственно на содержаніе города Павловска, казенныхъ зданій, садовъ, оранжерей, каскадовъ, водопровода и фермы—шло 90,000 руб., составлявшихъ % съ $1\frac{1}{2}$ милліоннаго капитала, внесеннаго Императрицей въ банкъ на вѣчное обращеніе для содержанія Павловска; — содержаніе служащихъ и рабочихъ [послѣднихъ бывало иногда до 600 душъ] обходилось до 76,000 руб.—такъ какъ все, что ни дѣлалось въ Павловскѣ, то производилось за деньги, а не крѣпостнымъ трудомъ; одна, напримѣръ, заготовка дровъ и уголья для отопленія зданій обходилась свыше 60,000 руб. въ

годъ; особые расходы [выписка растеній и сѣмянъ для ботаническаго отдѣла сада, покупка разныхъ вещей и нѣкоторыя постройки]—10,000 рублей; наконецъ, на дѣла благотворенія—до 64,000 руб. въ годъ. Эта послѣдняя, столь крупная относительно всего бюджета, сумма состояла, между прочимъ, изъ слѣдующихъ главныхъ статей: содержаніе Маріинскаго Госпиталя,—24-хъ Собственныхъ Ея Императорскаго Величества Инвалидовъ,—содержаніе Церковнаго Инвалида,—крестьянамъ, отличившимся въ хозяйствѣ,—въ кружку госпитальной церкви,—въ пособіе недостаточнымъ жителямъ города Павловска,—разнымъ лицамъ въ ежегодную награду при отъѣздѣ изъ Павловска Августѣйшей его Владѣтельницы,—на покупку подарковъ,—разнымъ лицамъ въ пособіе по прошеніямъ при отъѣздѣ Маріи Ѳеодоровны изъ Павловска,—церковному причту Ѳедоровскаго посада за обученіе крестьянскихъ дѣтей, — крестьянамъ при поздравленіи Государыни съ новымъ годомъ [по одной этой статьѣ сумма была изрядная—800 руб.],—разнымъ лицамъ при вступленіи въ бракъ, погребеніи, пособія семьямъ при рожденіи дѣтей,—за убіеніе хищныхъ звѣрей, въ пособіе по разнымъ случаямъ и проч. и проч.

Обращаясь къ благотворительнымъ и учебнымъ заведеніямъ, возникшимъ при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ городѣ Павловскѣ, мы находимъ здѣсь, за время съ 1801-го по 1828-й годъ, нѣсколько таковыхъ учрежденій. Представляя вслѣдъ за симъ обзоръ оныхъ, считаемъ необходимымъ, прежде всего, упомянуть въ немъ о заботахъ Императрицы относительно сооруженной ею церкви св. Маріи Магдалины.

XVI

лаголѣпіе церкви Св. Маріи Магдалины было предметомъ постоянныхъ попеченій Императрицы. Эта церковь, снабженная богатыми священническими облаченіями, была, кромѣ того, украшена донынѣ находящимися въ ней сосудами и паникадиломъ, вызолоченными и сдѣланными изъ слоновой кости трудами самой Маріи Ѳеодоровны. Кромѣ того, внутренность храма, въ 1819 г., была украшена изящнымъ мавзолеемъ, воздвигнутымъ Государынею по правой стѣнѣ отъ входа, и посвященнымъ памяти князя Александра Борисовича Куракина [† 1818 г.]—сверстника дѣтскихъ лѣтъ и друга Императора Павла I въ его юности и въ зрѣломъ возрастѣ. Простая, но выразительная надпись на памятникѣ: «Другу супруга моего» свидѣтельствуетъ о трогательной признательности Маріи Ѳеодоровны къ памяти князя Куракина; монументы кн. Куракину и, слѣва отъ входа въ храмъ,—графу Никитѣ Ивановичу Панину донынѣ служатъ вещественными воспоминаніями о дѣтствѣ и отрочествѣ Павла I. Въ 1821 г. въ церкви воздвиглась третья гробница надъ тѣломъ погребеннаго въ церковномъ склепѣ—одного изъ воспитателей Императора Александра I—Николая Александровича Загряжскаго [род. 2-го апрѣля 1746, † 23-го іюля 1821 г.].

Въ 1809 г. надстроенъ второй этажъ къ церковнымъ флигелямъ, что̀ послужило къ просторнѣйшему и удоб-

нѣйшему помѣщенію «церковныхъ инвалидовъ» т. е. богадѣльни и госпиталя.

Лютеранская церковь св. Доротеи, построенная въ 1794 г., и школа при ней также пользовались пособіями отъ щедротъ Маріи Ѳеодоровны. Такъ, напримѣръ, при перестройкѣ церкви въ 1821 г., Императрицею отпущено изъ городскихъ суммъ 3,000 рублей.

Военный госпиталь, для войскъ расположенныхъ въ Павловскѣ, былъ самымъ обширнымъ изъ всѣхъ благотворительныхъ заведеній. Число кроватей было неопредѣлено; оно увеличивалось по мѣрѣ надобности, иногда достигая до 180-ти. Въ 1812 г. деревянное зданіе госпиталя, за ветхостію, было упразднено; больныхъ стали помѣщать въ Маріинскій госпиталь при церкви. Для увеличенія средствъ послѣдняго, къ суммѣ, ассигнованной на его содержаніе, присоединена была сумма, отпускавшаяся на военный госпиталь.

Маріинскій госпиталь — «учрежденіе, которымъ Павловскъ, въ полномъ смыслѣ слова, можетъ гордиться»—такъ отзывался о немъ еще въ 1808 г. одинъ изъ старѣйшихъ жителей города. Предназначенный для троякой цѣли и открытый обывателямъ обоего пола, этотъ госпиталь, во первыхъ, служилъ—на сколько дозволяло мѣсто—для пріема больныхъ всякаго рода недугами, всѣхъ безразлично, т. е. постоянныхъ жителей и пріѣзжихъ, людей вольныхъ и крѣпостныхъ. Во вторыхъ—при госпиталѣ находился безплатный пріютъ для бѣдныхъ рожекицъ и отдѣленіе изъ трехъ палатъ для неиз-

лечимо-больныхъ. Число кроватей въ 1810 г. было 36— изъ нихъ: 28 вообще для больныхъ, 2 для рожѣницъ и 6 для неизлечимыхъ. Вся обстановка госпиталя отличалась всѣми необходимыми удобствами.

Попеченіе о больныхъ возложено было на штабъ-хирурга и двухъ его помощниковъ. Послѣдніе поочередно находились на постоянномъ дежурствѣ; для родильницъ, при госпиталѣ, находилась повивальная бабка. Независимо отъ поданія помощи больнымъ, находившимся въ госпиталѣ, онъ открытъ былъ для приходящихъ за врачебнымъ совѣтомъ или лекарствами: то и другое подавалось безплатно. Пользующихся на собственныхъ квартирахъ бѣдныхъ обывателей Павловска врачъ обязанъ былъ посѣщать безвозмездно; лекарства имъ приносились на домъ изъ госпитальной аптеки. Въ такихъ же точно отношеніяхъ находилась къ бѣднымъ роженицамъ и повивальная бабка. На обязанность больничнаго врача также возложено было прививаніе дѣтямъ обывателей коровьей оспы. Императрица поручила городскому врачу употреблять всѣ зависѣвшія отъ него средства для убѣжденія родителей не уклоняться отъ спасительной мѣры предохраненія дѣтей отъ жестокаго и, весьма часто, смертельнаго недуга. Нѣкоторые изъ обывателей города и крестьяне непріязненно относились къ оспопрививанію, кроткія убѣжденія были безуспѣшны и еще въ первые годы текущаго столѣтія нерѣдко приходилось прививать оспу дѣтямъ на перекоръ волѣ ихъ родителей.

Между тѣмъ, благодѣтельныя послѣдствія оспопрививанія не замедлили оказаться: натуральная оспа, нѣсколько разъ, въ видѣ эпидеміи, свирѣпствовавшая въ сосѣднихъ деревняхъ, не проникала въ Павловскъ. Помимо оспопри-

ванія, къ сохраненію жизни и здоровья дѣтей были приняты еще и другія мѣры, при маломъ числѣ народонаселенія, возможныя и исполнимыя.

Бытъ рабочаго класса въ Павловскѣ, обращавшій на себя вниманіе Маріи Ѳеодоровны, представлялъ, какъ обыкновенно, неблагопріятныя для дѣтей санитарныя условія. Матери-поденщицы, уходя на работы, оставляли малолѣтнихъ дѣтей на попеченіи старшихъ братьевъ и сестеръ — шести, семилѣтнихъ ребятишекъ. Помимо вредныхъ послѣдствій подобнаго присмотра дѣтей за младенцами, т. е. всевозможныхъ увѣчій и ушибовъ—грудныя дѣти по цѣлымъ днямъ оставались безъ молока, чахли и заболѣвали. Городскому врачу повелѣно было Императрицею выдавать неимущимъ матерямъ съ грудными дѣтьми ежемѣсячное пособіе, въ такой соразмѣрности ихъ насущнымъ нуждамъ, чтобы онѣ не отлучались изъ дому ежедневно и на продолжительное время.

Помимо больницы, Павловскъ—самъ по себѣ—былъ съ 1807 г. пріютомъ для больныхъ дѣтей изъ Воспитательнаго дома, которымъ пребываніе въ мѣстности, отличающейся прекраснымъ, чистымъ воздухомъ, приносило большую пользу. Дѣтей размѣщали по обывательскимъ квартирамъ и по опустѣлымъ казармамъ.

Въ томъ же церковномъ зданіи, въ которомъ находилась больница, помѣщалась небольшая богадѣльня, основанная еще въ 1797 г., подъ названіемъ «Церковный Инвалидъ». Съ 1811 г. въ немъ содержалось: одинъ инвалидъ-офицеръ, 15 стариковъ и 5 вдовъ тѣхъ лицъ, которыя долговременно и безпорочно служили въ вѣдомствахъ

Павловска. Старикамъ и старухамъ дозволялось жить въ «Церковномъ Инвалидѣ» съ дѣтьми.

По штату назначено было на содержаніе «Церковнаго Инвалида» ежегодно три тысячи рублей изъ собственной казны Маріи Θеодоровны и въ обезпеченіе этого учрежденія положенъ былъ въ 1811 г. въ Сохранную Казну особый капиталъ; по увеличеніи его процентами, размѣръ пенсій церковнымъ инвалидамъ, съ 1822 г., былъ значительно увеличенъ.

Изъятія изъ правилъ положенія «Церковнаго Инвалида» допускались Императрицею всякій разъ, когда съ тѣмъ сопрягалось благосостояніе вдовъ или сиротъ. Такъ, въ сентябрѣ 1813 г., директоръ Павловска докладывалъ Маріи Θеодоровнѣ о вдовѣ сержанта Каратаевой, получавшей послѣ мужа 30 руб. пенсіи и выходившей вторично замужъ. Возникъ вопросъ: лишить ее пенсіи, или продолжать оную? Государыня написала собственноручно:

— «Quoique ce ne soit pas énoncé dans l'acte de la pension de la veuve Каратаевъ, parce qu' elle se marié elle perd la pension, mais c'est la règle générale; ainsi je ne pourrai plus la lui donner; mais comme je ne veux pas qu' elle la perde, Vous me demanderez l'argent de ma cassette aux termes que je le lui donnais ordinairement. Marie, le 2 Octobre 1813» *.

---

* «Хотя въ бумагѣ о пенсіи вдовы Каратаевой и не выражено, что она, выходя замужъ, лишается пенсіона, но таково общее правило и потому не могу производить ей пенсіи; но такъ какъ я не хочу, чтобы она ея лишилась, то вы имѣете испрашивать деньги изъ моихъ карманныхъ, въ тѣ сроки, въ которые я выдавала ей пенсіонъ обыкновенно. Марія, 2-го октября 1813 года».

Вдовые инвалиды женились вторично и въ третій разъ, на что предварительно испрашивали разрѣшеніе Императрицы. Одинъ изъ нихъ, лѣтъ семидесяти слишкомъ и собою очень некрасивый, подалъ лично прошеніе Маріи Ѳеодоровнѣ. Государыня дала дозволеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожелала списать съ него портретъ, подшучивая надъ этимъ женихомъ. Портретъ этотъ, писанный акварелью, какъ гласитъ преданіе, самою Императрицею, донынѣ сохраняется на Фермѣ въ письменномъ ея столѣ.

Окончаніе отечественной войны въ стѣнахъ Парижа въ 1814 г. внушило Маріи Ѳеодоровнѣ мысль ознаменовать это событіе учрежденіемъ въ Павловскѣ особаго благотворительнаго учрежденія, подъ названіемъ «Собственнаго Инвалида», о которомъ въ повелѣніи Маріи Ѳеодоровны, между прочимъ, постановлено:

—«Чтобы эта команда состояла изъ двадцати четырехъ человѣкъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, безъ ограниченія числа тѣхъ или другихъ чиновъ, подъ названіемъ «Собственные Инвалиды».

—«Въ эту команду принимать, по ихъ собственному желанію, нижнихъ чиновъ полковъ лейбъ-гвардіи, получившихъ отставку за выслугу узаконенныхъ лѣтъ, или уволенныхъ за ранами въ сраженіяхъ, отличившихся безпорочною и усердною службою, за свое поведеніе одобряемыхъ начальствомъ и предпочтительно имѣющихъ знаки отличія.

—«Инвалиды эти назначаются для надзора за благоустройствомъ и исправностью тѣхъ мѣстъ, къ которымъ будутъ опредѣлены директоромъ Павловска, съ утвержденія Императрицы.

— «Жалованье, въ размѣрѣ опредѣленномъ по штату, изъ собственной казны Государыни, выдается по третямъ года впередъ» и проч.

Тогда же поступили въ эту команду инвалиды изъ полковъ л.-гв. Преображенскаго, Семеновскаго, л.-гв. Артиллерійской бригады, Гвардейскаго Экипажа, л.-гв. Литовскаго, Гренадерскаго, Павловскаго, Финляндскаго, л.-гв. Драгунскаго и Коннаго полковъ. Изъ нихъ 11 человѣкъ помѣщены были въ Павловскѣ, а 10 — въ Гатчинѣ.

Въ 1817-мъ году отстроены для жительства «собственныхъ инвалидовъ» два флигеля, наименованные Монмартръ. Каждый флигель назначался для помѣщенія шести семействъ, четырехъ въ нижнемъ этажѣ и двухъ въ мезонинѣ. Въ слѣдующемъ 1818 г. строились еще два флигеля по тому же плану, какъ и два первые. Правленіе докладывало Императрицѣ о ходѣ работъ, испрашивая ея разрѣшенія на малѣйшія измѣненія въ планѣ. На одномъ докладѣ, препровожденномъ въ Москву, гдѣ находилась въ то время Марія Ѳеодоровна, Императрицею положена была слѣдующая резолюція:

— «Сіе должно быть ошибка, ибо не есть мое намѣреніе: рамы въ двухъ новыхъ домахъ должны точно такія быть, какъ въ построенныхъ въ прошломъ 1817-мъ году. Марія. Въ Москвѣ, марта 22-го дня 1818 года».

Входя, такимъ образомъ, во всѣ хозяйственныя мелочи, Государыня заботилась обо всѣхъ удобствахъ для жилья инвалидовъ Монмартра. Семейнымъ изъ нихъ даны были всѣ средства заниматься хозяйствомъ и притомъ въ широкихъ размѣрахъ: было отведено у водопровода обширное мѣсто подъ ихъ огороды, и проч.

Съ того времени и донынѣ, за исключеніемъ необхо-

димыхъ ремонтныхъ работъ, почти всѣ домики Монмартра сохраняютъ первобытный видъ. Жизнь «собственныхъ инвалидовъ», вполнѣ обезпеченная, обстановленная всѣми удобствами—при Маріи Өеодоровнѣ могла назваться особенно привольною. Самыя служебныя обязанности, возложенныя на ветерановъ—дежурство при садовыхъ зданіяхъ—были не только не обременительны, но прямо выгодны старикамъ, такъ какъ Государыня, постоянно удостоивавшая дежурныхъ ласковымъ привѣтомъ и разговоромъ, зачастую дарила ихъ при этомъ деньгами.

Щедро и радушно награждая заслуженныхъ ветерановъ, участниковъ въ великой борьбѣ Россіи съ полчищами Наполеона, Императрица сострадала и нашимъ недавнимъ врагамъ; такъ, напримѣръ, въ 1813 г. нѣсколько плѣнныхъ, преимущественно испанцевъ, волею и неволею послѣдовавшихъ за Наполеономъ въ Россію, были размѣщены въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, гдѣ Императрица облегчала, по возможности, ихъ положеніе. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, было двое дѣтей убитаго испанскаго офицера, мальчикъ и дѣвочка, которыхъ Государыня опредѣлила для воспитанія въ учебные классы С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома.

Въ 1819 г. князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, желая почтить память покойнаго брата своего, князя Александра Борисовича, подалъ Императору Александру I всеподданнѣйшее прошеніе о Высочайшемъ соизволеніи учредить въ Павловскѣ «Инвалидный домъ князей Куракиныхъ»,—на что Императоръ соизволилъ. Императрица Марія Өеодоровна, 6-го сентября 1819 г., повелѣла Павловскому Городовому Правленію: «назначивъ для зданія приличное мѣсто,—близь Церковнаго Инвалида и госпиталя,—

отвести мѣсто подъ помянутое строеніе, коль скоро князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ къ сооруженію онаго приступить пожелаетъ».

Намѣреніе князя А. Б. Куракина осуществилось *, но самое учрежденіе закрыто въ 1833 г., потому что наслѣдники кн. А. Б. Куракина прекратили отпускъ суммы на его содержаніе.

Народное училище, учрежденное въ первые же годы существованія Павловска, было доведено при Маріи Ѳеодоровнѣ до цвѣтущаго состоянія. 28-го марта 1802 г. публичный экзаменъ въ этомъ училищѣ засвидѣтельствовалъ какъ объ успѣхахъ учениковъ, такъ и о добросовѣстности преподавателей. Желая сколь возможно болѣе пріохотить крестьянъ къ отдачѣ дѣтей въ школу, Императрица въ 1814 г. повелѣла освобождать таковыхъ родителей отъ платежа положеннаго съ крестьянъ оброка. Оклады учителей были достаточны; такъ, учитель получалъ болѣе 600 руб. ассиг. въ годъ и имѣлъ квартиру со всѣмъ необходимымъ.

Въ августѣ 1823 года Правленіе докладывало Императрицѣ о необходимости ремонтныхъ исправленій въ весьма ветхомъ зданіи училища и о пристройкѣ къ оному квартиръ для учителя и двухъ вдовъ, на что по смѣтѣ требовалось 5,500 р. «Очень хорошо и съ благодарностью позволяю»—собственноручно написала на докладѣ Императрица, 19-го августа 1823 г. Въ маѣ 1824 г. учитель, занимавшій это мѣсто съ 1815 г., просилъ, по болѣзни, уволь-

---

* Выстроенный имъ домъ нынѣ принадлежитъ г. Трибаудино, у церкви св. Маріи Магдалины.

ненія. «Апробовано», отвѣчала Марія Θеодоровна на его просьбу—«а какъ онъ хорошій учитель былъ, выдать ему единовременно годовое по училищу жалованье изъ моей казны. 28-го мая 1824 г.».

Годичныя испытанія учениковъ и учеництъ, согласно первобытнымъ установленіямъ, происходили въ присутствіи членовъ Правленія и сопровождались раздачею подарковъ особенно прилежнымъ и благонравнымъ. По повелѣнію Императрицы, 19-го іюля 1824 г., въ поощреніе крестьянскимъ дѣтямъ, оказавшимъ успѣхи въ чтеніи, чистописаніи, законѣ Божіемъ и Священной исторіи, ежегодно выдавались — тремъ мальчикамъ и тремъ дѣвочкамъ—по три серебряныя ложки и по три таковые же креста.

Школа практическаго земледѣлія, основанная при Императорѣ Павлѣ I, при всей заботливости Государыни, не соотвѣтствовала тѣмъ ожиданіямъ, которыя возлагались на это полезное заведеніе. Въ 1803 г. въ распоряженіе школы, кромѣ уже принадлежавшаго ей участка земли у деревни Тярлевой, была отмежевана часть лѣса, къ той же мѣстности прилегавшаго. Недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ и, вслѣдствіе этого, безуспѣшность занятій немногочисленныхъ учениковъ, побудили Государыню къ упраздненію школы земледѣлія, занятія въ которой были прекращены въ 1804 г. Къ этому же времени относится закрытіе школы для пряжи шерсти, замѣненной школою для пряжи льна, подъ управленіемъ Георга Гутмана, которому для этого отведено было помѣщеніе въ казенномъ домѣ. Школа, на первый случай, учреждена въ скромныхъ размѣрахъ.

Императрица, въ сентябрѣ 1806 года, повелѣла Городовому Правленію предложить крестьянамъ Ѳедоровскаго посада и маймистскихъ деревень, не желаетъ-ли кто изъ нихъ отдать малолѣтнихъ своихъ дочерей «на обученіе къ нѣмцу». Желающихъ не оказалось и лишь долгое время спустя набралось только пять ученицъ; въ послѣдующіе годы это число утроилось и занятія въ школѣ шли довольно успѣшно. Въ 1810-мъ году школа переведена въ Гатчину; инструменты и полотно сданы на тамошнюю прядильную фабрику.

Въ 1806 г. Марія Ѳеодоровна возъимѣла благую мысль основать въ Павловскѣ новое, еще не бывалое въ Россіи, благотворительное учебное заведеніе—Училище глухонѣмыхъ. Мысль эта озарила разумъ и отозвалась въ сердцѣ Императрицы случайно и для нея самой неожиданно.

Лѣтомъ 1806 г. въ Павловскѣ, въ семействѣ генералъ-лейтенанта Ахвердова, воспитателя Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, жилъ племянникъ его супруги, сынъ генералъ-маіора Меллера — Александръ, глухонѣмой мальчикъ. Въ одну изъ прогулокъ съ племянникомъ по парку, Екатерина Борисовна Ахвердова встрѣтила Императрицу Марію Ѳеодоровну. Государыня удостоила г-жу Ахвердову разговора и узнавъ отъ нея, что племянникъ глухонѣмой и что въ семействѣ его отца, изъ шести дѣтей, два сына и дочь родились глухонѣмыми,— задумалась и съ свойственнымъ ей состраданіемъ сказала:

— «За границею на участь подобныхъ дѣтей давно уже обращено вниманіе правительства; тамъ, для образованія ихъ, учреждены спеціальные институты; а

у насъ, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи ничего еще не сдѣлано».

— «При этомъ,—пишетъ г. Ал. Меллеръ,—Императрица, потрепавъ меня по щекѣ, дала мнѣ нѣсколько конфектъ, которыя она во время обычныхъ прогулокъ всегда имѣла при себѣ для раздачи дѣтямъ. Продолжая разговаривать съ моею теткою, Императрица предложила, чрезъ нее, моимъ роднымъ отправить меня вмѣстѣ съ братомъ Ея Величества, герцогомъ Виртембергскимъ, за границу для поступленія въ институтъ глухонѣмыхъ; но мои родные не рѣшились разстаться со мною и, выразивъ благодарность, отказались принять великодушное предложеніе Ея Величества. Этимъ дѣло и окончилось. На слѣдующій день я опять, прогуливаясь въ саду съ теткою, встрѣтилъ Императрицу. Она подозвала къ себѣ мою тетку и сказала ей слѣдующія, знаменательныя слова:

—«Вашъ племянникъ не далъ мнѣ цѣлую ночь уснуть; я до утра думала объ участи его и подобныхъ ему дѣтей, и сегодня, лишь только одѣлась, послала за секретаремъ Вилламовымъ и поручила ему выписать изъ-за границы одного изъ болѣе извѣстныхъ профессоровъ, чтобъ учредить въ Петербургѣ училище глухонѣмыхъ, въ которое и будутъ первыми помѣщены дѣти вашего брата».

—«Тронутая до слезъ выраженіемъ такой милости, тетка моя, передавъ мнѣ эту радость, бросилась благодарить и цѣловать руку Императрицы. Воля Ея Величества была необыкновенно скоро исполнена. Патеръ Сикардъ-Сигмундъ не замедлилъ прибыть изъ Польши и первоначальное училище глухонѣмыхъ было имъ устроено въ Павловскѣ, въ зданіи крѣпости Маріенталь».

Первоначальный планъ «опытнаго училища глухонѣмыхъ»—апробованный Императрицею въ Гатчинѣ 14-го октября [день рожденія Ея Величества] 1806 г., былъ слѣдующій: училище учреждено было, на первый случай, на двѣнадцать человѣкъ обоего пола, т. е. шесть мальчиковъ и шесть дѣвочекъ; на содержаніе училища опредѣлено было къ ежегодному отпуску по 4,500 руб., изъ собственныхъ доходовъ Государыни. Изъ этой суммы, по штату, 4,100 руб. назначены были на жалованье и на содержаніе пищею и одеждою и проч., полагая всѣхъ 12-ть дѣтей изъ питомцевъ Воспитательнаго дома, дѣтей нижнихъ чиновъ, служителей и разночинцевъ; а изъ суммы, опредѣленной на чрезвычайные расходы, прибавлялось къ штатному положенію, на содержаніе могущихъ быть «благородныхъ» пансіонеровъ. Въ число помянутыхъ 12-ти дѣтей опредѣлено было принять, на первый случай, благородныхъ пансіонеровъ двоякаго рода: 1) пользующихся отъ училища, кромѣ ученія, только столомъ и постелью, и 2) снабжаемыхъ сверхъ того платьемъ и бѣльемъ отъ училища.

«Благороднымъ» пансіонерамъ полагалась особенная спальная камера, разумѣется, для каждаго пола отдѣльная. Во время ученія ученикамъ и ученицамъ положено было находиться хотя и въ одномъ покоѣ, но за разными столами.

Весь остатокъ отъ суммы, на содержаніе училища опредѣленной, повелѣно было, по представленіи годоваго отчета, съ Высочайшаго утвержденія, вносить на приращеніе въ Сохранную Казну Воспитательнаго дома, для составленія со временемъ училищу собственнаго капитала.

Александръ Меллеръ и братъ его поступили первыми

учениками въ это заведеніе, въ 1807 г. Къ нимъ вскорѣ присоединились еще два мальчика и пять дѣвочекъ; всѣхъ учащихся было девять человѣкъ. Починъ въ организаціи училища принадлежитъ патеру Сигмунду, который трудами своими, знаніемъ дѣла и педагогическою опытностію съумѣлъ вполнѣ оправдать ожиданія Императрицы, постоянно слѣдившей за успѣхами воспитанниковъ, и когда Меллеръ, въ довольно короткое время, успѣлъ выучиться читать и писать, даже произносить нѣкоторыя слова, Государыня обратила особое вниманіе на его успѣхи и прислала ему въ награду золотые часы. Меллеръ оставался въ училищѣ до 1812 г. и по окончаніи образованія, уже дома, въ 1817 г. былъ принятъ на службу въ Собственную канцелярію Императрицы [нынѣ IV-ое Отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи] и по выслугѣ 39-ти лѣтъ, въ 1856 г. уволенъ съ пенсіею; [въ 1877 г. онъ лично подтвердилъ пишущему эти строки все здѣсь о немъ изложенное]. Кромѣ этого перваго ученика училища глухонѣмыхъ, оно, въ теченіе болѣе семидесятилѣтняго своего существованія, дало государственной службѣ и обществу много полезныхъ людей.

Чтобы по достоинству оцѣнить благотворное значеніе Училища глухонѣмыхъ для государства и общества, достаточно сказать, что до его основанія у насъ, въ Россіи, эти люди, обдѣленные природою, были чуть не отверженцами общества, а въ простомъ народѣ существовало нелѣпое мнѣніе, будто, при отсутствіи слуха и дара слова, глухонѣмые лишены и умственныхъ способностей.

Училище глухонѣмыхъ находилось въ Павловской крѣпости до 1810 г.; послѣ того оно было переведено въ Пе-

тербургъ, сперва на Выборгскую сторону, во Вдовій домъ [нынѣ на его мѣстѣ Михайловское артиллерійское училище], а затѣмъ въ собственный домъ, гдѣ находится и понынѣ, на Гороховой улицѣ, у Краснаго моста.

Въ ноябрѣ 1815 г. на мѣсто главнаго садоваго мастера былъ переведенъ въ Павловскъ изъ Гатчины извѣстный въ свое время ученый ботаникъ Иванъ Андреевичъ Вейнманъ. Въ 1816 году онъ представилъ на благоусмотрѣніе Императрицы предположенія объ учрежденіи въ Павловскѣ училища ботаники и садоводства, для обученія этимъ предметамъ питомцевъ Воспитательнаго дома. Курсъ обученія назначенъ былъ четырехъ-лѣтній.

Проектъ Вейнмана былъ утвержденъ Императрицею, 24-го марта 1816 г. И затѣмъ, во исполненіе состоявшагося Высочайшаго повелѣнія, въ московскомъ и с.-петербургскомъ Воспитательныхъ домахъ выбраны въ каждомъ по шести воспитанниковъ свѣдущихъ въ латинскомъ, нѣмецкомъ языкахъ и географіи, и желающихъ посвятить себя ботаникѣ и садовому искусству. Таковыхъ учениковъ приказано было снабдить всѣмъ необходимымъ.

Окончившимъ совершенно ученіе, по свидѣтельству садоваго мастера Вейнмана, и оказавшимъ по испытаніи достаточныя познанія для вступленія въ должность, положено было выдавать денежныя награжденія изъ процентовъ съ капиталовъ, находящихся въ обѣихъ Сохранныхъ Казнахъ и назначенныхъ на награжденіе отличающихся питомцевъ, и обыкновенныя «вѣчноувольнительныя свидѣтельства». Разумѣется, что выпускъ не могъ послѣдовать прежде достиженія ими узаконеннаго совершеннолѣтія; а «вѣчныя» свидѣтельства выдава-

лись имъ не прежде какъ при выпускѣ, хотя бы совершеннолѣтіе ученика настало и ранѣе сего срока.

Воспитанники, по выпускѣ, были обязаны, въ теченіе первыхъ шести лѣтъ, служить по своему званію въ Императорскихъ садахъ, или другихъ казенныхъ сего рода заведеніяхъ.

Такимъ образомъ въ маѣ 1816 г. открыто въ Павловскѣ училище ботаники и садоводства.

Занятія воспитанниковъ шли на столько успѣшно, что они удостоивались получать значительныя денежныя награды, отъ 150 до 300 рублей. Деньги эти, по распоряженію Императрицы, на руки ученикамъ не выдавались, а ихъ помѣщали на имена отличившихся въ Сохранную Казну.

Въ 1819 г. ботаническая школа была переведена въ Гатчину, въ Павловскѣ же оставлено ея отдѣленіе, для четырехъ питомцевъ. Курсъ ученія былъ сокращенъ на два года. Причина перемѣщенія заключалась въ томъ, что «въ Гатчинѣ»—какъ выражено было въ Высочайшемъ повелѣніи—«болѣе удобности имѣется въ разсужденіи содержанія фруктовыхъ деревъ и растеній».

Отдѣленіе ботанической школы существовало въ Павловскѣ до 1827 г. и затѣмъ было упразднено. Питомцевъ, приготовляемыхъ къ званію ботаническихъ садовниковъ, повелѣно было отдавать впредь въ учрежденный на Аптекарскомъ островѣ Императорскій Ботаническій садъ.

Кромѣ четырехъ питомцевъ, обучавшихся въ Павловскѣ ботаникѣ и садоводству, здѣсь же, съ 1819 года, подъ вѣдѣніемъ инженеръ-полковника Голле, имѣвшаго надзоръ за гидравлическими сооруженіями, находились четыре питомца, обучавшіеся гидравликѣ. Ихъ содержаніе, награ-

XVII

ды и права, по окончаніи курса, были соотвѣтственно тѣ же, какія предоставлялись ботаническимъ ученикамъ.

Послѣднимъ благотворительнымъ учрежденіемъ въ Павловскѣ, на которое въ 1827—1828 годахъ было обращено вниманіе Императрицы, можетъ назваться проектированное ею «благотворительное и учебное заведеніе въ память Императора Александра Павловича». Желаніе Императрицы основать это учрежденіе, за послѣдовавшею въ 1828-мъ году кончиною Ея Величества, не осуществилось.

Въ пребываніе Государыни въ Павловскѣ ей подавали ежедневно множество прошеній; зимою съ таковыми обращались въ Городовое Правленіе. Въ архивахъ послѣдняго просьбы о пособіяхъ составляютъ цѣлые фоліанты. Отказы были рѣдки, а ходатайства Правленія удовлетворялись всегда; при этомъ утверждая выдачу пособія кому либо изъ бѣдныхъ обывателей Павловска, Марія Ѳеодоровна очень часто писала: «съ удовольствіемъ», «охотно», «апробовано», «справедливо» и т. п. Директоръ Павловска входилъ съ докладами о пособіяхъ неимущимъ даже въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ. Такъ, у жены одного плотника пала корова; хозяйка подала просьбу въ Правленіе, и, по докладу послѣдняго, Государыня приказала выдать бѣдной женщинѣ отличную корову съ собственной фермы. При денежныхъ пособіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, Марія Ѳеодоровна увеличивала сумму, испрашиваемую Правленіемъ для неимущихъ. Случалось и такъ—просителю, по положенію того или другаго учрежденія, слѣдовала опредѣленная сумма: не желая нарушать закона, Императрица назначала ее, но при этомъ прилагала къ ней еще другую, изъ собственной казны.

Однако же, при всей своей неистощимой щедрости и всегдашней готовности помогать бѣднымъ, Марія Ѳеодоровна иногда бывала вынуждаема принимать мѣры къ ограниченію числа просьбъ, которыми ее утруждали; такъ, Государыня, въ сентябрѣ 1820 г., повелѣла Правленію: «изъ числа подаваемыхъ въ Павловскѣ прошеній, представлять немедленно только тѣ, которыя подаются отъ стариковъ и старухъ 65 или 70 лѣтъ, или по смертному случаю, пожару, или другому несчастью; также отъ крестьянъ вѣдомства Павловскаго Городоваго Правленія о пособіи на покупку скота, построеніе дома и т. п.». Всѣ прочія прошенія о пособіяхъ «по бѣдности» приказано скоплять и разомъ подавать Государынѣ 15-го августа, чрезъ директора Павловска, съ надлежащими справками.

Въ распоряженіи Павловскаго Городоваго Правленія постоянно находилась нѣкоторая сумма, для выдачи пособій неимущимъ жителямъ города. 9-го апрѣля 1826 г., для вспомоществованія обывателямъ Павловска учрежденъ особый капиталъ, основаніемъ которому послужила сумма, сбереженная отъ постройки разныхъ зданій, всего десять тысячъ руб., который былъ внесенъ для приращенія въ Сохранную Казну, подъ названіемъ Павловскаго вспомогательнаго капитала. Изъ ежегодныхъ процентовъ, 500 руб., было повелѣно выдавать «бѣднѣйшимъ жителямъ г. Павловска заимообразно, безъ процентовъ, но съ залогомъ или съ поручительствомъ, пособія на покупку коровъ, лошадей, или на другія домашнія потребности, срокомъ на одинъ годъ, или на два года, смотря по количеству ссуды и состоянію получающихъ, на одно семейство не болѣе однако ста рублей. Когда проценты возрастутъ

*

до тысячи рублей и болѣе, то выдавать пособія безъ процентовъ и на постройку домовъ, отъ двухсотъ до пятисотъ руб., но не болѣе, на одно семейство, съ достаточнымъ залогомъ или поручительствомъ, срокомъ не далѣе какъ на три года». О каждомъ такомъ просимомъ или назначенномъ директоромъ пособіи выше ста руб.—представлять на утвержденіе Государынѣ; въ концѣ же года, съ прочими годовыми отчетами, показывать особою статьею состояніе сего вспомогательнаго капитала и о розданныхъ пособіяхъ, а по «умноженіи капитала, можно [новое] расположеніе сдѣлать для распространенія пособій».

Очеркъ исторіи города Павловска, за время Императрицы Маріи Ѳеодоровны, былъ бы не полонъ безъ нѣкоторыхъ выдержекъ изъ его скромныхъ лѣтописей. Эти выдержки, знакомя съ бытомъ обывателей, могутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить дополненіемъ перечня хозяйственныхъ и административныхъ распоряженій Государыни, всегда клонившихся или къ благоустройству города, или къ благосостоянію его жителей.

Въ 1811 г. въ Петербургѣ при Воспитательномъ домѣ открытъ былъ Повивальный институтъ. Немедленно, по повелѣнію Императрицы, обыватели Павловска были оповѣщены о томъ: нѣтъ ли между ними желающихъ отдать взрослыхъ дочерей на обученіе повивальному искусству во вновь открытое учебное заведеніе? Такое же точно оповѣщеніе было сдѣлано 15-го ноября 1819 г. На милостивыя приглашенія Императрицы отозвались немногіе, частію по странному предубѣжденію къ званію акушерки, частію не сознавая выгодъ, ожидавшихъ въ будущемъ учениц Повивальнаго института; но спустя нѣсколько лѣтъ, стало поступать много

просьбъ отъ обывателей Павловска о принятіи ихъ дочерей въ это заведеніе; просителями были лица разныхъ сословій и въ числѣ ихъ были и тѣ, которые сначала уклонились отъ пользованія милостями Императрицы, Ея Величествомъ предложенныхъ.

Съ 1812 г., планы и фасады обывательскихъ домовъ, какъ перестраиваемыхъ, такъ и предположенныхъ къ постройкѣ, представлялись на утвержденіе Императрицы. При этомъ Государыня принимала во вниманіе средства домовладѣльца и, по врожденному сочувствію къ бѣднымъ, всегда оказывала имъ пособія. Но одними пособіями Государыня не ограничивалась: ей было извѣстно, что многіе изъ домовладѣльцевъ, преимущественно простаго званія, отдѣлывали свои дома, расчитывая на лѣтнихъ жильцовъ, пріѣзжихъ изъ столицы. Расчеты эти, при неудобствахъ сообщенія между Павловскомъ и Петербургомъ, были довольно сомнительны. Желая привлечь столичныхъ жителей къ переселенію ихъ на лѣтнее время въ Павловскъ, Императрица повелѣла, съ 1813 г., ежегодно, весною, печатать въ газетахъ отъ Городоваго Правленія публикаціи о вызовѣ желающихъ нанимать дачи. Эти публикаціи возобновлялись ежегодно до 1820-хъ годовъ. Такъ, напримѣръ, въ маѣ 1818 г. въ академическихъ вѣдомостяхъ, на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, читаемъ слѣдующее офиціальное объявленіе:

— «Во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны соизволенія, отъ Павловскаго Городоваго Правленія почтенной публикѣ объявляется, что желающіе имѣть пребываніе въ нынѣшнее лѣтнее время въ Павловскѣ могутъ

имѣть у обывателей удобные домы и пользоваться гуляньемъ въ садахъ пѣшкомъ, ѣздить верхомъ и въ экипажахъ по тѣмъ дорожкамъ, гдѣ обыкновенный проѣздъ бываетъ».

Выше перечислены лишь нѣкоторыя благотворительныя распоряженія Августѣйшей Основательницы Павловска на пользу жителей этого города, но и сказаннаго довольно, чтобы понять тѣ чувства преданности, съ которыми пребывали они къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Чувства преданности жителей Павловска къ его Августѣйшей Владѣтельницѣ особенно живо выразились въ тотъ достопамятный для Россіи годъ, когда Императрица была обрадована рожденіемъ внука, Великаго Князя, нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича. 24-го апрѣля 1818 г. въ Павловскѣ получено было извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, въ Москвѣ, 17-го апрѣля, Великой Княгини Александры Ѳеодоровны сыномъ, нареченнымъ Александромъ. По отслуженіи въ церкви св. Маріи Магдалины молебствія, жители Павловска просили тогдашняго директора В. И. Ребиндера о принесеніи отъ нихъ поздравленія Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Это поздравленіе выражено было въ адресѣ—явленіи въ описываемое время малообычномъ.

— «Вожделѣннѣйшее событіе сіе»—сказано было въ адресѣ горожанъ Павловска—«преисполнило сердца всѣхъ и каждаго неизъяснимою радостью и благоговѣйною признательностью Промыслу, толико благодѣтельствующему

Россіи и славно царствующему въ ней Дому. Молимъ Всевышняго, да ниспошлетъ новорожденному Августѣйшему младенцу миръ, здравіе и долголѣтіе! Да продлитъ на вѣчныя времена благоденствіе торжествующаго нашего Отечества и благословенной Высокой фамиліи Вашего Императорскаго Величества».

Отвѣтъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ 2-го мая 1818 г., былъ объявленъ чрезъ полиціймейстера всѣмъ обывателямъ Павловска; писанный на имя директора города, онъ состоялъ въ слѣдующемъ:

— «Пріемля съ особеннымъ удовольствіемъ принесенное отъ васъ, сотрудниковъ вашихъ и жителей всѣхъ сословій города Павловска поздравленіе и сопровождающія оное чувствованія, по случаю рожденія моего Внука, мнѣ пріятно изъявить вамъ за сіе мою совершенную благодарность, которую прошу отъ имени моего объявить и всѣмъ тѣмъ лицамъ и сословіямъ, кои съ толикимъ усердіемъ участвовали въ принесеніи мнѣ поздравленія».

Осенью того-же 1818 г. Городовое Правленіе, въ виду нѣсколькихъ случаевъ кражъ, вызвало изъ Петербурга жандармскую команду для разъѣздовъ по саду и по городу. Получивъ о томъ извѣстіе, Императрица сдѣлала выговоръ директору за то, что охраненіе города не было довѣрено лейбъ-гусарамъ, квартировавшимъ въ Павловскѣ, на которыхъ немедленно и была возложена эта обязанность. Императрицѣ было непріятно вмѣшательство иногородной полицейской власти при водвореніи порядка въ ея городѣ, въ которомъ при томъ находилась

часть гвардейскаго полка: лучшихъ охранителей, по мнѣнію Императрицы, не могло и не должно было быть для милаго Ея Величеству Павловска.

Другимъ, еще того непріятнѣйшимъ событіемъ, было происшествіе кровавое, встревожившее весь городъ. 24-го марта 1819 г. крѣпостные люди поручика лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Грота убили его управителя, итальянца Мореля. Убійцы должны были быть подвергнуты наказанію на мѣстѣ преступленія, но Императрица Марія Ѳеодоровна выразила нежеланіе, чтобы экзекуція происходила въ предѣлахъ Павловска, и преступники понесли заслуженное наказаніе въ Софіи.

12-го и 13-го мая 1820 г. былъ пожаръ въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ. Мастеровые города Павловска и крестьяне Ѳеодоровскаго посада поспѣшили на мѣсто несчастія и принимали въ тушеніи дѣятельное посильное участіе. Императоръ Александръ I приказалъ выдать имъ денежную награду. Этотъ пожаръ побудилъ Городовое Правленіе озаботиться правильнымъ устройствомъ пожарной команды изъ самихъ обывателей. Принадлежности для тушенія пожаровъ: бочки, багры, топоры, лѣстницы и т. п. должны были находиться въ нѣкоторыхъ обывательскихъ домахъ обѣихъ частей города (въ первой было таковыхъ 31 д., во второй—47 домовъ). Съ 1825 г. домовладѣльцы должны были означать на жестяныхъ доскахъ надъ воротами, какіе именно огнегасительные снаряды находятся при ихъ дворахъ.

30-го апрѣля 1821 г. въ городѣ была учреждена еже-

дневная почта между Павловскомъ, Царскимъ Селомъ и С.-Петербургомъ. Отправка ея производилась только въ лѣтнее время, съ 1-го мая по 1-е ноября, о чемъ объявлено было «публикѣ города Павловска».

Всеобщее сочувствіе Европы и Россіи къ Греціи и христіанскимъ обитателямъ Европейской Турціи, въ 1821 г., подвергавшимся всѣмъ ужасамъ деспотическаго насилія и истинно мусульманскаго звѣрства, нашло себѣ отголосокъ и въ Павловскѣ. Въ сентябрѣ 1821 г. въ церкви св. Маріи Магдалины былъ читанъ Высочайшій указъ о разрѣшеніи сбора добровольныхъ пожертвованій въ пользу грековъ, молдаванъ и для выкупа христіанъ, взятыхъ въ плѣнъ турецкими войсками. Пожертвованій отъ жителей Павловска поступила скромная сумма въ 367 руб., которая, однако, была тѣмъ болѣе богоугоднымъ приношеніемъ, что состояла изъ трудовыхъ грошей, которыми люди небогатые дѣлились съ несчастными. Подписка была возобновлена въ Павловскѣ въ 1823 г. и точно также оказалась не безплодна.

29-го іюля 1825 г., по повелѣнію Императрицы, составлена была общая перепись всѣхъ обывательскихъ домовъ и незастроенныхъ мѣстъ въ Павловскѣ. Домовъ оказалось 182, считая при этомъ всѣ казенныя и служебныя помѣщенія, пустопорожнихъ мѣстъ 17, которые были розданы, но оставались еще не застроенными. Цифра домовъ не совсѣмъ мала, если только принять въ соображеніе, что, еще за сорокъ восемь лѣтъ передъ тѣмъ, на мѣстѣ Павловска были двѣ убогія деревушки, окруженныя глухими лѣсными чащами.

— «Всевышнему было угодно поразить Насъ новымъ страшнымъ ударомъ»,—такъ возвѣщено было Россіи въ 1828 г., въ манифестѣ, о кончинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны,—«болѣзнь слабая въ началѣ и внезапно усилившаяся, 24-го октября, въ два часа по полуночи, положила конецъ ея драгоцѣнной жизни, коей всѣ минуты были посвящены исполненію обязанностей высокой добродѣтели»... и далѣе: «да успокоитъ Господь на лонѣ Своемъ Ея кроткую душу, бывшую вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей»....

Кончина Императрицы Маріи Ѳеодоровны, оплаканная Царствующимъ домомъ, а съ нимъ и всею Россіею, была для Павловска особенно тяжкимъ ударомъ; онъ осиротѣлъ, лишившись Матери доброй, чадолюбивой, заботливой о всѣхъ бѣдныхъ, страждущихъ и сирыхъ. Но зато на долю Павловска, изъ всѣхъ городовъ Имперіи, выпалъ жребій—уже въ теченіе полъ вѣка, безъ сомнѣнія, и многихъ грядущихъ вѣковъ,—быть живымъ памятникомъ покойной Императрицы. Нигдѣ воспоминаніе о Маріи Ѳеодоровнѣ не представляется столь живо, нигдѣ оно такъ внятно не говоритъ душѣ посѣтителя, какъ въ этомъ красивомъ городкѣ и въ его очаровательныхъ садахъ и паркѣ.

Въ вѣдѣніи Павловскаго Городоваго Правленія состояли приписанныя къ городу Павловску слѣдующія русскія и чухонскія [маймистскія] деревни: Ѳедоровскій посадъ, Глинка, Новая Вѣсь, Липицы, Тярлева и Глазова. Для всѣхъ этихъ деревень вообще, и для каждой въ особенности, Августѣйшею Владѣтельницею Павловска сдѣлано много для благосостоянія крестьянъ. Оброкъ, никогда не превышавшій 10 руб. ассиг. съ души, почти всегда разсрочивался; пособія на постройку избъ, на покупку домашней скотины, на покупку сѣмянъ при неурожаяхъ, выдавались щедрою рукою.

Рисунокъ на этой страницѣ: Обелискъ въ Новой Сильвіи.

На Павловское Городовое Правленіе возложено было, между прочимъ, наблюденіе за справедливымъ распредѣленіемъ общественныхъ повинностей и исполненіемъ таковыхъ со стороны крестьянъ; наблюденіе за сборомъ денежныхъ суммъ на мірскія надобности; собраніе свѣдѣній о хозяйственномъ состояніи имѣнія и стараніе о лучшемъ его устройствѣ; попеченіе о скорѣйшемъ производствѣ и окончаніи дѣлъ о крестьянахъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ; наконецъ, справедливое и безпристрастное рѣшеніе случающихся между крестьянами споровъ.

Какъ «помѣщица»—Императрица Марія Θеодоровна никогда не ставила интересовъ своихъ крестьянъ ниже собственныхъ. Злоупотребленія сельскихъ властей подвергались справедливому взысканію, и Государыня была защитницею правъ крестьянина отъ притѣсненій его же собрата, избраннаго міромъ въ головы или въ старосты, но не оправдывавшаго иногда довѣрія односельцевъ. Слѣдующій обзоръ ея распоряженій, относительно крестьянъ, свидѣтельствуетъ о заботахъ Императрицы, клонившихся къ ихъ благосостоянію.

Заботы о сбереженіи здоровья крестьянъ—отъ колыбели до преклонной старости—не покидали Императрицу до ея послѣдней минуты.

—«Для отвращенія единожды навсегда отъ дѣтей въ моихъ вотчинахъ опасности отъ натуральной оспы, угрожающей еще иногда ихъ жизни, какъ и нынѣ тому оказался примѣръ въ Красномъ Селѣ, повелѣваю впредь»—писала Государыня, 21-го іюня 1811 г., Правленію—«всѣмъ безъ изъятія дѣтямъ, въ вѣдомствѣ Павловскаго Городоваго Правленія состоящимъ, по рожденіи ихъ, не позже какъ чрезъ шесть недѣль, буде какая тому болѣзнь не

препятствуетъ, прививать коровью оспу непремѣнно, и въ еженедѣльно подаваемыхъ мнѣ вѣдомостяхъ показывать число какъ рожденныхъ въ теченіе недѣли дѣтей, такъ и тѣхъ, коимъ привита коровья оспа, такъ, чтобы впредь въ вѣдомствѣ сего Правленія не было уже никогда ребенка старѣе шести недѣль, коему бы не была привита коровья оспа; если-же въ первый разъ не пріимется, то повторять прививаніе, покуда настоящее дѣйствіе воспослѣдуетъ; а медицинскимъ чинамъ подтвердить, чтобы для сего имѣли всегда достаточное количество хорошей оспенной матеріи и при прививаніи наблюдали бы надлежащую осторожность и стараніе, дабы постороннія причины не препятствовали хорошему успѣху прививанія».

Въ Ѳедоровскомъ посадѣ и во всѣхъ приписанныхъ къ Павловску русскихъ и маймистскихъ деревняхъ учреждены были вспомогательныя кассы или, какъ тогда называли ихъ, «казна для бѣдныхъ».

Помимо вкладовъ Императрицы, пожалованныхъ въ основной капиталъ, онъ долженъ былъ образоваться изъ сборовъ съ крестьянъ—въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Сборы эти состояли изъ штрафныхъ суммъ и изъ платежа, вносимаго за билеты отлучавшимся изъ селеній на промыслы или на работы.

При выдачѣ пособій повелѣно было строго соблюдать, чтобы таковое оказываемо было дѣйствительно нуждающимся; чтобы добропорядочные хозяева имѣли на то преимущественное право; чтобы, впредь до накопленія суммы, пособія выдавались только на покупку скота, на заведеніе земледѣльческихъ орудій и другія мелочныя издержки. Сѣмена на посѣвы выдавались изъ запасныхъ магазиновъ. Высочайше пожалованныя

суммы на постройку новыхъ домовъ опредѣлено было выдавать на прежнемъ основаніи.

Деньги изъ кассъ постановлено было выдавать заимообразно на срокъ, назначая таковой по состоянію заемщика. Мірское общество ручалось за исправный взносъ. Сверхъ капитальной суммы повелѣно было взыскивать по прошествіи года по 6% съ занятой суммы; остатки отсылать, чрезъ Правленіе, въ Сохранную Казну для приращенія процентами, а билетъ оной хранить въ Сельскомъ Приказѣ. Сельская вспомогательная казна назначена оставаться вѣчно собственностью вѣдомства поселянъ.

Должно замѣтить, что Императрица, оказывая денежныя вспоможенія крестьянамъ, или недостаточнымъ обывателямъ г. Павловска, указывала всегда на благодѣтельное учрежденіе Сохранной Казны, съ назначеніемъ которой, какъ городскіе обыватели, такъ и крестьяне, почти еще не были знакомы.

Запасные хлѣбные магазины, учрежденные во всѣхъ деревняхъ вѣдомства г. Павловска, были несомнѣнно благодѣяніемъ для крестьянъ; однако же, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неудобствъ, обнаружившихся на практикѣ, это учрежденіе въ 1820 г. было существенно преобразовано и замѣнено иными вспомогательными мѣрами, болѣе цѣлесообразными. Значительное количество хлѣба въ запасныхъ магазинахъ Ѳедоровскаго посада, русскихъ и маймистскихъ деревень, не будучи выдаваемо заимообразно крестьянамъ, неминуемо подвергалось порчѣ. Вслѣдствіе этого было признано болѣе полезнымъ: оставя въ наличности опредѣленную часть запасовъ, остальную продать, дабы вырученная сумма современемъ

составила капиталъ для вспоможенія крестьянамъ въ домашнемъ ихъ быту, или въ торговыхъ оборотахъ. Это предположеніе отдано было на соображеніе крестьянъ. Они отвѣчали единодушнымъ согласіемъ: Ѳедоровскіе ограничили количество наличнаго запаса 100 четвертями; маймистскіе-же крестьяне—третьею долею наличнаго въ магазинахъ количества. Императрица Марія Ѳеодоровна постановила на докладѣ о семъ слѣдующее рѣшеніе:

—«Какъ сія мѣра основана на собственномъ рѣшеніи крестьянъ и я нахожу ее для нихъ полезною, то апробована, а по исполненіи донести и каждый годъ доносить о состояніи и употребленіи сей суммы. Марія. Въ С.-Петербургѣ, 7-го декабря 1820 г.».

Помимо приращенія крестьянскихъ капиталовъ вкладами суммъ отъ продажи излишнихъ хлѣбныхъ запасовъ, вспомогательныя кассы ежегодно увеличивались опредѣленными суммами, которыя выдавались крестьянамъ Маріею Ѳеодоровною за подносимую ими «хлѣбъ-соль» при ея прибытіи въ Павловскъ. Крестьяне Ѳедоровскаго посада и русскихъ деревень получали 300, а маймистскихъ селеній—150 руб.

Сѣнокосами и выгонами крестьяне пользовались безвозмездно по окрестностямъ Павловска. При всемъ желаніи поощрять лицъ, желавшихъ строиться на свободныхъ участкахъ земли, Государыня отказывала нѣкоторымъ, чтобы не лишать крестьянъ ихъ выгоновъ. Такъ, въ 1825 г., фабрикантъ Кроме просилъ объ отведеніи ему земли, для плантацій цикорія, но просьба его была отклонена, «ибо вся свободная земля отдана подъ выгонъ для скота жителей».

Размѣръ годичнаго оброка съ крестьянина Павловскихъ деревень, не превышая при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ десяти руб. ассигнаціями, въ томъ же размѣрѣ остался до настоящаго времени. При столь ничтожномъ оброкѣ и при множествѣ всевозможныхъ выгодъ, обставлявшихъ бытъ крестьянина полнымъ довольствомъ, весьма понятнымъ дѣлается слѣдующее явленіе въ вотчинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны: въ то время, когда завѣтнымъ желаніемъ зажиточнаго крестьянина во всей Россіи было выписаться изъ своего сословія въ мѣщане или купцы,—въ деревняхъ Маріи Ѳеодоровны случалось совершенно противное: мѣщане и вообще люди вольные приписывались къ крестьянскому сословію; такъ, напримѣръ, въ 1811 г. сынъ крестьянина бывшей Павловской слободы, мѣщанинъ Василій Кувшиновъ приписался въ крестьяне Красносельской вотчины. Въ 1817 г. бывшій шведскій подданный Яковъ Карловъ приписался къ крестьянской семьѣ — деревни Тярлевой. Въ 1818 г. финляндскій уроженецъ Куокайне, принявшій присягу на вѣчное подданство Россіи, подалъ прошеніе о причисленіи его къ крестьянскому обществу одной изъ деревень Красносельской вотчины, и Императрица, 19-го іюля 1818 г., согласилась на его просьбу, и многіе другіе.

Неурожай 1822 г. подалъ Маріи Ѳеодоровнѣ новый поводъ сдѣлать доброе дѣло. Независимо отъ поданія крестьянамъ безотлагательной помощи, съ нихъ были сложены недоимки и даны были ссуды, совершенно изгладившія слѣды бѣдствія, постигшаго крестьянъ.

Въ 1825 и 1827 годахъ былъ скотскій падежъ. Прав-

леніе испрашивало разрѣшенія Императрицы отдать недостаточнымъ крестьянамъ нѣсколько лошадей съ казенной конюшни. Соглашаясь на это, Государыня написала: «Если сіе полезно быть можетъ, то съ радостію».

Милостями и щедротами Маріи Ѳеодоровны маймистскія деревни никогда не бывали обдѣлены противъ русскихъ; о нихъ прилагались постоянно тѣ же заботы и попеченія. При всемъ томъ, неопрятный бытъ чухонъ, вслѣдствіе врожденной маймистамъ апатіи, рѣзко противорѣчилъ благосостоянію и домовитой обстановкѣ житья-бытья русскихъ крестьянъ. Изъ бумагъ архива Городоваго Правленія видно, что маймистамъ оказывались непрерывныя пособія, а бытъ ихъ, между тѣмъ, несоразмѣрно мало улучшался. Они почти вовсе не умѣли пользоваться предоставленными имъ правами самоуправленія и ихъ міръ точно также безстрастно относился къ интересамъ цѣлой деревни, какъ и каждый, взятый въ частности, маймистъ къ своему собственному хозяйству. Старосты, избираемые ими на годъ, были обыкновенно люди слабые и недѣятельные. Въ 1821 г. недоимокъ по маймистскимъ деревнямъ накопилось до 5,000 руб. Подобная распущенность требовала нѣкоторыхъ мѣръ и директоръ Павловска призналъ полезнымъ дать имъ голову изъ русскихъ старостъ Ѳедоровскаго посада. Эта мѣра была одобрена Маріею Ѳеодоровною 22-го іюня 1822 г.

Вникая во всѣ отрасли сельскаго хозяйства и желая содѣйствовать ихъ развитію и успѣхамъ, Императрица, въ 1821-мъ году, учредила ежегодныя сельско-хозяйственныя выставки съ выдачею награжденій, о чемъ,

XVIII

14-го сентября того же 1821 г., дано было Павловскому Городовому Правленію слѣдующее повелѣніе:

— «Желая всѣми возможными мѣрами содѣйствовать благосостоянію крестьянъ Павловскаго вѣдомства, я, для вящшаго ихъ поощренія къ упражненіямъ, приличнымъ ихъ состоянію, и произведенія въ нихъ соревнованія къ усовершенствованію себя въ земледѣліи, садоводствѣ, скотоводствѣ и разныхъ хозяйственныхъ занятіяхъ и рукодѣльяхъ, разсудила за полезное учредить ежегодное торжество для раздачи награжденій тѣмъ изъ поселянъ, которые предъ прочими отличатся въ которой либо изъ сихъ отраслей сельскаго хозяйства, и, вслѣдствіе сего, повелѣваю:

— «Торжество для раздачи награжденій отличившимся поселянамъ, на основаніи нижеприписанныхъ правилъ, установляется въ третье воскресенье іюля мѣсяца, дабы прежде жатвы озимаго хлѣба можно было судить о состояніи полей.

— «Для назначенія крестьянъ, удостоиваемыхъ къ торжественной наградѣ, избирать заблаговременно и представлять на мое утвержденіе особую коммисію, состоящую изъ старостъ и старѣйшинъ селеній, къ Павловску принадлежащихъ.

— «Коммисія, при разборѣ достоинствъ крестьянъ для награды, должна обращать вниманіе на лучшее обрабатываніе полей, употребленіе лучшихъ сѣмянъ и произведеніе чрезъ то, противу прежняго, болѣе и лучшаго качества хлѣба, на распространеніе или вновь разведеніе садовъ и хорошихъ плодоносныхъ деревъ, на улучшеніе скотоводства, на ремесленныя издѣлія, на обстройку и содержаніе домовъ, и представлять Правленію, а Прав-

леніе, удостовѣрясь о томъ надлежащимъ образомъ, подноситъ мнѣ списокъ крестьянъ, у которыхъ ею усмотрѣнъ наилучшій успѣхъ по одному или нѣкоторымъ изъ вышеозначенныхъ предметовъ, и которые потомъ удостоиваются къ торжественному награжденію.

— «Въ день, для торжественной раздачи назначенный, крестьяне всѣхъ селеній собираются на опредѣленномъ для сего мѣстѣ, подъ предводительствомъ коммисіи и въ присутствіи Павловскаго Городоваго Правленія, и, по совершеніи молебствія, секретарь Правленія вызываетъ поимянно отличившихся крестьянъ, при чемъ предъявляются также наилучшія собственныя произведенія и издѣлія разнаго рода, удостоенныя одобренія, и директоръ вручаетъ каждому присужденное ему награжденіе. Торжество заключается сельскими увеселеніями.

— «Награжденія за отличные успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ должны состоять въ нижеслѣдующихъ вещахъ, снабженныхъ, по возможности, приличными надписями, а именно: за лучшаго быка—серебряная кружка, цѣною во сто рублей. За двухъ лучшихъ коровъ—серебряные стаканы: за превосходнѣйшую—цѣною въ шестьдесятъ рублей, а за другую—цѣною въ сорокъ рублей. За двухъ двухгодовалыхъ телятъ—за лучшаго серебряный молочникъ, цѣною въ двадцать пять рублей, за втораго серебряная солонка, цѣною въ пятнадцать рублей. За двухъ годовыхъ телятъ—за лучшаго серебряная солонка въ двадцать рублей, за втораго серебряная ложка въ десять рублей. За лучшихъ овецъ—серебряная цѣпочка, цѣною въ двадцать пять рублей. За лучшій успѣхъ въ земледѣліи—серебряная кружка во сто рублей. За лучшій успѣхъ въ садоводствѣ и разведеніи хорошихъ пло-

*

доносныхъ деревъ — серебряный стаканъ въ пятьдесятъ рублей. За лучшую выстройку дома и лучшее содержаніе въ чистотѣ и благообразіи—серебряная кружка въ сто рублей. За лучшій холстъ или другое тканье, количествомъ не менѣе ста аршинъ, или лучшее издѣліе изъ дерева, или какого либо другаго полезнаго ремесла, въ соразмѣрномъ количествѣ или искусствѣ—серебряная цѣпочка, или серебряный крестъ, или повойникъ, смотря по полу и возрасту, цѣною въ пятьдесятъ рублей.

— «Сіи награжденія должны храниться въ семействахъ съ надлежащимъ тщаніемъ, какъ знаки отличія и памятники успѣховъ въ сельскихъ упражненіяхъ.

— «За одно и то же произведеніе или издѣліе вторичнаго награжденія не опредѣляется.

— «На сіи награжденія назначаю я ежегодно шестьсотъ рублей, которые изъ моей казны отпускаться будутъ въ Павловское Городовое Правленіе въ маѣ мѣсяцѣ каждаго года, а если въ которомъ году, по какому либо изъ вышеозначенныхъ предметовъ, за неимѣніемъ образцовъ успѣха, достойныхъ награды, оная выдана не будетъ, слѣдовательно не вся опредѣленная для сего сумма издержится, остатокъ отдавать въ Сохранную Казну, на приращеніе, для составленія современемъ капитала для таковыхъ награжденій.—Марія. Въ Павловскѣ, 14-го сентября 1821 г.».

Первое торжество раздачи наградъ происходило 16-го іюля слѣдующаго 1822 г., по всѣмъ правиламъ, изъясненнымъ въ Высочайшемъ повелѣніи. Всѣхъ наградъ было роздано восьмерымъ крестьянамъ, на сумму 510 руб. Высшихъ награжденій, цѣнностью въ сто рублей, удостоились трое: Яковъ Ольховскій, за быка; голова

Константинъ Семеновъ за постройку дома «превосходнаго и благообразнаго», а также и за отличное противъ прочихъ хлѣбопашество, и Яковъ Петровъ за отличіе въ земледѣліи. Крестьянка Марѳа Юдина—за лучшій холстъ и особое издѣліе—была награждена серебряною цѣпочкою въ 50 рублей.

Въ послѣдній годъ жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 1828-й, торжественная роздача наградъ происходила 21-го іюля и, за исключеніемъ деревень Глинки и Тярлева, крестьяне изъ всѣхъ прочихъ деревень удостоились высшихъ наградъ, розданныхъ десяти лицамъ.

Помимо сельскихъ увеселеній, которыми сопровождались эти торжества, бывшія ежегодно, во время пребыванія Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ, въ праздничные дни Государыня приглашала въ паркъ дѣвушекъ и молодицъ окружныхъ деревень—пѣть пѣсни и водить хороводы. Участвовавшихъ щедро потчивали лакомствами и безъ денежнаго вознагражденія домой не отпускали. Эти сельскіе праздники тѣмъ болѣе доставляли удовольствія Императрицѣ, что наряды крестьянокъ [штофные сарафаны, дорогія серьги, парчевыя ленты и т. д.] ясно свидѣтельствовали о ихъ достаткахъ и привольномъ житьѣ.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, бытъ крестьянскаго населенія при Маріи Ѳеодоровнѣ; но кромѣ того много добра было ею оказано каждой деревнѣ въ отдѣльности.

Ѳедоровскій посадъ, пространствомъ и населеніемъ превосходившій всѣ прочія приписанныя къ Павловску русскія и маймистскія деревни, болѣе всѣхъ прочихъ былъ облагодѣтельствованъ своею Августѣйшею Помѣщицею. Кромѣ «вспомогательной кассы», о которой упомянуто выше, въ Ѳедоровскомъ, въ первые же годы

текущаго столѣтія, была улучшена школа для дѣтей и устроенъ сарай для пожарныхъ инструментовъ, находившійся въ вѣдѣніи поселянъ. Входя во всѣ подробности ихъ быта, Государыня съ живѣйшимъ участіемъ относилась къ интересамъ крестьянъ, ограждая ихъ постоянно отъ произвола и злоупотребленій ближайшихъ и непосредственныхъ ихъ властей.

Такъ напр., въ 1813 г., крестьянами была принесена жалоба на старосту Илью Емельянова, за сборъ излишняго оброка, въ удержаніи денегъ, слѣдовавшихъ въ выдачу крестьянамъ, въ присвоеніи сѣна, скошеннаго съ мірскаго луга, и во многихъ другихъ злоупотребленіяхъ. Староста былъ отрѣшенъ отъ должности и, съ тѣмъ вмѣстѣ, Высочайше повелѣно было [16-го сентября 1813 г.] при новыхъ выборахъ руководствоваться слѣдующими правилами:

— «Крестьяне, по собраніи на мірскую сходку, увѣщеваются священникомъ и членомъ Правленія, который для сего отряжается, дабы они въ выборѣ поступили по совѣсти и по справедливости. Потомъ міръ, изъ людей совершеннолѣтнихъ, имѣющихъ собственное свое хозяйство, добраго поведенія и не только не бывшихъ въ публичныхъ по суду наказаніяхъ, но даже въ подозрѣніяхъ, лишающихъ крестьянина добраго имени, назначаетъ двѣнадцать человѣкъ въ званіе избирателей и представляетъ онымъ списокъ; Правленіе утверждаетъ оный, если назначаемые въ избиратели имѣютъ вышеизъясненныя свойства; въ противномъ случаѣ, обращаетъ оный въ міръ съ замѣчаніемъ своимъ и предписываетъ избрать другихъ на мѣсто опорочиваемыхъ.—Избиратели сіи, по утвержденіи ихъ, назначаютъ лучшаго и способнѣй-

шаго, по ихъ мнѣнію, изъ крестьянскаго общества, въ должность старосты и представляютъ Правленію, которое доноситъ о томъ мнѣ и, получивъ мое разрѣшеніе, утверждаетъ старосту, предписывая ему вступить въ исправленіе должности».

Сельская школа находилась въ вѣдѣніи церковнаго причта: священника и діакона. Родители, отдававшіе дѣтей въ школу Ѳедоровскаго посада, точно такъ же какъ въ народное училище города Павловска, освобождались отъ платежа годоваго оброка [10 руб. ассигн.]. Въ поощреніе дѣтямъ, Императрицею, въ 1824 г., повелѣно было особенно прилежнымъ ученикамъ и ученицамъ выдавать въ награду серебряныя ложки и таковые же кресты.

9-го мая 1821 г. Ѳедоровскій посадъ выгорѣлъ: несмотря на всѣ усилія, крестьяне не могли отстоять ни своихъ домовъ, ни имущества. Это бѣдствіе вновь вызвало Императрицу на благотворительный подвигъ и Марія Ѳеодоровна свершила его съ истинно царскимъ великодушіемъ. Убытокъ, понесенный крестьянами, простирался до 60,000 руб. асс.

10-го мая, то есть на другой же день послѣ пожара, Императрица писала къ директору Фридерици слѣдующее:

— «Ермолай Карловичъ! Препровождая при семъ къ вамъ сорокъ тысячъ рублей ассигнаціями въ число обѣщанныхъ отъ меня крестьянамъ Ѳедоровскаго посада, по случаю потерпѣннаго ими отъ пожара убытка, шестидесяти тысячъ рублей, изъ коихъ пятьдесятъ назначается выдать имъ въ заемъ, на десять лѣтъ, безъ процентовъ, а десять тысячъ въ пособіе, безъ возврата,—я прошу васъ означенную сумму 40 т. руб., на семъ основаніи, имъ «употребить по назначенію, нами сдѣланному сего утра»

[собственною рукою Маріи Θеодоровны]; остальные же двадцать тысячъ рублей вы получите завтра или послѣ завтра; впрочемъ пребываю съ совершеннымъ къ вамъ доброжелательствомъ, всегда къ вамъ благосклонною [подписано] Марія. Въ Гатчинѣ, мая 10-го дня 1821 года».

Черезъ два дня доставлена была директору остальная сумма. Отстройка погорѣлаго посада производилась весьма дѣятельно: церковь и домъ священника были готовы въ декабрѣ того-же 1821-го года, и въ томъ же мѣсяцѣ, изъ экономическихъ суммъ Павловска, пожаловано было Государынею еще 9,000 руб.«въ пособіе на построеніе крестьянскихъ избъ». По прошествіи года со дня пожара—11-го мая 1822 г.—директоръ Павловска былъ удостоенъ слѣдующимъ рескриптомъ:

—«Ермолай Карловичъ! Годъ минулъ отъ несчастія, постигшаго Θедоровской посадъ, и уже, благодаря Всевышняго, подъ отеческимъ вашимъ о ввѣренныхъ вамъ поселянахъ попеченіемъ, при ревностномъ стараніи достойнаго старосты, усердною дѣятельностью добрыхъ моихъ Θедоровскихъ крестьянъ—значительная часть строеній возстала изъ пепла благовиднѣе прежняго. Въ сей день храмоваго празднества посада, принося благодареніе Господу Богу за благое споспѣшествованіе въ семъ дѣлѣ и моля Его о благословеніи впредь онаго, я желаю нѣкоторымъ облегченіемъ крестьянъ содѣйствовать къ благоуспѣшнѣйшему довершенію отстройки посада, принявъ при томъ въ уваженіе, что и урожай озимаго хлѣба не совсѣмъ удаченъ, и вслѣдствіе чего я препоручаю вамъ объявить сегодня Θедоровскаго посада крестьянамъ: что я и на сей годъ освобождаю ихъ отъ оброка, будучи увѣре-

на, что такая льгота усугубитъ ихъ рвеніе къ довершенію отстройки домовъ; увѣрьте ихъ при томъ объ искреннемъ моемъ благоволеніи и о справедливости, отдаваемой мною ихъ усердію. Съ совершеннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною [подписано] Марія. Въ Павловскѣ мая 11-го дня 1822 г.».

Во всѣ послѣдующіе годы заботливость Государыни въ отношеніи Ѳедоровскихъ крестьянъ не уменьшалась, но возрастала. 8-го апрѣля 1826 г. Фридерици входилъ съ нижеслѣдующимъ докладомъ, «совершенно апробованнымъ» Императрицею:

— «Въ число 50 т. руб., Всемилостивѣйше пожалованныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ по случаю бывшаго 9-го мая 1821 г. въ Ѳедоровскомъ посадѣ пожара, для выдачи крестьянамъ заимообразно на 10 лѣтъ безъ процентовъ, нынѣ уплачены ими первыя 4 т. руб. Какъ Вашему Величеству благоугодно было изъявить Высочайшее соизволеніе, чтобы всѣ означенные 50 т. руб. оставить навсегда для употребленія въ пользу здѣшнихъ крестьянъ, нынѣ-же изъ числа оныхъ есть довольно такихъ бѣдныхъ, кои не въ состояніи завестись самымъ необходимымъ хозяйствомъ и не имѣютъ ни коровъ, ни лошадей: то и осмѣливаюсь, Ваше Величество, представя о семъ, испрашивать—не благоугодно-ли будетъ изъ оныхъ 4 т. руб. Всемилостивѣйше позволить часть выдать въ пользу бѣднѣйшихъ крестьянъ на покупку имъ коровъ и лошадей; остальныя же деньги, съ присоединеніемъ къ онымъ и слѣдующихъ съ крестьянъ, въ уплату 50 т. руб., вторыхъ 6 т. руб., Высочайше повелѣть: выдать крестьянамъ Ѳедоровскаго посада на построеніе остальныхъ 10-ти домовъ, заимообразно на 6 лѣтъ по 500 руб. на каждый

домъ, съ тѣмъ, чтобы оные возвращены были чрезъ три года въ четвертый по 100 руб.—въ пятый и шестой годы по 200 руб.».

2-го апрѣля 1827 г. Фридерици опять ходатайствовалъ за Ѳедоровскихъ погорѣльцевъ. Къ этому числу, въ счетъ 50 т. руб., пожалованныхъ имъ заимообразно, крестьянами было внесено 7,500 руб.; остальные 42,500 руб. предполагалось разложить на крестьянъ въ видѣ ежегоднаго взноса отъ 6-ти до 7-ми тысячъ рублей. Таковая раскладка была для крестьянъ обременительна, могла вредно повліять на ихъ хозяйство, и потому ежегодный взносъ былъ уменьшенъ на половину; сверхъ того, съ недостаточныхъ крестьянъ причитавшаяся съ нихъ ко взносу сумма была вовсе сложена. По ходатайству того-же Фридерици, оброчныя деньги ежегодно слагались съ недостаточныхъ крестьянъ или съ ихъ осиротѣлыхъ семействъ.

Въ 1827 году новое бѣдствіе постигло Ѳедоровскій посадъ: скотскій падежъ лишилъ крестьянъ ихъ коровъ и лошадей. Особая коммисія, назначенная Маріею Ѳеодоровною, по наведеніи обстоятельныхъ справокъ о поселянахъ, потерпѣвшихъ уронъ, входила къ Императрицѣ съ докладомъ о пособіи, которое было назначено съ осмотрительностію и справедливостію. Крестьяне, въ числѣ 27-ми человѣкъ, были раздѣлены на четыре отдѣла, соотвѣтственно степени ихъ бѣдности, трудолюбія и—въ особенности—поведенія. О каждой категоріи Государынею была положена отдѣльная резолюція на самомъ докладѣ [8-го іюня 1828 г.]. О семерыхъ крестьянахъ перваго разряда коммисія полагала: «по крайне-бѣдному положенію оныхъ крестьянъ выдать имъ на покупку коровъ деньги безъ возврата»—апробовано. О троихъ крестьянахъ

втораго разряда: «по худому поведенію оныхъ крестьянъ и по неблагонадежности въ платежѣ, не выдавать имъ денегъ на покупку коровъ; изъ уваженія же къ бѣдному положенію ихъ семействъ, сдѣлать симъ послѣднимъ пособіе, не требуя съ нихъ возврата денегъ»—«и купить имъ коровъ» —приписано рукою Маріи Θеодоровны. Восьмерымъ крестьянамъ: «выдать на покупку коровъ деньги заимообразно на одинъ годъ»—апробовано. Девятерымъ крестьянамъ: «по состоянію на оныхъ значительныхъ долговъ, не желаютъ они получить заимообразно пособія на покупку коровъ»,—«купить для нихъ коровъ съ уплатою отъ нихъ чрезъ два года», и т. д.

Перечислять милости, оказанныя Маріею Θеодоровною крестьянамъ прочихъ ея деревень, приписанныхъ къ Павловску, значило-бы повторять, съ измѣненіемъ цифръ и денежныхъ суммъ, то же, что уже сказано было о Θедоровскомъ посадѣ.

Полезный и, во многихъ отношеніяхъ, достойный подражанія образецъ старательныхъ домохозяевъ и тружениковъ, во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, Павловскіе крестьяне могли бы видѣть въ Виртембергской колоніи, названной Государынею — Этюпъ. Въ замкѣ этого имени, близъ г. Монбельяра, принадлежавшаго Виртембергу, проведены были Маріею Θеодоровною, въ бытность ея Принцессою, годы дѣтства и отрочества.

Основаніе колоніи Этюпъ близъ Павловска, по Ижорскому проспекту, было положено въ 1818 году двумя семействами переселившихся изъ Виртемберга колонистовъ. Повелѣніемъ изъ Москвы, отъ 25-го марта 1818 г., Марія Θеодоровна поручила Павловскому Городовому Правленію выстроить для колонистовъ дома, снабдить

ихъ лошадьми и земледѣльческими орудіями. Однако-же колонія не имѣла особеннаго вліянія на улучшеніе хозяйства въ русскихъ деревняхъ, составляя какъ-бы отдѣльный мірокъ, разобщенный съ сосѣдними селеніями; обоюдное незнаніе языковъ, обоюдная необщительность были и остались существенными препятствіями къ сближенію колонистовъ съ русскими и чухонцами.

Любя всѣ отрасли сельскаго хозяйства съ юныхъ лѣтъ, Марія Ѳеодоровна имѣла о немъ далеко не поверхностныя понятія и старалась его изучать. Въ первые же годы основанія Павловска, въ этой, тогда еще Великокняжеской резиденціи, были построены мыза и Молочный домикъ съ небольшимъ скотнымъ дворомъ, на которомъ, какъ уже сказано выше, были образцы лучшихъ породъ крупнаго и мелкаго скота. Удовлетворяя собственной любознательности и, въ то же время имѣя въ виду усовершенствованіе молочнаго хозяйства и скотоводства въ Павловскихъ своихъ деревняхъ, Марія Ѳеодоровна, въ началѣ текущаго столѣтія [1802 г.], основала Ферму на границѣ дворцоваго парка, между деревнями Тярлевой и Глазовой. Эта Ферма, съ самаго начала снабженная и впослѣдствіи постоянно снабжаемая коровами отличнѣйшихъ породъ, была, въ послѣдніе годы жизни Маріи Ѳеодоровны, доведена до возможной степени совершенства.

Въ павильонѣ, на Фермѣ, Императрица любила проводить нѣкоторое время, и въ знойную полуденную, и въ прохладную вечернюю пору *. Здѣсь, кромѣ богатаго со-

* Рисунокъ Фермы въ томъ видѣ, какъ она была при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, воспроизведенъ въ отдѣлѣ приложеній къ этой книгѣ, съ рисунка, сдѣланнаго В. А. Жуковскимъ въ 1824 г.

бранія фарфоровой, хрустальной посуды, всевозможныхъ снарядовъ для молочнаго хозяйства, находилась небольшая библіотека Императрицы, состоявшая, между прочимъ, изъ произведеній древняго и новаго времени агрономовъ.

Управленіе Фермою ввѣрено было одному изъ колонистовъ, который, вмѣстѣ съ женою завѣдуя хозяйственною частью, обучалъ уходу за коровами, сбору скоповъ, приготовленію масла, простокваши и т. д. нѣсколькихъ дѣвушекъ изъ воспитанницъ Воспитательнаго дома.

Воспитанницы, изучившія молочное хозяйство, поступали на Царско-Сельскую или на которую либо другую ферму. Сливки, молоко, творогъ и проч., за излишествомъ, продавались дачникамъ и лѣтнимъ обывателямъ Павловска: сборъ отъ этой продажи, съ 1817 г., повелѣно было обращать въ пользу бѣдныхъ.

Не проходило года, чтобы число содержимыхъ на Фермѣ коровъ и птицъ не увеличилось нѣсколькими рѣдкими, хорошими экземплярами. При избыткѣ приплода, телята, иногда же и коровы, были жалуемы неимущимъ, или особенно старательнымъ крестьянамъ. Этимъ распоряженіемъ Владѣтельница Павловска содѣйствовала, до нѣкоторой степени, улучшенію породъ крестьянской домашней скотины.

Въ лѣтописи Павловска, за время Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Ферма особенно замѣчательна тѣмъ, что съ 1802-го по 1828-й годъ она видѣла, въ числѣ посѣтителей, кромѣ Августѣйшей Хозяйки—всѣхъ членовъ ея семейства, жениховъ Великихъ Княженъ, невѣстъ Великихъ Князей—и, впослѣдствіи времени, семейства членовъ Августѣйшей фамиліи. Воспо-

минаніемъ этихъ посѣщеній донынѣ сохранился альбомъ, на летучихъ листкахъ котораго [весьма впрочемъ не многіе изъ нихъ сохранились] гости заносили свои впечатлѣнія и выраженія признательности радушной Августѣйшей Хозяйкѣ; эти немногія изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени замѣтокъ посѣтителей Фермы помѣщены въ концѣ этой книги [см. приложенія.] Тамъ же помѣщены—часто упоминаемыя въ этой книгѣ замѣтки самой Императрицы Маріи Ѳеодоровны: въ нихъ Августѣйшая Владѣтельница Павловска выражала свои впечатлѣнія въ виду радостныхъ и грустныхъ событій и нерѣдко помѣщала молитвы свои ко Всевышнему за Отечество и близкихъ ея сердцу. Замѣтки эти сохраняются въ особомъ, вновь устроенномъ, альбомѣ.

1828 1849

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Согласно завѣщанію Императрицы Маріи Θеодоровны, Павловское имѣніе перешло къ Великому Князю Михаилу Павловичу, о чемъ состоялся, 28-го декабря 1828 г., слѣдующій именной Императора Николая Павловича указъ, данный Сенату: —«Блаженныя памяти Родительница Наша Государыня Императрица Марія Θеодоровна, VI-ю статьею духовнаго своего завѣщанія, предоставить изволила Павловскій дворецъ со всѣми принадлежащими къ оному зданіями, заведеніями, садами и деревнями, въ коихъ заключается ревизскихъ 451 душа [а именно: въ Θедоровскомъ посадѣ 321, Глинкѣ—35, Новой Вѣси—27, Липицѣ—21, Тярлевѣ—29 и Глазовѣ 18-ть душъ], съ пашнями, сѣнокосами, лѣсными дачами и всякими угодьями, и съ капиталомъ 1.500,000 руб. ассигн., назначеннымъ на содержаніе Павловска и вне-

сеннымъ на вѣчное обращеніе,—въ собственность любезнѣйшаго брата Нашего Великаго Князя Михаила Павловича и старшаго мужескаго Его поколѣнія съ тѣмъ, что въ случаѣ пресѣченія мужескаго поколѣнія Его Императорскаго Высочества, наслѣдіе Павловской вотчины и капитала, къ ней принадлежащаго, переходитъ въ мужеское поколѣніе младшаго Нашего сына и такъ далѣе по праву наслѣдства *. Въ сходствіе таковаго Ея Императорскаго Величества соизво-

* Младшимъ сыномъ Императора Николая Павловича, при жизни Августѣйшей Завѣщательницы, былъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, родившійся 9 сентября 1827 г. Происхожденіе капитала, о которомъ упомянуто въ указѣ, таково: Императоръ Павелъ именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 24 декабря 1796 г., повелѣлъ: «приписать къ вѣдѣнію города Павловска Красносельскій дворецъ съ приписными къ оному мызами, деревнями и прочими селеніями и угодьями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ пожалованы въ собственность Императрицы Маріи Ѳеодоровны, причемъ повелѣно зависѣть этому имѣнію отъ распоряженія начальства города Павловска». Въ 1819-мъ году все имѣніе Красное Село,—въ которомъ числилось 3,760 душъ и 29,206 десятинъ земли, — уступлено Императрицею Маріею Ѳеодоровною, по желанію Императора Александра Павловича, въ собственность Удѣльнаго Департамента, каковое имѣніе съ 1-го января 1820 г. и причислено къ удѣламъ. Въ виду уступки столь значительнаго имѣнія, 28-го декабря 1819 г. данъ былъ Министру Удѣловъ слѣдующій именной указъ: «изъ состоящаго въ Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ удѣльнаго капитала повелѣваю: по государственной долговой книгѣ перевести—съ 1 января 1820 г.— 3.243,000 руб.; въ томъ числѣ 1.500,000 руб. на имя конторы Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ разрядъ неприкосновенныхъ долговъ для вѣчнаго обращенія непрерывныхъ доходовъ на содержаніе Павловска [т. е. казенныхъ въ немъ зданій, садовъ,

ленія, повелѣваемъ Правительствующему Сенату: о приведеніи онаго въ исполненіе учинить надлежащее распоряженіе».

Вступивъ во владѣніе Павловскомъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ всего прежде распорядился исполненіемъ воли покойной Родительницы, выраженной въ духовномъ ея завѣщаніи, и, согласно съ симъ, 5-го января 1829 года, поручилъ статсъ-секретарю Вилламову заняться выборкою изъ движимаго имущества дворца въ Павловскѣ всѣхъ тѣхъ вещей, которыя были назначены покойною Государынею членамъ Августѣйшаго семейства или особамъ ей приближеннымъ—отъ высшаго сановника до послѣдняго служителя. Затѣмъ, Преемникъ Маріи Ѳеодоровны занялся сокращеніемъ расходовъ по Павловску. Значительныя сокращенія сдѣланы были по предметамъ содержанія садовъ, теплицъ, оранжерей и проч. Упразднены были должности гидравлическихъ учениковъ по ремонту каскадовъ, водопровода и прудовъ. Мастеровыхъ отъ адмиралтейскаго вѣдомства, издавна находившихся въ Павловскѣ, Высочайше повелѣно было еще въ 1827 г. перечислить къ 1-му рабочему экипажу, и оставить въ Павловскѣ, но не докомплектовывать; значительно уменьшена сумма, которая при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ расходовалась на благотворенія, и т. д.

оранжерей, каскадовъ, водопровода, конюшни и фермы. Ежегодные % съ этого капитала составляли 90,000 руб. ассигн.], 1.200,000 руб.—на имя конторы же Ея Величества, а 543,000 руб. на имя находящагося при Ея Величествѣ ст. совѣт. Николая Новосильцева».

Въ январѣ 1829 года нѣкоторые «кавалерскіе» домики и разныя другія зданія переданы были въ инженерное вѣдомство; нѣкоторые же изъ «казенныхъ домиковъ» были разобраны за ветхостію; исправлено зданіе «Кракъ», находящееся на берегу рѣки Славянки.

Въ февралѣ 1830-го года начата и въ 1832 г. окончена постройка казармъ, манежа, конюшень, кузницъ и разныхъ мастерскихъ для Образцоваго кавалерійскаго полка.

18-го марта 1830 г. Великій Князь утвердилъ докладъ директора Павловска объ обязательной застройкѣ пустопорожнихъ мѣстъ, нѣсколько уже лѣтъ предъ тѣмъ пожалованныхъ въ даръ частнымъ лицамъ, которыя не приступали къ выстройкѣ домовъ, отчего «городу причинялось большое безобразіе». Распоряженіе сопровождалось предостереженіемъ—«буде въ теченіе года оныя мѣста не будутъ застроены, то ихъ отдадутъ другимъ лицамъ». Въ маѣ 1832 года, Великій Князь разрѣшилъ раздавать участки желающимъ строиться—во 2-й части города, въ которой пустопорожнія мѣста занимали цѣлый кварталъ; кварталъ этотъ былъ потомъ названъ «Еленинскимъ». Въ томъ же году, 5-го августа, директоръ Павловска ходатайствовалъ о постепенной перестройкѣ лавокъ для торговли во время ярмарки, пришедшихъ въ совершенную ветхость. На докладѣ положена была Его Высочествомъ слѣдующая резолюція: «утверждаю, но желательно, чтобы перестройка была сдѣлана съ обѣихъ сторонъ [южной и сѣверной], ибо безъ сего все будетъ съ одной стороны безобразіе. Если сіе нельзя сдѣлать въ одинъ годъ, то, по крайней мѣрѣ, въ два. Михаилъ».

Въ 1843 году, деревянныя лавки Гостинаго двора были разобраны, а вмѣсто нихъ выстроены каменныя.

Работы по сооруженію желѣзной дороги, начатыя съ 1836 года, весьма оживили городокъ Павловскъ и нѣсколько умножили его населеніе *. Оно начало возрастать съ открытіемъ желѣзной дороги, которая дала возможность жителямъ столицы переселяться на дачи въ Павловскъ, а обывателямъ его заняться отстройкою дачъ для отдачи въ наймы на лѣтнее время. Увеличеніе числа построекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ городскаго населенія настоятельно требовало учрежденія правильно организованной полиціи, о чемъ, 3-го ноября 1838 г., и состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта. Новый штатъ полиціи приведенъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1839 года.

Въ 1841—1842 гг. улицы Павловска были превосходно шоссированы. Содержаніе шоссе въ чистотѣ и исправности отнесено на средства городскихъ обывателей, на каковой предметъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, установленъ съ нихъ особый сборъ въ нѣсколько копѣекъ съ квадратной сажени, по раскладкѣ. На предварительномъ по сему предмету докладѣ директора Павловска, Великій Князь написалъ, 24-го октября 1842 г.: «Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы беднѣйшіе жители симъ не обременялись».

Павловскъ преобразовался въ хорошо устроенный городокъ и этимъ преобразованіемъ онъ много обязанъ Великому Князю Михаилу Павловичу, съ любовью заботившемуся о его благоустройствѣ.

Съ 1840-го по 1849 годъ роздано было Великимъ Княземъ много участковъ земли разнымъ лицамъ желавшимъ строиться, именно въ кварталѣ Маріинскомъ и въ Звѣринцѣ 1-й части города и въ Еленинскомъ кварталѣ во 2-й части города. До какой степени Великій Князь Ми-

* О желѣзной дорогѣ см. далѣе, особый очеркъ, въ концѣ книги.

хаилъ Павловичъ интересовался застройкой любимаго имъ Павловска, видно изъ того, что Его Высочество лично участвовалъ въ разбивкѣ отводимыхъ подъ постройки дачъ участковъ, въ натурѣ; съ планомъ въ рукахъ, вбивалъ онъ въ землю колышки, указывалъ гдѣ должно было проложить улицу или переулокъ; при этомъ Великій Князь повелѣлъ, чтобы въ Маріинскомъ кварталѣ, въ 1-й части города—названномъ такъ въ память Основательницы Павловска—одна изъ улицъ была наименована Фридерицинскою, въ честь Ермолая Карловича Фридерици, бывшаго директора Павловска; а во 2-й части города, въ Еленинскомъ кварталѣ,—наименованномъ такъ во имя супруги Владѣтеля Павловска,—три улицы были названы именами дочерей Ихъ Высочествъ: улицы Маріинская, Елисаветинская и Екатерининская. Большинство новыхъ домовладѣльцевъ состояло, такъ сказать, изъ представителей третьяго поколѣнія обитателей Павловска, дачи которыхъ донынѣ служатъ его украшеніемъ. Въ числѣ лицъ, получившихъ земельные участки въ городской чертѣ, были: Абрамсонъ, Артамоновъ, Брюлловъ, Бистромъ, Брискорнъ, Вонлярлярскій, Вилліе, Жуліани, Клодтъ, Кантеръ, Лермонтова, Панфиловъ, Пустынскій, Свистуновъ, Соллогубъ, Ушаковъ, Хитровъ, Юрьевичъ и нѣкоторые др. Звѣринецъ и Матросская Слободка постепенно застраивались и Павловскъ разростался и хорошѣлъ съ каждымъ годомъ.

Богоугодныя заведенія, при Маріи Ѳеодоровнѣ существеннѣйшее украшеніе Павловска, при ея Преемникѣ отчасти подверглись нѣкоторымъ преобразованіямъ, отчасти же увеличились нѣсколькими новыми учреж-

деніями. Церковь Св. Маріи Магдалины постоянно пользовалась щедротами Великаго Князя, радѣвшаго о ея благолѣпіи. Во исполненіе воли покойной Императрицы, Великій Князь сдѣлалъ въ церковь различные вклады, опредѣлилъ отъ себя ежегодное пособіе, заново устроилъ ризницу и проч. Обративъ вниманіе на знамена, поставленныя въ этой церкви, Его Высочество Михаилъ Павловичъ поручилъ сдѣлать съ нихъ рисунки и составить имъ обстоятельную опись. Опись эта включена въ число приложеній къ настоящей книгѣ, въ томъ соображеніи, что она можетъ служить любопытнымъ матеріаломъ для отечественной военной исторіи.

Церковный Инвалидъ, т. е. богадѣльня, градская больница и Монмартръ—оставлены были на прежнихъ основаніяхъ, какъ памятники благотворительности Основательницы Павловска; но при этомъ составъ «Собственнаго Инвалида», т. е. отставныхъ нижнихъ чиновъ, помѣщавшихся въ Монмартрѣ, подвергся нѣкоторому измѣненію. Учрежденіе Монмартра имѣло прямою цѣлію—давать обезпеченный пріютъ ветеранамъ отечественной войны; между тѣмъ туда принимались безразлично инвалиды и позднѣйшихъ временъ. Вслѣдствіе этого, 4-го ноября 1832 года, на одномъ изъ докладовъ директора Павловска о замѣщеніи вакансіи въ Монмартрѣ, Великій Князь написалъ: «Впредь наблюдать, при разсматриваніи формулярныхъ списковъ желающихъ поступить въ Собственный Инвалидъ, чтобы сіи люди были изъ тѣхъ, которые дѣйствительно служили въ полкахъ лейбъ-гвардіи въ 1812-мъ, 1813-мъ и 1814-мъ годахъ».

20-го іюня 1832 года былъ упраздненъ «Инвалидный домъ фамиліи кн. Куракиныхъ», по необезпеченности его

содержанія со стороны наслѣдниковъ основателя этого дома—князя Алексѣя Борисовича Куракина.

14-го сентября 1830 г. Великій Князь Михаилъ Павловичъ утвердилъ докладъ директора Павловска на передачу народнаго училища въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. 20-го января 1831 года Министерство приняло это училище въ свое вѣдѣніе, а Городовое Правленіе обязалось отводить для него удобное помѣщеніе.

Между тѣмъ число благотворительно-учебныхъ заведеній въ Павловскѣ увеличилось двумя учрежденіями. Выше было замѣчено, что однимъ изъ завѣтныхъ желаній Императрицы Маріи Ѳеодоровны на поприщѣ ея благотворной дѣятельности было учрежденіе «Александровско-Павловскаго учебнаго заведенія», въ память Александра I. На содержаніе его Государыня назначила къ ежегодному отпуску по 13,000 руб., съ тѣмъ, чтобы заведеніе было открыто, когда капиталъ возрастетъ до 200,000 руб. асс.; въ самый годъ своей кончины Императрица сдѣлала для этого заведенія заказы всей мебели и учебныхъ принадлежностей. Къ 1-му января 1834 года капиталъ возросъ до 200,720 р. асс. Тогда Великій Князь Михаилъ Павловичъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, испрашивая Высочайшее соизволеніе на осуществленіе воли покойной своей Родительницы. 13-го мая 1834 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе и немедленно приступлено къ устройству заведенія въ зданіи крѣпости Маріенталь. Оно было открыто 1-го февраля 1835 года. Ея Высочество Великая Княгиня Елена Павловна приняла его подъ свое покровительство. Въ заведеніе это постановлено было: «принимать дѣтей служащихъ и служившихъ въ вѣдомствѣ Павловскаго Городоваго Правленія—клас-

сныхъ чиновниковъ, священниковъ, діаконовъ и мастеровъ, имѣющихъ или могущихъ пріобрѣсти чины; придворно-служительскихъ же и прочаго званія дѣтей въ заведеніе сіе не помѣщать, ибо таковыя могутъ обучаться въ Павловскомъ приходскомъ уѣздномъ училищѣ, и заведеніе раздѣлить на два отдѣленія, одно для дѣтей мужескаго, а другое—женскаго пола». Въ Александровскомъ заведеніи, подъ вѣдѣніемъ смотрительницы—она же была учительницею рукодѣлья и французскаго языка,—и инспектора классовъ, два учителя преподавали законъ Божій, математику, русскій и нѣмецкій языки; кромѣ того, обучали рукодѣлью и рисованію. Преподаватели имѣли при заведеніи квартиры.

Такимъ образомъ желаніе Императрицы Маріи Өеодоровны осуществилось, хотя размѣры заведенія, объемъ преподаванія и самое помѣщеніе училища, быть можетъ, не вполнѣ соотвѣтствовали тому широкому плану, по которому покойная Государыня вообще созидала свои благотворительныя учрежденія *.

Другимъ благотворительно-учебнымъ заведеніемъ, основаннымъ съ разрѣшенія Великаго Князя Михаила Павловича и его супруги, былъ «Пріютъ Елисаветы и Маріи», для дѣтей обоего пола, открытый управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ въ домѣ, что нынѣ дача Бозе, въ

* Согласно волѣ Маріи Өеодоровны [1827 г.], Великій Князь Михаилъ Павловичъ, 22-го іюня 1832 года, разрѣшилъ отчислять изъ процентной суммы съ капитала, предназначеннаго на приращеніе для учрежденія въ Павловскѣ «Александровскаго» богоугоднаго заведенія,—1,000 р. на пенсіи десяти вдовамъ мастеровыхъ и рабочихъ, прослужившихъ въ вѣдомствѣ Павловскаго Городоваго Правленія отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ.

1847-мъ году, и посвященный памяти дочерей Августѣйшихъ Владѣтелей Павловска: Великой Княжны Елисаветы [† 1845] и Великой Княжны Маріи [† 1846].

Первоначальныя средства на открытіе этого пріюта, а затѣмъ и на поддержку его, были собраны празднествами, устроенными въ августѣ 1847 г. въ Павловскомъ воксалѣ и въ Розовомъ павильонѣ. Распорядительницею празднествъ, т. е. баловъ съ иллюминаціей и фейерверками, была Предсѣдательница Совѣта С.-Петербургскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ, нынѣ покойная, графиня Ю. П. Строганова. По мысли ея и былъ учрежденъ Павловскій пріютъ «Елисаветы и Маріи». Для помѣщенія заведенія былъ купленъ домъ въ 1-й части г. Павловска, въ Еленинскомъ кварталѣ, и 22-го іюля 1847 г., именно въ день, по выраженію гр. Ю. П. Строгановой: «памятный всей Россіи дѣлами благотворенія покойной Императрицы Маріи Θеодоровны, въ любимомъ Ея мѣстѣ, въ Павловскѣ, откуда разливались по всей Россіи Ея благотворенія—открытъ былъ дѣтскій пріютъ». Заведеніе это, на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 27-го декабря 1839 г. положенія о дѣтскихъ пріютахъ: «предназначено было въ особенности для тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, отъ 3-хъ до 9-ти-лѣтняго возраста, которыя, во время дневныхъ работъ ихъ родителей или родственниковъ, по необходимости, остаются безъ призора и попеченія» *.

«Дѣтскій пріютъ» въ Павловскѣ, а равно «Александровское» учебное заведеніе предоставили средства къ перво-

* Общее число жителей обоего пола къ 1847 г. въ Павловскѣ было 1,723, изъ нихъ: 1,051 муж. и 672 жен. Въ дѣтскомъ пріютѣ являлась надобность для 134-хъ дѣтей обоего пола.

начальному образованію обоего пола дѣтямъ многихъ обывателей г. Павловска; но необходимо при этомъ замѣтить, что такъ какъ объемъ преподаваемыхъ предметовъ въ Александровскомъ заведеніи былъ довольно ограниченъ, то изъ чиновниковъ немногіе лишь посылали въ него своихъ дѣтей и въ числѣ учащихся преобладали дѣти купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ. Общее число учащихся въ этомъ заведеніи было ежегодно отъ 30 до 40 дѣтей обоего пола.

Въ обзорѣ Павловска за время съ 1796 по 1801 г. замѣчено, что военный элементъ, къ которому Императоръ Павелъ питалъ врожденную склонность, былъ преобладающимъ въ городѣ, на который и наложилъ свою печать. То же, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, замѣтно было и при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ. На обширномъ полѣ за Звѣринцемъ происходили ежедневныя ученія кавалеристовъ; въ воскресные и праздничные дни, во время пребыванія Великаго Князя въ Павловскѣ, на дворцовой площадкѣ бывали разводы. Бывали случаи воинскихъ смотровъ [напримѣръ новобранцевъ и проч.] даже въ «тронной залѣ» Большаго Дворца, зимою, при чемъ паркетъ застилался помостомъ изъ досокъ и ставились желѣзныя временныя печи. Случалось, что весь мирный городокъ Павловскъ дѣлался ареною маневровъ: тогда съ утра до ночи отряды кавалеріи и пѣхоты то разсыпались по городу, грохоталъ ружейный огонь, гремѣли пушки,—то войска двигались сплошными массами—проходя черезъ Павловскъ, обороняя его какъ ключъ позиціи, либо атакуя его или, наконецъ, послѣ боя, располагаясь въ немъ бивуаками.

Положеніе деревень, приписанныхъ къ Павловску [Ѳедоровскій посадъ, Глинка, Новая Вѣсь, Липицы, Тярлева и Глазово], правильнѣе сказать, распоряженія управленія Павловска по отношенію къ сельскому населенію, за время съ 1829-го по 1849-й годъ, заслуживаютъ нѣсколькихъ замѣтокъ, на основаніи подлинныхъ документовъ.

Оброкъ, въ размѣрѣ 10 р. асс. съ души, возвышенъ не былъ; въ виду однако же недостаточности этого источника дохода для содержанія Павловска, также его дворцовъ, садовъ и парка [на которые Императрица Марія Ѳеодоровна ежегодно отпускала изъ собственныхъ средствъ большія добавочныя суммы, средства же ея Преемника были значительно меньше]—состоялось Высочайшее повелѣніе о припискѣ въ вѣдѣніе Павловска, изъ казенныхъ имѣній Петербургской губерніи, такого числа душъ крестьянъ, оброкъ съ которыхъ составилъ-бы 30,000 р. асс., необходимые для содержанія Павловска. По соображеніямъ Министра Финансовъ, эта сумма могла быть составлена изъ оброка, собираемаго, по десяти руб. съ души, съ одной изъ трехъ волостей Гдовскаго уѣзда, въ которыхъ число душъ соотвѣтствовало означенной суммѣ [волости: Выскатская—3,461 душъ, Казуринская—3,337 д. и Середкинская—3,397 д.]. Выборъ волости былъ предоставленъ благоусмотрѣнію Великаго Князя Михаила Павловича. Выборъ палъ на волость Выскатскую, о приписаніи

которой къ городу Павловску послѣдовалъ, 20-го декабря 1829 года, именной указъ Сенату, въ силу котораго, къ 1-му января 1830 года, означенная волость съ 3,461 душъ крестьянъ выключена изъ казеннаго вѣдомства и приписана къ Павловску со всѣми населяющими ее душами и принадлежащими къ ней землями и угодьями—«для всегдашняго содержанія города Павловска» и «для составленія всегдашней нераздѣльной онаго принадлежности». Крестьяне вновь присоединенной волости получили 8-ми десятинный надѣлъ и размежеваны въ земляхъ съ помѣщиками, съ которыми имѣли общее въ земляхъ владѣніе; для крестьянъ этой волости устроены были больница, аптека, училище, и вообще, по пріемѣ ея въ вѣдѣніе Павловска, обращено вниманіе на нѣкоторое улучшеніе быта крестьянъ Выскатской волости Гдовскаго уѣзда.

Сельская администрація подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. 11-го апрѣля 1830 г. утвержденъ докладъ директора Павловска о томъ, чтобы вмѣсто головы и двѣнадцати старшинъ, выбиравшихся міромъ для Ѳедоровскаго посада и маймистскихъ деревень, выбирались крестьянами двое старшинъ, съ производствомъ жалованья, ибо хотя таковаго и не производилось прежнимъ старостамъ, но за то, какъ выражено было въ докладѣ, они и не приносили «почти никакой пользы». По «совершенному отсутствію грамотныхъ крестьянъ», директоръ предполагалъ содержать при учрежденномъ Сельскомъ Приказѣ вольнонаемныхъ писарей; самый Приказъ, въ вѣдѣніе котораго предоставлены были деревни и Ѳедоровскій посадъ, подчиненъ былъ Павловскому Городовому Правленію *.

* «Совершенное отсутствіе грамотныхъ среди крестьянъ»—на

4-го апрѣля 1829 года, директоръ Павловска входилъ съ докладомъ, въ которомъ предполагалъ «прекратить раздачу крестьянамъ наградъ и подарковъ за отличіе въ какой либо отрасли сельскаго хозяйства» [на сумму 700 руб. асс. въ годъ].

— «Оставить до времени», написалъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ на этомъ докладѣ.

22-го апрѣля того-же года, директоръ вошелъ съ новымъ докладомъ, тоже неудостоеннымъ утвержденія, въ которомъ подробно объяснялъ, что въ теченіе восьми лѣтъ, съ 1821 г., «опытъ доказалъ, что таковое благотворительное учрежденіе нисколько не споспѣшествуетъ побужденію крестьянъ къ соревнованію усовершенствовать себя въ земледѣліи и прочихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства...».

Въ сентябрѣ 1829 г., по волѣ Великаго Князя, роздано крестьянамъ наградъ на 460 р. асс. за успѣхи въ земледѣліи. Но директоръ Павловска, какъ видно, рѣшился настоять на отмѣнѣ награжденій, установленныхъ для крестьянъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною. Въ октябрѣ 1832 года, въ новомъ докладѣ Великому Князю, директоръ испрашивалъ разрѣшенія: изъ суммы, ассигнованной на награды крестьянамъ, выдать только часть «и въ послѣдній разъ», причемъ повторялъ, что эти награды безполезны, ибо «ими пользуются одни только достаточные крестьяне». Отвѣтъ Его Высочества, написанный на докладѣ, былъ слѣдующій: «Нужно мнѣ знать: когда сіи

что указывалъ директоръ Павловска—фактъ странный, если вспомнить, что въ Ѳедоровскомъ посадѣ еще въ 1784-мъ году было учреждено сельское училище; надо полагать, что надзоръ за нимъ ослабъ, а потому обученіе шло плохо, кромѣ того расколъ сталъ отвлекать крестьянъ отъ школы.

поощренія были введены, и почему доставались достаточнымъ только крестьянамъ, и какая сумма на сіе отпускалась, и отчего ея болѣе нѣтъ? Михаилъ».

Въ представленной справкѣ значилось, что поощренія эти введены Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ 1821 году; на нихъ ежегодно, изъ ея собственной казны, отпускаемо было по 600 р. асс., которые, «по неимѣнію отличившихся крестьянъ, расходовались не всѣ, вслѣдствіе чего образовался остатокъ, изъ котораго и выдавались награды по кончинѣ Государыни. Пользуются наградами только достаточные крестьяне, потому что имѣютъ болѣе средствъ къ лучшей обработкѣ полей и благоустройству своего домашняго хозяйства, почему и бываютъ награждаемы преимущественно передъ другими». Къ 1832 году остатокъ наградныхъ денегъ былъ 839 руб.

На этомъ докладѣ Великій Князь Михаилъ Павловичъ положилъ такое рѣшеніе:

— «Сей годъ, по примѣру прежнихъ, раздать, а впередъ сообразить: не лучше-ли будетъ, намѣсто раздачи—положить въ ломбардъ для приращенія процентовъ, изъ которыхъ помогать самымъ неимущимъ крестьянамъ. 16-го октября 1832-го года. С-Петербургъ.—Михаилъ».

Согласно съ симъ былъ отложенъ капиталъ въ 1,000 р., изъ процентовъ съ котораго выдавались, по распоряженію Городоваго Правленія, ежегодно пособія тѣмъ крестьянамъ, которые были не въ состояніи платить оброкъ.

Въ февралѣ 1830-го года директоръ Павловска докладывалъ Его Высочеству:

«Дабы прекратить путь къ дальнѣйшему опустошенію лѣсовъ и воздержать крестьянъ отъ самовольныхъ порубокъ и продажи лѣса, не благоугодно-ли будетъ Вашему Высочеству приказать,

чтобы крестьянъ, которые впредь въ таковыхъ поступкахъ изобличены будутъ, отдавать въ рекруты, въ счетъ будущихъ наборовъ, а неспособныхъ къ военной службѣ отсылать, на нѣкоторое время, въ смирительный домъ. Отдача таковыхъ людей въ военную службу сдѣлаетъ селеніямъ большое пособіе, а особенно находящимся въ оныхъ крестьянамъ хорошаго поведенія, ибо изъ семействъ сихъ послѣднихъ не будетъ надобности брать рекрутъ при будущихъ наборахъ; самыя же селенія, мало по малу, избавлены будутъ отъ людей худаго поведенія».

Докладъ былъ утвержденъ 28-го февраля 1830 г.

Въ ноябрѣ 1832 года, случился пожаръ въ одной изъ Павловскихъ деревень. На рапортѣ директора объ этомъ несчастіи Великій Князь Михаилъ Павловичъ написалъ: «такъ какъ погорѣвшіе лишились всего имущества, то генералъ-лейтенанту Фридерици [директору Павловска] донести мнѣ: не нужно-ли имъ сдѣлать какое пособіе?»

Въ докладѣ своемъ директоръ [отъ 7-го ноября] выразилъ: ....«что на таковыя пособія—во первыхъ, нужна весьма значительная сумма, а во вторыхъ, крестьяне еще менѣе будутъ съ огнемъ осторожны, надѣясь на вознагражденіе претерпѣнныхъ ими убытковъ, а потому оказывать пособіе можно только въ случаяхъ пожаровъ отъ молніи».

Въ 1834 г. управленіемъ Павловска испрошено утвержденіе Великаго Князя [8-го іюля] особаго «положенія», которымъ установленъ новый источникъ доходовъ на пополненіе мірскихъ капиталовъ. Источникъ этотъ заключался во взысканіи денегъ съ поселянъ, подвѣдомственныхъ Павловскому Городовому Правленію, въ слѣдующемъ размѣрѣ: 1) За увольненіе крестьянъ въ купечество 1,428 р. $57\frac{1}{7}$ к. сер.; 2)—въ мѣщане: по 571 р. $42\frac{6}{7}$ к. сер.; 3) съ вдовъ и дочерей, при выходѣ ихъ въ замужство за служащихъ и отставныхъ воинскихъ чиновъ, по 42 руб. $85\frac{5}{7}$ к.; 4) за увольненіе вдовъ и дѣвицъ въ замужство

за всѣхъ прочихъ лицъ — по 71 р. $42^{6}/_{7}$ коп. сереб.; и 5) за увольненіе крестьянъ по паспортамъ—за каждый мѣсяцъ по $7^{1}/_{7}$ коп. сер.

Въ 1840-хъ гг., при новыхъ порядкахъ, заведенныхъ барономъ Кридинеромъ, преемникомъ Е. К. Фридерици, число ссудъ, назначеніе новыхъ пенсій и заимообразныхъ пособій мастеровымъ, обывателямъ города и крестьянамъ—сократилось. Въ 1840 году вознагражденіе причта Ѳедоровскаго посада, за обученіе мальчиковъ въ тамошней сельской школѣ, было отнесено на мірской капиталъ. До того времени эта сумма—159 руб. асс.—выдавалась изъ собственной казны Владѣтеля Павловска; выдача наградъ прилежнымъ ученикамъ [серебряные крестики и ложки] была также признана безполезною, какъ «непроизводительная затрата» и т. д.

Но въ случаяхъ бѣдствій, постигавшихъ почему либо крестьянъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, имѣвшій, какъ извѣстно, весьма доброе сердце, всегда спѣшилъ на помощь пострадавшимъ. Такъ, между прочимъ, въ маѣ 1845-го года, выдано было, по повелѣнію Владѣльца Павловска, крестьянамъ Выскатской волости, пострадавшимъ отъ неурожая и отъ падежа скота, на покупку лошадей и сѣмянъ для посѣва, безвозвратно, 8,500 руб. сер.

Что же касается до отношеній непосредственнаго, ближайшаго начальства къ крестьянамъ вѣдомства г. Павловска, то, кромѣ данныхъ, приведенныхъ выше, они характеризуются нѣкоторыми изъ слѣдующихъ распоряженій Павловскаго Городоваго Правленія:

—30-го марта 1845 года предоставлено было коммисару

xx

по вотчинной части и головѣ—наказывать виновныхъ крестьянъ розгами, до 10-ти ударовъ. Эта мѣра была признана управляющимъ Павловска [бар. Кридинеромъ] необходимою, для содержанія крестьянъ Өедоровскаго посада и маймистскихъ селеній «въ должномъ повиновеніи». При взысканіи недоимокъ, хотя не часто, но случалось, что ближайшее начальство прибѣгало къ нѣкоторымъ строгостямъ. Такъ, въ 1847-мъ году, въ домъ одного крестьянина Өедоровскаго посада, за неплатежъ недоимки [40 р.], назначенъ былъ—впредь до уплаты—двойной воинскій постой. Въ томъ же году крестьянинъ Суховъ за недоимку былъ посаженъ подъ арестъ при полиціи. Какъ видно изъ дѣлъ архивныхъ, за «дурное поведеніе и нерадѣніе о хозяйствѣ» крестьяне Павловскихъ деревень, въ 1840-хъ годахъ, сдавались иногда въ солдаты, въ зачетъ будущихъ рекрутскихъ наборовъ; тѣ изъ нихъ, которые оказывались негодными къ строевой службѣ, отдавались въ арестантскія роты; но, повторяемъ, случаевъ этихъ строгихъ мѣръ было немного.

Во всякомъ случаѣ, бытъ крестьянъ имѣній вѣдѣнія Павловскаго Городоваго Правленія [какъ вообще дворцовыхъ крестьянъ] и въ описываемое время [1829—1849 гг.] былъ неизмѣримо лучше состоянія помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ; это видно, между прочимъ, изъ того, что по прежнему, какъ это зачастую бывало въ эпоху Императрицы Маріи Өеодоровны, являлись люди свободнаго состоянія съ просьбами о припискѣ ихъ къ крестьянамъ Павловскаго имѣнія. Удовлетвореніе таковыхъ ходатайствъ было однако, 7-го іюля 1834 г., Высочайше воспрещено. Вотъ, по сему поводу, всеподданнѣй-

шій докладъ бывшаго Министра Императорскаго Двора князя П. М. Волконскаго *:

«Люди свободнаго состоянія, обязанные избирать родъ жизни, а равно мѣщане и казенные крестьяне, имѣющіе право перемѣнять званіе и вѣдомства, отъ коихъ зависятъ, нерѣдко изъявляютъ желаніе приписываться къ дворцовымъ имѣніямъ. Принявъ въ соображеніе, что нѣкоторыя изъ сихъ имѣній, каковы суть: Ораніенбаумское, Павловское и Стрѣленское, составляютъ личную собственность Особъ Императорской фамиліи, могутъ быть завѣщеваемы и дѣлимы по частямъ, а потому принадлежатъ болѣе къ роду помѣщичьихъ, чѣмъ государственныхъ имѣній, я не рѣшался изъявлять моего согласія на приписку къ онымъ сихъ людей. Министръ Финансовъ, который входилъ со мною по сему предмету въ сношеніе, распорядился и съ своей стороны на счетъ отказа въ подобныхъ прошеніяхъ.

«Но поелику не всѣ дворцовыя имѣнія могутъ быть отнесены къ одному разряду, а, напротивъ, бо́льшая часть оныхъ, какъ-то: Царскосельское, Петергофское и состоящія въ завѣдываніи Московской дворцовой конторы, по существовавшему доселѣ порядку, всегда принадлежали царствующему Императору, то я находилъ бы нужнымъ, въ отвращеніе на будущее время всякихъ недоразумѣній, положить между ними опредѣлительное различіе, т. е. къ симъ послѣднимъ имѣніямъ, какъ не подлежащимъ завѣщаніямъ, раздѣлу и другимъ видамъ отчужденія, приписку людей свободнаго и податнаго состоянія дозволить, исключая селеній Петергофскаго вѣдомства, кои избавлены отъ всѣхъ податей и повинностей; самыя же имѣнія сіи, въ отличіе отъ прочихъ, именовать государевыми; чтожъ касается до упомянутыхъ выше и имъ подобныхъ [къ сему роду имѣній, въ силу завѣщанія Императрицы Маріи Θеодоровны, можетъ быть отнесено и Гатчинское] имѣній, принадлежащихъ Особамъ Императорской фамиліи, то приписку къ онымъ

* Архивъ Павловскаго Городоваго Правленія, дѣло 1834 г., № 16.

имѣніямъ означенныхъ людей воспретить, оставя имъ прежнее названіе дворцовыхъ».

Докладъ сей Высочайше утвержденъ 7-го іюля 1834 г.

Благоговѣя предъ памятью Августѣйшей своей Родительницы, Великій Князь Михаилъ Павловичъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не приступалъ къ обновленію зданія и внутренняго убранства Большаго дворца. Пребывая, въ лѣтнее время, во дворцѣ Константиновскомъ, Его Высочество посѣщалъ жилище покойной Императрицы какъ святилище воспоминаній. 13-го февраля 1831 года В. К. Михаилъ Павловичъ повелѣлъ сдѣлать теплую галлерею позади библіотеки отъ главнаго корпуса дворца ко флигелю и, затѣмъ, несмотря на частые доклады директора Павловска о настоятельной необходимости ремонтныхъ работъ по Большому дворцу, отлагалъ ихъ. Наконецъ, въ 1843-мъ году, послѣ поѣздки за границу и именно послѣ пребыванія въ Англіи, гдѣ комфортъ тамошнихъ зданій весьма понравился Великому Князю, Его Высочество рѣшившись жить въ Большомъ дворцѣ, призналъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя, весьма впрочемъ существенныя, передѣлки какъ въ немъ, такъ и въ Константиновскомъ дворцѣ. Къ сентябрю 1844 года, въ обоихъ дворцахъ, подъ руководствомъ Штакеншнейдера и при ближайшемъ наблюденіи архитектора г. Потулова, передѣлано 105 комнатъ, 11 коридоровъ, 3 галлереи. Работы эти въ Большомъ дворцѣ исполнены были въ зданіяхъ праваго и лѣваго флигелей и состояли: въ перестилкѣ половъ съ замѣною подгнившихъ балокъ новыми, въ возобновленіи оконныхъ рамъ, дверей, устройствѣ печей и каминовъ, потолочной живописи, позолотѣ картинныхъ

рамъ, въ заготовленіи мебели и примѣненіи разныхъ для жизни удобствъ.

Въ 1841 году, по рисунку профессора А. П. Брюллова [† 1876 г.], отстроенъ для Его Высочества домикъ—двухъэтажная изба, въ Ѳедоровскомъ посадѣ.

Садъ и паркъ, со всѣми находящимися въ нихъ зданіями, оберегались съ самою строгою точностью, чтобы все оставалось въ нихъ безъ измѣненія. Въ этомъ отношеніи Великій Князь Михаилъ Павловичъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего владѣнія Павловскомъ, впадалъ въ нѣкоторую крайность. Такъ, Его Высочество запрещалъ рубку явно не годныхъ, но старыхъ деревьевъ, подсадку новыхъ; не дозволялъ прочищать заросташія просѣки и аллеи, въ которыхъ мѣстами вѣтви образовывали непроницаемые своды, или, разростаясь, застилали даль, скрывая отъ глазъ живописныя мѣстности. Дѣятельность инспектора садоводства Вейнмана была посвящена преимущественно научнымъ занятіямъ. Къ числу дорогъ и дорожекъ въ паркѣ прибавилась только одна — именно Еленинская. Проведенная въ 1830—1831 гг., по личному указанію Великой Княгини Елены Павловны, эта дорожка весьма затѣйливо извивается вдоль всего берега Славянки отъ моста, гдѣ стоитъ флагъ, до Красной долины. Съ 1840 года было, наконецъ, обращено вниманіе на садовыя работы, которыя, при недостаткѣ рабочихъ рукъ, хотя и не могли быть особенно успѣшны, однако же, до нѣкоторой степени, воспрепятствовали конечному запущенію садовъ и парка, въ особенности-же превращенію въ болота нѣкоторыхъ низменныхъ мѣстностей.

Недостатокъ въ рабочихъ, вслѣдствіе экономіи со стороны Городоваго Правленія, былъ крайне ощутителенъ *.

Что касается до ремонта садовыхъ зданій, то, чтобы уменьшить расходъ и по этой статьѣ, директоръ, съ первыхъ же лѣтъ владѣнія Павловскомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, входилъ съ докладами къ Его Высочеству «объ упраздненіи» то того, то другаго зданія. Великій Князь, отстаивая эти памятники былаго времени, соглашался лишь тогда, когда подобное ходатайство не противорѣчило волѣ покойной Императрицы. Такъ, напримѣръ, при ссылкѣ докладчика на словесно изъявленную ему, директору, волю Маріи Ѳеодоровны «разобрать весьма ветхое зданіе Павильона Мира и это расчищенное мѣсто засадить деревьями», было разрѣшено [26-го ноября 1831 г.] разобрать бывшій недалеко отъ Розоваго павильона, Павильонъ Мира. Одновременно директоръ Павловска докладывалъ Его Высочеству о необходимости перестройки службъ [караульни, кухни и сарая] при Розовомъ павильонѣ, пришедшихъ въ совершенную ветхость. Великій Князь приказалъ: «перестроить, если можно, такъ, чтобы изъ Розоваго павильона они бы дѣлали хорошій видъ, во вкусѣ русской деревни». Когда же Фридерици объявилъ: «что строеній этихъ для вида мало», то Великій Князь просилъ представить рисунокъ русской избы и утвердилъ, 16-го марта 1832 г., къ постройкѣ

---

* Вслѣдствіе той же экономіи, а равно и потому, что наплывъ посѣтителей Павловскаго парка, въ лѣтнее время, изъ году въ годъ, дѣлался все болѣе и болѣе, гофмейстеръ Двора Владѣльца Павловска сдѣлалъ, 15-го мая 1834 г., распоряженіе не выставлять на будущее время молоко, масло и хлѣбъ по «увеселительнымъ» въ паркѣ домикамъ. Архивъ Павловскаго Гор. Правленія 1834 г., д. № 16.

таковую избу подлѣ Розоваго павильона «вновь, чтобы видъ былъ».

Докладывая въ 1832 г. о зданіи «Крикъ», директоръ простодушно замѣтилъ, что «это зданіе, не принося никакой существенной пользы, можетъ быть, по ветхости своей, совершенно уничтожено».

Въ отвѣтъ на это Великій Князь Михаилъ Павловичъ своеручно написалъ на докладѣ: «сколько можно его поддерживать, ибо одно изъ первыхъ основаній Павловска». Вслѣдствіе этого повелѣнія, «Крикъ», въ томъ-же 1832 году, ремонтированъ въ прежнемъ видѣ.

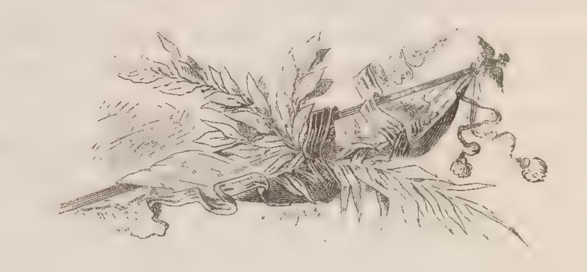
Ферма, одно изъ любимѣйшихъ мѣстъ покойной Императрицы, также не была и не могла быть предана забвенію Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ 1831 году были построены новые флигеля для помѣщенія птицъ. 7-го марта 1847 года Ферма съ принадлежащею къ ней землею, со всѣми строеніями, за исключеніемъ «главнаго зданія», была отдана въ аренду на 12 лѣтъ прусскому подданному Мюллеру. Тогда-же отданы были въ аренду земельные участки въ паркѣ и въ Звѣринцѣ для заведенія «вполнѣ раціональнаго хозяйства».

Единственнымъ новымъ украшеніемъ одного изъ садовыхъ зданій, именно Вольера, при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, были вдѣланныя, въ августѣ 1829 года, въ наружныя и во внутреннія стѣны этого павильона мраморныя доски съ турецкими надписями, присланныя Его Высочествомъ изъ крѣпости Варны, [доски эти нынѣ въ Музеѣ]. На мѣдной доскѣ, поверхъ мраморныхъ скрижалей, значилось: «Воспоминаніе о Варнѣ, 29-го сентября 1828 года».

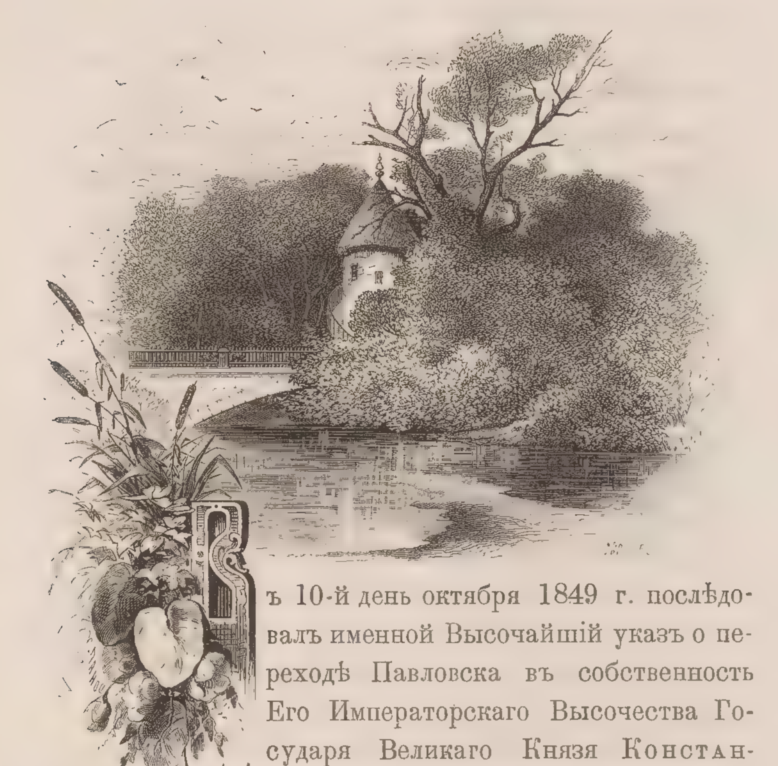
Во все описываемое время, съ 1828-го по 1849-й годъ, Павловскъ оставался любимѣйшимъ загороднымъ гуляньемъ для Петербургскихъ жителей, изъ году въ годъ, въ теченіе весны и лѣта, посѣщавшихъ его все въ большемъ и большемъ числѣ.

Императоръ Николай Павловичъ, ежегодно посѣщая Павловскъ, долгомъ себѣ поставлялъ удѣлять хотя нѣсколько минутъ обзору нѣкоторыхъ комнатъ Большаго дворца, равно какъ Стараго Шале, Фермы и другихъ садовыхъ зданій. Для покойнаго Государя съ Павловскомъ были соединены счастливѣйшія воспоминанія, которыя Его Величество свято сохранялъ въ своемъ сердцѣ: то были воспоминанія семейныхъ радостей.

Изъ членовъ Императорской фамиліи, посѣщавшихъ Павловскъ, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, продолжалъ съ любовью относиться къ Павловску, въ которомъ протекли многіе дни младенчества и дѣтства Его Величества.



1849—1877



ъ 10-й день октября 1849 г. послѣдовалъ именной Высочайшій указъ о переходѣ Павловска въ собственность Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича:

«На основаніи VI-й статьи духовнаго завѣщанія блаженной памяти Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны и по случаю кончины любезнѣйшаго брата Нашего Великаго Князя Михаила Павловича, Павловскій дворецъ со всѣми принадлежащими къ оному зданіями, заведеніями, садами, деревнями и съ капиталомъ въ 428,571 р. сер., назначеннымъ на содержаніе Павловска и внесеннымъ

Рисунокъ на этой страницѣ: Пиль-Башня.

въ Коммисію Погашенія Долговъ на вѣчное обращеніе, переходитъ нынѣ въ собственность Его Императорскаго Высочества, любезнѣйшаго сына Нашего, Великаго Князя Константина Николаевича и старшаго мужескаго его поколѣнія; въ случаѣ же пресѣченія онаго, отъ чего да сохранитъ Господь Богъ, старшему въ родѣ Нашемъ, минуя Наслѣдника престола».

Значительныя улучшенія по части городскаго благоустройства, въ особенности же по устройству быта крестьянъ, сохраненіе учрежденій, зданій, садовъ и парка Павловска по возможности въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они были при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, таковъ характеръ распоряженій, по отношенію къ Павловску, его Августѣйшаго Владѣльца съ 1849-го года.

Что касается до учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ городѣ Павловскѣ, то они частью сохранены въ прежнемъ видѣ, частью подверглись измѣненіямъ соотвѣтственно потребностямъ времени.

Александровское учебное заведеніе, основанное по мысли Императрицы Маріи Ѳеодоровны, выраженной въ рескриптѣ Государыни отъ 12-го августа 1828 года, и содержавшееся на проценты съ завѣщаннаго Ея Величествомъ капитала, оказалось, съ теченіемъ времени, не соотвѣтствующимъ той цѣли, для какой оно было открыто въ 1835 году. Цѣль его, какъ сказано выше, при обзорѣ событій 1829—1849 гг., была образованіе дѣтей служившихъ и служащихъ въ вѣдомствѣ Павловскаго Городоваго Правленія; но, по ограниченности объема преподаванія въ этомъ заведеніи и въ виду непредоставленія никакихъ служебныхъ правъ окончившимъ въ немъ

полный курсъ, служившіе и служащіе въ вѣдомствѣ Павловска чиновники, также лица духовнаго сословія и мастера, почти не пользовались предоставленнымъ имъ правомъ посылать своихъ дѣтей въ Александровское учебное заведеніе.

Въ видахъ предоставленія помянутымъ лицамъ способовъ къ помѣщенію дѣтей ихъ въ такія учебныя заведенія, которыя соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ— Августѣйшій Владѣлецъ Павловска, вслѣдствіе ходатайства Павловскаго Городоваго Правленія, испросилъ Высочайшее повелѣніе, состоявшееся 11-го апрѣля 1851 года, закрыть Александровское учебное заведеніе и предоставить Его Высочеству право: сумму, ежегодно отпускавшуюся на содержаніе этого заведенія, распредѣлять между разными учебными заведеніями, куда будутъ отдаваемы дѣти лицъ, служащихъ въ вѣдѣніи города Павловска, съ присвоеніемъ этимъ воспитанникамъ названія: Александровскихъ пансіонеровъ.

Опытъ послѣдующихъ лѣтъ показалъ, однако, Августѣйшему Владѣльцу г. Павловска необходимость и въ этомъ назначеніи процентовъ съ капитала Александровскаго учебнаго заведенія—сдѣлать еще нѣкоторое измѣненіе. А именно, такъ какъ чиновники вѣдомства г. Павловска стали помѣщать своихъ сыновей въ высшія и притомъ закрытыя учебныя заведенія, въ каковыхъ размѣръ платы за содержаніе и образованіе былъ весьма значителенъ, то число «Александровскихъ пансіонеровъ» сдѣлалось очень ограниченно и не превышало пяти лицъ; за распредѣленіемъ-же на содержаніе ихъ всей суммы Александровскихъ стипендій, для остальныхъ

служившихъ или служащихъ въ вѣдомствѣ г. Павловска лицъ не оставалось никакихъ пособій на образованіе ихъ дѣтей.

Чтобъ устранить таковое неудобство и предоставить всѣмъ лицамъ, имѣющимъ на то право, воспользоваться, при воспитаніи своихъ дѣтей, средствами, завѣщанными незабвенною Благотворительницею г. Павловска, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ соизволилъ повелѣть: сумму процентовъ съ «Александровскаго» капитала ежегодно распредѣлять между всѣми помянутыми лицами, соотвѣтственно величинѣ ихъ семействъ и степени потребности въ пособіи на воспитаніе дѣтей. Вслѣдствіе этого, въ 1877-мъ году уже не пять или шесть, но шестнадцать семействъ лицъ, служащихъ въ вѣдѣніи г. Павловска, получали пособія изъ % съ капитала, пожертвованнаго Основательницею г. Павловска на учебное учрежденіе въ память Императора Александра I-го *.

Съ упраздненіемъ въ 1866-мъ году въ Павловскѣ пріюта «Елисаветы и Маріи» **, представилась настоятельная необходимость въ заведеніи, въ которомъ дочери бѣднѣйшихъ обывателей города Павловска могли бы получать

---

* Въ 1876 году проценты съ этого капитала составляли въ годъ 3,232 руб. сер.

** Пріютъ Елисаветы и Маріи въ Павловскѣ, по распоряженію Совѣта С.-Петербургскихъ дѣтскихъ пріютовъ, переведенъ въ 1866 г. въ Петербургъ, на томъ основаніи, что «въ столицѣ многія части города болѣе нуждаются въ дѣтскомъ пріютѣ, нежели городъ Павловскъ, посылавшій въ свой пріютъ немного дѣтей».

образованіе обезпечивающее ихъ будущность. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Александра Іосифовна даровала городу таковое благодѣтельное учрежденіе: 11-го іюня 1868 г. открыта здѣсь «Женская Школа для бѣдныхъ дѣвочекъ», состоящая понынѣ [1877-й годъ] подъ непосредственнымъ покровительствомъ Августѣйшей Попечительницы, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны. Особенность этого учебнаго заведенія состоитъ въ томъ, что, находясь въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, оно основано въ память въ Бозѣ почивающихъ Августѣйшихъ Членовъ Императорскаго Россійскаго Дома. Большинство воспитывающихся въ школѣ дѣвочекъ содержится на суммы, ежегодно жертвуемыя Государемъ Императоромъ, Государынею Императрицею, Государынею Цесаревною, Августѣйшими Владѣтелями г. Павловска и прочими Особами Августѣйшей фамиліи; кромѣ того, есть нѣсколько стипендіатокъ и частныхъ лицъ, въ томъ числѣ Скопинскій городской общественный банкъ содержитъ въ пріютѣ двухъ пансіонерокъ на счетъ прибылей банка. Въ школѣ воспитывается и живетъ на полномъ содержаніи заведенія до 40 дѣвочекъ; все это дочери бѣднѣйшихъ жителей Павловска—мѣщанъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, мастеровыхъ и разночинцевъ.

По уставу, школа эта имѣетъ цѣлью: «призрѣніе и обученіе бѣдныхъ дѣтей и преимущественно сиротъ Павловскихъ жителей такимъ простымъ работамъ, коими онѣ, по выходѣ изъ заведенія, могли бы пріобрѣтать себѣ средства къ жизни». Принимаются въ школу отъ 5-ти до 10-ти лѣтняго возраста,—причемъ не иначе какъ изъ бѣдныхъ или сиротъ, происходящихъ непре-

мѣнно отъ осѣдлыхъ жителей Павловска. Школа состоитъ изъ двухъ отдѣленій: младшаго и старшаго. Въ первомъ—дѣти призрѣваются и воспитываются съ 5-ти до 11-ти лѣтняго возраста; во второмъ же, куда дѣвочки поступаютъ не моложе 11-ти лѣтъ, начинается собственно ученіе, курсъ коего продолжается шесть лѣтъ. Предметы обученія: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, исторія и географія—преимущественно Россіи, чистописаніе, пѣніе хоровое, гимнастика; рукодѣлія: шитье, кройка бѣлья и одеждъ, стирка и глаженье бѣлья, занятія по кухнѣ; а въ лѣтніе мѣсяцы—садоводство и огородничество. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ воспитанницъ, смотря по ихъ способностямъ, обучаются спеціальнымъ рукодѣльнымъ работамъ, какъ-то: шитью на швейныхъ машинахъ, шитью башмаковъ и проч. Деньги, затрачиваемыя школою на матеріалы для рукодѣлій на продажу, возвращаются въ кассу заведенія по мѣрѣ сбыта издѣлій. Заведеніе принимаетъ заказы на рукодѣльныя работы. При этомъ чистая выручка, за покрытіемъ помянутаго расхода, обращается въ пользу воспитанницъ и вносится въ сберегательную кассу для выдачи имъ при выходѣ изъ школы. Воспитанницы школы, по мѣрѣ силъ и возможности, обязаны дѣлать, для себя и равно для малолѣтнихъ питомицъ, все сами, какъ-то: шить и починять бѣлье, платье и одежду; убирать комнаты; поочередно приготовлять кушанья на цѣлое заведеніе, собирать на столъ, подавать кушанье, убирать посуду; присматривать за больными ученицами и вообще исполнять всѣ работы, касающіяся домашняго хозяйства въ школѣ. При заведеніи находится обширная и хорошо устроенная прачешная; здѣсь воспитанницы моютъ какъ

свое, такъ и принимаемое для сего отъ постороннихъ лицъ бѣлье. Воспитанницы, окончившія ученіе въ школѣ, или возвращаются въ семейства родныхъ, или же, при содѣйствіи начальства школы, помѣщаются въ услуженіе и мастерство къ людямъ благонадежнымъ. Школа находится въ завѣдываніи особаго комитета, при ближайшемъ управленіи смотрительницею и ея помощницею.

Учрежденіе или, лучше сказать, возобновленіе школы при евангелическо-лютеранской церкви города Павловска, въ 1851 г., сопровождалось пожалованіемъ отъ Августѣйшаго его Владѣльца евангелическо-лютеранскому церковному совѣту участка земли въ Звѣринцѣ, съ освобожденіемъ при этомъ отъ взноса поземельныхъ и шоссейныхъ денегъ. Уставъ евангелическо-лютеранскаго училища утвержденъ въ 1852-мъ году.

Приходское училище оставалось до 1869 года на прежнемъ основаніи, т. е. въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и только на наемъ помѣщенія для училища и для учителя отпускалась ежегодно [съ 1843 г.] подлежащая сумма Павловскимъ Городовымъ Правленіемъ, а также дрова для отопленія помѣщенія. Съ 17-го февраля 1869 года, училище и квартира для учителя помѣщаются въ зданіи крѣпости Маріенталь.

Комплектъ «Собственнаго Инвалида» состоитъ нынѣ [въ 1877 г.] изъ двѣнадцати ветерановъ; это учрежденіе по прежнему остается живымъ памятникомъ великихъ событій временъ минувшихъ и военной славы нашего отечества. Кромѣ того, подтверждено обязательство Общества Царскосельской желѣзной дороги—данное Правленіемъ Общества еще при началѣ его учрежденія—по прежнему содержать нѣсколько инвалидовъ, въ качествѣ сторожей,

при дорогѣ; право назначенія инвалидовъ на эти мѣста принадлежитъ Августѣйшему Владѣльцу г. Павловска.

«Церковный Инвалидъ», т. е. богадѣльня для престарѣлыхъ рабочихъ и работницъ, и Госпиталь содержатся въ томъ же видѣ, какъ были при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Изъ распоряженій по предметамъ городскаго благоустройства особенно достойны упоминанія мѣры относительно водоснабженія города. Въ 1863—1864 гг. устроенъ въ Павловскѣ чугунный водопроводъ и семь водонапорныхъ колодцевъ. Онъ проложенъ чрезъ средину города по Медвѣжьему переулку, чрезъ р. Славянку и по Солдатской слободкѣ; при этомъ рѣка Славянка тщательно очищена въ 1866 г., а незадолго предъ тѣмъ произведена очистка и углубленіе многочисленныхъ прудовъ въ паркѣ Павловска.

На поддержаніе и подсадку деревьевъ на бульварахъ, улицахъ и переулкахъ города обращено особенное вниманіе, и столь успѣшно, что Павловскъ, весной и лѣтомъ, совершенно утопаетъ въ зелени.

Для оказанія содѣйствія лицамъ, получившимъ участки земли,—скорѣе ихъ застроить, отчисленъ въ распоряженіе Павловскаго Городоваго Правленія особый капиталъ, изъ котораго Правленіе и производитъ на этотъ предметъ ссуды. Павловскъ въ послѣднія десятилѣтія значительно увеличился: въ чертѣ его пустыхъ участковъ для раздачи подъ постройки уже нѣтъ. Не только въ каждой улицѣ и переулкѣ явились новыя дачи, но возникли обширные кварталы; такъ, напримѣръ, застроенъ въ послѣдніе годы большой участокъ по окраинѣ города, такъ называемыя «Новыя мѣ-

ста»; это—Константиновскій кварталъ, весьма любимый публикой, которая ежегодно заселяетъ всѣ хорошенькія дачи этой части Павловска. Содержаніе, затѣмъ, въ отличномъ видѣ шоссе, водопроводовъ, замѣна нѣкоторыхъ деревянныхъ мостовъ каменными, тщательное наблюденіе за поддержкой частными владѣльцами ихъ дачъ въ благообразномъ видѣ, возобновленіе и поддержка разныхъ казенныхъ и садовыхъ зданій—вотъ тѣ мѣры, которыя приняты въ послѣднія два десятилѣтія по отношенію къ благоустройству и украшенію этого города.

Говоря о Павловскѣ, какъ о городѣ, необходимо упомянуть, что первый, по времени, опытъ составленія юридическаго описанія городской недвижимой собственности, столь необходимаго для предполагаемой ко введенію въ городахъ Россійской Имперіи ипотеки, сдѣланъ именно въ Павловскѣ.

Юридическое описаніе частныхъ недвижимостей въ г. Павловскѣ составлено въ 1874 году *. Въ этомъ описаніи приведены въ возможную извѣстность юридическія данныя по каждой недвижимости въ г. Павловскѣ, какъ-то: мѣсто ея нахожденія, лицо, которому она принадлежитъ въ собственность, основаніе его правъ, ограниченіе этихъ правъ и, наконецъ, долги и обязательства, состоящіе на имѣніи или оглашенные наложеніемъ запрещенія.

Цѣль описанія заключается въ томъ, чтобы, разъяснивъ положеніе имущества, облегчить пріобрѣтеніе его и

* Этотъ трудъ исполненъ при С.-Петербургской Сохранной Казнѣ, при непосредственномъ участіи и подъ руководствомъ ея Управляющаго, М. К. Цеймерна.

дать имущественному кредиту болѣе твердую опору. Этимъ трудомъ исполнено предписанное Городовымъ Положеніемъ 1785-го года, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

—Ст. 9. «Городовому Магистрату имѣть книгу, съ описаніемъ домовъ, строеній, мѣстъ и земель городскихъ, подъ нумерами, дабы желающіе дать въ займы деньги, на закладъ дома, или же кто домъ, строеніе, мѣсто или землю купить или нанять хочетъ, съ тою книгою справясь, давать деньги могъ съ надежностію».

Чтобы имѣть понятіе о значительности труда при составленіи помянутаго описанія, даже по отношенію къ такому маленькому городу каковъ Павловскъ, довольно напомнить, что въ настоящее время не существуетъ центральнаго хранилища юридическихъ данныхъ, касающихся недвижимыхъ имуществъ, а потому необходимыя по сему предмету свѣдѣнія составителю описанія пришлось собирать изъ разныхъ источниковъ; главнѣйшими изъ нихъ служили: вѣдомости о раскладкѣ налога, публикаціи, напечатанныя въ объявленіяхъ Сенатской типографіи о переходѣ имѣній, объявленія о наложеніи запрещеній и о разрѣшеніи ихъ, дѣла Дворцоваго Правленія о раздачѣ земель, утвержденные планы, дѣла Нотаріальнаго архива и дѣла Центральнаго архива С.-Петербургскаго Окружнаго Суда.

Затѣмъ, дабы описанія эти могли послужить и при введеніи ожидаемаго ипотечнаго порядка, они составлены въ соотвѣтствіи къ формамъ книгъ ипотечныхъ, при чемъ обиліе собранныхъ источниковъ дало возможность указать не только послѣднихъ предшественниковъ владѣющихъ лицъ и время совершенія ими крѣпостныхъ актовъ, но и прежніе переходы недвижимостей за мно-

гіе десятки лѣтъ, съ означеніемъ когда и откуда были выданы акты; такимъ образомъ, дѣлается возможнымъ каждому желающему прослѣдить исторію той или другой недвижимости.

Всѣхъ недвижимостей въ г. Павловскѣ, т. е. дачъ, по юридическому описанію 1874-го года,—323.

Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ, юридическое описаніе недвижимаго имущества въ Павловскѣ послужитъ образцомъ для введенія таковаго въ городахъ Имперіи. Очевидная польза ипотеки, какъ мѣры, выработанной наукою политической экономіи, давно уже признана въ западной Европѣ всѣми образованными землевладѣльцами.

Въ послѣднее время къ достопримѣчательностямъ Павловска прибавились еще слѣдующія зданія и учрежденія: выстроено, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, близь воксала, весьма изящное зданіе Театра, а на противоположной окраинѣ Павловска основана—при покровительствѣ и содѣйствіи Августѣйшаго Владѣльца Павловска—Магнитная и Метеорологическая Обсерваторія; при этомъ, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, Обсерваторіи безмездно предоставленъ большой участокъ земли, на все время ея существованія *.

Словомъ, столѣтній Павловскъ своею красотою, чистотою и многими удобствами для жизни, а также по сво-

---

* Описаніе Павловской Метеорологической Обсерваторіи см. далѣе въ этой книгѣ, стр. 337—342.

имъ учрежденіямъ, вполнѣ заслуживаетъ расположенія къ нему жителей Петербурга, которые съ каждымъ годомъ, весной и лѣтомъ, все болѣе и болѣе заселяютъ его какъ дачники или посѣщаютъ его для прогулокъ въ обширномъ паркѣ.

Въ Большомъ дворцѣ — этомъ интереснѣйшемъ памятникѣ быта прошлаго вѣка—прекрасная Библіотека, находящійся въ ней фамильный архивъ и собраніе слѣпковъ и камей — приведены въ отличный порядокъ *. Въ 1872 г. во дворцѣ устроена Картинная Галлерея, въ которую собраны лучшія изъ имѣющихся во дворцахъ Павловска картины извѣстныхъ мастеровъ европейскихъ школъ живописи; эти картины до 1872-го года были разсѣяны, безъ всякой системы, по всѣмъ этажамъ и покоямъ дворца, такъ что не представлялось никакихъ удобствъ для осмотра ихъ любителями искусствъ: подлѣ хорошей картины зачастую висѣли картины посредственныя и вовсе незамѣчательныя въ художественномъ отношеніи. Тогда же, въ томъ же дворцѣ и также по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, устроенъ «Музей древнихъ произведеній искусства»,—до того времени разсѣянныхъ

* Библіотека сохраняется въ томъ самомъ составѣ, какъ завѣщана Основательницею Павловска. Въ 1863 г. Императорская Публичная библіотека просила уступить ей нѣкоторыя брошюры, какъ дополняющія иноязычное ея отдѣленіе о Россіи. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ на эту просьбу изволилъ положить слѣдующую резолюцію:—«Не имѣю права на это согласиться, такъ какъ Павловская библіотека принадлежитъ маіорату, а я отъ него ничего отчуждать не могу».

не только по разнымъ комнатамъ, коридорамъ и кладовымъ дворца, но полузаброшенныхъ и забытыхъ въ паркѣ, гдѣ они подвергались порчѣ отъ вліянія стихій. Весьма обстоятельное описаніе этого Музея составлено академикомъ Л. Стефани и издано Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1872 г., а рукописный каталогъ Картинной Галлереи, составляющій выдержку изъ подробной описи, 1848 г., всѣхъ картинъ, принадлежащихъ дворцамъ Павловска, пересмотрѣнъ и исправленъ помощникомъ хранителя по картинной галлереѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ Н. А. Лукашевичемъ *.

Картинная Галлерея и Музей въ Павловскомъ дворцѣ, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, ежедневно, по утрамъ, въ продолженіе весны, лѣта и до глубокой осени открыты желающимъ для обозрѣній.

Въ 1866 г. въ Павловскомъ паркѣ, въ память въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, на любимомъ имъ мѣстѣ, поставленъ его портретъ, а въ 1872-мъ году площадка предъ дворцомъ, со стороны тройной липовой аллеи, украшена статуею Императора Павла I,—точною копіею статуи, работы талантливаго художника Клодта, поставленной въ городѣ Гатчинѣ.

Незадолго предъ тѣмъ, именно въ 1871 г., одинъ изъ запущенныхъ до того и обширныхъ участковъ Павлов-

---

* Каталоги «Музея» и «Картинной Галлереи»,—въ сокращенномъ видѣ, напечатаны въ этой книгѣ далѣе, въ описаніи Большаго Дворца въ Павловскѣ. При этомъ каталогъ картинъ вновь пересмотрѣнъ А. И. Сомовымъ, составителемъ каталоговъ картинной галлереи Императорской Академіи Художествъ.

ска преобразовался въ Звѣринецъ, упраздненный болѣе семидесяти лѣтъ тому назадъ. Далѣе, въ отдѣлѣ описанія достопримѣчательностей Павловска помѣщены о Звѣринцѣ и его обитателяхъ нѣкоторыя подробности.

Памятникъ Императору Павлу I въ Павловскѣ сооруженъ по мысли и иждивеніемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича; его же заботамъ Павловскъ обязанъ возстановленіемъ въ немъ и хорошимъ устройствомъ Звѣринца.

Всѣ садовыя зданія въ Павловскѣ, за исключеніемъ Александровскаго дворца и прежняго Театра, по ветхости разобранныхъ—первое въ 1851 г., а второе въ 1856 г., поддерживаются съ полнѣйшимъ тщаніемъ точно въ томъ видѣ, какъ они были въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтій; при этомъ нѣкоторыя изъ этихъ зданій значительно исправлены, какъ напримѣръ, Розовый павильонъ [въ 1856 г.], бесѣдка памятника Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, павильонъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Пиль-Башня, Вольеръ и друг. На мѣстѣ бывшаго театра въ саду поставлена мачта и натянута сѣтка—любимѣйшее мѣсто юнаго лѣтняго населенія Павловска.

Оранжереи, въ періодъ съ 1828-го по 1849-й годъ обреченныя на совершенное запустѣніе, ожили и обогатились подъ надзоромъ новаго инспектора садоводства, родомъ чеха, Ф. К. Катцера, который замѣнилъ Вейнмана, скончавшагося въ августѣ 1858 года. Нынѣ посѣщеніе дворцовыхъ оранжерей можетъ доставить истинное наслажденіе каждому любителю цвѣтовъ и рѣдкихъ растеній и вообще знатоку садоводства.

Не менѣе сдѣлано въ послѣдніе годы по отношенію къ

садамъ и всему Павловскому парку: заглохшія мѣста въ немъ тщательно расчищены и тѣмъ облегченъ дальнѣйшій ростъ деревьямъ; расчисткою просѣкъ—открыты прелестные виды, о которыхъ такъ заботился еще въ началѣ текущаго столѣтія Гонзаго [см. о немъ выше]; подсажены длинныя аллеи и цѣлыя рощи превосходныхъ экземпляровъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ; на протяженіи многихъ десятковъ верстъ ремонтированы дорожки и дороги, проведены новыя—напримѣръ, въ 1873-мъ году—Константиновская, на протяженіи четырехъ верстъ извивающаяся по живописнѣйшимъ мѣстамъ парка; черезъ Славянку, вмѣсто обветшалыхъ деревянныхъ, перекинуты, красиваго рисунка, каменные мосты [напр. въ 1873 г. «Новосильвійскій», вмѣсто ветхаго деревяннаго «Гурова» моста, и друг.]; во всѣхъ живописныхъ пунктахъ парка и вообще всюду, гдѣ только найдено необходимымъ, поставлены, для удобства публики, скамейки, мѣстами столики—словомъ обширный, вполнѣ художественно раскинутый Павловскій паркъ вполнѣ достоинъ своей извѣстности — одного изъ лучшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, парка въ Россіи.

Вступивъ въ 1849-мъ году во владѣніе Павловскомъ — Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ сдѣлался владѣльцемъ-собственникомъ обширнаго заповѣднаго имѣнія съ принадлежащими къ нему крестьянами; изъ нихъ собственно къ Павловску принадлежала 731 душа * и въ Гдовскомъ имѣніи, т. е. въ

*Ѳедоровскій посадъ—482 д.; деревни: Глинки—59, Глазова—31, Тярлева—58, Новая Вѣсь—44, Липицы—44, всего 718 д.; кромѣ того, колонистовъ селенія Этюпъ—13-ть душъ.

Выскатской волости, приписной къ вѣдомству г. Павловска, состояло, въ 99-ти разбросанныхъ небольшихъ деревняхъ,—4,686 душъ. Отношенія Августѣйшаго Владѣльца къ сельскому населенію его имѣнія были выполненіемъ священной воли Основательницы Павловска:

— «Я прошу Моихъ сыновей,—писала Императрица Марія Ѳеодоровна въ § VIII-мъ духовнаго завѣщанія,— обратить все ихъ вниманіе на счастіе и благосостояніе Моихъ крестьянъ и не увеличивать ихъ повинностей».

Согласно съ симъ завѣтомъ, повинности крестьянъ не только не были увеличены, но обращено вниманіе на всестороннее улучшеніе ихъ быта. Такъ, между прочими распоряженіями, по отношенію къ крестьянамъ, еще въ 1853 г. Августѣйшій Владѣлецъ Павловска повелѣлъ значительно уменьшить, а вслѣдъ за тѣмъ и вовсе отмѣнить такъ называемыя выводныя деньги, довольно живо напоминавшія крѣпостное право прочихъ помѣщиковъ; то были установленные въ 1834-мъ году сборы въ мірской капиталъ: за увольненіе крестьянскихъ вдовъ и дочерей въ замужство за служащихъ и отставныхъ воинскихъ чиновъ, а также за всѣхъ прочихъ лицъ и въ такія вѣдомства, отъ которыхъ, по выраженію распоряженія 1834-го года: «нельзя ожидать замѣны»; равнымъ образомъ за увольненіе крестьянокъ по паспортамъ и проч. Въ 1857—1858 гг., по повелѣнію Его Высочества, исполнены землемѣрныя работы относительно точнаго опредѣленія и нарѣзки крестьянскихъ земель, при чемъ вывѣрены окружныя межи, сняты планы по дачамъ г. Павловска и приписныхъ къ нему деревень, съ принадлежащими къ нимъ пустошами, произведено размежеваніе по онымъ, утверждены раздѣльныя

межи, составлены планы съ межевыми книгами; при этомъ, для уравненія крестьянъ въ пользованіи землями и угодьями — къ нѣкоторымъ деревнямъ, по повелѣнію Его Высочества, тогда же сдѣланы значительныя прирѣзки земли изъ принадлежащей Павловску.

По обнародованіи Положенія 19 февраля 1861-го года, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, первымъ изъ владѣльцевъ заповѣдныхъ и маіоратныхъ имѣній, поспѣшилъ изъявить готовность предоставить крестьянамъ своего имѣнія тѣ блага относительно поземельнаго устройства и, въ особенности, самоуправленія, которыя получили прочіе крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости. Его Императорское Высочество призналъ возможнымъ сдѣлать первый шагъ къ достиженію Высочайше указанной цѣли приведенія разнородныхъ системъ управленія крестьянъ къ общему началу—подчиненіемъ своихъ имѣній правиламъ Положенія 19-го февраля 1861 г., при чемъ за крестьянами этихъ имѣній сохранены были всѣ тѣ личныя права, какія имъ были до того дарованы, съ предоставленіемъ и новыхъ правъ по означенному Положенію.

Предположенія Его Императорскаго Высочества о примѣненіи къ Павловскому, Гдовскому и Стрѣлинскому имѣніямъ Положенія 19-го февраля 1861-го года, по Высочайшему повелѣнію, были разсмотрѣны въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, и въ 23-й день мая 1861-го года, Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ этого Комитета, помянутыя дворцовыя имѣнія подчинены, въ отношеніи введенія въ нихъ хозяйственнаго устройства и управленія, Высочайше утвержденному 19-го февраля 1861 года Положенію

о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, съ тѣмъ притомъ: 1) что уставныя грамоты по симъ имѣніямъ, по составленіи, разсмотрѣніи и засвидѣтельствованіи ихъ Мировыми Учрежденіями, имѣли быть представлены Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ на Высочайшее утвержденіе Государя Императора; 2) въ отношеніи назначенія сихъ имѣній, а также порядка наслѣдованія и распоряженія оными, должны быть сохранены установленныя Высочайшими указами правила и ограниченія, и 3) крестьянамъ, при дарованіи правъ на основаніи Положенія 19-го февраля 1861 г., должны быть сохранены и всѣ личныя права, коими они пользуются.

15-го августа 1861 г. все Павловское имѣніе, согласно желанію его Августѣйшаго Владѣльца, введено въ составъ перваго Мироваго участка Царскосельскаго уѣзда, причемъ изъ имѣнія образована особая волость. Въ Ѳедоровскомъ посадѣ открыто волостное правленіе и въ тотъ же день, 15-го августа 1861 г., крестьянами избраны волостной старшина и сельскіе старосты.

Затѣмъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія 23-го мая 1861 г., лѣтомъ того-же года, приступлено къ составленію, по соглашенію съ крестьянами, уставныхъ грамотъ по деревнямъ Павловскаго имѣнія.

Въ духовномъ завѣщаніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, какъ приведено уже выше, сказано: «Я прошу Моихъ сыновей обратить все ихъ вниманіе на счастіе и благосостояніе Моихъ крестьянъ и не увеличивать ихъ повинностей». Эта статья завѣщанія принята была въ основаніе при составленіи помянутыхъ уставныхъ грамотъ. Крестьяне Павловскаго имѣнія раздѣлены на два

сельскія общества: Θедоровское и пяти маймистскихъ селеній. Для каждаго изъ обществъ составлена особая уставная грамота. Надѣлъ крестьянъ землею, повинности за пользованіе землею и условія выкупа земельныхъ угодій опредѣлены въ грамотахъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

— Крестьянамъ предоставлена въ постоянный надѣлъ вся состоявшая при обнародованіи Положенія 19-го февраля въ ихъ пользованіи земля:

на 482 души Θедоровскаго общества . . . . 3,836 десятинъ.

на 226 душъ общества маймистскихъ селеній . . . . 1,427 десятинъ земли.

Это количество земли превышаетъ установленный въ Положеніи 19-го февраля 1861 г. высшій душевой размѣръ надѣла: въ первомъ обществѣ на 1,908 дес. и во второмъ—на 523 десятины.

— Оброкъ за пользованіе землею оставленъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ взимался до 19-го февраля 1861 г., т. е. по 2 руб. 85⁵/₇ к. серебр. [10 р. ас.] съ ревизской души.

Такимъ образомъ, за значительный излишекъ земли, сверхъ высшаго размѣра надѣла, не опредѣлено, за пользованіе онымъ, никакой добавочной платы.

— Находящимся въ надѣлѣ крестьянъ лѣсомъ предоставлено имъ пользоваться для собственнаго употребленія. Кромѣ того, за крестьянами сохранено предоставленное имъ право на полученіе ежегодно изъ Лисинскаго учебнаго лѣсничества 1,000 деревъ.

— Крестьянамъ предоставлено, вмѣсто отдѣльнаго выкупа усадебной осѣдлости; пріобрѣсти въ собственность,

совокупно съ этою осѣдлостью, весь отведенный имъ въ постоянное пользованіе надѣлъ или часть онаго, но не менѣе установленнаго Положеніемъ 19-го февраля 1861 г. высшаго душеваго надѣла.

—Выкупная сумма за высшій душевой надѣлъ опредѣлена, согласно Положенію о выкупѣ, посредствомъ капитализаціи изъ 6% платимаго крестьянами оброка.

При опредѣленіи суммы выкупа за излишнія, сверхъ высшаго надѣла, земли, принята въ основаніе та цѣна, въ которую обойдется десятина при оцѣнкѣ одного высшаго надѣла посредствомъ капитализаціи изъ 6%, но съ нѣкоторымъ, незначительнымъ впрочемъ, возвышеніемъ этой цѣны, дабы возмѣстить ту потерю, которая произойдетъ вслѣдствіе того, что выкупная сумма опредѣляется по капитализаціи оброка изъ 6%, а между тѣмъ выкупныя за землю суммы будутъ приносить только 5%; сверхъ того, имѣлось въ виду, при опредѣленіи выкупной суммы, что вся излишняя сверхъ надѣла земля, предоставленная крестьянамъ, заключается въ весьма цѣнныхъ лѣсныхъ дачахъ.

Для облегченія крестьянъ въ выкупѣ излишней сверхъ надѣла земли, имъ предоставлено опредѣленныя за сію землю суммы уплатить въ теченіе 10-ти лѣтъ по равнымъ частямъ. Наконецъ, въ распоряженіе крестьянъ, въ ихъ мірской капиталъ переданы значительныя суммы, дотолѣ находившіяся въ распоряженіи Павловскаго Городоваго Правленія [напримѣръ, по одному Гдовскому имѣнію до 40 т. руб.]; также въ вѣдѣніе крестьянъ поступили значительные запасы хлѣба въ сельскихъ магазинахъ.

Составленныя на изложенныхъ выше основаніяхъ двѣ уставныя грамоты, опредѣляющія поземельное устройство крестьянъ Павловскаго дворцоваго имѣнія, именно сельскихъ обществъ посада Ѳедоровскаго и пяти маймистскихъ селеній, удостоились Высочайшаго утвержденія и введены въ дѣйствіе 15-го апрѣля 1862 г. общимъ установленнымъ порядкомъ.

Со времени разрѣшенія великаго вопроса освобожденія крестьянъ прошло шестнадцать лѣтъ [1861—1877 гг.]; болѣе трехъ четвертей общаго числа бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ Россійской Имперіи окончательно вышли изъ обязательныхъ къ помѣщикамъ отношеній; но крестьяне Павловскаго имѣнія—именно Ѳедоровскаго и Маймистскаго сельскихъ обществъ—не изъявляютъ желанія быть крестьянами-собственниками и, не смотря на многократныя по сему поводу предложенія, продолжаютъ оставаться временно-обязанными, не находя для себя выгоднымъ переходъ въ крестьянъ-собственниковъ. Такимъ образомъ, въ то время, когда въ громадномъ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній крестьяне спѣшили освободиться отъ обязательныхъ къ помѣщикамъ отношеній,—въ Павловскихъ деревняхъ явленіе обратное: здѣсь Августѣйшаго ихъ Владѣтеля не освобождаютъ крестьяне отъ своихъ «временно-обязанныхъ» къ Его Императорскому Высочеству отношеній. Объясненіе этого явленія надо искать какъ въ высокомъ благодушіи первой Помѣщицы Павловскихъ деревень, которая, изъ вѣка въ вѣкъ, завѣщала своимъ преемникамъ по отношенію къ крестьянамъ ея имѣнія самыя возвышенныя чувства, такъ и въ условіяхъ быта сельскаго насе-

ленія Павловскаго имѣнія, которыя, въ настоящее время, такъ хороши, что съ переходомъ изъ обязанныхъ въ крестьянъ-собственниковъ населеніе это ничего новаго не выигрываетъ *.

Выше упомянуто, что въ числѣ учрежденій, возникшихъ въ послѣдніе годы въ предѣлахъ Павловска и его украсившихъ, а также придавшихъ ему бóльшее значеніе и интересъ для многочисленныхъ посѣтителей,— должна быть указана Метеорологическая Обсерваторія.

Основаніемъ и открытіемъ этой Обсерваторіи ознаменованъ переходъ Павловска изъ перваго столѣтія его жизни во второе: закладкой Обсерваторіи ознаменованъ, такъ сказать, канунъ, а открытіемъ ея—самая годовщина столѣтія этого города. Вотъ почему совершенно умѣстно разсказомъ объ основаніи помянутаго учрежденія и обзоромъ причинъ его вызвавшихъ заключить очеркъ исторіи Павловска, съ его памятниками и учрежденіями, за время съ 1777-го по 1877-й годъ.

---

* Что касается до крестьянъ приписнаго къ г. Павловску Гдовскаго имѣнія, то всѣ они [4,686 м. п. д.] перешли, чрезъ выкупъ своихъ надѣловъ, въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ. Выкупная сумма была опредѣлена изъ капитализаціи изъ 6 процентовъ *пятирублеваго* съ души оброка, а не *десяти* руб., какъ-бы слѣдовало по Положенію 19-го февраля. При этомъ во многихъ деревняхъ этого имѣнія крестьянамъ предоставленъ надѣлъ земли до $5\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, а другимъ деревнямъ Августѣйшій Владѣлецъ безмездно предоставилъ, для дополненія ихъ надѣловъ, 361 десят. Наконецъ, въ 1876 г. съ крестьянъ-собственниковъ Гдовскаго имѣнія, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества, сложены недоимки оброчныхъ и арендныхъ денегъ, болѣе четырнадцати тысячъ рублей серебромъ.

21-го мая 1876 г. въ Павловскѣ, въ полуверстѣ отъ парка, близь дороги въ Ѳедоровскій посадъ, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Димитрія Константиновича и Вячеслава Константиновича, Президента академіи наукъ гр. Ѳ. П. Литке, Вице-президента академіи наукъ В. Я. Буняковскаго, академика Г. И. Вильда, и нѣкоторыхъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ, — совершена закладка зданія Магнитной и Метеорологической Обсерваторіи.

Метеорологія и земной магнетизмъ получили развитіе и заняли мѣсто въ ряду наукъ самостоятельныхъ въ новѣйшее время, благодаря трудамъ академиковъ Кемца и Гауса. Первый изъ нихъ положилъ прочныя основы метеорологіи; второй создалъ теорію земнаго магнетизма и изобрѣлъ точные и скорые способы абсолютныхъ опредѣленій силы земнаго магнетизма и магнитныхъ наблюденій вообще. До нынѣшняго столѣтія, съ помощью снарядовъ далеко не совершенныхъ, производились наблюденія отрывочныя и случайныя, довольствоваться которыми уже не дозволяютъ успѣхи современной метеорологіи. Нынѣ требуется систематическая организація наблюденій постоянныхъ, по одному общему плану. Начало подобной организаціи было положено одновременно въ Западной Европѣ и у насъ, въ Россіи, по почину Александра Гумбольдта—основателя Германскаго общества изслѣдователей земнаго магнетизма. При посѣщеніи Петербурга, на пути своемъ въ Азію въ 1829 году, Гумбольдтъ предложилъ Императорской Академіи

Наукъ образовать подобное же общество и у насъ, въ Россіи; съ тѣмъ же предложеніемъ послѣ того онъ обратился въ Англію. Осуществленіемъ мысли знаменитаго ученаго не замедлили: на многихъ пунктахъ, избранныхъ въ разныхъ странахъ земнаго шара, были сооружены магнитныя и метеорологическія обсерваторіи, въ которыхъ наблюденія производились по одной общепринятой системѣ, въ назначенные часы. Въ Россіи, по порученію Академіи Наукъ, подъ руководствомъ академика Купфера, была организована сѣть нѣсколькихъ обсерваторій при горныхъ заводахъ по сю сторону Урала и въ Сибири, сообщавшихъ свои наблюденія въ центральную—учрежденную въ С.-Петербургѣ при Горномъ Институтѣ. Эта обсерваторія была началомъ учрежденія, которое, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, было преобразовано въ Главную Физическую Обсерваторію, 1-го апрѣля 1849 года. Новый уставъ сего учрежденія Высочайше утвержденъ 4-го мая 1871 г.

Число метеорологическихъ станцій въ Россіи въ 1867 году было 26, въ 1870 оно почти удвоилось, въ 1874 году число ихъ возрасло до 130.

Главная Физическая Обсерваторія, по опредѣленію ея устава, есть центральное учрежденіе въ Имперіи для изслѣдованія Россіи въ физическомъ отношеніи. Она имѣетъ цѣлію: производство и распространеніе наблюденій и изслѣдованій способствующихъ преуспѣянію физики въ Россіи, какъ въ чисто научномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи различныхъ ея приложеній, согласно съ современнымъ состояніемъ науки, и возможное,—по средствамъ Обсерваторіи, — содѣйствіе лицамъ, занимающимся практическими изслѣдованіями по физикѣ и метео-

рологіи, въ особенности же по производству метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій.

Дѣятельность Обсерваторіи можно раздѣлить на три главныя отрасли: во первыхъ—какъ образцовой магнитной и метеорологической обсерваторіи; во вторыхъ—какъ главной физической въ тѣсномъ смыслѣ слова; въ третьихъ—какъ средоточіе климатологическихъ и магнитныхъ наблюденій во всей Россіи съ присоединеніемъ отдѣла системы телеграфныхъ сообщеній, составленія и изданія метеорологическаго бюллетеня.

Въ отношеніяхъ научномъ и общеполезномъ Петербургская Обсерваторія поставлена въ самыя благопріятныя условія, но съ ними однакоже далеко не согласуются условія мѣстныя, т. е. окрестная обстановка зданія Главной Обсерваторіи. Избранное для нея мѣсто въ 1849 году въ то время вполнѣ соотвѣтствовало учрежденію: разобщенное съ многолюдными и оживленными частями города, оно было удобно для физическихъ изслѣдованій и метеорологическихъ наблюденій. Мѣстность эта, по направленію къ морю, была мало застроена; ѣзда экипажей по немощеннымъ улицамъ—весьма незначительная, не производя сотрясеній въ грунтѣ, не препятствовала наблюденіямъ. Но въ теченіе двадцати шести лѣтъ, по мѣрѣ расширенія столицы и усиленія торговой и промышленной дѣятельности, мѣстность вокругъ Обсерваторіи значительно измѣнилась. Вблизи Обсерваторіи возникли большія фабрики, мастерскія, товарные склады, газовый заводъ и т. п. Зданія преградили путь свободному теченію воздуха, тучи дыма изъ трубъ заводовъ, отапливаемыхъ каменнымъ углемъ, непрерывная тряска мостовой отъ ѣзды цѣлыхъ каравановъ ломовыхъ

извощиковъ — были существеннѣйшими препятствіями для точныхъ наблюденій надъ атмосферическими явленіями. Въ 1863 году Магнитная Обсерваторія была перенесена на новый участокъ земли, обставленный условіями еще неблагопріятнѣе прежнихъ, которыя, въ 1874 году, отняли у нея возможность производить наблюденія: на островѣ маслянаго буяна устроено было отдѣленіе таможни съ пристанью для большихъ желѣзныхъ пароходовъ; съ другой стороны, по близости Обсерваторіи сооружена была водоподъемная паровая машина съ огромными желѣзными резервуарами. Это громадное количество желѣза породило, въ отношеніи магнитныхъ аппаратовъ Обсерваторіи,—цѣлый ураганъ неправильныхъ теченій и непрерывныхъ колебаній, особенно неблагопріятно вліявшій на варіаціонные приборы. Полнѣйшія и точнѣйшія наблюденія сдѣлались возможными только въ зимнюю пору, съ прекращеніемъ навигаціи и установкою саннаго пути.

Въ виду этихъ условій, рѣшительно вредныхъ для дѣятельности Обсерваторіи, ея директоромъ сдѣлано было представленіе Академіи Наукъ объ учрежденіи особой обсерваторіи въ окрестностяхъ столицы, при чемъ было указано на Павловскъ, мѣстность котораго, во многихъ отношеніяхъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ метеорологическія и магнитныя наблюденія могутъ быть производимы безпрепятственно и вполнѣ успѣшно. Августѣйшій Владѣтель Павловска, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, узнавъ о существованіи означеннаго предположенія, изволилъ выразить живое сочувствіе къ осуществленію мысли столь полезной для науки, и 31-го ок-

тября 1874-го года безвозмездно предоставилъ Академіи Наукъ, для постройки новой Обсерваторіи, потребное количество земли въ Павловскѣ.

Проектъ о сооруженіи Обсерваторіи въ Павловскѣ удостоился Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія въ 1-й день іюня 1875-го года.

Начатое въ маѣ 1876 г., зданіе Павловскаго отдѣленія Главной Магнитной и Метеорологической Обсерваторіи въ 1877-мъ году было уже вполнѣ окончено. Такимъ образомъ, вступленіе Павловска во второй вѣкъ его бытія ознаменовалось памятникомъ вѣковѣчнымъ, посвященнымъ одной изъ важнѣйшихъ наукъ въ области естествознанія.

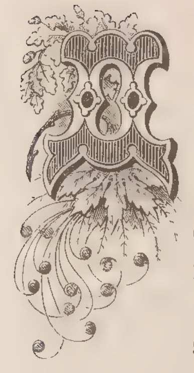
Обсерваторія состоитъ изъ главнаго каменнаго зданія и двухъ павильоновъ для магнитныхъ наблюденій. Основою библіотекѣ Павловской Обсерваторіи послужило собраніе книгъ, до 5,000 томовъ, принесенное въ даръ однимъ изъ ревнителей просвѣщенія. Кромѣ хорошей, вполнѣ научной библіотеки, собственное собраніе принадлежащихъ этой Обсерваторіи снарядовъ—одно изъ лучшихъ въ мірѣ. Къ числу таковыхъ принадлежатъ: фотографической магнитографъ, который помощью фотографіи вычерчиваетъ кривыя линіи, показывающія всѣ перемѣны, происходящія въ магнитномъ склоненіи, наклоненіи и напряженіи; также другіе самопишущіе приборы: барографъ, термографъ, гигрографъ, атмографъ и анемографъ, которые непрерывно, чрезъ каждыя 5 или 10 минутъ, отмѣчаютъ давленія атмосферы, температуру воздуха, влажность, испареніе воды, направленіе и ско-

рость вѣтра; особенно замѣчательны также: нормальный барометръ съ особенными приспособленіями для точнаго абсолютнаго опредѣленія давленія атмосферы; новые разнообразные приборы для абсолютныхъ опредѣленій магнитнаго склоненія и напряженія, и индуктивный инклинаторъ для опредѣленія магнитнаго наклоненія; слѣдуетъ также упомянуть о приборахъ для опредѣленія температуры почвы на разныхъ глубинахъ, для опредѣленія свѣтлости неба и лучеиспусканія теплоты.

Главная польза метеорологіи, какъ науки, не нуждается въ поясненіяхъ; но, изъ всѣхъ полезныхъ ея сторонъ, должно указать на обрѣтенную ею возможность предусматривать бури на основаніи несомнѣнныхъ, научныхъ данныхъ, чѣмъ ежегодно сберегается жизнь многихъ тысячъ мореплавателей. Изученіе воздуха, изслѣдованіе всѣхъ его перемѣнъ, относятся къ благосостоянію цѣлыхъ странъ и по отношеніи къ нимъ весьма важно; а потому, въ глазахъ каждаго просвѣщеннаго человѣка, сооруженіе Метеорологической Обсерваторіи въ Павловскѣ есть событіе вполнѣ достойное нашего времени.

БЕЛЬВЕДЕРЪ НА ГРАНИЦѢ ПАРКА.

ОПИСАНІЕ ПАВЛОВСКА.



Достаточно одного взгляда на общій планъ Павловска, чтобы убѣдиться въ обширности пространства, занимаемаго дворцовымъ садомъ и паркомъ. Изъ 881-й дес. 1,658 квад. саженей—составляющихъ въ одной межѣ владѣніе Павловска—подъ садовыми зданіями, паркомъ, садами, лугами, островами и прудами—находится 623 десятины 128 саж. Общая сложность протяженія проѣзжихъ и пѣшеходныхъ аллей въ паркѣ болѣе нежели въ семь разъ превосходитъ разстояніе отъ Петербурга до Павловска, т. е. свыше 180-ти верстъ.

Въ этомъ паркѣ, одномъ изъ обширнѣйшихъ въ Россіи, раскидано нѣсколько весьма изящныхъ и затѣйливыхъ по архитектурѣ садовыхъ зданій, бесѣдокъ и вполнѣ художественныхъ памятниковъ. Начинаемъ обзоръ примѣчательнѣйшихъ садовыхъ зданій съ мѣстности, ближайшей къ воксалу желѣзной дороги.

Старое Шале

—одноэтажная круглая хижина въ швейцарскомъ вкусѣ, крытая соломою, съ конусообразною крышею и небольшимъ таковымъ-же на ней навѣсомъ для колокола, выстроена въ 1780 г. Наружная боковая лѣстница ведетъ на чердакъ; къ лѣвой сторонѣ домика небольшая пристройка, въ ней кухня. Дворикъ, обнесенный изгородью, осѣненъ верандами; на немъ большой курятникъ въ видѣ бесѣдки. Кромѣ двора, къ зданію Стараго Шале принад-

лежитъ небольшой участокъ земли, обнесенный изгородью. При Императорѣ Павлѣ I все пространство, занимаемое Старымъ Шале и дворикомъ, было обнесено частоколомъ; мосты были подъемные.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка швейцарскіе домики и пастушескія хижинки были повсемѣстно непремѣнными принадлежностями садовъ загородныхъ дворцовъ владѣтельныхъ лицъ и вельможъ. Законодательница модъ того времени, королева Французская Марія Антуанета, любительница сельской жизни, пріохотила весь дворъ къ идиллическимъ затѣямъ и къ той изящной, изысканной простотѣ, которая была, въ сущности, видоизмѣненіемъ роскоши. Въ садахъ Тріанона явились первые образцы бесѣдокъ въ сельскомъ вкусѣ.—Старое Шале въ Павловскѣ можно именно назвать памятникомъ духа времени: зданіе—снаружи скромное—представляетъ во внутреннемъ своемъ убранствѣ, вмѣстѣ съ изяществомъ, и нѣкоторую роскошь.

Въ первой комнаткѣ сохраняются двѣ самопрялки и машинка для мотанія нитокъ, принадлежавшія Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Во второй—небольшое круглое зало—прекрасно расписанныя стѣны и потолокъ, зеркала съ мраморными столами и съ превосходно написанными на стеклахъ вазами съ букетами цвѣтовъ. На право комнатка—въ одно окно и, не смотря на то, что вся она шириною не болѣе аршина, на стѣнѣ фрескъ, изображающій перспективный видъ колоннады. Въ темной комнаткѣ на лѣво сохраняются лопатки, грабли, заступы, совки для съемки яблоковъ и другія орудія огородничества и садоводства.

При постройкѣ этого домика Императрица Марія Ѳео-

СТАРОЕ ШАЛЕ́.

доровна соединила пріятное съ полезнымъ и самую игрушку приспособила къ осуществленію благой мысли. Въ ея время при Старомъ Шале разведенъ былъ огородъ, на которомъ работали Августѣйшія дѣти Государыни. Великіе Князья отбивали грядки, сѣяли, садили; Великія Княжны пололи, занимались поливкою овощей и цвѣтовъ и т. д. Часъ отдыха возвѣщался звономъ въ колоколъ на кровлѣ Стараго Шале; звонила нерѣдко сама Августѣйшая Хозяйка и «работники и работницы» собирались къ завтраку, приготовленному въ комнаткахъ Шале или на дворѣ, подъ сѣнью веранды.

Большой Каскадъ

— устроенъ въ 1789-мъ году;—находится за Старымъ Шале и проведенъ изъ-подъ каменной балюстрады. Отсюда прекрасный видъ на противоположный, холмистый берегъ. Отлогость Каскада выложена крупнымъ булыжникомъ; окраины ея заросли кустарникомъ. Каскадъ обыкновенно запертъ и неспущенная вода, пробиваясь сквозь шлюзъ, журчитъ по камнямъ, образуя ручеекъ, впадающій въ Славянку.

Рисунокъ Каскада см. выше, на стр. 197-й.

Хижина Пустынника

или «Эрмитажъ», она-же «Хижина монаха», выстроена въ первые годы основанія Павловска, именно въ 1778 г., въ подражаніе эрмитажу, находившемуся въ Этюпѣ, близъ города Монбельяра, въ помѣстьи родителей Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, герцога Виртембергскаго Фридриха-Евгенія и герцогини Фридерики-Доротеи.

Хижина крыта соломою; стѣны снаружи обложены сосновою корою. Это бывшее жилище старика-инвалида, мѣстною легендою пожалованнаго въ какіе-то таинственные монахи. Сложился разсказъ, будто этого монаха обрѣла Екатерина II, когда еще на мѣстѣ Павловска былъ густой, непроходимый лѣсъ, въ которомъ гнѣздились, кромѣ отшельника, одни дикіе звѣри. Государынѣ угодно было внезапно посѣтить монаха, но онъ заблаговременно скрылся, оставивъ въ хижинѣ на столѣ, по числу посѣтителей, три деревянныя ложки, три тарелки и кувшинъ. Эта убогая утварь, вмѣстѣ съ тростниковымъ тюфякомъ, желѣзнымъ таганомъ и котелкомъ отшельника, донынѣ сохраняется. При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ внутри хижинки, на стѣнѣ, всегда висѣлъ портретъ небывалаго отшельника: недурная акварельная копія съ картины какого-то итальянскаго художника, изображающей старика-монаха, въ рясѣ капуцина, читающаго книгу. Хижина обнесена изгородью, за которой до 1810 г. существовалъ огородъ жившаго въ ней сторожа.

Рисунокъ Хижины см. выше, на стр. 30-й.

Храмъ Дружбы

— выстроенъ въ 1780—1782 гг. Замѣчателенъ по красотѣ архитектуры. Ротонда обнесена колоннадою изъ шестнадцати жолобчатыхъ колоннъ дорическаго ордена. Во фризѣ ротонды барельефы лѣпной работы. Двери дубовыя съ бронзовыми позолоченными украшеніями. Внутренность Храма, освѣщенная круглымъ окномъ въ куполѣ, меблирована небольшими скамьями, разставленными

въ нишахъ; въ одной изъ нихъ, противъ входныхъ дверей—гипсовая статуя Императрицы Екатерины II въ видѣ Цереры. Надъ входомъ надпись накладными золотыми буквами:

«Любовь, почтеніе и благодарность посвятили».

Живописная мѣстность, окружающая этотъ прекрасный Храмъ, отличается богатой растительностію: здѣсь группируются главнѣйшіе представители сѣверныхъ лѣсовъ: вѣтвистые дубы, стройныя ели, клены, ивы и березы.

Въ группѣ деревьевъ есть два особенно замѣчательныя. Первое изъ нихъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа, на право—сибирскій кедръ [Pinus cembra], посаженный въ Петергофѣ въ день рожденія Великаго Князя Павла Петровича и впослѣдствіи перевезенный сюда. Этотъ кедръ можно назвать родоначальникомъ Семейной рощи въ Павловскомъ паркѣ. Годами ровесникъ державному своему покровителю, кедръ, по повелѣнію Императора Павла, еще въ бытность его Наслѣдникомъ, былъ отмѣченъ особою дощечкою съ надписью:

«№ 1. Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, родившагося сентября 20-го дня 1754 года».

Извѣстный въ свое время переводчикъ греческихъ классиковъ и страстный ботаникъ Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, посѣтившій Павловскъ въ 1829-мъ году, слышалъ отъ старожиловъ преданіе, будто-бы этотъ кедръ былъ расколотъ грозою, но, стараніями садовника, искусно сложившаго расколотыя половины

дерева—снова ожилъ и разросся. Другое дерево у Храма Дружбы прекрасный сребристый тополь [Populus argentea]—любимецъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Каменная лѣстница и Вильгельмова площадка.

Лѣстница соединяетъ долину рѣки Славянки съ верхнимъ паркомъ. Ея построеніе относится къ 1797 г. Входъ на лѣстницу, изъ 64-хъ ступеней, украшенъ двумя чугунными, а верхняя площадка двумя мраморными львами. Полукруглая Вильгельмова площадка [Place Guillaume] особенно нравилась наслѣдному принцу Прусскому Вильгельму *, брату Великой Княгини, впослѣдствіи Императрицы, Александры Ѳеодоровны, посѣтившему Павловскъ въ 1817 году и жившему въ Константиновскомъ дворцѣ. Однажды принцъ былъ укушенъ собачкою Великаго Князя Михаила Павловича. Хотя укушеніе было ничтожно, но доктора, опасаясь дурныхъ отъ того послѣдствій и для болѣе успѣшнаго леченія, искусственно растворили рану и принцъ на нѣсколько дней долженъ былъ отказаться отъ прогулокъ; по его просьбѣ его приносили на эту площадку и здѣсь онъ по-долгу просиживалъ съ Августѣйшей сестрой своей Великою Княгиней Александрой Ѳеодоровной, бесѣдуя и любуясь прекраснымъ видомъ на долину, разстилающуюся у подошвы горы. Въ память дорогаго гостя, Императрица Марія Ѳеодоровна назвала площадку эту его именемъ. Кстати должно замѣтить, что еще въ 1780-мъ

* Нынѣ Императоръ Германскій Вильгельмъ I, родился 22-го [11-го] марта 1797-го года.

ХРАМЪ ДРУЖБЫ.

году Павловскъ посѣтилъ дѣдъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, тогда еще наслѣдный принцъ, Фридрихъ Вильгельмъ *. Въ воспоминаніе его посѣщенія, на одной изъ террасъ предъ дворцомъ поставлена была изъ бѣлаго мрамора ваза съ надписью на бронзовой доскѣ пьедестала изъ отесаннаго дикаго камня:

«Въ память присутствія Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца Прусскаго 1780 года сентября 9-го дня» **.

Памятникъ Императору Павлу I

— сооруженъ по мысли и иждивеніемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича. Памятникъ поставленъ предъ дворцомъ, и есть копія памятника работы Клодта, находящагося, съ 1851 г., въ Гатчинѣ; копія эта сдѣлана изъ цинка мастеромъ Соколовымъ. Статуя Императора—въ большой трехъ-угольной шляпѣ, въ мундирѣ, съ тростью въ рукѣ. На цинковомъ пьедесталѣ, подножіемъ которому служатъ гранитныя ступени, накладными, вызолочеными буквами сдѣлана слѣдующая надпись:

«Императору Павлу I
Основателю Павловска
1872 г.».

---

* Родился въ 1744, скончался въ 1797 г. Царствовалъ въ Пруссіи подъ именемъ короля Фридриха Вильгельма II.

** Надписи этой теперь не существуетъ, но рисунокъ вазы, въ томъ видѣ какъ она была въ 1780 г., имѣется въ атласѣ видовъ Павловска 1799-го года, находящемся въ Большомъ дворцѣ въ Павловскѣ, въ кабинетѣ Августѣйшаго его Владѣльца.

Памятникъ открытъ 29-го іюня 1872 г., съ военною церемоніею, въ присутствіи Государя Императора, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Константина Николаевича, Николая Константиновича и прочихъ Особъ Августѣйшей фамиліи.

Тройная липовая аллея и террасы.

Къ дворцовой площади ведетъ прекрасная тройная липовая аллея—средняя проѣзжая, и двѣ боковыя, такъ же довольно широкія,—пѣшеходныя *.

По лѣвой сторонѣ аллей, если идти отъ дворца, расположены двѣ террасы, украшенныя мраморными статуями Цибеллы и Беллоны, и прекрасные цвѣтники. При Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, до открытія желѣзной дороги, на террасахъ въ праздничные дни игралъ оркестръ военной музыки. Третья терраса, съ небольшою мраморною урною по срединѣ, установлена двумя полукруглыми скамейками, находится вправо отъ первыхъ террасъ и примыкаетъ къ Тройной липовой аллеѣ. Кромѣ роскошныхъ цвѣтниковъ, украшеніе этой части сада составляютъ величественные дубы.

Воздушный театръ

— устроенъ, въ 1811-мъ году, оберъ-егермейстеромъ Высочайшаго Двора графомъ П. Г. Головкинымъ. Весною

---

* Посадка липъ въ паркѣ Павловска относится къ первому десятилѣтію его существованія. Изъ дѣлъ архивныхъ видно, между прочимъ, что въ 1793 г. вновь подсаживали «Новгородскія липы», шести аршинной высоты; каждая таковая липа обходилась въ то время по 48 копѣекъ; сажали ихъ «по проспекту, противу дворца».

этого года, пользуясь замедленіемъ пріѣзда Императрицы въ Павловскъ—Головкинъ устроилъ «Воздушный театръ», сюрпризомъ для Ея Величества. Мѣста для зрителей устроены амфитеатромъ, изъ насыпей, одѣтыхъ дерномъ; мѣсто для оркестра ниже амфитеатра—вырытое въ землѣ углубленіе; кулисы состоятъ изъ шпалеръ, симметрически обсаженныхъ акаціями; ими же обсаженъ и весь задній планъ. Весь театръ хорошо скрытъ за живою изгородью.

При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ ясные лѣтніе вечера, на этомъ театрѣ давались небольшіе балеты [см. выше, стр. 143 и 167]; тогда къ натуральнымъ кулисамъ приставлялись щитки съ изображеніями хижинъ или развалинъ—кисти даровитаго Гонзаго. Впрочемъ, театральныя представленія на открытомъ воздухѣ въ Павловскѣ даваемы были рѣдко, а вскорѣ и совсѣмъ были оставлены.

Послѣдній спектакль въ этомъ театрѣ былъ въ маѣ мѣсяцѣ 1858-го года.

Рисунокъ Воздушнаго театра см. на стр. 143-й.

Бесѣдка

— сдѣлана въ 1815 г., по рисунку архитектора Росси; это трельяжъ, обсаженный густо разросшимися акаціями; планъ бесѣдки овальный; снаружи обставлена она чугунными вазами на пьедесталахъ разной высоты.

Молочня.

Домикъ этотъ отстроенъ въ 1782 году. Одноэтажное зданіе, сложенное изъ булыжныхъ камней, съ высокой соломенной кровлей, далеко выдающейся впередъ и поддерживаемой древесными стволами, что вокругъ

всего строенія образуетъ навѣсъ. Внутреннія стѣны трехъ комнатъ выложены изразцами, полъ каменный и потому въ самые знойные дни здѣсь пріятная прохлада. Достойны вниманія фарфоровыя крынки, миски и кувшины [бо̀льшая часть бывшей здѣсь посуды перенесена во Дворецъ], въ которыхъ сохранялись молоко и сливки, при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, предлагавшіяся посѣтителямъ Павловска. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтій при Молочномъ домикѣ находился скотный дворъ, на которомъ, кромѣ коровъ отличныхъ породъ—англійской, голландской, курляндской,—находились испанскія овцы, голландской породы телята, птицы: павлины, фазаны, индюшки, турецкія утки и цесарки; дворъ этотъ, съ построеніемъ Фермы, былъ упразднен̆ъ. Обычай угощать посѣтителей сливками, творогомъ и молокомъ ненарушимо соблюдался при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Радушная внимательность Государыни простиралась до того, что прислугѣ при Молочномъ домикѣ приказано было не только дожидаться прихода «гостей», т. е. пріѣзжихъ изъ Петербурга посѣтителей Павловска, но разносить угощеніе гуляющимъ въ ближайшихъ аллеяхъ.

Полукруглая площадка.

Дойти до нея можно и отъ Вильгельмовой площадки, по извилистой дорожкѣ, по окраинѣ холма, и по тропинкѣ отъ Памятника Родителямъ. По всему большому полуциркулю, эта площадка обведена сплошною деревянною скамьею, осѣненною двумя рядами превосходныхъ липъ. Отсюда открывается одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ видовъ, которыми такъ славится Павловскій паркъ.

МОЛОЧНЫЙ ДОМИКЪ.

Памятникъ Родителямъ

— первоначально сооруженъ въ 1786 г., въ нынѣшнемъ же его видѣ отстроенъ въ началѣ текущаго столѣтія. До этого времени зданіе состояло изъ небольшаго павильона со вдѣланною въ его стѣну черною мраморною доскою съ посвященіемъ памяти принцессы Фридерики, сестры Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Впослѣдствіи, на мѣстѣ павильона, воздвигнутъ нынѣшній Храмъ. Онъ обнесенъ деревяннымъ шпалерникомъ съ живою изгородью изъ акацій; на площадку передъ храмомъ ведутъ чугунныя ворота; на нихъ эмблемы смерти: урны и опрокинутые факелы. Самый памятникъ имѣетъ видъ полукруглаго храма, перистиль котораго поддерживается двумя колоннами розоваго мрамора. Въ углубленіи, на пьедесталѣ сѣраго мрамора, пирамида изъ краснаго гранита съ медальономъ, изображающимъ профили родителей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, герцога Фридриха Евгенія и герцогини Фридерики Софіи Доротеи Виртембергскихъ.

У пирамиды двѣ урны, полузакрытыя наброшеннымъ покрываломъ. Женская фигура, въ царскомъ одѣяніи и въ коронѣ, склонилась къ нимъ главою; съ другой стороны крылатый геній — безмолвный свидѣтель этой скорби Царственной жены по ея безцѣнной утратѣ—срываетъ покрывало съ урнъ. Довольно сказать, что эти статуи изваяны Мартосомъ, чтобы посѣтитель созналъ все изящество этого превосходнаго произведенія. На пьедесталѣ памятника три барельефа. На маломъ барельефѣ, слѣва, Марсъ въ вооруженіи призываетъ великаго герцога Фридриха Виртембергскаго на битву; Сатурнъ указываетъ

*

ему на пальму безсмертія. Средній барельефъ изображаетъ загробное свиданіе Великаго Герцога съ его супругою; на правомъ барельефѣ изображены три фигуры, изъ которыхъ у одной опрокинутый рогъ изобилія съ разсыпающимися изъ него монетами—это Гименей соединяетъ бракомъ герцога съ герцогиней. На стѣнахъ, по обѣимъ сторонамъ памятника, двѣ скрижали чернаго мрамора съ надписями вызолоченными буквами — на правой:

«Сестрѣ
моей
Фридерикѣ
1783
ноября 15 дня».

на лѣвой:

«Сестрѣ моей
Елисаветѣ
7 февраля 1790».

—

«Брату моему
Карлу
11 августа 1791».

На фронтонѣ храма надпись:

«Родителямъ».

На площадкѣ передъ зданіемъ Памятника античный мраморный жертвенникъ съ придѣланною къ нему въ недавнее время плоскою, мраморною же, вазою. Тонкій античный барельефъ вокругъ жертвенника изображаетъ бычачьи черепа съ перекинутыми черезъ нихъ цвѣточными гирляндами.

ПАМЯТНИКЪ РОДИТЕЛЯМЪ

Старая Сильвія

—одно изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстъ еще первобытнаго Павловскаго сада, устроена въ видѣ исполинскаго циферблата. По срединѣ круглой площадки, усыпанной пескомъ, прекрасная бронзовая статуя Аполлона Бельведерскаго. Отъ нея, въ видѣ излучинъ, во всѣ стороны протянуты двѣнадцать дорожекъ, съ разставленными по угламъ бронзовыми статуями, перенесенными изъ Царскаго Села въ 1798-мъ году. Расположеніе аллей, число которыхъ соотвѣтствуетъ часамъ, даетъ возможность во всякую пору дня въ которой нибудь изъ нихъ найти тѣнь и прохладу. Трехъ-угольные участки между аллеями обсажены акаціями и издавна доставляютъ обильную поживу охотникамъ и охотницамъ—искать грибы; здѣсь въ изобиліи, въ «грибной годъ,» водятся сыроѣжки, боровики, подосиновики и прочіе грибы. Вся площадка обставлена статуями — бронзовыми копіями съ образцовыхъ произведеній древняго ваянія *. Вотъ перечень 12-ти статуй вокругъ площадки: Терпсихора, Эрато, Меркурій, Венера Каллипига, Полимнія, Каллiопа, Евтерпа, Уранія, Флора, Клiо, Мельпомена, Талія.

При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на одной изъ сосѣднихъ площадокъ находился маленькій храмъ Амура:

* Большая часть этихъ копій, какъ видно изъ надписей вокругъ ихъ подножія: «воскомъ и дѣломъ, въ точности противъ древнихъ статуй, произведены адъюнктъ-профессоромъ Ѳедоромъ Гардѣевымъ»; отлиты-же и чеканены почти всѣ мастеромъ L. Gostecloux—въ 1780—1798 гг.

подъ сѣнью елей, въ бесѣдкѣ, обсаженной акаціями, стояла бронзовая статуя купидона, работы Фальконета.

Съ оконечности аллеи Старой Сильвіи, со статуями Эрато и Меркурія у входа, открывается прекрасный видъ на долину, именно на то мѣсто, гдѣ Славянка, расширяясь, образуетъ небольшое озеро, придающее всему пейзажу много жизни и прелести. Отсюда единственная нагорная аллея ведетъ на окраину, на которой опять шестиугольная площадка, и съ этого пункта—опять новыя измѣненія въ пейзажѣ. Справа подъ горою небольшое озерко съ перекинутымъ чрезъ его рукавъ мостомъ изъ песчанника, съ каменными вазами на угловыхъ парапетахъ. При построеніи этого моста, въ исходѣ минувшаго столѣтія, у перилъ, въ видѣ украшенія, были набросаны доски изъ песчанника, съ изсѣченными на нихъ латинскими надписями и гербами, привезенныя изъ Ѳеодосіи [Кафы], бывшей въ XIV вѣкѣ генуэзскою колоніею. Эти достопамятныя плиты, спасенныя отъ разрушенія, вдѣланы, по повелѣнію Августѣйшаго Владѣльца Павловска, въ 1872 г., въ стѣну передней комнаты Художественнаго Музея въ Большомъ дворцѣ.

Любимое мѣсто Цесаревича Николая Александровича

— небольшая, полукруглая, на вершинѣ обрывистаго холма, площадка; сюда ведетъ изъ Старой Сильвіи одна изъ двѣнадцати дорожекъ. Здѣсь, обращенная тыломъ ко входу съ дорожки, каменная полукруглая скамья, съ мраморною женскою статуею на пьедесталѣ по срединѣ; подъ нею вензель: «Н», увѣнчанный короною изъ вьющагося плюща. На лицевой сторонѣ въ пьедесталѣ, подъ сте-

ЛЮБИМОЕ МѢСТО ПОКОЙНАГО ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

кломъ, поясной, весьма хорошо исполненный, портретъ въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича. Рамкою служитъ бронзовый, ярко вызолоченный лавровый вѣнокъ, украшенный короною. Внизу, на концахъ ленты, которою связанъ вѣнокъ, вычеканено: «Род. 8-го сентября 1843 г., скончался 12-го апрѣля 1865 года». Подъ портретомъ двѣ доски бѣлаго мрамора съ слѣдующими надписями:

«Возлюбленному и незабвенному
Племяннику и другу нашему
Никсѣ».

—

«Помяни его Господи во Царствіи Твоемъ.
Въ память Его Императорскому
Высочеству Государю
Наслѣднику Цесаревичу
Николаю Александровичу».

Крикъ.

Этотъ домикъ построенъ за нѣсколько лѣтъ до основанія села Павловскаго—съ 1796-го года—города Павловска, т. е. до 1777 г., и именовался «Охотничьимъ домикомъ».

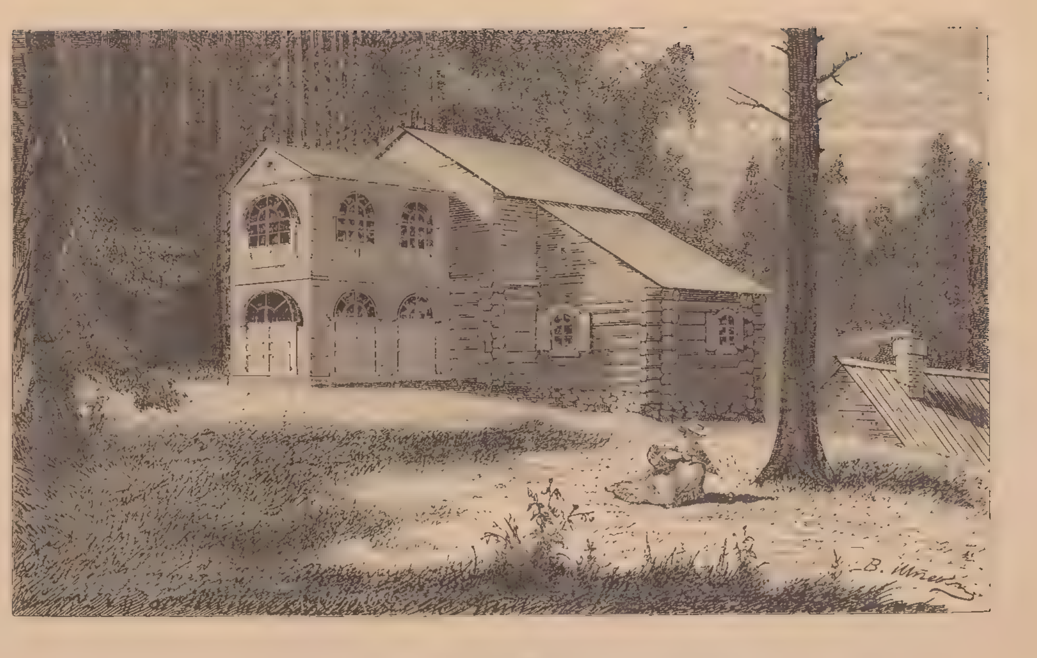
Въ стѣнахъ скромнаго Крика колыбель супружескаго счастія Императрицы Маріи Өеодоровны: по ея собственному свидѣтельству, лучшіе дни первыхъ лѣтъ супружества проведены Великою Княгинею въ этомъ скромномъ домикѣ. Тяготясь постояннымъ блескомъ и пышностью Царскосельскаго Двора, Марія Өеодоровна съ супругомъ удалялись иногда, лѣтомъ 1777—1780 гг., въ эту хижину.

—«Когда родился, 12-го декабря 1777-го года, первенецъ Августѣйшей четы Александръ, тогда первымъ даромъ счастливой матери, изъ рукъ Императрицы Екатерины II, былъ этотъ домикъ со всѣмъ владѣніемъ» *.

Четыре Императора: Павелъ I, Александръ I, Николай I и нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Александръ II были посѣтителями этого домика при прогулкахъ въ садахъ Павловска. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, на предложеніе директора Павловска—разобрать, «за ветхостію и безполезностію», зданіе Крикъ, написалъ на докладѣ: «сколько можно его поддерживать, ибо одно изъ первыхъ основаній Павловска».

Внутреннее расположеніе «Крика» вполнѣ соотвѣтствуетъ его уютной внѣшности. Свѣтлыя, маленькія комнатки—шесть внизу и три на верху—меблированы простою, обтянутою клеенкою, мебелью. Весьма интересно собраніе живописныхъ картинъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ этого свѣтленькаго домика: сюда, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, къ годовщинѣ столѣтія Павловска, изъ разныхъ комнатъ дворцовъ Большаго и Константиновскаго, собраны виды первобытнаго «села Павловскаго», именно 1780—1796 гг.; картины принадлежатъ кисти Семена Щедрина, Мартынова, Филипсона и друг.; писаны масляными красками и рисованы гуашью. Такимъ образомъ, предъ посѣтителемъ Крика, воскресаетъ Павловскъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ первые годы своего столѣтняго существованія. Осо-

* Storch: Beschreibung des Gartens zu Pawlowsk.—S.-Petersburg, 1802 г., стр. 58 — 60.



КРИКЪ.

(1777)

бенно интересенъ видъ первобытнаго дворца Паульлустъ, снятый съ натуры въ 1780 году знаменитымъ въ свое время пейзажистомъ Семеномъ Щедринымъ; также видъ мельницы—Пиль-Башни—1797 г., храмовъ Аполлона и Дружбы, Трельяжа у Каменнаго большаго моста, церкви св. Маріи Магдалины, Каскада у Стараго Шале и проч.

Въ верхнемъ этажѣ Крика—восемь хорошихъ гравюръ [à l'eau forte] работы Чесскаго, Галактіонова и Ухтомскаго—изображающихъ виды Павловска прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, гравюры преимущественно съ картинъ С. Щедрина. Въ боковой комнатѣ на право два вида: Гатчинскій дворецъ, бесѣдка въ Царскосельскомъ саду и видъ Павловска, рисованный карандашомъ на бѣломъ матовомъ стеклѣ Натальею Веригиною, въ 1791 году. Какъ на картинахъ, такъ и на гравюрахъ—фигуры, оживляющія пейзажи, изображаютъ преимущественно портреты Августѣйшихъ Основателей Павловска. Такъ, на гравюрѣ крѣпости Бипъ изображенъ Императоръ Павелъ Петровичъ со свитою, во время прохожденія церемоніальнымъ маршемъ солдатъ.

Памятникъ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ

— находится у подножія высокаго холма, на которомъ стоитъ домикъ Крикъ. Это произведеніе Мартоса. Въ 1814 г., именно ко времени праздника, бывшаго въ Розовомъ павильонѣ 27-го іюля, поставленъ памятникъ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ изъ алебастра, замѣненный въ 1815-мъ году группою изъ мрамора.

На круглой площадкѣ, густо обсаженной сиренями, жимолостью, акаціями и четырьмя посаженными по сто-

ронамъ стройными «жизненными» деревьями [tuja occidentalis], окаймленный низенькою чугунною рѣшеткою, возвышается круглый открытый павильонъ, плоскій куполъ котораго поддерживаютъ восемь двойчатыхъ колоннъ, соединяющихся желѣзною рѣшеткою. Внутри павильона прекрасная группа бѣлаго мрамора, изображающая молодую женщину, какъ-бы улетающую съ земли на небеса, къ которымъ обращено ея прелестное, почти дѣтское личико; надъ ея головою звѣзда безсмертія. Жизнь, въ видѣ крылатаго юноши, преклонивъ колѣна, тщетно старается удержать на землѣ душу, возносящуюся въ горнія селенія. Круглый, превосходно полированный пьедесталъ коричневаго гранита, съ крупными промежутками аметистоваго цвѣта, изяществомъ своимъ вполнѣ гармонируетъ съ этой прелестной группой. Памятникъ посвященъ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ [род. въ Павловскѣ 29-го іюля 1783 г.], супругѣ эрцгерцога Іосифа, палатина Венгерскаго [† 13-го янв. 1847 г.]. Она сочеталась бракомъ 19-го октября 1799 г., скончалась 4-го марта 1801 года, въ г. Будѣ, въ Венгріи, оставивъ по себѣ память существа добраго, кроткаго и вѣрной дочери православной церкви. Мѣсто, на которомъ воздвигнутъ памятникъ, было занято въ прошломъ столѣтіи садикомъ Великой Княгини Александры Павловны.

Пиль-Башня

— сооружена въ 1785 году и послѣ того нѣсколько разъ реставрирована. Круглая каменная башня съ коническою соломенною крышею. Находится у моста на берегу Славянки подъ тѣнью раскидистыхъ ивъ. Наружныя стѣны

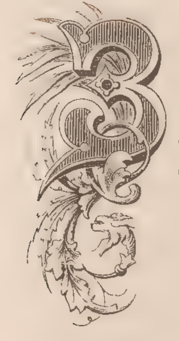
расписаны фресками, изображающими какъ-бы внутренній остовъ зданія. Въ нижнемъ этажѣ совершенно пустая комната; въ верхній — ведетъ каменная съ желѣзными перилами лѣстница, обвивающая спиралью наружную стѣну. Комната верхняго этажа въ два окна; стѣны свѣтло розоваго цвѣта; на плафонѣ и надъ дверьми двѣ довольно свѣжія картины талантливой кисти, изображающія игры зефировъ и амуровъ. Изъ прежней мебели сохранились небольшіе диваны, разставленные вокругъ стѣнъ; надъ каминомъ два гипсовые барельефа. Съ небольшаго балкона—отличный видъ на Славянку и ея берега.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, Пиль-Башня—остатокъ прежняго зданія, бывшей на этомъ мѣстѣ водяной мельницы. Вмѣсто нынѣшняго красиваго каменнаго моста, съ желѣзными перилами, черезъ Славянку, на каменныхъ глыбахъ, былъ перекинутъ деревянный мостъ съ перилами, окрашенными полосами разныхъ цвѣтовъ. Мельничное колесо приводилось въ движеніе водами Славянки, напоръ которыхъ былъ усиленъ плотиною, устроенною подъ мостомъ. О построеніи мельницы сложилось сказаніе въ родѣ легенды о пустынникѣ Эрмитажа, о которой сказано выше, при обозрѣніи Хижины. Разсказывали, будто въ эпоху построенія с. Павловскаго, на мѣстѣ Пиль-Башни существовала мельница, оставленная Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною жившему въ ней крестьянину въ пожизненное владѣніе. Онъ, какъ видно, очень недолго пользовался даннымъ ему правомъ, такъ какъ послѣ постройки Пиль-Башни его никто не видалъ въ глаза, и по весьма простой причинѣ: его никогда не существовало; мельница была построена только для красы.

При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ обоихъ этажахъ Пиль-Башни устроены были изящно меблированныя комнатки—прелестные пріюты отъ лѣтнихъ жаровъ въ полуденную пору.

Страстная любительница чтенія, Великая Княгиня, впослѣдствіи Императрица, Марія Ѳеодоровна во время утреннихъ прогулокъ по парку нерѣдко уединялась сюда, въ кабинетъ Пиль-Башни, съ книгою въ рукахъ, или писала письма, замѣтки, а быть можетъ, здѣсь вела иногда свои записки, сожженныя по ея волѣ, въ самый годъ кончины Ея Величества, въ 1828-мъ году. Сохранилось преданіе, будто въ царствованіе Императора Павла I-го въ нижнюю комнату Пиль-Башни сажали иногда подъ арестъ камеръ-пажей за шалости или нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ.

Розовый Павильонъ.



а исключеніемъ маленькихъ бесѣдокъ, всѣ садовыя сооруженія въ Павловскѣ составляютъ монументальную біографію Императрицы Маріи Θеодоровны. Охотничій домикъ Крикъ—свидѣтель счастливѣйшихъ дней ея супружества и семейной жизни; Молочный домикъ, Шале, Ферма — доказательства ея хозяйственныхъ заботъ и развлеченій; монументы Родителямъ, Супругу, Дочерямъ—напоминаютъ о тяжкихъ утратахъ, понесенныхъ Императрицею, и о прискорбныхъ дняхъ, ею пережитыхъ; наконецъ, Розовый Павильонъ—памятникъ славы побѣдителя Наполеона—Александра I-го и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжества его Родительницы, чествовавшей Миротворца Европы въ стѣнахъ этого зданія. Изъ покореннаго Парижа проѣхавъ чрезъ множество тріумфальныхъ арокъ, воздвигнутыхъ въ честь Освободителя Европы въ городахъ Германіи, Александръ возвратился въ Павловскъ—мирный пріютъ его юности—и въ Розовомъ Павильонѣ происходила торжественная встрѣча Императора съ его Родительницею. [См. выше описаніе этихъ празднествъ, въ очеркѣ исторіи Павловска, стр. 176—182].

Первоначально зданіе Розоваго Павильона, построенное въ 1811—1813 годахъ, состояло изъ небольшаго домика, въ видѣ фонарика, съ куполомъ и крыльцомъ въ греческомъ стилѣ, съ фронтономъ на двухъ колоннахъ, т. е. Павильонъ былъ такимъ же, какимъ онъ теперь, но безъ пристроеннаго къ нему зала. Въ теченіе семнадцати дней, въ іюлѣ 1814 г.

по волѣ Императрицы Маріи Өеодоровны, къ павильону сдѣлали обширную пристройку, состоящую изъ большаго танцовальнаго зала съ круглымъ балкономъ. Все зданіе вокругъ было обнесено галлереею съ перилами и покрыто бумажною кровлею. Площадка предъ павильономъ была расширена; часть лѣса, прилегавшая къ ней, вырублена; нѣсколько тысячъ кустовъ самыхъ разнообразныхъ породъ розъ насаждены вокругъ всего зданія. Гонзаго расписалъ своей мастерской кистью фронтонъ главнаго крыльца и фризы изящными фресками. Помощникомъ Гонзаго въ этой работѣ былъ извѣстный въ свое время «комнатный живописецъ» Бруни. На плафонѣ танцовальнаго зала изображены были гирлянды изъ розъ, служившія какъ-бы продолженіемъ гирляндъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, спускавшихся съ плафона и обвивавшихъ столбы, его поддерживавшіе. Не смотря на короткій срокъ, въ работахъ по устройству Розоваго Павильона не было ни малѣйшихъ признаковъ, чтобы онѣ производились на скорую руку. Впрочемъ, впослѣдствіи времени, для прочности постройки признано было не лишнимъ укрѣпить фундаментъ каменными стульями, а кровельную бумагу замѣнить желѣзомъ.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ собственно Розовый Павильонъ тотъ же, какимъ былъ при покойной Императрицѣ. На его площадкѣ устроены качели, карусель для дѣтей и катальныя горы. Розовыхъ клумбъ нѣтъ, но кусты шиповника алыми и розовыми цвѣтами поддерживаютъ прозвище павильона, начертанное на фронтонѣ:

«Pavillon des Roses».

Меблировка комнатъ довольно простая: диваны, кресла, шкафчики и письменные столы изъ корельской бе-

резы. По стѣнамъ, вмѣсто картинъ, оправленныя въ золоченыя рамки фарфоровыя тарелки съ превосходными копіями пейзажей и картинъ знаменитѣйшихъ мастеровъ. На столахъ, по бокамъ входа въ круглый кабинетъ, составляющій центръ Павильона, сохраняются картоны съ рисунками и нѣсколькими раскрашенными гравюрами, въ числѣ которыхъ есть видъ русскаго лагеря въ Елисейскихъ поляхъ, близь Парижа, въ 1814 году. Впрочемъ, теперь нѣтъ въ Розовомъ Павильонѣ никакихъ интересныхъ альбомовъ и рисунковъ. Не то было при Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ альбомахъ Розоваго Павильона писали: Нелединскій-Мелецкій, Карамзинъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Глинка, Крыловъ [извѣстно, что прелестная его басня «Василёкъ» написана была въ Павловскѣ] и другіе писатели Александровскаго времени. Императрица читала ихъ стихи на листкахъ альбомовъ Розоваго Павильона, бывшихъ однимъ изъ его лучшихъ украшеній; она удостаивала своимъ вниманіемъ безъискусственныя замѣтки и прочихъ посѣтителей; эти замѣтки бывали зачастую весьма наивны. Иной посѣтитель, принимая Павильонъ за Коммисію Прошеній, очень простодушно выражалъ желанія о выигрышѣ тяжбы, или о повышеніи по службѣ—и, разумѣется, его желанія оставались безъ исполненія; но за то, на дѣльную замѣтку, давался отвѣтъ. Такъ, однажды, кто-то написалъ въ альбомѣ: «здѣсь [т. е. въ Павильонѣ] находится все, что можно пожелать: жаль, что нѣтъ фортепіано». На это заявленіе Государыня отвѣчала собственноручно: «желаніе ваше исполнено» и въ тотъ же день приказала поставить въ Розовомъ Павильонѣ фортепіано. Инструментъ тутъ же, въ первой комнатѣ, на

лѣво отъ входныхъ дверей: фортепіано въ пять октавъ съ надписью на доскѣ надъ клавишами: Johannes Zumve Londini et Fecerunt. Buntehart, 1774. Princes-Street, Hanover Square. Такимъ образомъ, это фортепіано есть археологическая достопамятность: оно старше Павловска.

Средній круглый кабинетъ очень изященъ. Это ротонда, освѣщаемая четырьмя полукруглыми окнами въ фонарѣ. Въ рамахъ этихъ оконъ были нѣкогда устроены четыре эоловыхъ арфы. Каждая состояла изъ вертикально стоящаго длиннаго деревяннаго ящика, съ натянутыми внутри его струнами: вѣтеръ, пробѣгая по струнамъ, искусно подобраннымъ, извлекалъ изъ нихъ, при открытыхъ окнахъ, мелодическіе аккорды. Нынѣ эоловы арфы безмолвствуютъ—время давно ихъ испортило.

Передъ каминомъ стоятъ кресла съ вышитымъ на ихъ отвалѣ вензелемъ Императора Александра и съ таковою же надписью вокругъ нижней подушки: Entrée d'Alexandre à Paris le 31 Mars 1814. [Вступленіе Александра въ Парижъ 31-го марта 1814 г.].

Во второй комнатѣ за ротондою любопытенъ столовый фарфоровый сервизъ съ изображенными на тарелкахъ розами всѣхъ возможныхъ видовъ и цвѣтовъ. На столикахъ, экранахъ и ящичкахъ, находящихся въ комнатахъ Павильона, вышиты также розы, работы Великихъ Княженъ и придворныхъ дамъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны; въ одной изъ шкатулокъ—видъ Розоваго Павильона, какимъ онъ былъ до праздника 1814 г., т. е. безъ пристройки зала.

Пространный танцовальный залъ, примыкающій къ Павильону, освѣщается съ обѣихъ сторонъ большими стеклянными дверями. Съ плафона, расписаннаго розо-

выми гирляндами и украшеннаго таковыми же изъ искусственныхъ цвѣтовъ, спускаются люстры, состоящія изъ ярко-вызолоченныхъ обручей, перевитыхъ масличными вѣтвями изъ зеленой жести. Въ простѣнкахъ канделябры въ такомъ же стилѣ, но украшенные, кромѣ того, шлемами. Надъ полукруглымъ фонарикомъ, который служитъ главнымъ входомъ—фронтонъ, поддерживаемый четырьмя колоннами; на немъ подъ короною золоченый вензель Императрицы Маріи. Точно такой-же фронтонъ и надъ противоположными дверьми изъ комнатъ въ танцовальный залъ.

Розовый Павильонъ, съ прилегающими къ нему куртинками и устроенными на его площадкѣ всякаго рода играми: каруселями, качелями, катальными горами и гигантскими шагами—любимое мѣсто дѣтей.

Близь Павильона—красивой постройки домикъ сторожа, а нѣсколько подалѣе, въ видѣ обширной русской избы со дворомъ, казарма для караульныхъ матросовъ, въ которой, до построенія Монмартра, помѣщалось нѣсколько инвалидовъ, участниковъ достопамятной битвы, 18-го марта 1814 г., подъ стѣнами Парижа. Близь Розоваго Павильона на обширномъ прудѣ небольшая пристань и нѣсколько яликовъ для желающихъ прогуливаться водою. Берега пруда, осѣненнаго ивами, съ плавающими на немъ лебедями, живописны.

До какой степени Императрица Марія Θеодоровна любила Павловскъ и старалась соединять въ немъ представителей науки, поэзіи, художествъ и искусствъ, видно, между прочимъ, изъ писемъ ея къ исторіографу Н. М. Карамзину. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ выдержки:

«Павловскъ. 4-го августа 1814 г. Я имѣла удовольствіе получить [ваше] стихотвореніе, вдохновенное достопамятнѣйшимъ и

XXIV

славнѣйшимъ для Россіи и ея Монарха происшествіемъ; [это произведеніе *] составило пріятнѣйшее чтеніе одного вечерняго собранія въ моемъ Розовомъ Павильонѣ, здѣсь въ Павловскѣ, который бы вѣрно вамъ понравился....» [Далѣе Императрица одобряетъ мысль Карамзина описать для потомства событія его времени]... «Въ пособіяхъ къ совершенію сего труда вы, безъ сомнѣнія, недостаточествать не будете, и если я возмогу доставленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и подробностей къ тому содѣйствовать, я поставлю то въ особенное себѣ удовольствіе. Мы дошли уже почти до конца прекраснаго лѣта и, кажется, что не остается мнѣ уже надежды въ теченіи онаго слышать отъ васъ самихъ чтеніе отрывковъ Отечественной Исторіи, вами написанной..... Марія».

«Павловскъ. 24-го августа 1814 г...... . Для знакомства вашего съ Розовымъ Павильономъ время на сей разъ, конечно, пройдетъ **, но въ замѣнъ я надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ вы тѣмъ болѣе имъ пользоваться будете, и я смѣю предполагать, что не только Павильонъ, а и вообще Павловскъ вамъ понравится. Я, по крайней мѣрѣ, усердно того желаю, и не хвастаю безкорыстіемъ сего желанія, а, признаюсь чистосердечно, желаю для того, чтобы вамъ и отлучаться оттуда не хотѣлось. Я весьма любопытствую слышать нашу Отечественную Исторію изъ устъ самого сочинителя......»

Н. И. Гнѣдичъ писалъ въ Розовомъ Павильонѣ, въ 1814 году:

Какъ, Государыня, мнѣ дерзко такъ мечтать,
Чтобъ каждый разъ въ Твоей обители чудесной,
На лирѣ, по Твоимъ лишь благостямъ извѣстной,
Твое священное мнѣ имя воспѣвать?...
Но въ сей странѣ, Тобой благополучной,
Меня и эхо устыдитъ:
И эхо о Тебѣ здѣсь громче говоритъ,
Чѣмъ голосъ мой не звучной.

Рисунокъ «Розоваго Павильона» см. на стр. 155-й.

* «Освобожденіе Европы и слава Александра I». Ода Н. М. Карамзина, 1814 г. См. въ его Сочин. Москва, 1820 г., ч. 1, стр. 241—254.

** Карамзинъ писалъ, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ зимой.

Островъ княгини Ливенъ.

Этотъ тѣнистый островъ, насыпанный среди выкопаннаго въ 1806—1807 гг. большаго пруда на бывшемъ «парадномъ мѣстѣ», не великъ. Посреди его стоитъ бесѣдка, построенная въ 1816 г. въ честь Великой Княгини Анны Павловны, въ видѣ арки, поддерживаемой восемью колоннами; въ свое время этотъ «храмъ любви», сооруженный въ память бракосочетанія Великой Княгини Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ, былъ красивъ. Подъ сѣнью его стояли вазы съ цвѣтами и кругомъ былъ разбитъ цвѣтникъ.

Островъ названъ именемъ бывшей воспитательницы Августѣйшихъ дочерей Императора Павла I, княгини Шарлотты Карловны Ливенъ, рожденной баронессы фонъ Поссе [род. 1743, † 1828 г.]. Она пользовалась глубокимъ уваженіемъ трехъ Государей: Павла, Александра и Николая, и дружбою Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Шарлотта Карловна, овдовѣвъ въ 1781 г., призвана была ко Двору Императрицею Екатериною II, въ 1783 г., и тогда же ввѣрено ей наблюденіе за воспитаніемъ Августѣйшихъ внуковъ Императрицы. Въ 1794 г. баронесса Ливенъ пожалована въ статсъ-дамы, въ 1799 г. возведена съ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, а въ 1826 г. возвеличена княжескимъ достоинствомъ, съ титуломъ свѣтлости. — Скончалась она 24-го февраля 1828 г.—восьмидесяти пяти лѣтъ. При большомъ умѣ, княгиня Ш. К. Ливенъ имѣла доброту сердечную, характеръ благородный и твердый.

Рисунокъ павильона Великой Княгини Анны Павловны, стр. 183.

Константиновскій дворецъ.

Съ «первой парадной аллеи» къ нему ведутъ чугунныя ворота, поставленныя въ 1834 г. Съ одной стороны дворца разбитъ тѣнистый, довольно большой садъ. Въ немъ достойны вниманія: остатки саперныхъ практическихъ упражненій Великаго Князя [впослѣдствіи Императора] Николая Павловича; противъ дворца стоитъ обелискъ въ честь княгини Ш. К. Ливенъ.

Полевыя укрѣпленія, обнесенныя загородкою, обсаженною акаціями, состоятъ изъ правильнаго бастіоннаго фронта.

Обелискъ княгини Ливенъ, стоящій предъ Константиновскимъ дворцомъ, перенесенъ сюда отъ оранжерей, подлѣ которыхъ была дача Вилламова, нынѣ принадлежащая другому владѣльцу. Памятникъ состоитъ изъ мраморной колонны съ капителью и утвержденнымъ на ней мѣднымъ вызолоченнымъ шаромъ. На пьедесталѣ нѣтъ ни надписи, ни означенія времени сооруженія.

Константиновскій дворецъ—постройка временъ Екатерины II; стоялъ онъ прежде въ Царскомъ Селѣ, въ Англинскомъ саду, «у спуска»; въ этомъ самомъ зданіи жили въ лѣтніе мѣсяцы и воспитывались старшіе два внука Государыни Александръ и Константинъ. Перенесенный въ 1798-мъ году изъ Царскаго Села, дворецъ этотъ былъ подаренъ Императоромъ Павломъ I Великому Князю, впослѣдствіи Цесаревичу, Константину Павловичу. Преемникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны по владѣнію Павловскомъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, предпочитая Константиновскій дворецъ Большому, жилъ въ немъ почти постоянно, по край-

КОНСТАНТИНОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

ней мѣрѣ до 1840-хъ гг., когда только бывалъ въ Павловскѣ. Убранство дворца всегда отличалось совершенною простотою, и, главнымъ образомъ, состояло въ картинахъ. Садъ при дворцѣ, украшаемый цвѣтами, не поражалъ разнообразіемъ ихъ выбора. По кончинѣ Великаго Князя Михаила Павловича—Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна—въ первые семь лѣтъ владѣнія Павловскомъ до 1856 г.—также предпочитали жить въ Константиновскомъ дворцѣ. Нынѣ одна часть этого дворца предоставляется въ лѣтнее время для помѣщенія служащихъ при Дворѣ Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, а другую занимаетъ пріѣзжающая на лѣто изъ Петербурга Михайловская женская патріотическая школа, состоящая подъ высокимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Іосифовны.

Изъ прежней меблировки дворца оставлена самая незначительная часть; бронзы, мраморныя и фарфоровыя вазы и нѣкоторыя изъ картинъ перенесены въ Большой дворецъ; прочія сохранились въ картинной залѣ и донынѣ. Зала въ два свѣта. Фрески плафона напоминаютъ этого рода произведенія въ Большомъ дворцѣ. Картины развѣшаны въ три и въ четыре ряда. Изъ сорока восьми произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ, находящихся въ этой залѣ, особенно замѣчательны: «Виды Дворцовой набережной въ Петербургѣ 1779 года» — Патерсена [№№ 424 и 425]; «Гадальщица» работы А. Горшенкова [№ 465] и «Русская свадьба»—Михаила Теребенева [№ 466]. Послѣдняя картина мастерски написана.

Бѣлая Береза.

Константиновскій дворецъ, со всѣми принадлежащими къ нему строеніями, находится на окраинѣ обширнаго треугольника, образуемаго дорогами: Первою Парадною, Розово-Павильонною и Бѣлосултанною. Двѣ послѣднія дороги ведутъ къ круглой площадкѣ Бѣлой Березы, составляющей центральный пунктъ самой пространной и далекой части парка. Бѣлая Береза—крайній предѣлъ прогулокъ дѣтей, любимѣйшій привалъ гуляющихъ городскихъ посѣтителей Павловска и его лѣтнихъ обитателей, а впадающія на площадку Бѣлой Березы дороги и пересѣкающія ихъ извилистыя аллеи—избранныя мѣста кавалькадъ дачнаго населенія и вообще жителей Павловска, Царскаго Села и ихъ окрестностей. Мягкія, хорошо содержимыя дороги въ этой части парка—представляютъ большое удобство для верховой ѣзды.

Кромѣ Англійской дороги [7 верстъ], пересѣкающей дороги ведущія къ Бѣлой Березѣ, въ 1873 г. проложена здѣсь новая «Константиновская», протяженіемъ около четырехъ верстъ. Эта превосходно разбитая дорога вся извивается по открытымъ мѣстамъ, по полянамъ, разбросаннымъ между рощами.

Вся часть парка, прилегающая къ кругу «Бѣлой Березы», отличается живописностью: въ распланировкѣ, въ расположеніи группъ деревьевъ, въ самомъ подборѣ, въ отдѣльныхъ рощицахъ породъ лѣса—всюду виденъ талантъ Гонзаго. Въ послѣднія десятилѣтія особенно заботливо и съ большимъ знаніемъ дѣла поддерживаются плоды трудовъ этого художника, умершаго въ 1831 г.

Памятникъ Супругу

— величественное зданіе, въ 1810 году сооруженное изъ песчаника, на гранитномъ цоколѣ, въ стилѣ античнаго греческаго храма. Главный фасадъ состоитъ изъ фронтона на четырехъ огромныхъ колоннахъ [монолитахъ] краснаго гранита, составляющихъ перистиль, на который ведетъ, во всю его ширину, каменная лѣстница. Выступъ гранитнаго фундамента образуетъ террасу. Въ храмъ ведутъ высокія рѣшетчатыя желѣзныя двери; на нихъ золоченыя, погребальныя эмблемы: урны и опрокинутые факелы. Внутренность храма скорби освѣщена двумя полукруглыми окнами въ боковыхъ стѣнахъ; съ плафона виситъ бронзовая урна въ античномъ стилѣ; полъ вымощенъ мраморными плитами. Въ глубинѣ, противъ входныхъ дверей, самый монументъ, состоящій изъ гранитной пирамиды съ бѣломраморнымъ, въ верху ея, медальономъ Императора Павла I. Передъ нею на порфировомъ пьедесталѣ урна, къ которой, въ глубокой скорби, приникла вѣнценосною главою Императрица Марія Θеодоровна. На нижнемъ пьедесталѣ барельефъ съ изображеніемъ группы осиротѣлаго Августѣйшаго семейства.

Въ сидящей мужской фигурѣ, закрывшей лицо руками, съ лежащимъ подлѣ нея щитомъ—не трудно угадать Императора Александра I. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ воинскихъ доспѣхахъ, какъ будто призываетъ его мужаться и не упадать духомъ. Великіе Князья-юноши Николай и Михаилъ Павловичи дружно обнялись, чтобы соединенными силами переносить бремя ихъ постигшаго горя. Далѣе, Великія Княжны Марія, Екатерина и Анна составляютъ прелестную группу, отъ ко-

торой отдѣляется Великая Княгиня Елена Павловна, парящая на небеса, съ которыхъ къ ней простираетъ руки ея сестра Александра, скончавшаяся въ 1801 году... Нѣтъ надобности называть художника, изваявшаго памятникъ: рѣзецъ Мартоса говоритъ самъ за себя.

На переднемъ фронтонѣ мавзолея надпись:

«Супругу
Благодѣтелю».

На противоположной сторонѣ, на фронтонѣ, другая надпись:

«Павлу I-му
Императору и Самодержцу
Всероссійскому.
Родившемуся сентября 20-го дня 1754 года.
Скончавшемуся марта 11-го дня 1801 года».

Въ первые годы сооруженія памятника еловая роща, его окружающая, была только что насаждена, а площадка предъ памятникомъ, какъ видно изъ живописнаго его изображенія, находящагося въ Крикѣ, составляла порядочную лужайку; но въ послѣдующіе десятки лѣтъ деревья широко разрослись и нынѣ совершенно скрываютъ видъ памятника съ сосѣднихъ дорогъ. Это отдаленное и уединенное мѣсто составляло одну изъ любимыхъ прогулокъ въ первый-же печальный годъ вдовства Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Мѣстоположеніе памятника Павлу I разобщено съ окрестными частями сада и составляетъ какъ бы островокъ, обнесенный рвомъ; извилистая дорога, ведущая сюда, оканчивается чугунными рѣшетчатыми воротами съ соотвѣтственными мѣсту эмблемами.

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ.

Новая Сильвія.

Планъ Новой Сильвіи довольно затѣйливъ и въ ея многочисленныхъ аллеяхъ легко заблудиться мало знакомому съ здѣшнимъ мѣстомъ путнику. Аллеи—пѣшеходныя и проѣзжія—расположены параллельно въ пять рядовъ; иныя прямы, другія идутъ зигзагами; въ промежуткахъ громадныя стройныя деревья—березы, ели, сосны. Дороги обсажены акаціями. На всемъ протяженіи Новой Сильвіи нѣсколько площадокъ и изъ средней выходъ на пригорокъ, на которомъ возвышается невѣдомо кому воздвигнутый Обелискъ—колонна красноватаго мрамора, на четыреугольномъ каменномъ пьедесталѣ. Отсюда прекрасный видъ на Славянку и всю долину. Достойно замѣчанія, что въ бытность Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ мѣсто въ Новой Сильвіи, гдѣ находится упоминаемый здѣсь Обелискъ—обыкновенно называлось «краемъ свѣта» [le bout du monde].

Мимо подошвы холма, вдоль рѣки, отъ Каменнаго большаго моста, что на дорогѣ у дворца, т. е. отъ того, близь котораго стоитъ флагъ, и далѣе, мимо Храма Дружбы до Красной долины, извивается Еленинская дорожка, ведущая къ мосту, на который есть дорога и изъ Новой Сильвіи. Онъ построенъ здѣсь недавно, именно въ 1873 г., вмѣсто бывшаго деревяннаго Гурова моста;—съ перилами изъ березовыхъ сучьевъ, съ украшеніями изъ глыбъ ноздреватаго и другихъ родовъ камня, весьма красивъ; прежнее наименованіе его замѣнено другимъ, именно: мостъ названъ Новосильвійскимъ.

Рисунокъ Обелиска см. выше, на стр. 267-й.

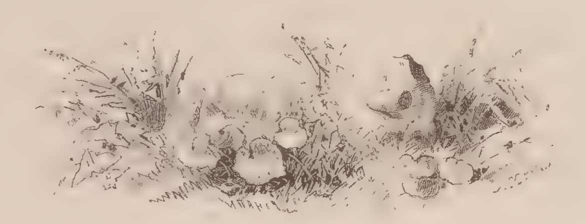
Красная долина

— по прежнему вѣрна своему названію и принадлежитъ къ числу лучшихъ частей парка. Первый предметъ, который привлечетъ вниманіе посѣтителя, являющагося сюда со стороны рѣки Славянки, это—Развалины, [рисунокъ ихъ см. въ виньеткѣ, на стр. 237-й].

Онѣ состоятъ изъ плитнаго свода, изъ-подъ котораго каменная лѣстница ведетъ на площадку горы, заброcанную обломками колоннъ и мраморной статуи. Подъ площадкою, мнимый остатокъ небывалаго зданія: гротъ съ кирпичными стѣнами. Въ этой поддѣлкѣ старины любопытны только разбросанныя на верхней площадкѣ остатки мраморной статуи. Судя по работѣ и по матеріалу, она настоящая античная.

Красная долина издавна привлекала къ себѣ посѣтителей Павловскаго парка. Во времена Императрицы Маріи Θеодоровны, въ дни собраній у Государыни, обыкновенно послѣ обѣда, Августѣйшая Владѣтельница Павловска отправлялась сюда съ своими гостями.

Конечною цѣлью поѣздокъ по парку обыкновенно были или Розовый Павильонъ или Красная долина, въ которой, на весьма живописномъ мѣстѣ, ждалъ посѣтителей «Елисаветинъ Павильонъ».



ОБЛОМКИ СТАТУИ.

Елисаветинъ Павильонъ построенъ въ 1799 г. Въ одномъ изъ писемъ о Павловскѣ А. Шторха въ 1802 г. этотъ павильонъ справедливо названъ «архитектурнымъ капризомъ», такъ какъ зданіе представляетъ какую-то пеструю смѣсь классическаго стиля съ романтическимъ швейцарскимъ. Павильонъ Елисаветы состоитъ изъ четырехъугольной залы, освѣщаемой со всѣхъ четырехъ сторонъ стеклянными дверьми. Стѣны—изъ сѣраго стюка, пилястры изъ зеленаго, отличной полировки. Плафонъ очень мило расписанъ фресками, изображающими сводъ; по срединѣ плафона художникъ изобразилъ круглое отверстіе, сквозь которое видны голубое небо и вѣтка березы. На разстояніи аршина отъ головы зрителя—этотъ оптическій фокусъ

Рисунокъ на этой страницѣ: «Павильонъ Елисаветы».

неудаченъ; полагаютъ, будто художникъ расчитывалъ на эффектъ отраженія плафона въ зеркалѣ, надъ одними изъ входныхъ дверей.

Снаружи, каждый изъ четырехъ фасадовъ Павильона представляетъ особый характеръ: съ одной стороны—античный перистиль, съ другой—обрубки колоннъ; надъ третьимъ—лѣстница, ведущая на плоскую кровлю; надъ четвертымъ—простой навѣсъ. Каменная лѣстница на аркѣ [подъ нею небольшая комнатка, или сторожка] ведетъ на площадку подъ навѣсъ, красиво расписанный, а потомъ деревянная—идетъ на террасу, обнесенную перилами изъ березовыхъ сучьевъ. Надъ нею съ четырехъ угловъ возвышается каркасъ изъ чугунныхъ стоекъ и желѣзныхъ прутьевъ, служившій для поддержки намета, который натягивался надъ этимъ бельведеромъ когда Императорская Фамилія, въ бытность Императрицы Маріи Θеодоровны въ Павловскѣ, посѣщала Павильонъ для завтрака или ужина. Видъ съ кровли очень хорошъ: прямо—Славянка, для которой, во избѣжаніе весеннихъ разливовъ, ложе углублено и прорыто совершенно по прямой линіи, вдоль зеленѣющей долины луговъ; съ одной стороны, видъ на долину, съ другой—на совершенно новый, весьма изящный каменный мостъ, и, наконецъ, на плотину, изъ-подъ которой съ шумомъ и плескомъ стремится каскадъ.

Павильонъ или «Храмъ Елисаветы», какъ его называли въ прежнее время, получилъ свое названіе въ честь покойной супруги Императора Александра Павловича, Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которой, въ ея прогулкахъ по Павловскому парку, особенно нравился живописный видъ Красной долины.

Бельведеръ.

Круглая насыпная площадка, обсаженная акаціями; на нее ведетъ каменная лѣстница. Площадка эта, называемая Бельведеромъ, находится на пограничной дорогѣ, окаймляющей паркъ со стороны крестьянскихъ земель, именно противъ деревни Новая-Вѣсь. Отсюда очень хорошій видъ на далеко разстилающіеся пахатныя поля и луга и разбросанныя среди ихъ деревни; увѣряютъ, что въ дни совершенно ясные отсюда видѣнъ Петербургъ.

Рисунокъ «Бельведера» см. выше, на стр. 342-й.

Ферма.

При учрежденіи Фермы въ Павловскѣ, въ 1802—1805 гг., Императрица Марія Ѳеодоровна имѣла въ виду двоякую цѣль: улучшеніе скотоводства сосѣднихъ деревень—нагляднымъ ознакомленіемъ крестьянъ съ состояніемъ этой важной отрасли сельскаго хозяйства у иностранцевъ, и практическое обученіе дѣвушекъ изъ простаго сословія [преимущественно изъ воспитанницъ Воспитательнаго дома] уходу за домашней скотиной, доенью, сбору молочныхъ скоповъ, выдѣлкѣ масла, и проч.

Для достиженія этихъ цѣлей, Государыня озаботилась снабженіемъ Фермы коровами отличнѣйшихъ породъ, усовершенствованными орудіями молочнаго хозяйства, необходимой утварью и проч. Часто посѣщая свою, вполнѣ образцовую, мызу, Государыня входила во всѣ подробности хода работъ на Фермѣ. Въ выстроенномъ при Фермѣ павильонѣ, Императрица любила заниматься чтеніемъ, рисованіемъ, или записывала на летучихъ листкахъ [донынѣ сохранившихся] тѣ впечатлѣнія, отрадныя

или грустныя, съ которыми она вступала подъ сѣнь этого мирнаго сельскаго прiюта *. Посѣщенiе Фермы въ день прiѣзда въ Павловскъ для лѣтняго пребыванiя и въ день отъѣзда осенью, въ столицу, Императрица Марiя Ѳеодоровна какъ-бы вмѣняла себѣ въ обязанность. Весьма понятно, что хозяйство на Фермѣ было образцовое и процвѣтало подъ бдительнымъ окомъ Государыни. На пространныхъ полянахъ парка отмежеваны были участки для пастбищъ; надзоръ за соблюденiемъ санитарныхъ условiй для береженья скота былъ препорученъ особому ветеринару. При излишествѣ приплода, телятъ отдавали «на племя» крестьянамъ, особенно пользовавшимся славою хорошихъ домоводовъ. Кромѣ просторныхъ хлѣвовъ и строенiй для прислуги, при Фермѣ былъ устроенъ обширный птичный дворъ, обильно снабженный павлинами, фазанами, индюшками, цесарками; была также устроена голубятня и проч.

Перiодъ съ 1815-го по 1828 годъ былъ самымъ цвѣтущимъ для Фермы. Хотя она не принесла существенной пользы крестьянскому скотоводству, за то на Фермѣ собственно внѣшнее и внутреннее устройство было доведено до совершенства.

Императорская Фамилiя и иностранные принцы [въ этотъ перiодъ времени частые гости нашего Двора] были обычными посѣтителями Фермы и обозрѣвали ее во всѣхъ

---

* Эти собственноручныя замѣтки Императрицы Марiи Ѳеодоровны — драгоцѣнный памятникъ для Августѣйшей фамилiи— вполнѣ напечатаны въ приложенiяхъ къ этой книгѣ; въ текстѣ же ея, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, приведены выдержки, въ переводѣ съ французскаго. См. стр. 141, 149, 150, 165, 182 и другiя, а также приложенiя.

подробностяхъ. Императоръ Александръ I посылалъ молочницъ съ своихъ собственныхъ фермъ въ Павловскую, для основательнаго изученія молочнаго хозяйства *.

Въ послѣдующіе годы, послѣ кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Ферма особенно ожила въ послѣднее десятилѣтіе: на ней появились лучшихъ породъ коровы; хозяйство ея ввѣрено въ опытныя и заботливыя руки вполнѣ свѣдущей смотрительницы, наконецъ, улучшены зданія Фермы и развиты и украшены ея прелестные цвѣтники. Архитектура главнаго павильона Фермы представляетъ смѣшеніе голландскаго стиля съ готическимъ. Онъ состоитъ изъ двухъэтажнаго дома съ восьмиугольнымъ бельведеромъ. Въ нижнемъ этажѣ пять комнатокъ съ самою скромною мебелью и кухня; въ верхній—ведетъ красивая дубовая лѣстница прямо отъ входа въ подъѣздъ. Въ первой комнатѣ, въ четыре окна съ разноцвѣтными стеклами, на четырехъ угловыхъ столахъ разставлены фарфоровые и фаянсовые сервизы и разнородная хрустальная посуда, преимущественно для молочнаго хозяйства: миски, кувшины, крынки и т. п., а также маслобойни. Здѣсь, въ хрустальной вазѣ, сохраняется модель пчелинаго сота, искусно сплоенная изъ бумаги Петромъ Бунинымъ въ 1815 г.; любопытенъ дамскій рабочій столикъ, украшенный вышитымъ шелками видомъ домика Петра Великаго въ Саардамѣ, съ подписью: Vue de la chétive maison habitée par le Czar Pierre le Grand à Saardam en 1697.— Brodée en 1804. [Видъ убогаго

* Рисунокъ Фермы, въ томъ видѣ какъ она была въ 1820-хъ годахъ, помѣщенъ далѣе въ этой книгѣ, въ виньеткѣ, надъ «Замѣтками Императрицы Маріи Ѳеодоровны», 1809—1828 гг. См. Приложенія.

домика, въ которомъ жилъ Царь Петръ Великій въ Саардамѣ въ 1697.—Вышито въ 1804 году]; это работа Императрицы Маріи Θеодоровны. Достойны вниманія и цвѣтныя оконницы въ четырехъ стрѣльчатыхъ окнахъ: зеленыя, желтыя, красныя и голубыя. Каждая изъ нихъ представляетъ окрестный видъ, будтобы въ разныя времена года. Зеленыя стекла, окрашивая пейзажъ веселымъ изумруднымъ цвѣтомъ, напоминаютъ весну; желтыя—знойный лѣтній день; красныя—солнечный закатъ въ осеннюю пору; голубыя—зимнюю лунную ночь.

Слѣдующая за этой комнатой—восьмиугольная зала, также въ четыре окна, съ балкономъ. Мебель въ готическомъ вкусѣ; на лѣво отъ входа большой письменный столъ. На немъ, кромѣ прибора, красочный ящикъ Императрицы Маріи Θеодоровны, небольшой портфель, и нѣсколько книгъ, каковы, напримѣръ, французскій переводъ «Георгикъ» Виргилія, «Идилліи» Гесснера, «Сады» Делиля, «Мѣсяцы» [les Mois] Руше, и т. п.

Въ особоустроенномъ, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, красивомъ альбомѣ, съ портретомъ Императрицы Маріи Θеодоровны, сохраняются собственноручныя замѣтки Августѣйшей Основательницы Павловска, а также замѣтки ея Августѣйшихъ дѣтей и посѣтителей Фермы—иностранныхъ принцевъ и принцессъ.

Съ балкона очень пріятный видъ на дороги: Краснаго Солнца, Ферменскую и на всю окрестность.

Неподалеку отъ Фермы, вправо отъ дороги къ длинной постройкѣ старыхъ оранжерей,—Веперинъ прудъ, на которомъ находится—

Островъ Любви.

Веneринъ прудъ, Островъ Любви—названія столь обыденныя въ эпоху сентиментальныхъ писателей Карамзинской эпохи—нынѣ служатъ лишь воспоминаніемъ о томъ времени. Веneринъ прудъ около береговъ заросъ касатникомъ. Островъ—украшенный зелеными аркадами для бывшихъ трельяжей изъ акацій—нельзя сказать, чтобы былъ вполнѣ запущенъ, но, повидимому, пользуется покровительствомъ однѣхъ только «задумчивыхъ дріадъ». По срединѣ Острова, на площадкѣ, пустой четырехъугольный пьедесталъ краснаго гранита. На немъ стояла нѣкогда мраморная статуя Амура.

Новое Шале

— довольно красивая архитектурная игрушка. Все зданіе состоитъ изъ полукруглой каменной ниши съ высокою надъ нею платформою, съ противоположной стороны образующею уступъ, поддерживаемый древесными стволами. Ходъ на платформу по боковой лѣсенкѣ съ соломеннымъ навѣсомъ и перилами изъ березовыхъ сучьевъ; таковыя-же и на вершинѣ платформы. Внутренность стѣны въ полукруглой нишѣ расписана Гонзаго—фресками; художникъ изобразилъ на плафонѣ—жерди съ угнѣздившимися на одной изъ нихъ голубками. При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ площадка Новаго Шале была украшена цвѣточными клумбами—нынѣ не существующими; за то видъ съ платформы прекрасенъ по прежнему. Возвышаясь надъ купами деревъ, она вполнѣ господствуетъ надъ окрестною

XXV

долиною и съ нея отлично видны окрестные пруды, изъ которыхъ, на ближайшемъ — два тихо журчащіе каскада.

Императрица Марія Ѳеодоровна съ Августѣйшими своими дѣтьми любила посѣщать Новое Шале и кушать чай подъ навѣсомъ полукруглой ниши. Находящаяся здѣсь скамья, опоясывающая стѣну, и круглый столъ на древесномъ пнѣ—сохранились съ того времени.

Питомникъ.

На берегу пруда, что̀ близъ Новаго Шале, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, устроенъ Питомникъ разныхъ деревьевъ, служащихъ для подсадокъ въ паркѣ. Для большинства публики питомникъ этотъ, разумѣется, не любопытенъ; но любители лѣсоводства не обойдутъ своимъ вниманіемъ этого богатаго и превосходно содержимаго разсадника.

Старыя Оранжереи

—довольно длинное одноэтажное зданіе въ англійскомъ вкусѣ, состоящее изъ дома для садоваго мастера и флигеля для садовниковъ и рабочихъ. Это—бывшія оранжереи, нынѣ упраздненныя. Къ строеніямъ примыкаютъ огородъ и цвѣточный садъ, часть бывшаго Ботаническаго, въ которомъ, изъ рѣдкихъ растеній, находившихся здѣсь въ былыя времена, сохранились два любопытныхъ экземпляра высокаго пирамидальнаго можжевельника [Juniperus communis]—на сѣверѣ очень рѣдко достигающаго высоты деревъ. Есть также нѣсколько экземпляровъ горной сосны [Pinus montanus].

НОВОЕ ШАЛЕ.

За огородомъ, на обширномъ пространствѣ, границами которому служатъ дороги: Красная, Краснодолинная и Пильбашенная—мѣсто бывшаго при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Ботаническаго сада, отъ котораго нынѣ осталось одно только воспоминаніе. Онъ былъ разведенъ въ 1815 году ученымъ садоводомъ Вейнманомъ, по повелѣнію Государыни Маріи Ѳеодоровны, для растеній, преимущественно зимующихъ въ грунту и уживающихся въ нашемъ климатѣ. Еще въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ Ботаническомъ саду произрастало до двухъ тысячъ всевозможныхъ видовъ древесныхъ и кустовыхъ породъ *.

Фруктовые сады и огороды, бывшіе на половинѣ дороги отъ Стараго Шале къ Павильону Елисаветы и по имени садовника называвшіеся «Пустынскимъ садомъ», изобиловали плодами и ягодами въ такомъ количествѣ, что Императрица—весьма заботливая о доставленіи удовольствій воспитанницамъ учебныхъ заведеній, находившихся подъ ея покровительствомъ—посылала фрукты цѣлыми корзинами въ институты. Въ оранжереяхъ при Ботаническомъ садѣ успѣшно созрѣвали разнообразные сорты вишень, виноградъ, сливы и персики.

Находящійся на участкѣ бывшаго Ботаническаго сада Амфитеатръ—состоитъ изъ уступовъ, обсаженныхъ кустарниками. Отсюда хорошій видъ на Славянку и ея противоположный берегъ, на которомъ подымается высокій холмъ—любимое мѣсто въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича.

* О Ботанической школѣ, бывшей въ 1816—1827 годахъ въ Павловскѣ, см. выше, стр. 256—257.

Круглый залъ

— находится на круглой площадкѣ, пересѣкаемой рельсами желѣзной дороги. При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Круглый залъ былъ извѣстенъ подъ именемъ музыкальнаго [Salon de musique], а у простаго народа слыветъ и до сихъ поръ подъ названіемъ «соленый мужикъ». Построеніе этого каменнаго павильона относится къ 1799-му году. Въ царствованіе Императора Павла I и во время пребыванія въ Павловскѣ Маріи Ѳеодоровны, въ Кругломъ залѣ даваемы были концерты и танцовальные вечера. Послѣ кончины Императрицы, при новомъ Владѣтелѣ Павловска, Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, задолго до открытія желѣзной дороги—а вмѣстѣ съ тѣмъ и постройки воксала,—въ Кругломъ залѣ, въ лѣтнюю пору, устраивались музыкальные вечера, на которыхъ игралъ оркестръ Образцоваго кавалерійскаго полка; зимою же, при Кругломъ залѣ устраивались катальныя горы, а въ самомъ павильонѣ временные буфеты. Когда была открыта желѣзная дорога до Павловска [22-го мая 1838 года], Великій Князь Михаилъ Павловичъ разрѣшилъ устроить постоянный кафе-ресторанъ въ Кругломъ залѣ, находившійся въ вѣдѣніи воксала. Въ началѣ сороковыхъ годовъ этотъ кафе былъ закрытъ и съ тѣхъ поръ Круглый залъ окончательно опустѣлъ.

Къ площадкѣ этого зданія сходятся съ разныхъ сторонъ двѣнадцать просѣкъ, подобно тому, какъ аллеи въ Старой Сильвіи и просѣки у Бѣлой Березы. Всѣ сходящіяся сюда просѣки и дороги, каждая—болѣе версты; при этомъ какъ просѣки, такъ и пересѣкающія ихъ до-

роги носятъ своеобразныя названія: Славянская, Краснаго Солнца, Краснаго Бугра, Молодаго Жениха, Грибная, Краснаго Молодца, Зеленой Женщины, Богатаго Поля и т. п. Круглый залъ—служащій средоточіемъ главныхъ просѣкъ—благодаря ихъ прямолинейному направленію, очень хорошо видѣнъ съ каждой изъ нихъ. Вся эта часть парка [на старинныхъ планахъ Павловска называемая Звѣздою] сравнительно съ прочими, послѣ ихъ обзора, покажется нѣсколько запущенною. Тѣмъ не менѣе, любителямъ большихъ прогулокъ не могутъ не понравиться эти длинныя просѣки, окаймленныя превосходными еловыми и сосновыми лѣсами. Два Круглозальные пруда въ одномъ изъ лѣсковъ, между дорогами Славянскою и Краснаго Солнца, придаютъ много картинности мѣсту.

Въѣздъ съ Царскосельскаго шоссе въ участокъ парка Круглаго зала означенъ желѣзными, такъ называемыми Золотыми воротами: они навѣшаны на каменныхъ столбахъ, соединенныхъ вверху желѣзною рѣшеткою съ золоченымъ вензелемъ Императора Павла и Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Необходимо замѣтить, что громадный Павловскій паркъ соединяется съ Царскосельскимъ паркомъ прекрасными дорогами для экипажей и пѣшеходовъ. Такимъ образомъ, къ Царскому Селу, кромѣ желѣзнодорожнаго пути, ведутъ еще три дороги: одна—паркомъ, другая—чрезъ деревню Тярлеву и третья—по шоссе, мимо пограничнаго бѣлаго столба.

Рисунокъ: «Золотыя ворота» см. выше, на стр. 10-й.

Храмъ Аполлона.

Въ 1780 году, время его постройки, и до первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія—какъ видно изъ изображенія этого Храма на картинахъ того времени—онъ состоялъ изъ круглой, совершенно цѣльной, двойной Колоннады [такъ Храмъ этотъ долго и назывался], увѣнчанной карнизомъ; по срединѣ площадки, на пьедесталѣ возвышалась алебастровая, впослѣдствіи замѣненная чугунною—статуя Аполлона Бельведерскаго.

Когда именно часть Колоннады разрушена для открытія вида во внутрь ея изъ оконъ дворца—изъ дѣлъ не видно. Отъ подножія Храма, по обломкамъ колоннъ и искусно набросанныхъ камней, проведенъ каскадъ, съ высоты 30-ти футъ впадающій въ озеро передъ дворцомъ, образуемое водами Славянки, текущими изъ-подъ шлюзовъ каменнаго моста. Время затѣйливо изукрасило Храмъ Аполлона: карнизы и колонны опушились мохомъ. Вообще Храмъ Аполлона принадлежитъ къ числу весьма живописныхъ мѣстностей Павловскаго парка; въ особенности хорошъ его видъ со стороны дворца или съ мостика, перекинутаго у подножія каскада, нынѣ весьма рѣдко спускаемаго. На приложенномъ рисункѣ Храмъ Аполлона представленъ именно съ этого мостика, при впаденіи водопада въ озеро, образуемое Славянкою.

У каменнаго, въ два пролета, моста стоитъ мачта, на которой при Императорѣ Павлѣ I развѣвался Императорскій штандартъ, а нынѣ [1877 г.], во время пребыванія Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, подымается флагъ генералъ - адмиральскій.

ХРАМЪ АПОЛЛОНА.

Если памятникъ Палатинѣ Венгерской Александрѣ Павловнѣ представляетъ вполнѣ художественное созданіе, то не менѣе замѣчательно произведеніе того же ваятеля, Мартоса, и также украшающее Павловскій паркъ: это памятникъ другой дочери Императора Павла, Великой Княгинѣ Наслѣдной Принцессѣ Мекленбургъ-Шверинской Еленѣ Павловнѣ. Онъ поставленъ близъ дворца, у каменнаго моста, подъ горою, на островкѣ.

Супругъ Великой Княгини Елены Павловны, Фридрихъ-Лудвигъ, былъ дѣдомъ нынѣ владѣтельнаго великаго герцога Фридриха Франца — родителя Ея Императорскаго Высочества Великой Княги-

Рисунокъ: «Памятникъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ» [† 1803 г.].

ни Маріи Павловны. Супружество Великой Княгини Елены Павловны было непродолжительно: она сочеталась бракомъ 12-го октября 1799 года, скончалась 12-го сентября 1803 года. Памятникъ воздвигнутъ въ 1806 году. Онъ состоитъ изъ четырехъугольнаго пьедестала розоваго мрамора, украшеннаго золоченою бронзою; на немъ ваза съ птенцами голубей; на одной сторонѣ, обращенной къ дорогѣ, простая надпись:

«Сентября
12 дня
1803
года».

На другой сторонѣ—барельефъ работы Мартоса: крылатый геній, печально поникнувъ головою на опрокинутый факелъ, держитъ въ рукѣ розовый вѣнокъ... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ памятника—мраморный жертвенникъ.

Собственный садикъ

Августѣйшей Владѣтельницы Павловска находится на берегу Славянки, между дворцомъ и павильономъ Трехъ Грацій, выходящимъ на Садовую улицу, окаймляющую паркъ. Узенькія прямыя аллейки садика окаймлены клумбами прелестныхъ цвѣтовъ, украшены мраморными вазами и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, осѣнены трельяжами. У одного изъ балконовъ дѣтская гауптвахта, служившая забавою Августѣйшимъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ Маріи Ѳеодоровны. При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, страстно любившей цвѣты и вообще садоводство, дворцовый садикъ изобиловалъ многими рѣдкими иноземными растеніями. Здѣсь были пирамидальные тополи, каштановыя и тутовыя деревья, при тщательномъ уходѣ—зимовавшія въ грунту. Попытки акклиматизаціи южныхъ

переселенцевъ на дальнемъ сѣверѣ однако же не увѣнчались дальнѣйшими успѣхами: тополи погибли во время пожара въ 1803 г., южныя дерева пропали отъ морозовъ, и садикъ, съ того времени, украшается единственно разнообразнѣйшими однолѣтними цвѣтами.

Павильонъ Трехъ Грацій.

Павильонъ этотъ находится въ дворцовомъ садикѣ и принадлежитъ къ числу прекраснѣйшихъ произведеній Камерона. Поддерживаемый шестнадцатью колоннами Іоническаго ордена, съ плитнымъ помостомъ и каменнымъ изъ песчанника парапетомъ, отдѣляющимъ его отъ Садовой улицы — портикъ украшенъ стоящею по срединѣ группою трехъ Грацій, превосходно скопированною скульпторомъ Трискорни съ подлинника Кановы. Эта группа, состоящая изъ трехъ женскихъ фигуръ въ натуральную величину, помимо вѣрности оригиналу и изящества, замѣчательна тѣмъ, что изваяна изъ одной цѣльной глыбы мрамора. Каменныя перила Павильона, продолжающіяся отъ него въ обѣ стороны, служатъ оградою садику со стороны улицы. На право отъ входа въ павильонъ—простая зеленая ширма въ родѣ трельяжа: это любимое мѣсто Императора Павла I для его утреннихъ занятій; здѣсь Государь въ саду занимался дѣлами и принималъ доклады министровъ.

Не далеко отъ Павильона, небольшой домикъ, сложенный изъ кирпичей старательною, но неопытною рукою: это архитектурная работа старшихъ дѣтей нынѣшняго Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, исполненная Ихъ Императорскими Высочествами въ дѣтскомъ возрастѣ, въ началѣ 1860-хъ годовъ.

Галлерея Гонзаго.

Возвращаясь чрезъ «Собственный садикъ» на полукруглую площадку и обходя дворецъ, посѣтитель увидитъ Галлерею Гонзаго. Она состоитъ изъ пяти пролетовъ, поддерживаемыхъ колоннами Іоническаго ордена, между которыми разставлены прекрасныя мраморныя статуи, олеандры, лавры и мелколиственные мирты. Полъ Галлереи земляной, плотно утрамбованный. На внутренней стѣнѣ художникъ изобразилъ уходящую вдаль колоннаду и стеклянную дверь, ведущую во внутренніе покои. Въ свое время, эти фрески, какъ превосходный образецъ декоративной перспективы, пользовались громкою, заслуженною извѣстностью; онѣ прекрасны и донынѣ, но полувѣковое вліяніе сѣвернаго климата не могло не оставить на нихъ нѣкоторыхъ слѣдовъ: краски мѣстами полиняли и тѣни не представляютъ уже тѣхъ искусныхъ переходовъ отъ перваго плана къ послѣднему, которые очаровывали, обманывали зрѣніе. Полукруглая липовая аллея, идущая параллельно Галлереѣ, украшена бронзовыми бюстами. На лужайкѣ— цвѣточная клумба въ видѣ звѣзды, по срединѣ которой, на каменномъ пьедесталѣ, прекрасная бронзовая статуя Меркурія Боргезскаго.

Петръ Гонзаго,—имя котораго увѣковѣчено въ Павловскѣ его художественными работами и весьма часто упоминается въ этой книгѣ,—по происхожденію итальянецъ, родомъ изъ Венеціи,—вывезенъ въ Россію въ царствованіе Екатерины II, княземъ Юсуповымъ. На службу поступилъ онъ 2-го мая 1792 г., въ званіи декоратора придворныхъ театровъ и вскорѣ, по приглашенію Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, принялъ участіе въ живописныхъ работахъ по украшенію дворцовъ и садовыхъ зданій въ Павловскѣ.

Въ 1827-мъ году Гонзаго удостоенъ званія архитектора VIII-го класса, а 28-го октября 1828 г. уволенъ отъ службы. Гонзаго скончался 25-го іюля 1831 г. въ преклонномъ возрастѣ, и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ.

Семейная роща

— находится на мыскѣ и къ ней, кромѣ дорожки отъ праваго флигеля дворца, ведетъ отъ Каменнаго моста дорожка Еленинская *. Насажденіе Семейной рощи началось со втораго десятилѣтія существованія Павловска. Тогда—еще Великой Княгинѣ—Маріи Ѳеодоровнѣ, счастливой матери шестерыхъ малютокъ, пришла мысль, въ память рожденія каждаго изъ нихъ, посадить молодыя деревья, съ тѣмъ, чтобы они возрастали одновременно съ дѣтьми Ея Высочества, Великими Князьями и Княжнами. На мыскѣ близь дворца насаждено было, такимъ образомъ, шесть березокъ, вокругъ красивой урны, которая была названа урною судьбы. Къ каждому деревцу привязана была дощечка съ именемъ члена Царственной семьи, въ честь котораго посажено таковое дерево. Впослѣдствіи времени, при бракосочетаніяхъ дочерей и сыновей своихъ, Императрица Марія Ѳеодоровна своеручно сажала въ Семейной рощѣ новыя деревца, прикрѣпляя къ нимъ дощечки съ именами новыхъ членовъ своей фамиліи. Всѣхъ деревьевъ, составлявшихъ Семейную рощу, къ году кончины Маріи Ѳеодоровны было 44; кромѣ того, два «фамильныхъ дерева»

* Еленинская дорожка весьма затѣйливо извивается вдоль праваго берега Славянки чрезъ весь Павловскій паркъ до Красной долины. Проведена она въ 1830—1831 гг., по личному указанію супруги В. К. Михаила Павловича, Великой Княгини Елены Павловны.

находились у Храма Дружбы и четыре — въ садикѣ бывшаго Александровскаго дворца. Послѣднее, по времени, изъ этого рода деревъ было посажено, 9-го сентября 1827 г., въ память рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича: то было 50-е дерево и посажено оно въ годъ полувѣковаго бытія Павловска.

Мостъ Центавровъ.

Этотъ мостъ и украшающіе его центавры принадлежатъ, по времени ихъ сооруженія и установки, къ первымъ годамъ существованія «села Павловскаго», именно къ 1779 г. и показанъ на первыхъ, по времени, планахъ и видахъ Павловска.

Ванная

— возобновленная въ 1851 году, заключаетъ въ себѣ небольшую уборную и купальню.

Птичникъ.

Вольеръ или Птичникъ, одноэтажное зданіе, построенное въ 1782 году, значительно исправленное и частью передѣланное въ 1797 г., наконецъ возобновленное въ 1871 г., состоитъ изъ зала и двухъ боковыхъ комнатъ, соединенныхъ подъ одною крышею. При Вольерѣ, обнесенномъ чугунною рѣшеткою и проволочною сѣткою, — небольшой садикъ съ прудомъ по срединѣ, осѣненнымъ прелестными ивами, сребристыми тополями и украшенный, въ 1871—1872 гг., красивымъ сводообразнымъ гротомъ изъ фигурнаго камня. Отъ боковыхъ павильоновъ въ садъ проведены веранды на каменныхъ устояхъ, по которымъ красивыми фестона-

ми извиваются разныя ползучія растенія. Внутреннія стѣны средняго павильона, увѣнчаннаго небольшимъ куполомъ съ полукруглыми рамами, выкрашены густою синею краскою; карнизы и плафонъ расписаны изящными фресками, въ видѣ амуровъ съ гирляндами. Разноцвѣтныя стекла въ куполѣ и въ окнахъ надъ дверьми озаряютъ комнату фантастическимъ свѣтомъ. Въ боковыхъ комнатахъ устроены небольшіе каменные водоемы.

При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Вольеръ былъ наполненъ мелкими птичками и въ особенности украшался цвѣтами, на клумбахъ и въ двухъ оранжереяхъ, на мѣстѣ которыхъ нынѣ устроены веранды. По срединѣ, на пьедесталѣ красовалась мраморная статуя Флоры, вывезенная изъ Италіи въ 1783 г. и нынѣ находящаяся во дворцѣ. Средній павильонъ, очень мило меблированный, служилъ иногда для Императрицы мѣстомъ отдохновенія за рисованьемъ или рукодѣльемъ.

Въ одномъ изъ альбомовъ, въ дворцовой библіотекѣ, въ Павловскѣ находится рисунокъ изображающій: Вольеръ внутри, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; рисунокъ этотъ исполненъ въ 1828 году Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, Александромъ Николаевичемъ.

Солнечные часы

— на круглой площадкѣ близь Вольера—каменная тумба съ солнечными часами, устроенными въ 1787 году, на мѣдной доскѣ. Часы эти были первоначально въ Царскомъ Селѣ, откуда перенесены въ Павловскъ въ 1797 г.

Лабиринтъ

— круглая, обсаженная кратегусомъ и акаціями, площадка съ улиткообразною узенькою аллейкою: изъ него, безъ всякой Аріадниной нити, можетъ выбраться и трехлѣтній Тезей. Близъ Лабиринта, противъ дома управляющаго городомъ

Полевыя укрѣпленія

— земляныя насыпи, обнесенныя загородкою, составляютъ остатки практическихъ работъ изъ полевой фортификаціи Великаго Князя, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича.

Недалеко отъ этихъ укрѣпленій былъ Александровскій дворецъ—деревянное одноэтажное зданіе, выстроенное въ 1797 г., изящно меблированное; дворецъ служилъ мѣстопребываніемъ Императору Александру I при его посѣщеніяхъ Императрицы-Матери въ Павловскѣ. Его садъ отдѣлялся отъ дворцоваго невысокою рѣшеткою. Главнѣйшимъ его украшеніемъ были картины, изъ которыхъ нѣкоторыя вошли въ составъ нынѣшней дворцовой Картинной Галлереи, а другія хранятся въ комнатахъ верхняго этажа Большаго дворца. Деревянное зданіе Александровскаго дворца, пришедшее въ совершенную ветхость, было разобрано въ 1851 году.

Близъ Александровскаго дворца стоялъ маленькій домикъ, выстроенный въ 1787 г., и впослѣдствіи, также по ветхости, разобранный. То былъ домикъ—Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора.

Весною 1818-го года, изъ Москвы Великій Князь Александръ Николаевичъ былъ привезенъ въ Павловскъ

и затѣмъ Великій Князь каждое лѣто гостилъ у своей Августѣйшей Бабки. Здѣсь Его Величество въ дѣтскіе годы, между занятіями науками, исполнялъ практическія задачи по фортификаціи, а также учился стрѣлять въ цѣль, на берегу Славянки, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ садъ дачи г. Юрьевича.

Въ память первыхъ опытовъ стрѣльбы нынѣ царствующаго Государя Императора, владѣтель дачи, въ 1863 г., соорудилъ небольшой каменный обелискъ съ изображеніемъ съ одной стороны мишени, а съ противоположной—ружья.

На сторонѣ, обращенной къ дачѣ Брюлловыхъ, подъ изображеніемъ мишени, написано:

«Въ 1828 году здѣсь стояла мишень для первоначальныхъ упражненій въ стрѣльбѣ Императора Александра II».

На сторонѣ, обращенной къ дачѣ г. Юрьевича, подъ изображеніемъ ружья написано:

«На память своимъ дѣтямъ поставилъ С. А. Юрьевичъ. MDCCCLXIII».

На сторонѣ, обращенной къ Уланскимъ казармамъ надпись:

«1825.
1834—1852».

На сторонѣ, обращенной къ дачѣ г. Яковлева:

«Посвящается незабвеннымъ моимъ друзьямъ и сослуживцамъ К. К. Мердеру и В. А. Жуковскому».

Сѣтка.

За Вольеромъ находится обширная площадка, по срединѣ которой возвышается высокая мачта; вокругъ нея, на аршинъ отъ земли, натянута веревочная сѣтка. Это «гимнастическое упражненіе» въ ясные лѣтніе дни—лю-

бимое сборное мѣсто дѣтей дачниковъ и постоянныхъ жителей города Павловска и его ближайшихъ окрестностей.

«Гимнастическое упражненіе» устроено въ 1856 году; до того времени на этой площадкѣ стоялъ небольшой деревянный Театръ.

Театръ въ Павловскѣ впервые выстроенъ въ сентябрѣ 1783 г. и назывался «полевымъ», потому что въ виду его тянулось громадное поле или плацъ, «парадное мѣсто»; въ бумагахъ того времени онъ значится театромъ, что «въ английскомъ саду, у качелей». На немъ въ 1784—1794 гг. давались, хотя впрочемъ довольно рѣдко и, конечно, только лѣтомъ, спектакли. Въ 1795—1797 гг. Театръ совершенно заново устроенъ на мѣстѣ нынѣшней Сѣтки, а именно во вкусѣ сосѣднихъ трельяжей, со стѣнами, расписанными зеленою краскою. При Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, и затѣмъ при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, на этомъ театрѣ давались представленія пріѣзжавшими изъ Петербурга артистами. Въ 1856-мъ году, зданіе крайне обветшавшаго Театра, грозившаго паденіемъ, было разобрано, а, взамѣнъ его, Павловскъ украсился, въ 1876 г., весьма изящнымъ зданіемъ новаго Театра близь воксала, выстроенномъ со всевозможными новѣйшими приспособленіями для удобства публики и артистовъ, [см. о немъ далѣе, въ описаніи города].

Большой дворецъ.

Мая 25-го 1782-го года положенъ первый камень въ основаніе главнаго корпуса этого дворца, сооруженнаго знаменитымъ зодчимъ Камерономъ по плану, предварительно во всѣхъ подробностяхъ разсмотрѣнному и, по надлежащемъ исправленіи строителемъ, одобренному Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною. Въ 1783-мъ году зданіе было вчернѣ окончено и приступлено къ внутренней его отдѣлкѣ [см. выше стр. 24—30 и 40]; а въ 1784-мъ году Августѣйшіе Владѣтели Павловска провели уже въ этомъ зданіи нѣкоторое время лѣтомъ.—Дворецъ былъ безъ тѣхъ обширныхъ каменныхъ флигелей, съ которыми онъ нынѣ соединяется красивыми галлереями. Такъ называвшійся при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ «Тронный залъ», равнымъ образомъ галлереи [нынѣ Картинная и Музей] и домовая церковь, во имя св. Апостоловъ Петра и Павла, выстроены, по повелѣнію Императора Павла Петровича, въ 1797-мъ году, въ самое короткое время, подъ наблюденіемъ архитектора Бренна [см. выше, стр. 99—100].

10-го января 1803-го года главный корпусъ дворца сильно пострадалъ отъ пожара, уничтожившаго въ немъ много вещей и разныхъ предметовъ внутренняго его убранства, но въ томъ же году все было исправлено и возобновлено [см. стр. 126—128]. Въ 1822-мъ году дворецъ украсился обширною закрытою галлереею для помѣ-

щенія въ ней библіотеки, выстроенной по плану архитектора Росси Въ 1844-мъ году, по повелѣнію Великаго Князя Михаила Павловича, произведены были весьма значительныя передѣлки внутри флигелей и галлерей дворцоваго зданія.

Въ числѣ комнатъ нижняго этажа особаго вниманія заслуживаетъ такъ называемый изстари «Общій кабинетъ»: главное его украшеніе составляютъ картины, рисунки, миньятюры и медальоны, числомъ до 180, покрывающіе его стѣны. Это семейная картинная галлерея. Между портретами Павла I, Маріи Θеодоровны, ихъ Августѣйшихъ дѣтей во всѣхъ возрастахъ, также сродниковъ Императрицы, членовъ королевскаго Виртембергскаго дома, находимъ изображенія нѣкоторыхъ знаменитыхъ полководцевъ и ученыхъ. Должно замѣтить, что Павловскій дворецъ вообще владѣетъ обширнымъ собраніемъ фамильныхъ портретовъ членовъ семейства Императора Павла I. Такъ, между прочими, во дворцѣ находится портретъ Великой Княгини Маріи Θеодоровны, писанный «кавалеромъ Россленомъ» въ 1777-мъ году, т. е. въ годъ основанія Павловска; ея-же портретъ, но уже Императрицею, писанный знаменитымъ художникомъ Вуалемъ, и другіе; портреты Императора Александра I, начиная съ изображеній младенца самаго ранняго возраста, оканчиваются послѣднимъ годомъ его жизни. Обращаясь къ Общему кабинету, должно замѣтить, что, кромѣ портретовъ, достопримѣчательность его составляютъ картины и рисунки трудовъ Императрицы, Великихъ Князей и Княженъ. Здѣсь, между рисунками, поднесенными Императрицѣ ея дѣтьми, во дни ея рожденія и тезоименитства, находимъ портре-

ДВОРЕЦЪ

ты и медальоны, писанные Августѣйшею Родительницею съ Великихъ Князей и Княженъ, для подарка супругу.

Изъ этого обширнаго собранія—имѣютъ особый интересъ:

Картина, изображающая Императора Павла I и все Августѣйшее его семейство, въ саду подъ деревомъ. Справа отъ Императора бронзовый бюстъ Петра Великаго; вдали бюстъ Великой Княжны Ольги Павловны. Эта картина писана въ 1800 году Герардомъ Кюгельгеномъ — знаменитымъ въ свое время портретистомъ. [№ 1] *.

Два рисунка карандашомъ, изображающіе спящихъ женщинъ, рисованы Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, съ подписями: «Павелъ, 11 августа 1767 года» и «Павелъ, апрѣля 29 дня 1768 г.». [№№ 113—114].

Трудовъ Императрицы Маріи Θеодоровны: «Судъ Париса», масляными красками, на овальномъ бѣломъ стеклѣ; подписано: «Marie fait à Gatchina ce 19 Août 1794». [№ 44].

«Св. евангелистъ Матθей съ ангеломъ», — масляными красками, на бѣломъ стеклѣ. Подпись: «Marie ce 18 N. à Petersbourg 1788 et corrigé à Pavlovsk ce 29 Mai 1794» [Марія, 18 ноября въ Петербургѣ 1788, исправлено въ Павловскѣ сего 29-го мая 1794 г.]. [№ 46].

Копія со «Святаго Семейства» Рафаэля—исполнено карандашомъ на бѣломъ стеклѣ. Подпись: «Fini à Gatchina ce 14 Septembre 1799» [окончено въ Гатчинѣ 14-го сентября 1799 г.]. [№ 116].

Рисунокъ карандашомъ на бѣломъ стеклѣ, изображающій воина въ шлемѣ. Подпись: «La confiance le présente, la bonté le reçoit. M.» [Довѣріемъ предложено, добротою принято]. [№ 124].

Портретъ Императора Павла Петровича, рисованъ на стеклѣ. [№ 131].

Шесть портретовъ, въ профиль, Великихъ Князей и Великихъ Княженъ: Александра, Константина, Александры, Елены,

---

* Родился въ Бахарахѣ, близь Кобленца, въ 1772 году; палъ отъ руки убійцы, близь Дрездена, въ 1820 г. Герардъ Кюгельгенъ и близнецъ-братъ его Фердинандъ, превосходный пейзажистъ, были профессорами Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ.

*

Маріи, Екатерины — рисованныхъ на бѣломъ стеклѣ свинцовымъ карандашомъ, съ подписью: «Dessiné par leur Mère et présenté au plus chéri des Epoux, au plus aimé des Pères. Ce 19 Septembre 1790. Marie». [Рисовано ихъ матерью и подарено дражайшему супругу и возлюбленнѣйшему отцу. Сего 19 сентября 1790 г. Марія]. [№ 136].

Этимъ рисункомъ, какъ по его сюжету, такъ и по выполненію, Императрица особенно дорожила. Впослѣдствіи она воспроизвела его въ видѣ большой камеи изъ пасты [см. описаніе Библіотеки], въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Въ 1805 году была исполнена съ этого рисунка гравюра на мѣди; геліографическій снимокъ съ этой гравюры приложенъ при настоящемъ изданіи.

Замѣчателенъ портретъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны въ русскомъ платьѣ.

Изъ портретовъ посторонних лицъ, удостоенныхъ виднаго мѣста въ семейной портретной галлереѣ «Общаго кабинета», назовемъ: князя Кутузова-Смоленскаго— [№ 158], весьма интересный миньятюрный портретъ на слоновой кости: Кутузовъ изображенъ съ ландкартою у стола, подлѣ стола виденъ портретъ князя А. В. Суворова; — также миньятюрный портретъ князя Витгенштейна, полководца въ 1812—1828 гг. [№ 162].

Изъ немногихъ картинъ знаменитыхъ художниковъ можно указать здѣсь на «Св. апостола Петра» [№ 73] работы Жерара Доу [† 1680 г.] и на «Бурю» [№ 58] Іосифа Вернета [† 1789 г.]. Послѣдняя картина писана на мѣди.

Въ бывшемъ кабинетѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, также въ нижнемъ этажѣ дворца, есть нынѣ нѣсколько картинъ знаменитѣйшихъ художниковъ. Таковы: «св. Севастіанъ» — Карла Дольче [№ 476], «Спаситель» — Леонарда да-Винчи [№ 501], «Святое Семейство»—Аннибала Караччи [№ 457], «Мадонна»—Саль-

ви ди Сассо-Феррато [№ 91], «Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ» — Павла Веронеза [№ 261], «Отдыхъ Святаго Семейства»—Николая Пуссена [№ 23], «Плачущая Марія Магдалина»—Шарля Лебрена [№ 436] и нѣк. др.

Обращаемъ также вниманіе на каріатиды, поддерживающія сводъ, отдѣляющій кабинетъ отъ закрытаго балкона или «фонарика». Эти каріатиды—произведеніе знаменитаго ваятеля Ивана Мартоса [† 1835 г.].

Въ Кабинетѣ Императора Павла I—въ среднемъ этажѣ—находятся токарныя издѣлія изъ слоновой кости и янтаря, трудовъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны; тутъ же ея собственный небольшой токарный станокъ съ полнымъ сборомъ инструментовъ. Каминъ огороженъ экраномъ, украшеннымъ медальонами работы Государыни. На каминѣ модель обелиска, воздвигнутаго въ Виртембергѣ 22-го іюня 1795 г. въ память родителя Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ слѣдующей половинѣ комнаты — стѣны обиты коврами [гобеленами], изображающими нѣкоторыя изъ басень Лафонтена. Плафонъ съ живописью прекрасной кисти. Кромѣ канделябровъ—токарной работы Императрицы,—здѣсь, подъ стеклянными футлярами, Ея же трудовъ два храма изъ слоновой кости. [На одномъ изъ нихъ надпись: «Marie ce 24 Dec. An. 1790»]. На стѣнѣ портретъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, писанный знаменитымъ Лампи. Государыня изображена во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ блескѣ красоты; на столѣ, стоящемъ подлѣ Императрицы — бюстъ Павла I; правая ея рука съ рейсфедеромъ положена на бронзовый пюпитръ; на немъ любимый ея рисунокъ съ силуэтами Августѣйшихъ ея дѣтей.

Въ Ковровой комнатѣ—стѣны обиты великолѣпными гобеленевыми коврами [haute-lice]; далѣе залъ войны и залъ мира; ихъ раздѣляетъ Греческій залъ, достойный вниманія строгимъ соблюденіемъ античнаго стиля, какъ въ расположеніи самой комнаты, такъ и во всей ея обстановкѣ. Большой кабинетъ Императрицы Маріи Өеодоровны напоминаетъ о многихъ часахъ, посвященныхъ Ею здѣсь трудамъ по благотворительнымъ и учебнымъ заведеніямъ Россіи, находившимся подъ высокимъ Ея покровительствомъ.

Въ парадной опочивальнѣ Императора Павла Петровича и Императрицы Маріи Өеодоровны заслуживаютъ особеннаго вниманія туалетъ и сервизы — издѣлія Севрской мануфактуры—исполненныя по повелѣнію Людовика XVI для подарка Цесаревичу Павлу Петровичу. Рамку туалетнаго зеркала поддерживаютъ амуры и нимфы; въ верхней ея части золоченый двуглавый орелъ; по бокамъ зеркала, роскошными складками, ниспадаетъ голубая Императорская мантія. Всѣ туалетныя принадлежности выдѣланы изъ превосходнаго фарфора, покрытаго синею эмалью съ золотыми узорами, въ которые — разноцвѣтною эмалью — вкраплены искусственные перлы и драгоцѣнные камни; туалетные часы въ фарфоровой оправѣ служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ подставкою для колокольчика. Эти часы, работы знаменитаго французскаго механика Ромилльи [р. 1714 † 1796], не смотря на малый циферблатъ, показываютъ числа мѣсяца и фазисы луны. Не менѣе любопытенъ чайный сервизъ, въ которомъ особенно замѣчательны двѣ чашки съ миньятюрными поясными портретами французскаго короля Людовика XVI и королевы Маріи Антуанеты.

О подаркѣ всего этого драгоцѣннаго сервиза Французскою королевою Цесаревичу Павлу Петровичу и супругѣ его Маріи Θеодоровнѣ, вотъ что разсказываетъ, въ своихъ Запискахъ, баронесса Оберкирхъ, подъ 16-мъ [5-мъ] числомъ іюня 1782 года:

—«Въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1782 г., Графиня Сѣверная [Великая Княгиня Марія Θеодоровна] сказала королевѣ Маріи Антуанетѣ о посѣщеніи ею, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, Севрской мануфактуры, причемъ нашла новую причину къ похваламъ той неподражаемой граціи, съ которою Ея Величество все умѣетъ дѣлать. Августѣйшая чета накупила на триста тысячъ ливровъ [225,000 р. сер.] фарфоровыхъ издѣлій. Наконецъ, Великой Княгинѣ представили туалетный приборъ величайшей красоты. Онъ былъ темно-синяго фарфору, украшенъ живописью и каймами изъ эмали, изображающими драгоцѣнные камни и жемчуги, въ золотой оправѣ. Зеркало поддерживаютъ три Граціи, у ногъ которыхъ играютъ два амура. Великая Княгиня, восхищаясь этою драгоцѣнностью, воскликнула:

— Боже мой! какъ это прелестно! это, вѣроятно, для королевы?

— Государыня моя,—отвѣчалъ графъ д'Анживилле,—королева подноситъ этотъ приборъ Графинѣ Сѣверной, въ надеждѣ, что приношеніе будетъ пріятно и Графиня его сохранитъ на память о Ея Величествѣ.

— Ахъ, дѣйствительно: на туалетѣ я вижу повсюду мои гербы! сказала Великая Княгиня. Королева любезна безгранично; я сама поблагодарю ее. О, какой великолѣпный подарокъ!

«Въ это время Графъ Сѣверный разсматривалъ также прелестнѣйшія вазы и сервизъ съ его гербами—подарки отъ короля, вещи—чудо въ своемъ родѣ. Графиня Сѣверная весьма опасалась, чтобы дорогою не разбили этихъ великолѣпныхъ произведеній. Она приказала къ сбереженію ихъ приложить все возможное стараніе».

Картинная Галлерея.

Картинная Галлерея состоитъ изъ 67-ми экземпляровъ художественныхъ произведенiй, преимущественно первоклассныхъ мастеровъ, и нынѣшнимъ своимъ устройствомъ обязана вниманiю Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, Государя Великаго Князя Константина Николаевича. По повелѣнiю Его Высочества, въ этой галлереѣ соединены, въ 1872 году, лучшiя картины изъ большаго собранiя, принадлежащаго дворцамъ г. Павловска.

Въ числѣ картинъ Галлереи особенно замѣчательны *:

«Пейзажи» [№ 3] и [№ 67] Саломона ванъ-Рёйсдаля [1600 † 1670]. «Бракъ въ Канѣ Галилейской» [№ 7], «Три друга» [№ 46]—Джакопо Робусти Тинторетто [1512 † 1594]. «Богородица съ младенцами Iисусомъ и Iоанномъ» [№ 8] Андреа-Ванукки дель Сарто [1487 † 1531]. «Отдохновенiе Святаго Семейства во время бѣгства въ Египетъ» [№ 9] Франческо Альбано [1578 † 1660]. «Мученiе св. Агнесы» [№ 10] Паоло Кальяри Веронезе [1528 † 1588]. «Мать съ дитятей» [№ 13] Марiи Анны Ангелики Кауфманъ [1741 † 1807]. «Морской

---

* Нумера означенные въ скобкахъ суть нумера порядка, въ какомъ развѣшаны картины, начиная справа отъ входа въ Галлерею изъ Музея античныхъ мраморовъ. Въ Галлереѣ находится печатный каталогъ.

видъ» [№ 21] Виллема ванъ-де-Вельде младшаго [1633 † 1707]. «Дама со стаканомъ въ рукахъ и съ нотами на колѣняхъ» [№ 23] Франса ванъ-Мириса [1635 † 1681]. «Св. апостолъ Павелъ» [№ 27], «Богоматерь» [№ 48], «Архангелъ Гавріилъ» [№ 49]—Гвидо Рени [1575 † 1642]. Послѣднія двѣ картины находились въ опочивальнѣ Императора Павла Петровича въ Михайловскомъ замкѣ и были весьма имъ любимы. «Св. апостолъ Варѳоломей» [№ 28]—Хосе де Рибера-Спаньолетто [1588 † 1656]. «Св. Марія Магдалина» [№ 38] Адріана ванъ-деръ-Верфа [1659 † 1722]. «Обрученіе св. Екатерины» [№ 40] копія съ картины Антоніо Аллегри-Корреджо [1494 † 1534]. «Богоматерь съ Младенцемъ Іисусомъ [№ 41], Тоже [№ 60] Джованни Баттиста Сальви-Сассоферрато [1605 † 1685]. «Бахусъ и Аріадна [№ 42]—Александро Турки-Веронезе [1580 † 1648]. «Богоматерь съ Младенцемъ Іисусомъ» [№ 47] — Бартоломе-Эстебана Мурильо [1617 † 1682]. «Спаситель» [№ 50]—Рембрандта Гарменесца ванъ-Рейна [1607 † 1669]. «Явленіе Богоматери святому» [№ 55]—Аннибале Карраччи [1560 † 1609]. «Св. Марія Магдалина» [№ 61]—Карла Дольче [1616 † 1686]. «Молодая дѣвушка, играющая на гитарѣ» [№ 62]—Елисаветы Луизы Виже-Ле-Брёнъ [1755 † 1842].

Копіи съ аллегорическихъ картинъ Ангелики Кауфманъ и Лесюёра [№ № 52—53], снятыя въ 1795 г., въ Павловскѣ, на стеклѣ, Великою Княгинею [Императрицею] Маріею Ѳеодоровною [1759 † 1828].

Изъ произведеній прочихъ художниковъ, въ галлереѣ Павловскаго Большаго дворца находятся картины: Александра Аллори [1535 † 1607], Помпейо Баттони [1708 † 1787], Яна Бота [1610 † 1651], Петера Брюгеля [1530 † 1569], Себастьена Бурдона [1616 † 1671], Антони Ватерлоо [1618 † 1662], Томаса Вейка [1616 † 1682], Д. Вейнтрака [половины XVII столѣтія], Яна-Баттиста Веникса [1621 † 1660], Симона де-Влигера [1612 † 1690], Бернардино Гатти [1495 † 1575], Генриха Говартса [1669 † 1720], Яна ванъ-Гойена [1596 † 1656], Альберта Кейпа [1605 † 1691], Жака Куртуа Бургиньона [1621 † 1676], Іоанна Батиста Лёпренса [1733 † 1781], Герарда де-Лэресса [1640 † 1711], Яна Лингельбаха [1625 † 1687], Пьера Миньяра [1610 † 1695], Корниліуса Моленара [1540 † 1589], Фредерика де-Мушерона [1633 † 1686], Іоанна Георга Плацера [1702 † 1760], Петера-Пауля Рубенса, его школы [1577 † 1640], Маттео Понцоне [1633 † 1656], Гюбера Робера [1733 † 1808], Бартоломео Скедоне [1580 † 1615], Яна Фейта [1609 † 1661], Бартоломеуса Флемалле [1614 † 1675] *.

Изъ рукописнаго, принадлежащаго Павловску, общаго каталога, составленнаго въ 1848 г. конференцъ-секретаремъ Императорской Академіи Художествъ В. И. Григоровичемъ, явствуетъ, что до 500 картинъ разсѣяны по комнатамъ обоихъ дворцовъ: Большаго и Константиновскаго, именно 475, и 25, преимущественно впрочемъ, копій, находятся въ двухъ церквахъ въ Павловскѣ: дворцовой и св. Маріи Магдалины.

Картины эти распредѣляются по школамъ, такимъ образомъ: итальянской и испанской—125, фламандской—50, голландской—65, нѣмецкой и англійской — 100, французской—50, русской—25, разныхъ школъ—85. Кромѣ того, дворцовые покои вмѣщаютъ въ себѣ до 100 живописныхъ и скульптурныхъ изображеній русскихъ

---

* Нѣкоторыхъ изъ вышепоименованныхъ художниковъ имѣются въ Галлереѣ Павловскаго дворца по два и даже по три различныхъ произведеній.

коронованныхъ особъ и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, русскихъ и иностранныхъ; около 140 собственноручныхъ трудовъ особъ Императорской Фамиліи, 115 художественныхъ работъ воспитанницъ институтовъ и 220 мелкихъ произведеній разныхъ художниковъ и любителей; въ этомъ послѣднемъ числѣ: около 15 картинъ, 60 миньятюръ, 50 акварелей, 40 рисунковъ гвашью, тушью и бистромъ, 225 карандашныхъ рисунковъ и 80 пастелей. Къ этому надо прибавить еще до 210 гравюръ и литографій, висящихъ на стѣнахъ, преимущественно въ комнатахъ верхняго этажа; изъ нихъ 185 иностр. и 25 русск.; 5 медальерныхъ произвед., 5 шитыхъ шелкомъ картинъ и до 20 писанныхъ на фарфорѣ.

Каталогъ картинъ, составляющихъ собственно «Галлерею», напечатанъ, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, и находится въ Большомъ Дворцѣ въ Павловскѣ.

Кромѣ Картинной Галлереи, въ томъ же дворцѣ устроенъ въ 1872-мъ году

Художественный Музей.

Археологическія рѣдкости и произведенія древняго ваянія, находящіяся въ Музеѣ и въ Залѣ Бюстовъ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ покояхъ Павловскаго дворца, состоятъ изъ мраморовъ, бронзовыхъ и глиняныхъ издѣлій. Къ отдѣлу мраморовъ принадлежатъ: статуи, бюсты, рельефы, гробницы, пеплохранильницы, доски съ надписями; къ бронзовымъ издѣліямъ: статуэтки, печатки [штемпеля], обломки оружія; къ произведеніямъ изъ обожженной глины [терракотты]: вазы, рельефы, лампы, ручки отъ амфоръ, и т. п. Кромѣ того,

въ Музеѣ есть нѣсколько древнихъ сосудовъ изъ стекла, свинца и алавастра.

Начало собранія древнихъ памятниковъ искусствъ въ Павловскѣ положено въ 1781—1782 гг. Августѣйшими Основателями города, которые во время путешествія по Европѣ, въ особенности въ Италіи, пріобрѣли нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ древняго ваянія и вообще искусствъ. Затѣмъ, значительная часть мраморныхъ антиковъ, находящихся во дворцѣ, пріобрѣтены около 1787 года Императрицею Екатериною II изъ собранія англійскаго археолога Лайда Броуна [Lyde Brown], всего на сумму 23,000 фунтовъ стерлинговъ [144,000 р. сер.]. Это собраніе первоначально вошло въ составъ Музея, находившагося въ Царскомъ Селѣ, откуда одна часть древностей была перевезена въ Павловскъ по повелѣнію Императора Павла Петровича *; другая, значительнѣйшая часть, въ 1850 году, поступила въ Императорскій Эрмитажъ. При Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ собраніе мраморовъ во дворцѣ въ Павловскѣ умножилось нѣсколькими статуями, найденными въ Ольвіи [близъ г. Николаева, Херсонской губерніи].

Мысль соединить произведенія древняго искусства, находившіяся въ покояхъ дворца и въ паркѣ, въ особый Музей, принадлежитъ нынѣшнему Августѣйшему Владѣтелю Павловска. По порученію Его Высочества, всѣ

---

* Высочайшее повелѣніе 1797-го года 1-го февраля; подтверждено въ мартѣ того-же года. См. «Царскосельскій лѣтописецъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1827 г., часть XXXI, стр. 315 и 318.

мраморы и рѣдкости въ надлежащемъ порядкѣ расположены въ трехъ залахъ Музея: бюстовъ, статуй и залѣ надгробныхъ памятниковъ. Г. Академикомъ Лудольфомъ Стефани составлено подробное и обстоятельное описаніе художественныхъ сокровищъ этого Музея,—изданное въ 1872 г. Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ [Спб. 8 д. 128 стр., съ двумя рисунками]. Общее число предметовъ, въ немъ показанное, простирается до 225.

Изъ статуй достойны особеннаго вниманія:

Афродита [Венера] [№ 1]; Эротъ [№ 4], Бахусъ [№ 7], два Сатира [№№ 8 и 9], Муза [Полигимнія] [№ 13], Мальчикъ съ птицею [№ 15], и Дѣвочка съ птицею [№ 16].

Изъ бюстовъ любопытны—изображенія римскихъ императоровъ: Антонина Пія [138—161 гг. по Р. Х.], Марка-Аврелія [121—180 гг.], Луція Вера [ум. въ 169 г.] и Елагабала [217—223 гг.]; также нѣсколько бюстовъ-портретовъ римлянъ и римлянокъ, превосходно исполненныхъ.

Между надгробными памятниками замѣчательны: саркофаги [№№ 42, 43,]; многія пеплохранильницы; изъ бронзовыхъ издѣлій: статуэтки [№№ 89, 90—96], штемпеля, обломки древняго оружія. Изъ древнихъ гончарныхъ издѣлій—значительное собраніе вазъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «этрусскихъ».

Вообще, по отзыву Академика Стефани, собраніе древностей въ Музеѣ во дворцѣ въ Павловскѣ—«хотя и не

можетъ соперничествовать съ другими подобными собраніями по количеству содержащихся въ немъ предметовъ, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ полнаго вниманія по ихъ внутреннему достоинству».

Въ стѣны передней комнаты Музея вдѣлано нѣсколько каменныхъ плитъ съ надписями, найденныя въ Кафѣ [нынѣ городъ Ѳеодосія, Таврической губерніи] и доставленныя въ Павловскъ въ концѣ прошлаго, XVIII-го, столѣтія.

Извѣстно, что Генуя владѣя съ 1260-го по 1475-й годы колоніями въ Крыму, управляла ими чрезъ особо назначаемыхъ туда консуловъ [podesta], должность которыхъ, по обширности предоставленной имъ власти, ограничивалась Генуэзцами однимъ лишь годомъ правленія и весьма рѣдко болѣе. Не смотря однако на краткость времени, консулы успѣвали увѣковѣчить свои имена какими-либо постройками, въ которыя вкладывали мраморныя или каменныя доски съ своими именами, гербами и съ означеніемъ года. Такихъ надписей или гербовъ и теперь еще много на плитахъ, сохраняющихся въ Балаклавѣ—у Генуэзцевъ Cembalo, въ Судакѣ—Soldaya, въ Ѳеодосіи—у Генуэзцевъ Caffa.

Хотя долголѣтнее нахожденіе шести Кафскихъ плитъ въ Павловскомъ паркѣ, откуда они перенесены въ Музей только по повелѣнію Великаго Князя Константина Николаевича, и повліяло на внѣшній видъ этихъ камней, такъ напр. у нѣкоторыхъ отбиты углы и стерты буквы, тѣмъ не менѣе по содержанію надписей еще видно, что онѣ относятся къ 1341, 1346 [?], 1363, 1383, 1384 и 1474 годамъ. Вотъ одна изъ надписей вырѣзанная красивыми выпуклыми готическими буквами на камнѣ, съ изображеніемъ агнца между двумя гербами.

[In nomine dami] ni ad. honorem. s. f.
[ranci] sci [et. s. et. individue.] trinitati
s. et. ad. augmentum. [et exaltaci]

onem. hujus. civitatis. hoc. opus. f
actum. fuit. tempore. nobilis. et. s
apient. [sic] viri. domino. francisco. scaffa.

т. е. во имя Господа, въ честь св. Франциска и св. и нераздѣльной Тройцы, для возвеличенія и возвышенія этого города, сдѣлана настоящая постройка [церкви] во время благороднаго и мудраго мужа господина Франциска Скаффа.

Не менѣе интересны, также вдѣланныя въ стѣны передней комнаты Павловскаго Музея, мраморныя доски, выломанныя въ 1828 году изъ стѣнъ покоренной Варны. До учрежденія Музея турецкіе мраморы находились въ стѣнѣ Вольера, съ надписью на бронзовой доскѣ: «Воспоминанія о Варнѣ 29-го сентября 1828 года». Всѣ турецкія надписи относятся къ 1817—1818-мъ годамъ и изложены стихами. Для образца помѣщаемъ здѣсь переводъ одной изъ нихъ:

«Его величеству Махмудъ-хану устроиваніе своего государства есть,

Прежде всего, самое нужное изъ всѣхъ благолѣпій правленія.

Онъ созидалъ крѣпости, онъ обложилъ [свое государство] повсюду стѣнами противъ враговъ,

И [этимъ] превзошелъ Искендера [т. е. Александра Великаго] сей великій государь, имѣющій Даріеву щедроту.

Крѣпость Варны сдѣлалась какъ-бы водоворотомъ для непріятельскаго флота,

Потому что океанъ волнуется отъ ядръ ея пушекъ, отъ пуль ея ружей.

Да укрѣпятся Небомъ стѣны его государства!

Да продлится существованіе этой полной луны славы до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Небо!

О Иззетъ! [имя сочинителя] для [обозначенія] года сооруженія этой сильной крѣпости я сказалъ:

«Султанъ-[Махмудъ], восхваляемый своими высокими достоинствами, созидалъ крѣпость Варну.»

Изслѣдованія о Кафскихъ надписяхъ и о Турецкихъ мраморахъ, принадлежащихъ Павловскому Музею,—напечатаны: въ «Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ» Спб., 1855 г. томъ III-й, выпускъ 5-й, стр. 617—635, статья Профессора Казембека и въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей», изд. 1868 г. т. VII, статья В. Юргевича: «Новыя надписи Генуэзскія», стр. 274—282. Выдержки изъ обоихъ изслѣдованій приведены въ «Каталогѣ Картинной Галлереи и Художественнаго Музея», дворца въ Павловскѣ; кромѣ того въ помѣщеніи Музея всегда находится подробное его описаніе, составленное Академикомъ Л. Стефани и изданное Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ.

Извѣстно, что Императрица Марія Ѳеодоровна, еще въ семействѣ своихъ родителей получивъ прекрасное образованіе, весьма пристрастилась къ чтенію. Любовь къ книгамъ не покидала ее въ бытность Великою Княгинею, и, во время путешествія въ 1781—1782 гг., съ супругомъ своимъ по Европѣ, Марія Ѳеодоровна возбудила удивленіе Парижскихъ академиковъ, какъ обширною начитанностію, такъ и счастливою памятью. До послѣднихъ лѣтъ жизни, Императрица Марія Ѳеодоровна слѣдила за успѣхами современной словесности, русской и иностранной, нерѣдко слушая чтеніе новыхъ книгъ кѣмъ-либо изъ приближенныхъ особъ. Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ—сами читали Государынѣ свои произведенія, къ которымъ Марія Ѳеодоровна всегда относилась съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Высоко цѣня труды нашего перваго исторіографа, она обращала его вниманіе на русскія и иностранныя книги, имѣвшія отношеніе къ отечественной исторіи, и нерѣдко посылала ихъ на прочтеніе Карамзину. Такъ, однажды Государыня,

XXVII

препровождая къ нему пріобрѣтенный для ея библіотеки «Букварь Славяно-россійскихъ письменъ» Каріона Истомина [Москва, 1695 г.], писала:

— «Извѣстна-ли вамъ, батюшка, книга: букварь іеромонаха Истомина? Я вамъ оную посылаю, ибо, какъ кажется, любопытна».

Собраніе печатныхъ лѣтописей, труды Татищева, Ломоносова, князя Михаила Щербатова, Елагина, Болтина, Шлецера и др., хранящіеся въ Библіотекѣ, свидѣтельствуютъ о прилежномъ изученіи русской исторіи Маріею Ѳеодоровною. Изъ сочиненій научнаго содержанія Государыня особенно внимательно читала книги по части естествознанія, преимущественно ботаники, медицины, а также педагогики.

Въ бытность Маріи Ѳеодоровны Великою Княгинею, у Ея Высочества и у Великаго Князя Цесаревича Павла Петровича были небольшія собранія книгъ, основаніемъ для которыхъ послужила дорожная библіотека Императрицы Екатерины II, подаренная Наслѣднику и его супругѣ *. Кромѣ того, еще въ 1787 году Ихъ Высочества прислали изъ Петербурга изрядное количество книгъ для Павловской библіотеки **. Въ 1799 году Императоръ Павелъ Петровичъ подарилъ свое собраніе книгъ супругѣ; затѣмъ, съ каждымъ годомъ, до самой кончины, Императрица Марія Ѳеодоровна, съ особенною заботливостью, дополняла свою библіотеку новыми пріобрѣтеніями. Пер-

* Каталогъ книгъ этой библіотеки, написанный собственноручно Екатериною II, хранится въ отдѣлѣ рукописей Августѣйшей Фамиліи въ Павловской библіотекѣ.

** Арх. Павл. Гор. Правл., д. 1787 г., № 28.

воначально книги были размѣщены въ маленькихъ шкафчикахъ кабинета Государыни [въ бель-этажѣ], но въ 1808 году онѣ соединены въ особомъ помѣщеніи въ нижнемъ этажѣ, которое устроено подъ наблюденіемъ извѣстнаго архитектора Андрея Воронихина. 16-го февраля 1822 года послѣдовало Высочайшее, вдовствовавшей Императрицы, повелѣніе директору Павловска, генералу Фридерици, о постройкѣ, при дворцѣ, совершенно особаго помѣщенія для библіотеки Ея Величества. Строителемъ былъ архитекторъ Росси.

Помѣщеніе это находится надъ галлереею Гонзаго, въ правомъ полуциркулѣ главнаго корпуса. Высокая, свѣтлая деревянная галлерея въ пять венеціанскихъ оконъ. Стѣны ея уставлены красивыми въ два яруса шкафами березоваго дерева, съ рѣзными украшеніями. По верхнимъ шкафамъ размѣщены въ систематическомъ порядкѣ книги небольшихъ форматовъ, по вторымъ—фоліанты, именно: атласы, чертежи, гравюры, альбомы рисунковъ и т. п. Библіотека, въ числѣ 7,097 заглавій, вмѣщаетъ въ себѣ 20,895 книгъ [преимущественно на французскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ]; собранія 1,354-хъ чертежей, видовъ, рисунковъ; 27 портфелей гравюръ [1,294 экземпляра] и 454 рукописи. Сверхъ того въ Библіотекѣ сохраняются 57 связокъ: a] собственноручныя письма Императрицы Екатерины II, Императора Павла I и Маріи Ѳеодоровны; b] учебныя тетради Цесаревича Павла Петровича, рисунки Великихъ Князей и Княженъ—Августѣйшихъ дѣтей Императрицы Маріи Ѳеодоровны; c] альбомы, ей принадлежавшіе; d] автографы Лафатера, Лагарпа и мн. др.; e] нѣкоторыя вещи, принадлежавшія Императору Александру Павловичу. Въ пяти большихъ

*

витринахъ помѣщаются: небольшая глиптотека [коллекція рѣзныхъ камней и печатей] и собраніе медалей и монетъ. Подъ витринами въ малыхъ шкафахъ—коллекціи минераловъ, раковинъ, насѣкомыхъ, сухихъ растеній и, наконецъ, старинныя рукописи: церковно-славянскія, латинскія, нѣмецкія и французскія.

Книги размѣщены въ двадцати двухъ шкафахъ; въ простѣнкахъ—мраморныя статуи девяти музъ; на шкафахъ—цѣнныя вазы, яшмовыя и порфировыя. Средину комнаты занимаютъ два длинные письменные стола, на которыхъ разставлены чернильницы и канделябры, точеныя изъ слоновой кости и янтаря, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣчательны, какъ труды Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Библіотека заключаетъ въ себѣ важнѣйшія сочиненія писателей и ученыхъ преимущественно XVIII-го столѣтія и первой четверти девятнадцатаго. Книги размѣщены по нижеслѣдующимъ отдѣламъ: I) Математическія науки; II) Естествознаніе; III и IV) Путешествія и Географія; V) Исторія Россіи; VI) Новая исторія; VII) Древняя исторія; VIII) Записки, Біографіи; IX). Исторія Франціи; X) Религія, Нравоученіе, Воспитаніе; XI) Искусства и Ремесла; XII) Языки; XIII) Романы; XIV) Археологія; XV) Изящныя художества; XVI) Древніе писатели; XVII) Политическія науки; XVIII) Стихотворенія; Театръ; XIX) Словесность; XX) Энциклопедія; XXI) Смѣсь и XXII) Собранія сочиненій.

Изъ книгъ, по своей рѣдкости, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія:

Новый Завѣтъ на французскомъ языкѣ, изданіе 1559 года.

Герберштейнъ [Moscoviter wunderbare Historien. Basel, 1563, in-fol. и 1567, in-fol.].

Les pseaulmes de David mis en rimes Françoises par Clément Marot et Théodore de Beze. Edition de François Estienne, 1568, in-24° [Псалмы Давида, переложенные французскими риѳмами Климентомъ Маро и Теодоромъ де Бэзомъ. Изданіе Стефана Этьенна].

Брюйнъ и Гогенбергъ: Civitates orbis terrarum. Ratisbonae, 1576 [3 vol. in-fol.].

Теодора Бэза «Изображенія то есть вѣрные портреты мужей, прославившихся ученостью, благочестіемъ и т. д. [Icones, id est verae imagines virorum doctrina simul et pietate illustrium etc. Genevae, 1580, in-fol.].

Apologie pour Jehan Chastel, parisien, executé à mort. Contre l'arrest du Parlement de Paris 1594, par François de Vérone, Constantin. Paris, 1595, in-12° [Хвалебное слово Жегану Шастелю, парижанину, казненному смертію. Противъ приговора парижскаго парламента 1594. Сочиненіе Франциска де-Веронъ, Константинъ].

Paulus Jovius et Herberstein: Die Moscovitische Chronica, das ist eine gründliche Beschreibung oder Historia des mächtigen und gewaltigen Grossfürsten in Moskow. ....durch den Doctor Pantaleon ins Teutsch gebracht. Franckfurt a. M., 1576, in-fol. [Павелъ Іовій и Герберштейнъ: Московская лѣтопись, то есть обстоятельное описаніе или исторія могучаго и сильнаго Великаго Князя Московскаго].—Rerum Moscovitarum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti. Francofurti, 1600, fol. [Собраніе сочиненій разныхъ авторовъ о дѣлахъ московскихъ].

Ортелій [Theatrum orbis terrarum. Antverpiae, 1612, fol.]—первый географическій атласъ всего свѣта.—Петреій и Петръ Эрлезунда [Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Moskow, mit den schönen fruchtbaren Provincen und Herrschaften. Magdeburg, 1620, in-8⁰ [Исторіи и донесенія о великомъ княжествѣ Московскомъ съ его прекрасными, плодоносными областями и владѣніями].—Олеарій—два изданія: Adam Olearius: Vermehrte Neue Beschreibung der Moskowitischen und Persischen Reise... welche zum andern mahl heraus gibt.. Schlesswig, 1656, 1663, fol.—на нѣмецкомъ языкѣ, и изданное въ Амстердамѣ въ 1727, fol.—на французскомъ языкѣ.

Les Héros de la Ligue, ou la procession monacale conduite par Louis XIV pour la conversion des protestants de son royaume. Paris, 1691, in-4⁰ [Герои Лиги, или монашеская процессія, предводимая Людовикомъ XIV ради обращенія протестантовъ его королевства].

Не столько въ библіографическомъ, сколько въ историческомъ отношеніи, достоинъ вниманія экземпляръ фортификаціи Вобана, изд. 1694 г., а именно:

Véritable manière de bien fortifier de Mr de Vauban—etc. le tout mis en ordre par Mr l'abbé du Fay et le chevalier de Cambray. Tome premier, à Paris chez la veuve Cramoisy, Imprimeur du Roy. M. DC. XCIV [in-8⁰]. При этой книгѣ лежитъ записка: «Cet exemplaire a appartenu à François Timmermann, lorsqu' il était maître de Mathématiques de Pierre le Grand» [Этотъ экземпляръ принадлежалъ Францу Тиммерману, когда онъ былъ учителемъ математики Петра Великаго]. Эта замѣтка подтверждается соб-

ственноручною надписью на заглавномъ листѣ: «F. Timmermann, 1694».

Дневникъ Корба. Io. Geo. Korb: «Diarium itineris in Moscoviam Dni Ign. Christoph de Guarient, et Rall, ab Imperatore Leopoldo I. ad Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium a. 1698 ablegati extraordinarii». Viennae, [1700.], fol.

Корбъ [Iohann Georg Korb], секретарь цесарскаго посла Игнатія Христофора де-Гваріента и Ралля, отправленнаго императоромъ Леопольдомъ I въ Московское государство къ Царю Петру Алексѣевичу 10-го января [нов. стиля] 1698 г., съ 11-го числа сего же мѣсяца по 27-е сентября [нов. ст.] слѣдующаго 1699 г. велъ, на латинскомъ языкѣ, дневникъ, куда тщательно и въ высокой степени добросовѣстно заносилъ всѣ свои впечатлѣнія и замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ. 29-го апрѣля 1698 г. посольство въѣхало въ Москву, а 4-го сентября того же года Царь Петръ Алексѣевичъ возвратился въ нее изъ перваго заграничнаго путешествія. Въ виду Корба произведенъ былъ стрѣлецкій розыскъ и совершены Царемъ первые рѣшительные шаги на пути преобразованій внутренняго быта русскаго народа. По возвращеніи въ Вѣну, Корбъ издалъ свой трудъ, въ концѣ 1700 года, на латинскомъ языкѣ, въ листъ, 252 страницы съ чертежами, картинами и съ приложеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ разсказовъ о Московскомъ государствѣ.

Сочиненіе это долго было извѣстно лишь немногимъ библіофиламъ, главнымъ образомъ потому, что въ 1701 году бо̀льшая часть экземпляровъ этого изданія, по настоянію Московскаго Правительства, оскорбившагося нѣкоторыми разсказами Корба, была уничтожена. Уцѣлѣли лишь нѣсколько экземпляровъ, которые были куплены тотчасъ по выходѣ книги въ свѣтъ. Въ Россіи имѣются пять или шесть экземпляровъ сочиненія Корба и, изъ нихъ экземпляръ, находящійся въ дворцовой библіотекѣ Павловска—одинъ изъ лучшихъ; въ немъ, между прочимъ, находятся всѣ восемнадцать картинъ и чертежей, какіе были приложены Корбомъ къ его труду, между тѣмъ, не всѣ извѣстные экземпляры этой книги

имѣютъ полное количество этихъ, въ высшей степени интересныхъ, рисунковъ и плановъ.

Изъ рисунковъ при соч. Корба особенно любопытны: Въѣздъ цесарскаго посольства въ Москву въ 1698 году. — Казни стрѣльцовъ въ Москвѣ въ 1698 г.—Катанье посла. — Водоосвященіе на Москвѣ рѣкѣ, Іордань. — Бой, плѣненье, разныя пытки и казни стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ въ 1698 г.—Первые корабли, выстроенные Царемъ Петромъ.—Казни стрѣльцовъ въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, и проч.

Исторія Императора Ивана III [Geschichte von dem Leben, der Regierung und Verstossung vom Throne Iwan's III Kaiser von Russland. 1766, in-12°].

Рѣдкость библіографическая, но по содержанію не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго: написанная сторонникомъ Браун-швейгской фамиліи, вскорѣ послѣ кончины принца Іоанна Антоновича—она состоитъ изъ общихъ фразъ.

Нѣмецкая азбука 1768 г., въ посеребренномъ переплетѣ съ вензелемъ Цесаревича Павла Петровича. Служила при первоначальномъ обученіи Августѣйшихъ дѣтей Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Les plans et les statuts des différents établissements ordonnés par S. M. I. Catherine II pour l'éducation de la jeunesse [par Betzky, trad. par Mr Clerc. Tome I. Amsterdam, 1775, in-12°]. Планы и уставы различныхъ заведеній, учрежденныхъ Е. И. В. Екатериною II для воспитанія юношества. Экземпляръ любопытный по отмѣткамъ на французскомъ же языкѣ, сдѣланнымъ на поляхъ книги собственноручно Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ первый годъ царствованія ея супруга.

Помѣщаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ въ переводѣ:

На стр. 21-й, противъ строкъ, въ которыхъ говорится о различныхъ средствахъ, дающихъ воспитанникамъ обоего пола здоровье атлетическое,—

— Замѣтка Императрицы: «Напротивъ: воспитанники очень малаго роста и большею частію слабаго тѣлосложенія; прибавимъ къ этому разсужденіе, что изъ шестидесяти тысячъ дѣтей сохранили лишь десять тысячъ и тогда увидимъ сколько въ этомъ учрежденіи [Воспитательный домъ] должно быть недостатковъ и на сколько оно требуетъ измѣненій въ своемъ управленіи».

Стр. 122—123. Противъ строкъ, въ которыхъ помѣщено описаніе качествъ, требуемыхъ отъ надзирателя за дѣтьми,—

— примѣчаніе Императрицы: «Портретъ прекрасный, желательно, чтобы нашелся подлинникъ».

На стр. 133-й замѣтка Императрицы: «Надзиратели и надзирательницы будутъ впредь изъ лицъ знающихъ какое-либо мастерство, какъ-то: прачешное, швейное, вышивальное, кружевное и т. п., а для мальчиковъ: башмачное, портняжное, токарное, столярное, ткацкое. Выборъ этихъ ремесленниковъ долженъ дѣлаться съ величайшимъ тщаніемъ, дабы порочная нравственность этихъ людей не вліяла на воспитаніе дѣтей; къ этому надзиратель и надзирательница должны прилагать всѣ ихъ старанія».

На стр. 159-й, сказано о капиталахъ, доходахъ и ихъ употребленіи. Противъ этой статьи—

—примѣчаніе Императрицы: «Жестоко сознаться, что этими священными фондами такъ дурно распоряжались, что они почти истощены и что одно лишь великодушіе Императора [Павла Петровича] поддерживаетъ нынѣ это заведеніе».

Ausführliche Beschreibung der Reise Seiner Kaiserlichen Hochheit des Grossfürsten Paul Petrowitch von St.-Petersburg nach Berlin, wie auch der Reise Ihrer Königlichen Hochheit der Princessin Sophia Dorothea von Würtemberg, verlobte Braut des Grossfürsten. Berlin. 1776, 8⁰ [Подробное описаніе путешествія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Петровича изъ Петербурга въ Берлинъ, также и путешествія ея Королевскаго Высочества Принцессы Софіи Доротеи Виртембергской, высоко нареченной невѣсты Цесаревича Великаго Князя].

Въ отдѣлѣ сочиненій по части медицины между множествомъ книгъ о народной и дѣтской гигіенѣ [объ эпидеміяхъ, о прививкѣ оспы, лечебники и т. п.], любопытенъ экземпляръ сочиненія Дженнера о прививкѣ коровьей оспы [An Inquiry into the causes effects of the variolae vaccinae etc. London. 1801, in-4⁰], съ великолѣпными рисунками, отпечатанными красками.

Записки и воспоминанія о Революціи 1789 г. отъ самаго ея начала до воцаренія Наполеона I.—Подъ общимъ заглавіемъ: «Сборникъ разныхъ любопытныхъ статей» [Récueil de diverses pièces curieuses]—нѣсколько томовъ брошюръ, памфлетовъ, листковъ и проч. за весь періодъ Реставраціи и воцаренія Бурбоновъ [съ 1814 по 1828 годъ].—Notice sur l'île d'Elbe. Paris, 1814, in-8⁰ [Замѣтка объ островѣ Эльбѣ].

Lettres sur Pawlofsky, château appartenant à S. M. I. l'Impératrice Mère. Paris. 1809, in-8⁰. Переводъ съ нѣмецкаго писемъ Шторха, великолѣпно отпечатанный у Дидо, на пергаментѣ.

Полное собраніе реляцій отечественной войны въ 1812-мъ году и войнъ 1813—1814 гг.

Иллюстрированныхъ изданій много; нѣкоторыя изъ нихъ, для своего времени, вполнѣ великолѣпны; изъ нихъ особенно любопытны:

C. Fontana. Templum Vaticanum et ipsius origo, cum aedificiis maxime conspicuis Romae. 1694, fol. [Описаніе Ватикана]. Bernard de Montfaucon: Antiquité expliquée en figures. Paris. 1722 et seq. 15 vol., folio. [Древность, объясненная въ картинахъ]. Шейхцеръ: «Священная физика» [Physique sacrée. Paris, 1732—1737, fol.], великолѣпное изданіе, заключающее свыше 500

превосходно, по тому времени, исполненныхъ эстамповъ на мѣди.

David et Mulot: Museum de Florence 1787. 5 vol. in-4⁰ [Описаніе Флорентинскаго музея].—Piranesi: Antiquités d'Herculanum. Paris. 1804, 6 v. 4⁰ [Геркуланскія древности]. Visconti: Description des antiquités du Musée Royal., Paris. 1817, in-8⁰ [Древности Королевскаго музея].—Бюффонъ — великолѣпное парижское изданіе 1802 г., въ 8 д. л., со всѣми принадлежащими къ нему рисунками.— Левайлльянъ: орнитологія попугаевъ и райскихъ птичекъ [Paris, 1806, fol.].—Одеберъ: орнитологія колибри [Paris, 1802, fol.]. Оба изданія донынѣ мало имѣютъ себѣ подобныхъ: рисунки, въ натуральную величину, печатаны красками и ретушованы акварелью; рисунки къ описанію колибри въ сочиненіи Одебера печатаны красками и золотомъ, по особенному, самимъ авторомъ изобрѣтенному способу.

Musée Napoléon. Paris. 1804, in-4⁰. Музей Наполеона въ самую цвѣтущую пору его существованія. Художественныя произведенія, составлявшія его, были военною добычею, отнятою преимущественно у государствъ и республикъ Италіи. Бо̀льшая часть изъ нихъ, послѣ 1814 г., была возвращена прежнимъ владѣльцамъ.

Gonzague: 1) Information à mon chef, ou éclaircissement convenable du décorateur théatral. St.-Petersbourg. 1809, in-8⁰. [Донесеніе моему начальнику, или достаточное объясненіе театральнаго декоратора]; 2) La Musique des yeux et l'optique théatrale. St.-Petersbourg. 1807, 8⁰ [Музыка глазъ и театральная оптика].

Гонзаго, о которомъ довольно часто приходится упоминать при обзорѣ дворца и парка въ Павловскѣ, написалъ эти руковод-

ства для живописцевъ-декораторовъ—интересныя, въ особенности, для техниковъ этого рода искусства, даже въ наше время.

Два экземпляра сочиненій объ искусствѣ рисовать и гравировать на камнѣ — изобрѣтателя литографіи Алоизія Зеннефельдера [род. 1771 г., умеръ въ 1834 году]. Gell et Gandi. Pompeiana, the topography, edifices and ornaments of Pompeii. London. 1819, 8° [Помпейана: топографія, зданія и украшенія Помпеи].

Собраніе въ Павловской библіотекѣ гравюръ и эстамповъ, по отзыву знатока и историка гравировальнаго искусства Д. А. Ровинскаго, не обладаетъ особенно рѣдкими экземплярами. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые эстампы, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ художниковъ, заслуживаютъ упоминанія.

Таковы эстампы, трудовъ иностранныхъ и русскихъ художниковъ:

Буніё (Bounieu)—гравюра avant la lettre, изображающая Адама и Еву, изгнанныхъ изъ рая, съ рукописною помѣткою: Epreuve très foible, mais la seule du 2-me planche, qui resta à la disposition de l'auteur. Il venoit d'être fini à l'epoque du passage du Comte du Nord en 1781 à Paris [Очень слабый оттискъ, но единственный, со 2-ой доски, оставшейся въ распоряженіи автора. Оконченъ во время проѣзда графа Сѣвернаго въ 1781 году чрезъ Парижъ]. Валькера—портреты членовъ Императорской фамиліи. Вендрамини—весьма рѣдкій портретъ Жуковскаго. Галактіонова—виды Павловска. Франческо Гойя—портреты испанской королевской фамиліи, съ Веласкеса. Доу и Райта—портреты генераловъ 1812 года. Клары—виды Павловска—acqua tinta съ рисунковъ сепіею В. А. Жуковскаго. Клаубера—собраніе портретовъ. Матвѣя Казакова—видъ московскихъ теремовъ 1770 года — гравюра весьма рѣдкая и отлично выполненная. Колпакова—видъ Инженернаго-Михайловскаго замка. Майра—портреты Царской фамиліи. Порпорати—эстампъ avant la lettre—«Сусанна», поднесенъ

Цесаревичу Павлу Петровичу въ бытность его съ супругою въ Парижѣ. Сингельтона—Павелъ I, освобождающій Ѳаддея Косцюшко. Скотникова—портреты. Скородумова—собраніе разныхъ гравюръ. Фанъ-Флита—11 листовъ гравюръ XVII столѣтія. Ческаго—виды Павловска съ картинъ Мартынова и Щедрина, и нѣк. др. Между гравюрами неизвѣстныхъ художниковъ любопытенъ панорамическій, раскрашенный видъ гулянья 1-го мая 1800 года въ Екатерингофѣ, отпечатанный на довольно узенькой лентѣ въ нѣсколько аршинъ длиною.

Къ отдѣлу собранія эстамповъ принадлежатъ физіономическіе подлинные альбомы Лафатера *. Распространитель «науки физіономики» въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ гравированные и акварельные портреты и эстампы съ изображеніемъ типовъ, служащихъ подтвержденіемъ его фантастическихъ теорій. Императрица [тогда еще Великая Княгиня] Марія Ѳеодоровна, въ бытность свою въ Цюрихѣ [1782 г.], видѣла коллекціи Лафатера и съ похвалою отозвалась о нихъ. Въ послѣдній годъ своей жизни Лафатеръ, вмѣстѣ съ двумя рукописями, прислалъ въ Россію свою коллекцію, опредѣливъ за нихъ и вознагражденіе: пятьдесятъ луидоровъ. Купленные Императрицею портреты и эстампы, приведенные по ея желанію въ систематическій порядокъ Аделунгомъ, составили четыре объемистые альбома въ листъ — весьма любопытные по ихъ содержанію. На каждомъ листѣ наклеены портреты и гравюры, отъ одного до десяти, съ собственноручными надписями

* Іоганнъ Каспаръ Лафатеръ родился въ Цюрихѣ въ 1747 году; умеръ отъ раны пулею при взятіи этого города французами въ 1799 году.

Лафатера, бо̀льшею частью гэкзаметрическими двустишіями *. Всѣхъ картинъ въ четырехъ альбомахъ тысяча семьдесятъ пять и распредѣлены онѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Sammlung physionomischer Originalzeichnungen, zusammengetragen von Joh. Casp. Lavater in Zürich in den Jahren 1796—1800, geordnet in St.-Petersburg M. DCCC. XXIV. Erster Theil. Religiöse Gegenstände [Собраніе оригинальныхъ физіологическихъ рисунковъ, составленное Іоганномъ Каспаромъ Лафатеромъ въ Цюрихѣ въ 1796—1800 годахъ, приведенное въ порядокъ въ С.-Петербургѣ въ 1824 году].

Часть первая собранія этихъ рисунковъ заключаетъ: I. Предметы религіозные, а именно: Изображенія изъ священнаго писанія [39 рисунковъ]. Молитва, благочестіе [набожность], добрыя дѣла [76 рис.]. II. Портреты [въ числѣ 34]; между ними отлично гравированный портретъ Петра Великаго, съ надписью рукою Лафатера: «welche heitere Kraft und welch' ein fröhlicher Hartsinn» 1799 [какая свѣтлая сила, какая веселая настойчивость]. III. Предметы миѳологическіе [25 рис.]. IV. Историческіе предметы [11 рис.]. Изображенія различныхъ возрастовъ [138 рис]. 1] Дѣти; 2] юноши и дѣвицы; 3] зрѣлый возрастъ; 4] старики. [Всѣхъ рисунковъ въ первой части: 323].

Часть вторая: Выраженія различныхъ состояній человѣческихъ и ихъ страстей. A] По различнымъ сословіямъ: 1] государи [4 рис.], 2] воины [23 рис.], 3] священники: a] духовенство католическое [53 рис.], b] духовенство евангелическое [23 рис.], 4] дѣловые люди [20 рис.], 5] ремесленники, 6] прислуга, 7] крестьяне, 8] нищіе, 9] жиды [всѣхъ рисунковъ 61]. B] По темпераментамъ: 1] флегматики, 2] меланхолики, 3] сангвиники, 4] холерики

* Покойный графъ М. А. Корфъ въ 1858 году издалъ письмо Лафатера къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «о загробномъ бытіи души» [St.-Petersburg. 1858. 70 Seiten in-8°] и въ предисловіи весьма подробно описалъ альбомы, съ рисунками собранія Лафатера, хранящіеся въ библіотекѣ дворца въ Павловскѣ, приведя изъ нихъ нѣсколько выдержекъ.

[30 рис.]. C] Выраженіе отдѣльныхъ частей лица и Д] характеры неопредѣленные [въ обоихъ отдѣлахъ 81 рис., а во всей второй части 295].

Часть третья: I. Разумъ въ его проявленіяхъ: 1] вниманіе, 2] размышленіе, 3] раздумье, 4] удивленіе, 5] здравомысліе, 6] твердость, 7] геніальность, 8] обыкновенный умъ, 9] предразсудокъ, суевѣріе, 10] слабоуміе, 11] тупоуміе, 12] глупость [всего 258 рисунковъ].

Часть четвертая: I. Чувство въ своихъ проявленіяхъ: a] спокойствіе, b] невинность, c] скромность, d] доброта, e] страстное желаніе, f] любовь, g] вѣрность, h] чувственность, i] тщеславіе, j] страхъ, k] ужасъ, l] грусть, m] боль и скорбь, n] недовѣрчивость, o] скупость, p] жестокосердіе, q] злость. II. Разныя изображенія: народныя сцены, бытовыя картины, военные эпизоды и т. д. III. Физіономіи животныхъ: сродство ихъ обликовъ съ человѣческими физіономіями: a] четвероногія и земноводныя, b] птицы, c] насѣкомыя—между ними даже и фрукты [всѣхъ рисунковъ 199].

На предпослѣднемъ листѣ заголовокъ: Ende des Werks [конецъ труда] съ двумя акварельными рисунками, сочиненными въ духѣ «Пляски смерти» Гольбейна или Клаубера: 1] живописецъ, съ палитрою въ рукахъ, съ ужасомъ откидывается въ кресла, отъ мольберта съ недоконченною картиною: прорвавъ холстъ, смерть, въ видѣ остова, просунула свой черепъ въ прорѣху и насмѣшливо скалитъ зубы. Подписано рукою Лафатера: «Klüger als der Maler, und als der Maler des Malers ist der Schaedel des — der todt ist—den Schiefsinn nur Tod nennt. November. IX. 95. L.» [Разумнѣе живописца, живописецъ самого живописца—черепъ умершаго, котораго только тупоуміе называетъ смертью. Ноября IX. 95. Л.]. 2] Сочинитель у конторки, только что окончилъ свою работу: та же смерть заливаетъ чернилами его рукопись. Помѣта рукою Лафатера: die vollendete Arbeit [оконченная работа]. «Schellenbergischer Schnack, dem feiner Geschmack und Verstand fehlt. Nov. IX. 795.L.» [шутникъ и забавникъ, которому не достаетъ тонкаго вкуса и ума. Ноября IX. 795 г. Л.].

На послѣднемъ листѣ красивымъ почеркомъ надписано: Auf Be-

fehl Ihrer Majestät der Kaiserin Maria Feodorowna, geordnet und eingerichtet von Friedrich Adelung, wirkl. Staatsrath und Ritter in St.-Petersburg. 1826. [По повелѣнію Ея Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны приведено въ порядокъ и расположено Фридрихомъ Аделунгомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, въ Петербургѣ, 1826 года].

Изъ плановъ и чертежей, какъ гравированныхъ, такъ и рукописныхъ, заслуживаютъ упоминанія:

Планы военныхъ дѣйствій въ Семилѣтнюю войну, составленные Бауеромъ и принадлежавшіе Императору Петру Ѳеодоровичу.

Планъ города Твери.—Бесѣдки, скульптурныя украшенія.—Памятникъ въ Виртембергѣ.—Планы и рисунки театра, а также проекты нѣкоторыхъ зданій, павильоновъ, бесѣдокъ, памятниковъ, съ 1780 по 1828-й годъ.

Планъ фейерверка, устроеннаго по приглашенію и приказанію Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, генералъ-поручикомъ Мелиссино:

Храмъ.... въ срединѣ щитъ съ девизами: La beauté de l'âme [красота души], и съ слѣдующими объясненіями:

La devise qui se trouve sur la pièce capitale et qui représente un arc-en-ciel est le symbole de la beauté de l'âme [девизъ, находящійся на главной части и изображающій радугу, есть символъ красоты души].

Jamais dans l'arc-en-ciel on ne voit de noirceur. Il se forme toujours des plus vives couleurs. Et c'est aussi pourquoi le juste lui ressemble [Никогда въ радугѣ не видно черноты. Она образуется всегда изъ живѣйшихъ красокъ. И вотъ почему праведный ей подобенъ].

Collection générale des plans, façades et coupes diverses du Château St. Michel dessinée par Charles Rossi [Общее собраніе плановъ, фасадовъ и различныхъ разрѣзовъ замка Св. Михаила, рисованное Карломъ Росси].

Рукописи составляютъ особенную драгоцѣнность Библіотеки и многія изъ нихъ вполнѣ достойны вниманія:

Подлинные монгольскіе и тангутскіе молитвенники буддійскаго и ламаитскаго идолослуженія.

Латинская библія XIII-го вѣка.

Разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ: «о томъ, долженъ ли человѣкъ брать себѣ жену»—сочиненіе вюрцбургскаго архидіакона Альберта Эйбе, 1472 года [оно было напечатано въ Нюренбергѣ, въ 1474 году].

Латинскіе и нѣмецкіе молитвенники, бревіаріи и часословы XIV—XVI вѣковъ. Библія и прочія упоминаемыя здѣсь книги писаны на пергаментѣ, прекраснымъ готическимъ шрифтомъ, чернилами и киноварью, украшены акварелями, золочеными заглавными буквами, бордюрами, виньетками и т. п.

Speculum humanae salvationis [Зерцало спасенія человѣческаго], рукопись XIV вѣка, въ листъ, съ рисунками.

Латинскій астрономическій календарь XIV вѣка, въ 4-ю долю листа, на пергаментѣ.

Латинскіе бревіаріи съ молитвами пресвятой Дѣвѣ и Іисусу Христу, 1436 года, на пергаментѣ, съ превосходными миніатюрами.

Избранныя мѣста изъ святой библіи, рукопись XIV вѣка, въ листъ, съ рисунками.

Actes du procès criminel à M-r Louis de Marillac, maréchal de France [Акты уголовнаго процесса Людовика де-Марильяка, маршала Франціи], рукопись, въ листъ, 1630—1632 гг.

Изъ старинныхъ рукописей на славянскомъ языкѣ любопытны: нѣсколько Псалтырей, Октоихъ XVII вѣка, сборникъ Пчела [въ 4-ю долю листа].

Жизнь Александра Македонскаго, рукопись XVII вѣка, съ весьма интересными рисунками, въ 4 д. л.

Великое Зерцало, собраніе разныхъ духовныхъ повѣстей XVII вѣка, рукопись, въ листъ.

Рукопись: «Собраніе науки небесныя изъ мѣстъ богословскихъ, г-дина Матвѣя Гаффенгеффера, 1600 г.».

Манускрипты ближайшей къ намъ эпохи:

Подлинныя Записки Манштейна: Mémoires de Russie, 1727—1744 [Записки о Россіи].

Записки Христофора Германа Манштейна [род. 1711 † 1757] о Россіи составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ для исторіи нашего отечества, за время царствованій Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, регентства Бирона, правленія Анны Леопольдовны и начала царствованія Елисаветы Петровны.

Собственноручныя Записки Манштейна, на французскомъ языкѣ, хранящіяся въ дворцовой библіотекѣ въ Павловскѣ, состоятъ изъ двухъ частей въ одномъ томѣ, въ листъ; писаны на толстой бѣлой бумагѣ, мелкимъ и весьма четкимъ почеркомъ, въ концѣ 1740-хъ годовъ, со множествомъ, въ особенности въ началѣ рукописи, помарокъ, вставокъ и дополненій, писанныхъ тѣмъ же почеркомъ, но другими чернилами, въ позднѣйшее время; есть страницы почти цѣликомъ зачеркнутыя и, вмѣсто нихъ, на особо приклеенныхъ листахъ и лоскуткахъ—помѣщены разсказы о тѣхъ же событіяхъ, но уже, болѣе или менѣе, въ измѣненной редакціи; всѣ ссылки на вставки и дополненія сдѣланы авторомъ Записокъ съ большою тщательностью.

Записки переплетены въ простой картонъ, на корешкѣ котораго выбито: Mémoires de Russie. На второмъ полулистѣ сѣрой бумаги, которымъ начинается рукопись, надпись неизвѣстной руки: «Manuscrit original et autographe des Mémoires du général Manstein». Самый заголовокъ руки автора: «Mémoires de Russie. Première partie par M-r de Manstein». Послѣднее слово зачеркнуто и тутъ же ка-

рандашомъ приписано: par le général Manstein. Помѣта страницъ начинается со слѣдующаго полулиста: первая часть [до кончины Анны Іоанновны] занимаетъ 211 стр., вторая—118; слѣдующія страницы, 119—173, заняты дополненіями, подъ общимъ заглавіемъ: «Supplément aux Mémoires de Russie»; это дополненіе писано тою же рукою, какъ и Записки.

Первый и неполный переводъ Записокъ Манштейна на русскій языкъ былъ изданъ въ 1810 г., въ Дерптѣ. Съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, новый, безъ малѣйшихъ пропусковъ и со всѣми дополненіями, переводъ Записокъ Манштейна былъ приложенъ къ историческому изданію «Русская Старина» на 1875 годъ и составилъ большой томъ въ 8 д. л. изъ VI, 378, 15 и V страницъ.

Семена Порошина Записки о воспитаніи Великаго Князя Цесаревича Павла Петровича. Три тома, въ красныхъ сафьянныхъ переплетахъ съ золочеными вензелями Императора Павла Петровича.

Любопытный дневникъ Семена Андреевича Порошина [род. 1741, † 1769] о дѣтствѣ и отрочествѣ Цесаревича Павла Петровича былъ изданъ внучатнымъ племянникомъ автора, В. Порошинымъ [Спб. 1844 г. XVIII, 563 стр., въ 8 д. л.], со списка совершенно тождественнаго съ хранящимся въ Павловской Библіотекѣ.

Учебныя тетради Великаго Князя Цесаревича Павла Петровича. Пятьдесятъ двѣ тетради, писанныя большею частью собственноручно, размѣщенныя въ особыхъ пяти картонахъ зеленаго сафьяна, съ надписью рукою Императора Павла I: «Вещи, служившія къ моему ученію».

Подробный перечень тетрадей и извлеченія изъ нѣкоторыхъ, съ разрѣшенія Августѣйшаго Владѣльца Павловска, были напечатаны въ историческомъ изданіи «Русская Старина» 1874 года.

*

Пакетъ, заключающій въ себѣ двѣ книги и три тетради, съ надписью рукою Императрицы Маріи Өеодоровны: «Manuscrits, dont l'un de feu Ma Mère» [Рукописи, изъ которыхъ одна покойной моей матери].

Четыре тетради съ надписью тою-же рукою: «Cahiers d'extraits dont plusieurs ont servi à mon éducation» [Тетради выписокъ, изъ коихъ многія служили при моемъ обученіи].

Пакетъ съ четырьмя таковыми же тетрадями.

Etudes de Sa Majesté l'Impératrice [Учебныя упражненія Ея Величества Императрицы Маріи Өеодоровны].

Billets de l'Impératrice Catherine II [Письма Императрицы Екатерины II].

Письма Императрицы Екатерины II и особъ Императорской Фамиліи составляютъ драгоцѣннѣйшій отдѣлъ Павловской Библіотеки. Главнѣйшія и болѣе интересныя изъ нихъ, съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, напечатаны въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» и въ изданіи «Русская Старина» 1873 г., т. VIII; 1874 г., томы IX и X.

При этомъ редакціею «Русской Старины» напечатаны, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, отдѣльные оттиски матеріаловъ, извлеченныхъ изъ рукописнаго отдѣла Павловской Библіотеки, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

—«Библіотека дворца города Павловска». Томъ I-й: Императрица Екатерина II, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и Великая Княгиня Марія Өеодоровна. Письма, замѣтки и выписки, 1782 — 1796. Томъ II: Записки генерала Манштейна. Спб. 1874 и 1875 гг. Томъ I, въ б. 8-ю д. л., стр. V, 214 и 30, и томъ II, стр. 404.

Рукопись Императрицы Екатерины II: выписки изъ

исторіи татаръ XII столѣтія, на русскомъ и на французскомъ языкахъ, 30 страницъ въ 4 д. л.

Собственноручныя замѣтки Императрицы Маріи Θеодоровны на Фермѣ, съ 1809-го по 1828-й,—т. е. по годъ ея кончины, [объ этомъ альбомѣ см. выше стр. 384].

Эти замѣтки, любопытныя для біографіи Императрицы, напечатаны въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ.

Рукопись, съ надписью Маріи Θеодоровны: «Рапорты де-Ла-Гарпа объ урокахъ моихъ сыновей, 1788, іюль—августъ».

«Plan et Journal des deux campagnes que feu mon frère Charles a fait» [Планъ и дневникъ двухъ походовъ, совершенныхъ покойнымъ моимъ братомъ Карломъ, принцемъ Виртембергскимъ].

Бумаги, относящіяся до болѣзни, кончины, погребенія и наслѣдства Великой Княгини Александры Павловны. Письма ея супруга къ Императору Павлу.

Бумаги, относящіяся до Великой Княгини Екатерины Павловны, королевы Виртембергской.

Рукопись Императрицы Маріи Θеодоровны: Избавителю народовъ Александру Великодушному. Отъ Родительницы любезному Сыну. Три рисунка для медалей.

Bulletins de La Harpe [Письма Лагарпа съ 1774 по 1791 годъ къ Великому Князю Цесаревичу Павлу Петровичу]. Пять томовъ, переплетенныхъ въ красный сафьянъ. Въ 1801-мъ году часть этихъ писемъ, въ шести томикахъ, была издана въ Парижѣ. Онѣ относятся къ періоду отъ 1774 по 1785-й годъ; хотя издателемъ было показано на заглавномъ листкѣ, что будутъ напечатаны письма до 1789 г., однако же продолженія не было. Такимъ образомъ, въ Павловскѣ находится въ подлинникѣ, значительно боль-

шее, противу напечатаннаго, собраніе писемъ Лагарпа. Эти письма, живо и увлекательно написанныя, представляютъ картины общественной и въ особенности литературной жизни Парижа въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Не надо смѣшивать этого Лагарпа съ воспитателемъ Императора Александра Павловича, Фредерикомъ Цезаремъ Лагарпомъ. Jean François de La Harpe, обширное собраніе писемъ котораго составляетъ достояніе Библіотеки Августѣйшаго Владѣльца Павловска, род. въ 1739 г., умеръ въ 1803 году. Это былъ весьма извѣстный въ свое время [1765—1787 гг.] драматическій писатель, профессоръ литературы въ Парижскомъ лицеѣ; въ эпоху революціи онъ былъ пылкій защитникъ революціонныхъ идей, что впрочемъ не спасло его отъ изгнанія изъ отечества. Полное собраніе изданныхъ его сочиненій составляетъ 60 томовъ. Изъ нихъ наибольшею извѣстностью пользуется Cours de Littérature.

Blin de Sainmore. Bulletins et lettres historiques et littéraires de 1778 à 1801 [Бюллетени, историческія и литературныя письма съ 1778-го по 1801 годъ]. Тридцать два тома, рукопись въ 4-ю д. л. Подобіе бюллетеней Лагарпа.

Критическія замѣтки на письма лэди Рондо, на нѣмецкомъ языкѣ, неизвѣстнаго автора; писаны по желанію Великой Княгини Маріи Θеодоровны. Книга въ 8-ю д. л., переплетенная въ красный сафьянный переплетъ съ золоченымъ двуглавымъ орломъ, имѣющимъ на груди щиты съ гербами Россіи и Виртемберга.

Decoudray. Le comte et la comtesse du Nord. Anecdote russe—in-4⁰ [Графъ и графиня Сѣверные. Русскій анекдотъ].

Nouvelles de la Suède pendant la diète de 1789. [Вѣсти изъ Швеціи во время сейма 1789 года].

Lavater. Lettres sur fantaisie. 1794, fol. [Письма о фантазіи. 1794 г.].

Адмиралъ Кушелевъ: Осенніе маневры въ Гатчинѣ 1797 г., рукопись съ раскрашенными планами.

Iohann Kaspar Lavater's Briefe über den Zustand der Seele nach dem Tode. 1798. [Письма Лафатера о загробномъ бытіи души]. Пачка листковъ въ 16-ю д. л., въ красномъ футлярѣ.

Письма эти были изданы гр. М. А. Корфомъ въ 1858 году [70 стр. въ 8-ю д. л.] и поднесены Іенскому университету по случаю его юбилея.

Адмиралъ Кушелевъ. Журналъ путешествія Императора Павла I въ Казань, въ 1798 г. Изящно переписанный томъ въ 4-ю д. л., съ рисунками, планами и картами.

Реймерсъ. St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Рукопись, подносный экземпляръ, 1801 г., съ изображеніемъ на заглавномъ листкѣ акварельнаго вида Царицына луга и Михайловскаго замка. [Томъ in-4°, XXII и 397 стр.].

Свѣдѣнія, касающіяся до брака Великой Княжны Анны Ярославовны съ Французскимъ королемъ Генрихомъ I. Небольшая тетрадка; статья, если не ошибаемся, А. Ѳ. Малиновскаго.

Собственноручное письмо Александра Гумбольдта, 1812 года.

F. Schubert. Vermuthete Ursachen der Ueberschwemmung des 7 November. [Шубертъ: предполагаемыя причины наводненія 7-го ноября 1824 года].

Довольно значительное количество рукописей состоитъ изъ программъ праздниковъ, поздравительныхъ стихотвореній, партитуръ ораторій, балетовъ и т. п.

Въ отдѣлѣ рисунковъ акварелью, гуашью, сепіей и черным карандашомъ,—нельзя обойти вниманіемъ:

Монографіи розъ Редуте; рисунки цвѣтовъ—графа Ѳ. П. Толстаго *; каррикатуры 1812 г. Теребенева; архитектурныя фантазіи Гонзаго, Скотти и Гуаренги; народныя сцены Орловскаго, и т. д.

Виды Павловска—превосходной акварельной живописи Шуха и Мартынова.

Силуэты работы Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Любопытенъ рисунокъ, изображающій скачущаго на тройкѣ курьера съ подписью: «Ура, ура! скоро будетъ! Слава Богу! 4-го іюля 1814 года, г. Павловскъ»,—это воспоминаніе объ ожидаемомъ тогда возвращеніи изъ-за границы Императора Александра I. Множество рисунковъ учениковъ и ученицъ воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній, бывшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Кромѣ упомянутыхъ рисунковъ, въ ихъ собраніи находится пять альбомовъ, драгоцѣнныхъ въ особенности для Августѣйшей Фамиліи, по сопряженнымъ съ ними воспоминаніямъ:

Альбомъ зеленаго сафьяна, состоящій изъ 52-хъ рисунковъ трудовъ Августѣйшихъ дѣтей и внучатъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ немъ особенно любопытны: а) изображеніе внутренности Вольера съ подписью: «Александръ, 21-го іюля 1828 года»—рисунокъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича; b) корзинка цвѣтовъ—съ подписью «Charlotte», работы въ Бозѣ почившей Императрицы Александры Ѳеодоровны; с) рисунки и каррикатуры, набросанные

* Рисунки эти покойный графъ Ѳ. П. Толстой исполнилъ по желанію Императрицы Елисаветы Алексѣевны. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 143—145.

Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ бытность его Великимъ Княземъ.

Большой альбомъ въ черномъ лаковомъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ золотая чеканенная рамка изъ виноградныхъ листьевъ; по рединѣ, на дощечкѣ червоннаго золота, имя Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ бытность ея Принцессою Виртембергскою: Dorothée— въ видѣ акрограммы изъ драгоцѣнныхъ камней: D[iamant] O[pale] R[ubis] O[pale] T[urquoise] H[yacinthe] E[meraude] E[meraude] *.

Альбомъ Розоваго павильона — правильнѣе сказать—собраніе листковъ съ замѣтками посѣтителей. Надо полагать, что это одинъ изъ многихъ альбомовъ, находившихся въ Розовомъ павильонѣ. Листки альбома исписаны на всѣхъ европейскихъ [даже и на персидскомъ] языкахъ, стихами и прозою, съ выраженіями восторга, похвалъ и т. п.

Альбомъ чернаго сафьяна съ надписью изъ бирюзы: Souvenir (воспоминаніе). Въ немъ заключаются рисунки Александра Меллера 1817 года [перваго воспитанника училища глухонѣмыхъ], Павла Свиньина [1814 г.], графа Ѳ. П. Толстаго и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Альбомъ, поднесенный Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Княземъ А. Б. Куракинымъ въ 1808 году.

До перехода къ обзору витринъ, стоящихъ у оконъ, посѣтитель, конечно, замѣтитъ стеклянный ларецъ, поставленный на аналоѣ чернаго дерева. Въ немъ сохраняется

---

* Алмазъ, Опалъ, Рубинъ, Опалъ, Бирюза, Гіацинтъ, Изумрудъ, Изумрудъ.

подвѣнечный кафтанъ Великаго Князя Александра Павловича, 1793 г. Кафтанъ бѣлаго глазета съ серебрянымъ шитьемъ по борту, по обшлагамъ рукавовъ и лацканамъ кармановъ.

Въ витринахъ помѣщаются: глиптотека [собраніе рѣзныхъ камней] и минцъ-кабинетъ [медали и монеты]. Первая была подарена Великой Княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ Императрицею Екатериною II и заключаетъ въ себѣ 10,000 слѣпковъ, снятыхъ, по Ея повелѣнію, съ камей, хранящихся въ Эрмитажѣ; нынѣ глиптотека сохраняется въ томъ же видѣ и заключаетъ въ себѣ прекраснѣйшіе экземпляры. Медали и монеты точно также любопытны, не въ количественномъ, но въ качественномъ отношеніи. Каждая изъ пяти витринъ раздѣлена на четыре отдѣла.

Первая витрина. 1) Камеи наониксѣ, агатѣ, халкидонѣ и сердоликѣ съ изображеніями Екатерины II, Павла I и Александра I: изъ нихъ бо̀льшая часть—трудовъ Императрицы Маріи Θеодоровны. 2) Два экземпляра камей, изображающихъ портреты Августѣйшаго семейства Императора Павла [см. выше, упоминаніе объ этой камеи, при описаніи «Общаго кабинета», стр. 403—404].

Эта камея, изображающая рядъ бюстовъ-профилей дѣтей Императрицы: Великихъ Князей Александра, Константина; Великихъ Княженъ Александры, Елены, Маріи и Екатерины,—по собственному сознанію Августѣйшей художницы—была однимъ изъ удачнѣйшихъ ея произведеній [chef-d'oeuvre]. Она, въ свое время, была гравирована и отпечатана лиловою и голубою краскою граверомъ Веклеромъ. За поднесеніе этой камеи, Екатерина II благодарила Великую Княгиню слѣдующимъ,

1790 г.

АЛЕКСАНДРЪ. КОНСТАНТИНЪ. АЛЕКСАНДРА.—ЕЛЕНА. МАРІЯ. ЕКАТЕРИНА.
род. 1777. р. 1779. р. 1783. р. 1784. р. 1786. р. 1788.

АВГУСТѢЙШІЕ ДѢТИ В. К. ПАВЛА ПЕТРОВИЧА и В. К. МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

[illegible] [Императрица] Марія Ѳеодоровна [illegible] г.

на французскомъ языкѣ, письмомъ, 1790 г., хранящимся тутъ же въ Библіотекѣ.

—«Не могу выразить вамъ, милая дочь моя, того удовольствія, которое доставилъ мнѣ прелестный и трогательный рисунокъ Вашихъ шестерыхъ прелестныхъ дѣтей! Нѣжнѣйше Васъ за него благодарю, точно также какъ и за то, что̀ Вы говорите мнѣ по случаю дня моего ангела. Я весьма тронута также тѣмъ, что̀ Вы къ этому прибавляете, мой любезный сынъ. Отъ всего сердца обнимаю Васъ обоихъ. Печать будетъ немедленно употреблена въ дѣло, а камеи будутъ посланы для вставки въ гуфръ сегодня послѣ обѣда и завтра же съ нихъ сдѣлаютъ пасты для моей любезной дочери».

Берилловая печатка съ изображеніемъ, на одной сторонѣ—герба учрежденій Императрицы Маріи [пеликанъ, кормящій птенцовъ своею внутренностью]; на другой—наведенный золотомъ увѣнчанный короною М и надпись: «благостью своей питаешь сиротъ и вдовъ и для всѣхъ къ добру твоя любовь».

Камея: Императоръ Павелъ Петровичъ, изображенный въ видѣ Юпитера.

Сердоликовая печать работы Сетари, съ изображеніемъ Александра I въ римскомъ костюмѣ на четырехконной колесницѣ, управляемой Славою.

Камеи работы: Пихлера, Шилова и Есакова.

Стальныя матрицы для чеканки медалей съ миѳологическими эмблемами, рѣзанныя Императрицею Маріею Ѳеодоровною *.

Извѣстно, что Императрица Марія Ѳеодоровна посвя-

* Медальерный станокъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны сохраняется въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

щала часы досуга—живописи, глиптикѣ, медальерному искусству и токарному мастерству. Кромѣ многихъ картинъ, рисунковъ, рѣзныхъ камней, камей, медалей и токарныхъ издѣлій трудовъ Императрицы, хранящихся въ покояхъ и въ Библіотекѣ Большаго дворца въ Павловскѣ—находятся въ разныхъ храмахъ и дворцахъ обѣихъ столицъ Россіи многія произведенія Маріи Θеодоровны.

Императрица Екатерина II, поощряя художественныя наклонности своей Августѣйшей невѣстки при ея занятіяхъ токарнымъ мастерствомъ и медальернымъ искусствомъ, всегда съ удовольствіемъ принимала приносимыя ей въ подарокъ рѣзныя издѣлія, камеи, геммы и медали работъ В. К. Маріи Θеодоровны, почти каждый разъ благодаря письменно Августѣйшую художницу. Въ Библіотекѣ дворца сохранилось нѣсколько записочекъ Екатерины II, въ которыхъ она съ похвалою упоминаетъ о художественныхъ занятіяхъ Великой Княгини. [См. «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», томъ XV, С.-Пб. 1875 г., письма 1783—86 годовъ].

Золотой самородокъ вѣсомъ въ 8 фунтовъ и 2½ лота. На приложенной къ нему записочкѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, значится: «Найденъ 5-го октября 1825 года, за нѣсколько часовъ до прибытія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра I, около Царево-Александровскаго завода, близъ завода Міясскаго. Находчикъ этого самородка получилъ отъ Его Величества 500 рублей».

Въ Запискахъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова [См. «Русскую Старину», изданіе 1872 г., томъ V, стр. 363] разсказано о пребываніи Императора Александра I на золотыхъ пріискахъ близъ Златоуста и объ обрѣтеніи имъ, при собственноручной раскопкѣ

грунта, золотаго самородка вѣсомъ въ 8 фунтовъ 17 золотниковъ. «Послѣ»—говоритъ Д. К. Тарасовъ—«эту самородку золота химически отчистили, она получила блестящій видъ и постоянно находилась въ кабинетѣ Императора въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ всегда клалъ ее на бумаги на рабочемъ своемъ столѣ, вмѣсто пресспапье». Не этотъ-ли самый самородокъ былъ найденъ Императоромъ Александромъ I, или это другой—только найденный незадолго до его прибытія? Сомнительно, впрочемъ, чтобы одновременно два подобные самородка могли быть найдены: подобныя находки—феномены въ области минералогіи.

Слитокъ золота вѣсомъ въ 6 фунтовъ 23 золотника и 12 долей.—Чугунные медальоны, портреты Императора Александра I, Великихъ Князей: Константина, Николая и Михаила Павловичей и супругъ ихъ: Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Великихъ Княгинь: Анны Өеодоровны, Александры Өеодоровны и Елены Павловны.—Силуэтъ Маріи Өеодоровны, изъ бисквита, на голубомъ фонѣ.—Четыре мозаики. Одна изъ нихъ [работы Веклера] изображаетъ видъ Павловска: трельяжъ, портикъ и часть дворца.—Чугунный медальонъ: копія съ барельефа графа Ө. П. Толстаго «Родомыслъ девятаго на десять вѣка».

Въ Запискахъ графа Ө. П. Толстаго [«Русская Старина» 1873 г., томъ VI, февраль, стр. 139—140] знаменитый художникъ подробно разсказываетъ, какъ берлинскій заводчикъ, снявъ копію безъ вѣдома автора медальона, нажилъ до пятидесяти тысячъ рейхсталеровъ и получилъ отъ Александра I перстень въ 5,000 рублей.

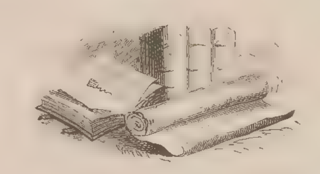
Отлитые на берлинскомъ чугунно-литейномъ заводѣ въ 1819 году: горельефъ «св. Іоаннъ Богословъ» и барельефъ «св. апостолъ Маркъ».

Вторая витрина. Русскія золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты и медали: 1] обрубокъ серебра въ палецъ толщиною: древній рубецъ, или рубль; 2] монеты

серебряныя Царя Алексѣя Михаиловича; 3] свинцовая печать Варлаама; 4] древняя копѣйка съ Московскимъ гербомъ; 5] бородные знаки круглые и четырехугольные, т. е. жетоны, дававшіе владѣльцамъ ихъ въ царствованіе Петра Великаго право носить бороды; 6] рублевики Петра I-го; 7] гривенникъ Іоанна VI; молдаванскія «пары», чеканенныя для русскихъ войскъ во время турецкой кампаніи 1769—1774 гг. Медали: На бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича съ Великою Княжною Маріею Ѳеодоровною;—на вторичное погребеніе Императора Петра III [погребенный въ 1762 г. въ Александро-Невской лаврѣ, прахъ этого Государя былъ перенесенъ, въ декабрѣ 1796 г., въ соборъ Петропавловской крѣпости]: на лицевой сторонѣ изображена пирамида съ медальонами Петра III и Екатерины II, у ея подножія двѣ гробницы съ ихъ именами, и проч. медали.

Три остальныя витрины хранятъ въ себѣ золотыя, серебряныя и бронзовыя медали, а также различныя монеты.

Наконецъ, достойны вниманія дорожные — письменный и туалетный—приборы Императора Александра Павловича. Тутъ-же подзорная трубка на мѣдной подставкѣ, сопровождавшая Императора Александра Благословеннаго въ кампаніяхъ 1813—1814 годовъ.



Городъ Павловскъ украшенъ въ 1826 году въѣздными чугунными воротами на Царскосельскомъ шоссе. Сооружены они, по повелѣнію Императора Николая Павловича, ко дню рожденія Августѣйшей Его Родительницы, 14-го октября 1826 года. Императрица Марія Ѳеодоровна, особымъ рескриптомъ, даннымъ директору города, повелѣла, впредь и навсегда, именовать ворота: «Николаевскими».

По Садовой улицѣ, идущей кругомъ парка, находится:

Церковь Св. Маріи Магдалины.

Основаніе ея относится къ 1781 году. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года были испрошены у архіерея С.-Петербургской епархіи—благословеніе и «храмоздательная грамота» на

построеніе означенной церкви *; въ томъ же маѣ мѣсяцѣ послѣдовала закладка храма въ присутствіи Великаго Князя Павла Петровича, его супруги и Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей. Освященіе храма совершено 6-го сентября 1784 г. [см. выше, въ «Очеркѣ исторіи Павловска», стр. 42].

Внутреннее убранство храма отличается изящною простотою. По обѣимъ сторонамъ западныхъ дверей два памятника: справа—князя Александра Борисовича Куракина, слѣва—графа Никиты Ивановича Панина. Тутъже хранятся знамена и штандарты нѣкоторыхъ русскихъ полковъ, а также знамена и кормовые флаги войскъ французскихъ, итальянскихъ и голландскихъ, отбитые русскими сухопутными и морскими войсками во время войны 1799 г. [См. Описаніе знаменъ въ прилож. стр. 571—575]. Образа, размѣщенные по стѣнамъ, а также составляющіе иконостасъ, состоятъ изъ оригиналовъ и копій итальянской школы. Престолъ, подъ сѣнію въ видѣ плоскаго купола, на восьми золоченыхъ колоннахъ. Большое запрестольное паникадило въ двѣнадцать свѣчъ, выточенное изъ янтаря и слоновой кости—произведеніе и приношеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Запрестольный образъ—Воскресенія Христова; по обѣимъ сторонамъ пожертвованныя д. т. с. Абрамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ иконы Пресвятой Дѣвы [копія съ Сикстинской Мадонны] и Явленіе Спасителя Маріи Магдалинѣ. Изъ священныхъ предметовъ, хранящихся въ ризницѣ, достойны вниманія: иконы св. апостола Павла и св. равноапостольной Маріи Магда-

* Арх. Павл. Гор. Правл. 1781 г. дѣло № 14.

лины, поднесенныя Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ въ благословеніе Великому Князю Цесаревичу Павлу Петровичу и супругѣ его, при построеніи Павловска; драгоцѣнные дискосъ и чаша принесены въ даръ храму Императрицею Маріею Ѳеодоровною.

Памятникъ воспитателю Императора Павла I, графу Никитѣ Ивановичу Панину, сооруженъ Императоромъ—въ 1797 году; это пирамида, вдѣланная въ стѣну, и барельефъ. Надпись:

«Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, родился 1718 года сентября 15 дня, скончался 1783 года марта 31 числа».

Монументъ, посвященный памяти князя Александра Борисовича Куракина [р. 1752 † 1818 г.], точно такого же стиля какъ предъидущій памятникъ,—сооруженъ въ 1819 году; онъ состоитъ изъ пирамиды съ медальономъ, на которомъ барельефъ покойнаго; въ нижней части пьедестала бронзовый гербъ и надъ нимъ надпись:

«Другу супруга моего»

свидѣтельствующая, что монументъ сооруженъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною.

Третій памятникъ, влѣво отъ входа у сѣверной стѣны—небольшой мавзолей бѣлаго мрамора, украшенный барельефомъ, изображающимъ плачущую женщину, поставленъ графинею М. Кочубей—д. камерг. Н. А. Загряжскому [† 1821 г.].

Въ нижнемъ этажѣ дома близъ церкви помѣщается богадѣльня для престарѣлыхъ обоего пола—это такъ называемый «Церковный Инвалидъ». Въ верхнемъ этажѣ «Маріинскій госпиталь».

XXIX

Оранжереи

—состоятъ изъ восьми каменныхъ флигелей, заключающихъ въ себѣ 21 отдѣленіе на пространствѣ 600 квадратныхъ сажень, изъ деревянной теплицы въ два отдѣленія и изъ вишневаго сарая. Общее число растеній, находящихся въ Павловскихъ оранжереяхъ—въ настоящее время [1877 г.] — свыше 50,000. Въ большой теплицѣ содержатся до ста видовъ пальмовыхъ растеній, въ числѣ которыхъ есть нѣсколько прекрасныхъ и большихъ экземпляровъ пальмы испанской [Chamaerops humilis L] и финиковой [Phoenix dactylifera]; кромѣ того, свыше 60 видовъ пальмы саговой [Cycadeae] и между ними великолѣпные: Энцефалартосы [Encephalartos Altensteinii, Lehm, Enc. Almasyanus, Lepidogamia Peroffskyana, Enc. villosus]; Цикады [Cycas revoluta Thbg. Dioon edule Lindl; Zamia muriata picta; Zamia Skinneri; Zamia plumosa; Microcycas callocoma; Bowenia spectabilis etc.]; около 30 видовъ кругоцвѣтныхъ и панданейныхъ [Cyclantheae et Pandaneae] растеній; свыше 100—папоротниковыхъ [Polypodium, Pteris, Aspidium etc.]; 50 видовъ драконовыхъ деревьевъ; 50—марантовыхъ [Maranthaceae]; 20—музовыхъ [Musaceae] и проч.

Хвойныхъ деревьевъ до 150-ти видовъ; изъ нихъ особенно красивы Араліи и Араукаріи. Изъ растеній новоголландскихъ замѣчательны: Банксія [Banksia marcescens R. Brown], Биллотія [Billotia flexuosa], многіе и прекрасные виды акацій и миртовъ чернобѣльниковъ [Melaleuca] съ мыса Доброй Надежды; Кассиніи [Cassine Maurocenia]; Многомлечники миртолиственные [Polygala myrtifolia] и Ройенніи [Royennia]. Лавровое дерево съ

Канарскихъ острововъ [Laurus foetens] и красивѣйшіе экземпляры древовидныхъ вересковъ [Erika arborea L].

Изъ лавровыхъ и померанцевыхъ деревьевъ есть много маститыхъ, донынѣ сохраняемыхъ въ видѣ неувядаемыхъ памятниковъ Августѣйшей Основательницы Павловска, Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Изъ множества цвѣтовъ, произращаемыхъ въ теплицахъ Павловска, коллекція розановъ заключаетъ 150 видовъ; не менѣе богаты собранія фуксій, гераніумовъ, геліотроповъ и многихъ др., въ лѣтнее время обильно украшающихъ цвѣтники Павловскаго парка.

Трельяжъ

— сквозная зеленая бесѣдка на берегу Славянки, противъ Портика «Трехъ Грацій», что въ садикѣ у Большаго дворца. Построеніе этого Трельяжа относится къ первымъ годамъ основанія Павловска. Изъ рисунковъ и картинъ того времени видно, что Трельяжъ былъ украшенъ куполомъ, подобно всей бесѣдкѣ, сплетеннымъ изъ драницъ. Онъ былъ разобранъ за ветхостью. Отъ средняго выхода изъ Трельяжа, по крутому склону горы, спускается къ берегу Славянки изящная каменная лѣстница, украшенная по боковымъ уступамъ большими вазами и двумя мраморными статуями, Нимфы и Венеры Медицейской. Видъ на рѣку, запруженную въ видѣ озера и украшенную нѣсколькими судами, на немъ стоящими,— съ верхней площадки Трельяжа весьма красивъ.

Лѣвая сторона Прибрежной дороги застроена красивыми дачами. Близъ дороги, между прочимъ, находятся:

*

Памятникъ основанія Павловска

—на высокомъ пригоркѣ. Подножіемъ памятнику,—сооруженному въ октябрѣ 1782-го года, по повелѣнію Великаго Князя Павла Петровича,—служатъ глыбы камней, живописно набросанныя; тутъ же устроена каменная скамья. Самый памятникъ состоитъ изъ четырехъ-граннаго обелиска съ тупою верхушкою. Въ пьедесталъ вдѣлана доска чернаго мрамора съ надписью:

«Павловское
начато строить
въ 1777-мъ году».

Недалеко отъ этого памятника, на берегу Славянки

Адмиралтейство

или, какъ весьма своеобразно называется оно въ старинныхъ описяхъ: «Голландія, что въ Альпійскихъ горахъ!»; близь него два небольшіе стапеля. Тутъ-же, на берегу, стоймя врыта въ землю китовая челюсть. Самое зданіе «Голландіи» состоитъ изъ обширнаго сарая. Изъ нѣсколькихъ десятковъ разныхъ мелкихъ судовъ, хранящихся здѣсь, любопытны: одномачтовый большой трешкоутъ, построенный по лекаламъ пришедшаго въ ветхость таковаго же трешкоута Императора Павла I-го;—превосходно сдѣланная въ мастерской С.-Петербургскаго рѣчнаго Яхтъ-Клуба—палубная байдара; также интересны:

турецкій большой каикъ—подарокъ Султана Абдулъ-Меджида [ум. въ 1861 г.] Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу, въ 1859 г.; Гондола—вывезенная, по повелѣнію Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, въ 1852 г. изъ Венеціи; Гренландская байдара—съ полною одеждою для гребца; нѣкоторыя шлюпки и друг. мелкія суда.

При Адмиралтействѣ, чуть-ли ни со времени его постройки, проживаетъ многочисленная колонія разношерстыхъ кроликовъ.

Кракъ

— находится по лѣвой сторонѣ Прибрежной дороги, близъ Крѣпостнаго моста. Построеніе охотничьяго домика «Кракъ» предшествуетъ основанію Павловска. Съ 1777-го года онъ былъ нѣсколько разъ подновляемъ и частью перестраиваемъ. Судя по рисункамъ, первоначальное зданіе состояло изъ небольшаго домика съ бельведеромъ, — въ голландскомъ вкусѣ; нижній этажъ заключалъ въ себѣ темную кладовую. Отъ Крака прямо дорога—къ Звѣринцу и къ той мѣстности, на которой охотился В. К. Павелъ Петровичъ въ бытность Цесаревичемъ. Нынѣ Кракъ, перестроенный и превращенный въ дачу, отданъ въ пожизненное владѣніе частному лицу и достоинъ упоминанія единственно какъ памятникъ былыхъ временъ.

Бипъ.

Построеніе зданія Бипа или, какъ его называютъ также, Маріенталя, было начато одновременно съ построеніемъ домика Паульлуста, стоявшаго на мѣстѣ

близъ нынѣшняго Большаго Дворца,—именно въ 1778 году. При Императорѣ Павлѣ I, Маріенталь или Бипъ превращенъ былъ въ настоящую крѣпость. Три подъемные моста поднимались, по пробитіи зори, и вся гарнизонная служба исполнялась съ должною, неослабною строгостью. Въ 1811 г. крѣпость Бипъ упразднена. Главную часть зданія составляетъ круглая башня съ коническимъ куполомъ. Изъ нея наружный ходъ по кровлѣ на вторую башню съ зубцами. Съ вершины послѣдней прекрасный видъ на весь городъ. Третья четырехъугольная башня надъ главными Никольскими воротами; на ней установлены боевые часы. Главный въѣздъ въ крѣпость съ Широкой улицы, чрезъ Бертоновъ мостъ. Надъ Никольскими воротами надпись и арматура, изсѣченная изъ песчанаго камня. Надъ часами гербъ — двуглавый орелъ, съ Мальтійскимъ крестомъ на груди. Слѣва вдѣлана въ стѣну чугунная доска, съ надписью накладными золочеными буквами:

«Маріенталь построенъ въ 1778 году».

Справа, на таковой-же доскѣ, значится:

«Валъ сей остатокъ укрѣпленія, сдѣланнаго шведскимъ генераломъ Кроніортомъ въ 1702 году, когда онъ, будучи разбитъ окольничимъ Апраксинымъ, ретировался черезъ сей постъ къ Дудоровой горѣ».
«См. Журналъ Государя Петра I».

Валы и рвы окружаютъ Бипъ. На бастіонахъ нѣсколько чугунныхъ и одна мѣдная пушка. Изъ послѣдней, съ 1871 года, во время пребыванія въ Павловскѣ особъ

КРѢПОСТЬ БИПЪ

Августѣйшей Фамиліи, въ полдень производится сигнальный выстрѣлъ.

Зданіе Бипъ со времени его основанія неоднократно измѣняло свое назначеніе. До превращенія въ «настоящую» крѣпость при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, Маріенталь, окруженный красивыми цвѣтниками, служилъ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по словамъ современнаго описанія: «для небольшаго сельскаго домостроительства». При Императорѣ Павлѣ I это было жилище для гарнизона. Кромѣ того, въ 1799 году, въ крѣпости устроена была католическая капелла кавалеровъ Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1807—1810 гг. въ зданіи Бипа помѣщалось первое, по времени, въ Россіи основанное Училище Глухонѣмыхъ. По упраздненіи крѣпости въ 1811 году, свободныя въ ней помѣщенія служили, въ лѣтнее время, квартирами для придворныхъ лицъ. Въ 1813 году, Государыня, приглашая въ Павловскъ Н. М. Карамзина, благосклонно предлагала исторіографу помѣщеніе въ «замкѣ Бипѣ». Съ февраля 1835-го по 1851-й годъ здѣсь находилось Александровское учебное заведеніе. Нынѣ въ зданіи Бипъ помѣщаются присутствіе Павловскаго Городоваго Правленія и, съ февраля мѣсяца 1869 г., городское приходское училище, въ которомъ обучается до 50 приходящихъ учениковъ и учёницъ.

Въ присутствіи, кромѣ обширнаго архива, особеннаго вниманія заслуживаетъ громадный и превосходный планъ Павловска, снятый подъ наблюденіемъ генерала Шуберта, въ 1840 году.

Монмартръ

— три небольшие, деревянные домика для инвалидовъ, по Широкой улицѣ отъ угла площади улицы Госпитальной. Это учрежденіе, въ память взятія Парижа, основано Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ 1814 году; но сооруженіе домиковъ, частью изъ матеріаловъ отъ разобраннаго зданія большаго военнаго госпиталя, было окончено и «Собственные инвалиды Ея Величества»—такъ они были наименованы—водворены въ нихъ лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1818 года.

Съ теченіемъ времени число ветерановъ 1812-го года убывало; нынѣ, въ 1877-мъ году, единственный ихъ представитель въ Монмартрѣ — отставной унтеръ-офицеръ Крайнюковъ, поступившій на службу 2-го августа 1811 г. и совершившій кампаніи 1812—1814 годовъ; прочіе призрѣваемые здѣсь старики—ветераны позднѣйшихъ войнъ.

По силѣ одной изъ статей духовнаго завѣщанія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, касательно Монмартра, это благотворительное учрежденіе имѣетъ быть упразднено, когда не останется ветерановъ великой отечественной войны 1812 года и взятія Парижа, 1814 г.

— «Такъ какъ въ учрежденіе «Собственные инвалиды»—сказано въ помянутой статьѣ—«принимаются лишь ветераны гвардіи, участвовавшіе въ войнѣ 1812 г., то оно упразднится, когда таковыхъ уже не будетъ для его пополненія».

. . . «L' Institution des Собственные инвалиды n'admettant que les vétérans de la Garde, qui ont fait la guerre de 1812, s'éteindra lorsqu 'il n' y en aura plus pour les compléter». [См. въ приложеніяхъ:

Выдержки изъ духовнаго завѣщанія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, статью VII-ю, стр. 568].

Въ настоящее время, какъ уже выше сказано, изъ всѣхъ призрѣваемыхъ въ Монмартрѣ воиновъ только одинъ ветеранъ взятія Парижа въ 1814-мъ году и именно потому, что болѣе таковыхъ, изъ служившихъ въ то время въ гвардіи, кажется, нѣтъ въ живыхъ. Тѣмъ не менѣе «Монмартръ» не упраздненъ. Это единственное неисполненіе помянутаго выше духовнаго завѣщанія. По волѣ Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, «Монмартръ»—давая пріютъ и вполнѣ обезпечивая жизнь доблестныхъ ветерановъ русской гвардіи, хотя бы подвизавшихся только въ позднѣйшихъ войнахъ,—надолго пребудетъ, въ ряду многихъ другихъ учрежденій, памятникомъ высокоблаготворительной дѣятельности Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Лютеранская церковь

— при ней училище для обоего пола дѣтей; въ немъ учащихся въ 1877 г. было 40. Основаніе церкви относится къ 1794 году *. До того времени, именно съ 1789-го года, протестантское служеніе отправляемо было въ Павловскѣ въ одномъ изъ каменныхъ оранжерейныхъ флигелей.

Пожаръ 15-го іюля 1875 г. уничтожилъ до основанія Лютеранскую церковь; но уже въ слѣдующемъ, 1876-мъ

* См. Арх. Павл. Город. Правленія, дѣло 1794 г. № 4. Бушъ въ своемъ описаніи Евангел. Лютеранскихъ церквей въ Россіи относитъ постройку кирки въ Павловскѣ къ 1796 г. См. т. I, стр. 49.

году, именно 13-го августа, положено основаніе новому, значительно лучшему зданію храма. При церемоніи закладки присутствовали Ихъ Императорскіе Высочества Константинъ Николаевичъ и Константинъ Константиновичъ, Его Величество Король Эллиновъ Георгій I, который, какъ протестантъ, и положилъ первый камень; также присутствовала Ея Величество Королева Греціи Ольга Константиновна.

Въ 1877 году сооруженіе этой церкви совершенно окончено.

Школа для дѣвочекъ,

основанная 11-го іюня 1868 года Государынею Великою Княгинею Александрою Іосифовною въ память въ Бозѣ почившихъ особъ Императорской Фамиліи,—содержится преимущественно на пожертвованія Высочайшихъ особъ и состоитъ подъ покровительствомъ Августѣйшей своей Основательницы. Каждая находящаяся въ Школѣ дѣвочка именуется воспитанницею въ память одного изъ усопшихъ лицъ Царской Фамиліи, отъ Императора Павла I до Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича. Эта Школа—живой памятникъ усопшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство заботливости супруги Августѣйшаго Владѣтеля Павловска о судьбѣ дѣтей неимущихъ жителей города. Ближайшее завѣдываніе Школою ввѣрено особому комитету.

Въ 1877 году 40 воспитанницъ «Школы» такъ распредѣлялись, по именамъ усопшихъ Государей и членовъ Императорской Фамиліи:

Въ память Императоровъ: Павла Петровича—2 восп.; Александра Павловича—2 восп.; Николая Павловича—5 восп.; Импера-

трицъ: Маріи Θеодоровны — 4 восп.; Елисаветы Алексѣевны — 1 восп.; Александры Θеодоровны—4 восп. Великихъ Князей: Цесаревича Константина Павловича—1 восп.; Михаила Павловича—2 восп.; Цесаревича Николая Александровича—4 восп. Великихъ Княгинь: Александры Павловны—1 восп.; Маріи Павловны—1 восп.; Екатерины Павловны—1 восп.; Анны Павловны—1 восп.; Елены Павловны—1 восп; Елены Павловны [супруги В. К. Михаила Павловича]—1 восп.; Александры Николаевны—1 восп.; Маріи Николаевны—1 восп.; Елисаветы Михаиловны—1 восп. Великихъ Княженъ: Маріи Михаиловны—1 восп.; Александры Александровны—2 восп. Августѣйшихъ Родителей Великой Княгини Александры Іосифовны—2 восп. и Герцога Виртембергскаго Евгенія—1 воспитанница.

Нѣкоторыя подробности объ этой «Школѣ»—см. выше, въ «Очеркѣ исторіи Павловска», стр. 318—321.

Кромѣ упомянутыхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, въ Павловскѣ находятся [въ 1877 г.] два частныя училища и одинъ дѣтскій пріютъ. Этотъ послѣдній учрежденъ въ 1872 г. И. А. Панаевымъ, съ разрѣшенія Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, для двѣнадцати дѣвочекъ, преимущественно сиротъ.

Обсерваторія.

На окраинѣ парка, близь дороги въ Θедоровскій посадъ, находится «Магнитная и Метеорологическая Обсерваторія».—Работы по сооруженію зданій Обсерваторіи произведены въ 1876—1877 гг. подъ надзоромъ инженеръ-капитана А. Н. Чикалева.

Обсерваторія состоитъ изъ главнаго зданія, павильона для абсолютныхъ наблюденій, зданія для варіаціонныхъ магнитныхъ приборовъ, дома для квартиръ служащихъ лицъ и домика для служителей.

Обсерваторія обладаетъ большою библіотекою и всѣми необходимыми для ея ученыхъ работъ и наблюденій весьма хорошими приборами.

Подробности какъ о научныхъ цѣляхъ, вызвавшихъ сооруженіе Магнитной и Метеорологической Обсерваторіи въ Павловскѣ, такъ и перечень находящихся въ ней приборовъ и снарядовъ—помѣщены выше, въ «Очеркѣ исторіи Павловска», на стр. 337—342-й.

Телеграфы.

Кромѣ телеграфной станціи при желѣзной дорогѣ, въ Павловскѣ есть еще телеграфъ во дворцѣ и дѣйствіе послѣдняго открыто во все время пребыванія въ Павловскѣ особъ Августѣйшей Фамиліи.

вѣринецъ въ первые годы основанія Павловска занималъ вчетверо большее, противу нынѣ имъ занимаемаго, пространства, и состоялъ изъ сплошнаго лѣса. Въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія въ Звѣринцѣ сдѣланы просѣки и былъ поставленъ навѣсъ, подъ которымъ кормили оленей: на старинныхъ картахъ Павловска онъ названъ кормежемъ *. При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ 1801—1828 гг., лѣсъ въ Звѣринцѣ былъ вырубленъ на двѣ трети; животныя переведены въ Гатчинскій звѣринецъ. Въ послѣдующіе сорокъ три года, съ 1828 по 1871 годъ, Звѣринецъ, рѣдѣя постепенно, пре-

* Въ 1788—1789 гг. было въ этомъ Звѣринцѣ 17 оленей; были овцы ордынскія, павлины, лебеди, турецкія утки, одинъ лось и дикая коза. Въ 1798 г.—было 39 оленей. См. Арх. Павлов. Город. Прав. 1788 и 1798 гг. д. № 13.

вратился въ участки, застроенные дачами, и только на четвертую долю покрытъ уже не сплошною чащею, но немногими островами изъ купъ хвойныхъ деревьевъ. Устройство нынѣшняго Звѣринца предпринято въ сентябрѣ 1871 года заботами Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича. Все пространство, для него отведенное, тогда же обнесено высокою изгородью, длиною въ три версты. Главный въѣздъ означенъ красивыми рѣзными воротами, при которыхъ построенъ охотничій домикъ *.

Заселеніе Звѣринца производилось постепенно съ 6-го ноября 1871 года. Первоначально пущены были зайцы-бѣляки; но эти первые поселенцы размножались очень медленно: хищныя птицы и, въ особенности, совы поистребили ихъ въ значительномъ количествѣ. Къ 1-му числу января 1872 года, съ Высочайшаго соизволенія, привезено изъ звѣринца Гатчинскаго и пущено въ Павловскій Звѣринецъ десять красныхъ оленей и десять ланей. 8-го октября того-же 1872 года привезены изъ Бѣловѣжской пущи [Гродненской губерніи] исключительно водящіеся тамъ зубры [bos urus], самецъ и самка. Вслѣдъ за зубрами, въ ноябрѣ, привезены были: изъ Саксоніи—семь оленей, красной породы; изъ Италіи кабановъ—шесть, горныхъ ланей—семь головъ; изъ Вѣны шестнадцать кабановъ. Въ сентябрѣ 1873 года доставлены изъ Константинополя быкъ и корова породы зебу [быкъ браминъ, bos indicus]. 12-го іюля 1874 года изъ Туркестана привезенъ олень.

---

* Рисунокъ этого изящнаго домика помѣщенъ на 461-й страницѣ.

Зубръ [Bos urus, Auerochs Bonassus]. Въ виду особенной рѣдкости этого звѣря, находящагося въ Павловскѣ въ нѣсколькихъ отличныхъ представителяхъ, нелишнее напомнить нѣкоторыя свѣдѣнія вообще объ этого рода животныхъ. Зубръ—особой породы буйволъ—въ глубочайшей древности водился въ южной и средней Европѣ, даже въ южной Швеціи. Въ IX вѣкѣ зубръ попадался на Гарцѣ и въ Саксоніи, въ XIII—XVII вѣкахъ въ Пруссіи, затѣмъ, эта порода, постепенно вымирая, сосредоточилась лишь въ лѣсахъ Бѣловѣжской Пущи, Гродненской губерніи, и нынѣ общее число зубровъ, тамъ водящихся, не достигаетъ и 600 головъ; по повѣркѣ, сдѣланной въ 1871 г., ихъ было 477; приплодъ телятъ—50 штукъ.

Высочайшимъ указомъ 1802 года, въ видахъ сбереженія этой рѣдкой породы, установлено особое охраненіе зубровъ со строжайшимъ воспрещеніемъ охоты на этихъ животныхъ.

Зубръ принадлежитъ къ разряду жвачныхъ двукопытныхъ, изъ семейства пусторогихъ. Средняя величина звѣря отъ роговъ до хвоста 8 футовъ, вышина передней части туловища $5\frac{1}{2}$, задней—$4\frac{1}{2}$, объемъ туловища $11\frac{1}{4}$ футовъ; средній вѣсъ отъ 35 до 40 пудовъ. На охотѣ короля Польскаго въ 1752 г. былъ убитъ зубръ, вѣсившій 61 пудъ 10 фунтовъ.

Въ наружности зубра есть нѣчто гордое, величественное. Небольшіе черные его рога закруглены и въ острыхъ концахъ нѣсколько загнуты назадъ. Большіе выпуклые глаза красивы и выразительны, но широкій лобъ и постановка глазъ мѣшаютъ звѣрю видѣть прямо передъ собою: разсматривая предметъ, онъ поворачиваетъ голову изъ стороны въ сторону. Держится сутуловато, такъ что оконечность крестца приходится нѣсколько выше темени, и вслѣдствіе этой сутуловатости смотритъ внизъ и какъ-бы исподлобья. Судя по образу его жизни, мѣстные полѣсовщики въ Пущѣ полагаютъ, что зубръ одинаково зорокъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Звѣрь вообще тученъ, но къ заду туловище его съуживается. Шерсть буро-гнѣдая, вообще темная, принимаетъ черный цвѣтъ на вискахъ, на бородѣ и у хвостовой кисти; грива и борода пушисты. Мясо зубра, требующее особеннаго приготовленія и вымочки въ уксусѣ, очень вкусно въ жаркомъ; вареное и копченое вовсе не

годится. Молоко зубрихъ отличается сѣрымъ цвѣтомъ; оно густо, жирно, но не особенно сладко. Въ старину поясъ, выдѣланный изъ кожи, снятой со лба зубра, почитался, въ Литвѣ и Польшѣ, талисманомъ къ облегченію родовъ; кольца, выпиленныя изъ зубровыхъ мозговыхъ костей, носили какъ предохранительное средство отъ разныхъ болѣзней; рогамъ, оправленнымъ въ видѣ сосудовъ для питья, приписывали также цѣлебныя свойства. По поводу этихъ суевѣрныхъ примѣтъ нельзя не вспомнить литовской легенды о спасеніи всей Западной Россіи отъ нашествія монголовъ—устремившимися имъ навстрѣчу стадами зубровъ.

Опыты сближенія домашнихъ коровъ съ прирученными зубрами были, хотя и рѣдки, но на столько удачны, что вопросъ о новой смѣшанной породѣ домашнихъ животныхъ, помѣси зубра съ коровою, нельзя еще рѣшить въ смыслѣ отрицательномъ.

Вѣкъ зубра продолжается отъ 30 до 50 лѣтъ. Естественная смерть стараго зубра—отъ голода, вслѣдствіе потери зубовъ; старый зубръ весьма часто теряетъ зрѣніе.

Для поимки зубровъ, съ октября мѣсяца 1872 года находящихся въ Звѣринцѣ въ Павловскѣ, было устроено въ Бѣловѣжской Пущѣ изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ нѣсколько корридоровъ, каждый въ 50 сажень длины, $^3/_4$ аршина ширины и $2^1/_4$ аршина вышины. Въ концѣ корридоровъ поставлены были прочно сколоченные изъ толстыхъ брусьевъ ящики съ яслями для корма звѣрей. Въ передней части каждаго была опускная, весьма толстая дверь. Когда зубры вошли въ корридоры и, по невозможности повернуться назадъ, шли до самаго конца и, наконецъ, вступили въ ящики, сторожившіе ихъ егеря опустили двери и зубры остались въ ловушкахъ. Перевозка зубровъ до Павловска сильно повліяла на здоровье животныхъ: они были какъ бы оглушены и долго не прикасались ни къ питью, ни къ пищѣ. Самка оправилась первая, за нею самецъ.

Раннею весною 1874 года [именно въ апрѣлѣ] зубриха впервые телилась въ Павловскомъ Звѣринцѣ, а въ 1875-мъ году [въ сентябрѣ] телилась вторично. Нынѣ семейство зубровъ [въ 1877 г.] въ Павловскомъ Звѣринцѣ состоитъ изъ четырехъ особей.

Зебу или быкъ-браминъ [bos indicus]—одѣтъ шелковистою сѣроватою шерстью, съ мясистымъ горбомъ на вершинѣ крест-

ца—животное кроткое, довѣрчивое и ласковое. Въ Индіи эта порода пользуется особеннымъ уваженіемъ брамаитовъ, какъ живой символъ земли, олицетвореніе Вишну, зодіакальный знакъ святаго мѣсяца Ваисакха [апрѣля]. Зебу содержатъ и при храмахъ.

Въ Павловскомъ Звѣринцѣ самецъ и самка зебу вполнѣ привыкли къ окружающей ихъ обстановкѣ; въ 1876-мъ году самка телилась красивымъ теленкомъ. Молоко зебу — значительно вкуснѣе коровьяго.

Интересно посмотрѣть на обитателей Павловскаго Звѣринца, когда они на звукъ рога егеря или смотрителя сбѣгаются къ корму. Сборнымъ мѣстомъ обыкновенно служитъ лужайка, разстилающаяся у бесѣдки, стоящей на холмѣ. Егеря, заблаговременно заготовивъ кормъ, всыпаютъ его въ корыта, разставленныя на лужайкѣ, покуда совершенно пустой. При звукѣ сигнальнаго рога, изъ сосѣднихъ лѣсковъ, со всѣхъ сторонъ, набѣгаютъ лани и олени; тѣснясь, обгоняя другъ друга, бросаются они къ корытамъ; старый вожакъ-олень въ каждомъ табунѣ какъ будто наблюдаетъ за порядкомъ, величаво озираясь во всѣ стороны... При вторичномъ звукѣ рога раздается глухой топотъ и изъ чащи галопомъ несутся четвероногія громады, покрытыя буроватою шерстью, съ косматыми гривами, небольшими бородатыми головами, — это зубры появленіе которыхъ всегда производитъ эффектъ.

обширное земельное пространство, нынѣ занимаемое Павловскомъ—одно изъ древнѣйшихъ достояній Россіи. Писцовыя книги XV и начала XVI вѣка свидѣтельствуютъ, что мѣстность города и его окрестности были заселены съ давнихъ временъ и принадлежали Великому Новгороду. Въ писцовыхъ книгахъ упоминаются въ той же мѣстности, гдѣ нынѣ Павловскъ—«Великаго Князя сельцо и деревня, что были Воскресенькые, изъ Славенского конца» *. Самое названіе рѣки «Славянка», впадающей въ Неву при с. Усть-Славянкѣ, и близь села Рыбацкаго, служитъ подтвержденіемъ давности времени существованія въ этой мѣстности коренныхъ русскихъ поселеній. Таковы слѣды древнѣйшихъ свѣдѣній о мѣстности нынѣшняго Павловска и затѣмъ не только до самаго года его основанія—но даже и о пожалованіи этой мѣстности въ даръ Великому Князю Павлу Петровичу и его супругѣ—пока не найдено документальныхъ данныхъ. Розыски въ архивахъ Министерства Двора, предпринятые въ 1876—1877 гг., по порученію Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, не привели пока ни къ какимъ открытіямъ; даже въ бумагахъ Царскосельской

* Неволинъ. О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ, 132; приложеніе I, стр. 34. См. въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. VIII.

дворцовой конторы находятся отрывчатыя свѣдѣнія о Павловскѣ лишь съ 1778-го года. Такъ, въ сборникѣ «Царскосельскій лѣтописецъ» *, составленномъ на основаніи помянутыхъ бумагъ и изданномъ въ 1827-мъ году, находимъ слѣдующія свѣдѣнія о первобытномъ Павловскѣ:

—1778 года мая 14. «Полицейскія распоряженія касательно успокоенія и обезпечиванія двухъ домиковъ за рѣчкой Славянкой, построенныхъ по повелѣнію Ихъ Высочествъ».

— 1779 года января 11. «Вырубка стоячаго лѣсу для очистки и построенія служебъ при домикахъ Ихъ Высочествъ въ Павловскѣ».

— Іюня 6-го. «Обмежеваніе земель бывшихъ деревушекъ Линны и Рискабачка или Кузнецовъ для отдачи къ Павелъ-люсту и Маріенталю».

Въ 1779 г. снятъ первый, по времени, топографическій планъ Павловска, донынѣ сохраняющійся въ архивѣ Городоваго Правленія. Планъ этотъ въ маломъ масштабѣ.

Достойны замѣчанія тѣ разнорѣчія, какими до сихъ поръ отличались свѣдѣнія, сообщаемыя въ разныхъ изданіяхъ о времени основанія Павловска, постройкѣ его дворцовъ и проч. Такъ, Щекатовъ въ «Географическомъ Словарѣ Россійскаго государства» [М. 1805 г., т. IV, стр. 986] относитъ «построеніе Павловска къ 1780 году». То же повторяетъ Свиньинъ, въ изданіи «Достопамятности С.-Петербурга и его окрестностей» **. Въ изданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: «Городскія поселенія въ Россійской Имперіи» *** время пожалованія мѣстности, занимаемой Павловскомъ, «въ удѣлъ» Великому Князю Павлу Петровичу означено 1775-мъ годомъ, но, къ сожалѣнію, не указано на чемъ основано таковое извѣстіе; построеніе

* «Отечественныя Записки» 1827 г., часть XXX, см. стр. 424.

** С.-Петербургъ, изд. 1816 г., въ 4 д. л., стр. 88.

*** С.-Петербургъ, изд. 1864 г., въ 8 д. л. Томъ VI, стр. 605.

же дворца отнесено къ 1780-му году; деревня Тярлево названа Теряевой. Два первыя указанія повторяетъ «Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи» *, изданный Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

Павловскъ—городъ безуѣздный и, на основаніи имяннаго указа Императора Павла, 24-го ноября 1796 года, имѣющій право: «относиться по случающимся дѣламъ непосредственно въ Сенатъ» **.

Ближайшее управленіе Павловскомъ сосредоточено въ Городовомъ Правленіи. Оно состоитъ изъ Управляющаго городомъ, двухъ Совѣтниковъ и Секретаря. Военное управленіе ввѣрено Коменданту, при немъ—Плацъ-Маіоръ.

Въ 1877 г. «постоянныхъ» жителей въ Павловскѣ было 3,233. Изъ нихъ: 1,839 мужескаго и 1,394 женскаго пола.

Въ лѣтнее время цифра населенія обыкновенно болѣе чѣмъ утроивается. Такимъ образомъ, «лѣтнихъ жителей» въ Павловскѣ было: въ 1874 г.—1,082 семейства, въ 1875 г.—1,100, въ 1876 г.—1,158 семействъ. Считая въ семьѣ, среднимъ числомъ, съ прислугою, до шести лицъ, оказывается, что въ лѣтніе мѣсяцы населеніе Павловска—полагая въ томъ числѣ и постоянныхъ его обитателей—простирается до десяти тысячъ душъ обоего пола.

---

* С.-Петербургъ, изд. 1873 г., въ 8 д. л. Томъ IV, стр. 7.

** П. С. З., томъ XXIV, № 17,578. При переименованіи села Павловскаго въ городъ, Императоръ Павелъ—указомъ 12-го ноября 1796 г.—повелѣлъ, чтобы: «управленіе Павловскомъ происходило на томъ самомъ основаніи, какое до сего тамъ, по волѣ Нашей, учреждено было, и считаться ему городомъ безпосредственнымъ, съ своимъ теперешнимъ околодкомъ». П. С. З., т. XXIV, № 17,540.

Царскосельскую желѣзную дорогу въ очеркѣ исторіи Павловска нельзя обойти молчаніемъ, какъ удобнѣйшій путь сообщенія этого города со столицею. Впрочемъ, значеніе этой желѣзной дороги весьма важно не только въ лѣтописяхъ Царскаго Села и Павловска, но и въ исторіи торговаго и промышленнаго развитія нашего отечества, такъ какъ эта желѣзная дорога была первою, по времени ея сооруженія, въ Россіи.

Въ августѣ 1834 года, по приглашенію К. В. Чевкина, бывшаго тогда начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ,—прибылъ въ Петербургъ австрійскій подданный, славянинъ, родомъ чехъ, Францъ фонъ-Герстнеръ *, съ цѣлію обозрѣнія русскихъ заводовъ и горнозаводскихъ промысловъ. Герстнеръ былъ извѣстенъ какъ

---

* Портретъ Герстнера—въ виньеткѣ, на этой страницѣ.

строитель, еще въ 1824 году, въ Австріи желѣзно-дорожнаго пути между Молдавою и Дунаемъ. Эта дорога, продолженная отъ Линца къ Гмюндену, простиралась на двадцать шесть нѣмецкихъ миль [182 версты] и движеніе по ней совершалось зимою и лѣтомъ непрерывно. При дѣятельномъ содѣйствіи К. В. Чевкина, Герстнеръ, по прибытіи въ Петербургъ, пустилъ въ ходъ проектъ свой о сооруженіи желѣзной дороги между двумя столицами Россіи, при чемъ вызывался совершить это сооруженіе за 50 милліоновъ руб. ассигнаціями. При нѣкоторомъ недовѣріи, какое выразили къ проекту гр. Толь, гр. Канкринъ и гр. Бенкендорфъ [послѣдній особенно указывалъ на громадность суммы, потребной на осуществленіе предпріятія, и на трудность ее добыть], предложеніе Герстнера не нашло поддержки. Тогда, чтобы побѣдить въ Петербургскомъ обществѣ недовѣріе къ возможности постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи,—Герстнеръ предложилъ соорудить, въ видѣ опыта, двѣ небольшія линіи: одну—отъ центра Петербурга въ Царское Село и въ Павловскъ, другую отъ того-же самаго пункта въ Петергофъ и Ораніенбаумъ. Учредителями этого предпріятія, кромѣ Герстнера, были: графъ А. А. Бобринскій, купецъ Венедиктъ Крамеръ и консулъ города Франкфурта-на-Майнѣ купецъ І. К. Плиттъ. Основной капиталъ компаніи, въ три милліона рублей ассигнаціями, былъ раздѣленъ на 15,000 акцій, въ 200 рублей каждая, съ правомъ выпустить, въ случаѣ надобности, еще 2,500 акцій на 500,000 руб. ассигнаціями.

Привиллегія на постройку желѣзной дороги въ Царское Село была Высочайше дарована 21-го декабря 1835 г.

Съ цѣлію ознакомитѣ русскую публику съ предпрія-

тіемъ новымъ и ей совершенно невѣдомымъ, Герстнеръ отпечаталъ, въ числѣ 20,000 экземпляровъ, довольно объемистую брошюру, которая раздавалась безплатно. Брошюру разбирали на расхватъ. Первыя 15,000 акцій разошлись въ нѣсколько дней.

Теперь, сорокъ лѣтъ спустя послѣ обнародованія брошюры Герстнера, исчисленныя въ ней выгоды и пользы желѣзныхъ дорогъ кажутся совершенно напрасными доказательствами истины непреложной; но не могъ дѣйствовать иначе просвѣщенный славянинъ, проповѣдуя великое предпріятіе въ странѣ, по образованію своему, сравнительно съ прочими европейскими государствами, еще юной. Желѣзнодорожному дѣлу если не противодѣйствовалъ, то весьма не сочувствовалъ графъ Е. Ф. Канкринъ—Министръ Финансовъ. Предубѣжденіе этого администратора къ предпріятію Герстнера стоило борьбы съ цѣлымъ легіономъ обскурантовъ. Герстнеру было необходимо, обнародывая свое предпріятіе, помимо его пользы и выгодъ, указать на всѣ способы къ устраненію неудобствъ желѣзной дороги какъ дѣйствительныхъ, такъ и измышленныхъ. Вотъ что Герстнеръ, между прочимъ, говоритъ въ предисловіи:

— «Какія неисчислимыя выгоды должны произойти отъ повсемѣстнаго введенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи для земледѣлія, горныхъ заводовъ, мануфактуръ, внутренней и внѣшней торговли, и вообще для благосостоянія всѣхъ классовъ жителей,—это пойметъ всякій образованный человѣкъ, которому хотя нѣсколько извѣстны благодѣтельныя послѣдствія отъ облегченія симъ способомъ сообщеній въ другихъ земляхъ. Будучи убѣжденъ въ справедливости этого мнѣнія, я, со времени прибытія

моего въ Россію, въ августѣ 1834 года, объѣздилъ многія губерніи отъ С.-Петербурга почти до Урала, собралъ повсюду статистическія свѣдѣнія и сравнивалъ оныя съ подобными свѣдѣніями о земледѣліи, горномъ дѣлѣ, фабрикахъ и торговлѣ тѣхъ государствъ, съ которыми Россія имѣетъ наиболѣе сношеній. Я посѣщалъ Англію въ 1822, 1827 и 1829 годахъ, и съ величайшимъ стараніемъ изучалъ новѣйшіе успѣхи механики и строительнаго искусства; въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ перебывалъ я во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ и думаю, что могу судить довольно правильно: посему мнѣ позволительно сказать свое мнѣніе, что построеніе желѣзной дороги въ Москву и оттуда до Волги въ Нижній Новгородъ необходимо для благосостоянія бо̀льшей части Россійской Имперіи. Я вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденъ, что другая желѣзная дорога, изъ Москвы въ Одессу или Таганрогъ, неминуемо должна послѣдовать для пользы того края.

— «Нынѣ [въ 1836 г.] еще не время издавать въ свѣтъ сочиненіе мое о пользѣ, доставляемой желѣзными дорогами вообще, и о выгодахъ, какихъ въ особенности должно ожидать отъ таковой дороги изъ Петербурга въ Москву и Нижній Новгородъ; я не перестаю собирать въ Россіи статистическія свѣдѣнія и соотвѣтствующія имъ заграничныя. Получивъ дозволеніе Правительства, осенью 1835 года произвелъ я лично нивеллировку на протяженіи 802 верстъ, частію по Московскому шоссе, частію внѣ онаго, по вѣроятному направленію Московской желѣзной дороги, а приглашенными мною изъ чужихъ краевъ инженерами нивеллировано сверхъ того еще нѣсколько сотъ верстъ; но сочиненіе мое по сему предмету будетъ сообщено пуб-

ликѣ современемъ, когда предварительныя работы мои исполнятся. Между тѣмъ, соотвѣтственно первой моей запискѣ, поданной Государю Императору 6-го января 1835 года, желая убѣдить въ пользѣ и возможности построенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, я предложилъ построить, сперва подлѣ Петербурга, двѣ желѣзныя дороги: одну въ Царское Село, съ продолженіемъ въ Павловскъ, другую въ Петергофъ, съ продолженіемъ въ Ораніенбаумъ.

— «Государю благоугодно было даровать мнѣ исключительное дозволеніе на составленіе компаніи на акціяхъ для построенія этихъ дорогъ. Такъ какъ всѣ приготовительныя работы для дороги въ Царское Село, съ продолженіемъ оной чрезъ часть Павловскаго парка, уже кончены и построеніе этой дороги можетъ быть немедленно начато, затѣмъ, если не встрѣтятся какія-либо препятствія, дорога будетъ кончена къ октябрю 1836 года, то я на первый разъ составляю компанію для построенія желѣзной дороги въ Царское Село и Павловскъ. По изготовленіи подробныхъ плановъ для дороги въ Петергофъ, осенью сего 1836 года, составится компанія и для этой дороги. Такимъ образомъ русская публика будетъ имѣть самый удобный случай испытать справедливость моихъ увѣреній, и я надѣюсь снискать довѣренность на счетъ построенія исполинской желѣзной дороги въ 1,100 верстъ изъ Петербурга въ Нижній Новгородъ. Основывая такимъ образомъ право мое на довѣренность ко мнѣ въ Россіи на удачѣ двухъ означенныхъ небольшихъ желѣзныхъ дорогъ, я ласкаю себя надеждою, что старанія мои и постоянство въ продолженіе полутора года о введеніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи,

многолѣтняя опытность въ построеніи оныхъ,—на первый случай доставятъ мнѣ полную довѣренность публики на счетъ небольшой дороги въ Царское Село и Павловскъ. Ничто въ свѣтѣ не можетъ имѣть успѣха безъ довѣренности: она есть основаніе процвѣтанія всѣхъ обществъ. Посему, кто не довѣряетъ совершенно моимъ предложеніямъ и работамъ, тѣхъ я прошу не вступать въ компанію, мною составленную».

Основываясь на фактическихъ данныхъ, Герстнеръ первыя страницы своей брошюры посвятилъ описанію желѣзныхъ дорогъ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи и Сѣверной Америки. Затѣмъ, переходя къ своему проекту построенія Царскосельской линіи отъ Петербурга до Павловска, онъ предполагалъ устроить станцію на берегу Фонтанки, въ 170 саженяхъ отъ Обухова моста. Въ то время на этомъ мѣстѣ стояло деревянное зданіе бань, пріобрѣтеніе которыхъ на сносъ не представило бы, по мнѣнію Герстнера, большихъ затрудненій. Линія желѣзной дороги должна была идти параллельно Введенскому каналу до Обводнаго: ея проложеніе чрезъ городскую улицу, по предположенію Герстнера, не было-бы сопряжено съ опасностью для проходящихъ и проѣзжающихъ.

— «Чрезъ Обводный каналъ—предлагалъ Герстнеръ—надобно будетъ построить мостъ, отъ котораго дорога, послѣ небольшаго поворота на 170 саженяхъ, пойдетъ по совершенно прямой линіи въ 24 версты на храмъ Аполлона въ Павловскомъ паркѣ, до мѣста близь оранжерей, назначеннаго Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

— «Возвышенія по этой линіи, кромѣ моста чрезъ Лиговскій каналъ, представляются только на двухъ пунктахъ:

на Московскомъ шоссе и на концѣ дороги въ Павловскомъ паркѣ. Сіи пункты опредѣляютъ слѣдующія повышенія:

— «Отъ берега Фонтанки до Лиговскаго моста: длина 2 в. 160 саж., повышеніе въ саженяхъ: 2, 3 саж., отношеніе повышенія къ длинѣ: 1: 504.

— «Отъ Лиговскаго моста до Московскаго шоссе: длина 10 верстъ 110 саж., повышеніе: 3, 8 саж., отношеніе повышенія къ длинѣ: 1: 1345.

— «Отъ Московскаго шоссе до Царскаго Села: длина 9 в. 230 саж., повышеніе: 5, 9 саж., отношеніе повышенія къ длинѣ: 1: 800.

— «Отъ Царскаго Села до храма Аполлона въ Павловскомъ паркѣ: длина 3 в. 250 саж., повышеніе: 0, 4 саж., отношеніе повышенія къ длинѣ: 1: 4375.

— «Среднее повышеніе—1: 1028.

— «При сравненіи съ этою линіею профиля шоссе отъ Обухова моста до воротъ Павловскаго парка, оно оказывается двумя верстами длиннѣе желѣзной дороги. Подъ Пулковымъ на шоссе въ двухъ мѣстахъ возвышенія 1: 20, тогда какъ на желѣзной дорогѣ наибольшее 1: 504, слѣдственно, въ 25 разъ менѣе. Шоссе подъ Пулковымъ, поднимаясь на 25½ саж. у моста въ Кузьминѣ, опять понижается на 14⅓ сажени; въ Царскомъ Селѣ поднимается до 30 саженъ и оттуда до воротъ Павловскаго парка опять понижается на 13½ сажень». Но полотно желѣзной дороги предполагалось проложить такъ, чтобы линія была совершенно ровная. «При этихъ условіяхъ, замѣчаетъ Герстнеръ, Царскосельская дорога будетъ одна изъ совершеннѣйшихъ, и, нѣтъ сомнѣнія, что при употребленіи силы паровъ можно будетъ дѣлать переѣздъ отъ Обухова моста до Царскаго Села въ 35 минутъ, а до Павловска въ

40 минутъ. Движеніе можетъ безпрепятственно производиться всю зиму.

— «Касательно пріобрѣтенія [отчужденія] земель частныхъ землевладѣльцевъ, можно сказать, что еще не было построено ни одной желѣзной дороги, которая-бы представляла столь мало затрудненій касательно пріобрѣтенія земель; но откупать земли непремѣнно надобно для двойной дороги, т. е. одной изъ Петербурга въ Царское Село, а другой для возвратнаго пути.

— «Кромѣ главной дороги, которая коснется только нижней части Царскаго Села, вѣроятно будетъ построена, какъ сказано, еще побочная дорога вокругъ города, дабы каждый могъ выходить, гдѣ ему необходимо».

Принимая за правило, что расходы построенія желѣзной дороги зависятъ отъ свойства мѣстоположенія и цѣнъ рабочихъ и матеріаловъ, существующихъ близь дороги, Герстнеръ для сооруженія Царскосельско-Павловской линіи составилъ смѣту, на сумму, въ общей сложности, въ три милліона руб. ассиг.

Дорога, по соображеніямъ Герстнера, при благопріятныхъ условіяхъ, могла быть открыта къ 1-му октября 1836 г. Таксу за провозъ пассажировъ, багажа и товаровъ онъ опредѣлилъ въ размѣрѣ сравнительномъ съ таксами заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ. Близость Сѣнной площади, по мнѣнію Герстнера, давала возможность жителямъ Царскаго Села и Павловска закупать провизію въ Петербургѣ. На это потребовалось-бы $2\frac{1}{2}$ часа времени и проѣздъ въ оба конца съ двумя пудами провизіи обошелся бы, въ вагонѣ втораго класса, въ 1 рубль 72 копѣйки ассигнаціями.

Существенную ожидаемую пользу для петербургскихъ

жителей, отъ соединенія столицы съ Царскимъ Селомъ и Павловскомъ—Герстнеръ полагалъ въ санитарномъ отношеніи: желѣзная дорога давала возможность обитателямъ столицы проводить лѣто на дачахъ. Высота Царскаго Села на $31\frac{1}{3}$ саж. выше средняго уровня Невы; что-же касается до Павловска—Герстнеръ говоритъ о немъ съ увлеченіемъ: «Павловскъ стоитъ около 15-ти саженей выше уровня Невы; прекрасно содержимый паркъ и всѣ окрестности представляютъ пріятнѣйшее разнообразіе, какое только въ состояніи создать воображеніе. Кто выходилъ изъ этого парка не будучи удовлетвореннымъ въ полной мѣрѣ!»

О цифрѣ пассажировъ между Петербургомъ и Павловскомъ Герстнеръ основывалъ свои соображенія на статистическихъ данныхъ, именно на числѣ проѣзжающихъ по шоссе. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, число проѣзжихъ составляло ежегодно около 178,000 чел. Значительность сообщенія онъ объяснялъ тѣмъ, что въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскѣ стояло тогда пять полковъ съ тремя стами офицеровъ. Расчитывая на наибольшій доходъ отъ желѣзной дороги, преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, Герстнеръ указывалъ на необходимость постройки на концѣ дороги, т. е. въ Павловскѣ, гостинницы, со всѣми удобствами, отдѣланной со вкусомъ и изяществомъ, вмѣстимостью на 1,000 человѣкъ; лѣтомъ въ ней имѣлъ быть устроенъ хозяйскій общій столъ [table d'hôte]; зимою при ней могли находиться разныя игры, зимнія горы и пр. «Никакой садъ, никакое мѣсто,—замѣчаетъ строитель,—не представляетъ для сего такихъ удобствъ, какъ та часть Павловскаго парка, которую Великому Князю Михаилу Павловичу угодно было дозволить прорѣзать желѣзною до-

рогою на протяженіи 600 саженъ. Парижъ, Вѣна, Мюнхенъ, почти каждый большой городъ, имѣютъ свое Тиволи; Лондонъ—свой «воксалъ», который блескомъ и великолѣпіемъ соперничаетъ со всѣми подобными заведеніями. Только въ Петербургѣ еще нѣтъ по сію пору [1836 г.] Тиволи: но оно скоро возникнетъ!»

Общаго сбора съ 300,000 пассажировъ Герстнеръ полагалъ ежегодно 890,143 руб. ассигн., отъ товарнаго движенія 79,857 р., въ общей сложности до 1.000,000 р. ассигнаціями. Чистую прибыль, за вычетомъ расходовъ, онъ опредѣлялъ въ 521,446 р., что составляло 53, 4% съ общаго пассажирскаго сбора, 35, 2% съ товарнаго и 6% съ 30,000 р. ежегодной арендной платы за гостинницу.

Затѣмъ, высказавъ свои соображенія объ условіяхъ климатическихъ: препятствуютъ - ли наши сѣверные снѣга движенію по желѣзнодорожнымъ путямъ, о вознагражденіи инженеровъ, объ отношеніяхъ учредителя къ акціонерной компаніи, Герстнеръ переходитъ къ воззрѣніямъ на будущность желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Она представляется ему въ яркомъ свѣтѣ и онъ говоритъ о ней какъ бы подъ наитіемъ пророческаго вдохновенія: «Желѣзныя дороги въ Россіи столь же необходимы, какъ и въ Сѣверной Америкѣ; тамъ жители поняли, что величайшіе враги Соединенныхъ Штатовъ суть разстояніе и время, и что то и другое можно преодолѣть только съ помощію желѣзныхъ дорогъ; въ Россіи единственно эти дороги могутъ образовать не желѣзную, но золотую цѣпь, которая соединитъ между собою всѣ части Имперіи, по справедливости называемой неизмѣримою. Слѣдственно, недалеко уже то время [писано въ 1836 г.], когда можно будетъ съ полнымъ удобствомъ и чрезвычайно де-

шево доѣхать изъ Петербурга въ Нижній Новгородъ и изъ Петербурга въ Одессу въ трое сутокъ. . .».

Письмомъ отъ 21-го декабря 1835 г. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Н. Н. Новосильцевъ увѣдомилъ Герстнера, что проектированная имъ линія желѣзной дороги Высочайше утверждена. 18-го февраля слѣдующаго 1836 г. Великій Князь Михаилъ Павловичъ осматривалъ нарѣзанную въ Павловскомъ паркѣ линію дороги и одобрилъ оную. Сверхъ того, Великій Князь изъявилъ согласіе на возведеніе въ паркѣ, на счетъ компаніи, нѣкоторыхъ строеній для пристанища и удовольствія публики, и на предложеніе отъ учредителей желѣзной дороги опредѣленной награды за представленіе лучшаго проекта этихъ строеній. Вслѣдствіе сего, 16-го марта 1836 г. въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ былъ напечатанъ вызовъ архитекторамъ, съ приглашеніемъ сообщить планы строеній, на которые полагалось предварительно до 200,000 руб., съ объявленіемъ, что за планъ, который удостоится одобренія Августѣйшаго Владѣльца Павловска, выдано будетъ въ вознагражденіе 20,000 р. и что производство работъ предоставится тому архитектору, коего планъ будетъ избранъ.

Дальнѣйшіе дѣйствія и труды первой желѣзнодорожной компаніи въ Россіи видны изъ отчетовъ Герстнера.

Первый изъ нихъ, въ числѣ 30,000 экземпляровъ, былъ опубликованъ 26-го іюля 1836 г. Въ немъ сказано, что Герстнеръ, сдѣлавъ главнѣйшія приготовленія, отправился 28-го марта въ Германію, Бельгію и Англію для заказовъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей и предметовъ для подвижнаго состава. 17-го іюня онъ возвратился въ Петербургъ, проѣхавъ въ 81 день 7,700

верстъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ осмотрѣлъ 11 желѣзныхъ дорогъ и заключилъ 18 контрактовъ съ заграничными фабрикантами. Ширина колеи желѣзно-дорожнаго пути, принятая Герстнеромъ за норму, именно шесть футовъ, оказалась въ отношеніи къ движенію гораздо выгоднѣе системы узкоколейной, принятой за границею. Иностранные инженеры не только одобрили систему Герстнера, но рѣшились даже слѣдовать ей при своихъ новыхъ постройкахъ. Эта разность, однако, имѣла ту невыгоду, что ни одна паровая машина или повозка, для англійскихъ или американскихъ дорогъ построенная, не годилась для русской. Переходя затѣмъ къ отчету о ходѣ работъ по сооруженію Царскосельской дороги въ первые три мѣсяца, изложивъ успѣхи по осушкѣ болотъ, вбиваніи свай и насыпкѣ земли, Герстнеръ объясняетъ, что онъ, каждый понедѣльникъ, выдавалъ рабочимъ по десяти премій на сумму 200 руб. серебромъ, принявъ эти деньги на свой собственный счетъ. Прилагая особенную заботливость о будущемъ Павловскомъ вокса-лѣ, учредитель желѣзной дороги замѣчаетъ, что для зданія въ Павловскѣ онъ заказалъ: «26 совершенно разныхъ креселъ весьма красивой отдѣлки и новую стеклянную полулюстру. Въ Лондонскомъ Колизеѣ,—продолжаетъ онъ,—построенномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, есть з и м н і й с а д ъ съ фонтаномъ, котораго расположеніе и разнообразіе заслужили всеобщее одобреніе. Въ зданіи, которое устраивается въ Павловскомъ паркѣ для пристанища и удовольствія публики, заведеніе небольшаго зимняго сада съ фонтаномъ оказывается весьма желательнымъ, ибо по новости и пріятности онъ, безъ сомнѣнія, будетъ содѣйствовать удовольствію публики. Я заключилъ

условіе о построеніи фонтана въ Павловскомъ зданіи съ г. Самуиломъ Граемъ, который строилъ фонтанъ въ Колизеѣ и многіе другіе въ Англіи и въ Шотландіи; вокругъ фонтана поставлены будутъ въ зимнемъ саду шесть механическихъ стульевъ, которые такъ устроены, что сидящій на нихъ, прислонясь къ спинкѣ, въ одно мгновеніе можетъ производить перемѣну въ фонтанѣ. Такъ какъ зданіе въ Павловскѣ, коего построеніе уже началось, имѣетъ видъ полукружія и фасадъ его простирается на 350 футовъ, то г. Грай и внѣ онаго построитъ два фонтана, которые будутъ бить лѣтомъ. Онъ прибылъ съ мастеромъ въ Петербургъ 26-го іюня и уже приступилъ къ дѣлу. Плата г. Граю и его мастеру, равно какъ всѣмъ англичанамъ, имѣющимъ прибыть сюда для постановки машинъ, будетъ произведена, согласно условію моему съ компаніею, изъ собственнаго моего вознагражденія.

—«Большое строеніе въ Павловскѣ производится со всѣмъ совершенствомъ. По вызову правленія компаніи представлено для сего строенія 11 плановъ и 2 присланы изъ Берлина. Великій Князь Михаилъ Павловичъ отдалъ предпочтеніе плану архитекторовъ Штюлера и Штарка изъ Берлина; но, какъ здѣшніе архитекторы объявили, что на исполненіе этого плана потребуется болѣе 500,000 р., то Его Высочество избралъ планъ петербургскаго архитектора, г. Штакеншнейдера. Зданіе, въ 350 футовъ длиною, строится подъ надзоромъ сего послѣдняго и помощника его, г. Руско, занимая безпрерывно болѣе 200 человѣкъ рабочихъ. Въ немъ ставится паровая машина, силою въ 8 лошадей, для пополненія водою резервуара, въ которомъ она будетъ процѣживаться; сія же машина будетъ проводить воду въ кух-

нію и во всѣ прочія части зданія и приводить въ движеніе фонтанъ, о которомъ говорено выше».

Изъ втораго отчета [выданъ 27-го сентября 1836 г.] видно, что привозъ изъ-за границы желѣзныхъ и чугунныхъ издѣлій, равно шинъ, паровозовъ и вагоновъ, производился почти непрерывно съ 8-го іюня по 20-е сентября. Постройка мостовъ шла успѣшно, хотя, вмѣсто проектированныхъ 23-хъ деревянныхъ мостовъ, оказалось необходимымъ построить сорокъ. Кладка рельсовъ началась 27-го августа, одновременно въ одиннадцати мѣстахъ. Главную станцію въ Петербургѣ, вслѣдствіе многихъ затрудненій, пришлось строить на ея нынѣшнемъ мѣстѣ, рядомъ съ которымъ находилась тогда ветхая деревянная церковь Введенія во храмъ, окруженная оградою съ тѣнистыми березками.

—«Извѣстно, что зданіе въ Павловскѣ,—писалъ Герстнеръ,—назначается для пріема лучшей петербургской публики и строится посреди прелестнаго Павловскаго парка, по близости прекраснѣйшихъ строеній. Оно строится полукружіемъ на протяженіи въ 350 футовъ и состоитъ изъ круглаго зала 35-ти футовъ въ поперечникѣ, изъ другаго большаго зала, коего одна ось имѣетъ въ длину 119, а другая 63 фута: этотъ залъ назначается для баловъ, концертовъ и, вмѣстѣ, будетъ служить столовою; по сторонамъ два меньшіе зала длиною въ 35, шириною въ 21 футъ; далѣе 2 зимнихъ сада; въ обоихъ флигеляхъ 40 жилыхъ комнатъ для найма и 12 комнатъ для хозяина гостинницы съ прислугою. Паровая машина, силою въ 8 лошадей, поднимаетъ воду въ водоемъ, устроенный въ крышѣ зданія; въ одной части онаго вода, процѣживаясь, проводится труба-

ми въ разныя отдѣленія дома, изъ другой же части идетъ въ кухню и въ различные водоемы. Сверхъ того, паровая машина приводитъ въ движеніе фонтанъ въ большомъ залѣ и два другіе фонтана внѣ зданія.

—«Приняты мѣры,—гласилъ отчетъ Герстнера,—чтобы можно было поставить въ семъ зданіи аполлоникон, подобный знаменитому лондонскому инструменту. Покойный король англійскій заказалъ механику Робсону въ Лондонѣ музыкальный инструментъ, замѣняющій оркестръ изъ 80 человѣкъ и приводимый въ движеніе паровою машиною, силою въ 3 лошади. Робсонъ работалъ около десяти лѣтъ, усовершенствовался въ этомъ дѣлѣ, и изготовилъ для Шотландіи три другіе инструмента, приводимые въ движеніе колесами, на которые бьетъ сверху вода. Въ первомъ моемъ отчетѣ сказано, что Робсонъ поставляетъ два трубные снаряда для паровыхъ каретъ; но желая сдѣлаться извѣстнымъ въ обширной Россіи, онъ вызвался изготовить и музыкальный инструментъ для Павловскаго зданія за 1,000 фун. стерл., съ тремя вальками, на которыхъ будутъ разыгрываться три разныя піесы; каждый новый валекъ стоитъ 30 ф. стерл. Для этого инструмента потребна сила двухъ лошадей, вслѣдствіе чего устроена и машина. Между тѣмъ правленіе желѣзной дороги предоставило себѣ впослѣдствіи воспользоваться предложеніемъ г. Робсона.

—«Фонтанъ въ томъ же зданіи почти конченъ; 6 механическихъ стульевъ около него дѣлаются; устройство двухъ фонтановъ внѣ зданія также началось. 7-го іюля 1836 г. съ водосвятіемъ положено основаніе зданію [воксала]; теперь, въ сентябрѣ 1836 г., оно, на каменномъ фундаментѣ, съ деревянною надстройкою, подведено подъ крышу».

Успѣху работъ по сооруженію желѣзной дороги, по отзыву Герстнера, много способствовало неутомимое содѣйствіе графа А. А. Бобринскаго.

Возвышеніе цѣнъ на желѣзо противъ первоначальной смѣты и разность въ вѣсѣ рельсовъ были причинами излишка въ расходѣ въ 325,000 руб. Въ виду этого учредитель призналъ необходимымъ выпустить остальную часть акцій на 500,000 руб.

Герстнеръ объявилъ въ своемъ второмъ отчетѣ публикѣ, что не позже воскресенья 27-го сентября 1836 г., какова бы ни была до тѣхъ поръ погода, открыта будетъ желѣзная дорога между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ и, за тѣмъ, на этомъ пространствѣ могутъ ежедневно производиться правильныя отправленія поѣздовъ.

Затѣмъ, учредитель предлагалъ компаніи отдать ему желѣзную дорогу на откупъ и заявлялъ о дальнѣйшихъ своихъ проектахъ, именно о проведеніи желѣзныхъ дорогъ изъ Москвы въ Коломну, изъ Риги въ Митаву, указывая при этомъ на возможность строить дороги, употребляя рельсы и прочія принадлежности изъ русскаго, а не привознаго желѣза.

Третій отчетъ былъ выданъ 7-го февраля 1837 года.

Земляныя работы лѣтомъ и осенью 1836 года, не смотря на дождливую погоду, на столько подвинулись, что осталось досыпать только 16,000 куб. футъ. Изъ 42 мостовъ—35 были совершенно готовы, а для пяти вбиты сваи. Зданіе воксала въ Павловскѣ было подведено подъ крышу и покрыто желѣзомъ. Сырость строеваго лѣса затруднила работы по штукатуркѣ и поэтому съ начала зимы, для осушки стѣнъ, ежедневно топились щепами 24 печи. Окончательная отстройка зданія, безъ

ущерба прочности и долговѣчности онаго, не могла, по словамъ Герстнера, послѣдовать ранѣе августа 1837 года.

Не лишена интереса представленная въ отчетѣ вѣдомость о числѣ акціонеровъ этой первой въ Россіи желѣзно-дорожной компаніи.

Губерніи: Астраханская 10, Владимірская 1, Воронежская 1, Вятская 19, Казанская 3, Кіевская 1, Курляндская 1, Лифляндская 4, Московская 186, Новгородская 2, Псковская 8, Саратовская 4, Смоленская 1, С.-Петербургская 372, Тверская 11, Тульская 16, Эстляндская 1. Итого въ Имперіи: 641. За границею: 59. Всего 700 акціонеровъ.

27-го сентября 1836 года, согласно обѣщанію Герстнера, данному имъ во второмъ отчетѣ, произошло первое открытіе линіи желѣзной дороги между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ. Такимъ образомъ, на долю этого городка выпала честь быть первымъ въ Россіи, отъ котораго былъ проложенъ желѣзно-дорожный путь. Съ весьма понятнымъ увлеченіемъ говоритъ о томъ Герстнеръ въ третьемъ отчетѣ, отъ 7-го февраля 1837 года, и въ четвертомъ, на нѣмецкомъ языкѣ *.

— «Первое открытіе желѣзной дороги между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, по обѣщанію моему, послѣдовало въ назначенный мною день, 27-го сентября 1836 г. Такъ какъ паровозы тогда еще не были получены, то ѣздили на лошадяхъ. На протяженіи $7\frac{1}{2}$ верстъ была ѣзда три воскресенья и всѣ, безъ исключенія, удивлялись легкости, съ которою крестьянскія лошади, ходившія только по

* Напечатанъ въ Лейпцигѣ въ мартѣ 1838 года, 35 стр. in 4°, подъ заглавіемъ: Bericht über den Stand der Unternehmung der Eisenbahn von S.-Petersbourg nach Zarskoe Selo und Pawlowsk.

обыкновеннымъ дорогамъ, могли быть употребляемы и на желѣзной, и какую большую тяжесть онѣ возили! Извѣстно, что по хорошей желѣзной дорогѣ, совершенно или почти горизонтальной, лошадь можетъ везти въ 12 и 15 разъ болѣе, нежели по такому-же ровному шоссе; посему лошадь, которая по здѣшнему шоссе тянетъ отъ 30 до 40 пудовъ, должна была везти по крайней мѣрѣ 400 пудовъ, и дѣйствительно везла со всею легкостью, не смотря на то, что и дорога и повозки были совсѣмъ новыя, слѣдственно представляли гораздо болѣе сопротивленія, нежели послѣ надлежащей осадки дороги и когда оси и колеса оботрутся.

—«3-го ноября 1836 г. пущенъ по дорогѣ между Царскимъ и Павловскомъ паровозъ Гакфорта, чрезъ нѣсколько недѣль—Стефенсона и, наконецъ, Кокериля. Паровозы ходили по этой дорогѣ въ разныя времена и при всѣхъ обстоятельствахъ; но самыя важныя поѣздки происходили съ 28-го нояб. по 2-е дек. 1836 г. и съ 2-го по 4-е янв. 1837 г. Англійскіе паровозы удовлетворили всѣхъ, ибо ходили въ 18 градусовъ мороза, въ бурю, дождь и ужасную мятель 4-го января; кромѣ пассажировъ перевозимы были лошади, овцы, свиньи, строевой и дровяной лѣсъ, наконецъ, разные экипажи, поставленные на дроги. Всѣ были довольны, кромѣ тѣхъ, которые предсказывали, что дорогу занесетъ снѣгомъ. Не смотря на то, что между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ насыпь имѣетъ наименьшую вышину по всей дорогѣ, вѣтеръ повсюду сметалъ съ нея снѣгъ и приставленнымъ для того рабочимъ почти нечего было дѣлать; только на Царскосельской станціи, гдѣ дорога идетъ наравнѣ съ землею, навалилъ снѣгъ и его свозили на возахъ нанятые работники;

кромѣ того, лежалъ онъ также на дорогѣ въ Павловскомъ паркѣ, потому что просѣка сдѣлана была тамъ только въ 4 сажени ширины, слѣдственно вѣтеръ не могъ сметать снѣга. Съ начала зимы по 28-е января не издержано еще и 300 руб. ассигн. на очистку отъ снѣга пространства $7^1/_2$ верстъ отъ Павловска до Кузьмина; посему я отнюдь не могу согласиться съ тѣми, которые предсказывали огромные расходы на сметаніе снѣга, но приглашаю ихъ теперь [писано въ февралѣ 1837 г.] пройти отъ Лиговки до Кузьмина шестнадцать верстъ, чтобы убѣдиться, что и тамъ, гдѣ вовсе не было употребляемо людей для очистки отъ снѣга, на насыпи его остается весьма мало: это вовсе невозможно при вышинѣ нашей насыпи и по той причинѣ, что для желѣзной дороги, какъ и для шоссе въ Россіи, всѣ лѣса прорублены на 60 сажень въ ширину. Впрочемъ, публика внимательно осматривала на паровозахъ снаряды для очистки снѣга, но по означеннымъ причинамъ этихъ снарядовъ почти совсѣмъ еще не употребляли.

—«Желѣзно-дорожные поѣзды на лошадяхъ произвели большое впечатлѣніе на русскихъ крестьянъ: они, съ свойственнымъ имъ здравомысліемъ, сознали всю пользу желѣзнаго пути и многіе выразили желаніе, чтобы и всю Россію пересѣкали желѣзныя дороги, дабы по нимъ можно было ѣздить на лошадяхъ.

—«Открытіе движенія по вышеупомянутому участку на паровозахъ послѣдовало 3-го ноября 1836 г., въ присутствіи Ихъ Величествъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, выразившихъ благосклонное одобреніе предпріятію и управленію въ самыхъ лестныхъ вы-

раженіяхъ. Въ продолженіе воскресныхъ дней было совершено нѣсколько безплатныхъ поѣздокъ на паровозахъ; впослѣдствіи были продаваемы билеты—перваго класса по 80, втораго—по 40 коп. для проѣзжающихъ изъ Павловска въ Кузьмино [7½ верстъ] и обратно».

Въ первые четыре мѣсяца по открытіи пути, пассажировъ, заплатившихъ за первыя мѣста, по 80 коп., было 782; за вторыя, по 40 коп.—1,051, всего 1,833 человѣка.

Герстнеръ заключаетъ свой отчетъ выраженіемъ признательности за то сочувствіе, которое онъ, при исполненіи своего предпріятія, встрѣтилъ въ русскомъ народѣ. «Судя по этому», говоритъ онъ, «я вполнѣ убѣжденъ, что всякая другая желѣзная дорога, при построеніи которой будутъ соблюдаемы справедливость, порядокъ и публичность, т. е. гласность, можетъ ожидать значительнаго содѣйствія именно отъ нисшихъ классовъ народа».

Слѣдующіе восемь мѣсяцевъ 1837 года были ознаменованы усиленною дѣятельностью по всему протяженію желѣзно-дорожной линіи. Въ городѣ ходили слухи о скоромъ открытіи движенія по всей линіи; желѣзно-дорожный вопросъ занималъ всѣ сословія. 16-го августа 1837 года въ домѣ Коммерческаго общества происходило первое собраніе акціонеровъ. Изъ журнала засѣданія видно, что первымъ и существеннѣйшимъ вопросомъ была значительная разность въ дѣйствительной стоимости сооруженія дороги противъ первоначальныхъ смѣтъ Герстнера. Причины тому были самыя уважительныя: внезапное, непредвидѣнное вздорожаніе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей; тройственная противу смѣты стоимость построекъ—

преимущественно станцій въ г. Царскомъ Селѣ и въ городѣ Павловскѣ и проч. *.

Предложеніе Герстнера взять на откупъ всю линію построенной имъ желѣзной дороги было отклонено; тѣмъ не менѣе, отдавая должную справедливость неутомимой энергіи и добросовѣстности строителя, общество, изъявляя ему свою признательность, предполагало поручить ему управленіе дорогою... Однако, изъ 186 голосовъ 154 поданы были въ пользу собственнаго управленія.

«Вслѣдствіе газетныхъ статей о пробныхъ поѣздахъ,— разсказываетъ Герстнеръ,—стеченіе публики къ желѣзной дорогѣ было громадное **. Я самъ долженъ былъ принимать на себя управленіе поѣздами. Вниманіе мое было обращено преимущественно на отклоненіе несчастныхъ случаевъ, ибо вся окрестность, кровли сосѣднихъ домовъ и весь путь были загромождены несмѣтными толпами народа, смотрѣвшими съ удивленіемъ на небывалое зрѣлище. Мнѣ ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ совершать поѣздки на каждомъ паровозѣ и я, такимъ образомъ, въ первые пять дней проѣхалъ по пятиверстному разстоянію 116 разъ, и смѣю увѣрить, что никакихъ безпорядковъ, ни несчастій не случилось. Однако подобныя усилія мог-

---

* Проложеніе дороги, настилка полотна, кладка рельсовъ, мосты, постройка зданій станцій и сторожевыхъ домиковъ, стоимость подвижнаго состава, все это, вмѣсто предположенной по смѣтѣ суммы 3.000,000 руб., обошлось въ 3.431,600 руб. 98 коп.

** Сборъ отъ движенія [съ 28 ноября 1836 г. по іюль 1837] простирался до 6,614 р. 89 коп. [число билетовъ всѣхъ классовъ 12,689]. Сборъ отъ движенія пробныхъ поѣздовъ съ 25 сентября по 24 октября 1837 г. [на первыхъ пяти верстахъ отъ Петербурга]— 36,065 р. 94 к. [число билетовъ 28,987].

ли надломить и самую крѣпкую натуру, и 3-го октября 1837 г., ѣдучи на паровозѣ при шестомъ поѣздѣ, я получилъ сильный ушибъ въ грудь, лишившій меня возможности продолжать управленіе поѣздами» *.

30-го октября 1837 года происходило торжественное открытіе всей линіи Царскосельской желѣзной дороги, со столь великимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся публикою. Къ этому торжеству дирекціею акціонернаго общества были приглашены Предсѣдатель и Члены Государственнаго Совѣта, Министры, члены Дипломатическаго Корпуса и многія высокопоставленныя лица и представители именитыхъ купеческихъ домовъ. Гости съѣхались около полудня въ зданіе станціи, находившееся тогда на дворѣ полковой церкви лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Поѣздъ состоялъ изъ 8 вагоновъ, изъ которыхъ нѣкоторые были построены въ Серенгѣ [Seraing], въ Бельгіи, другіе въ Дублинѣ, верхнія же ихъ части въ Брюсселѣ и Петербургѣ. Паровозы, на которыхъ въ этотъ день совершалось движеніе, были сооружены въ мастерскихъ Стефенсона въ Ньюкэстлѣ. Въ 12½ часовъ поѣздъ, управляемый лично Герстнеромъ, тронулся въ путь и въ 35 минутъ времени отъ Петербургской станціи прибылъ къ гостинницѣ Царскаго Села. Во время дороги всѣ пассажиры выражали свое удивленіе «громаднымъ работамъ»

* Причиною этого несчастнаго случая, при которомъ Герстнеръ рисковалъ своею жизнію, было неудобное устройство паровозовъ, которые тогда еще далеко не были доведены до того состоянія, въ которомъ они находятся нынѣ: поршни, приводящіе въ движеніе колеса локомотива, были въ передней его части. При малѣйшей неосмотрительности машиниста, поршень своимъ розмахомъ могъ не только ударить, но и убить наповалъ.

по сооруженію, въ особенности же проведенію плотины чрезъ болотистую мѣстность, которую желѣзная дорога пересѣкаетъ по прямой линіи.

По прибытіи въ Царское Село, общество высадилось на галлерею станціи и размѣстилось въ двухъ большихъ залахъ, въ которыхъ былъ приготовленъ роскошный завтракъ [déjeuner à la fourchette]. По окончаніи онаго и по провозглашеніи разныхъ тостовъ, поѣздъ отправился въ обратный путь, и Герстнеръ доказалъ присутствующимъ степень быстроты, до которой можетъ быть доведена ѣзда на паровозахъ, совершивъ обратный путь въ 28 минутъ; протяженіе дороги—почти 21½ версты и, такимъ образомъ, скорость движенія при благопріятныхъ условіяхъ пути можно было полагать 1 версту въ минуту или 60 верстъ въ часъ. Быстрота, удобство и безопасность сообщенія до того восхитили участвовавшихъ въ поѣздѣ, что они, по прибытіи на Петербургскую станцію, единодушно прокричали троекратное «ура!»

Ко дню открытія дороги была вычеканена, въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ, для раздачи присутствовавшимъ, бронзовая медаль, заказанная въ Берлинѣ граверамъ Гельду и Кёнигу. Медаль эта, нынѣ нумизматическая рѣдкость, имѣетъ 6 центиметровъ въ поперечникѣ и 5 миллиметровъ толщины. На лицевой сторонѣ изображены, въ мундирахъ ихъ временъ, Императоры Петръ Великій и Николай I, стоящіе по правую и по лѣвую руку Россіи, изображенной въ видѣ Цибеллы. Внизу подпись:

«Первая желѣзная дорога отъ
Санктпетербурга до
Павловска открыта
30-го октября 1837 г.».

Надпись кругомъ: «Николай I, достойный преемникъ Петра Великаго, ввелъ въ Россіи желѣзныя дороги». [мелкимъ шрифтомъ: g. Loos dir. König fec.].

На оборотной сторонѣ: изображеніе локомотива съ подписью: «Основатели первой желѣзной дороги графъ Алексѣй Бобринскій, Бенедиктъ Крамеръ, И. I. К. Плиттъ» [мелкимъ шрифтомъ: L Held. fec.]. Надпись кругомъ: «Строителемъ первой желѣзной дороги былъ Францъ Герстнеръ, родомъ чехъ, единоплеменный Россіянамъ».

Эта медаль, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не удостоилась однако Высочайшаго одобренія, и раздача ея была воспрещена. Единственный вызолоченный ея экземпляръ вдѣланъ въ мраморную доску залы общаго собранія правленія общества Царскосельской желѣзной дороги, на главной станціи, въ С.-Петербургѣ *.

При видѣ нынѣшней станціи—обширнаго каменнаго зданія, нельзя не вспомнить, что первоначальная станція была деревянная, весьма неприглядная; вся ея окрестность представляла унылый видъ; о великолѣпной церкви лейбъ-гвардіи Егерскаго полка еще не было и помину. Во время поѣздовъ желѣзной дороги толпы народа сбѣгались на Семеновскій плацъ и дивились «машинѣ», которая, даже для средняго класса, была невидальщиною. Тысячи лубочныхъ картинъ и миткалевыхъ носовыхъ

* Герстнеръ скончался въ Америкѣ въ 1869 г., послѣ тяжкихъ страданій вслѣдствіе размягченія мозга. Признательное къ его несомнѣннымъ заслугамъ общество Царскосельской желѣзной дороги украсило его портретомъ залу своего собранія. Нынѣ, при возрастающемъ числѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, личность Герстнера не должна быть забыта.

платковъ знакомили наше простонародье съ изображеніемъ паровоза; на листкахъ почтовой бумаги, на конфектныхъ коробкахъ, появились также его изображенія; на сценѣ Александринскаго театра давали водевиль à-propos: «Поѣздка въ Царское Село», въ которомъ главную роль игралъ паровозъ. Мнѣнія о желѣзной дорогѣ были самыя разнорѣчивыя; большинство смотрѣло на нее какъ на затѣйливую игрушку, люди стараго закала изъ простаго народа видѣли въ ней «знаменіе времени— что-де ужъ нынѣ люди, не къ добру, больно хитры стали»...

Въ первые годы желѣзная дорога, разумѣется, не принесла тѣхъ выгодъ, которыя можно было ожидать отъ нея въ будущемъ. Публику привлекали покуда не Павловскъ, не Царское Село, т. е. не цѣль поѣздки, но самая поѣздка. Въ Павловскомъ воксалѣ были три фонтана и игралъ оркестръ странствующихъ музыкантовъ. На Петербургской станціи, около часовъ, поставлена была ручная шарманка. Хотя осенняя пора, въ которую открыта желѣзная дорога, и не могла привлекать значительнаго числа публики, однако же въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1837 года, то есть первыхъ трехъ мѣсяцевъ открытія всей линіи дороги отъ Петербурга до Царскаго Села, число пассажировъ было 8,438, при сборѣ въ 14,311 р.

Въ исходѣ того же 1837 года опредѣлились отношенія общества Царскосельской желѣзной дороги къ городу Павловску. Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ были утверждены статьи обязательства, которое, по случаю отведенія въ Павловскомъ паркѣ земли для устройства желѣзной дороги и другихъ для оной построекъ, было

принято на себя правленіемъ общества Царскосельской желѣзной дороги.

Этимъ «обязательствомъ», между прочимъ, опредѣленъ былъ весьма скромный размѣръ [по 20 коп. ассигн.] ежегодной платы общества Павловскому Городовому Правленію за каждую квадратную сажень земли, отошедшей подъ дорогу и принадлежащія къ ней постройки. «Въ случаѣ, еслибы, по какимъ либо непредвидимымъ обстоятельствамъ, признано было необходимымъ уничтожить желѣзную дорогу, тогда общество, лишаясь права передать возведенныя въ паркѣ строенія кому-либо другому, обязуется уступить ихъ городу Павловску, по взаимному съ Павловскимъ Городовымъ Правленіемъ соглашенію, или снести всѣ строенія въ теченіе одного года, заплативъ при томъ Городовому Правленію, на засѣяніе вырубленнаго мѣста и подсадку лѣса, пять тысячъ рублей».—Если общество, получивъ въ займы отъ казны 1.500,000 руб., окажется въ платежѣ ихъ неисправнымъ, тогда, на основаніи Высочайшаго указа, по случаю сего займа послѣдовавшаго на имя Министра Финансовъ, 7-го ноября 1837 года, все имущество Общества должно быть отдано на откупъ, или поступить въ казенное управленіе, дабы все обязательство въ отношеніи общества къ казнѣ соблюдено было безпрекословно.

«Возведенныя обществомъ зданія и возвышенную въ паркѣ дорогу обязано оно содержать во всегдашней исправности».

Общество обязано имѣть попеченіе о соблюденіи чистоты по всему пространству дороги, пролегающей чрезъ принадлежащія Павловскому Городовому Правленію мѣста, а также и въ строеніяхъ, имъ возведенныхъ; «обязательствомъ» были опредѣлены: пользованіе обществомъ разными мѣстами внѣ парка на землѣ, Павловску принадлежащей, подъ склады топлива и проч.; обязанности по содержанію въ паркѣ гостинницы и отношенія по сему предмету къ полиціи города Павловска. Въ заключеніе было сказано: «Его Императорское Высочество, или его наслѣдникъ, предоставляютъ себѣ личное право приказать снести находящуюся въ Павловскомъ паркѣ гостинницу [т. е. воксалъ] со всѣми строеніями и желѣзною дорогою, если правленіе общества не выполнитъ всѣхъ вышеизло-

женныхъ обязательствъ и будутъ такіе случаи, отъ которыхъ очевидно произойдетъ въ паркѣ и садахъ значительное разстройство».

Первое десятилѣтіе эксплуатаціи Царскосельской желѣзной дороги заслуживаетъ нѣсколькихъ замѣтокъ.

—Съ 30-го января 1838 г. ежедневныя поѣздки изъ Петербурга въ Царское Село совершались на лошадяхъ; съ 4-го апрѣля правленіе дороги нашло возможнымъ употреблять исключительно одни паровозы. Въ теченіе 27-ми дней, съ 4-го по 30-е апрѣля, проѣхало по дорогѣ 13,923 пассажира.

Открытіе постояннаго движенія паровозами между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ послѣдовало только 22-го мая 1838 г.; съ этого-же числа начались увеселенія въ воксалѣ, состоявшія изъ оркестра музыки, иллюминацій и фейерверковъ; кромѣ того, пѣли цыгане и проч. Оркестромъ въ 1838—1844 гг. дирижировалъ Германъ.

—«Не смотря на увеселенія, предоставлявшіяся публикѣ въ Павловскомъ паркѣ», сказано было въ отчетѣ за 1838 г., «число пассажировъ между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ было гораздо значительнѣе, нежели между Петербургомъ и Павловскомъ; первое составляло 333,055, не считая проѣзжавшихъ чрезъ Царское Село въ Павловскъ, а послѣднее только 136,445, слѣдственно немного болѣе четвертой части общаго движенія. Это можетъ служить ручательствомъ за прочность предпріятія желѣзной дороги, такъ какъ оно видимо основывается не на одномъ только стремленіи къ удовольствію, какъ многіе полагали, но главнѣйше—на дѣйствительной потребности, независящей отъ случайныхъ причинъ».

Въ первый годъ [1837—1838] эксплуатаціи, по всей линіи проѣхало 707,091 пассажиръ и получено сбору 920,237 р. 20 коп. ассиг.

На зимній сезонъ съ 1838 на 1839 г. правленіе общества пригласило для концертовъ въ Павловскомъ воксалѣ знаменитаго Лабицкаго, но уже 16-го января 1838 г. его концерты прекратились и правленіе общества рѣшило, разъ навсегда, открывать воксалъ для гульбища только отъ весенняго до осенняго времени.

21-го мая 1839 г. на Царскосельской станціи случилось несчастіе, стоившее жизни управляющему дорогою Фасману и оберъ-кондуктору Бушу. Это событіе навело на публику панику, отразившуюся на сборѣ. Съ 11-го по 20-е мая онъ простирался до 14,653 р. сер., а съ 22-го мая по 1-е іюня понизился до 9,136 р.

Всего проѣхало въ 1839 году 521,882, а въ 1840 году—606,627 пассажировъ.

11-го августа 1841 г. произошло столкновеніе поѣздовъ, везомыхъ локомотивами Богатырь и Левъ. Жертвами катастрофы было шесть человѣкъ убитыхъ и восемьдесятъ изувѣченныхъ и раненыхъ. Ужасъ объялъ жителей столицы; враги и недоброжелатели желѣзнодорожнаго предпріятія торжествовали. Это прискорбное событіе сильно отразилось на эксплуатаціи дороги. Количество пассажировъ, по крайней мѣрѣ въ первыя недѣли послѣ катастрофы, уменьшилось на половину. Любопытны нѣкоторыя мѣры, принятыя правленіемъ общества послѣ помянутаго несчастія: машинисты-англичане замѣнены — нѣмцами, удовольствовавшимися жалованьемъ на половину менѣе противъ первыхъ, и замѣненъ коксъ

для отопленія машинъ—дровами. Любопытно, что отношеніе выгоды этого способа оказалось какъ 13: 27 и общество признало приспособленіе дровъ къ топкѣ паровозовъ «весьма важнымъ нововведеніемъ, особенно въ Россіи». Это было въ 1841 году. Нынѣ, какъ извѣстно, вопросъ этотъ рѣшенъ совершенно въ обратномъ смыслѣ и, въ виду опустошенія лѣсовъ, при возрастающемъ количествѣ желѣзнодорожныхъ путей, отопленіе паровозовъ каменнымъ углемъ и коксомъ признано выгоднѣйшимъ.

Въ теченіе 1841 года по всей линіи проѣхало 599,161 пассажировъ, т. е. почти на восемь тысячъ менѣе противу предъидущаго года.

3-го января 1843 года почти весь Павловскій воксалъ сгорѣлъ. Къ 13-му мая того же, 1843-го года зданіе воксала было возобновлено и открыто.

Въ 1847 году по линіи Царскосельской желѣзной дорогѣ проведенъ электро-магнетическій телеграфъ по системѣ Морзе.

Въ 1849—1852 гг. выстроены каменныя зданія С.-Петербургской и Царскосельской станцій.

Съ 1845 по 1848-й годъ включительно оркестромъ въ Павловскомъ воксалѣ дирижировалъ Іоганнъ Гунгль; въ 1849 г.—Гильманъ; преемникомъ его съ 1850 г. до 1855 г. былъ Іосифъ Гунгль.

Въ 1856—1864 гг. Павловскимъ оркестромъ управлялъ Іоганнъ Штраусъ, даровитый сынъ того самаго композитора, котораго вальсы раздавались въ Павловскомъ воксалѣ въ первый годъ его открытія — двадцать пять лѣтъ предъ тѣмъ.

Достойно замѣчанія, что только съ 1859 г. на Царскосельской желѣзной дорогѣ являются въ вагонахъ третьяго

класса скамьи для сидѣнья пассажировъ; до этого времени лица ѣхавшія въ третьемъ классѣ совершали путь стоя, въ открытыхъ вагонахъ.

Въ 1860 г. устроенъ въ Павловскѣ, близь воксала газовый заводъ и съ сентября начались, какъ освѣщеніе воксала, такъ и иллюминаціи, производиться газомъ.

Съ 1865-го по 1877-й годъ включительно на эстрадѣ оркестра Павловскаго воксала смѣнились: Эдуардъ и Іоганнъ Штраусы; Фюрстно; Іоганнъ и Іосифъ Штраусы; Мансфельдъ, Бильзе, Арбанъ и Лангенбахъ.

Въ 1876 г. выстроенъ близь воксала Театръ.

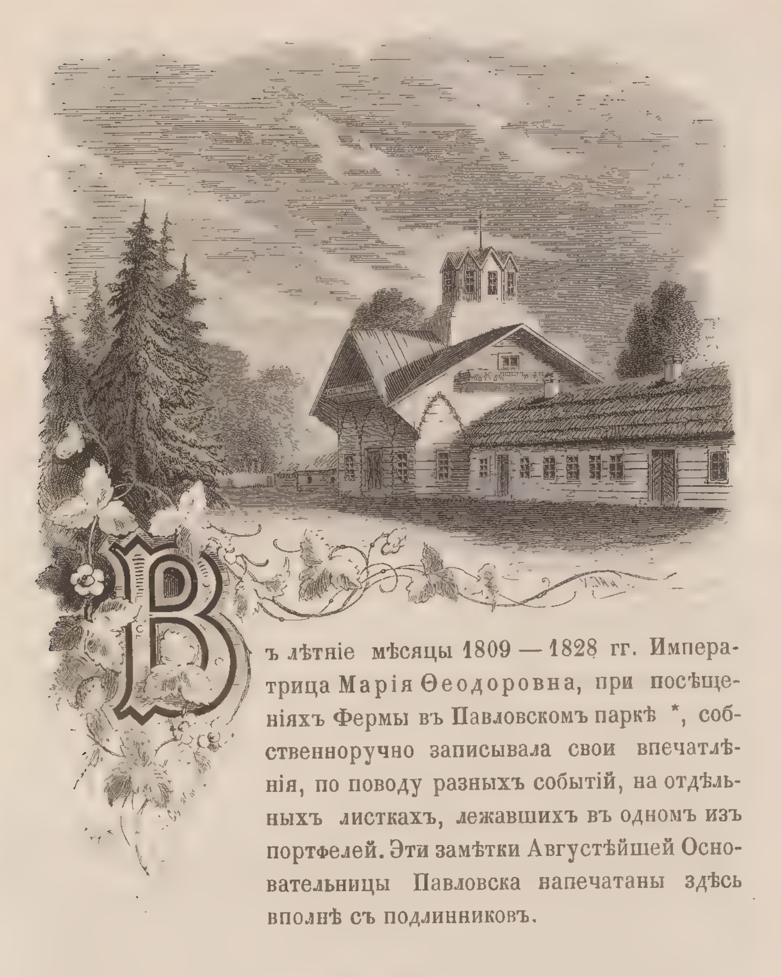
Изящное двухъ-этажное зданіе Павловскаго Театра, въ русскомъ стилѣ, выстроено по плану архитектора Н. Л. Бенуа, утвержденному Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

5-го іюня 1876 г. осуществилось намѣреніе строителя Царско-Сельской дороги Герстнера, высказанное имъ тридцать лѣтъ предъ тѣмъ [см. выше, стр. 476]: открыта вторая линія желѣзной дороги между Петербургомъ и Павловскомъ.

Всего съ 1838-го по 1-ое апрѣля 1877 года по старѣйшей въ Россіи желѣзной дорогѣ проѣхало пассажировъ 30.967,292.

ВОКСАЛЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.



Въ лѣтніе мѣсяцы 1809 — 1828 гг. Императрица Марія Θеодоровна, при посѣщеніяхъ Фермы въ Павловскомъ паркѣ *, собственноручно записывала свои впечатлѣнія, по поводу разныхъ событій, на отдѣльныхъ листкахъ, лежавшихъ въ одномъ изъ портфелей. Эти замѣтки Августѣйшей Основательницы Павловска напечатаны здѣсь вполнѣ съ подлинниковъ.

1809.

Je suis arrivée à mon cher Pavlovsk le 18 Mai, mais quoique à la porte de la ferme plusieurs fois, je n'ai eu qu'aujourd'hui, samedi, le moment d'entrer dans le salon; je bénis Dieu de me retrouver ici; je le

* Ферма изображена здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ была въ первые годы текущаго вѣка при Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.

bénis du bonheur de ma chère Caton que j'y amène, mariée, contente et heureuse; je recommande ma bonne Marie à la Providence; veuille l'Etre Suprême la ramener dans mes bras; elle m'a quittée ce 7 Mai vendredi à Kaskova pour retourner à Weimar.

— —

Quitté mon cher Pavlovsk et ma jolie ferme ce 12 Septembre dimanche 1809 avec le même regret, que j'éprouve toujours en m'éloignant d'ici; ma chère Caton a quitté Pavlovsk ce 13 Août; veuille le ciel m'y rejoindre avec elle, me conserver mes chers et bons enfants et nous y réunir l'année prochaine.

1810.

Revu ma chère ferme ce 24 Mai 1810 mardi avec le même sentiment de satisfaction, que j'éprouve chaque fois que j'y suis: je suis arrivée à Pavlovsk le 18 Mai mercredi; le mauvais temps m'a empêchée de venir à la ferme plus tôt. Je bénis Dieu de me retrouver ici, et le bénis surtout de la bonne santé de mes chers et bien aimés enfants, présents et absents.

Je suis venue dire adieu à ma jolie ferme ce 25 Septembre lundi soir 1810, quittant Pavlovsk demain avec le même sentiment de profonde gratitude pour l'Etre Suprême des bienfaits qu'il m'accorde journellement par l'amour et la tendresse de mes enfants et avec une confiance plénière dans la bonté divine. Veuille la bonne Providence me ramener l'année prochaine avec tous mes bons enfants à mon cher Pavlovsk.

1811.

Revu ma chère ferme ce 25 Mai 1811 lundi au soir avec le même sentiment de gratitude pour l'Etre Suprême et je le bénis surtout de

m'y ramener avec mes enfants, que j'ai le bonheur d'avoir encore avec moi et de la bonne santé de mes chers enfants absents.

Dit adieu à ma jolie ferme ce 27 Septembre peu de moments après avoir reçu l'heureuse nouvelle de la délivrance heureuse de ma bonne et chère Marie et de la naissance de ma seconde petite-fille, aussi le coeur pénétré de reconnaissance pour ces nouveaux bienfaits de la Providence. Veuille l'Etre Suprême me conserver mes bons enfants, mes petits-enfants, les bénir, veiller à leur bonheur, surtout à celui de mon cher Alexandre et me ramener ici heureuse et bien portante avec tous les chers miens.

1812.

Arrivée à Pavlovsk mardi 4 Juin 1812 et revu ma chère ferme le samedi 8. Je me retrouve dans ce lieu si cher, que j'affectionne tant sans pouvoir me laisser ni au contentement, ni à cet heureux sentiment de calme que j'y apporte chaque fois, car mon coeur et mon esprit est préoccupé par les circonstances si pénibles du moment et par les angoisses des événements futurs. Que Dieu veille sur mon cher Alexandre, le couvre de son égide et bénisse toutes ses intentions, qu'il le ramène dans mes bras, heureux du bonheur de notre patrie. Je recommande à la bonne Providence et mon cher Constantin et ma bonne Marie; veuille l'Etre Suprême nous protéger.

Quitté mon cher Pavlovsk et ma jolie ferme ce 16 Juin 1812 dimanche, après avoir reçu hier matin la nouvelle du commencement des hostilités par les Français; mon fils voulant que je m'établisse en ville, je pars cet après-dîner pour le palais Taurique; je pars le coeur angoissé et livré aux plus vives inquiétudes, mais rempli de confiance dans l'Etre Suprême, qui protégera mes chers et bien aimés

enfants et fera triompher notre bonne cause. Grand Dieu! veille sur lui et conduis les choses. Etre Suprême, que ta volonté soit faite!

Revu ma chère ferme pour un instant ce 5 Juillet vendredi dans l'après-dîner 1812, mais je ne porte pas ce sentiment de plaisir et de contentement qui m'y accompagne toujours. Notre lutte dure déjà 23 jours; que Dieu nous protége et veille sur mes fils et leur accorde bonheur et succès: j'en ai l'espoir et toute confiance dans la bonté divine.

Revu ma chère ferme ce vendredi 9 Août, pleuré toute seule, préoccupée des événemens de la guerre, mais mon espoir, ma confiance en Dieu et celle que la valeur de nos belles et braves troupes autorise me fait présager une fin glorieuse à cette terrible lutte.

Revu cette chère ferme ce 23 Août, le cinquième jour des couches de ma chère et bien aimée Caton, qui m'a donné jeudi 18 de ce mois à $4^3/_4$ du soir un petit-fils, beau et bien portant; mon coeur profondément reconnaissant pour l'Etre Suprême de ce nouveau grand bienfait, éprouve un bonheur qui ne s'exprime pas, mais qui se sent d'autant plus vivement

1813.

Je suis venue m'établir à mon cher Pavlovsk le vendredi 9 Mai; j'ai revu ma jolie ferme le dimanche 11 Mai 1813, après avoir éprouvé bien des inquiétudes, bien des peines, mais le coeur pénétré de gratitude et de reconnaissance pour l'Etre Suprême, qui a sauvé notre chère patrie et a choisi mon fils, mon cher Alexandre, pour être le libérateur de l'humanité. Dieu tout puissant, conserve lui ta bénédiction et couvre le de ton égide. Quoique certainement remplie de con-

fiance dans la Providence, qui a fait des miracles pour nous, et d'espérance, j'avoue cependant que mon coeur est très préoccupé et très inquiet de cette lutte sanguinaire et cruelle, à laquelle mon Alexandre est exposé. Grand Dieu, protége le de même que mon cher Constantin et ramène les dans mes bras, afin que je revoie l'Empereur heureux du bonheur qu'il aura rendu à l'Europe!

Je dis adieu à ma chère ferme ce 17 Septembre 1813 mercredi et recommande à l'Etre Suprême mon cher Empereur. Grand Dieu, veille sur ses précieux jours, fais lui terminer heureusement cette lutte sanguinaire, et ramène le dans mes bras maternels, heureux du bonheur qu'il aura rendu à l'humanité; je recommande à Dieu tous mes chers enfants et le prie de nous réunir tous ici l'année prochaine.

1814.

Revu ma chère ferme pour un instant le 15 Mai vendredi 1814; s'il plaît à Dieu je m'établirai bientôt à mon cher Pavlovsk.

Je suis venue m'établir à mon cher Pavlovsk le 21 Mai jeudi soir 1814 et je suis venue à la ferme ce dimanche 24 au matin avec ma chère Annette, le coeur pénétré de reconnaissance pour l'Etre Suprême des bienfaits innombrables, qu'il nous a accordés en nous conservant notre cher Empereur et en le rendant le libérateur de l'Europe; sa gloire est à son comble, car elle se base sur toutes les vertus morales. La paix est dans ce monde, l'usurpateur est renvoyé du continent et la France, rappellant son souverain légitime, donne l'espérance du retour à la religion et aux moeurs. Que Dieu me ramène mon cher Alexandre, Constantin, mes chers fils cadets, qu'il nous réunisse tous et je n'aurai alors de voeux à former que pour leur conservation et le bonheur de l'Etat.

Je suis venue dire adieu à ma chère ferme ce lundi, 14 Septembre 1814, quittant dans peu de moments mon cher Pavlovsk avec bien du regret, mais le coeur pénétré de reconnaissance pour l'Etre Suprême de tout le bonheur dont j'y ai joui cette année, ayant eu celui de voir mon fils, mon cher bien aimé Alexandre le 12 Juillet et de le voir au comble de la gloire, après avoir donné la paix à l'univers. Veuille la Providence me ramener encore à mon cher Pavlovsk avec tous mes bons enfants et nous accorder à tous sa sainte bénédiction.

1815.

Revu ma chère ferme ce mercredi, 26 Mai 1815, après m'être établie à Pavlovsk le dimanche 16, mais le mauvais temps m'a empêchée de venir plus tôt à la ferme. Je me retrouve ici sous des auspices bien différens de l'annee passée, où tout était bonheur et l'attente la plus heureuse, celle de revoir mon cher Alexandre, Constantin, Nicolas, Michel, l'agrandissait encore. La paix et le calme étaient rendus à l'univers et nous sommes présentement à la veille d'une nouvelle lutte; je suis éloignée de mes quatre fils, qui tous seront exposés, si la guerre éclate. Grand Dieu, soutiens mon courage, affermis ma résignation; mon sacrifice est grand, sanctifie le par ta miséricorde; prends sous ta protection notre cher Empereur, couvre le de ton égide, rends le une seconde fois le libérateur de l'Europe, ramène le dans mes bras, de même que mes autres trois fils; que je les revoie tous, heureux d'avoir rempli leurs devoirs; daigne, Grand Dieu, me rendre Nicolas et Michel avec l'Empereur, innocents et vertueux, avec les mêmes principes avec lesquels je les ai vus partir et je te bénirai journellement!

Je quitte mon cher Pavlovsk ce mardi, 14 Septembre 1815, et je le quitte en bénissant l'Etre Suprême de nous avoir épargné la lutte

dangereuse, dont nous étions menacés ce printems; je le bénis de n'avoir pas eu à craindre les dangers de la guerre pour l'Empereur et pour mes autres fils; je le bénis des nouveaux bienfaits que sa miséricorde a accordés à la bonne cause et de l'espoir de revoir bientôt mon cher Alexandre et mes autres enfants. .Veuille l'Etre Suprême hâter cet instant, heureux objet de tous mes voeux, de mes prières, et nous ramener tous ensemble ici l'année prochaine. Grand Dieu, daigne nous conserver à tous tes saintes bénédictions!

1816.

Revu ma chère ferme hier le 18 et aujourd'hui le 19 Mai 1816 avec un sentiment d'une bien vive satisfaction et de la plus profonde reconnaissance de m'y trouver avec ma bonne Marie et son mari, Anne et son brave et estimable époux, avec Guillaume, d'y être arrivée avec mon Alexandre et de me trouver la plus heureuse des mères, jouissant avec calme de tous les charmes attachés à ce sentiment.

Je quitte ma chère ferme ce 19 Septembre 1816 mardi, après y avoir passé quatre mois, dont les premiers surtout ont été une époque de bonheur pour moi, par ma réunion avec ma bonne et chère Marie, par la vue du bonheur de mon Annette; séparée d'elles deux et de mon cher Nicolas, mon coeur a bien souffert, mais je nourris l'espoir fondé sur la bonté de cette Providence, qui m'a déjà accordé tant de bienfaits, de me réunir encore une fois tous mes enfants dans ce charmant séjour. Je bénis l'Etre Suprême des bons et heureux moments, dont j'ai joui cette année et lui demande avec instance la conservation de tous mes chers enfants, le bonheur constant de mon cher Alexandre, et de me ramener l'année prochaine, heureuse par mes enfants, à mon cher Pavlovsk.

1817.

J'ai revu ma chère ferme ce 16 Mai, mercredi, après être arrivée ici le dimanche 13 au soir, pour m'y retrouver avec le même plaisir que toujours et remerciant Dieu d'y être avec mes deux fils, mon cher Nicolas m'étant revenu, et de savoir mon cher Alexandre près de moi à Zarskoé Sélo; je le bénis du bonheur et de la santé de tous mes enfants, de l'heureuse délivrance de mon Annette, de la naissance de son fils et du bonheur qui attend mon Nicolas; je le bénis surtout de la paix qui règne partout et que nous devons aux soins de notre cher Empereur.

Je viens dire adieu à ma chère ferme ce 7 Septembre, vendredi 1817, le coeur bien reconnaissant à l'Etre Supréme de mon séjour à mon cher Pavlovsk, du bonheur de m'y être trouvée avec mon cher Alexandre, tous mes chers fils, de voir Nicolas heureux de son union et de trouver en Alexandrine une fille que je chéris tendrement.

Veuille l'Etre Suprême m'y ramener avec eux, conserver tous mes chers enfants et nous accorder à tous sa bénédiction et protection!

1818.

Enfin j'ai joui du plaisir d'être établie à mon cher Pavlovsk depuis le dimanche, 28 Juillet, 1818, et j'écris ces lignes le 31 Juillet, n'ayant pu venir plus tôt à ma chère ferme. Mon établissement à mon cher Pavlovsk a été retardé parceque mon retour de Moscou n'a eu lieu que le 20 Juin; le 21 je reçus la visite du Roi, le 22 j'en suis repartie pour la ville où la rougeole de mon fils Nicolas et de ma belle-fille m'ont retenue pendant tout ce tems en ville et je n'ai fait que des apparitions momentanées à Pavlovsk, pour quelques heures. J'y ai couché, il est vrai, la nuit du 22 au 23, mais le tems ne m'a pas permis d'y arriver. Enfin je m'y retrouve, heureuse et profondément

reconnaissante à la bonté divine, qui m'a fait passer bien agréablement et même à mon entière et vive satisfaction mon séjour de Moscou, où mon cher Nicolas est devenu père d'un superbe fils, sans que la santé de notre chère Alexandrine en ait souffert. Arrivée ici le 20 Juin, j'ai reçu la nouvelle de l'heureuse délivrance de Marie d'un fils, auquel Dieu a conservé l'existence et à la mère, les deux ayant été cependant bien en danger de la perdre, et celle de Catherine d'une fille Que d'actions de reconnaissance à rendre à l'Etre Suprême; aussi je le remercie de ses bienfaits du fond de mon coeur, comme d'avoir fait passer la rougeole à mes deux enfants; ils l'ont eue avec moi de leur délicieux enfant que je recommande à la protection divine. Mon bon Michel est en Angleterre; il se porte bien. J'attends d'un instant à l'autre la délivrance de mon Annette, et s'il plaît à Dieu ce sera une nouvelle source de bonheur pour moi. Mon cher Alexandre est à Zarskoé Sélo et se porte bien; tous mes enfants de même; la paix règne en Europe, l'année paraît être fertile—heureuse et fertile; ainsi mon âme se livre à la douce satisfaction du bonheur particulier et général; veuille l'Etre Suprême me le conserver.

Je suis venue dire adieu à ma chère ferme ce lundi, 26 Août, 1818, veille de mon départ pour les pays étrangers. J'éprouve un serrement amer en pensant que je serai pour quelque tems [loin] de ma patrie, cependant j'ai en perspective le bonheur d'embrasser mes trois filles et mes onze petits-enfants. Veuille Dieu me ramener d'après mes voeux le 21 Décembre à mon cher Petersbourg! Je pars avec la persuasion intime de la protection divine, que j'implore pour mon cher Empereur, tous mes enfants et je suis rassurée.

1823.

Je suis venue m'établir à mon cher Pavlovsk le 17 Mai, jeudi au soir, 1823, bien contente et heureuse de m'y retrouver et de n'avoir que

des actions de grâce à rendre à l'Etre Suprême de la conservation de bonne santé de mes enfants. Notre cher Empereur et l'Impératrice se trouvent à Zarskoé Sélo. Alexandrine et ses trois beaux enfants sont chez moi. Nicolas fait une course d'équitation. Michel va et vient; il a été passer quatre jours chez moi et puis il est retourné à ses devoirs; la jolie petite Olga y fait son premier séjour; j'ai déjà été quelquefois ici, mais je n'ai pu écrire, l'encre manquait; ce n'est qu'aujourd'hui mercredi, 23 Mai, que je trace ces lignes, le coeur profondément touché des bontés de la Providence, de ses bienfaits, et m'en remettant avec toute confiance à sa miséricorde et sainte volonté.

Je quitte mon cher Pavlovsk et ma jolie ferme ce dimanche, 12 Septembre 1823 après le dîner, le coeur pénétré de reconnaissance d'y avoir passé un couple de mois bien agréablement; je demande à l'Etre Suprême de daigner m'y ramener l'année prochaine avec mes chers enfants et d'y voir Alexandrine entourée de quatre enfants, après lui avoir accordé une heureuse délivrance, ainsi qu'à ma chère Annette, dont la grossesse me prive du bonheur de la voir cet automne. Je me recommande, mes enfants, les deux mères et bien particulièrement notre cher Empereur à la bénédiction de la divine Providence et m'en remets avec confiance sincère à la volonté Suprême, ne voulant pas en avoir d'autre que la sienne.

1824.

Je suis venue m'établir à mon cher Pavlovsk ce 13 Mai 1824 et j'ai revu ma chère ferme le [lacune dans le texte]; je bénis le ciel de me retrouver ici et de m'y voir avec mes enfants, d'en voir augmenter le

nombre par le mariage de Michel avec notre aimable Hélène: je n'ai pas le bonheur de voir notre chère et bien aimée Alexandrine entourée de quatre enfants, ses couches ayant été malheureuses, et je pleure amèrement un petit fils venu mort au monde. Mon hiver a été marqué par des inquiétudes bien vives pour Michel, qui a fait une maladie dangereuse; ensuite, j'ai eu la douleur de voir notre cher et bien aimé Empereur malade d'une éruption à la jambe; je l'ai vu étendu sur un canapé pendant six semaines. Sa santé est bonne dans ce moment, mais la jambe demande et exige beaucoup de ménagement. Enfin, j'ai vu mourir ma pauvre chère belle-soeur d'une éruption à la tête le 2 Mars, le dimanche au soir; cruel et déchirant spectacle pour nous et plus affreux encore pour son mari, ses enfants et surtout pour sa pauvre fille; mon hiver a donc été bien triste; je recommande mes enfants et moi à la protection de l'Etre Suprême et adore ses décrets.

Ce 18 Septembre jeudi. Je compte s'il plait à Dieu quitter mon cher Pavlovsk et ma jolie ferme demain vendredi, 19 du mois 1824; je remercie Dieu de m'y avoir fait passer heureusement cet été en voyant la bonne santé de mes bons et chers enfants. Je demande à l'Etre Suprême de m'y ramener l'année prochaine; j'ai l'espoir d'y voir passer quelque tems ma chère Annette et Guillaume et peut-être ma bonne Marie; le ciel aura accordé une heureuse délivrance à Hélène; j'aurai donc le bonheur de me voir un petit-enfant de plus. Je remercie le Ciel du bonheur qui m'attend et surtout des bonnes nouvelles, que je reçois de Kief et de la santé de notre cher Empereur et de Wurtemberg et de l'Impératrice; j'espère embrasser l'Empereur le 22 Octobre à Gatchina; puissions nous tous être encore ici l'année prochaine. Je me recommande avec tous mes enfants à la protection de ce Dieu, que je respecte, que j'aime et auquel je remets mon sort avec l'abandon de la confiance.

1825.

Je suis arrivée ici à Pavlovsk le 15 Mai, vendredi, 1825, pour m'y établir; le lendemain, 16,—mes deux chères filles, le Prince de Weimar, Hélène, sa petite et Michel sont venus me joindre. Je remercie le Ciel de me trouver réunie ici avec mes bons et chers enfants, d'avoir accordé une heureuse délivrance à ma chère Hélène d'une jolie petite fille; d'avoir l'espérance de voir augmenter ma famille par la prochaine délivrance de ma chère Alexandrine, qui est encore en ville avec son mari; d'avoir rétabli l'Impératrice Elisabeth après la maladie grave, qu'elle a faite cet hiver, de voir notre cher Empereur jouir d'une bonne santé et de le savoir content de son séjour de Varsovie. Enfin je le remercie de tous ses bienfaits et me recommande moi et les chers miens à sa protection divine et m'abandonne avec confiance à tous ses décrets. Ce n'est qu'aujourd'hui lundi, 23 Mai, que je suis entrée dans le salon de la ferme.

Je quitte ma chère ferme et mon cher Pavlovsk ce samedi 19 Septembre, remerciant Dieu d'y avoir passé une partie de cet été, d'avoir augmenté ma famille par la naissance de la petite Alexandrine et de m'être trouvée avec mes chères filles et les chères petites de Weimar.

Dieu veuille nous réunir de nouveau, si telle est sa sainte volonté; je demande à l'Etre Suprême sa bénédiction pour le cher Empereur, pour l'Impératrice, dont la santé me donne de vives inquiétudes. Puisse le séjour de Taganrog où elle s'est rendue ainsi que l'Empereur lui être favorable et puissé-je avoir le bonheur de la revoir et de trouver assez rétablie. Je vais m'établir à Gatchina et implore la Providence de verser ainsi que sur mes enfants ses saintes bénédictions.

Ce samedi, 19 Septembre.

1827.

Ce 26 Mai, jeudi, 1827. Grand Dieu, quels événements affreux ont eu lieu depuis l'année 1825,—où j'ai quitté en Septembre un lieu qui me fut cher. A la fin de l'année 25 le 19 Novembre j'ai perdu le fils chéri qui faisait mon bonheur, le charme de mon existence, ma gloire; le souverain chéri, qui ne désirait que la félicité de ses sujets. Partie pour Moscou et Kalouga le 25 Avril 1826 pour me joindre à sa malheureuse veuve, après une attente de trois jours à Kalouga, elle m'appelle de Belew où elle est arrivée le 3 Mai; j'accours et la trouve étendue sur le lit de mort. Grand Dieu, quel enchaînement de malheurs et comment ai-je pu les supporter!

Le Ciel m'a accordé des consolations par la conduite noble sans exemple de mes bons fils. Constantin est l'objet de toute notre vénération, de celle du monde entier. Nicolas a mérité l'estime et l'amour de toute la nation; sa noble et ferme conduite le 14 Décembre, jour à jamais malheureux, mais où il a sauvé l'Empire; enfin Michel a déployé le caractère le plus noble, la valeur la plus belle, la plus calme et un dévouement à toute épreuve. Voilà les seules consolations à ma douleur.

J'ai passé tout l'été passé à Moscou et ne suis revenue ici que le 12 Octobre; je n'ai pu me rendre à la ferme à cause de la saison [mots illisibles], où je me suis trouvée ici. Je suis arrivée pour voir l'Impératrice ici le 8 Mai, mais toujours j'ai été empêchée de me rendre à la ferme, et quand j'y ai été je ne me suis pas trouvée seule; enfin ce matin j'y suis venue.

J'ai passé ces derniers huit jours dans des inquiétudes mortelles pour ma bonne chère [Benkendorf?], qui a fait une chute la nuit du mercredi au jeudi dans sa chambre; les suites en ont été funestes, elle n'a pu remuer ses jambes; une fièvre affreuse avec tous les symptomes mortels nerveux l'ont mise dans le plus grand danger; depuis avant hier il y a du mieux, mais sa faiblesse est extrême; cependant j'espère de la miséricorde divine qu'elle sera sauvée, que le Ciel me la conservera. Com-

XXXIII

me tout est changé pour moi ici; le charme de mon séjour est détruit; le cher Alexandre venait me voir journellement et embellissait mon existence; il n'est plus et tout me paraît sans vie. Hélène est avec moi et ses enfants. Elle est accouchée d'Elisabeth le 14 Mai à Moscou. Nicolas, Alexandrine, les enfants sont à Iélaghine. Michel a les devoirs, tantôt en course, mais il viendra pour quelques jours ici. L'Empereur l'a fait revenir de Weimar le 19 Mai. J'ai revu Nicolas le 21 Mai. Michel était venu chez moi passer cette date. Alexandrine et Hélène sont enceintes. Que Dieu leur donne une heureuse délivrance! Alexandrine a été bien souffrante à Moscou. Elle va mieux, grâce à Dieu. Le 14 Mai ma petite-fille Marie de Weimar s'est mariée á Charlottenbourg au prince Charles de Prusse. Que Dieu les bénisse et les rende henreux!

Je mets mes chers enfants et mes neveux sous la protection divine et m'en remets avec confiance à la divine Providence, n'ayant d'autre volonté que la sienne.

Ce 26 Mai 1827.

La délivrance prochaine d'Hélène m'appelle près d'elle; je compte partir s'il plait à Dieu demain, 4 Août, jeudi; je serai établie à la maison Golovine, ayant cédé mon appartement à Iélaghine à Alexandrine pour lui faire éviter l'escalier et pour qu'elle puisse y être avec ses enfants; les pavillons des enfants étant barricadés depuis l'inondation. Je bénis le ciel de m'avoir fait passer doucement ces trois jours de séjour à Pavlovsk qui était bien, bien beau. Tous mes bons chers enfants, grands et petits, se portent bien; le petit se sent fortifier.

Ma bonne chère [Benkendorf?] est bien et s'est transportée en ville à la Tauride hier. Je n'ose m'avouer que je quitte Pavlovsk à regret; le devoir m'appelle en ville. Je demande à Dieu bénédiction pour mes deux chers enfants, Hélène et Alexandrine, qui attendent leur délivrance l'une après l'autre; que Dieu les rende heureuses et m'accorde des enfants sains et forts; je me recommande avec tous les chers miens absents et présents à la bénédiction divine et dis du fond

de mon coeur: que sa sainte volonté soit faite; je ne veux, je ne désire que m'y soumettre.

Ce mercredi 3 Août 1827.

1828.

Je suis revenue m'établir à mon cher Pavlovsk ce dimanche, 6 Mai, 1828, mais bien seule, bien délaissée. Mon cher Guillaume d'Orange m'y a accompagnée. Le 8 Mai mes petits enfants, Alexandre, Olga, Alexandrine et Costia et Elisabeth et Catherine, y sont venus me joindre, leurs parents me les ayant confiés. Tous mes enfants ont dû me quitter et l'Empereur et Michel pour se rendre à l'armée, Alexandrine et la petite Marie pour s'établir à Odessa pendant cet été pour prendre les bains de mer et Hélène avec sa petite Marie pour aller aux eaux, sa santé étant bien dérangée. Depuis que je n'ai été ici, le Ciel m'a enrichie de deux petits-enfants. Alexandrine est accouchée du beau cher Costia et ses couches lui ont rendu la santé. Hélène est accouchée de Catherine, mais sa santé est délabrée et j'ai été gravement malade tout l'hiver et ce printems. La déclaration de la guerre, toute indispensable qu'elle fût, m'a mise en danger. Michel m'a quittée le 22 Avril; mon cher Nicolas—le 25; l'Impératrice—le 27 Avril. J'ai cruellement souffert. Ma bonne chère Marie, comme un ange consolateur, est accourue avec son mari et Auguste, je l'ai vue à Kipen le 3 Mai, elle est arrivée le 14 ici; que Dieu lui rende le sacrifice qu'elle me fait de venir ici sans voir ses frères. Elle répand la consolation sur mes jours. Nos nouvelles sont bonnes; les premiers succès de mes fils sont sérieux et me donnent les meilleures espérances. C'est aujourd'hui le 10 Juin que je trace ces lignes, le dimanche; j'ai été souvent déjà ici, mais jamais je n'ai pu prendre plume en main.

Ce dimanche 10 Juin 1828.

---

*

Je suis venue directement à ma chère ferme ce 17 Septembre, jeudi, au soir, en faisant une course de la ville ici. Mon séjour ici n'a pas eu le charme des tems passés. Un séjour de quatre à cinq semaines de ma bonne Marie, de son époux, de la chère Auguste a été l'épisode heureux mais bien court de ce tems; mais j'ai mille et mille actions de grâces à rendre à l'Etre Suprême de m'avoir conservé et fait prospérer mes six petits-enfants, confiés à mes soins, de m'avoir toujours accordé de bonnes nouvelles personnelles de notre cher Empereur et du cher Michel; de nous avoir accordé plusieurs succès et une nouvelle les couronne: c'est la prise de Varna. Je l'espère de la miséricorde divine et j'y puise force, courage, mais ces tems sont bien pénibles et l'angoisse de mon coeur est grande. Que Dieu nous ramène tous ici l'année prochaine.

Je recommande mes enfants, l'Etat et moi à la protection de la sainte Vierge et la conjure d'implorer son fils, notre Sauveur, pour la conservation des êtres chéris, exposés à tant de dangers et sa bénédiction pour tous mes chers, pour tous mes enfants et pour moi-même.

Ce jeudi 17 Septembre 1828.

БЕСѢДКА НА ФЕРМѢ.

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ

къ директору с. Павловскаго Карлу Кюхельбекеру.

1781—1789 *.

I.

Wisznevitz ce $\frac{\text{1 Novembre}}{\text{21 Octobre}}$ 1781.

Je vous rends grâce, mon cher Kuchelbecker, pour les voeux que vous faites à l'occasion de notre voyage et que vous m'adressez dans votre lettre. J'en fais de mon côté de pareils pour mes amis restants. Les nouvelles que vous nous donnez de Pavlovskoé sont satisfaisantes assurément et le seront encore plus quand l'énigme entrevue dans votre lettre à ma femme sera tirée plus au clair. Il semble que vous avez fait quelque sacrifice et consulté les augures. Dieu vous les donne bons comme il nous le fait notre voyage. Pour le moment je n'ai plus rien à vous dire que de faire mes compliments à votre femme et une bénédiction à tous les serviteurs du lieu où vous êtes. Je suis votre affectionné Paul.

---

* Всѣ помѣщенные здѣсь, цѣликомъ или въ отрывкахъ, документы писаны Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и Великою Княгинею Маріей Ѳеодоровной собственноручно. Подлинники писемъ, переплетенные въ три тома, in folio, хранятся въ дворцовой Библіотекѣ Павловска, въ отдѣлѣ рукописей Августѣйшей Фамиліи.

Vienne ce 16/27 Decembre 1781.

...... Quant à vos opérations tout est, ce me semble, très bien, hors la préférence du passage des matériaux qui nous sont destinés sur les autres; outre que cela ne me paraît pas juste, mais c'est que cela fera crier les autres. Prenez mon observation en bonne part. Il faut nous faire à tous les deux un bon renom, nous y gagnerons davantage etc.

Mahrbourg ce $\frac{\text{31 Decembre 1781.}}{\text{11 Janvier 1782.}}$

...... J'aurais voulu seulement que vous n'eussiez pas pris sur vous la réparation du pont. Je viens de vous endosser une rude besogne en vous donnant le soin de ma caisse. Ne vous précipitez pas, au nom de Dieu; allez y bride en main et ne choquez personne, surtout au commencement. Dans les premiers temps suivez la même méthode qu'on a tenue et tâchez de gagner la confiance des employés etc.

Vienne ce 25 S-bre 1782.

...... Si l'on commence à travailler à une chaussée de Zarskoé Sélo à Pavlovskoé, la seule chose que je vous recommande c'est de tâcher d'obtenir qu'à côté de la chaussée pavée, si on la pave, on laisse en terre un chemin pour les voitures. Je ne puis au reste que vous témoigner mon contentement sur tout ce que vous faites et continuez à faire. Etant votre affectionné Paul.

?

Monsieur Kuchelbecker, je vous prie de dire à Melissino de ne point faire dans le feu d'artifice d'allégorie, de même aucune inscription et de ne pas mettre non plus mon chiffre à moi.

Zarskoé Sélo ce 9 Mai 1784.

J'ai quelques nouvelles qu'il y a dans vos environs des vagabonds. Faites battre l'estrade à vos gens depuis Linna jusqu'au poteau et

depuis celui-là le long du Rieding et fouillez le bois. Employez y vos invalides, mais envoyez les deux-à-deux. Commencez demain avec le jour et continuez de temps en temps la journée. Faites faire la plus forte battue entre dix et onze heures. Votre affectionné Paul.

Zarskoé Sélo ce 10 Mai 1784.

Si vous trouvez des gens sans aveu, envoyez les à Sophiefsk. S'ils sont en plus grand nombre que vos forces ne vous permettent d'en venir à bout, avertissez le Zemskoy-Soud. Votre affectionné Paul.

Gatchina ce 15 Juillet 1785.

Je suis fâché des contre-temps pour votre projet, au reste tentez auprès du prince Golizine, à la suite de quoi, si cela manque, je me résoudrai à la pièce allemande. Le tout restant comme nous étions convenus. Paul.

?

Je ne peux vous rien dire encore pour ce soir; à cause du temps cela ne peut se décider qu'entre onze et midi. Il faut que tout soit prêt. Quant à la table, il faut que celle commandée à l'auberge soit toujours prête et particulièrement si les jeunes mariés attendent du monde pour dîner avec eux et non pas avec nous. Paul.

II.

. . . .

. . . . Oui, mon cher Kuchelbecker, un chez soi, une Colonnade, un Temple à Pavlovskoé me font plus de plaisir que toutes les beautés d'Italie. Ecrivez moi bien souvent, je suis un temps infini sans nouvelles. Adieu, portez vous bien. Marie.

Turin ce $^{14}/_{25}$ Avril 1782.

Je suis bien contente, Monsieur, de l'exactitude avec laquelle vous me faites vos rapports de Pavlovskoé et vous exhorte à la continuer. Je ne suis pas du tout fâchée, je vous en assure, ou tout au plus

je le suis de vous avoir donné de l'inquiétude par mes reproches. Je le suis encore plus du malheur qui vous est arrivé * et j'aurais mieux aimé qu'il fût tombé sur mes effets et cela n'est pas un compliment.

Avec les matériaux que vous aurez amassés actuellement, je pense que les ouvrages pourront être poussés vivement, et j'attends avec impatience la réponse de Mr Cameron sur la façade du jardin, si elle doit absolument rester comme il l'a projetée, ou s'il veut encore la changer.

Si les cerisiers dont vous me parlez sont bien beaux, je désire qu'ils soient plantés autour du Chalet où sont les autres. S'ils sont médiocres on pourra les placer auprès de la «nouvelle» laiterie, car j'espère de vos bontés qu'elle se fera, car vous êtes un puissant et riche seigneur.

Cameron ne vous a-t-il encore rien donné au sujet de la nouvelle laiterie dont je vous ai parlé dans une lettre datée de Rome? Faites moi parvenir ses idées le plutôt que vous pourrez.

Je vous assure que l'Italie, bien loin de me dégoûter de Pavlovskoé, me le fait chérir encore davantage. Nous avons rencontré ici un si vilain hiver et un si mauvais printemps que j'y aurais sûrement gagné bien souvent en me transportant à mon orangerie. Je vous recommande derechef mes possessions favorites et suis toujours votre affectionnée Marie.

Mes compliments à votre femme. Pas reçu le plan du troisième étage.

Turin ce $\frac{\text{21 Avril}}{\text{2 Mai}}$ 1782.

Je réponds tout de suite, Monsieur, à votre lettre du $^{16}/_{27}$ Mars, que j'ai reçue hier au soir, pour vous tirer au plus vite de l'incertitude où vous êtes par rapport à la cascade et au conduit d'eau. La raison pour laquelle je vous avais fait dire de remettre cet ouvrage jusqu'à mon retour, c'est que je m'imaginais que peut-être vous n'auriez pas assez d'argent pour faire exécuter cet ouvrage à côté des autres plus

* Kuchelbecker a été volé dans son logement à Pétersbourg.

essentiels, dont vous êtes chargé. Je crois d'ailleurs qu'on ne peut guère séparer ces deux choses, la cascade et le conduit, et que de faire le dernier sans la première, ce serait probablement gâter le jardin. Je vous prie donc de demander à Mr le général Bauer un devis de ce que coûterait le tout, cascade et conduit. Si vous trouvez que vous pouvez y faire face sans que cela vous gêne dans d'autres bâtisses, vous pouvez l'exécuter tout de suite. Mais si vous trouvez que cela vous ménerait trop en dépense, prenez pour défaite auprès du général l'ordre que vous avez de me communiquer le devis auparavant, ce qui prendra tant de temps que la chose se différera d'elle-même jusqu'à mon retour. Enfin je remets toute cette affaire à votre prudence et volonté, en vous indiquant en même temps, comme vous voyez, le moyen de n'en rien faire du tout, sans vous compromettre envers le général. Je suis toujours votre affectionnée Marie.

Je vous recommande, mon cher Kuchelbecker, la laiterie qui me tient bien à coeur, car mon jardin m'intéresse extrêmement et je crois que cet agrément n'y gâtera rien. Mes compliments à votre femme.

A Monsieur Kuchelbecker à St. Pétersbourg ou à Pavlovskoé.

Ce 13 Avril 1784.

Après ce que vous me dites des eaux et des glaces, je prends un peu la peur; aussi nous vous envoyons le courrier de grand matin pour que vous nous en donniez des nouvelles, d'autant plus qu'il dégèle ce soir.

Marquez moi si la salle à manger est devenue jolie et si le plafond a bien réussi. Brena a-t-il exécuté le peu de peinture qu'il y avait à faire au plafond et cela fait-il un joli effet? Bonsoir, mon bon Kuchelbecker. Vos neiges me font trembler. Quand espérez vous que la débàcle sera finie ou que du moins le danger sera passé? Marie.

Voilà de l'argent pris sur l'autel, mon bon Kuchelbecker, aussi je me flatte qu'il vous fera faire des miracles. Que font les eaux de Pavlovskoé? Le dégel est si fort ici qu'à de certains endroits on voit du

gazon. Cameron ne vous a-t-il rien envoyé? Quant aux peaux de lièvres que vous avez reçues de Iélagin, je vous en parlerai à votre retour. Adieu.

Ce 2/13 Août.

Je vous écris encore ce soir, pour que l'exprès puisse partir demain matin de bonne heure. Mon mari consent quoiqu'à regret qu'il y ait une voûte dans la chambre à coucher, mais à condition qu'il lui donne la forme la moins désagréable que possible. Ainsi priez Cameron au nom de Dieu qu'il tâche de faire quelque chose d'un bon genre, surtout qu'il ait bien soin de ne faire aucun ornement arabesque.

Le comte Bruce sera dimanche matin à Zarskoé Sélo; il vous attendra entre les onze heures et midi dans l'appartement du comte Pouchkin.

Venez ici lundi, mon bon Kuchelbecker. Je me flatte que vous me rendrez bon compte de toutes les commissions. Dites à Wisler que ses ananas n'ont ni la saveur, ni l'épaisseur de ceux de l'année passée, même ils semblent ne pas être mûrs. Les fleurs sont superbes, surtout il m'a envoyé un oeillet d'une grande beauté. Apportez le grand plan des environs avec vous et en cas que St. George ait fini les changements commandés dans le plan du jardin, je désirerais aussi le voir. Je me flatte que les ouvriers au jardin mettront plus de zèle à l'ouvrage. Il y a des parties du jardin d'ici d'une beauté ravissante et j'ai bien des remarques à vous faire. Mes amitiés à votre femme. Portez-vous bien tous les deux de même que votre petite. Bonsoir. Marie.

Comme mes fils ont la rougeole, vous ferez bien de ne pas venir chez moi, pour ne pas la donner à vos enfants, mais marquez moi par écrit si les ouvrages vont bien à Pavlovskoé.

Ce 2 Septembre 1784.

. . . . . Il y a bien longtemps que le jardinier ne nous a pas donné d'ananas et de 60 qu'il nous a promis j'en ai vu tout au plus six.

Pendant l'absence de 15 jours que nous avons faite d'ici, on a fait tout le chemin autour du grand lac qui a plus d'une verste de tour. C'est un grand trait de beauté pour Gatchina, mais connaissant votre zèle et votre amour pour Pavlovskoé, je suis persuadée que vous ne resterez pas en arrière et que je trouverai des merveilles à mon retour. Je vous recommande l'église. Informez-vous chez le diacre des livres qui lui sont nécessaires pour l'école et achetez les. Tâchez d'engager plus de parents à y faire aller leurs enfants. Je m'informerai chez Pleschéef combien les invalides ont d'enfants propres à y participer et je vous le manderai. Je vous envoie un dessin de Tanchère (?) que vous joindrez aux autres dessins: il pourra peut-être nous servir. N'oubliez pas la nouvelle plantation ordonnée et tâchez aussi de planter de beaux arbres dans le jardin. Adieu, mon bon Kuchelbecker, j'ai toujours mille choses à vous ordonner pour ce cher Pavlovskoé.

. . . . Répondez moi sur tous ces articles et soyez persuadé de ma reconnaissance. Marie.

Ce 6 Septembre 1784.

Mon bon Kuchelbeker, Mr de Pastouchof sera des nôtres demain et comme il passera la nuit à Pavlovskoé, je vous prie de lui préparer un appartement dans votre maison, mais il faut qu'il soit chaud et faites y mettre les doubles fenêtres. Quoique j'aie écrit avant-hier à l'archevêque pour l'inviter à la consécration, il ne m'a pas répondu et je soupçonne que peut-être la réponse se trouve dans la poche de mon prêtre. Informez-vous en et marquez moi comment vont les ouvrages et si tout sera sûrement prêt. Adieu. Marie.

Je vous envoie, mon bon Kuchelbecker, de quoi faire aller les ouvrages. J'ai gagné aujourd'hui cet argent au jeu: il y a 70 roubles. Comment va notre blanchissage et comment vous portez-vous?

Mon bon Kuchelbecker, j'ai oublié de vous dire qu'il me semblait que l'ouvrage en stuc de Lameni (?) a un peu souffert par la quantité de couche de couleur qu'on a été obligé de donner à la salle. Ne pour-

rait-il pas dans le courant de cette semaine la retoucher un peu à l'aide d'un couteau pour racler la couleur, pour que son ouvrage reprenne son air de fini. Si cela se peut, vous me ferez plaisir de l'ordonner avant votre départ pour la ville. Adieu, mon bon Kuchelbecker, venez chez moi demain matin après avoir été chez mon mari.

Mon bon Kuchelbecker, je vous prie de vous rendre demain au matin à huit heures ici et de m'apporter les dessins des plafonds et de la décoration de l'étage d'en bas. Informez vous au juste chez les experts quand les chambres peuvent être assez sèches pour recevoir les couleurs. Après avoir pensé à ce que vous m'avez dit hier touchant la peinture du plafond de la salle à manger et de ce que je dois avoir dit que je voulais y faire mettre avec le temps de jolis tableaux, il me semble que vous vous trompez, car j'ai toujours compté que ces tableaux s'exécuteraient par Danilof ou par un autre, mais seulement en couleur à l'eau et cela sous la direction de Viallier; ainsi nous ne nous sommes pas compris l'un l'autre. Apportez donc les plans demain matin pour que je vous répète tout ce que j'ai déjà dit une fois. Pour preuve de la vérité de ce que j'avance, je vous ferai souvenir même vous avoir dit de m'avertir dès que la peinture serait commencée pour que Viallier puisse diriger la peinture des figures. Comment Danilof compte-t-il employer trois semaines pour la peinture de ces 4 chambres toutes, cela me passe! Adieu, mon bon Kuchelbecker, si tout le monde avait en partage le même zèle que vous, je suis bien sûre que j'aurais plus raison d'être satisfaite. Mes compliments à votre femme. Marie.

Chauffe-t-on les chambres pour les sécher?

Ce 12/23 Septembre 1784.

Je vous avertis, mon bon Kuchelbecker, que le comte et la comtesse Cobenzel avec Mr et Mme de Renchen viendront samedi matin à Pavlovskoé. Je vous en avertis de bonne heure pour que vous fassiez fermer les écluses et que l'eau se trouve dans la rivière. Vous

leur montrerez tout et en ferez les honneurs, ensuite vous m'en ferez le rapport. Bonsoir. Marie.

Cette lettre doit vous arriver à six heures du matin.

Je vous prie, mon bon Kuchelbecker, de m'envoyer le plan des deux pavillons de l'orangerie. Comment vont les ouvrages dans le jardin? Que fait l'école? Les invalides se portent-ils bien? Mon église est-elle toujours fréquentée et me préparez-vous une surprise aussi agréable à mon retour comme la dernière fois? Faites demander à Guarenghi le dessin que je lui ai commandé. Cameron ne vous en a-t-il pas donné et le présent a-t-il fait son effet? Bonjour. Marie.

J'ai oublié de vous marquer par notre courrier, que les lenteurs éternelles de Cameron deviennent insupportables. Avertissez le pour la dernière fois que s'il n'envoie les plans d'écurie on va donner la commission à un autre et que si cela ne s'est pas fait jusqu'ici, que c'est grâce à ma prière. Marquez moi au juste quand on peut espérer de recevoir ces différents plans. Adieu. Marie.

Ce $^8/_{19}$ Octobre 1784.

. . . . . Faites faire un calcul par Wisler, mon bon Kuchelbecker, combien il nous faut de tilleuls pour la plantation indiquée et faites marquer sur un papier la qualité, l'épaisseur, la grandeur, la sorte et la quantité qu'il vous en faut. Vous me remettrez ce billet jeudi. Comme les clumps de fleurs d'ici sont extrêmement bien entendus j'ai cru vous faire plaisir en vous envoyant leur dessin avec la mesure exacte de leur grandeur. Ce dessin pourra un peu vous guider dans ceux que vous ferez chez moi. Souvenez-vous qu'au milieu de ces clumps de fleurs doivent se trouver les lilas et les rosiers sauvages. Je me flatte trouver quelques beaux clumps de grands arbres plantés sur le grand gazon.

Quant au Mars il faut l'ôter afin qu'il cède la place à la statue,

mais prenez garde de ne pas endommager le Mars qui pourra toujours trouver une nouvelle place. Je me flatte aussi qu'on n'aura pas cassé le Kiosk chinois en le démolissant, car je lui ai déjà trouvé une nouvelle place. Je me fais une fête de voir mon nouveau lac commencé.

Marie.

En arrivant de Zarskoé à droite du chemin près de celui de Slavianka j'ai vu beaucoup de bois qui n'est pas emmené et des branches coupées: le bois et les branches doivent être enlevés demain . . . . . . Bonsoir. Marie.

J'envoie chez vous, mon bon Kuchelbecker, pour savoir des nouvelles de Pavlovskoé qui m'intéresse beaucoup. Comment va la peinture? Brena répare-t-il le temps perdu? Scotti est-il arrivé chez vous? Dites lui que j'espère qu'il ne me négligera pas et qu'il mettra les mêmes soins aux peintures qu'il a à faire chez moi, qu'il a mis à ceux qu'il a fait à Gatchina qu'on dit de toute beauté.

A-t-il apporté les médaillons pour la salle à manger, sont-ils beaux? Ceux de la salle de billard sont-ils amenés? Il fait un temps des dieux chez nous, ainsi je me flatte qu'il dégèle chez vous. Comment croyez vous que la fonte des neiges se passera? Mon mari ne parle que de Pavlovskoé, ainsi faites de grâce que cela réponde à notre attente. Le prince Repnin m'a demandé une chaise de maroquin pour modèle: je vous prie de m'en envoyer une. Comment va la salle à manger? Le plafond sera-t-il bientôt achevé et cela deviendra-t-il joli? Enfin, mon bon Kuchelbecker, je m'en rapporte à votre zèle. Je vous envoie 100 roubles: c'est toujours quelque chose. Adieu.

Quand reviendrez-vous ici? Qu'est-ce que Leroux fait à Pavlovskoé?

Ayant appris l'impertinence que Leroux s'est permise vis-a-vis de vous, mon bon Kuchelbecker, je lui ai fait ordonner encore ce soir de se rendre incessamment à Pavlovskoé, d'y faire son ouvrage; que s'il ne s'y rendait pas et s'il commettait la moindre impertinence, que

je le ferai rayer de mon tableau et que j'avertirai le Grand Duc de ses procédés. Je me flatte que cette mercuriale le mettra à la raison. Berthaume m'a dit monts et merveilles de ma maison. Je me flatte, mon bon Kuchelbecker, que vous vous souviendrez que le 1 Mai je devais jouir de trois chambres et que le 15 la salle de danse devait être achevée. Je suis sûre que ce retard n'est pas de votre faute, mais parlez en aux ouvriers. Il faudra tous vos soins et toutes vos peines pour que Pavlovskoé ne tombe pas, car Gatchina est bien beau. J'ai fait ordonner à Leroux de vous demander pardon. Comment l'histoire de la laiterie a-t-elle fini? Il me semble que nous jouons de guignon cette année. Adieu, mon bon Kuchelbecker, mes compliments à votre femme. Marie.

Quel est l'homme qui a frappé l'izvoztschik et lui a cassé le bras, et à qui appartient-il, où sert-il, et comment cela est-il arrivé, et pourquoi ne m'en avez-vous pas fait d'abord le rapport?

Ce 11.

La pluie continuelle de la nuit me fait espérer et craindre le dégel total à Pavlovskoé, ainsi nous vous envoyons ce courrier que vous pouvez garder jusqu'à cinq heures et nous donner par lui les nouvelles de ce qui se fait chez vous. En même temps, je vous prie, mon bon Kuchelbecker, de hâter la copie du plan des offices et de celui de l'orangerie pour que mon mari et moi puissions affecter les logements aux personnes qui doivent les occuper pour toujours. La graine que je vous ai envoyée hier est du bâton d'or comme je n'en ai jamais vu: chaque fleur est plus grande qu'un rouble. Marquez moi si Scotti est arrivé, si on est à l'ouvrage et si Brena avance. Lui avez-vous dit que les portraits sont pour le cabinet du Drand Duc et vous croit-il enfin? Avez-vous pris des arrangements pour le taffetas blanc? Comme on m'en demandait un rouble soixante et deux sols, je n'ai pas voulu en prendre, croyant qu'on me surfaisait. Je vous laisse donc ce soin. On m'a montré du taffetas pour un rouble quinze, mais qui était abominable. Avez-vous de bonnes nouvelles des glaces et quand les obtiendrez-vous?

A-t-on commencé à peindre les appartements de l'orangerie et ceux des offices?

Adieu, mon bon Kuchelbecker, je m'en repose entièrement sur vous.

Vous devez vous ressouvenir, mon bon Kuchelbecker, que je vous ai nommément dit de vous en tenir aux couleurs claires pour la salle à manger. Je ne veux rien qui jure et il me semble même que nous avions décidé que la frise devait être couleur de rose tendre, le fond des murs vert de pomme, le fond des médaillons l'un rose ou bleu clair et l'autre lilas. Je me rappelle même que je voulais avoir le fond des deux médaillons de la même couleur, mais que Cameron ne l'a pas voulu. Au nom de Dieu, mon cher ami, faites que cela ait un air chrétien. Vous savez assez par expérience que la douceur n'aide rien avec Cameron, mais dites lui tout net que ses procédés sont insupportables et qu'il doit prendre garde, puisque vous l'avertissez en ami qu'on ne s'adresserait plus à lui. Adieu.

Je vous envoie cette lettre par six ou sept peintres que j'ai encore déterrés chez le peintre Koslof. Je me flatte que vous m'en serez obligé. Marquez moi par l'homme qui vous apporte celle-ci comment va la fonte des eaux, si le lac se remplit joliment et si on peut espérer que tout se passera heureusement. Je m'en remets à vous, mon bon Kuchelbecker, faites que mon cabinet devienne joli et dites à Brena que ce sera le moyen de réparer sa bévue. Tenez-vous en aux deux couleurs à la salle à manger. Si la débâcle se passe vite et bien, il serait à désirer que vous vinssiez ici pour arranger ce qu'il faut pour le basin et le taffetas blanc et bien d'autres choses, surtout si vous nous apportez les plans, que le Grand Duc demande journellement. Adieu, mon bon Kuchelbecker, la vue du lac doit bien vous réjouir.

Ce 12 Avril 1785.

Mon bon Kuchelbecker, vous ne me dites rien des eaux et des fontes de la neige, ainsi je crois que tout se passe bien. Quant aux

couleurs à donner à la salle à manger, je vous répète selon la volonté de mon mari et la mienne, que le fond du mur doit être jaune très clair et tous les ornements quelconques en blanc; les médaillons faisant partie des ornements doivent rester tout en blanc; le contraire serait manquer aux règles de l'architecture. Le fond de la frise et la frise doivent être en blanc comme plus noble. Voilà la décision du Grand Duc.

Quant à mon cabinet, la chose étant faite il faut la laisser, mais du moins qu'il le rende joli . . . . Comme vous m'avez beaucoup pressée pour la réponse, je vous l'envoie par le courrier. Vous me devez des nouvelles de l'eau. Je me flatte que les peintres seront arrivés, ainsi il n'y aura pas d'excuse que vous n'en avez pas assez. Marquez moi si les médaillons de Scotti sont jolis. Adieu, mon bon Kuchelbecker. On se porte bien chez vous. Marie.

Quelles chambres peint-on et combien en reste-t-il à faire? Ayez soin de mon petit cabinet.

Ce $^{14}/_{25}$ Avril.

Une mauvaise nouvelle ne vient jamais sans une autre, celle qui regarde le pauvre Scotti me fait une peine extrême d'autant plus que Romberg est malade et qu'il l'a été violemment, par conséquent il n'est pas en état de se rendre à Pavlovskoé. Comme Romberg est à Zarskoé Sélo j'ai pensé bien faire en lui envoyant mon valet de chambre pour le faire prier d'aller incessamment à Pavlovskoé et voir ce qui manque à cet enfant, afin qu'il nous en fasse le rapport. Mon valet de chambre y ira avec lui et vous remettra cette lettre. Je me flatte que de cette manière Romberg en prendra tous les soins imaginables. Dites à Romberg qu'il nous en fasse un rapport.

A en juger par la brièveté de votre lettre, mon bon Kuchelbecker, je dois m'attendre à de tristes nouvelles de l'eau. Vous dites que l'eau a fait du mal à l'ancienne place, mais je ne sais en vérité de quelle vous voulez parler, ainsi entrez donc dans de plus grands détails,

XXXIV

surtout marquez moi si personne n'est malade d'avoir travaillé à casser les glaces. Tout le basin est lavé et m'est rendu, mais comme vous ne m'avez pas répondu à ma demande, à qui il faut le remettre, si je dois vous l'envoyer ou si je dois le donner à Le roux, je ne sais qu'en faire et le garde jusqu'à votre réponse. De grâce, mon bon Kuchelbecker, quand vous m'écrirez, répondez moi article par article, car sans cela il se fait des confusions et des mésentendus.

Je vous envoie le sanctuaire pour mon église, nécessaire pour les cérémonies de la semaine Sainte, que vous remettrez au prêtre.

Pour plus de sûreté j'ai fait écrire à Romberg par Beck pour qu'il lui marque ce qui manque à l'enfant; alors par un courrier je vous ferai savoir l'opinion de Beck et même de Krouse, mais dites à Romberg qu'il détaille bien les circonstances. Comme je vois que vous avez grand besoin d'argent dans ce moment, je vous envoie cinq cents roubles que j'ai empruntés. Vous récompenserez ceux qui ont bien travaillé pour casser les glaces, mais surtout marquez moi, mais en conscience, si cet ouvrage n'a pas fait de malade. Le nouveau lac a-t-il été de quelque utilité et espérez-vous que tout le danger est passé? Bonsoir, mon bon Kuchelbecker, répondez moi par article et n'oubliez rien. Vos deux mauvaises nouvelles m'inquiètent. Dites à Scotti que je suis vraiment affligée de le savoir dans la peine. Comme je sais qu'il est fort connu avec Viallier, demandez lui s'il serait charmé de le voir, alors je l'engagerai d'aller demain à Pavlovskoé. Bonsoir. Marie.

Ce 15 Avril 1785.

Mon bon Kuchelbecker, je suis charmée de ce que la maladie de Scotti n'est pas de conséquence. Je me flatte que dans cette occasion Schaumbourg surpassera l'opinion que j'ai de lui. Quant aux eaux, mon bon Kuchelbecker, je n'ai rien autre chose à vous mander, sinon que je désirerais savoir en vérité et conscience si le dégât est moindre cette année que l'année passée ou s'il est plus grand? On m'a enseigné un expédient pour les glaçons que je vous enseignerai à mon tour, qui pourra nous être de quelque utilité l'année prochaine.

Bolten va arriver chez vous demain avec une horloge que vous devez placer dans le vestibule d'en haut. Il faut choisir une bonne place pour qu'elle soit entendue de tout le monde et qu'elle ne barre pas le passage. Vous m'avez donné tant de mauvaises nouvelles hier que je me flatte que vous ne me donnerez que de bonnes aujourd'hui. Parlez moi des ouvrages et marquez moi si la salle à manger est devenue jolie, si elle est gaie, si Brena est gracieux, si mon cabinet deviendra joli et si les ouvrages du troisième étage vont bien. Marquez moi aussi si Scotti est plus rassuré sur la santé de son fils et si son ouvrage avance. A-t-on commencé l'antichambre française et enfin tout cela prend-il forme et figure? Le temps est beau et serein aujourd'hui et comme il a gelé cette nuit, je me flatte que la neige diminuera peu à peu. Enfin, mon bon Kuchelbecker, je vous cite le proverbe latin: Patientia vincet termine. Je me flattais que vous accueilleriez mes cinq cents roubles avec grande joie, mais il paraît qu'ils n'ont point produit cet effet. Que manque-t-il à Kousma Pétrovitch? Est-ce l'ouvrage qui l'a rendu malade?

J'ai à vous faire une demande que je ne vous fais cependant qu'en tremblant, c'est celle si vous espérez que nous ne verrons plus des traces du dégât de l'eau?

Si vos occupations le permettent, donnez un coup d'oeil à la place sur le chemin pavé, destinée à la plantation d'un rond et faites m'en faire un petit croquis par St. George. On pourrait faire des perquisitions pour trouver de beaux arbres, car vous m'avez promis d'y planter de grands arbres.

J'avais fait chercher Leroux pour qu'il coupât les pièces de basin que j'avais fait laver, j'ai voulu vous les envoyer ainsi que les rideaux coupés et lavés, mais il m'a dit qu'il s'en chargerait et qu'il les ferait coudre. Voici une incluse de sa part, où il vous demande des rubans.

Marquez moi la hauteur de l'eau. Adieu, mon bon Kuchelbecker, le temps approche où vous recevrez bien des remerciments de tous vos soins que je vous prie de continuer à Pavlovskoé. Marie.

Vous feriez plaisir au Grand Duc si vous envoyiez bientôt le devis des écuries, ne fût-ce aussi qu'à peu près.

*

Je vous prie, mon bon Kuchelbecker, de me marquer jusqu'où en est la salle et comment vous êtes satisfait des ouvrages? J'ai envoyé Berthaume hier soir chez Cameron qui a été doux comme un agneau. Il m'a même fait dire qu'il trouvait le bleu charmant. Il viendra aujourd'hui pour coupailler autour du lac, ce qui me fait plaisir, car il gagnera par là en beauté et perdra son air sauvage. Que vous a-t-il dit hier et comment en êtes-vous satisfait? Il me semble que cette petite leçon n'a nullement nui. Bonjour.

Je ne saurai vous dire, mon cher Kuchelbecker, avec quelle peine j'apprends la bigarrure qu'on s'est permise dans ma salle à manger. Au nom de Dieu, marquez moi qui l'a ordonnée et faites la changer, car au récit de Viallier et de Berthaume cela doit être affreux. Il faut avouer que j'ai bien du malheur avec ma maison et que c'est à s'impatienter, mais tant y a que je ne souffrirai pas de vilénie. Je me flatte que la pluie d'aujourd'hui aura fait du bien au jardin. Bonsoir, mon bon Kuchelbecker.

Ce 15/26 Avril 1785.

Mon bon Kuchelbecker, votre lettre m'a horriblement effrayée, non pas par les dégâts de l'eau que je regarde comme une bagatelle, mais vous me dites qu'il s'est fait une fente à la montagne. C'est la plus mauvaise de toutes les nouvelles, car elle me fait craindre pour la solidité de la maison et ce n'est pas une plaisanterie. Je m'étonne que vous m'en parliez à la légère et il aurait fallu d'abord examiner la chose qui me donne des inquiétudes incroyables, aussi je n'ai rien de plus pressé que de vous envoyer cet exprès pour que vous m'en donniez des nouvelles plus sûres. Au nom de Dieu examinez la chose. Cette nouvelle m'a tant frappée que je ne serai tranquille qu'en recevant votre réponse, mais je l'exige vraie et en conscience. Adieu, mon bon Kuchelbecker. Marie.

Je m'étonne de ce que Schaumbourg ne fait pas son rapport de la santé de Scotti. La nouvelle de la fente m'a frappée singulière-

ment. Si la fente va en avant dans la montagne, la maison s'écroulera. Je ne comprends pas, mon bon Kuchelbecker, comment vous traitez cette nouvelle à la légère et que vous n'avez pas d'abord examiné la chose.

Помѣта Кюхельбекера: «Reçue ce 15 Avril 1785, à minuit».

Ce 16 1785, à huit heures.

Mon bon Kuchelbecker, votre lettre d'hier soir me tranquillise un peu et je me flatte que la fente n'aura pas de profondeur, ce qu'il faudra examiner aujourd'hui, et vous m'en donnerez des nouvelles par ce courrier.

Comme le jeune Scotti continue à être malade et que j'ai peu de foi en Mr Schaumbourg, j'engagerai le chirurgien de la cour Dreyer d'aller aujourd'hui à Pavlovskoé. Je le connais comme un habile homme. Il a été de ma suite à mon arrivée ici. A en juger sur ce que vous m'en dites, le dégât de l'eau ne consiste qu'en une vingtaine de toises de chemin et un peu de gazon, ce qui est fort chrétien. La fente de la montagne m'inquiète toujours un peu. Marquez moi si vous avez encore beaucoup de neige et si l'eau est haute.

Commence-t-on à réparer les chemins? Les peintures d'en haut tirent-elles à leur fin?

Vous me dites dans une de vos lettres que vous viendrez chez nous. J'en serai charmée, ayant à prendre les derniers arrangements ultérieurs avec vous. Adieu, mon bon Kuchelbecker. Marquez moi si vous trouvez que l'eau a fait plus de dégât que les années précédentes. A en juger par les détails il me parait que non. Le nouveau lac fait-il un joli effet et croyez vous que cela nous frappera? Adieu, portez-vous bien et marquez moi si les fatigues de ces jours n'ont pas nui à votre santé. Dites à Kousma Pétrovitch qu'il se ménage et dites vous cela à vous-même, car enfin tous les dégâts peuvent être réparés par vos soins, mais lorsque vous êtes malade, tout est perdu. Ainsi soignez-vous. Bonjour. Marie.

Ce 16 Avril 1785.

Mon bon Kuchelbecker, le fils de Scotti va infiniment mieux et il y a bonne espérance de le sauver. J'ai oublié de vous dire, mon bon Kuchelbecker, que je ne veux pas qu'on travaille la matinée de Pâques. Laissez aller tout le monde à l'église et prier Dieu. Si on se remet à l'ouvrage l'après-dîner cela suffit, mais la matinée est destinée à Dieu.

Avez-vous vu l'homme des glaces? Sera-t-il complaisant? Les eaux sont tombées à Pavlovskoé. Bonsoir. Marie.

Ce 18 Avril 1785.

Vous avez eu raison, mon bon Kuchelbecker, de dire que nous serions effrayés du devis des écuries. Il y a bien de quoi l'être, car effectivement ce devis est un véritable compte d'apothicaire. J'en ai parlé à plusieurs personnes qui en ont été tout aussi effrayées et étonnées que moi. Je vous prie donc de faire revoir et de le revoir vous même. Pilnikof est un bon garçon, mais il compte à la manière de ces architectes supérieurs qui, dès qu'il s'agit du château, comptent le double et le triple.

J'ai à vous faire plusieurs observations.

1) Les murs des remises peuvent être, à ce qu'il me semble, d'une brique et demie, car comme personne n'y demeure, il est très indifférent que la gelée y passe.

2) J'en dis de même de tous les murs qui entourent les remises des izvoztschiks.

3) Les murs de l'écurie même et du pavillon doivent être de l'épaisseur accoutumée.

4) Il me semble que le pavillon est très petit et qu'il faudrait y ajouter quelques toises pour donner plus de commodités aux gens.

5) Comme dans tout le bâtiment de l'écurie et des remises il n'y a pas un poêle ni une cheminée, par conséquent qu'on ne risque rien pour le feu, la couverture en fer est très inutile et on pourra fort bien y substituer les tuiles comme à meilleur marché.

6) Le pavillon peut être couvert en fer à cause du feu.

7) Je vous répète, mon bon Kuchelbecker, que le compte paraît

exorbitant à tout le monde et qu'il faut absolument qu'il s'y soit glissé une erreur d'une façon ou de l'autre.

Nous avons voulu venir chez vous demain, mais réflexion faite, j'ai prié le Grand Duc de n'en rien faire, craignant que notre présence pourrait gêner et retarder les ouvrages de la journée.

Faites faire un catalogue exact de tous les meubles et de tout le mobilier en général. Je crois que nous viendrons à Zarskoé Sélo le lundi ou le mardi de la semaine prochaine pour y demeurer, ce qui sera à peu près vers le premier de Mai—grand jour pour Pavlovskoé.

Je vous envoie un registre de livres que j'ai reçus du Synode pour que vous le montriez au prêtre afin qu'il choisisse ceux qui sont nécessaires pour l'église. Je vous envoie outre cela quelques livres pour le service de cette semaine que vous remettrez au prêtre.

Dreyer m'a dit hier qu'il était bon que le jeune Scotti commençât à sortir. Adieu, mon bon Kuchelbecker, portez vous bien. Marie.

J'ai oublié de demander à Mr Kuchelbecker où se trouvent les arbres plantés par nous et nos enfants?

Mon bon Kuchelbecker, je vous envoie 150 roubles dont vous donnerez 100 à Kourdikof et 10 au cuirassier duquel j'ai baptisé l'enfant. Les autres 40 vous les prendrez dans la caisse: c'est toujours quelque chose. D'où vient que l'entrepreneur du lac a si peu d'ouvriers? Il m'avait promis d'en avoir 50 aujourd'hui. Engagez le à tenir sa parole.

La journée d'aujourd'hui sèche-t-elle beaucoup? Que fait votre genou? J'espère de trouver des merveilles à mon retour. Adieu, mon bon Kuchelbecker.

Помѣта Кюхельбекера: «Reçu ce 12 Mai 1785».

Ce 15 Mai 1785.

Je vous envoie ci-joint, mon bon Kuchelbecker, 40 roubles que vous emploierez pour le mieux. Je vous recommande surtout de payer les ouvriers de terre autant qu'il est humainement possible. Envoyez

moi les mesures des cheminées qui se trouvent dans l'étage d'en bas et de celles qui sont au troisième, pour que je puisse faire des fermatures ici, où on les fait bien et comme c'est un homme au service d'ici, cela ne coûtera pas d'argent. Mandez moi des nouvelles des ouvrages et si tout va bien et trouverai-je beaucoup de belles choses de faites? Adieu. Marie.

Gatchina 14 Septembre 1785.

. . . . . . Je suis très contente des bonnes nouvelles que vous me donnez des ouvrages. Gatchina est un rival bien dangereux et il faudra toute votre industrie et vos soins pour que Pavlovskoé puisse soutenir la comparaison. Nous arrivons mercredi chez vous. Marie.

Ce 9 Octobre.

Mon bon Kuchelbecker, Mr Swart conseille faire enlever à présent les vieilles nattes dont sont entourés les tilleuls et à la première gelée d'y en mettre de neuves et sèches, afin que les anciennes, étant humides, ne se gèlent pas sur l'arbre. Il faudra aussi faire mettre un tas de feuilles mortes au pied de chaque arbre.

On m'a dit encore que c'est en Finlande que l'on trouverait le plus aisément un beau chêne, qu'on enleverait vers le printemps avec les racines et la terre. Il faudrait dès à présent creuser le trou qui doit le recevoir, ensuite le bien couvrir pour qu'il n'y tombe pas de neige et lorsqu'on y plantera l'arbre, qu'on transportera sur des traîneaux, y mettre une bonne couche de Holzerde. Je vous fait part de ces conseils, pour que vous en parliez à mon jardinier. Je suis très fort de l'avis d'entourer les tilleuls de nouvelles nattes, car cette humidité gelée à l'arbre pourrait leur nuire. Comment vont les ouvrages? Je crois que des environs de Péterhof on pourrait avoir un chêne, mais il faudrait y envoyer dès à présent pour en choisir un. Il y en a beaucoup dans le bois entre Péterhof et Oranienbaum.

Cameron a-t-il donné à la fin des fins le plan demandé pour la cascade? Sa négligence fera que cet ouvrage ne sera pas achevé cet

automne et je m'en étais fait une si grande fête. Coupez-vous beaucoup et où en êtes vous?

...... Voilà un bon temps pour planter. Marie.

Ce 6 Mars 1786.

Mon bon Kuchelbecker, j'ai reçu votre lettre et l'incluse pour Krouse, par laquelle je suis charmée de voir que le jardinier n'est pas aussi mal qu'on l'avait dit. Je vous recommande toujours la maison des cerises et suis charmée d'apprendre que les ouvrages vont leur train. Vous pouvez vous attendre à une visite après l'Annonciation et je m'attends à voir des merveilles. Je suis charmée de ce que vous espérez remédier à l'inconvénient des sources à l'orangerie. Je voudrais que ces sources se trouvent à la cascade: elles la rendraient belle. Il serait bon de tâcher d'en trouver pour augmenter la masse d'eau. Adieu, mon bon Kuchelbecker. Dites à Rittmeister que Krouse est tout-à-fait de son avis au sujet du jardinier et que sa maladie n'est d'aucune conséquence. On lui enverra bientôt les drogues demandées pour les malades attaqués de scorbut.

Je recommande à votre protection le charmant Pavlovskoé.

Ce 20 Mars 1786.

Que font nos malades? Au nom de Dieu prenez garde qu'il n'arrive aucun accident à présent à la debâcle: il vaut infiniment mieux souffrir quelques dégâts que s'il arrivait le moindre malheur à qui que ce fût.

Ce 21 Mars 1786.

Mon bon Kuchelbecker, je suis très contente de ce que vous me marquez du dégel et des précautions prises pour la grande débâcle. Je vous prie de me marquer si vous trouvez que la neige s'affaisse beaucoup et si enfin vous espérez que tout se passera heureusement.

Brena m'a fait assurer que Ruffini avait de l'ouvrage. J'aurai encore une réponse plus détaillée de lui avant de fermer ma lettre.

J'attends la réponse décisive de Scotti pour vous marquer son départ, que je tâcherai qu'il fixe à lundi.

Je désire que vous m'envoyiez une liste détaillée des malades * et que Rittmeister marque nommément ceux qui le sont dangereusement. Vous ferez bien de lui conseiller que lorsqu'il a des malades dangereux, de consulter Romberg, plus ancien routier que lui, et d'écrire chaque fois alors à Krouse pour lui demander conseil. Vous me répondrez à ce sujet et je vous prie aussi, mon bon Kuchelbecker, d'ordonner une fois pour toutes que s'il y a un malade qui menace d'être en danger, que vous en soyez d'abord averti. Si vous êtes en ville, ordonnez que Rittmeister vous envoie un exprès et une relation à Krouse. Ces morts m'affligent beaucoup. Au nom de Dieu n'épargnez ni argent, ni dépense, ni soins pour prévenir ces maladies et engagez Rittmeister à redoubler d'efforts pour sauver ces pauvres hommes. Pourquoi avez-vous renvoyé ces trois maçons malades à Pétersbourg? Répondez moi sur cet article.

. . . . . . Je suis fâchée de ce que personne ne se soit servi encore de la Rittmeister, mais il faut que cela vienne de soi-même et on n'y peut engager personne que par des persuasions et de bonnes paroles, mais j'aurais désiré que la femme de mon prêtre eût donne le bon exemple.

. . . . . . Que fait-on à Pavlovskoé aujourd'hui et la gelée n'a-t-elle pas fait de mal? Combien de chênes a-t-on planté hier? Leutnecker plante-t-il encore et où cela? Prépare-t-on la terre noire pour la plantation des tilleuls de Lubeck? Marie.

Que savez vous du chien qu'on avait dit enragé?

Ce 5/16.

Je suis très contente des nouvelles que vous me donnez de Pavlovskoé et surtout de ce que les travaux du lac ont commencé, dont je me fais une belle idée.

Souvenez vous des beaux clumps de Gatchina, tant en fleurs qu'en

* Одно слово не разобрано.

arbres, lorsque vous planterez les miens dont je me flatte trouver toujours quelques uns. En général je crois que je trouverai du nouveau et que vous me ménagez une surprise pour la bonne bouche. Allez en ville chaque fois que vous le jugerez à propos sans en demander permission. Marie.

La coupe d'arbres est-elle faite là, où l'écurie doit se bâtir?

Ce 6 Avril 1786.

. . . . . . J'avais tout bonnement oublié de vous répondre au sujet des arbres qu'il faut planter dans le quinconce. J'avoue que je ne me rappelle pas non plus ce que j'avais ordonné à ce sujet, mais pourvu que ce ne soient ni des pins et ni des sapins, je m'en remets au choix du jardinier ou plutôt au votre. Pourvu que les arbres soient beaux la sorte est indifférente.

Dans ce moment je viens encore de parler à mon mari de cette plantation. Il désirerait, si on peut trouver de beaux arbres, qu'on plante des érables et en général des arbres à belles feuilles, sinon il faudra se contenter de tilleuls, de bouleaux ou de рябины.

Je vous prie, Mr Kuchelbecker, de ne permettre à personne d'entrer dans mon Chalet. J'ai appris avec étonnement qu'un homme de Potemkin y a été. Comme je ne vous l'avais pas défendu, je ne puis vous en faire de reproche, mais je vous prie beaucoup que cela n'arrive plus. Marie.

Je désirerais savoir au juste le jour qu'à la fin des fins mon Chalet sera fini. Marquez le moi au juste.

Ce $^{18}/_{29}$ Avril 1786.

Mon bon Kuchelbecker, je vous envoie la grande nouvelle que nous viendrons à Zarskoé Sélo jeudi, jour fixé pour le départ de toute la Cour, par conséquent vous nous verrez ce jour là à Pavlovskoé.

Envoyez moi, je vous prie, par le courrier tous les livres qui traitent du magnétisme.

Comment vont les ouvrages? Adieu. Marie.

Le 5 Mai.

1) Qu'on remette dans ma garde-robe toutes les clefs des différentes Maisons du jardin.

2) Qu'on finisse les chemins le long de l'avenue.

3) Qu'on pratique au plutôt le chemin pour aller à la Volière.

Ce 16 Juin 1786.

Mon bon Kuchelbecker, nous arrivons certainement demain à Pavlovskoé et pour le dîner. Je ne prétends nullement que les ouvrages qui n'ont dû être achevés que le samedi le soient le mercredi. Ainsi soyez bien tranquille là-dessus. Mon mari et moi vous faisons dire, mais que cela reste pour vous, que nous comptons y faire demeurer nos filles. L'aînée, Alexandrine, occupera notre ancienne chambre à coucher en haut et mon cabinet, la générale celui de mon mari. Ma fille Helène occupera le Num. 6 et sa colonelle le Num. 5. Ma fille Marie occupera le Num. 11 et sa colonelle le Num. 12. Vous n'avez rien à faire que de faire tapisser le parquet de mon ancien cabinet. Tout le reste doit rester jusqu'à ce que j'arriverai moi-même, car comme mes filles n'arriveront que le soir vers les sept heures à Pavlovskoé, nous aurons tout le temps d'arranger le reste. Au nom de Dieu finissez avec les stucateurs; nous perdons tout le beau temps. Quant aux cerfs j'avoue que cette perte m'a fait de la peine, mais que faire? Faites bien aérer les chambres des petites et les nôtres et n'y faites plus faire de feu, car il fait une chaleur affreuse. Adieu. Marie.

Péterhof ce 2 Juillet 1786.

...... Vous vous arrangerez ensemble [avec Nicolay] pour demander une partie des lanternes vertes à Betzky, l'autre à Strekalof et la troisième au comte Chernichef, mais déduisez de ce

nombre la quantité que nous avons. Tâchez d'arranger cela ensemble avant mon arrivée pour que je sache ensuite le résultat de votre conversation et que je puisse dire ensuite ce qu'il y aura à faire. Marie.

Gatchina ce 6 Juillet 1786.

Mon bon Kuchelbecker, il est absolument nécessaire que je vous parle pour mille choses encore pour la fête, surtout pour la décoration de la salle italienne, où il me semble que vous ne m'avez pas bien compris. Ainsi faites moi le plaisir de partir ce soir vers les six heures de Pavlovskoé.

. . . . Je suis très contente de tout ce que vous me marquez; j'en entends dire des merveilles de toute part. Adieu. Marie.

Gatchina ce 8 Juillet 1786.

Mon bon Kuchelbecker, continuez toujours vos apprêts d'illuminateur de théâtre, nous ferons ensuite des répétitions et nous en ferons tant jusqu'à ce que nous atteignions la perfection. Il faudra de toute nécessité placer un clavecin dans l'orchestre: ce sera celui de la Charbonnière. Adieu. Samedi nous sommes chez vous. Marie.

P. S. Envoyez moi la caisse avec les plumes qui se sont trouvées superflues.

Je fais venir de la ville des guirlandes de fleurs qui ont servi une fois à orner la grande salle de Kamennoi-Ostrov encore avant notre temps et je crois que les mêmes pourront servir pour orner la salle de spectacle. Nous pourrons relever ces guirlandes avec de beaux noeuds de papier peint. Je crois que je réussirai à arranger ces salles sans qu'il nous en coûte presque rien. Nous arrangerons cela dès que votre colique vous permettra de sortir. Ensuite, mon bon Kuchelbecker, il faudra incessamment faire tendre une toile sur cette grande marquise du cabinet, car à chaque instant il nous tombe des pierres,

de la poussière et du bois sur notre perron, mais au lieu de laisser la marquise en biais — il faut la faire droite — car sans cela elle nous interceptera la lumière, ce qui nuirait à ce cabinet qui est déjà un peu sombre. Marquez moi si vous vous sentez mieux. Bonjour. Marie.

Ce 15.

Mon bon Kuchelbecker, le Grand Duc m'a dit le malheur arrivé à ces deux pauvres malheureux étouffés par la vapeur de charbon. J'en ai été sensiblement affectée et je l'aurais été davantage encore si ce malheur fût arrivé par la négligence de nos gens. Je vous avoue même que je les en soupçonne, puisque s'ils avaient fait la ronde le soir à 10 heures ou minuit, ils auraient trouvé le charbon que ces deux pauvres malheureux avaient porté clandestinement dans leur chambre. Ce malheur doit vous faire redoubler d'attention, mon bon Kuchelbecker, sur les gens de la maison. Informez vous si ces pauvres gens laissent des veuves et des enfants et rendez m'en compte. Marie.

Ce lundi.

Comme le temps est bien doux aujourd'hui, je me flatte qu'on pourra maçonner et c'est pour avoir des nouvelles de ce que l'on fait chez vous, que je vous écris ce peu de lignes. En même temps je vous prie de m'envoyer un portrait de mon mari qui se trouve à l'orangerie, nommément celui où le Grand Duc est peint avec un habit rouge tenant l'estampe de Pierre le Grand à la main. Comment vont les ouvrages au jardin et Henry avance-t-il bien au nouveau jardin? Les statues sont-elles couvertes? Bonjour. Marie.

[Automne] ce 17.

. . . . Je vous avertis que le bataillon va revenir samedi ou dimanche à Pavlovskoé, ainsi il faut que vous avisiez avec Mr. Pleschéef aux moyens de bien loger les matelots. Les 30 matelots qui vous sont arrivés sont uniquement pour Henry pour qu'il finisse la place des jeux. Ils seront payés à part par Mr. Pleschéef.

Je vous prie d'engager Cameron à finir ma cascade. Vous lui direz que je suis extrêmement satisfaite de ses coupes qui font un charmant effet et que je me flatte qu'il fera quelque chose de bien joli de ma cascade. . . . . . .

Je suis bien fâchée, mon bon Kuchelbecker, de vous avoir fait de la peine en me plaignant de la lenteur des ouvrages. Cela s'adressait aux ouvriers et non à vous, car votre zèle m'est bien connu. Ainsi une fois pour toutes, si je m'avise de ne pas être contente des ouvrages, ne prenez jamais ces reproches pour vous, car ce serait de la plus grande injustice si je n'étais satisfaite au possible de votre zèle et de vos soins. Connaissez moi mieux et rendez plus de justice à ma façon de penser à votre égard. Bonsoir, mes amitiés à votre femme. Marie.

— —

1) On m'enverra le dessin des coupes ordonnées l'année passée dans le bois du côté de Lipitze et dont je me rappelle avoir vu un croquis.

2) On reverra les filets qui ont servi l'année passée à couvrir les cerisiers et on demandera à Wisler s'il y en a assez.

3) On fera placer le banc singulier arrivé d'Angleterre cet hiver et qui doit se trouver à Pavlovskoé près du Chalet.

4) On doit envoyer ici la draperie d'un des tabourets du Chalet.

5) Mr. Cameron a-t-il décidé quelque chose aujourd'hui?

6) On doit m'envoyer le catalogue des livres de Pavlovskoé.

7) Y a-t-il encore, outre les 4 statues de plâtre, d'arrivé de la ville d'autres anciennes statues de plâtre ou des bustes de plâtre au garde-meuble et lesquelles sont-elles?

———

Je m'étonne, mon bon Kuchelbecker, que vous ne m'ayez donné aucune nouvelle quelconque ni de Pavlovskoé, ni de l'accident arrivé à un ouvrier de Fedorofskoé. J'envoie Romberg à Pavlovskoé pour voir ce pauvre blessé et m'en rendre compte. Voici le plan du rond tel qu'il se trouve ici. Ecrivez moi ce qui se fait chez vous et rendez moi compte des commissions que je vous ai données. Adieu. Marie.

Ce 3 Avril au soir à onze heures, 1787.

Comme je vois par votre lettre à Nicolay que la débâcle a commencé, je vous prie de me marquer si tout se passe heureusement et sans dégât et surtout si les ouvrages de couper les glaçons n'ont rendu personne malade. Comme il n'y a en ville ce soir qu'un degré et demi de chaud, je crois qu'il gèle à la campagne. Je vous envoie dix roubles pour donner de l'eau de vie aux ouvriers en cas de besoin, s'ils se sont mouillés. Adieu. Dieu veuille que tout se passe bien. Marie.

Ce 9/20 Avril.

L'espérance est une belle chose, mon bon Kuchelbecker. Je suis très persuadée qu'il n'y a aucun dégât, croyez m'en sur un pressentiment qui me montre tout en couleur de rose. Pour dire le vrai cependant j'ai un peu peur de la pluie d'aujourd'hui, mais le courage est une belle chose. Pour savoir de vos nouvelles, je vous envoie ce courrier. Les belles fleurs m'ont consolée en partie et je suis sûre que vous me donnerez de si bonnes nouvelles que je n'aurai que des sujets de contentement. Comment vont les ouvrages? Dites au jardinier que ses fleurs sont très-belles. Adieu, mon bon Kuchelbecker. Aujourd'hui en huit sera le grand jour qui décidera si je dois regretter ma vieille maison; aussi je dois l'oublier pour vous mettre en bonne humeur. Marie.

Je vous envoie tout l'argent que j'ai, je ne possède pas un liard de plus. Je me flatte qu'il fera des prodiges.

Je viens d'apprendre, mon bon Kuchelbecker, que le pauvre Wagnerknecht est fort mal. Je vous prie de dire à Rittmeister qu'il en écrive à Krouse pour le consulter et envoyez cette lettre par un exprès.

Mon bon Kuchelbecker, vous m'avez promis l'année passée une maison pour les cerises et j'avais espéré qu'elle était faite, mais je viens d'apprendre que non. Soyez donc gracieux, vous savez que les cerises sont ma passion.

Que fait-on à Pavlovskoé? Wisler m'a dit que l'orangerie sous la montagne est toujours endommagée par la source: qu'en pensez vous? Ne peut-on pas la détourner? Adieu. Répondez moi par l'exprès qui apportera la lettre de Krouse.

J'arrive de Gatchina dans ce moment et j'ai examiné avec la plus scrupuleuse attention la manière de planter des arbres [surtout les tilleuls et rosiers] de Sparo et je vous avoue que j'ai été bien étonnée de voir la différence des soins qu'il y donne et le peu que Wisler y apporte. Sparo après avoir planté les tilleuls dans de la terre noire, en met encore par dessus la racine et chaques deux jours il fait arroser chaque tilleul et fait couvrir la racine de beaucoup de branches de sapins. Il fait de même avec les rosiers, aussi tous ont-ils verdi, quoiqu'ils ne sont plantés que depuis huit jours. Dites cela à Wisler. Ce sont des femmes qu'on emploie pour arroser les arbres. Tàchez d'en trouver chez vous pour cet ouvrage et dès demain faites arroser tous mes tilleuls et les rosiers nouvellement plantés. Il vous arrivera cette nuit douze tilleuls pour remplacer ceux qui sont morts dans mon petit jardin. Je vous conjure d'engager Wisler à mettre plus de zèle, plus de soins et plus de fini à son ouvrage. Dites aussi à Henry la méthode de Sparo et sa bonne réussite. J'ai donné ordre d'acheter aussi cinq cents rosiers sauvages, tant pour mon petit jardin que pour Henry.

Ce 28 Avril à dix heures.

Mon bon Kuchelbecker, Dupont vient d'arriver dans ce moment et m'apporte votre lettre qui, je vous avoue, m'a fait peine, car après la ferme espérance que j'avais de voir tout fini le 1 Mai, je vois que je suis bien éloignée de cette satisfaction. Je vous envoie cet exprès ce soir pour vous prier de partir demain de Pavlovskoé vers les sept heures du matin, pour que vous puissiez être ici vers les neuf heures. Nous arrangerons plus dans une demi-heure en nous parlant que par mille lettres. Rapportez les listes que je vous ai envoyées aujourd'hui. Faites de grâce que vous arriviez de bien bonne heure ici, venez en hâte en habit de campagne; il y a mille choses

XXXV

à arranger, mais venez en voiture, le temps est trop mauvais pour aller en chaise, et s'il vous est possible, apportez moi de meilleures nouvelles, car celles de ce soir ont changé la joie que j'ai eue d aller à Pavlovskoé en mauvaise humeur et en vérité il y a de quoi en avoir, mais dites vous bien que ce n'est pas contre vous. Marie.

1) Avec le temps il faut peindre la caserne, la maison de Courdikof et la laiterie comme la maison du prêtre.

2) Il faut faire les perrons de l'école et de la maison du prêtre en pierre.

3) Il faut faire un joli poulailler près de la laiterie.

4) Il me faut le plan de votre maison.

5) Le plan de l'auberge.

Je viens d'envoyer chez Cameron: il n'y est pas et même on croit qu'il ne reviendra que demain. C'est insupportable. Faites moi le plaisir de dire à Guarenghi qu'il me fasse aujourd'hui même un dessin pour la cascade: il voit les belles pierres que nous y destinons. Je suis ennuyée des lenteurs de Cameron. Pour vous, mon bon Kuchelbecker, je vous prie au nom de Dieu de vous ménager et si vous allez vous même à cette nouvelle place où sera la colonnade et la cascade, que ce soit en cabriolet. Ne vous servez pas du droschka: ses secousses peuvent vous faire du mal. Dites à Guarenghi que si ce n'est que pour chercher ses hardes qu'il va en ville, on peut les envoyer chercher. Adieu, mon bon Kuchelbecker, mandez moi comment vous vous portez. Marie.

Ce 8 Septembre 1787.

Ce n'est que dans ce moment, à neuf heures du matin, que je reçois votre lettre d'hier. Je vais y répondre article par article:

1) Je suis charmée de ce que Brena s'est remis à l'ouvrage. Vous lui direz en mon nom que j'attends avec impatience son arrivée ici avec le dessin de la salle italienne.

2) La visite de Cameron à Pavlovskoé m'a fait grand plaisir. Vous lui direz en mon nom que je suis sûre que ses soins vont embellir de beaucoup Pavlovskoé et que je m'attends à y voir l'effet de ses soins. J'approuve son pont et vous le renvoie pour le mettre en exécution.

Vous ne me parlez ni des coupes dans les bois, ni si on nettoie le bois, ni des champs, ni des nouveaux chemins, ni du projet dont je vous ai parlé la dernière fois du bois derrière le jardin. Rendez moi compte de tous ces différents articles. Adieu, portez-vous bien. Marie.

Ce 22 Octobre.

J'ai été hier au parc ici et j'ai parlé à l'Oberförster si on pouvait continuer les ouvrages et les plantations dans les bois. Il m'a dit que oui, parce que la terre n'était nullement gelée. Ainsi je me flatte que vous ferez continuer à nettoyer les forêts et à planter d'autant plus que le dégel d'aujourd'hui est parfait. Dès que vous aurez revu le devis de la salle, vous me marquerez en gros si vous en avez rabattu. Au cas que vous puissiez, en étant bien sûr de votre fait, transporter le petit Faune dans la même chambre où se trouvent les autres sans Pinchetti et sans l'endommager, j'en serais bien charmée. Vous aurez soin de faire bien couvrir les piédestaux. Ne serait-il pas bon de couvrir les colonnes du monument? Où est le devis de la maison de Wisler et les dessins des chambres à faire en haut? Qu'a-t-on fait pendant tous ces jours, surtout dans le bois? A-t-on ôté beaucoup de racines? J'ai vu ici beaucoup d'allées de plantées, mais dont les arbres étaient mieux assujettis que les nôtres avec trois bâtons: je crois que cela vaut mieux.

Il a fait une gelée terrible cette nuit qui me fait craindre que mon cher jardin aura beaucoup souffert. Je vous prie de m'en donner des nouvelles et de me marquer si on a fait du feu partout où on l'avait fait la nuit d'avant et si le dégel est grand. Adieu.

Engagez Wisler à prendre la journée d'aujourd'hui pour attacher ses arbres.

*

Voilà encore, grâce à Dieu, un dégel, ainsi vous pourrez faire les fondements de la colonne. Au nom de Dieu mettez y tout le zèle que je vous connais. J'espère que Cameron vous aura assigné la place. Marquez moi quand il vous faudra la colonne. Que font les plantations? Au nom de Dieu profitez du temps et pensez que plus vous ferez cèt automne, moins il vous restera à faire pour le printemps. Que fait Wisler? Que fait l'orangerie? Les fleurs comment vont-elles? Quels chemins avez vous fait? Avez-vous planté sur l'île où viendra le vase? Adieu, portez vous bien. Marie.

Ce 27 Février 1789.

Je vous envoie cinquante roubles qui doivent servir de fonds à l'entretien des 6 blessés de la bataille navale, qui doivent vous arriver aujourd'hui. Vous vous rappellerez de tout ce qui vous a été ordonné pour eux, leur entretien et leur logement. Rendez moi compte des arrangements que vous aurez déjà pris à ce sujet et parlez moi en même temps des ouvrages. Comment va le dégel occasionné par le soleil; diminue-t-elle [la glace?] d'épaisseur et la faites vous déjà casser? Que font les malades? La petite vérole a-t-elle cessé? Adieu, portez-vous bien. Marie.

Demain Mr Halleday viendra à Pavlovskoé. Vous ferez rassembler tous les enfants qui s'y trouvent et qui n'ont pas eu la petite vérole pour qu'il les examine et qu'il décide s'il faut les inoculer et alors vous ferez ce qu'il voudra et vous engagerez les parents à y consentir et leur faisant envisager que nous avons deux enfants qui n'ont pas eu la petite vérole et qu'ainsi si l'épidémie continue à Pavlovskoé, nos enfants courent un danger véritable. Vous me marquerez demain ce que Halleday aura décidé et vous m'enverrez la liste de ceux qu'il aura choisis et vous marquerez leur âge. Adieu, que fait-on à Pavlovskoé, le dégel s'est-il fait sentir aujourd'hui? Bonsoir. Marie.

Les enfants qui doivent être inoculés seront envoyés en ville chez Mr Halledav et là où il l'ordonnera.

Je vous envoie, mon bon Kuchelbecker, de quoi faire avançer un peu les ouvrages. Il me semble que Mrs Charmant ne sont pas trop charmants quant à la promptitude de l'ouvrage. Quant au jardin, il n'était pas trop en beau non plus, surtout il me paraît que le jardinier aurait dû avoir soin d'ôter les feuilles mortes aux arbres nouvellement plantés. De grâce engagez Danilof à ne pas faire aussi lentement que les autres dans la chambre à vernir Veuillez prendre ma pauvre maison sous votre protection immédiate et alors je suis sûre que tout ira au mieux. Si je pouvais vous partager et avoir un Kuchelbecker en entier pour le jardin et un autre Kuchelbecker en entier pour la maison, alors nous verrions des prodiges. Quand commencerez vous à faire couper les allées au Redding? On a routé tout un bois dans l'espace de 15 jours à Gatchina où on est tout aussi gueux et plus gueux que nous.

. . . . Enfin, mon très cher seigneur, ne me retirez pas vos bontés et soyez gracieux, alors tout Pavlovskoé se ressentira de vos soins. Je vous (?) envoie tout plein de livres. Mes amitiés à votre femme. Marie.

Ce 3 Avril 1789.

Je suis très contente de tous les arrangements que vous avez pris, seulement j'aurais désiré que vous n'eussiez pas écouté le voeu des parents qui ont donné leurs enfants à inoculer sans y avoir été destinés par Halleday, mais je me flatte encore qu'ils seront renvoyés sans l'être. Dites à Kousma Petrovitch qu'au nom de Dieu il ait soin de ses enfants. Je voudrais les savoir en bonnes mains et ne ferait-il pas bien de les confier à un endroit sûr. Il m'est venu dans l'idée que peut-être Halleday me ferait le plaisir de se charger de ces deux enfants si je l'en faisais prier. Je lui en ferai écrire encore ce soir et vous ferai faire sa réponse demain au matin, car je crains qu'en les transportant chez sa parente on les tiendra chaudement et les enfants en souffriront. Dites un bien obligé à tous les paysans, surtout à celui qui a donné l'exemple et à tous les autres parents. Quant à la veuve Seldukof, après la proposition affreuse qu'elle a faite de supprimer son enfant et de renoncer au devoir attaché à la maternité, vous n'avez qu'à lui dire que je me charge de l'enfant que vous con-

fierez à qui vous jugerez à propos sous l'inspection immédiate de Rittmeister et de sa femme, mais quant à la mère, dès que sa santé le lui permettra, elle doit quitter Pavlovskoé et je ne veux plus l'avoir sur la liste des pensionnaires, cependant attendez les neuf jours de ses couches pour lui déclarer son sort, mais au nom du ciel ayez soin de l'enfant.

L'empereur [Іосифъ II] viendra dîner chez moi: ainsi arrangez tout. Je vous envoie tous les plans pour que vous les ayez quand je les demanderai.

Dites moi si Mr de Brown et les officiers ont été contents de ce qu'ils ont vu? Qui leur a manqué de politesse? Ont-il trouvé le jardin et la maison jolis? Répondez moi vite à tout cela. Adieu, mon bon Kuchelbecker. Je vous recommande mon charmant jardin. Portez-vous bien de même que votre femme. Que fait le tapis de roses? Marie.

Ce mercredi soir.

Demandez aussi à Cameron au cas qu'il veuille déplacer la colonnade et qu'il lui trouve une meilleure place, ce qu'il compte mettre à l'endroit où elle était projetée. Mais je ne voudrais que quelque chose de bien léger, une tente ou enfin tout ce qu'il voudra. Qu'il vous fasse un petit dessin que vous m'apporterez. Faites lui souvenir aussi des autres dessins qu'il m'a promis. Je vous attends avec grande impatience. Bonsoir, mon bon Kuchelbecker. Marie.

Il me semble, mon bon Kuchelbecker, que vous m'avez dit une fois que vous avez des lampions à Pavlovskoé. Au cas que vous en avez, je vous prie de les envoyer tout de suite ici à Mr de Benkendorf. Marquez moi comment vont nos ouvrages. La salle sèche-t-elle? Est-ce que Cameron est assidu chez vous et trouverai-je la partie du bois arrangée autour du lac? Répondez moi sur tous ces articles,

mon bon Kuchelbecker, et faites merveille comme toujours. Au cas que vous avez des lanternes de couleur, envoyez les aussi et tout cela le plus promptement possible. Répondez moi sur tous ces articles et ayez soin surtout de recommander à celui qui amènera les lampions, que s'il nous rencontre, de ne pas dire si nous lui demandons ce qu'il amène, car je veux faire une surprise à mon mari. Adieu, portez-vous bien. Mes compliments à votre femme. Marie.

Au cas que les cordons des lanternes ne soient pas achevés, on n'a qu'à en prendre de blancs. Marquez moi ce qu'on fait à Pavlovskoé; comment va la peinture? Je me flatte que les changements dans la salle feront un joli effet. Enfin j'attends tout de votre zèle. Travaille-t-on bien au jardin? Nous viendrons dîner chez vous, ainsi faites servir une table de neuf à dix personnes au Chalet sur la faience d'Angleterre, sans aucune porcelaine. N'avez vous pas oublié, mon bon Kuchelbecker, de faire venir mon argenterie d'ici pour la nouvelle maison?

Mon bon Kuchelbecker, je vous prie de venir ici demain matin: nous aurons de belles conférences ensemble pour des bâtisses et je crois que vous serez émerveillé de mon économie. Vous apporterez avec vous:

1) Le plan général, celui où se trouve le plan de la città futura.
2) Le plan de l'auberge projetée.
3) Le plan de votre maison, et
4) Le grand plan de toutes mes possessions.

Tâchez de venir ici vers les neuf heures. Marquez moi comment va mon jardin et si on y travaille? Adieu, portez-vous bien. Que font les jumeaux? Marie.

Ce 19 soir 1789.

Mon bon Kuchelbecker, le comte Falkenstein vient demain matin à neuf heures avec nous à ma campagne. Prenez tous vos arrangements, faites dégarnir la porte d'entrée des échafaudages qui l'embarrassaient aujourd'hui, tâchez de couvrir la montagne vis-à-vis de la maison avec des arbres. Les ouvriers peuvent rester dans le jardin. Que le déjeûner soit servi dans la salle ronde d'en haut, que le café soit sur une table, le thé avec la machine où l'eau se trouve sur une autre, entouré de tasses,— le tout proprement. Ayez les plans en poche; redoublez de soins pour qu'il ne se trouve point de gens à requête dans le jardin: Bonsoir, mon bon monsieur, redoublez de zèle pour que rien ne manque demain et que tout soit en règle. Marie.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА НА УЧАСТОКЪ ЗЕМЛИ ВЪ ПАВЛОВСКѢ

1794 г. *

«Божіею милостію, Мы, Павелъ, Великій Князь и Наслѣдникъ Всероссійскій, герцогъ Шлезвигъ-Голштейнскій и проч. и проч. и проч. и супруга его Великая Княгиня Марія Θеодоровна и проч. и пр. и пр.

«Объявляемъ всѣмъ и каждому, что въ Павловскѣ Нашемъ жалуемъ симъ камердинеру Нашему Ивану Кутайцову мѣсто, коего мѣра, по Ивановой улицѣ [слѣдуетъ подробное землемѣрное описаніе]—какъ ему Кутайцову, такъ и наслѣдникамъ его въ вѣчное и потомственное владѣніе безъ платежа за сіе податей, поборовъ, или откупу. Дозволяемъ ему поступать съ онымъ по своей волѣ: продавать, дарить и закладывать кому заблагоразсудитъ; предоставляя Мы себѣ только, въ семъ случаѣ, право покупки или выкупа онаго, такъ какъ и всего на ономъ мѣстѣ построеннаго предпочтительно предъ всѣми, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на каковыхъ оное симъ Кутайцовымъ другому кому уступаемо будетъ и сіе право, при всякой перемѣнѣ владѣльца, существовать имѣетъ. А для

* Таковыми же грамотами были жалованы, до 1796-го года включительно, земли въ Павловскѣ разнымъ лицамъ. Арх. Пав. Гор. Прав.

сего всякой владѣлецъ, въ случаѣ продажи и уступки оной, повиненъ дать Намъ о семъ напередъ знать. Въ прочемъ же полагая ему въ пользованіи симъ имѣніемъ никакой иной обязанности, какъ поступать во всемъ по Государственнымъ узаконеніямъ и ничего такого не предпринимать и не дозволять другому дѣлать, что бы доброму порядку и благочинію противно или бы сосѣдамъ предосудительно было. Во увѣреніе чего, Мы сіе своеручно подписали и Нашими печатями укрѣпить повелѣли. Дана въ Павловскѣ, августа 19 дня 1794 г. (Подписано): Павелъ (М. П.). Марія (М. П.).» Скрѣпилъ: Надворный совѣтникъ Адольфъ Роткирхъ.

Росписка: «Подлинный получилъ Іванъ Кутайсовъ».

ОПИСАНІЕ ДВОРЦА ВЪ ПАВЛОВСКѢ

составлено и собственноручно написано Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною *.

1795 г.

Vestibule d'en haut. Le vestibule est en stuc avec des trophées; le plafond est peint; à droite du vestibule on entre dans:

La chambre de service des femmes de chambre, ensuite:

Dans un cabinet à moi: dont le fond est en stuc; belle corniche. Les murs ont une petite teinte verte bien légère; sur le mur se trouvent placés des tableaux choisis, un Mengs, un Greuze, un Angelica Kaufmann, un Schedone, un Battoni, de Hackert, de Paul Veronèse, de Rembrandt, etc.

Les rideaux sont de pékin vert avec une bordure blanche brodée en arabesques à soie plate de différentes couleurs; le dessin et la

* Подлинникъ этого документа хранится въ дворцовой Библіотекѣ въ Павловскѣ, въ отдѣлѣ рукописей Августѣйшей Фамиліи.

broderie sont de toute beauté; le canapé et les fauteuils qui sont unis ont des pleins de broderie pareille; la broderie du canapé est surtout à remarquer. La cheminée est de marbre avec bronze. Les meubles sont: un clavecin engainé, un beau meuble de Roentgen sur lequel se trouvent de même que sur la cheminée des vases et des candélabres, et deux jolies tables; pour lustre il y a une lanterne d'albâtre. De ce cabinet on entre dans ma chambre de toilette.

La chambre de toilette a une très jolie forme; les coins sont arrondis, les murs sont en stuc, le plafond est en voûte, peint en berceau de roses; les murs sont en compartiments avec des vues et des encadrements de roses; de très-jolis dessins de porte; le meuble est de belle toile blanche fine calandrée avec des bordures en roses, faite à Mulhouse; la chaise longue et les chaises de même avec des médaillons, le meuble verni en blanc. La toilette est d'acier, faite à Toula; deux belles commodes, deux tables en marbre et bronze, deux petites tables remplies de porcelaine; des beaux vases de porcelaine et des déjeûners ornent les commodes. Sur la table de marbre à droite de la toilette se trouve une belle cassette de nacre de perles que je tiens des bontés de ma bonne et excellente mère.

La chambre à coucher est de forme presque carrée; une belle corniche, le plafond peint, la tapisserie de pékin blanc, peint en différents trophées champêtres d'après des dessins de Leen et exécutés à merveille; la vivacité des couleurs se conservant et donnant à la chambre l'air de la plus grande fraîcheur; les listels dorés. Le grand lit, les fauteuils, la chaise longue sculptée et dorée à Paris, et du plus grand fini; le lit est de toute beauté, parfaitement drapé, le pékin blanc coupé avec du pékin paille, les bordures analogues à la tapisserie, les rideaux des fenêtres drapés et coupés comme le lit. Vis-à-vis du lit une grande glace devant laquelle se trouve placée la belle toilette que le roi de France m'a donnée. Dans les coins de l'appartement du côté des fenêtres il y a deux beaux vases de porcelaine de Sèvre bleue placés sur des demi-colonnes de marbre. Dans les autres coins à côté du lit deux enfants de marbre tenant des oiseaux. A côté du lit

la petite chiffonnière de Mütterchen avec son charmant dessin; devant la chaise longue il y a une table longue dont le bord est en porcelaine de Sèvre; de l'autre côté il y a une table avec une toilette en porcelaine de Sèvre. L'autre mur est partagé par une superbe cheminée surmontée d'une belle glace, une garniture de porcelaine de Sèvre avec la pendule. A côté de la cheminée sur des demi-piédestaux des vases de porcelaine de Berlin; de petites tables d'ouvrage de Roentgen remplissent les vides entre les fauteuils; le lustre est de beau cristal.

Mon boudoir attenant à la chambre à coucher est de forme longue, le plafond voûté peint en arabesques, les murs en piliers de marbre peints en arabesques; quatre bas-reliefs de marbre, une belle corniche, une belle cheminée dans une espèce de cintre dont la voûte et le fronton sont soutenus par deux colonnes de porphyre; la garniture de cheminée en porphyre et jaspe, un grand vase de marbre dans l'enfoncement. De deux côtés de la cheminée deux superbes grands bustes de marbre sur deux demi-colonnes de marbre. La cheminée se trouve vis-à-vis du balcon de la fenêtre dont j'ai la vue du petit jardin et d'une bonne partie des environs. Les murs à côté de la fenêtre sont avec une glace; de belles tables de porphyre se trouvent dessous; la boiserie des pieds des tables, des ottomanes, des fauteuils et des tabourets a été faite et dorée à Paris; des vases du Japon et de grands candélabres dans des vases de porcelaine d'ici ornent les tables de porphyre; deux ottomanes remplissent d'un côté le mur jusqu'à la porte, de l'autre côté ce sont deux bureaux assez élevés en porcelaine de Sèvre et bronze, surmontés de petites statues en marbre, de candélabres, de pendules et de petites pièces de cabinet, entre autres d'une petite colonne de lapis lazuli avec deux vases de même, et de babioles semblables. Devant une ottomane se trouve une table à écrire, devant l'autre un bureau de Roentgen pour écrire ou dessiner debout. Devant un des tabourets il y a la table dont l'empereur Joseph m'a fait cadeau, devant un autre une table de porcelaine faite ici avec les vues de Pavlovsko. Ensuite j'ai placé dans ce cabinet deux tables que je tiens de mes bons parents, l'une ovale, envoyée encore avant notre départ pour les pays étrangers et une

table ronde que j'ai reçue de leurs bontés il y a de ça quelques années. Devant la cheminée il y a un trépied de marbre. Le meuble est petit jaune avec une bordure tissue avec des iris bleus, le lustre est en cristal et bronze.

Du boudoir je vais dans ma bibliothèque dont le mur du fond est arrondi et meublé d'une haute-lice que j'ai reçue du feu roi de France. Les vides de la tapisserie sont en faux marbre; l'entre-deux des fenêtres est rempli par la cheminée, surmontée d'une glace avec une garniture de vases de porphyre. Tout autour du plan des murs il y a une bibliothèque basse, couverte de plateaux de marbre sur lesquelles sont placés les neuf muses, Apollon, une superbe figure de Cléopatre couchée, qui prend le milieu du mur, et différents autres bustes de marbre. Cette chambre d'un style sévère est bien belle; la corniche du cintre, les listels de la tapisserie bien sculptés et dorés. Le meuble est de pékin vert avec une bordure de différentes fleurs en tissu; quelques fauteuils et tabourets de même, une grande table à écrire de Roentgen, sur laquelle se trouve placé le superbe encrier que j'ai des bontés de mes adorables parents, de même qu'un chandelier de bronze avec un abat-jour; deux petites tables mouvantes; mon fauteuil placé devant ma table à écrire; un beau lustre de bronze. Ici finissent mes chambres intérieures du bel étage. Je vais faire présentement le détail de celles de mon mari.

Du grand vestibule on va de même dans la chambre de service de ses valets de chambre. De là on entre dans sa chambre de toilette de même forme que la mienne, peinte de même, mais avec la différence que les berceaux sont en jasmin et que la peinture des murs est en camaïeu. Le meuble est de même que dans mon cabinet, avec une différence seulement dans les bordures; trois tables de marbre et bronze surmontées de vases en candélabres et des ouvrages en ivoire et ambre de moi ornent les tables. Quatre grands vases du Japon, dont se doivent deux aux bontés de mes adorables parents; sur des demi-soubassements, ornent l'appartement. Devant la fenêtre, c'est à-dire dans le cintre du mur, devant la fenêtre, est placée une superbe statue de marbre représen-

tant un Faune. De cette chambre on entre dans un grand cabinet qui en fait deux, étant partagé par un arc, le Grand Duc ayant désiré qu'il fût ainsi. La partie du cabinet attenant à la chambre de toilette est toute en faux marbre blanc, une belle cheminée sur laquelle je viens de placer la superbe garniture de cheminée que j'ai reçue des bontés de mes adorables parents. Dans le fond du cabinet il y a un canapé devant lequel se trouve une table à écrire parfaitement pareille à celle qui se trouvait dans la bibliothèque de Mütterchen à Etupes. L'arc est marqué par deux beaux vases de marbre sur des piédestaux de faux marbre. A côté de la fenêtre il y a des tables de marbre, garnies de différentes pièces de mon ouvrage en ivoire et ambre. Le meuble est d'un pékin incarnat avec une bordure en guirlande de lis blancs. Une belle pendule de Roentgen orne encore ce cabinet. Le plafond est peint. L'autre partie du cabinet au delà de l'arc est meublée en compartiment avec des bandes déhaute-lice mauvais ouvrage de Laumerie, [c'est aussi un cadeau du feu roi de France]. Le milieu du mur est rempli par mon portrait; l'entre-deux des fenêtres est rempli par une grande glace, devant laquelle se trouve une statue de grandeur naturelle, moulée d'après celle de Naples: elle représente un Faune couché; c'est fait en Skagnola [c'est la première fois qu'on a moulé cette statue; elle ne l'a été que par mes prières réitérées à la reine de Naples]. Dans les coins à côté des fenêtres il s'en trouve encore deux autres, l'une représentant le Plongeur et l'autre Mercure, toutes deux moulées aussi d'après celles de Naples et faites en Skagnola. Toutes ces trois statues sont posées sur des soubassements. Le long des murs il règne une bibliothèque basse couverte de plaques de marbre et ornée de bustes de marbre et de quelques groupes. Le milieu de la bibliothèque avance un peu et est marqué par un temple fait en ivoire de mon ouvrage avec un autel; plusieurs trépieds et vases d'ambre ornent le temple. Le meuble de cette bibliothèque est en pékin bleu clair avec des bordures blanches, sur lesquelles il y a une guirlande composée de giroflées jaunes; les fauteuils et les tabourets ont des médaillons de ces fleurs; la corniche est belle, le plafond peint, les meubles dorés. Presque sous l'arc du cabinet se trouve une très grande table à écrire comme celle de Roentgen. Elle est soutenue par douze colonnes d'ivoire que j'ai tournées. Une espèce de bureau

d'une forme élégante couvre le tiers de la table et sert de soubassement à un temple d'ivoire d'une forme carrée et d'une belle architecture; sur le fronton du temple se trouve le camée du Grand-Duc, enclavé dans un verre blanc sur lequel j'ai peint un trophée en camaïeu. Sur l'autre côté du fronton se trouve le chiffre du Grand-Duc. Sur le soubassement du temple il y a aussi de la peinture en camaïeu; au milieu du temple se trouve un autel à huit faces fait d'ambre et d'ivoire; sur la face du milieu il y a en médaillon mon chiffre peint sur verre et enclavé dans l'ambre; sur les autres faces se trouvent enclavés de même ceux de mes sept enfants à commencer par Alexandre dont le chiffre est joint à celui d'Elisabeth, et à finir par feu la chère Olinka. [J'ai fait ce cadeau l'année passée [1794] au cher Grand-Duc où la chère Olinka vivait encore et où Annette n'était pas encore née]. J'ai peint tous les chiffres des enfants en roses et myrtes; le mien est en petites fleurs bleues. Au dessus de l'autel se trouve une petite statue de bronze avec les attributs de l'amour conjugal et filial. Sur les côtés de la table se trouvent placés deux chandeliers à quatre lumières; le fût du chandelier est en colonne tronquée. Le camée du Grand-Duc est placé sur une des faces d'où partent les branches pour la lumière. L'écritoire est d'une forme antique en ambre; le canif, le couteau pour le papier, le crayon, le manche du cachet, tout est en ambre et fait par moi; j'ai même gravé le chiffre du Grand-Duc en acier pour le cachet Du reste il y a dans l'appartement différentes tables de l'ouvrage de Roentgen et d'ici. Deux beaux vases de marbre avec des ornements en bronze doré se trouvent placés près de la porte qui mène dans l'autre cabinet du Grand-Duc.

Cet autre cabinet du Grand-Duc est meublé en belles haute-lices avec de beaux listels dorés, le plafond est peint à fresque; une belle cheminée se trouve entre les deux fenêtres; une belle glace en fait le dessus. La cheminée est ornée d'une garniture de vases de porcelaine; à côté de la cheminée dans les angles sont deux piédestaux avec de grands vases de porcelaine; le milieu du pan du mur, qui est arrondi, est marqué par une grande table à écrire placée en long, qui est ornée d'une superbe pendule et de candélabres. A côté de la table se trouvent deux colonnes tronquées de marbre avec des figures de marbre très-belles. Les autres pans de murs sont ornés de belles

tables d'albâtre avec des vases. Le meuble est jaune avec une bordure d'une guirlande en lilas. Voilà la déscription de nos chambres intérieures; je passe à celles de parade et commence par le salon du Grand-Duc, d'où il passe de ce dernier cabinet. Il est d'une forme arrondie avec quatre niches, dont l'une est remplie par le fourneau et les trois autres par des canapés. La décoration du salon est en faux marbre blanc; belle corniche dorée, un plafond peint, à côté des niches de grandes torchères en trophées militaires dorés. Le meuble est lilas avec une bordure tissue en giroflées jaunes. Mon salon, où j'entre de ma bibliothèque, a la même forme et le même genre d'ornement, avec la différence que celui du Grand-Duc est en ornements militaires et que le mien l'est avec les ornements qui caractérisent la paix: les trophées, la peinture du plafond sont analogues à la paix. Les murs sont aussi en faux marbre blanc; la corniche très-riche en dorure; des torchères avec de beaux candélabres en bronze; le meuble vert de pomme avec une bordure en tissu de roses. Nos deux salons sont partagés de la grande salle avec des arcs. La grande salle a la forme d'un carré long. Elle est ornée en colonnes de faux marbre de vert antique; la corniche très-riche; les chapiteaux des colonnes d'ordre corinthien; les murs en faux marbre blanc; dans les niches qui se trouvent dans le mur il y a des statues moulées d'après l'antique. Cette salle, quoique sans dorure, est de la plus grande beauté. Deux superbes cheminées de marbre et bronze répondent aux fenêtres; la porte est en ébénisterie et ornements de bronze. Quatre grandes tables aux pieds dorés ornent la salle. Une de ces tables est en véritable vert antique; l'autre est en malachite et les deux autres sont de beaux marbres d'Italie noir et blanc. Des vases de porphyre, d'albâtre oriental, des candélabres ornent les tables. Sur les cheminées il se trouve de même des candélabres et de grands vases de vieille porcelaine bleue de Japon avec bronze. Je tiens quelques uns de ces vases des bontés de mes adorables parents. Le meuble de l'appartement est d'une belle sculpture et doré. Il y a quatre canapés dans la pièce. L'étoffe des rideaux et chaises est en gros pekin blanc à bordure brodée au petit point à l'hameçon en guirlandes de fleurs; les médaillons des chaises, fauteuils et canapés sont de même: ce meuble est superbe. De ce salon on entre dans la

salle à l'italienne où nous dînons quelquefois; elle est éclairée par le haut; sa forme est ronde; elle est en faux marbre lilas et blanc tacheté avec des bas-reliefs en marbre; dans les quatre niches il y a quatre belles statues de marbre. Le meuble de même que la draperie des balcons est en bleu brodé en argent; la corniche est très ornée et avec de la dorure. De ce salon on passe dans le vestibule du grand escalier.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ӨЕОДОРОВНЫ

къ директору Павловска Фридерици.

1822 — 1827 *.

Den 23-ten Februar 1822.

Ich habe gestern durch Staubert gehört, mein guter, braver General Federici, dass Sie nicht wohl wären, husteten und über Verkältungsfieber klagten. Es thut mir sehr leid und ich bitte Sie mir durch diesen Expressen wissen zu lassen, ob Sie sich besser befinden oder genöthigt sind sich einzuhalten. Wenn es der Fall ist und nur selbsten durch Vorsicht besser thäten sich einzuhalten, so bitte ich Sie inständigst mir es frei zu sagen und alsdann schiebe ich meine Ankunft nach Pawlowsk auch auf künftige Woche auf. Ich hoffe wahre Antwort, denn Sie müssen sich schonen. Adieu, antworten Sie mir sogleich. Gott erhalte Sie. Ich bin beständig Ihre wohl affectionnirte Maria.

Karl ist recht munter und wohl.

A Monsieur le général de Federici.

[Карандашомъ]: Da es schon geregnet hat und noch drohet zu regnen, so bitte ich Sie, mein guter General Federici, die Austheilung der Preise hier in der Gonzagenschen Galerie anzuordnen. Die Kühe, Kälber, Schafe können in dem grossen Hofe stehen, wo ich sie sehen werde.

* Подлинники писемъ Маріи Өеодоровны къ Е. К. Фридерици сохраняются у его сына, А. Е. Фридерици, и имъ весьма обязательно сообщены для помѣщенія въ этой книгѣ; здѣсь напечатаны лишь нѣкоторые, болѣе интересные изъ этихъ документовъ.

Moskau den 17-ten Mai 1826.

Was macht mein liebes Pawlowsk? Vergisst man mich da? Was machen Sie schönes, Sie guter schlichter Mann? Sprechen Sie mir, oder lieber schreiben Sie mir, wie es bei Ihnen geht. Blühen die Lilas? Ist der kleine Garten schön? Was machen die Rosen? Singen die Nachtigalen? Hat Pawlowsk viel Besuch, wer wohnt da, wer hat gemiethet? Wie sind meine Kinder spazieren gegangen? Was haben Sie gepflanzt? Haben Sie Bäume und Gesträuche auf der Börse gekauft? Ich fürchte dass der Platz für die Orangerie nicht gut gewählt ist, mein guter Federici. Denken Sie an mich, dass nachdem Wiesler sagen wird, dass sie keine Sonne hat und nicht gut ist. Sie sollten den alten Bode von Jelaghin consultiren, der ein so geschickter, erfahrener Gärtner ist. Die Kosten sind gross und Gott weiss ob ich noch künftiges Jahr lebe. Hatte ich nicht, guter Federici, Geld bestimmt für zwei Orangerien oder nur für eine? Es ist noch so früh im Jahre, das Sie mir noch schreiben können. Der Aufschub wird wenig sein. Grüssen Sie ganz Pawlowsk in meinem Namen, besonders Ihre Familie und den guten kleinen Karl. Adieu, mein guter Federici, leben Sie wohl und schreiben Sie viel von Pawlowsk. Der Plan kommt mit der Post zurück.

Beifolgendes Paket lässt Seine Majestät bitten auf den Tisch im Kabinet von Pawlowsk niederzulegen.

5-ten Juni 1826.

Guten Tag, mein guter Federici, wie befinden Sie sich und alle Ihrigen? Die Rosen sind ausserordentlich schön hier und im Ueberfluss. Ich habe Ihnen 200 Töpfe gekauft, aber für keinen andern Gärtner als für Pustinsky, denn er wird sie pflegen, wie es hier der Gebrauch ist, und wenn er die Sache verstehen wird, so wird er zukünftiges Jahr 200 neue erziehen, die wieder blühen werden. Albedyhl sagte, dass die Art sie zu behandeln und zu pflegen ganz anders wie bei uns ist. Wenn sie nicht wollen Pustinsky schicken, so suchen Sie einen andern aus, auf welchen man sich verlassen kann. Schiessen Sie die Kosten der Reise aus meiner Kasse vor; ich werde sie Ihnen wieder ersetzen. Adieu, die Hitze und die Dürre ist schrecklich, aber

XXXVI

Moskau und die Umgebungen göttlich, prächtig. Leben Sie wohl, Sie Alter. Gott weiss noch ob ich Sie im Juni wieder sehen werde. Ich warte auf Erläuterungen wegen der Abreise des Kaisers, die mich bestimmen werden was ich zu thun habe. Meinen Gruss an allen meinen Getreuen in Pawlowsk. Was machen meine Förster?

Moskau den 22-ten Juni 1826.

Mein lieber General von Federici, ich schicke Ihnen hiemit den Untermeister Pustinsky wieder zurück, nachdem er sich von der hierigen Rosenzucht hinlängliche Kenntniss erworben um selbige auch bei uns einzuführen. Ich habe mich bei seiner Ankunft herzlich gefreut Jemanden aus Pawlowsk zu sehen und als lebendigen Augenzeugen befragen zu können. Ich hoffe dass seine Reise von Nutzen für unsere Rosenzucht sein wird. Wie sehr ich bedaure diesen Sommer gar nicht mein Pawlowsk sehen zu können, werden Sie sich leicht denken. Ich bitte Sie deshalb mich um desto fleissiger und umständlicher von Allem zu benachrichtigen was da vorgeht. Leben Sie recht wohl und seien Sie von dem aufrichtigen Wohlwollen versichert mit welchem ich allezeit bin Ihre wohl affectionnirte

Maria.

Ich habe mich wirklich gefreut Pustinsky zu sehen und habe ihn recht umständlich ausgefragt; er sagt mir und ich höre es auch von andern dass Pawlowsk schöner wie niemals war. Dieses habe ich Ihrer Fürsorge zu danken, mein guter Federici. Ist der Leichenzug der seligen Kaiserin durch Lipitz gegangen? Sind die unsrigen verlangt worden wie zu dem von dem seligen Kaiser? Schreiben Sie es mir, mein guter Federici. Adieu, leben Sie wohl und seien Sie von meiner Erkenntlichkeit versichert. Ich grüsse den kleinen Karl.

Den 15-ten November 1826.

Mein guter Federici, wenn Sie wohl sind, so thun Sie mir den Gefallen und kommen Sie heute, oder spätestens morgen früh, nach der Stadt. Ich habe mich mit Ihnen zu besprechen wegen meines Aufenthaltes in Pawlowsk, wo ich gern ein Paar Tage nach dem 19-ten sein wollte. Es thut mir leid Ihnen diese Bemühung zu geben, aber

ich kenne Ihren Wunsch meinen Willen zu erfüllen. Adieu, Sie guter Alter, leben Sie wohl.

Maria.

Den 25-ten Aprił 1827.

Mein guter Federici, ich schicke Ihnen 110 Rosenstöcke, 100 Lilien und 100 Tuberosen, alles aus Moskau. Vertheilen Sie sie, wie Sie es für gut finden. Auch schicke ich Ihnen meine erzogenen Linden und recomandire Ihnen sehr die Eichen und die Mandelbäume wie in allem meine jungen Pflanzen. Adieu, das Wetter ist herrlich, also muss Pawlowsk schön sein. Ich grüsse Sie und bin Ihre wohl affectionnirte

Maria.

Den 21-ten Juli 1827.

Ich danke Ihnen tausendmal, mein guter Federici, für Ihre Glückwünsche und bin gerührt wie Sie meiner gedacht haben, obgleich Sie so sehr leidend sind. Ich danke Gott Sie auf dem Wege der Besserung zu wissen und bitte ich Sie sehr sich nicht viel zu beschäftigen und nur an Ihre Genesung zu denken. Pawlowsk ist so schön, dass ich es mit Mühe verlasse. Es thut mir so sehr leid, dass Sie nicht den Genuss haben es in seiner Schönheit zu sehen. Adieu, mein guter, braver Federici. Gott gebe, dass Ihre Besserung schnell erfolge. Rechnen Sie immer auf meine Dankbarkeit und dass ich stets sein werde Ihre wohl affectionnirte

Maria.

ЗАМѢТКИ ПОСѢТИТЕЛЕЙ ФЕРМЫ

1803—1828.

Quitté la ferme ce 15 Juin 1803.

Joseph.

Chère Maman! avec grand plaisir ces lignes Vous sont adressées en souvenir du déjeûner à la ferme le 30 Juin 1808, par Votre dévouée fille.

Marie.

Wer Freunde sucht ist sie zu finden werth,
Wer keine hat, hat keine noch begehrt.

A la Ferme, dimanche ce 28 de Mai 1809.

Pierre.

Was Schön'res find' ich nicht, so lang' ich wähle,
Als in der schönen Form die schöne Seele.

Pawlowsky, d. 13-ten Aug. 1809.

Georg Pr. von Holstein.

Quitté cette chère ferme le 13 Août, profondément pénétrée des bontés de Maman, que je supplie de penser à son enfant toutes les fois qu'elle viendra ici.

Catherine.

Quoique je n'aie pu aller moi-même à la chère ferme en prendre congé, daignez y faire porter ces lignes, afin qu'elles Vous retracent Votre enfant qui Vous est bien reconnaissante et part le coeur pénétré.

На оборотѣ рукою Императрицы Маріи Ѳеодоровны: «ce 27 Sept. 1810».

Que ce joli lieu rappelle toujours à Votre souvenir combien Votre enfant est heureuse chaque fois qu'elle s'y trouve.

Elisabeth.

Ce 26 Juin 1811.

C'est au moment de mon départ que ma plume trace pour la dernière fois ce que mon coeur a si vivement éprouvé près de Vous, Madame! une reconnaissance et un dévouement qui ne finira qu'avec ma vie.

Antoinette.

Ecrit à la ferme ce 30 Juin 1811.

Der wird sehr wenig Rosen brechen,
Wer fürchtet, dass die Dornen stechen!

C. P.

Wie schön, o Herr! ist Deine Welt gemacht,
Wenn sie Dein Licht umfliesst.
Ihr fehlt's an Engeln nur und nicht an Pracht,
Dass sie kein Himmel ist!

Doch glänzet sie der Tugend nur,
Der Unschuld ist sie schön.
Vergebens schmückt mit Reizen sich die Flur
Den Augen die nicht seh'n!

Carl Friedrich E. G. H.

Den 19 Mai 1816.

Souvenir de la promenade du $^{18}/_{30}$ Mai, veille de mon départ de Pavlovsky, où le voeu de mon coeur me rappelle.

Marie.

18 Mai, 1822.

C'est avec un vrai bonheur que je me retrouve à cette place auprès de Vous, ma chère Maman, et que je revois la ferme où j'ai passé tant de moments agréables.

Marie.

Ce 26 Mai 1825.

J'éprouve une bien douce jouissance de pouvoir tracer ces lignes, en pensant que c'est dans un des plus beaux moments de ma vie que je le fais, comblée des bontés de Grand-maman, des marques de tendresse de toute ma famille; je ne pourrai jamais songer à cette époque sans attendrissement; elle ne s'effacera pas de ma mémoire et sera toujours chère à mon coeur. En quittant la Russie j'éprouve des regrets véritables et un profond sentiment de reconnaissance pour tout ce qu'on a fait pour moi.

Ecrit à la Ferme le 29 Juillet, la veille de mon départ.

На оборотѣ рукою Императрицы Маріи Θеодоровны «de ma chère petite-fille Marie de Weimar».

Le souvenir de la charmante ferme de Pavlovsky sera bien certainement ineffaçablement tracé dans mon coeur, ainsi que celui des moments si chers, que j'y ai passés. Mon séjour en Russie m'en a fait tant éprouver, que je puis le nommer une époque heureuse de ma vie. Comblée des bontés de ma chère Grand-maman et de toute la famille, presque gâtée par celle des autres personnes, je serais ingrate si je ne l'exprimais ici. Tout mon souhait consiste à revoir ces lieux si chers à ma mémoire.

Pavlovsky 29 Juillet.

На оборотѣ рукою Императрицы Маріи Θеодоровны: «De ma chère petite-fille Auguste de Weimar».

Quand est-ce que je reverrai le soleil se coucher à ce cher Pavlovsky? Dieu veuille que cela soit l'été prochain, et qu'alors, dans des moments plus heureux pour moi, je puisse derechef, sans trouble, jouir des bontés de la meilleure et de la plus chérie des Mères.

Charles-Frédéric, Grand-Duc de Saxe.

A la ferme ce 20 Juin 1828.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ

1827 г.

Этотъ замѣчательный актъ, совмѣщающій въ себѣ черты высокаго ума, благодушія и дальновидной распорядительности Государыни Маріи Ѳеодоровны, былъ первоначально составленъ Императрицею въ 1797 году; затѣмъ, дополненъ и развитъ ею—въ Гатчинѣ 1-го ноября 1826 года. Послѣднія затѣмъ дополненія сдѣланы за одиннадцать мѣсяцевъ до кончины Императрицы, именно 27-го ноября 1827 года, въ С.-Петербургѣ. Весь актъ, написанный на французскомъ языкѣ, состоитъ изъ сорока трехъ статей и нѣсколькихъ приложеній. Помянутыя статьи посвящены преимущественно самымъ подробнымъ распоряженіямъ о поддержаніи и развитіи благотворительныхъ и учебныхъ учрежденій, заботамъ о которыхъ посвящена была вся жизнь Императрицы. Духовное завѣщаніе Государыни Маріи Ѳеодоровны весьма важный матеріалъ для ея жизнеописанія.

Здѣсь помѣщаются лишь тѣ статьи этого акта, которыя, въ цѣломъ или въ своихъ частяхъ, имѣютъ отношеніе къ предмету настоящей книги, т. е. къ очерку исторіи Павловска. Таковы статьи:

III. . . . un million cinq cent milles roubles sont placés à perpétuité pour l'entretien de Pavlovsk . . . .

VI. Je donne à mon fils, le Grand Duc Michel, le château de Pavlovsky avec ses villages, qui font quatre cent cinquante paysans, à perpétuité à lui et à ses descendants

mâles, en en faisant un fidéi-commis pour l'ainé de sa branche, de même que la somme d'un million cinq cent milles roubles, placés à perpétuité pour l'entretien de cette campagne. Si sa postérité mâle s'éteint, le bien et les capitaux retombent aux héritiers mâles de la branche cadette de son frère Nicolas et ainsi de suite en suivant l'ordre de succession naturelle. Dans le cas, qu'une de mes filles, par veuvage, veuille se fixer dans notre pays, elle aurait sa vie durante l'un des châteaux et jardins, qui se trouvent à Pavlovsky.

VII. Le Grand Duc Michel entrera après ma mort dans la possession de Pavlovsky, à condition que le château, les jardins, parcs, orangeries, hôpital, maison d'invalides, l'institution des invalides, nommés «собственные инвалиды» et autres établissements à y faire peut-être encore, qu'en un mot toutes les dépendances de cette jolie campagne,— soyent entretenues et soignées aussi bien et sur le même pied qu'elles le sont présentement. L'institution des «собственные инвалиды» n'admettant que les vétérans de la Garde, qui ont fait la guerre de 1812, s'éteindra lorsqu'il n'y en aura plus pour les compléter. Si la collection botanique peut être à charge au Grand Duc Michel, il n'en conservera que ce qui pourra lui faire plaisir et orner le jardin de fleurs, et le reste, il pourra le donner en mon nom au beau jardin des plantes à Pétersbourg. Je désire que l'établissement des invalides, désignés sous le nom de «Церковные», soit conservé sur le même pied qu'il se trouve établi. J'ai formé un capital, placé à perpétuité à la caisse des Enfants trouvés, dont les intérêts à 5 pour 100 servent à

l'entretien de cette institution et le sixième reste de règle au profit de la maison des Enfants trouvés.

VIII. Dès que le testament sera ouvert, il sera ordonné de faire un inventaire détaillé de mes deux châteaux et terres, tant des biens meubles qu'immeubles, pour être-donné à mes deux fils Nicolas et Michel. Aucun meuble ne saurait être distrait, ni donné, que ceux dont je fixerai l'emploi. Ceux, qui par la suite du temps seront gâtés ou endommagés, doivent être remplacés par l'usufruitier. Je recommande à mes deux fils de soigner le bonheur des individus, qui sont à mon service à ces deux campagnes, et d' avoir soin de leurs vieux jours. Je prie de même mes fils de donner toute leur attention au bonheur et à la prospérité de mes bons paysans, et de ne point augmenter leurs charges.

Въ статьѣ XXXV-й завѣщанія, Государыня, дѣлая распоряженія о наградахъ и вообще объ обезпеченіи положенія своихъ приближенныхъ камеръ-юнгферъ—замѣчаетъ:

. . . . comme elles affectionnent toutes Pavlovsky, je prie mon cher fils Michel de leur permettre d'y passer l'été, lorsqu'elles le désireront et de leur y accorder alors des logements. . . . . .

Въ слѣдующей XXXVI-й статьѣ, Императрица, между прочими распоряженіями, проситъ Императора Николая Павловича—въ особенности наградить—

. . . . quelques vieux serviteurs, employés ou officiers de maison à Pavlovsky, qui s'y trouvent depuis sa fondation . . . .

XXXVII. Ayant acheté des héritiers de mon défunt valet-de-chambre Bendersky, la maison qu'il avait à Pavlovsk, je la lègue, après ma mort, à son fils Constantin Bendersky, s'il désire la posséder; sinon, je souhaite qu'il lui soit donné la somme de six milles roubles, que j'en ai payée.

Въ XXXIX-й статьѣ Императрица, назначая пенсіи или единовременныя денежныя выдачи семействамъ лицъ, когда-либо при ней служившихъ, не забыла упомянуть о вдовѣ перваго директора Павловска—Юстинѣ Яковлевнѣ Кюхельбекеръ.

Наконецъ, въ статьѣ XL-й завѣщанія, между распоряженіями Государыни о ея различныхъ бумагахъ и письмахъ Императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича, значится слѣдующее:

— Les lettres de feue l'Impératrice Catherine doivent rester dans ma bibliothèque à Pavlovsk, excepté quelques lettres de l'année 1776, que je destine aux archives de Moscou . . . .

Подписано: «MARIE».

à Gatchina ce 1 Novembre 1826.
à St.-Pétersbourg ce 27 Novembre 1827.

Примѣчаніе. Приведя выдержки изъ духовнаго завѣщанія Императрицы, собственно тѣхъ статей, которыя имѣютъ отношеніе къ Павловску, замѣтимъ, что въ послѣдній разъ Марія Ѳеодоровна посѣтила любимѣйшую свою резиденцію—17-го сентября 1828 года. Спустя тридцать семь дней—именно 24-го октября того же года—Императрицы не стало. Неподвижныя стрѣлки на циферблатѣ башни лѣваго флигеля Большаго дворца въ Павловскѣ означаютъ время дня ея кончины—два часа.

ШТАНДАРТЫ И ЗНАМЕНА,

ХРАНЯЩІЕСЯ

ВЪ ПАВЛОВСКѢ, ВЪ ЦЕРКВИ СВ. МАРІИ МАГДАЛИНЫ.

I.

Штандартъ Лейбъ-эскадрона Кирасирскаго Наслѣдника [что нынѣ Л.-Гв. Кирасирскій Его Величества] полка съ 1778 по 1797 годъ.

Штандартъ 2-го эскадрона того же полка и времени.

Штандартъ 3-го эскадрона того же полка и времени.

Штандартъ 4-го эскадрона того же полка и времени.

Штандартъ 5-го эскадрона того же полка и времени.

Штандартъ 6-го эскадрона того же полка и времени.

Два знамя, изъ числа состоявшихъ, съ 1790 по 1796 годъ, въ баталіонахъ Московскаго Гренадерскаго полка, изъ которыхъ сформированъ Павловскій Гренадерскій [нынѣ Л.-Гв. Павловскій] полкъ.

Пятнадцать знаменъ драгунскихъ полковъ, построенныя по Высочайше утвержденному образцу 11-го ноября 1780 года; но какому именно полку принадлежавшія—неизвѣстно.

Три знамя баталіоновъ Гатчинскихъ войскъ, но какихъ именно—неизвѣстно.

Два знамя, изъ числа пожалованныхъ Лейбъ-Гренадерскому [что нынѣ Л.-Гв. Гренадерскій] полку, въ 1797 году.

Два знамя, изъ числа пожалованныхъ Астраханскому Гренадерскому [что потомъ Астраханскій Карабинерный] полку, въ 1798 году.

Два знамя, изъ числа пожалованныхъ бывшему Курскому полку въ 1798 году.

Знамя 4-го баталіона 2-й полубригады Туринской національной гвардіи, изъ числа взятыхъ Россійскими войсками, подъ предводительствомъ Фельдмаршала Суворова, въ 1799 году.

Знамя 1-го баталіона VII полубригады Батавскихъ войскъ, взятое Россійскими войсками, въ Голландіи, въ 1799 году.

Знамя 2-го баталіона VII полубригады Батавскихъ войскъ, взятое Россійскими войсками, въ Голландіи, въ 1799 году.

Десять кормовыхъ флаговъ судовъ Французской республики, изъ числа взятыхъ въ теченіе 1798 и 1799 годовъ, на Средиземномъ морѣ, соединеннымъ Россійско-Турецкимъ флотомъ, подъ начальствомъ Адмирала Ушакова.

Всего 45 знаменъ и штандартовъ.

II.

Пять штандартовъ, совершенно между собою одинаковые, кромѣ цифръ у нижняго края, означающихъ нумеръ эскадрона и показанныхъ: на одномъ штандартѣ—2, на другомъ—3, на третьемъ—4, на четвертомъ — 5, на пятомъ — 6. Вмѣстѣ съ сими штандартами хранится еще одинъ, имъ подобный, но съ бѣлымъ полотномъ, вмѣсто краснаго, съ Св. Георгіемъ на груди орла и съ цифрою 1, у нижняго края.

Документовъ, о томъ кому именно принадлежали эти штандарты, не отыскано, но, по нижеслѣдующимъ соображеніямъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что они состояли въ бывшемъ Кирасирскомъ Наслѣдника и Великаго Князя Павла Петровича [нынѣ Л.-Гв. Кирасирскій Его Величества] полку, съ 1778 по 11-е іюня 1797 года, когда,

вмѣсто ихъ, сей полкъ получилъ новые штандарты, предшествовавшіе нынѣшнимъ, Георгіевскимъ.

1. На основаніи табели мундирнымъ, амуничнымъ и оружейнымъ вещамъ кирасирскихъ полковъ, Высочайше конфирмованной 24-го апрѣля 1763 года, въ Кирасирскомъ Наслѣдника полку, по числу его эскадроновъ, полагались: 1 бѣлый и 4 цвѣтные штандарта, а съ 24-го октября 1775 года, по случаю прибавленія въ означенный полкъ еще одного, шестаго, эскадрона, прибавился въ оный и 1 цвѣтный штандартъ. Это число не измѣнялось, до самаго воцаренія Императора Павла I-го и, сообразно ему, въ Кирасирскомъ Наслѣдника полку состояли шесть штандартовъ: 1 бѣлый и 5 цвѣтныхъ, т. е. то самое число, какое имѣется въ Маріинской церкви.

2. Въ 1778 году, Кирасирскій Наслѣдника полкъ былъ расположенъ на непремѣнныя квартиры, не подалеку отъ Гатчины, въ селѣ Рожественѣ и, одинъ изъ всей кавалеріи, зачисленъ въ С.-Петербургскую дивизію, гдѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го мая 1763 года, штандарты полагались: во 2-мъ и слѣдующихъ эскадронахъ красные, съ зелеными углами и съ полковымъ гербомъ [т. е. гербомъ того города или губерніи, по имени котораго полкъ назывался] на груди орла, а въ 1-мъ эскадронѣ—бѣлый, съ зелеными же углами, и съ Св. Георгіемъ на груди орла.

3. Императоръ Павелъ I, будучи Великимъ Княземъ, наслѣдовалъ, послѣ Императора Петра III, титулъ Герцога Шлезвигъ-Голштинскаго и употреблялъ гербъ сего герцогства, соединенно съ гербомъ Россійской Имперіи. Кирасирскій Наслѣдника полкъ, съ 1778 года состоявшій въ непосредственномъ вѣдѣніи Наслѣдника, особаго, ему присвоеннаго, герба не имѣлъ, и потому весьма вѣроятно, что, вмѣсто его, на красныхъ штандартахъ былъ вышитъ гербъ, употреблявшійся Наслѣдникомъ. Въ старомъ С.-Петербургскомъ арсеналѣ находятся съ такимъ же гербомъ и въ томъ же 1778 году вылитыя двѣ однофунтовыя мѣдныя пушки,

принадлежавшія Императору Павлу I, въ бытность Его Величества Великимъ Княземъ.

По рисунку, утвержденному 11-го ноября 1780 года для знаменъ гренадерскихъ полковъ, имѣются два знамя. Вѣроятно, что они были изъ числа полученныхъ, въ 1790 году, Московскимъ Гренадерскимъ полкомъ, половина котораго, въ концѣ 1796 года, была вытребована въ г. Павловскъ и тамъ изъ нея сформированъ Павловскій Гренадерскій [что нынѣ Л.-Гв. Павловскій] полкъ.

Въ Маріинской церкви хранятся еще пятнадцать подобныхъ знаменъ, только съ узкою золотою бахрамою вокругъ полотна, и съ штандартными древками. На основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія 11-го ноября 1780 года, по такому образцу строились знамена въ драгунскіе полки, по десяти на каждый, съ тѣмъ наблюденіемъ, чтобы въ тѣхъ полкахъ, которые имѣли свой гербъ, оный былъ помѣщаемъ на груди орла, вмѣсто Св. Георгія.

Всѣхъ драгунскихъ полковъ въ Россійской арміи было 11, и изъ нихъ гербовъ не было только у двухъ: Таганрогскаго [потомъ Бѣлгородскій уланскій] и Кинбурнскаго [въ 1796 году расформированъ].

Два знамя, по всей вѣроятности, принадлежавшія которому либо изъ баталіоновъ бывшихъ Гатчинскихъ войскъ. Предположеніе сіе основывается на томъ, что знамена сіи построены по образцу, установленному Императоромъ Павломъ I, но ни въ царствованіе Его Величества, ни послѣ, положительно никакимъ войскамъ жалованы не были. Полотно ихъ есть не что иное, какъ обыкновенный россійскій кейзеръ-флагъ, употреблявшійся Императоромъ Павломъ I, еще въ бытность Наслѣдникомъ, по званію Генералъ-Адмирала, и, между прочимъ, изображавшійся на шапкахъ Гатчинскихъ гренадеръ.

Знамена царствованія Императора Павла I—отъ времени совершенно полинявшія и утратившія свои первоначальные цвѣта. По уцѣлѣвшимъ признакамъ цвѣтовъ и по отысканнымъ свѣдѣніямъ, знамена сіи были пожалованы полкамъ: Лейбъ-Гренадерскому въ

1797 г.; Астраханскому Гренадерскому [нынѣ Карабинерный] въ 1798 г. и бывшему Курскому пѣхотному полку, въ 1798 г.

III.

Кромѣ описанныхъ выше россійскихъ штандартовъ и знаменъ, въ Маріинской церкви имѣются еще нижеслѣдующіе, иностранные:

Одно знамя, краснаго цвѣта, съ надписью: «Liberta, virtu e vagliańza» [свобода, добродѣтель и храбрость] и «Guardia nationale di Torino» [Туринская національная гвардія] принадлежало 4-му баталіону 2-й полубригады Туринской національной гвардіи, въ маѣ 1799 года, при занятіи россійскими войсками города Турина, обезоруженной и распущенной, о чемъ Фельдмаршалъ Суворовъ доносилъ Императору Павлу Петровичу, 16-го мая 1799 года. Когда и гдѣ именно взято это знамя—свѣдѣній нѣтъ.

Два знамя, одинаковыя между собою, съ изображеніемъ руки, вооруженной мечомъ, и съ надписью: «Voor Vaderland en Vrijheid» [за отечество и свободу] принадлежали: одно—первому, другое—второму баталіонамъ VII-й полубригады Голландскихъ или, какъ они тогда назывались, Батавскихъ войскъ. Надобно полагать, что они были взяты во время экспедиціи соединенныхъ россійско-англійскихъ войскъ въ Голландію, и именно 16-го августа 1799 г., гдѣ русскій десантъ, съ эскадры вице-адмирала Тета, и англійскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Аберкромби, атаковали и разбили батавскія войска генерала Дендельса [Daendels], защищавшія Гельдерскія укрѣпленія. Впослѣдствіи русскіе хотя и сражались въ Голландіи, но уже собственно съ французскими войсками.

Десять кормовыхъ флаговъ Французской республики, вѣроятно взятыхъ въ теченіе 1798 и 1799 годовъ на Средиземномъ морѣ, соединеннымъ россійско-турецкимъ флотомъ, подъ начальствомъ адмирала Ушакова.

Примѣчаніе. Помѣщенныя здѣсь опись и записка о штандартахъ и знаменахъ составлены, по порученію Великаго Князя Михаила Павловича, адъютантомъ Его Высочества, полковникомъ Огаревымъ. Подлинникъ этихъ документовъ съ рисунками хранится въ Архивѣ Павловскаго Городоваго Правленія.

ДИРЕКТОРА И УПРАВЛЯЮЩІЕ ПАВЛОВСКОМЪ

1777—1877 гг.

1. Директоръ Карлъ Ивановичъ **Кюхельбекеръ**
съ 1780 по 1789 г.

2. Директоръ графъ Карлъ Петровичъ **Меллинъ**
съ 1789 по 1792 г.

3. Главноуправляющій статскій совѣтникъ Адольфъ Карловичъ **Роткирхъ**
съ 1792 по 1797 г.

4. Главноуправляющій статскій совѣтникъ Өедоръ Адамовичъ **фонъ-Штакельбергъ**
съ 1797 по 1799 г.

5. Главноуправляющій статскій совѣтникъ Владиміръ Астафьевичъ **Бриммеръ**
съ 1799 по 1803 г.

6. Директоръ статскій совѣтникъ князь Дмитрій Михайловичъ **Волконскій** *

с 1803 по 1810 г.

7. Директоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Ѳедоръ Карловичъ **Гревеницъ**

съ 1810 по 1817 г.

8. Директоръ генералъ-маіоръ Владиміръ Ивановичъ **Ребиндеръ**

съ 1817 по 1820 г.

9. Директоръ генералъ-отъ-инфантеріи Ермолай Карловичъ **Фридерици**

съ 1820 по 1840 г.

10. Главноуправляющій отставной генералъ-маіоръ Карлъ Антоновичъ **Криденеръ**

съ 1840 по 1849 г.

11. Управляющій статскій совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ **Свистуновъ**

съ 1849 по 1852 г.

Въ 1853 и 1854 годахъ особыхъ Управляющихъ не было, а управляло Павловскомъ Городовое Правленіе, подъ главнымъ завѣдываніемъ Гофмейстера **Сабурова.**

12. Управляющій Павловскимъ Городовымъ Правленіемъ статскій совѣтникъ Ѳемистоклъ Константиновичъ **Нейлисовъ**

съ 1855 по 1859 г.

---

* Штакельбергъ, Бриммеръ и кн. Волконскій управляли Павловскомъ, состоя въ подчиненіи Гофмаршала Степана Сергѣевича Ланскаго, который управлялъ Павловскомъ и Гатчиною съ 31-го августа 1801 г. по 13-е апрѣля 1810 г.

XXXVII

13. Управляющій городомъ Павловскомъ статскій совѣтникъ Константинъ Петровичъ **Чичеринъ**

съ 1857 по 1859 г.

14. Управляющій городомъ Павловскомъ и завѣдывающій мызою Стрѣльна статскій совѣтникъ Константинъ Петровичъ **Ротастъ**

съ 1860 по 1871 г.

15. Управляющій городомъ Павловскомъ и мызою Стрѣльна, Главноуправляющій Оріадною и Кавказскимъ имѣніемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, дѣйствительный статскій совѣтникъ Константинъ Петровичъ **Голенко**

съ 1872 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ОЧЕРКУ ИСТОРІИ И ОПИСАНІЮ ПАВЛОВСКА, 1777—1877 ГГ.»

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1879.

Собственноручныя замѣтки Его Императорскаго Величества Государя Императора къ книгѣ: «Очеркъ исторіи и описаніе Павловска, 1777—1877 гг.».

Государь Императоръ, по прочтеніи представленнаго Его Величеству Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ изданнаго Его Императорскимъ Высочествомъ, Владѣтелемъ Павловска,—историческаго описанія этого города, соизволилъ благосклонно выразить Его Высочеству полное удовольствіе и признательность за весьма интересное чтеніе, какое доставила Его Величеству помянутая книга.

При чтеніи этого историческаго труда, Государь Императоръ соизволилъ собственноручно написать, на поляхъ книги, нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ и поправокъ. По этимъ замѣткамъ въ послѣдующихъ изданіяхъ историческаго описанія Павловска будутъ сдѣланы соотвѣтственныя исправленія текста книги, въ настоящемъ же, первомъ изданіи этого труда, онѣ помѣщаются въ особомъ къ нему приложеніи, съ выпискою тѣхъ строкъ текста, къ которымъ замѣтки относятся:

*

Стр. 215. Весну и лѣто 1819 года Марія Өеодоровна провела за границею.

— «Марія Өеодоровна была за границею только въ 1818 году, съ сентября по декабрь, передъ самою кончиною Королевы Екатерины Павловны».

Стр. 218. Въ Павловскѣ нашъ разсѣянный баснописецъ И. А. Крыловъ насмѣшилъ Государыню, сѣвъ за столъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ, позабывъ снять съ пуговицъ бумажки, въ которыя онѣ были завернуты.

— «вѣроятно на мундирѣ, ибо форменнаго вицемундира тогда не существовало, а въ будни при Дворѣ были въ простыхъ фракахъ».

Стр. 218. . . . Утромъ Крыловъ послалъ В. П. Ушаковой, фрейлинѣ Императрицы *) (Маріи Өеодоровны, въ 1820—1822 гг.), словесное извѣщеніе о причинѣ своего отсутствія . . . .

— *) «Великой Княгини Александры Өеодоровны».

Стр. 219 . . . . . бывали спектакли артистовъ въ деревянномъ театрѣ; между прочими, здѣсь однажды играла знаменитая дѣвица Марсъ *) . . . .

— *) «не Марсъ, а M-lle Georges».

Стр. 224. Въ началѣ 1824 года семейный кругъ вдовствующей Императрицы увеличился еще одною невѣсткою: то была Принцесса Фредерика-Шарлотта-Маріанна Виртембергская, при мvропомазаніи, 1-го января 1824 года, нареченная Великою Княжною Еленою Павловною.

— «она прибыла въ Гатчино въ октябрѣ 1823 года».

Стр. 224. Весело провела въ Павловскѣ Августѣйшая фамилія лѣто 1824 года и въ сентябрѣ переселилась въ Петербургъ,

который черезъ два мѣсяца былъ постигнутъ страшнымъ наводненіемъ 7-го ноября.

— «мы оставались въ Гатчинѣ до ноября и переѣхали въ городъ дня за два до наводненія».

Стр. 225. Весну и часть лѣта 1825 года въ Павловскѣ гостила Великая Герцогиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна съ своею дочерью, Принцессою Августою.

— «Марія Павловна съ своими дочерьми, Принцессами Маріею и Августою, равно и Великая Княгиня Анна Павловна, обѣ прибыли въ Гатчино въ сентябрѣ 1824 г. и оставались до августа 1825 г.».

Стр. 228. Императоръ Александръ Павловичъ выѣхалъ изъ Царскаго Села по Бѣлорусскому тракту 22-го августа 1825 г.

— «31-го» августа 1825 г.

Стр. 229. Марія Θеодоровна выѣхала изъ Павловска въ половинѣ сентября 1825 г. *).

—*) «въ Гатчино».

Стр. 233. Послѣ коронаціи, 22-го августа 1826 г., и всѣхъ празднествъ, ее сопровождавшихъ, Марія Θеодоровна возвратилась въ Петербургъ въ половинѣ сентября.

— «въ концѣ сентября или же въ октябрѣ».

Стр. 233. Отрокъ, Великій Князь Александръ Николаевичъ, любимецъ Августѣйшей Бабки *), былъ ея частымъ спутникомъ въ прогулкахъ по садамъ Павловска [1827 и 1828 гг.].

— *) «провелъ у нее лѣто 1828 г., пока Императоръ Николай Павловичъ находился при арміи въ Турціи, а Императрица Александра Θеодоровна въ Одессѣ».

Стр. 233—234. Въ памяти мѣстныхъ жителей сохранился Царственный Отрокъ, въ формѣ офицера *) лейбъ-гвардіи гусар-

скаго полка, работавшій въ садикѣ близь Шале, прилежно занимавшійся саперными работами и весьма усердно занимавшійся науками подъ руководствомъ Василія Андреевича Жуковскаго.

— *) «въ курткѣ, схожей съ тогдашнимъ вицъ-мундиромъ офицеровъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка».

Стр. 398—399. Весною 1818-го года, изъ Москвы Великій Князь Александръ Николаевичъ былъ привезенъ въ Павловскъ и затѣмъ каждое лѣто гостилъ у своей Августѣйшей Бабки *). Здѣсь Его Величество, въ дѣтскіе годы, между занятіями науками, исполнялъ практическія задачи по фортификаціи, а также учился стрѣлять въ цѣль, на берегу Славянки, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ садъ дачи г. Юрьевича.

—*) «съ Родителями своими до 1825 года, а въ послѣдній разъ въ 1828 году съ сестрами Ольгою, Александрою и годовымъ братомъ Константиномъ, во время Турецкой войны 1828 года».

Стр. 403. Картина, изображающая Императора Павла I и все Августѣйшее его семейство въ саду подъ деревомъ; эта картина *) писана въ 1800 году Герардомъ Кюгельгеномъ—знаменитымъ въ свое время портретистомъ.

— *) «она окончена была послѣ смерти Императора Павла».

Стр. 487. Открытіе движенія [по желѣзной дорогѣ] на паровозахъ послѣдовало 3-го *) ноября 1836 года.

— *) «6-го ноября».

Замѣтка составителя «Очерка исторіи и описанія Павловска».

[Слова, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ Государю Императору].

Составитель «Очерка исторіи и описанія Павловска» не имѣлъ возможности провѣрить съ рукописнымъ камеръ-фуръерскимъ журналомъ, какъ съ источникомъ недоступнымъ, показанія авторовъ нѣкоторыхъ Записокъ и Воспоминаній, которыя, въ числѣ многихъ другихъ документовъ, послужили матеріалами при составленіи помянутаго труда, провѣрить именно съ камеръ-фуръерскими журналами, въ которыхъ, какъ можно полагать, находятся самыя точныя показанія о времени пріѣзда или отбытія Особъ Августѣйшей фамиліи.

Печатаніе Министерствомъ Императорскаго Двора камеръ-фуръерскихъ журналовъ, начатое въ 1851 г., остановилось на 1774 годѣ, т. е. на годѣ, не задолго до основанія города Павловска (1777 г.). Къ счастію, впрочемъ, для отечественной исторіи, это изданіе, настоятельно необходимое для различныхъ справокъ, возобновлено въ 1877 г. и будетъ продолжаемо по распоряженію того же Министерства; нынѣ изданъ 1775-й годъ и печатается журналъ 1776-го года.

Нынѣ, совершенно случайно, пріобрѣтя послѣ смерти ст. сов. Бориса Ѳедорова (коему одно время было поручено наблюденіе за изданіемъ этихъ журналовъ) выписку изъ неизданныхъ тетрадей камеръ-фуръерскихъ журна-

ловъ, составитель книги о Павловскѣ получилъ возможность вывѣрить тѣ факты въ книгѣ о Павловскѣ, на которые Его Императорское Величество обратилъ вниманіе, сдѣлавъ на поляхъ книги Собственноручныя замѣтки.

При сличеніи этомъ, если оказывается разница между замѣтками на поляхъ и показаніями камеръ-фурьерскаго журнала, то таковая столь незначительна, что нельзя не удивляться необыкновенно свѣтлой и весьма обширной памяти Его Императорскаго Величества о событіяхъ, отстоящихъ отъ нынѣшняго времени болѣе нежели на пятьдесятъ лѣтъ.

Государь Императоръ относитъ прибытіе въ Гатчино изъ Виртемберга Принцессы Шарлотты, нареченной невѣсты Великаго Князя Михаила Павловича—Елены Павловны, къ октябрю мѣсяцу 1823 года.

Въ камеръ-фуръерскомъ журналѣ день прибытія Великой Княгини Елены Павловны обозначенъ—30-го сентября 1823 года.

Государь Императоръ изволитъ указывать на сентябрь мѣсяцъ 1824 г.—какъ на время прибытія въ Гатчино Великой Княгини Маріи Павловны съ двумя дочерьми и Великой Княгини Анны Павловны, и на августъ мѣсяцъ 1825 года—какъ на время отбытія этихъ Особъ за границу.

Камеръ-фуръерскій журналъ показываетъ: «1824 года сентября 27-го, пріѣздъ въ Гатчино, изъ Голландіи, Великой Княгини Анны Павловны съ супругомъ и Его Королевскимъ Высочествомъ Принцемъ Оранскимъ». «1824-го года октября 24-го, пріѣздъ Великой Княгини

Маріи Павловны и супруга ея, съ двумя дочерьми изъ Саксенъ-Веймара».

Отъѣздъ этихъ Особъ показанъ въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ такъ:

«1825 г. іюля 25-го дня, Ея Высочество Великая Княгиня Анна Павловна съ супругомъ Принцемъ Оранскимъ отсутствіе имѣла въ свое владѣніе».

«1825 г. августа 1-го дня, отсутствіе имѣла Ея Высочество Марія Павловна съ супругомъ Принцемъ Веймарскимъ и дочерьми Маріею и Августиною—въ свое владѣніе, причемъ вдовствующая Императрица (Марія Ѳеодоровна) провожала Ихъ Высочества за Нарву и возвратиться изволила 6-го августа въ Павловскъ».

Его Императорское Величество изволитъ полагать, что 31-ое августа 1825 г. было днемъ отъѣзда Императора Александра Павловича въ Таганрогъ.

Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ читаемъ: «1825 года сентября 1-го: отсутствіе Его Величества Государя Александра Павловича къ путешествію по Россіи и въ Таганрогъ, а сентября 3-го Ея Величество Государыня Елисавета Алексѣевна изволила имѣть отъѣздъ въ городъ Таганрогъ».

Государь Императоръ изволитъ вспоминать, что возвращеніе Двора изъ Москвы воспослѣдовало въ 1826 году «въ концѣ сентября или-же въ октябрѣ».

Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1826 года, № 125, прибытіе Императора Николая Павловича изъ Москвы въ С.-Петербургъ показано: «15-го октября 1826 года, въ 11 часовъ утра *[это такъ, но послѣ остановки нѣсколькихъ дней*

въ Царскомъ-Селѣ]. Ихъ Величества прибыли прямо въ Казанскій Соборъ, гдѣ были встрѣчены митрополитомъ Серафимомъ *[и я былъ съ ними]*, отслужившимъ благодарственное молебствіе».

Государь Императоръ соизволилъ исправить опечатку относительно времени отъѣзда Императрицы Маріи Ѳеодоровны за границу. А именно, Государыня была за границею «съ сентября по декабрь 1818 г.», а не 1819 г. какъ показано въ книгѣ. Что это опечатка, относительно года, видно изъ того, что въ самой книгѣ о Павловскѣ, на стр. 509, помѣщена замѣтка Императрицы Маріи Ѳеодоровны подъ 1818-мъ годомъ о времени ея отъѣзда за границу. А именно, Государыня выѣхала 27-го августа 1818 г. и предполагала возвратиться въ Россію—21-го декабря того-же года.

Погрѣшность, исправленная нынѣ Его Величествомъ о томъ, что не артистка Марсъ, а M-lle Georges участвовала въ одномъ изъ спектаклей бывшихъ въ Павловскѣ, произошла отъ ошибочнаго показанія одного составителя «Воспоминаній», память которому въ этомъ случаѣ, однако, измѣнила. Нынѣ, въ дополненіе къ помянутой замѣткѣ, представляемъ здѣсь нѣсколько данныхъ о времени пребыванія M-lle Жоржъ въ Россіи.

«M-lle Georges, знаменитая трагическая актриса,— какъ замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ покойный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій *),—похищена

*) «Русскій Архивъ» 1874 г., книга II, стр. 139.

у Парижскаго театра и привезена въ Россію молодымъ тогда гвардейскимъ офицеромъ Бенкендорфомъ» *[онъ былъ флигель-адъютантомъ и состоялъ одно время при Посольствѣ нашемъ въ Парижѣ]*.

Первое появленіе M-lle Georges на русской сценѣ, какъ видно изъ одной рукописной театральной лѣтописи, относится къ 1808 году 15-го іюля: «M-lle Georges дебютировала въ роли Федры, въ трагедіи Расина. Второй ея дебютъ былъ въ роли Аменаиды, въ трагедіи «Танкредъ», соч. Вольтера. Бенефисъ M-lle Georges былъ 31-го августа 1808 г., шла «Семирамида». Въ 1809 году, M-lle Georges появилась, между прочимъ, 30-го іюня въ трагедіи «Иѳигенія въ Авлидѣ» (Клитемнестра); 27-го іюля въ трагедіи «Федра» и проч.

Изъ этой выписки можно, такимъ образомъ, опредѣлить время, къ которому относится въ высшей степени интересный разсказъ, не бывшій еще въ печати, о томъ какъ Императоръ Александръ I, отправляясь изъ Каменноостровскаго дворца на спектакль, въ которомъ играла M-lle Georges, оставилъ во дворцѣ дежурнаго въ тотъ день флигель-адъютанта Бенкендорфа, и какъ глубоко взволнованъ былъ этимъ молодой Бенкендорфъ, страстно влюбленный тогда въ M-lle Georges,—время это было или вторая половина іюля или августъ мѣсяцъ 1808 года.

Упомянувъ о M-lle Georges, нельзя не привести восторженнаго о ней отзыва одного изъ русскихъ ея современниковъ. Вотъ что пишетъ о ней извѣстный Вигель въ своихъ обширныхъ и интересныхъ Запискахъ:

«Трагедія французская въ Петербургѣ (въ 1808 г.) высоко вознеслась въ этомъ году прибытіемъ или, лучше сказать, бѣгствомъ изъ Парижа, казалось, самой Мельпо-

мены. Чтобы ни говорили новыя поколѣнія, какъ бы ни брезгали французы старѣвшимся искусствомъ дѣвицы Жоржъ, подобнаго ея не скоро они увидятъ. Голова ея могла служить моделью еще болѣе ваятелю, чѣмъ живописцу: въ ней видѣнъ былъ типъ прежней греческой женской красоты, которую находимъ мы только въ сохранившихся бюстахъ, на древнихъ медаляхъ и барельефахъ, и которой форма какъ будто разбита или потеряна. Самая толщина ея была пріятна въ настоящемъ, только страшила за нее въ будущемъ; замѣтно было, что ея развитіе современемъ много граціи отыметъ у ея стана и движеній. Болѣе всего въ ней очаровательнымъ казался мнѣ голосъ ея, нѣжный, чистый, внятный; она говорила стихи нараспѣвъ, и то, что восхищало въ ней, въ другой было бы противно. Въ игрѣ ея было не столько нѣжности, сколько жара; въ Герміонѣ, въ Роксанѣ, въ Клитемнестрѣ, вездѣ, гдѣ нужно было выразить благородный гнѣвъ или глубокое отчаяніе, была она неподражаема».

«Вмѣстѣ съ Жоржъ, бѣжалъ къ намъ первый парижскій танцоръ Дюперъ. О причинахъ ихъ бѣгства, о связи ихъ, о чьей-то ревности, о чьихъ-то преслѣдованіяхъ, о всѣхъ по сему случаю кулисныхъ интригахъ—мнѣ подробно тогда разсказывали, но, признаюсь, я ничего не припомню».

Не менѣе интересенъ отзывъ о M-lle Жоржъ другаго ея современника, также русскаго, и также восхищавшагося этою артисткою, но не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ.

«Я совершенно былъ очарованъ величествомъ красоты M-lle Жоржъ,—разсказываетъ Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій въ своихъ Запискахъ,—и не менѣе величе-

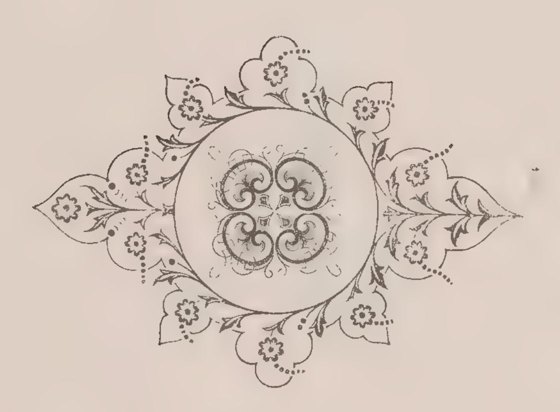
ственною игрою художницы въ роляхъ Семирамиды и Федры. Я до того времени никогда еще не видѣлъ олицетвореніе искусства въ подобномъ блескѣ и подобной величавости. Греческій, ваяльный, царственный обликъ ея и станъ поразили меня и волновали. Воспользовавшись объявленіемъ бенефиса ея, отправился я къ ней за билетомъ. Мнѣ, разумѣется, хотѣлось полюбоваться ею вблизи и познакомиться съ нею. Она жила на Тверской, у француженки мадамъ Шеню, которая содержала и отдавала комнаты въ наймы съ обѣдомъ, въ такое время, когда въ Москвѣ не имѣлось ни отелей, ни ресторановъ. Взобравшись на лѣстницу и прикоснувшись къ замку дверей, за которыми таился мой кумиръ, я чувствовалъ, какъ сердце мое прытче застукало и кровь сильнѣе закипѣла. Вхожу въ святилище и вижу предъ собою высокую женщину, въ зеленомъ, увядшемъ и нѣсколько засаленомъ капотѣ; рукава ея высоко засучены; въ рукѣ держитъ она не классическій Мельпоменовскій кинжалъ, а просто большой кухонный ножъ, которымъ скоблитъ она деревянный столъ. Это была моя Федра и моя Семирамида. Нисколько не смущаясь моимъ посѣщеніемъ врасплохъ и удивленіемъ, которое должно было выражать мое лицо, сказала она мнѣ: «Вотъ въ какомъ порядкѣ содержатся у васъ въ Москвѣ помѣщенія для пріѣзжихъ. Я сама должна заботиться о чистотѣ мебели своей». Тутъ, понимается, было мнѣ уже не до поэзіи, кухонный ножъ выскоблилъ ее съ сердца до чистѣйшей прозы».

Въ издаваемомъ въ то время Жуковскимъ «Вѣстникѣ Европы» Василій Андреевичъ печаталъ мастерскіе и превосходные свои отчеты о представленіи дѣвицы Жоржъ, какъ онъ называлъ ее.

«Вотъ кстати, или некстати,—замѣчаетъ кн. П. А. Вяземскій,—маленькая историческая сплетня. Во времяòно говорили, что при одномъ изъ первыхъ свиданій двухъ императоровъ, Александра Павловича и Наполеона I, была у нихъ, между прочимъ, рѣчь и объ артисткѣ дѣвицѣ Жоржъ».

Достойно вниманія, что знаменитая артистка Жоржъ, въ бытность свою въ Россіи, играла однажды въ русской пьесѣ, конечно, переведенной на французскій языкъ. А именно, кто-то перевелъ на французскій языкъ извѣстную и весьма гремѣвшую въ то время трагедію Озерова «Димитрій Донской», и вотъ, тогдашняя французская труппа разыгрывала ее на Маломъ театрѣ, 6-го іюня 1812 года, въ бенефисъ актера Дальмасо. Знаменитая трагическая актриса M-lle Жоржъ занимала роль Ксеніи....

Надо полагать, что подобный спектакль былъ очень любопытенъ и по времени, и по исполненію [«Русская Старина», историческое изданіе, 1877 г., томъ XIX, стр. 598].



Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ИСТОЧНИКИ КЪ ИСТОРІИ И ОПИСАНІЮ ПАВЛОВСКА

1777—1877.

I. Источники рукописные.

Дѣла Архива Павловскаго Городоваго Правленія, съ 1779-го по 1828-й годъ.

Письма Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны къ директору Павловска Кюхельбекеру, 1781—1789 гг. [Три тома, въ листъ, принадлежатъ Библіотекѣ Большаго дворца въ Павловскѣ].

Письма и донесенія Карла Ивановича Кюхельбекера, перваго директора Павловска, къ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 1781—1789 гг. [Письма эти переплетены вмѣстѣ съ предъидущими и принадлежатъ Библіотекѣ дворца въ Павловскѣ].

Повелѣнія Великаго Князя Павла Петровича относительно устройства хозяйства въ Гатчинѣ. [Книга подлинныхъ распоряженій Цесаревича, 1785—1795 гг., въ Гатчинскомъ Дворцовомъ Правленіи.—Нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій даютъ понятіе объ общемъ характерѣ хозяйственныхъ распоряженій и относительно Павловска, напр. о сбереженіи лѣсовъ, строительныхъ матеріаловъ, объ экономій въ расходахъ и т. п.].

Описаніе дворца въ Павловскѣ въ 1795 г.—составленное на французскомъ языкѣ и собственноручно Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною написанное — шесть страницъ, въ листъ, сохраняется въ Библіотекѣ дворца въ Павловскѣ.

Письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ историіографу Н. М. Карамзину. Сообщ. В. Н. Карамзинъ.

Собраніе подлинныхъ повелѣній и рѣшеній, по дѣламъ до Павловска относящимся—Императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея преемниковъ—Августѣйшихъ Владѣтелей Павловска, съ 1797-го по 1877-й годъ. [Архивъ Павловскаго Городоваго Правленія].

Духовное завѣщаніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 1826—1827 гг. [Копія въ Архивѣ Павловскаго Городоваго Правленія].

Собраніе подлинныхъ топографическихъ плановъ селенія и затѣмъ города Павловска и всѣхъ принадлежащихъ къ нему земель, съ 1779-го по 1840-й годъ—хранящіеся въ Архивѣ Павловскаго Городоваго Правленія.

Атласъ раскрашенныхъ видовъ и планъ города Павловска, исполненъ Кушелевымъ въ 1799-мъ году. [Весьма интересный и хорошо исполненный атласъ, принадлежитъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и находится въ кабинетѣ Его Высочества въ Большомъ дворцѣ въ Павловскѣ].

Топографическое описаніе города Павловска съ принадлежащими къ нему землями, состоявшими по смежностямъ, въ 1794-мъ году утвержденнымъ. [Рукопись—въ 4-ю долю листа, 12 страницъ, находится въ Библіотекѣ дворца въ Павловскѣ].

Topographische Beschreibung der Stadt Pawlowsk, insonderheit der daselbst befindlichen Kaiserlichen Gaerten nebst deren Gegenstaenden, der Natur und Kunst abgefaszt, von Carl Iohann Feuereisen, verabschiedeten Russisch-Kaiserlichen Forstmeister, Mitglied der naturforschenden Gesellschaft in Halle, und der Gartenkunst erfahrener Gaertner. Geschrieben im Jahr 1808. Gedruckt in St-Petersburg, 1809. [Рукопись въ 4 д. л., 209 стр., находится въ Библіотекѣ дворца въ Павловскѣ].

Письма графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина къ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ по поводу отсылки въ 1789 году Павловскаго морскаго баталіона въ Финляндію, въ сухопутную армію, для дѣйствій противъ шведовъ. [Въ отдѣлѣ рукописей дворцовой Библіотеки въ Павловскѣ].

Кантата 1789 года. [Хранится въ Павловской дворцовой Библіотекѣ].

Les adieux des Nymphes de Pawlowsky. Intermide, représenté dans le petit jardin de Son Altesse Imperiale Madame la Grande Duchesse le

19 d'Août 1795, въ мал. 8 д. л. 8 стр. [Рукопись находится въ Библіотекѣ Большаго дворца въ Павловскѣ].

Пѣсня—«Улица, улица моя!» Хоръ: «Какая фурія изъ ада» и друг. пѣсни и стихотворенія. [Рукописные листки въ отдѣлѣ манускриптовъ дворцовой Библіотеки въ Павловскѣ].

Замѣтки Григорія Ивановича Кушелева, 1788—1816 гг.

Выписки и замѣтки о времени прибытія и пребыванія въ Павловскѣ Императора Павла Петровича въ 1797—1801 гг. Сообщ. Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій.

St.-Petersburg während der vier ersten Jahre der glorreichen Regierung S. K. M. Paul des Ersten, von Heinrich Reimers [подносный экземпляръ]. Составлено въ 1801 г., въ 4-ю д., см. стр. 178, 179—182. [Отдѣлъ рукописей дворцовой Библіотеки въ Павловскѣ]. Сочиненіе это издано въ 1805-мъ году подъ заглавіемъ: «St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts». Vols. 1—2. St.-Petersburg, 8°.

Разсказъ Г. Θ. Гогеля, бывшаго камеръ-пажа Высочайшаго Двора въ 1823—1824 гг. о пребываніи Императрицы Маріи Θеодоровны въ городѣ Павловскѣ.

Жизнь и царствованіе Императора Николая Павловича. Соч. Графа М. А. Корфа. Рукопись, томъ I. [Рукопись эта была сообщена покойнымъ Графомъ Корфомъ и отсюда заимствованъ отзывъ о Княгинѣ Ш. К. Ливенъ].

Замѣтки Г. И. Кузминскаго о праздникѣ въ Павловскѣ, 1814 г.

Замѣтки о Павловскѣ 1808 г. Рукопись на нѣмецкомъ языкѣ доктора Ритмейстера, 1808 г., въ листъ. Сообщ. О. В. Ритмейстеръ, дочь покойнаго доктора.

При описаніи дворцовъ и садовыхъ зданій въ Павловскѣ, за время съ 1778 по 1796 гг., приняты также въ соображеніе виды этихъ зданій, нарисованные по сторонамъ плановъ Павловска, исполнен-

ныхъ въ тѣ годы и хранящихся въ Архивѣ Павловскаго Городоваго Правленія. Также:

Картины и рисунки, изображающіе виды Павловска въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтій, исполненные С. Щедринымъ [1780—1799 гг.], Филипсономъ, Мартыновымъ [1799 г.], Веригиною и др. Находятся въ обоихъ дворцахъ и въ домикѣ, называемомъ Крикъ, въ Павловскѣ.

Рисунокъ: Мальтійскій праздникъ въ Павловскѣ, сожженіе костровъ 23 іюня 1799 г. Сообщ. Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій.

«Каталоги мастерскихъ, оригинальныхъ картинъ, копій, портретовъ, произведеній трудовъ Императорской Фамиліи, мозаиковъ, рисунковъ и эстамповъ, находящихся во дворцахъ, церквахъ и другихъ помѣщеніяхъ, принадлежащихъ дворцовому вѣдомству города Павловска. Составлены по волѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, и въ 1848 году вновь пересмотрѣнные, исправленные и дополненные Императорской Академіи Художествъ Конференцъ - Секретаремъ Василіемъ Григоровичемъ». Рукопись, in-folio, 710 стр. [Принадлежитъ Павловску].

О порядкѣ примѣненія къ имѣніямъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1861 г. Положеній о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. [Дѣло Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, 1861 г. № 21].

Объ учрежденіи Магнитной и Метеорологической Обсерваторіи въ городѣ Павловскѣ, дѣло Государственнаго Совѣта, 1875 года.

Путешествіе Императора Павла Петровича изъ Павловска въ Казань и обратно въ 1798 г. Журналъ путешествія, веденный Григоріемъ Кушелевымъ. Рукопись принадлежитъ Библіотекѣ во дворцѣ въ Павловскѣ, [см. къ стр. 108-й этой книги].

II. Источники печатные.

О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ. Изслѣдованіе Неволина. См. въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», томъ VIII, приложеніе I-ое, стр. 34.

Журналъ или поденная записка Петра Великаго. Спб. Изд. 1770 г., см. стр. 38 и 39.

Первое Полное Собраніе Законовъ, Томъ XX, № 14,958. Томъ XXIV № 17,540 [о переименованіи с. Павловскаго въ городъ]; № 17,578 [о подчиненіи Павловска Сенату]; №№ 17,822; 17,983 [объ учрежд. Город. Правл.]; 17,988 [о Ѳедоров. посадѣ] и 18,039. Томъ XXV № 18,488 [о крѣпости Маріенталь]. Томъ XXXI №№ 24,538 [упраздненіе Ратуши] и 24,678 [объ упраздненіи въ г. Павловскѣ крѣпости].

Историческіе матеріалы Библіотеки дворца въ Павловскѣ, напечатанные съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», томы IX и XV и въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. т. VIII и изд. 1874 г., т. IX, X и XI. Матеріалы напечатанные въ «Русской Старинѣ» изданы, кромѣ того, въ небольшомъ числѣ, отдѣльными оттисками подъ общимъ заглавіемъ: «Библіотека дворца въ Павловскѣ» два тома, Спб. 1874 и 1875 гг. въ большую 8-ю д., томъ I, стр. 250 и томъ II, стр. 404.

Указы, повелѣнія и резолюціи Императора Павла I. Напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1870, томъ I, стр. 30—33, томъ II, стр. 515—522. Изд. 1871, томъ III, стр. 618—640. Изд. 1872, томъ V, стр. 235—256. Изд. 1873 г., томъ VII, стр. 477—490, 622—634; томъ VIII, стр. 959—974. [Здѣсь дѣлается указаніе на эти документы потому, что весьма многіе изъ нихъ написаны или подписаны и вообще состоялись въ Павловскѣ, а потому по нимъ можно судить о дѣятельности Августѣйшаго Основателя этого города въ бытность Его Величества въ любимѣйшей изъ его резиденцій].

Пять писемъ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны къ первому директору Павловска, К. И. Кюхельбекеру, 1782 — 1789 года.

Напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г., томъ I, изд. третье, стр. 429—434; [тутъ же біографическія свѣдѣнія о Карлѣ Ивановичѣ Кюхельбекерѣ]. Эти письма собщены «Русской Старинѣ» внукою К. И. Кюхельбекера, Александрою Григорьевною Глинкою, чрезъ посредство Ю. В. Косовой, въ подлинникахъ, и не находятся въ общемъ собраніи переписки Великой Княгини Маріи Өеодоровны съ К. И. Кюхельбекеромъ, принадлежащемъ Павловской Дворцовой Библіотекѣ.

Письмо Императрицы Маріи Өеодоровны къ Сергѣю Ивановичу Плещееву, 26-го марта 1801 г. См. «Русскій Архивъ», 1869 г., столбецъ 1951.

Письмо Императрицы Маріи Өеодоровны къ графу С. Р. Воронцову, отъ 19-го января 1803 года, о пожарѣ Большаго дворца въ Павловскѣ. Напечатано въ «Архивѣ Князя Воронцова», книга X. Москва, изд. 1876 г., см. стр. 454—455.

Письма Императрицы Маріи Өеодоровны къ П. П. Коновницыну, 1814—1815 гг., напечатаны въ «Русской Старинѣ», 1870 г., третье изданіе, томъ I, стр. 436—446.

Дневникъ А. В. Храповицкаго. Спб., 1874. См. стр. 284.

Записки полковника Михаила Гарновскаго. Въ «Русской Старинѣ», изданіе 1876 года, томъ XVI.

Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Томъ первый. Берлинъ. 1870 г., см. стр. 40—41.

Записки Саблукова въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года, тетрадь XI, см. стр. 1923—1925 и 1949—1950. [Разсказывая, въ 1847 году, о пребываніи Императрицы Маріи Өеодоровны въ Павловскѣ въ 1801 году, Саблуковъ ошибочно упоминаетъ о Розовомъ Павильонѣ и о нѣкоторыхъ памятникахъ, сооруженныхъ уже послѣ 1801-го года, именно въ 1806, также въ 1810-мъ и позднѣйшихъ годахъ].

Письма кн. М. П. Долгорукова къ его сестрѣ Еленѣ Петровнѣ Толстой [1774 † 1823] въ изд. «Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 1010—1012. Князь служилъ въ кавалергардскомъ полку, шефомъ котораго былъ его братъ кн. Владиміръ Петровичъ Долгоруковъ [1773 † 1817].

Записки генералъ-адъютанта графа Комаровскаго. «Русскій Архивъ» изд. 1868 г., см. стр. 226—228.

Хроника недавней старины. Изъ Архива Князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. Изд. подъ редакціею Князя Д. А. Оболенскаго. Спб. 1876 г., см. стр. 195, 208—211, 236, 250, 251, 287—289.

Историческій Журналъ, изд. Невзорова, 1814 г. Спб., ч. II, стр. 233—236: «Торжество въ Павловскѣ, 17-го іюня 1814 г., по случаю мира».

Information à mon chef, ou éclaircissement convenable du decorateur théatral à St.-Petersbourg. 1807. 1 vol. 8°. 132 p.p. [Здѣсь помѣщена, на стр. 1—27, автобіографія художника-декоратора Гонзаго, которому Павловскій паркъ, а также садовыя зданія и дворцы обязаны многими художественными украшеніями].

Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. изд. 1866 г.

Хронологическое начертаніе дѣяній Императрицы Маріи Ѳеодоровны, составилъ Григорій Вилламовъ. Спб. Изд. 1828 г. [брошюра отпечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ].

Воспоминанія объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ,—Александра Григорьевича Вилламова [сынъ статсъ-секретаря]. См. «Вѣстникъ Благотворительности», 1870 года, №№ 1, 2 и 4; см. въ № 1-мъ: стр. 7—20 и въ № 2 стр. 1—15.

Разсказъ А. И. Меллера, перваго ученика Училища Глухонѣмыхъ—см. «Русскій Архивъ», изд. 1872 г., стр. 1010—1012.

Воспоминанія Ив. Ив. Мартынова, напеч. въ «Памятникахъ новой Русской Исторіи». Спб. изд. 1872 г., томъ II, см. во II-мъ отдѣлѣ, стр. 179—182.

Воспоминаніе о праздникѣ въ Павловскѣ въ 1816 году. Изъ Записокъ П. А. Каратыгина, «Русская Старина» изд. 1877 г. томъ XIX.

Воспоминанія Д. К. Тарасова, напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 года, Томъ VI стр. 100—102, 139 и друг. Томъ V, стр. 363 и слѣд.

Воспоминанія перваго камеръ-пажа Великой Княгини [Императрицы] Александры Ѳеодоровны,—П. М. Дарагана, 1817—1819 гг. См. «Русская Старина» изд. 1875 г. Т. XII, стр. 769—796, и т. XIII.

Письма Евгенія Болховитинова къ В. И. Македонцу, въ «Русскомъ Архивѣ», изд. 1870 г., №№ 4 и 5, см. стр. 821, 824 и 826.

Историческіе матеріалы XVIII-го вѣка, напечатанные въ «Вѣстникѣ Европы», 1867 г., книга I, стр. 297—330.

Mémoires de la baronne Oberkirch. Edit. 1853. T. I, p.p. 311—312. Tome II, chap. XXIX p. 205.

Воспоминанія А. Г. Хомутовой, въ «Русскомъ Архивѣ», изд. 1867 г., столбцы 1058—1065.

A. Storch: «Briefe über den Garten zu Pawlowsk, geschrieben im Jahre 1802. St-Ptbg. S. 62—63.

Эта-же маленькая брошюра издана на французск. языкѣ въ 1809 г.:

Lettres sur Pavlofsky château appartenant à S. M. I. l'Impératrice Mère. Paris. 1809, in 8°. Edition Firmin Didot.

Письма Андрея Ивановича Шторха о Павловскѣ, изданныя на нѣмецкомъ, были переведены на французскій языкъ, какъ гласитъ преданіе отчасти съ цѣлью вдохновить извѣстнаго въ свое время поэта Делилля [Delille]; автора стихотворенія: «Сады» [Les Jardins], переведеннаго на русскій языкъ А. Ѳ. Воейковымъ и многихъ другихъ, нынѣ забытыхъ, произведеній. Делилль однако не взялся описывать роскошный Павловскій паркъ, ссылаясь на то, что самое названіе: «Pavlovsk, Pavlovsky» никакъ не укладывается во французскій стихъ.

Собраніе видовъ Павловска, гравированныхъ Ческимъ, Ухтомскимъ, Академикомъ Галактіоновымъ въ 1798—1810 гг. съ картинъ Семена Щедрина и др.—Находится въ домикѣ Крикъ, въ Павловскомъ паркѣ.

Словарь Географическій Россійскаго Государства, составилъ Аѳанасій Щекатовъ. Москва, въ 4 д. л., изд. 1805 г. Томъ IV, стр. 986—988.

Шесть видовъ Павловска, срисованныхъ съ натуры В. Ж. [Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ], оконченныхъ и выгравированныхъ Кларою въ Дерптѣ. Спб. 1824 г., въ 4 д. Виды эти слѣдующіе: Ворота въ паркъ, Храмъ Аполлона, Семейная Роща,— Ферма, Розовый Павильонъ и домъ Е. И. Нелидовой.

«Александрова, увеселительный садъ Его И. Высочества Благовѣрнаго Государя и Великаго Князя Александра Павловича». Печатано въ Харьковѣ, изд. второе, 1810 г., въ б. листъ, стр. 21. Авторъ этого описанія—въ стихахъ—С. Джунковскій.

[Первое изд. брошюры было въ 1793 г., въ Спб.; на французскомъ языкѣ вышло въ Вѣнѣ въ 1804 г.; второе изд. на русскомъ языкѣ въ Харьковѣ. Соч. посвящено Екатеринѣ II. Русскія изданія этой рѣдкой брошюры украшены четырьмя гравированными [aqua-tinta] видами, исполненными художникомъ И. Галактіоновымъ. Содержаніе гравюръ слѣдующее: на фронтисписѣ изображенъ графъ Н. И. Салтыковъ; повѣсивъ свои ленты и ордена на вѣтви дуба, онъ пашетъ плугомъ, въ который впряжены два вола; вдали видѣнъ храмъ «Розы безъ шиповъ»; змѣй удаляется съ пути пахаря, подпись: «Officium Hominis»; вторая гравюра: «видъ дома и грота въ саду Великаго Князя Александра Павловича»; третья—«видъ храма Цереры въ саду Великаго Князя Александра Павловича»; четвертая—«видъ храма посвященнаго Фелицѣ, гдѣ растетъ Роза безъ шиповъ, въ саду Великаго Князя Александра Павловича».—Часть этого послѣдняго рисунка, именно видъ Храма, воспроизведенъ въ виньеткѣ въ «Очеркѣ исторіи Павловска», см. выше на стр. 82-й].

Описаніе Михайловскаго замка, статья Августа Коцебу. «Русскій Архивъ», 1870 г. №№ 4 и 5. [Здѣсь перечисляются многіе предметы, какъ-то: статуи, картины, мебель перевезенные впослѣдствіи, въ 1801—1802 гг., въ Павловскъ].

Царскосельскій лѣтописецъ, составленный Ильей Яковкинымъ, по бумагамъ Царскосельской конторы. «Отечественныя Записки» 1827 года. Часть XXX, см. стр. 424, 435, и часть XXXI, стр. 315, 318 и 319.

Исторія Села Царскаго, въ трехъ частяхъ, составленная И. Яковкинымъ, изъ дѣлъ архива правленія дворцоваго Села Царскаго. Спб., въ 8-ю д., изд. 1829—1831 гг.

Описаніе Села Царскаго или спутникъ обозрѣвающимъ оное. Состав. И. Яковкинъ, Спб. 1830 г., въ 8-ю д.

Путеводитель по саду и городу Павловску, составленный П. Шторхомъ. Изд. литографіи И. Селезнева. Спб. 1843 г. въ 16 д. л.

Городскія поселенія въ Россійской Имперіи. Спб. 1864 г., изд. Министерства Внутр. Дѣлъ. Томъ VII, см. стр. 605.

Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ, описано академикомъ Людольфомъ Стефани. Спб. 1872 г., въ 8 д. л. Изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. 128 стр., два рисунка. [Это же описаніе напечатано въ Запискахъ, на нѣмецкомъ языкѣ, Императорской Академіи Наукъ, 1872 г., т. XVIII, № 4, стр. 1—72].

Географическо-статистическій Словарь Россійской Имперіи. Изд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1873 г. Томъ IV, см. стр. 7.

Schnitzler: La jeunesse de l'Impératrice Marie Feodorowna jusqu'à son mariage. Colmar, 1864, in-8°. 42 p.

«Описаніе добродѣтельной жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны»—составлено Николаемъ Данилевскимъ. Москва, 1829 г., въ 8° д. л., см. стр. 14.

Жизнь Императрицы Маріи Ѳеодоровны. М. 1829 г., двѣ части, въ 8 д. л., см. ч. I, стр. 19, 26, 45 и 59.

Императрица Марія Ѳеодоровна въ богоугодныхъ ея заведеніяхъ, съ нѣмецкаго перевелъ Евгеній Ганъ. Спб. 1832 г., въ 8 д. л., см. стр. 55.

Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, Empereur de Russie, par Paul Lacroix. Paris, 1866. Tome premier.

Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Н. Устрялова, Спб., 1863 г. Томъ IV, часть I, см. стр. 192—193. Часть II, см. стр. 246—247. №№ 144, 145 и 146.

Указаніе на принадлежность мызы «Славянка» гр. М. Л. Воронцову въ 1743 г. см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, см. стр. 32.

Свѣдѣнія о Гатчинской артиллеріи, т. е. объ артиллеріи В. К. Павла Петровича, статья В. Ө. Ратча. Спб. Изд. 1851 года, см. стр. 17.

Бѣловѣжская пуща. Очеркъ, напеч. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», изд. 1876 года, кн. XI, см. стр. 110 [о зубрахъ].

Сочиненія Г. Р. Державина, изд. подъ ред. и съ примѣчаніями Академика Я. К. Грота. Томъ III, изд. 1866 г., см. стр. 214.

Сочиненія Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Спб., изд. 1850 г., см. стр. 88—92.

Нелединскій-Мелецкій описанію Павловска посвятилъ, въ 1805 г., длинную оду,—состоящую почти изъ сотни стиховъ. Вотъ строки, обращенныя поэтомъ къ Августѣйшей Основательницѣ Павловска:

Страну сію Ты оживила,
Дала ей ново бытіе.
Пустыню, дебри превратила
Въ прелестно—райско житіе.
Очаровательны вкругъ виды;
Сады явились тамъ Армиды,
Гдѣ былъ непроходимый боръ;
Гдѣ эхо лишь стенало томно, и т. д.

Тому же Нелединскому принадлежитъ стихотвореніе: «Въ Павловской Фермѣ, 1810 года».

Письма Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, 1814 г. См. въ «Русскомъ Архивѣ», изд. 1863 г., столбц. 877; изд. 1866 г., столбцы 886, 888—889.

Стихотворенія Н. И. Гнѣдича., Спб. Изд. 1832 г. См. стр. 104.

Посланіе И. А. Крылова къ В. П. Ушаковой. См. «Русская Старина», третье изд., 1870 года. Томъ I, стр. 567—568.

Жизнь и сочиненія И. А. Крылова. Очеркъ П. А. Плетнева. Спб. 1859 г. см. стр. 82.

Изъ этой книги приводимъ еще черту характеризующую И. А. Крылова какъ гостя Августѣйшей Владѣтельницы Павловска:

— Крыловъ являясь къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Павловскъ, никогда не забывалъ любимаго Императрицею стариннаго обыкновенія, чтобы мужчины пудрились. Часто, принимая поэта, Государыня встрѣчала его слѣдующею шуткою:

— «Вы, можетъ быть, пріѣхали и не совсѣмъ для меня; но это [показывая на его пудреную голову] я ужъ беру прямо на свой счетъ». [Жизнь И. А. Крылова, очеркъ П. А. Плетнева. Спб. 1859 г., стр. 82].

Стихотворенія В. А. Жуковскаго. Изд. шестое, Спб. 1869 г. Томъ I, стр. 269—272. Томъ II, стр. 31—38 и 509—511.]

О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Очеркъ П. А. Плетнева. Спб. 1853 г.; см. стр. 31—39, 40 и слѣд.

М. К. Цеймернъ. Статьи его къ вопросу о введеніи въ Россіи ипотеки.—О юридическомъ описаніи недвижимостей.—Спб. 1874 г. [Отсюда заимствованы нѣкоторыя свѣдѣнія къ стр. 323—324].

С.-Петербургскія Вѣдомости, изд. Академіи Наукъ, 1797—1814 гг.

Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ начальнику Парижскаго училища глухонѣмыхъ аббату Сикару, 1808 г. См. «Русскій Архивъ» изд. 1877 г. тетрадь вторая, стр. 147.

Изъ записокъ Ипполита Оже: страница о праздникѣ въ Павловскѣ въ 1814 г., см. «Русскій Архивъ» изд. 1877 г., тетрадь вторая, стр. 244.

Исторія Кавалергардскаго полка. Спб., въ большой листъ. [См. описаніе торжества 23 іюня 1799 г. въ Павловскѣ. Супервестъ, въ которомъ были одѣты нѣкоторые участники церемоніи, означаетъ камзолъ безъ рукавовъ, съ вышитымъ на груди гербомъ; супервестъ надѣвался сверхъ мундира].

Отчеты Герстнера о построеніи Царскосельской желѣзной дороги. Брошюры: 1) 26 іюля 1836 г., въ 4 д., стр. 22.—2) 27 сентября 1836 г., въ 4 д., стр. 20.—3) 7 февраля 1837 г., въ 4-ю д. 22 стр.;—4) брошюра напечатанная въ Лейпцигѣ въ мартѣ 1838 г., въ 4-ю д., 35 стр., подъ заглавіемъ: «Bericht über den Stand der Unternehmung der Eisenbahn von St.-Petersburg nach Zarskoe Selo und Pavlovsk».

Журналы общаго собранія Общества Царскосельской желѣзной дороги,—16 апр. 1839 г.;—15 янв. 1844 г.;—1845 г. и нѣкоторыхъ послѣдующихъ годовъ.

Досуги Крымскаго судьи или второе путешествіе въ Тавриду Павла Сумарокова. Спб. Въ 4-ю д. листа. Изд. 1803—1805 гг., часть I, стр. 9—10 [замѣтка о Павловскѣ]; часть II, стр. 90 [упоминаніе о видѣнныхъ авторомъ въ Павловскѣ большихъ каменьяхъ, доставленныхъ изъ Кафы съ Генуэзскими надписями].

Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ седьмой. Изд. 1868 г., въ 4-ю д. л. стр. 274—282, статья В. Юргевича: «Новыя Генуэзскія надписи» [переводъ надписей, находящихся на камняхъ изъ Кафы, нынѣ принадлежащихъ Музею во дворцѣ въ г. Павловскѣ]. Къ статьѣ приложена таблица съ очертаніями шести помянутыхъ камней.

Въ дополненіе или вѣрнѣе къ разъясненію этой статьи необходимо указать на перечень Генуэзскихъ Консуловъ города Кафы, съ 1260 по 1475 гг., въ III томѣ «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи», стр. 542—555,—сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ и на его-же: «Исторію Генуэзскихъ поселеній въ Крыму», изд. 1837 г.

Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ. Спб. Изд. 1855 г. томъ III, стр. 617—635: точный переводъ и разборъ покойнаго профессора Каземъ-бека турецкихъ надписей на мраморныхъ плитахъ, находящихся въ передней комнатѣ дворцоваго Музея въ г. Павловскѣ. [Снимокъ съ этихъ надписей имѣется въ Азіятскомъ Музеѣ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ].

Портреты Императора Павла Петровича, Императрицы Маріи Θеодоровны и Силуэты [1790-го года] Августѣйшихъ дѣтей,— геліографическіе снимки съ гравюръ Клаубера [1798 и 1801 г.] и Веклера [1805 г.], исполнены художникомъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ въ С.-Петербургѣ.

Рисунки памятниковъ и зданій въ Павловскѣ исполнены съ натуры художниками К. О. Брожемъ [ему же принадлежитъ портретъ Великаго Князя Михаила Павловича] и В. С. Шпакомъ.—Рисунки виньетокъ—К. О. Брожа, но бóльшинство ихъ исполнены художникомъ И. С. Пановымъ.

Портретъ В. К. Михаила Павловича и всѣ безъ исключенія рисунки и виньеты въ этомъ изданіи—гравировалъ на деревѣ граверъ Его Императорскаго Величества Академикъ Лаврентій Аксеновичъ Сѣряковъ.

Рисунки приложенные къ книгѣ, два портрета и силуэты напечатаны въ Типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

Вся книга съ рисунками и виньетами въ текстѣ, а также портретъ Великаго Князя Михаила Павловича, напечатаны въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Планъ Павловска, по исправленіи и дополненіи его Штабсъ-Капитаномъ Корпуса Топографовъ М. М. Сидоровымъ, хромолитогравированъ при Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ Главнаго Штаба въ 1876—1877 гг.

29 іюня 1877 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПАВЛОВСКА.

1777—1796.

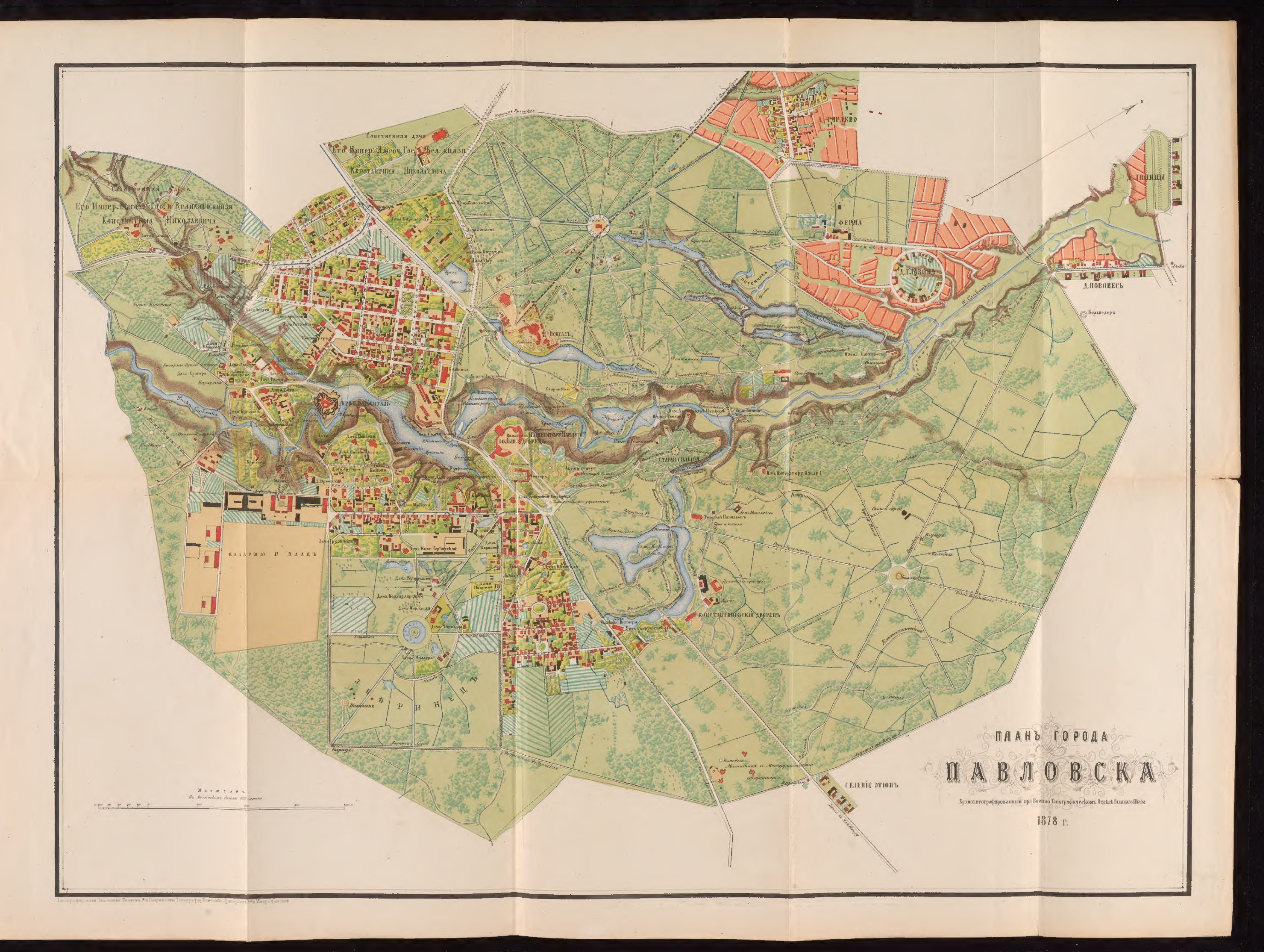
1796—1801.

1801—1828.

ОПИСАНІЕ ПАВЛОВСКА.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПОРТРЕТЫ и РИСУНКИ.


ПЛАНЪ ГОРОДА
ПАВЛОВСКА
Хромолитографированный при Военно Топографическомъ Отдѣлѣ Главнаго Штаба
1878 г.
СЕЛЕНІЕ ЭТЮПЪ
КАЗАРМЫ И ПЛАЦЪ
ЗВѢРИНЕЦЪ
КОНСТАНТИНОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ
ФЕРМА
Д. НОВОВЕСЬ
ЛИНИЦЫ
Д. ТЯРЛЕВО
ВОКЗАЛЪ
Бельведеръ